

248.1
Проверено 1964 г.
Крив.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПбГУ

54482

1716

СІБІРЬ

С 176 Г 7

№ 8713

1716

1716

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 5.

МАЙ.

1899.

В

18276 ч. 1

Типографія Правительствующаго Сената.
1899.

КЪРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВО

КЪРНАЛЪ

1874
2/2

О Г Л А В Л Е Н І Е .

1. Законодательство.	
А. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства	1
Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго	30
2. Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ по гражданскому вѣдомству	34
3. Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи	46
4. Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи	57
5. Два циркуляра Министерства Юстиціи по Управленію Межевою Частью	58
6. Открытіе новыхъ судебныхъ установленій въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ	73
7. Ковалевскій, П. И. Юриспруденція и судебная психопатологія	1
8. Винаверъ, М. М. Дареніе и завѣщаніе	25
9. Фельдштейнъ, Г. С. О необходимой оборонѣ и ея отношеніи къ такъ называемому „правомѣрному самоуправству“	57
10. Дубровинъ, Ѳ. П. О размѣрахъ допустимости аналогіи при примѣненіи уголовного закона	107
11. Коркуновъ, Н. М. Два проекта преобразованія Сената второй половины царствованія Императрицы Екатерины II (1788 и 1794 годовъ)	139
12. Хроника:	
I. Преданіе суду въ мировыхъ установленіяхъ. <i>А. Бутовскаго</i>	172
II. Какой именно актъ слѣдуетъ считать крѣпостнымъ по закону 26 октября 1884 года, изданному для Батумскаго округа и Карсеской области? <i>А. Пипинова</i>	187
III. Къ вопросу о примѣненіи ст. 528 Уст. гражд. суд. <i>Н. Архангельскаго</i>	194

IV. Новыя данныя о нищенствѣ въ Россіи. <i>М.</i>	
<i>С—на</i>	199
V. Дѣло Колесниковыхъ	221
VI. Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ	255
13. Опредѣленія Соединеннаго Присутствія 1 и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената за 1898 г. по надзору за судебными установленіями	276
14. Письма изъ Англіи. XIV. <i>Боденъ</i>	286
15. Изъ иностранныхъ журналовъ	302
Видоизмѣненія ненаказуемости.—Судебное устройство во Франціи (The French Judicial System)— <i>Е. Т.</i>	
16. Литературное обозрѣніе	316
1) Сочиненія К. Д. Кавелина. Собраніе сочиненій К. Д. Ка- велина. Томъ первый—монографіи по русской исторіи съ біо- графическимъ очеркомъ проф. Д. А. Корсакова; томъ вто- рой—публицистика съ вступительной статьей В. Д. Спасовича; томъ третій—наука, философія и литература съ вступительной статьей А. О. Кони.— <i>С. Гоеля.</i> 2) Д. Дриль, Ссылка во Франціи и Россіи. 3) Е. М. Баранцевичъ, Конокрадство и мѣры противъ него въ Россіи. Судебно-бытовой и статистическій очеркъ.— <i>С.</i> 4) Памятная книжка Константиновскаго межеваго ин- ститута за 1897—98 годъ. 5) Вѣдомство учреждений Императри- цы Маріи. Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоя- щихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Ве- личествъ покровительствомъ, за 1896 годъ.— <i>И. Гофштеттера.</i> 6) Отчетъ Воронежскаго окружнаго суда за 1897 годъ.— <i>Г.</i> 7) Спи- сокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.	
17. Въ дополненіе къ проекту статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произ- веденія	357
18. Международный союзъ криминалистовъ. Русская группа	365
Протоколъ засѣданія комитета группы 7 мая 1899 г.	
19. Извѣщеніе	369
20. Объявленія	I—III и I—XVI

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Отчетъ по Благотворительному обществу судебного вѣдом- ства	1—151 и 1—31
--	--------------

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1899. № 34, III, 19; № 35, III, 23; № 36, III, 26; № 37, III, 30; № 38, IV, 1; № 39, IV, 2; № 40, IV, 6; № 41, IV, 8; № 42, IV, 9; № 43, IV, 13; № 44, IV, 16; № 45, IV, 20; № 46, IV, 23; № 47, IV, 27; 48, IV, 29; № 49, IV, 30.

І. Высочайше утвержденное, 15 февраля 1899 г., мнѣніе Государственнаго Совета о распространении законоположений 12 іюля 1889 года о преобразованіи крестьянскихъ и судебныхъ учреждений на Никольскій, Велико-Устюжскій, Сольвычегодскій, Усть-Сысольскій и Яренскій уѣзды, Вологодской губернии (№ 48, ст. 664).

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ, Государственной Экономіи и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи: 1) о распространении законоположений 12 іюля 1889 года на Никольскій, Велико-Устюжскій, Сольвычегодскій, Усть-Сысольскій и Яренскій уѣзды, Вологодской губернии, и 2) о кредитахъ, потребныхъ на содержаніе въ сихъ уѣздахъ судебныхъ установленій, образуемыхъ на основаніи означенныхъ законоположеній, *мнѣніемъ положила:*

І. Законоположенія 12 іюля 1889 г. о преобразованіи мѣстныхъ
Жур. Мин. Юст. Май 1899.

крестьянскихъ учреждений и судебной части въ Имперіи и о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и мировыхъ судебныхъ учреждений (Трет. Полн. Собр. Зак., № 6196), съ дополнительными къ нимъ узаконеніями, распространить, съ 1 іюля 1899 г., на уѣзды Велико-Устюжскій, Никольскій, Сольвычегодскій, Яренскій и Усть-Сысольскій, Вологодской губерніи, съ соблюденіемъ слѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) Предсѣдатели уѣздныхъ сѣздовъ и земскіе начальники назначаются порядкомъ, установленнымъ для губерній и уѣздовъ, въ коихъ не производятся дворянскіе выборы (Пол. Зем. Нач., ст. 16 и 78).

2) Обязанности, возложенныя правилами о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ (Пол. Зем. Нач., прил. къ ст. 1, прим. 2) на временные уѣздные и губернскіе комитеты, исполняются губернскимъ присутствіемъ.

3) Земскимъ начальникамъ полагается на разъѣзды и канцелярскіе расходы по 1.200 р. въ годъ каждому.

II. Проекты росписаній: а) числа земскихъ участковъ въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ, Вологодской губерніи, б) числа городскихъ судовъ въ сихъ уѣздахъ и в) поселеній, не входящихъ въ составъ земскихъ участковъ въ названныхъ уѣздахъ, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утверженію.

III. Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній, постановить слѣдующія правила относительно производства судебныхъ дѣлъ въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ уѣздными членами Вологодскаго окружнаго суда и симъ послѣднимъ, въ качествѣ мирового сѣзда:

1) Прошенія, жалобы и всякаго рода бумаги по дѣламъ, подсуднымъ уѣзднымъ членамъ окружнаго суда, могутъ быть пересылаемы по почтѣ.

2) Сроки на обжалованіе рѣшеній, приговоровъ и опредѣленій по симъ дѣламъ (ст. 1) не считаются пропущенными, если до истеченія ихъ жалоба была сдана въ подлежащее установленіе, для отправленія по почтѣ.

3) Свидѣтели могутъ просить о допросѣ ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства, если они живутъ на разстояніи далѣе *двухсотъ* верстъ отъ того мѣста, куда они вызываются.

4) Къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей относится

жительство ихъ въ разстояніи далѣе *двухсотъ* верстъ отъ того мѣста, куда они вызываются.

5) Полицейскія и административныя власти, сообщивъ подлежащему уѣздному члену окружнаго суда о тѣхъ обнаруженныхъ ими, въ кругѣ ихъ дѣйствія, преступленіяхъ и проступкахъ, которые подлежатъ преслѣдованію безъ жалобы частныхъ лицъ, не обязаны ни лично являться къ разбирательству возбужденныхъ ими дѣлъ, ни присылать вмѣсто себя повѣренныхъ, если сами не признаютъ этого нужнымъ или если не послѣдуетъ особаго о томъ требованія со стороны уѣзднаго члена окружнаго суда.

6) По гражданскимъ дѣламъ лицъ, проживающихъ въ Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ уѣздахъ, окружной судъ въ качествѣ мирового съѣзда, обязанъ, за установленную въ ст. 201 Устава Гражданскаго Судопроизводства плату, выдать или выслать участвующему въ дѣлѣ лицу, по мѣсту его жительства, копию рѣшенія по дѣлу не позднѣе семи дней со времени заявленія о томъ просьбы, а если просьба о томъ заявлена до рѣшенія дѣла, то въ семидневный срокъ со дня постановленія рѣшенія.

7) Въ случаѣ заявленія просьбы, указанной въ предшедшей (6) статьѣ, началомъ срока на обжалованіе рѣшеній окружнаго суда, постановленныхъ имъ въ качествѣ мирового съѣзда, считается время врученія жалобщику копии рѣшенія, при чемъ къ этому сроку причисляется поверстный.

8) По уголовнымъ дѣламъ лицъ, проживающихъ въ Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ уѣздахъ, неприбытіе сторонъ къ разбирательству дѣла въ окружномъ судѣ, въ качествѣ мирового съѣзда, не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла, за исключеніемъ лишь того случая, когда по обвиненію въ преступномъ дѣяніи, за которое въ законѣ полагается заключеніе въ тюрьмѣ, судъ признаетъ присутствіе обвиняемаго необходимымъ.

9) Копіи съ приговоровъ окружнаго суда, постановленныхъ имъ, въ качествѣ мирового съѣзда, по упомянутымъ въ предшедшей (8) статьѣ дѣламъ, препровождаются отсутствующимъ обвиняемымъ при повѣсткахъ, при чемъ началомъ срока на обжалованіе сихъ приговоровъ считается тотъ день, въ который приговоръ сдѣлался извѣстнымъ лицу, принесшему жалобу.

IV. Правила, изложенныя въ статьяхъ 3—9 предшедшаго (III) отдѣла, распространить на судебныя дѣла, производящіяся въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ, Вологодской губерніи, у земскимъ участковыхъ на-

чальниковъ и городскихъ судей и въ уѣздныхъ сѣздахъ, по принадлежности.

V. Примѣчаніе къ ст. 2 Положенія о Нотаріальной Части (Свод. Заб. т. XVI, ч. I, изд. 1892 г.) изложить такъ:

„Въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ, Вологодской губерніи, въ тѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, посадахъ и селеніяхъ, гдѣ нѣтъ нотариусовъ, исполненіе всѣхъ лежащихъ на нихъ, по закону, обязанностей предоставляется городскимъ судьямъ, а въ уѣздныхъ городахъ, включенныхъ въ составъ земскихъ участковъ, уѣзднымъ членамъ окружнаго суда“.

VI. Образовать, съ 1 іюля 1899 г., три новыхъ добавочныхъ оклада жалованья членамъ окружныхъ судовъ округа Московской судебной палаты, по 500 р. каждому.

VII. Упразднить, съ 1 іюля 1899 г., должности чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, а равно сѣзды по крестьянскимъ дѣламъ въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ, Вологодской губерніи.

VIII. На покрытіе расходовъ, вызываемыхъ мѣрами, предусмотрѣнными въ отдѣлахъ I, II и VI, отпустить изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1900 г., по *сто двадцать шесть тысячъ семьсотъ пятьдесятъ* рублей, въ томъ числѣ: а) на содержаніе личнаго состава пяти уѣздныхъ сѣздовъ—17.500 р.; б) на канцелярскіе и хозяйственные расходы уѣздныхъ сѣздовъ—9.000 р.; в) на усиленіе канцелярскихъ и хозяйственныхъ средствъ губернскихъ присутствій—1.000 р.; г) на содержаніе двадцати шести земскихъ начальниковъ—72.800 р.; д) на выдачу суточныхъ денегъ кандидатамъ къ земскимъ начальникамъ во время командировокъ для завѣдыванія земскими участками—500 р.; е) на содержаніе пяти уѣздныхъ членовъ окружнаго суда—16.500 р.; ж) на содержаніе трехъ городскихъ судей—6.600 р.; з) на усиленіе канцелярскихъ средствъ городскихъ судей—1.350 р.; и) на образованіе трехъ добавочныхъ окладовъ жалованья членамъ окружныхъ судовъ—1.500 р.; въ текущемъ же 1899 г. отпустить изъ того же источника на изъясненную надобность *шестьдесятъ три тысячи триста семьдесятъ пять* рублей.

IX. На покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ распространеніемъ законоположеній 12 іюля 1889 г. на уѣзды Велико-Устюжскій, Никольскій, Сольвычегодскій, Яренскій и Усть-Сысольскій, Вологодской губерніи, отпустить въ 1899 г. изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе: Министра Внутреннихъ Дѣлъ—*четыре тысячи руб-*

лей и Министра Юстиціи—*четыре тысячи пятьсотъ семьдесятъ пять* рублей.

Х. На производство заштатнаго содержанія чинамъ канцелярій трехъ мировыхъ съѣздовъ въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ, должности коихъ упраздняются, отпустить изъ государственнаго казначейства въ 1899 г. и въ 1900 г. по *триста семьдесятъ пять* рублей.

Подлинное мѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и Членами.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

15 февраля 1899 года.

Росписаніе

ЧИСЛА ЗЕМСКИХЪ УЧАСТКОВЪ ВЪ СВѢРО-ВОСТОЧНЫХЪ УѢЗДАХЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Уѣзды.	Число участковъ
Велико-Устюжскій	5
Никольскій	8
Сольвычегодскій	5
Яренскій	3
Усть-Сысольскій	5
Всего	26

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *МИХАИЛЬ*.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ.

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

15 февраля 1899 года.

Росписаніе

поселеній, не входящихъ въ составъ земскихъ участковъ въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ, вологодской губернии.

Уѣздные города Великій-Устюгъ, Никольскъ и Усть-Сысольскъ и сверхъ того въ уѣздахъ:

Велико-Устюжскомъ: Дымговская слобода,

Никольскомъ: прилегающія къ г. Никольску 18 селеній.

Усть-Сысольскомъ: всеъ приписанныя къ г. Усть-Сысольску слободы.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *МИХАИЛЬ*.

II. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. I, ч. 2. Учр. Сенат. № 35, ст. 425. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи положенія о сенатской типографіи и штата оной (мн. Гос. Сов., V; пол.; шт.).

Т. I, ч. 2. Учр. Орден. № 39, ст. 535. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества попеченія о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, и основаннаго имъ приюта Цесаревны Маріи (уст., ст. 104).

Т. II. Общ. Учр. Губ. № 36, ст. 460. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи полицейскаго надзора въ районахъ промышленныхъ заведеній (III, V, VI). № 36, ст. 462. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1895 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ (VIII). № 38, ст. 526. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи штата Минскаго городского полицейскаго управленія (III).

Т. II. Пол. Зем. Учр. № 48, ст. 663. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи числа гласныхъ Камышинскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Т. II. Пол. Туркест. № 48, ст. 662. Мн. Гос. Сов. О добавочныхъ расходахъ изъ земской смѣты Туркестанскаго края на медицинскую часть.

Т. II. Учр. Сибир. № 49, ст. 690. Мн. Гос. Сов. О продленіи срока дѣйствія ст. 344 Учрежденія Сибирскаго.

Т. III. Уст. Служб. Прав. № 35, ст. 425. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи положенія о сенатской типографіи и штата оной (шт., прим. 3). № 39, ст. 535. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества попеченія о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, и основаннаго имъ приюта Цесаревны Маріи (уст., ст. 99, 100, 103). № 43, ст. 598. Мн. Гос. Сов. О присвоеніи служащимъ въ С.-Петербургской городской, въ память С. П. Боткина, больницѣ правъ государственной службы. № 49, ст. 688. Мн. Гос. Сов. О присвоеніи служащимъ въ русско-татарскомъ училищѣ въ предмѣстьѣ города Елисаветполя Багманларѣ служебныхъ правъ и преимуществъ.

Т. III. Уст. Пенс. № 36, ст. 462. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1895 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расхо-

довъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ (I). № 36, ст. 476. Выс. пов. О производствѣ лицамъ духовнаго сана, выслужившимъ пенсію за духовно-учебную службу изъ специальныхъ синодальныхъ средствъ и засимъ поступившимъ на епархіальную службу, съ жалованьемъ изъ казны, пенсіи полностью безъ зачета въ оную казеннаго жалованья. № 36, ст. 477. Выс. пов. О распространеніи на штатныхъ законоучителей женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, преподающихъ уроки Закона Божія въ сихъ училищахъ, установленныхъ по Высочайшему повелѣнію 25 іюля 1894 г. пенсіонныхъ окладовъ для преподавателей мужскихъ духовно-учебныхъ заведеній. № 39, ст. 535. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества попеченія о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, и основаннаго имъ приюта Цесаревны Маріи (уст., ст. 99—102). № 46, ст. 642. Пол. Опек. Сов. О пенсіонныхъ правахъ лицъ, начавшихъ службу по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи въ нижнеслужительскомъ званіи.

Т. III. Пол. Особ. Прейм. Служб. № 36, ст. 462. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1895 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ (II). № 49, ст. 687. Мн. Гос. Сов. О присвоеніи служащимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Приамурскаго края полоторныхъ окладовъ содержанія (I).

Т. IV. Уст. Воин. Пов. № 39, ст. 535. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества попеченія о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, и основаннаго имъ приюта Цесаревны Маріи (уст., ст. 94). № 49, ст. 692. Пол. Ком. Мин. О включеніи въ списокъ должностямъ, освобождающимъ отъ призыва въ войска портовыхъ стражниковъ, старшинъ и чиновъ команды портовыхъ катеровъ.

Т. IV. Уст. Зем. Пов. № 36, ст. 460. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи полицейскаго надзора въ районахъ промышленныхъ заведеній (VI). № 36, ст. 461. Мн. Гос. Сов. О выдачѣ земскимъ учрежденіямъ ссудъ на улучшеніе дорожной части. № 36, ст. 462. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1895 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ (III—X).

Т. V. Пол. Кварт. Налог. № 35, ст. 422. Мн. Гос. Сов. О представленіи льготы въ платежѣ государственнаго квартирнаго налога

медицинскимъ чинамъ и ветеринарнымъ врачамъ корпуса пограничной стражи.

Т. V. Уст. Пошлин. № 36, ст. 462. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1895 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ (XI).

Т. V. Уст. Алк. Сбор. № 42 ст. 576. Пол. Ком. Мин. О про-
дленіи на три года дѣйствія временныхъ правилъ для приготовления въ Амурской и Приморской областяхъ манзовскаго пива и японскаго напитка „саке“.

Т. VI. Уст. Тамож. № 37, ст. 500. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи штата управленія округовъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи (II, III, VI; шт.). № 46, ст. 646. Выс. пов. О воспрещеніи ввоза персидскихъ крановъ въ предѣлы Имперіи.

Т. VI. Общ. Тамож. Тариф. № 42, ст. 574. Мн. Гос. Сов. О беспошлинномъ привозѣ дерева квебрахо.

Т. VII. Уст. Горн. № 35, ст. 443. Выс. пов. Объ измѣненіи ст. 533 Уст. Горн., изд. 1893 г.

Т. IX. Особ. Прил. Зак. Сост. III¹. Пол. Зем. Начальн. № 48, ст. 664. Мн. Гос. Сов. О распространеніи законоположеній 12 іюля 1889 года о преобразованіи крестьянскихъ и судебныхъ учреждений на Никольскій, Велико-Устюжскій, Сольвычегодскій, Усть-Сысольскій и Яренскій уѣзды, Вологодской губерніи (I)¹).

Т. X, ч. 1. Зак. Гражд. № 42, ст. 588. Выс. пов. О предоставленіи выморочныхъ городскихъ недвижимостей потомственныхъ дворянъ, обращааемыхъ въ собственность городовъ, въ пользу дворянскихъ обществъ и поступающихъ въ казну выморочныхъ движимыхъ имуществъ въ предѣлахъ городовъ въ пользу сихъ послѣднихъ.

Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ послѣдовавшія въ Государственномъ Совѣтѣ разныя мнѣнія по вопросу о предоставленіи выморочныхъ городскихъ недвижимостей потомственныхъ дворянъ, обращааемыхъ въ собственность городовъ, въ пользу дворянскихъ обществъ и поступающихъ въ казну выморочныхъ движимыхъ имуществъ въ предѣлахъ городовъ въ пользу сихъ послѣднихъ, въ 28 день декабря 1898 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:
I. „Недвижимыя имущества въ предѣлахъ города и отведенныхъ

¹) См. выше I.

ему земель, остающіяся выморочными послѣ потомственныхъ дворянъ какъ записанныхъ, такъ и не записанныхъ въ дворянскія родословныя книги, обращаются,—за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ статьяхъ 1168—1169², 1172⁵, 1174, 1178, 1179 и 1181 Законовъ Гражданскихъ (Свод. Зак., т. X ч. 1, изд. 1887 г., и по прод. 1895 г.), а также въ другихъ узаконеніяхъ,—въ собственность дворянства той губерніи, въ предѣлахъ которой имущества сіи находятся, если относительно назначенія оныхъ не послѣдуетъ особой Высочайшей воли.

II. „Движимыя имущества, остающіяся выморочными послѣ лицъ, записанныхъ въ городское состояніе (Свод. Зак., т. IX, изд. 1876 г., и по продолженіямъ 1890—1893 г.г., ст. 494, 518—527, 529 и 532—535), обращаются во всѣхъ случаяхъ,—кромѣ указанныхъ въ статьяхъ 1168—1172, 1174 и 1176—1180 Законовъ Гражданскихъ (Свод. Зак., т. X ч. 1, изд. 1887 г., и по прод. 1895 г.), а также въ другихъ узаконеніяхъ,—въ собственность того города, къ одному изъ сословій котораго умершій былъ приписанъ, если относительно назначенія этихъ имуществъ не послѣдуетъ особой Высочайшей воли“.

№ 45, ст. 626. Выс. пов. Объ исключеніи Ораніенбаумскаго имѣнія изъ числа дворцовыхъ имуществъ.

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед. № 42, ст. 577. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи Министерству Народнаго Просвѣщенія права измѣнять объемъ учебнаго курса и таблицу недѣльныхъ уроковъ въ Астраханскомъ армянскомъ Атабовскомъ уѣздномъ училищѣ.

Т. XI, ч. 2. Уст. Кред. № 40, ст. 554. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи правилъ торговыхъ публикацій земельныхъ банковъ.

Т. XI, ч. 2. Уст. Торг. № 35, ст. 426. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи устава С.-Петербургской биржи.

Т. XI, ч. 2. Уст. Пром. № 36, ст. 460. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи полицейскаго надзора въ районахъ промышленныхъ заведеній (VI).

Т. XIV. Уст. Ссылн. № 43, ст. 604. Пол. Ком. Сибир. жел. дор. О привлеченіи арестантовъ и ссыльныхъ разныхъ категорій на работы по устройству грунтовой дороги отъ города Хабаровска до станціи Михайло-Семеновской.

Т. XVI, ч. 1. Учр. Суд. Уст. № 36, ст. 462. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1895 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ (III).

Т. XVI, ч. 1. Уст. Гражд. Суд. № 36, ст. 462. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ Высочайше утвер-

жденнымъ 1 іюня 1895 года мѣніемъ Государственнаго Совѣта объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ расходовъ, погрываемыхъ изъ земскихъ сборовъ (III, XII).

Т. XVI, ч. 1. Пол. Нотар. № 48, ст. 664. Мн. Гос. Сов. О распространеніи законоположеній 12 іюля 1889 года о преобразованіи крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій на Никольскій, Велико-Устюжскій, Сольвычегодскій, Усть-Сысольскій и Яренскій уѣзды, Вологодской губерніи (V) ¹⁾.

Т. XVI, ч. 1. Уст. Угол. Суд. № 49, ст. 689. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи примѣчанія къ ст. 1179 Устава Уголовнаго Судопроизводства относительно направленія слѣдственныхъ дѣлъ по нарушеніямъ Таможеннаго Устава.

Въ измѣненіе и дополненіе примѣчанія къ ст. 1179 Устава Уголовнаго Судопроизводства (Свода Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) постановлено слѣдующее правило:

„Слѣдственные дѣла по нарушеніямъ Устава Таможеннаго отсылаются къ мѣстному начальнику таможеннаго округа, за исключеніемъ возникающихъ по Московской и Харьковской таможнямъ дѣлъ, которыя препровождаются въ департаментъ таможенныхъ сборовъ“.

Т. XVI, ч. 1. Прав. Суд. Част. Земек. Начальн. № 48, ст. 664. Мн. Гос. Сов. О распространеніи законоположеній 12 іюля 1889 года о преобразованіи крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій на Никольскій, Велико-Устюжскій, Сольвычегодскій, Усть-Сысольскій и Яренскій уѣзды, Вологодской губерніи (III, IV) ²⁾.

III. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По Государственной Канцеляріи. № 39, ст. 545. Выс. пов. Объ изданіи XV тома Третьяго Полнаго Собранія Законовъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи. № 48, ст. 678. Выс. пов. Объ открытіи въ городѣ Кіевѣ дамскаго отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. № 48, ст. 679. Выс. пов. Объ открытіи въ городѣ Воропежѣ дамскаго отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ. № 49, ст. 691. Мн. Гос. Сов. Объ упраздненіи двухъ должностей городскихъ судей въ городахъ Керчи и Хотинѣ и объ

¹⁾ См. выше I.

²⁾ См. выше I.

учрежденіи таковыхъ же должностей въ городахъ Бѣльцахъ и Тирасполь.

По вѣдомству Министерства Военнаго. № 35, ст. 435. Пол. Воен. Сов. О присвоеніи усиленнаго оклада содержанія священникамъ Читинскаго и Стрѣтенскаго резервныхъ баталіоновъ. № 35, ст. 436. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи штата Приморскаго драгунскаго полка. № 35, ст. 447. Выс. пов. Объ утвержденіи штата Ташкентской, Маргеланской, Чимкентской, Туркестанской, Ауліатинской, Перовской, Чарджуйской и Казалинской конвойныхъ командъ. № 36, ст. 475. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи должности бригаднаго врача въ бригадахъ Азіатской Россіи и о повышеніи должности врача войскъ Южно-Уссурійскаго отдѣла. № 37, ст. 509. Пол. Воен. Сов. О сокращеніи штатнаго состава нѣкоторыхъ мѣстныхъ командъ Казанскаго военнаго округа. № 37, ст. 510. Пол. Ком. Мин. О привлеченіи льготныхъ офицеровъ Оренбургскаго казачьяго войска къ занятіямъ въ лагерныхъ учебныхъ сборахъ съ казаками приготовительнаго разряда. № 37, ст. 511. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи военно-ремесленной школы въ станицѣ Великокняжеской, Сальскаго округа, области войска Донскаго. № 37, ст. 512. Пол. Воен. Сов. Объ усиленіи штата Аму-Дарьинской флотиліи. № 37, ст. 513. Пол. Воен. Сов. О сформированіи при Главномъ Штабѣ штатной курьерской части и объ увеличеніи содержанія помощникамъ журналиста сего Штаба. № 37, ст. 514. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи примѣчанія къ ст. 42 кн. II Свода Воен. Пост. 1869 г. (изд. 1893 г.). № 39, ст. 538. Пол. Воен. Сов. О переименованіи Николаевской крѣпостной артиллерійской команды Приморской области въ Николаевскую крѣпостную артиллерійскую роту. № 39, ст. 539. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи столовыхъ денегъ чинамъ войскаго штаба Кубанскаго казачьяго войска. № 39, ст. 540. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи должности смотрителя воинскихъ зданій въ городѣ Твери и объ упраздненіи должности смотрителя Красныхъ казармъ въ городѣ Москвѣ. № 41, ст. 566. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи штата Главнаго Артиллерійскаго Управленія. № 42, ст. 584. Пол. Воен. Сов. О предоставленіи права на прогонныя деньги веѣмъ лицамъ, командиремымъ по дѣламъ службы и совершающимъ переѣзды отъ Чарджуя въ Керки и Петро-Александровскъ или обратно на судахъ Аму-Дарьинской флотиліи. № 45, ст. 617. Пол. Воен. Сов. О примѣненіи къ чинамъ строевыхъ частей и внутреннихъ управленій казачьихъ войскъ, получающимъ квартирныя деньги не изъ казны, квартирнаго росписанія. № 45, ст. 618. Пол. Воен. Сов. О распространеніи на есау-

ловъ казачьихъ войскъ послѣдовавшихъ измѣненій въ порядкѣ производства капитановъ въ подполковники. № 45, ст. 619. Пол. Воен. Сов. Объ открытіи новыхъ кадетскихъ стипендій для малолѣтковъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ. № 45, ст. 621. Пол. Воен. Сов. О замѣщеніи должностей старшихъ учителей фехтованія въ офицерской кавалерійской школѣ вольнонаемными учителями. № 46, ст. 641. Пол. Воен. Сов. О правахъ и обязанностяхъ предѣдателей хозяйственныхъ комитетовъ въ техническихъ артиллерійскихъ заведеніяхъ. № 47, ст. 651. Имен. ук. Объ отчужденіи имущества въ городѣ Брянскѣ, Орловской губерніи, для надобностей интендантскаго вѣдомства. № 47, ст. 658. Пол. Воен. Сов. О принятіи въ 4-ю батарею л.-г. 1-й артиллерійской бригады капитала, пожертвованнаго генералъ-лейтенантомъ Александромъ Васильевичемъ Оноприенко, и объ утвержденіи положенія о семь капиталѣ. № 48, ст. 674. Пол. Воен. Сов. О дополненіи ст. 269 книги VII Свода Военныхъ Постановленій изданія 1869 года, о производствѣ въ слѣдующіе чины флигель-адъютантовъ Его Императорскаго Величества. № 48, ст. 675. Пол. Воен. Сов. О путеvomъ довольствіи офицеровъ, командируемыхъ для сопровожденія отпускныхъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. № 48, ст. 676. Пол. Воен. Сов. О преобразованіи строительной части вѣдомства военно-учебныхъ заведеній. № 48, ст. 680. Выс. пов. О предоставленіи Его Императорскому Высочеству генералъ-инспектору кавалеріи инспекторскихъ правъ по отношенію къ Николаевскому военному и кавалерійскимъ и казачьимъ юнкерскимъ училищамъ.

По Вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 34, ст. 415. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи Одесской городской полиціи. № 35, ст. 423. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи Пензенской городской полиціи. № 35, ст. 424. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи должности втораго ассистента Одесской глазной лечебницы имени графа П. Е. Коцебу. № 36, ст. 459. Мн. Гос. Сов. Объ отпускѣ изъ казны пособій городамъ: Полтавѣ, Ромнамъ, Переяславу, Прилугамъ и Кременчугу на усиленіе мѣстныхъ полицейскихъ командъ. № 36, ст. 467. Пол. Ком. Мин. О перечисленіи Олекминскаго золотопромышленнаго района изъ Якутской области въ Иркутскую губернію. № 36, ст. 469. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи городу Вологдѣ выпуска облигаціоннаго займа въ 200.000 рублей. № 37, ст. 501. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи временнаго штата междугороднаго телефоннаго сообщенія С.-Петербургъ—Москва. № 37, ст. 517. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Благовѣщенской мужской и женской гимназіяхъ двухъ стипендій Августѣйшаго

Имени Его Императорскаго Величества объ утверженіи положенія о сихъ стипендіяхъ. № 38, ст. 524. Имен. ук. Обь отчужденіи земель для расширенія полотна подъѣзднаго пути отъ села Шаповаловки, Борзенскаго уѣзда, Черниговской губерніи, къ станціи „Дочь“, Либаво-Роменской желѣзной дороги. № 38, ст. 525. Имен. ук. Обь отчужденіи земель для проложенія части почтовой дороги между городами Симбирскомъ и Курмышемъ въ обходъ овраговъ, существующихъ около села Мажарова Майдана, Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи. № 41, ст. 559. Мн. Гос. Сов. Обь отпускъ изъ казны пособія городу Смоленску на усиленіе состава мѣстной полицейской команды. № 42, ст. 572. Мн. Гос. Сов. О предоставленіи городамъ и посадамъ губерній Царства Польскаго средствъ къ покрытію расходовъ на содержаніе городской администраціи и на общественное благоустройство. № 43, ст. 597. Имен. ук. О вознагражденіи владѣльцевъ земель, отчужденныхъ подъ устройство почтовой дороги отъ города Ольгополя до города Ямполя, Подольской губерніи. № 43, ст. 610. Мн. Гос. Сов. Обь усиленіи Бердянской городской полиціи. № 44, ст. 612. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи городу Тифлису заключить облигаціонный заемъ въ 800.000 рублей. № 44, ст. 613. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи городу Гомелю заключить облигаціонный заемъ въ 200.000 рублей. № 45, ст. 615. Пол. Ком. Мин. О перечисленіи Покотской, Полѣской, Столбунской и Рѣчковской волостей изъ Рогачевскаго въ Гомельскій уѣздъ, Могилевской губерніи. № 47, ст. 654. Мн. Гос. Сов. О продленіи дѣйствія временнаго штата Батумскаго портоваго управленія. № 48, ст. 665. Мн. Гос. Сов. О штатѣ Рижскаго портоваго управленія. № 48, ст. 669. Пол. Ком. Мин. О включеніи въ предѣлы города Здунская Воля фольварка „Юридика“ и колоніи того же наименованія. № 49, ст. 686. Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи пенсіоннаго капитала для больничной прислуги Винницкой окружной лечебницы душевно-больныхъ.

По вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. № 39, ст. 541. Выс. пов. Обь утвержденіи условій относительно почтовыхъ сношеній между Россіей и Швеціей и Норвегіей.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 37, ст. 516. Выс. пов. Обь утвержденіи рисунковъ знака для ношенія лицами, окончившими курсъ въ бывшихъ Петровской академіи и въ С.-Петербургомъ и Горыгорѣцкомъ земледѣльческихъ институтахъ.

По вѣдомству Министерства Морскаго. № 45, ст. 622. Пол. Адм. Сов. Обь измѣненіи ст. 19 книги IV Свода Морск. Пост. № 48, ст. 677. Пол. Адм. Сов. Обь утвержденіи положенія о порядкѣ приго-

товленія строевыхъ квартирмейстеровъ для Сибирскаго флотскаго экипажа и эскадры Тихаго Океана. № 48, ст. 681. Выс. пов. Объ учебномъ сборѣ въ 1899 году въ Либавѣ, Севастополѣ и Баку лицъ, зачисленныхъ въ запасъ флота по 82 ст. Уст. Воин. Пов. (изд. 1897 г.).

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 36, ст. 480. Выс. пов. О принятіи Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Ксенією Александровною Ялтинскаго пансіона подъ Свое покровительство. № 37, ст. 502. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи воли жертвователей капитала, предназначеннаго для раздачи въ видѣ стипендій сиротамъ воиновъ, офицерскаго званія, павшихъ въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ. № 40, ст. 560. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на содержаніе пансіона съ церковью при Читинской женской гимназій. № 42, ст. 573. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи. № 49, ст. 685 Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи кредита на содержаніе Императорской публичной бібліотеки.

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія. № 37, ст. 518. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Императорскомъ Московскомъ инженерномъ училищѣ стипендіи имени Министра Путей Сообщенія, князя Михаила Ивановича Хилкова. № 42, ст. 589. Выс. пов. О передачѣ Закаспійской желѣзной дороги въ вѣдѣніе Министерства Путей Сообщенія. № 43, ст. 596. Им. ук. Объ отчужденіи земель и имущества, потребныхъ для устройства подходаго пути къ новому чрезъ рѣку Сожъ мосту и дополнительныхъ у моста чрезъ рѣку Десну сооружений по линіи Либаво-Роменской желѣзной дороги. № 44, ст. 609. Имен. ук. Объ отчужденіи имущества подъ устройство Бѣлгородско-Сумской желѣзной дороги. № 47, ст. 652. Имен. ук. Объ отчужденіи земель подъ устройство шоссейной дороги отъ деревни Карагозъ, Θεодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи, до города Карасубазара, той же губерніи. № 47, ст. 653. Имен. ук. Объ отчужденіи земель для сооруженія вѣтви отъ Хрусталинскихъ и Боговскихъ мѣсторожденій до ст. Крестная Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

По вѣдомству Министерства Финансовъ. № 37, ст. 515. Выс. пов. Объ установленіи форменной одежды для воспитанниковъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Финансовъ. № 39, ст. 545. Выс. пов. Объ учрежденіи шести стипендій при Кіевскомъ политехническомъ институтѣ Императора Александра II и объ утвержденіи правилъ о сихъ стипендіяхъ. № 42, ст. 572. Мн. Гос. Сов. О предоставленіи городамъ и посадамъ губерній Царства Польскаго средствъ къ покрытію расходовъ на содержаніе городской администраціи и на общественное благоустройство. № 42, ст. 587. Выс. пов. О принятіи

пожертвованнаго предводителемъ дворянства Екатеринбургскаго уѣзда М. И. Мивлашевскимъ для постройки Екатеринбургской казенной сельской ремесленной учебной мастерской участка земли. № 46, ст. 644. Выс. пов. О предоставленіи С.-Петербургскому губернскому дворянскому собранію избранія кандидатовъ въ члены совѣта Государственнаго Банка отъ дворянства на трехлѣтіе 1899—1901 г.г. № 46, ст. 645. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Варшавскомъ музеѣ промышленности и сельскаго хозяйства вѣчнаго фонда имени Людовика Натансона и объ утвержденіи правилъ о семь фондѣ. № 47, ст. 659. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Кіевскомъ коммерческомъ училищѣ стипендій имени Л. И. Бродскаго, имени Н. Г. Хрякова и имени М. П. Дегтерева и объ утвержденіи правилъ о сихъ стипендіяхъ.

По Корпусу Жандармовъ. № 35, ст. 437. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи штата С.-Петербургскаго жандармскаго полицейскаго управления желѣзныхъ дорогъ. № 45, ст. 620. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи штата Тифлискаго жандармскаго полицейскаго управления желѣзныхъ дорогъ.

По вѣдомству Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. № 39, ст. 542. Выс. пов. Объ упраздненіи при санаторіи для чахоточныхъ больныхъ въ Финляндіи должности смотрителя.

По Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. № 35, ст. 421. Мн. Гос. Сов. О дополнительномъ кредитѣ на содержаніе Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, съ 1 января 1899 г. впредь до утвержденія новаго учрежденія и штата означенной Канцеляріи.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. № 35, ст. 438. Пол. Опек. Сов. О разрѣшеніи помѣщать на стипендіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, установленныя по Высочайшему повелѣнію 10 іюля 1886 г. для питомцевъ Московскаго воспитательнаго дома, также и питомицъ. № 35, ст. 439. Пол. Опек. Сов. Объ измѣненіи устава дома Императрицы Александры Θεодоровны для призрѣнія слѣпыхъ. № 35, ст. 440. Пол. Опек. Сов. О закрытіи состоящаго при Одесскомъ институтѣ Императора Николая I приготовительнаго класса. № 35, ст. 441. Пол. Опек. Сов. Объ измѣненіи правилъ пріема воспитанницъ въ Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. № 35, ст. 444. Выс. пов. Объ открытіи Арзамасскаго, Васильевскаго, Горбатовскаго, Княгининскаго и Семеновскаго уѣздныхъ попечительствъ дѣтскихъ приютовъ. № 35, ст. 445. Выс. пов. Объ открытіи Александровскаго и

Гороховецкаго уѣздныхъ попечительствъ дѣтскихъ приютовъ. № 36, ст. 479. Выс. пов. Объ открытіи Оханскаго, Осинскаго, Чердынскаго, Соликамскаго, Верхотурскаго, Красноуфимскаго, Кунгурскаго и Ирбитскаго уѣздныхъ попечительствъ дѣтскихъ приютовъ. № 42, ст. 586. Выс. пов. Объ учрежденіи при Воронежскомъ уѣзѣищѣ слѣпыхъ старцевъ попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ одной стипендіи Имени Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. № 43, ст. 599. Мн. Гос. Сов. О пособіи изъ земскихъ средствъ дѣтскому приюту въ городѣ Вѣрномъ. № 45, ст. 623. Пол. Опек. Сов. Объ увеличеніи положеннаго по штату С.-Петербургскаго воспитательнаго дома комплекта проводниковъ кормилицъ съ дѣтьми. № 45, ст. 624. Пол. Опек. Сов. Объ учрежденіи должности втораго помощника столичнаго окружнаго врача С.-Петербургскаго воспитательнаго дома. № 45, ст. 627. Выс. пов. Объ опредѣленіи состава Одесскаго городскаго попечительства дѣтскихъ приютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 46, ст. 643. Пол. Опек. Сов. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатѣ аптеки С.-Петербургскаго воспитательнаго дома.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія. № 35, ст. 442. Выс. пов. Объ измѣненіи § 5 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 г. правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. № 36, ст. 478. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Вологодской епархіи для пяти юго-западныхъ уѣздовъ: Вологодскаго, Грязовецкаго, Кадниковскаго, Тотемскаго и Вельскаго должности епархіальнаго архитектора. № 42, ст. 585. О присвоеніи построенной Благовѣщенскимъ купцомъ Василиемъ Левашевымъ однокласной женской церковно-приходской школѣ при градо-Благовѣщенской Покрово-Николаевской церкви наименованія „Николаевскою“. № 45, ст. 625. Выс. пов. О присвоеніи богадѣльнѣ при церкви села Иванова, подъ Рыбинскомъ, наименованія „церковно-приходскою богадѣльнею, учрежденною въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Василиемъ Алексѣевичемъ Осокинымъ“.

По вѣдомству Государственнаго Коннозаводства. № 48, ст. 661. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи заводской конюшни въ Самарской губерніи, увеличеніи комплектовъ Полтавской и Елисаветградской конюшенъ и о кредитѣ на покупку въ 1899 году лошадей для государственныхъ конскихъ учреждений.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установлений. № 34, ст. 416. Пол. Ком. Мип. Объ утвержденіи устава товарищества Сукмановскаго маслобойнаго и маслоочистительнаго завода. № 34, ст. 417.

Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества Сатановскаго свегло-
 сахарнаго завода. № 34, ст. 418. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи
 русско-бельгійскому обществу для производства зеркальнаго стекла,
 бывшая фирма *Т. А. Беклемешева*, выпустить облигаціи. № 34, ст. 419.
 Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества „рус-
 скій электронъ“. № 35, ст. 427. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи
 устава товарищества на паяхъ, подь наименованіемъ „Святополкъ“. № 35, ст. 428. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава товарищества
 латуннаго и мѣднопрокатнаго завода Кольчугина. № 35, ст. 429.
 Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества Горбатовской
 писчебумажной фабрики Способина и Кротова. № 35, ст. 430. Пол.
 Ком. Мин. Обь измѣненіи устава общества фабрики шерстяныхъ из-
 дѣлій Густава Лоренца въ городъ Лодзи. № 35, ст. 431. Пол. Ком.
 Мин. Обь измѣненіи устава нестепромышленнаго общества „Будаго“. № 35, ст. 432. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава русскаго
 общества юго-востѣчнаго пароходства „Звѣзда“. № 35, ст. 433. Пол.
 Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Воскресенскаго горнопромыш-
 леннаго общества. № 35, ст. 434. Пол. Ком. Мин. Обь измѣне-
 ніи устава общества пароходства по Дону, Азовскому и Черному
 морямъ съ ихъ притоками. № 35, ст. 446. Выс. пов. О принятіи
 Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Але-
 ксандровичемъ званія почетнаго президента Императорскаго Москов-
 скаго общества сельскаго хозяйства. № 36, ст. 463. Пол. Ком. Мин.
 Обь утвержденіи устава русскаго товарищества торговли металлами
 „Износковъ, Зуккау и К°“. № 36, ст. 464. Пол. Ком. Мин. Обь утвер-
 жденіи устава акціонернаго общества спичечной фабрики „Молнія“. № 36, ст. 465. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава товарищества
 С.-Петербуркскаго вагоностроительнаго завода. № 36, ст. 466. Пол.
 Ком. Мин. О предоставленіи Восточному обществу товарныхъ скла-
 довъ, страхованія и транспортированія товаровъ, съ выдачею ссудъ,
 выпуска дополнительнаго облигаціоннаго займа. № 36, ст. 468. Пол.
 Ком. Мин. Обь измѣненіи устава общества Бердичевскаго водоснаб-
 женія. № 36, ст. 470. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава обще-
 ства, подь наименованіемъ: „ртутное дѣло А. Ауэрбахъ и К°“. № 36,
 ст. 471. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи измѣненіи устава товари-
 щества физико-механическихъ и хирурго-медицинскихъ фабрикъ Графъ
 и К°. № 36, ст. 472. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій дѣя-
 тельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подь наиме-
 нованіемъ: „анонимное общество Московскаго кирпичнаго завода“. № 36, ст. 473. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій дѣятельно-
 сти.

18246 чев. ил

сти въ Россіи Французскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „Франко-русское анонимное общество портландскихъ пуццоланскихъ цементовъ въ Екатеринославѣ“. № 36, ст. 474. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества пароходства „Россія“. № 37, ст. 503. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава пароходнаго общества по Волгѣ. № 37, ст. 504. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава общества пароходства по Днѣпру и его притокамъ. № 37, ст. 505. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Закавказской мануфактуры. № 37, ст. 506. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи обывателямъ города Лодзи Куницеру и другимъ сооруженія и эксплуатаціи электрическихъ узкоколейныхъ подъѣздныхъ путей общаго пользованія отъ города Лодзи до городовъ Эгержа и Пабянице. № 37, ст. 507. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава общества сѣверной ткацкой мануфактуры. № 37, ст. 508. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. О признаніи срокомъ окончанія постройки Бологое-Псковскаго участка, общества Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги, 11 ноября 1897 года. № 38, ст. 527. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества кабельныхъ и проволочныхъ заводовъ Рибень. № 38, ст. 528. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Серпуховской бумаго-прядильни. № 39, ст. 535. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества попеченія о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, и основаннаго имъ приюта Цесаревны Маріи. № 39, ст. 536. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Московскаго общества производства аптекарскихъ и химическихъ товаровъ и торговли ими „Б. Эрмансь и К^о“. № 39, ст. 537. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества Майданецкаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода. № 39, ст. 544. Выс. пов. О сосредоточеніи опекунскаго управленія надъ личностью несовершеннолѣтнихъ Степана, Константина и малолѣтняго Райнольда Пржездзецкихъ и надъ оставшимся послѣ умершаго отца дворянина Константина Пржездзецкаго въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Подольской имуществомъ—въ вѣдѣніи Дисненской, Виленской губерніи, дворянской опеки. № 40, ст. 552. Имен. ук. О присоединеніи имѣнія при селахъ Витебети, Столбчель и Никольскомъ (Ячное тожъ) къ составу заповѣднаго имѣнія рода Зиновьевыхъ. № 40, ст. 553. Имен. ук. О дополненіи пункта IV Именнаго Высочайшаго указа, 1 іюня 1895 года, объ учрежденіи въ родѣ генераль-адъютанта, генерала отъ кавалеріи графа Иларіона Вороцова-Дашкова Ново-Томниковскаго заповѣднаго имѣнія. № 40, ст. 555. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго обще-

ства кожевеннаго завода „братья Краузе“. № 40, ст. 556. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава русско-балтійскаго общества пароходства. № 41, ст. 561. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій эксплуатаціи Марковского узкоколейнаго подъѣзднаго пути и сооружеія и эксплуатаціи продолженія сего пути до города Радимина. № 41, ст. 562. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества завода металлическихъ издѣлій А. Г. Кольчугина. № 41, ст. 563. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи измѣненій и дополненій устава товарищества ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера въ Москвѣ. № 41, ст. 564. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества Рижскаго бочарнаго и лѣсопильнаго завода „Меркурій“. № 41, ст. 565. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава нестепромышленнаго и торговаго общества „Петроль“. № 42, ст. 575. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Еватеринославскаго общества кирпичныхъ заводовъ. № 42, ст. 578. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава общества Балтійскаго целлюлознаго завода въ посадѣ Шлокѣ близъ Риги. № 42, ст. 579. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Рижскаго домостроительнаго общества. № 42, ст. 580. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества Новоселицкаго свеклосахарнаго завода. № 42, ст. 581. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. О разрѣшеніи обществу Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ дополнительнаго выпуска облигацій. № 42, ст. 582. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. Обь опредѣленіи строительныхъ капиталовъ Дербентской и Бавинской вѣтвей Владикавказской желѣзной дороги. № 42, ст. 583. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. Обь опредѣленіи строительной стоимости Крестнинской вѣтви общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. № 43, ст. 600. Мн. Гос. Сов. Обь утвержденіи устава Лодзьнскаго общества товарныхъ складовъ и страхованія товаровъ съ выдачею ссудъ. № 43, ст. 601. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава общества Дебальцевскаго механическаго завода. № 43, ст. 602. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества мануфактуръ „Маркусъ Копъ“ въ городѣ Лодзи. № 43, ст. 603. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава машиностроительнаго акціонернаго общества Р.-Г. Мантеля. № 43, ст. 605. Выс. пов. О принятіи Тверскаго благотворительнаго общества поощренія женскаго труда въ вѣдѣніе Министерства Финансовъ и обь утвержденіи устава сего общества. № 44, ст. 611. Пол. Ком. Мин. Обь образованіи учрежденія взаимной помощи рода бароновъ фонъ-Гротгусъ и обь утвержденіи устава сего учрежденія. № 45, ст. 616. Пол. Ком. Мин. О продленіи дѣйствія п.п. 4, 5 и 6 Вы-

сочайше утвержденного, 17 ноября 1895 года, положенія Комитета Министровъ объ учрежденіи опекунскаго управленія надъ личностью и имуществомъ вдовы полковника войска Донскаго Наталіи Николаевны Иловойской. № 46, ст. 637. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава товарищества Карвице-Озерянскаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода. № 46, ст. 638. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи французскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „каменноугольное и металлургическое анонимное общество Ново-Павловка“. № 46, ст. 639. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „русско-бельгійская анонимная компанія гончарныхъ издѣлій“. № 46, ст. 640. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава общества водочнаго завода Келлеръ и Ко. № 47, ст. 655. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества фабрики химическихъ продуктовъ „Рендзины“. № 47, ст. 656. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Московскаго общества кирпичныхъ заводовъ. № 47, ст. 657. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества бумажныхъ мануфактуръ Лоренца и Круше въ городѣ Згержѣ. № 48, ст. 666. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества афинернаго и металлопрокатнаго завода въ Москвѣ. № 48, ст. 667. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества кондитерской фабрики „Ренеме“. № 48, ст. 668. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества „Гаванна“. № 48, ст. 670. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи измѣненій и дополненій устава товарищества мануфактуръ „Людвикъ Рабенець“. № 48, ст. 671. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава товарищества Шпановскаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода. № 48, ст. 672. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава торговопромышленнаго товарищества Петра Свѣшника сына. № 48, ст. 673. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи условій дѣятельности въ Россіи общества сѣверо-восточныхъ Донецкихъ каменноугольныхъ копей и металлургическихъ заводовъ (Каменка, имѣніе Духовскаго). № 49, ст. 693. Пол. Ком. Мин. Обь предоставленіи правъ государственной службы съ правомъ на чиновничество нѣкоторымъ должностямъ въ заведеніяхъ С.-Петербургскаго благотворительнаго общества послѣдователей гомеопатіи. № 49, ст. 694. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава акціонернаго общества суконной мануфактуры А. Г. Борстъ въ городѣ Згержѣ. № 49, ст. 695. Пол. Ком. Мин. Обь измѣненіи устава общества завода огнеупорныхъ издѣлій М. А. Ковалевскаго. № 49, ст. 696. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава

торгового товарищества „Павель Бекель“. № 49, ст. 697. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи измѣненія устава Рижскаго акціонернаго общества механической ткацкой, красильной и апертурной фабрики Фридриха Поссе. № 49, ст. 698. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи французскаго акціонернаго общества, подь наименованіемъ: „платино-промышленная анонимная компанія“. № 49, ст. 699. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подь наименованіемъ: „анонимное общество Аятскихъ пріисковъ (Верхне-Уральскѣ)“. № 49, ст. 700. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества пивовареннаго завода „Ливонія“ въ Ригѣ. № 49, ст. 701. Обь измѣненіи устава акціонернаго общества Ревельской писчебумажной фабрики Э. Н. Югансона.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

№ 41, ст. 567. По вопросу о томъ, на какомъ установленіи лежитъ примѣненіе п. п. 2 и 12 ст. XIII Всемиловѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 года къ осужденнымъ должностнымъ лицамъ, надь коими приговоры судебныхъ мѣстъ уже приведены въ исполненіе.

1898 года декабря 8-го дня. По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: 1) данное во исполненіе ордера Министра Юстиціи Оберъ-Прокуроромъ 1 Департамента Правительствующаго Сената предложеніе отъ 30 ноября 1898 года, за № 2015, о распубликованіи опредѣленія Правительствующаго Сената, состоявшагося 10 іюня 1898 года по вопросу о томъ, на какомъ установленіи лежитъ примѣненіе п. п. 2 и 12 ст. XIII Всемиловѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 года къ осужденнымъ должностнымъ лицамъ, надь коими приговоры судебныхъ мѣстъ уже приведены въ исполненіе, и 2) справку, по которой оказалось, что Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ 10 іюня 1898 года предложенный Оберъ-Прокуроромъ, по порученію Министра Юстиціи, вопросъ о томъ, на какомъ установленіи лежитъ примѣненіе п. п. 2 и 12 ст. XIII Всемиловѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 года къ осужденнымъ должностнымъ лицамъ, надь коими приговоры судебныхъ мѣстъ уже приведены въ исполненіе, нашель, что Высочайшимъ Манифестомъ 14 мая 1896 года, послѣдовавшимъ по случаю торжественнаго дня Коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ числѣ милостей и льготъ, дарованныхъ лицамъ, учинившимъ преступленія и проступки и перечисленнымъ въ ст. XIII Манифеста, между

прочимъ, постановлено: (п. 2) простить всѣхъ, совершившихъ присвоеніе и растрату вѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше тысячи рублей, осужденныхъ за сіе преступленіе или отбывающихъ за оное наказаніе, если присвоенное и растроченное полностью возвращено ими до дня Коронованія, (п. 12) лицъ должностныхъ, исключенныхъ по день Коронованія изъ службы (ст. 65 п. I Улож. Наказ.) за преступленія, не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ содѣянія, считать отрѣшенными отъ должности, а подлежащихъ исключенію изъ службы за такія же преступленія, совершенныя по тотъ день, отрѣшить отъ должности, съ распространеніемъ сей милости и на лицъ должностныхъ, осужденныхъ на временное заключеніе въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 50 Улож. Наказ.), независимо отъ сокращенія на одну треть срока заключенія, согласно п. 11 ст. XIII Манифеста. Въ самомъ Манифестѣ 14 мая 1896 года не содержится указанія, на комъ именно лежитъ обязанность примѣненія льготъ и милостей, даруемыхъ п.п. 2 и 12 ст. XIII, особыхъ же правилъ, разъясняющихъ порядокъ примѣненія сего Манифеста, равнымъ образомъ, издаваемо не было. Посему, для разрѣшенія предложеннаго Правительствующему Сенату вопроса, надлежитъ прежде всего обратиться къ смыслу Высочайше утвержденныхъ 15 мая 1883 года правилъ о порядкѣ приведенія въ исполненіе постановленій Всемилостивѣйшаго Манифеста 15 мая 1883 года (№ 52 Собр. узак. 1883 года, ст. 481), которыя хотя и относятся непосредственно лишь къ сказанному Манифесту 1883 года, однако содержать въ себѣ такія общія начала, которыя несомнѣнно должны быть принимаемы къ руководству и при примѣненіи позднѣйшихъ Манифестовъ. На основаніи этихъ правилъ по дѣламъ неоконченнымъ, по коимъ приговоры не вступили еще въ законную силу, примѣненіе Манифеста лежитъ на обязанности того учрежденія, отъ котораго по общеустановленному порядку зависитъ прекращеніе уголовного преслѣдованія (п. 1); по дѣламъ оконченнымъ, по коимъ приговоръ вступилъ въ законную силу, но не приведенъ еще въ исполненіе, судебное установленіе, постановившее приговоръ, обязано, до обращенія его къ исполненію, войти въ обсужденіе вопроса о примѣненіи къ обвиняемому Манифеста и, постановивъ по сему предмету дополнительный приговоръ, обратитъ оный къ исполненію, по вступленіи его въ законную силу, лица-же прокурорскаго надзора и другія учрежденія, не приступавшія къ приведенію въ исполненіе переданныхъ имъ судебныхъ приговоровъ, подлежащихъ измѣненію по правиламъ Манифеста, обязаны возвратить такіе приговоры въ надлежащія судебныя уста-

новления (п. 3). Что касается приговоровъ, обращенныхъ къ исполненію и уже приведенныхъ въ исполненіе, то общаго указанія порядка примѣненія по нимъ Манифеста правила 15 мая 1883 года не даютъ, однако изъ частныхъ указаній о порядкѣ освобожденія заключенныхъ изъ мѣстъ заключенія (п.п. 4 и 5) и оштрафованныхъ отъ взысканія штрафа (п. 8) можно сдѣлать заключеніе, что примѣненіе Манифеста къ лицамъ, надъ которыми приговоры суда уже приведены въ исполненіе, должно имѣть мѣсто въ томъ-же порядкѣ, каковой установленъ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства, для самаго приведенія этихъ приговоровъ въ исполненіе и по распоряженіямъ тѣхъ властей, на которыя возложено по закону принятіе мѣръ къ исполненію судебныхъ приговоровъ въ томъ или иномъ отношеніи (ст. 947—975 Уст. Угол. Суд. т. XVI ч. 1, изд. 1892 года). Обращаясь отъ этихъ общихъ замѣчаній къ обсужденію вопроса, на какомъ именно установленіи лежитъ примѣненіе милостей, дарованныхъ п.п. 2 и 12 ст. XIII Высочайшаго Манифеста 14 мая 1896 года, къ лицамъ, исключеннымъ изъ службы за присвоеніе или растрату ввѣреннаго по службѣ имущества не свыше тысячи рублей, впослѣдствіи пополненную, а также за другія преступленія, совершенныя не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, когда судебныя о нихъ приговоры уже приведены въ исполненіе до изданія Манифеста, Правительствующій Сенатъ нашель, что на основаніи ст. 1116 Уст. Угол. Суд. т. XVI ч. 1, изд. 1892 года, исполненіе вошедшихъ въ законную силу приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ должности производится на общемъ основаніи, но въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые приговариваются къ опредѣляемымъ за сія преступленія особеннымъ наказаніямъ, какъ то: исключенію изъ службы, отрѣшенію отъ должности, вычету изъ времени службы, удаленію отъ должности, перемѣщенію съ высшей должности на низшую и вычету изъ жалованья, приговоры исполняются начальствомъ осужденныхъ. Въ виду сего, возбужденіе вопроса о примѣненіи Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 года къ сказаннымъ лицамъ должно принадлежать тому начальству, которое приводило надъ ними въ исполненіе состоявшееся о нихъ судебныя приговоры, и къ этому начальству, очевидно, должны обращать свои ходатайства о примѣненіи Манифеста лица, осужденныя къ исключенію изъ службы за должностныя преступленія. Однако, принимая во вниманіе, что хотя приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ принадлежитъ разнымъ властямъ и въ ихъ числѣ административнымъ начальствамъ должностныхъ лицъ, однако въ исполненію приговоровъ всѣ эти власти приступаютъ не иначе,

какъ по предложенію прокурорскаго надзора, на коемъ лежитъ наблюдение за точностью и безотлагательностью исполненія (ст. 949 Уст. Угол. Суд.), что о послѣдовавшемъ исполненіи приговора прокуроръ доводитъ до свѣдѣнія суда (ст. 956 того же Устава), и что всѣ затрудненія или сомнѣнія, возникшія при исполненіи приговора, восходятъ черезъ прокурора на разрѣшеніе суда, постановившаго приговоръ (ст. 955 того же Устава), Правительствующій Сенатъ призналъ, что примѣненіе административными начальствами къ исключеннымъ изъ службы должностнымъ лицамъ милостей, дарованныхъ п.п. 2 и 12 ст. XIII Высочайшаго Манифеста 14 мая 1896 года, можетъ имѣть мѣсто не иначе какъ по соглашенію съ прокурорскимъ надзоромъ и что всѣ разногласія по этому предмету должны восходить на разрѣшеніе подлежащихъ судебныхъ мѣстъ, до свѣдѣнія которыхъ должно быть доводимо и о всѣхъ случаяхъ состоявшагося по соглашенію начальства осужденныхъ съ прокурорскимъ надзоромъ примѣненія Манифеста. На основаніи изложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ пришелъ къ заключенію: 1) что судебныя мѣста, уклоняясь отъ удовлетворенія обращенныхъ къ нимъ непосредственно ходатайствъ осужденныхъ должностныхъ лицъ о примѣненіи п.п. 2 и 12 ст. XIII Всемиловѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 года, поступаютъ правильно, такъ какъ всѣ вопросы, возникающіе при приведеніи въ исполненіе приговора, а слѣдовательно и при необходимости примѣнить Манифестъ къ лицу, о коемъ приговоръ уже исполненъ, восходятъ, согласно ст. 955 Уст. Угол. Суд., на разрѣшеніе суда не иначе, какъ чрезъ прокурора; 2) что административныя начальства, приводившія, на основаніи ст. 1116 Уст. Угол. Суд., приговоры суда объ исключеніи изъ службы должностныхъ лицъ, обязаны принимать къ своему разсмотрѣнію ходатайства этихъ лицъ о примѣненіи къ нимъ милостей, дарованныхъ п.п. 2 и 12 ст. XIII Всемиловѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 года, но предположенія свои объ удовлетвореніи подобныхъ ходатайствъ они могутъ приводить въ исполненіе не иначе какъ по соглашенію съ прокуроромъ судебного мѣста, постановившаго приговоръ, и 3) что въ случаяхъ, когда между прокуроромъ и подлежащимъ административнымъ начальствомъ соглашенія по вопросу о примѣненіи милостей, дарованныхъ п.п. 2 и 12 ст. XIII Манифеста 14 мая 1896 г., не послѣдуетъ, прокуроръ обязанъ предлагать о семъ на разрѣшеніе суда, постановившаго приговоръ; когда же соглашеніе о примѣненіи Манифеста послѣдовало—доводить такое до свѣдѣнія суда, примѣнительно къ ст. 955 и 956 Уст. Угол. Суд. Посему Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: разъяснить, что

примѣненіе п.п. 2 и 12 ст. XIII Высочайшаго Манифеста 14 мая 1896 года должно слѣдовать порядку, установленному въ законѣ относительно приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ надъ должностными лицами. О чемъ для поставленія въ извѣстность Министра Юстиціи къ дѣламъ оберъ-прокурора 1 Департамента Правительствующаго Сената копія была передана 12 октября 1898 года. Приказали: Усматривая изъ предложенія оберъ-прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената отъ 30 ноября 1898 года, за № 2015, что въ видахъ устраненія на будущее время затрудненій, возникающихъ на практикѣ при примѣненіи п.п. 2 и 12 ст. XIII Всемиловитѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 года, распубликованіе опредѣленія Правительствующаго Сената отъ 10 іюня 1898 года, разъясняющаго порядокъ примѣненія этой статьи, представляется по засвидѣтельствованію Министра Юстиціи желательнымъ, Правительствующей Сенатъ *опредѣляетъ*: настоящее опредѣленіе, съ изложеннымъ въ справкѣ опредѣленіемъ Правительствующаго Сената, состоявшимся 10 іюня 1898 года, распубликовать во всеобщее свѣдѣніе, о чемъ, для уведомленія Министра Юстиціи, къ дѣламъ оберъ-прокурора перваго Департамента Правительствующаго Сената передать копію сего опредѣленія, а для припечатанія сего опредѣленія Правительствующаго Сената въ установленномъ порядкѣ, въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, Конторѣ Сенатской Типографіи дать знать извѣстіемъ.

V. Опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

№ 36, ст. 481. Объ обращеніи Вировскаго отдѣленія Лѣснинскаго женскаго монастыря, Холмска-Варшавской епархіи, въ самостоятельную обитель. № 36, ст. 482. Объ учрежденіи женской общины въ имѣніи вдовы Самарскаго мѣщанина Параскевы Разгуляевой, близъ деревень Верхней и Средней Каинкуловыхъ, Исянгуловыхъ тожь, Оренбургскаго уѣзда. № 36, ст. 483. Объ учрежденіи женской общины въ имѣніи крестьянской дѣвицы Параскевы Смирновой, пустоши Опихаргѣ, въ Ярославской епархіи. № 42, ст. 590. Объ обращеніи Красносельской введенской женской общины Ирбитскаго уѣзда, Екатеринбургской епархіи, въ женскій того же наименованія общежительный монастырь. № 42, ст. 591. О присвоеніи церковно-приходской школѣ села Ратунина, Клягининскаго уѣзда, Нижегородской епархіи, наименованія „Кубаровской“. № 45, ст. 628. О присвоеніи богадѣльнѣ

при Успенской Пустынской церкви, Сольвычегодскаго уѣзда, наименованія „Ларионовскою“.

VI. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи. № 39, ст. 546. Объ утвержденіи устава общества вспомошествованія бывшимъ воспитанницамъ Московскаго Александровскаго института ¹⁾. № 42, ст. 592. О возвышеніи размѣра платы за обученіе въ С.-Петербургской Коломенской и Царско-сельской женскихъ гимназіяхъ. № 42, ст. 593. Объ установленіи сроковъ для составленія и распубликованія списковъ присяжныхъ засѣдателей по Велико-Устюжскому, Никольскому и Сольвычегодскому уѣздамъ Вологодской губерніи. № 45, ст. 622. О переименованіи принадлежащей Московскому обществу поощренія трудолюбія Арбатской школы для рукодѣльницъ ²⁾. № 47, ст. 660. Объ утвержденіи росписаній числа нотаріусовъ въ Закаспійской области и размѣра ихъ залоговъ. № 48, ст. 682. Объ упраздненіи пяти должностей судебныхъ разсылныхъ при Новгородскомъ окружномъ судѣ и объ учрежденіи должностей двухъ судебныхъ приставовъ.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. № 35, ст. 457. Объ учрежденіи въ имѣніи Васильевка (Дарагановка тожъ), Екатеринославскаго уѣзда, должности городского. № 36, ст. 497. Объ учрежденіи въ принадлежащей Алексѣевскому горно-промышленному обществу Васильевской экономіи, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, должностей двухъ городскихъ и одного конно-полицейскаго урядника. № 36, ст. 498. Объ утвержденіи дополнительнаго штата полицейскихъ командъ въ городахъ Полтавѣ, Ромнахъ, Переяславлѣ, Прилукахъ, Бременчугѣ съ посадомъ Крюковымъ, Полтавской губерніи. № 36, ст. 499. Объ учрежденіи въ Молебскомъ заводѣ, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго стражника. № 37, ст. 521. Объ учрежденіи земской стражи на свеклосахарномъ заводѣ „Млодзешинъ“, въ Сахачевскомъ уѣздѣ, Варшавской губерніи. № 41, ст. 571. Объ утвержденіи новаго штата полицейской команды города Смоленска. № 43, ст. 607. Объ учрежденіи въ имѣніи Успенскомъ и въ портѣ Хорлы, Днѣпровскаго уѣзда, Тав-

¹⁾ Относится къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

²⁾ Относится къ вѣдомству Императорскаго человеколюбиваго общества.

рической губернии, двух должностей пѣшихъ полицейскихъ урядниковъ. № 43, ст. 608. Объ оставленіи въ силѣ на 1899 годъ утвержденнаго въ 1897 году списка товаровъ, ввозъ и вывозъ коихъ воспрещенъ изъ странъ и мѣстностей, кои будутъ объявлены неблагополучными по азіатской холерѣ, чумѣ, желтой горячкѣ и другимъ заразнымъ болѣзнямъ. № 46, ст. 649. Объ учрежденіи въ Війскомъ уѣздѣ, Томской губернии, двухъ должностей полицейскихъ стражниковъ. № 46, ст. 650. О перечисленіи острова Сахалина изъ VIII въ III разрядъ мѣстностей по квартирнымъ окладамъ офицерскихъ чиновъ.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 38, ст. 534. О закрытіи для частнаго горнаго промысла казенныхъ дачъ Калужской губернии. № 41, ст. 570. По вопросу о размѣрѣ площадей, отводимыхъ подъ развѣдку нефти. № 45, ст. 636. О дополненіи инструкцій горнымъ управленіямъ. № 46, ст. 648. О закрытіи для частнаго горнаго промысла Романовской и Грязинской дачъ, Тамбовской губернии.

Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ. № 37, ст. 523. Объ утвержденіи устава общества Кронштадтскихъ лоцмановъ.

Министромъ Путей Сообщенія. № 35, ст. 458. Объ утвержденіи таблицы тарифныхъ постанціонныхъ разстояній Тифлисъ-Карскаго участка Закавказской желѣзной дороги для перевозки пассажировъ, багажа и грузовъ большой и малой скорости. № 37, ст. 522. Объ утвержденіи списка станцій Самаркандо-Андижанской желѣзной дороги, на которыхъ не допускается удаленіе пассажировъ изъ поѣзда. № 44, ст. 614. О дополненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій.

Министромъ Финансовъ. № 34, ст. 420. Объ утвержденіи устава Астраханскаго частнаго ломбарда. № 35, ст. 448. Объ утвержденіи устава ссудо-сберегательной кассы служащихъ общества пароходства по Дону, Азовскому и Черному морямъ съ ихъ притоками. № 35, ст. 449. О подчиненіи Бердичевскаго и Житомирскаго уѣздовъ дѣйствию губернскаго пробирера. № 35, ст. 450. Объ измѣненіи устава русскаго акціонернаго общества целлюлозной фабрики Вальдгофъ. № 35, ст. 451. О продленіи срока для собранія основнаго капитала товарищества Старо-Животовскихъ свеклосахарнаго и рафинаднаго заводовъ. № 35, ст. 452. О продленіи срока для собранія основнаго капитала русскаго акціонернаго общества для производства принадлежностей переносныхъ полевыхъ, лѣсныхъ и промышленныхъ желѣзныхъ дорогъ системы Спальдинга и другихъ системъ. № 35, ст. 453. О

продленіи срока для собранія основнаго капитала товарищества Завидовской мануфактуры В. Завѣгина. № 35, ст. 454. О продленіи срока для собранія основнаго капитала Донецко-Петровеньковского горнозаводскаго общества. № 35, ст. 455. Объ увеличеніи основнаго капитала товарищества Сабліно-Знаменскаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода. № 35, ст. 456. О формѣ шнуровыхъ книгъ горно-промышленныхъ предприятий, для записи извлекаемыхъ изъ нѣдръ земли минеральныхъ веществъ: рудъ, ископаемаго угля, соли и нефти. № 36, ст. 484. О продленіи срока для собранія основнаго капитала Россійскаго лѣсопромышленнаго акціонернаго общества. № 36, ст. 485. О дополненіи устава торговыхъ классовъ Московскаго общества распространенія коммерческаго образованія. № 36, ст. 486. О назначеніи цѣнъ акціямъ товарищества нефтянаго производства братьевъ Нобель для приѣма ихъ въ казенные залогі въ теченіе первой половины 1899 года: 1) по разсрочиваемому акцизу и 2) по обезпеченію таможенныхъ пошлинъ, подлежащихъ оплатѣ золотомъ. № 36, ст. 487. Объ измѣненіи устава товарищества мануфактуръ Ивана Васильевича Сидорова. № 36, ст. 488. Объ измѣненіи устава Донскаго земельного банка. № 36, ст. 489. О продленіи срока для собранія основнаго капитала общества Русскій Пегамондъ. № 36, ст. 490. О продленіи срока для собранія основнаго капитала акціонернаго общества Ермолинской мануфактуры. Ф. С. Исаева. № 36, ст. 491. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Лутовиновскаго общества Петровскихъ свеклосахарнаго и спиртоочистительнаго заводовъ. № 36, ст. 492. О продленіи срока для собранія основнаго капитала Русскаго общества общественныхъ экипажей и извозоперевозочнаго промысла. № 36, ст. 493. О продленіи срока для собранія основнаго капитала общества Ялта-Бахчисарайскаго подъѣзнаго пути. № 36, ст. 494. О продленіи срока для собранія основнаго капитала Русско-Скандинавскаго общества внѣшней торговли. № 36, ст. 495. О продленіи срока для собранія основнаго капитала товарищества кружевной и ленточной мануфактуры въ Москвѣ. № 36, ст. 496. Объ измѣненіи устава товарищества производства фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій М. С. Кузнецова. № 37, ст. 519. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества по постройкѣ домовъ съ дешевыми гигиеническими квартирами. № 37, ст. 520. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи общества, подъ наименованіемъ: „Солодихинское товарищество“. № 38, ст. 529. О продленіи срока для собранія основнаго капитала акціонернаго общества пароваго хлѣбопеченія и квасоваренія „Болость“. № 38, ст. 530. Объ измѣненіи устава общества Восточно-Сибирскихъ

чугуно-плавильныхъ, желѣзо-дѣлательныхъ и механическихъ заводовъ. № 38, ст. 531. Объ измѣненіи устава товарищества словолитни и типографіи С. Оргельбранда сыновей въ Варшавѣ. № 38, ст. 532. Объ измѣненіи устава товарищества южно-русскаго кожевеннаго производства. № 38, ст. 533. Объ измѣненіи устава Варшавскаго строительнаго акціонернаго общества. № 39, ст. 547. Объ измѣненіи устава Никополь-Мариупольскаго горнаго и металлургическаго общества № 39, ст. 548. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи общества за-сородныхъ недвижимостей и дорогъ. № 39, ст. 549. О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска общества Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности. № 39, ст. 550. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества портландскаго цементнаго завода „Волинь“. № 40, ст. 557. Объ измѣненіи устава товарищества суконной торговли и складовъ М. Поповъ съ сыновьями. № 41, ст. 568. Объ измѣненіи устава ссудо-сберегательной кассы лужащихъ въ торговомъ домѣ „Мюръ и Мерилизъ“ въ Москвѣ. № 41, ст. 569. Объ измѣненіи устава Тифлискаго дворянскаго земельного банка. № 42, ст. 594. Объ утвержденіи устава ссудо-сберегательной кассы служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ товарищества Тверской мануфактуры. № 42, ст. 595. Объ измѣненіи устава общества взаимнаго кредита въ городѣ Ригѣ. № 43, ст. 606. Объ утвержденіи устава Мурованно-Куриловецкой сельской ремесленной учебной мастерской. № 45, ст. 630. Объ утвержденіи устава Екатеринославской сельской ремесленной учебной мастерской. № 45, ст. 631. О продленіи срока для взноса акціонернаго капитала Общества Томашевской желѣзной дороги. № 45, ст. 632. О продленіи срока для собранія основнаго капитала Русскаго общества канализаціи, водоснабженія и ирригаціи „Триумфъ“. № 45, ст. 633. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи Московскаго общества шелковой мануфактуры братьевъ С. и Г. Шелаевыхъ. № 45, ст. 634. Объ измѣненіи устава товарищества производства русскихъ минеральныхъ маселъ и другихъ химическихъ продуктовъ С. М. Шиаевъ и К^о. № 45, ст. 635. Объ измѣненіи устава товарищества Горкинской мануфактуры. № 46, ст. 647. О продленіи срока для собранія капитала по паямъ дополнительнаго выпуска товарищества гостинницы Россія въ Москвѣ. № 48, ст. 683. Объ измѣненіи устава общества Новозыбковскаго подъѣзднаго пути. № 48, ст. 684. Объ измѣненіи устава общества Петровской мануфактуры. № 49, ст. 702. О продленіи срока для собранія первой части основнаго капитала акціонернаго общества табачной фабрики В. Е. Вахрамѣева наслѣдника въ Ромнахъ. № 49,

ст. 703. Обь измѣненіи устава торговопромышленнаго товарищества Петра Свѣшниковъ сыновья. № 49, ст. 704. О продленіи срока для собранія основнаго капитала Русско-Кавказскаго горнозаводскаго общества. № 49, ст. 705. О продленіи срока для собранія основнаго капитала нестепромышленнаго товарищества Карабулагъ. № 49, ст. 706. Обь измѣненіи устава русско-италианскаго общества волокнистыхъ издѣлій. № 49, ст. 707. О продленіи срока для собранія основнаго капитала акціонернаго общества подь наименованіемъ „Сѣверное Сіяніе“. № 49, ст. 708. О продленіи срока основнаго капитала акціонернаго общества заводовъ „Нептунъ и Вулканъ“. № 49, ст. 709. Обь измѣненіи устава акціонернаго общества для постройки экономическихъ путей сообщенія и механическихъ приспособленій системы „Артуръ Коппель“.

Главноуправляющимъ Государственнымъ Коннозаводствомъ. № 39, ст. 551. Обь измѣненіи уставовъ скаковыхъ обществъ.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1899. № 2, III, 11; № 9, IV, 18; № 10, IV, 1; № 12, IV, 22 (н. ст.) ¹⁾.

№ 2. *Выс. пост.* обь отвѣтственности за злоупотребленіе и иное незаконное пользованіе правомъ на бесплатную корреспонденцію и на освобожденіе оть уплаты вѣсоваго сбора.

Постановлено:

„Кто злоупотребить правомъ на бесплатную корреспонденцію или на освобожденіе оть уплаты вѣсоваго сбора или же самовольно воспользуется таковымъ правомъ, тотъ подвергается денежному взысканію въ размѣрѣ не свыше трехсотъ марокъ. Съ чѣмъ соображаться каждому, до кого сіе касаться можетъ. Гельсингфорсъ, 20 января 1899 года“.

Выс. объяв.: а) обь упраздненіи оспенныхъ депо въ городахъ Або, Выборгѣ, Куопіо, Николайстадѣ и Улеборгѣ; б) обь учрежденіи двухъ новыхъ семинарій, одной женской, другой мужской, съ преподаваніемъ въ обѣихъ на финскомъ языкѣ.

№ 9. *Резол. Фин. Сен.* обь утвержденіи устава Нюкарлебюскаго акціонернаго банка.—*Выс. пов.:* а) Нюландскому губернатору, о по-

¹⁾ Обзоръ №№ 1 и 3 напечатанъ въ мартовской, а обзоръ № 8—въ апрѣльской книгѣ сего журнала; №№ 4—7 и 11 не получены.

собіи отъ казны на содержаніе общинныхъ сидѣлокъ ¹⁾; б) Юландскому губернатору, о разрѣшеніи пособій на учрежденіе общинныхъ больницъ для душевно-больныхъ ²⁾.—*Предп. Фин. Сен.*: а) Або-Бьернеборгскому губернатору, о перечисленіи въ административномъ и камеральномъ отношеніяхъ отдѣльнаго сетерейнаго рустгалта Тайпале, Меримаскускаго капелланства, къ ленсманскому округу приходовъ Маску и Ноуенсъ и капелланства Вахто, Маскускаго уѣзда; б) (по экспедиціи путей сообщенія) почтовому управленію, о введенныхъ въ Финляндіи Имперскихъ знакахъ почтовой оплаты ³⁾.

№ 10. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе объ измѣненномъ порядкѣ учрежденія въ Финляндіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и завѣдыванія оными. Дано въ Гельсингфорсѣ, 14 марта 1899 г.

---

¹⁾ Предписанія по сему предмету даны также всѣмъ прочимъ губернаторамъ и медицинскому управленію.

²⁾ Предписанія по сему предмету даны также всѣмъ прочимъ губернаторамъ, медицинскому управленію и инспектору призрѣнія бѣдныхъ.

³⁾ Состоявшимся ^{19/3г} марта 1891 года, на основаніи пункта *а* ст. 1 Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста отъ 31 мая (12 іюня) 1890 года, о почтовой части Великаго Княжества Финляндскаго, распоряженіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сообщеннымъ Почтовому Управленію въ отношеніи Канцелярскаго Экспедиціи отъ 7 апрѣля 1891 года, въ Финляндіи введены были Имперскіе знаки почтовой оплаты, но съ нѣкоторымъ на сихъ знакахъ отличіемъ, въ видѣ кружковъ, установленныхъ для обозначенія, что сборъ за нихъ поступаетъ въ финляндскую казну. Нынѣ же Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, признавая, въ виду упроченія курса рубля, печатаніе упомянутыхъ отличительныхъ кружковъ на Имперскихъ знакахъ оплаты, предназначенныхъ для Финляндіи, въ настоящее время ненужнымъ, ^{16/ев} минувшаго февраля постановилъ, что финляндскія почтовые учрежденія, по израсходованіи упомянутыхъ знаковъ почтовой оплаты съ напечатанными на нихъ кружками, будутъ снабжаться общеимперскими почтовыми знаками безъ какихъ-либо особыхъ внѣшнихъ отличій, для оплаты корреспонденціи во всемъ согласно вышеприведенному постановленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ ^{19/3г} марта 1891 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе: во устраненіе нѣкоторыхъ затрудненій и неудобствъ, представляющихся при примѣненіи Высочайшаго постановленія отъ 8 іюля 1895 года объ учрежденіи въ Финляндіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и о порядкѣ завѣдыванія оными, признали Мы за благо, по всеподданнѣйшему представленію Нашею Финляндскаго Генераль-Губернатора и Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть помянутое постановленіе изложить въ слѣдующей измѣненной формѣ:

§ 1.

Нынѣ существующія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, учрежденныя по Высочайшимъ о томъ повелѣніямъ и содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, русскія среднія учебныя заведенія остаются и впредь въ вѣдѣніи сего Министерства, согласно правиламъ Высочайше утвержденного мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 15 марта 1883 г. Точно также въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія состоятъ и всѣ имѣющіяся нынѣ въ краѣ русскія низшія учебныя заведенія, содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, или получающія пособія изъ сихъ средствъ.

Примѣчаніе. Преподаваніе лютеранскаго вѣроученія въ русскихъ школахъ происходитъ подъ наблюденіемъ лютеранскихъ духовныхъ властей.

§ 2.

Русскія учебныя заведенія, какъ среднія, такъ и низшія, предназначенныя главнымъ образомъ для дѣтей проживающихъ въ краѣ русскихъ уроженцевъ и прочихъ русскихъ обывателей и содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, могутъ быть и впредь учреждаемы въ Финляндіи симъ Министерствомъ по соглашенію съ Финляндскимъ Генераль-Губернаторомъ. Объ учрежденіи та-

кихъ заведеній Канцелярія Генераль-Губернатора сообщаетъ Н а ш е м у Финляндскому Сенату, для свѣдѣнiя.

§ 3.

О дѣтяхъ финляндскихъ гражданъ, обучающихся въ русскихъ учебныхъ заведенiяхъ, подчиненныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенiя, завѣдывающiе сими заведенiями обязаны за каждый учебный годъ препровождать цифровыя данныя въ Главное Управление училищнаго вѣдомства, чрезъ Канцелярiю Генераль-Губернатора.

§ 4.

Русскiя учебныя заведенiя, содержимыя на средства частныхъ лицъ, находятся также въ вѣдѣнiи Министерства Народнаго Просвѣщенiя, которое, по соглашенiю съ Генераль-Губернаторомъ, разрѣшаетъ учрежденiе такихъ училищъ и устанавливаетъ надлежащiй надзоръ за ними.

§ 5.

Къ высшимъ и низшимъ народнымъ училищамъ и школамъ для младшаго возраста, съ преподаванiемъ на русскомъ языкѣ, учреждаемымъ и содержимымъ городскими и сельскими гражданскими общинами и сельскими православными приходами, примѣняются правила, изложенныя въ Высочайшихъ постановленiяхъ отъ 11 мая 1866 года, 30 ноября 1871 года и 5 марта 1883 года, съ относящимися сюда другими законами и постановленiями.

№ 12. *Выс. обяв.*: а) относительно нѣкоторыхъ измѣненiй и дополненiй въ штатѣ Александровскаго университета; б) о принятiи въ казну частнаго финскаго женскаго училища въ Юэнсу; в) относительно пособiй отъ казны частнымъ женскимъ учебнымъ заведенiямъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ
ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 18, марта 27 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Предсѣдатель Владимірскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Навроцкій**—Предсѣдателемъ Департамента Саратовской Судебной Палаты; Товарищи Предсѣдателя Окружныхъ Судовъ: Курскаго, Статскій Совѣтникъ **Тютрюмовъ** и Московскаго, Статскій Совѣтникъ **Лузгинъ**: первый—Членомъ Харьковской Судебной Палаты, а второй—Товарищемъ Прокурора Московской Судебной Палаты, оба согласно прошеніямъ; Товарищъ Прокурора Базанскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Лихаревъ**—Уѣзднымъ Членомъ Симбирскаго Окружнаго Суда, по Алатырскому уѣзду; Уѣздный Членъ Черниговскаго Окружнаго Суда, по Остерскому уѣзду, Надворный Совѣтникъ **Безпаловъ**, Причисленные къ Министерству, Статскіе Совѣтники **Германъ** и **Шевандицъ**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, округа Рязанскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Малченко** и Секретарь Виленской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Мѣрный**—Членами Окружныхъ Судовъ: **Безпаловъ** и **Германъ**—Бѣвскаго, **Шевандицъ**—Уманскаго, **Малченко**—Пермскаго, а **Мѣрный**—Усть-Медвѣдицкаго, изъ нихъ **Безпаловъ** согласно прошенію; Членъ Смоленскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ баронъ **Георгій Фитингофъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Невельскаго округа, согласно про-

шенію; Добавочные Мировые Судьи округовъ: Гродненскаго, Надворный Совѣтникъ Шершавицкій и Житомирскаго, Коллежскій Секретарь Барабашъ—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: первый—Гродненскаго, а второй—Житомирскаго; Предсѣдатель Съезда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Ольгопольскаго округа, Подольской губерніи, Надворный Совѣтникъ Демченко и Причисленные къ Министерству: Надворный Совѣтникъ Смирягинъ и Коллежскій Ассесоръ Валицкій—Мировыми Судьями: Демченко—г. Пултуска, 2-го округа Ломжинской губерніи, Смирягинъ—г. Янова, 1-го округа Люблинской губерніи, и Валицкій—г. Межирѣчья, 2-го округа Сѣдлецкой губерніи; Мировой Судья г. Красностава, 1-го округа Люблинской губерніи, Статскій Совѣтникъ Жеребцовъ, Городской Судья г. Покрова, Владимірской губерніи, Коллежскій Ассесоръ Турбаба, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Брестскаго уѣзда, округа Гродненскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Кульчицкій и Помощникъ Секретаря Кіевской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь Дробязко—Добавочными Мировыми Судьями: Жеребцовъ—г. Лодзи, 3-го округа Петроковской губерніи, Турбаба—2-го округа Калишеской губерніи, Кульчицкій—Гродненскаго округа и Дробязко—Житомирскаго округа; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Енотаевскаго уѣзда, округа Астраханскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Сироткинъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею по Енотаевскому уѣзду, на текущее, съ 1 апрѣля 1897 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; Дворянинъ Христофоръ фонъ-Шредерсъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею Газенпотъ-Гробинскаго округа, Курляндской губерніи, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Сумскаго, 1-го участка Ахтырскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ Добровторскій и Астраханскаго, 2-го участка г. Астрахани, Титулярный Совѣтникъ Киришъ, Причисленные къ Министерству: Коллежскій Ассесоръ Турбовичъ и Титулярный Совѣтникъ Вуленопъ и Секретарь при Прокурорѣ Кіевской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ Черновъ—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: Добровторскій—Усть-Медвѣдицкаго, Киришъ—Ново-Маргеланскаго, Турбовичъ—Эриванскаго, Вуленопъ—Смоленскаго и Черновъ—Могилевскаго, изъ нихъ Киришъ съ 14 мая; Помощникъ Мироваго Судьи Арешскаго отдѣла, округа Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, завѣдующій Адашскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Коллежскій Секретарь Прусскій—Мировымъ Судьею Тургайскаго уѣзда, округа Троицкаго Окружнаго Суда, съ 14

мая; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Клодницкій**—Мировымъ Судьею Андиганскаго уѣзда, Ферганской области.

Перемѣщаются: Членъ Уманскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Берестовскій**—Членомъ Кіевского Окружнаго Суда, согласно прошенію; Мировые Судьи: г. Гроецъ, 1-го округа Варшавской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Скорняковъ**, г. Равы, 1-го округа Петроковской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Шманкевичъ**, г. Ласка, 3-го округа той же губерніи, Статскій Совѣтникъ **Реутскій**, г. Опатова, 2-го округа Радомской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Дьяковскій**, г. Янова, 1-го округа Люблинской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Боговскій**, г. Сохачева, 1-го округа Варшавской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Розановъ** и г. Блони, того же округа, Коллежскій Ассесоръ **Эрленвейнъ**, г. Межирѣчья, 2-го округа Сѣдлецкой губерніи, Статскій Совѣтникъ **Соковнинъ**, г. Пултуска, 2-го округа Ломжинской губерніи, Титулярный Совѣтникъ **Богаевскій**, Участковый Мировой Судья Винницкаго округа, Статскій Совѣтникъ **Сопоцинскій** и Мировой Судья 1-го участка Архангельскихъ уѣзда и губерніи, Коллежскій Ассесоръ **Спасскій**—Мировыми Судьями: Скорняковъ, Шманкевичъ, Дьяковскій и Реутскій—г. Лодзя, 3-го округа Петроковской губерніи, Сопоцинскій—г. Ласка, того же округа, Боговскій—г. Красностава, 1-го округа Люблинской губерніи, Розановъ—г. Блони, 1-го округа Варшавской губерніи, Эрленвейнъ—г. Новаго Двора того же округа, Соковнинъ—г. Сохачева, того же округа, Богаевскій—г. Гроецъ, означеннаго округа, и Спасскій—г. Опатова, 2-го округа Радомской губерніи, изъ нихъ Скорняковъ, Дьяковскій, Шманкевичъ, Реутскій, Боговскій, Розановъ, Эрленвейнъ, Соковнинъ и Богаевскій согласно прошеніямъ; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Уманскаго, Надворный Совѣтникъ **Ющенко** и Могилевскаго, Коллежскій Ассесоръ **Чаплинскій**—Товарищами Прокурора Кіевского Окружнаго Суда.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Кашинскаго уѣзда, округа Кашинскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Волочковъ**, по случаю причисленія его къ Министерству.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: Прокуроръ Семирѣченскаго Областнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Колпаковскій**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Участковый Мировой Судья Чериковскаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Флоріановъ**.

Согласно прошенію, по болѣзни, Мировой Судья Житомирскаго

округа, Статскій Совѣтникъ Римскій-Корсаковъ, съ муцдиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Членъ Варшавской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Брюхачовъ; Товарищъ Предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Покровскій; Участковый Мировой Судья Невельскаго округа, Статскій Совѣтникъ баронъ Владиміръ Фитингофъ; Мировой Судья 1-го участка Печорскаго уѣзда, Архангельской губерніи, Коллежскій Ассесоръ Козубскій.

Уволеннаго отъ службы, согласно прошенію, Товарища Прокурора Петрозаводскаго Окружнаго Суда, Статскаго Совѣтника Орбели—считать уволеннымъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни.

№ 19, апрѣля 2 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляются на службу, изъ отставныхъ: Докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Мерзеевскій, Надворный Совѣтникъ баронъ Константиъ Штакельбергъ и Титулярный Совѣтникъ фонъ-Нефъ—Почетными Мировыми Судьями округовъ: первый—Эзельскаго, а послѣдніе два—Везенбергъ-Вейсенштейнскаго, всѣ три на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе.

Назначаются: Членъ Харьковской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Южикъ-Компанейцъ—Предсѣдателемъ Екатеринодарскаго Окружнаго Суда; Предсѣдатель Якутскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Лубенцовъ—Членомъ Варшавской Судебной Палаты, согласно прошенію; Членъ Московскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Печонтковскій—Товарищемъ Предсѣдателя того же Окружнаго Суда; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Позень—Товарищемъ Прокурора Казанской Судебной Палаты; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Витебскаго, Статскій Совѣтникъ Пенаркомовъ и Одесскаго, Коллежскій Ассесоръ Шульгинъ—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Томскаго, а второй—Гродненскаго; Членъ Петрозаводскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ князь Дивѣевъ и Дѣлопроизводитель Втораго Департамента Министерства, Надворный Совѣтникъ Любушкинъ—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Петрозаводскаго, по Петрозаводскому уѣзду, а второй—Лубенскаго, по Золотоношскому уѣзду; Судебный Слѣдователь 3-го участка

г. Саратова, Статскій Совѣтникъ Сендлеръ и Городской Судья 1-го участка г. Тамбова, Коллежскій Ассесоръ Салтыковъ—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Саратовскаго, а второй—Тамбовскаго; Докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ фонъ-Бокъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Чумиковъ, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ баронъ Андрей Майдель и Статскій Совѣтникъ графъ Рейтернъ баронъ Нолькенъ, въ званіи Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора: князь Николай Крапоткинъ, Коллежскій Секретарь графъ Арнольдъ Медемъ и баронъ Николай Корфъ, Статскіе Совѣтники: Александръ Францъ, баронъ Александръ Беръ и Фридрихъ фонъ-Цуръ-Мюленъ, Коллежскіе Ассесоры: баронъ Александръ Беръ и Готгардъ фонъ-Фегезакъ, Провизоръ, Титулярный Совѣтникъ Максъ фонъ-Шелеръ, Титулярный Совѣтникъ Семиколѣновъ, Коллежскій Секретарь графъ Игельстромъ, Губернскій Секретарь баронъ Александръ Беръ, отставной Подпоручикъ князь Николай Ливенъ, баронъ Богданъ Майдель и баронъ Левъ Фрейтагъ-Лорингофенъ—Почетными Мировыми Судьями округовъ: князь Крапоткинъ и баронъ Фрейтагъ-Лорингофенъ—Рижско-Вольмарскаго, фонъ-Фегезакъ—Вепденъ-Валкскаго, фонъ-Цуръ-Мюленъ и фонъ-Бокъ—Юрьево-Верроскаго, фонъ-Шелеръ—Перново-Феллинскаго, бароны Андрей и Богданъ Майдель, Чумиковъ, графъ Игельстромъ и Францъ—Ревельско-Гапсальскаго, графъ Медемъ, Статскій Совѣтникъ баронъ Беръ, Губернскій Секретарь баронъ Беръ и князь Ливенъ—Митаво-Баускаго, Семиколѣновъ и баронъ Корфъ—Газеппотъ-Гробинскаго и графъ Рейтернъ баронъ Нолькенъ и Коллежскій Ассесоръ баронъ Беръ—Вицдаво-Гольдингенскаго, всѣ на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: барона Андрея Майделя, князя Крапоткина, графа Рейтерна барона Нолькена, графа Арнольда Медема и барона Николая Корфа въ придворныхъ званіяхъ; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Бахмутскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Габидуллинъ—Городскимъ Судьею г. Луганска; Мировой Судья 1-го участка Мезенскаго уѣзда, округа Архангельскаго Окружнаго Суда, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 2-й степени Смирновъ, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Липецкаго уѣзда, округа Елецкаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ Зоринъ, Помощникъ Мировога Судьи Ахалкалакскаго Отдѣла, округа Тифлисскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь Королевъ и Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ Лебединскій—Товарищами Проку-

рора Окружныхъ Судовъ: Смирновъ—Уманскаго, Зоринъ—Саратовскаго, Королевъ—Бакинскаго и Лебединскій—Полтавскаго; Участковый Мировой Судья Вилюйской округи, округа Якутскаго Окружнаго Суда, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 2-й степени Вишневскій—Добавочнымъ Мировымъ Судьею округа того же Окружнаго Суда; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Ревельскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь Безумовъ и Секретарь Якутскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь Басаревъ—Участковыми Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: Безумовъ—Семиналатинскаго, 2-го участка Усть-Каменогорскаго уѣзда, а Басаревъ—Якутскаго, Вилюйской округи, изъ нихъ Безумовъ съ 14 мая.

Перемѣщаются: Предсѣдатели Окружныхъ Судовъ: Егатириподарскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Котляревскій и Каменецъ-Подольскаго; Статскій Совѣтникъ Чайковскій—Предсѣдателями Окружныхъ Судовъ: первый—Каменецъ-Подольскаго, а второй—Владимирскаго; Уѣздный Членъ Тверскаго Окружнаго Суда, по Ржевскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ Поляковъ—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по Новоторжскому уѣзду, и Членъ Кіевскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Чигаевъ—Членомъ Воронежскаго Окружнаго Суда, оба согласно прошеніямъ; Товарищъ Прокурора Оренбургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Высоцкій—Товарищемъ Прокурора Саратовскаго Окружнаго Суда.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: Добавочный Мировой Судья округа Якутскаго Окружнаго Суда Губернскій Секретарь Богдановичъ.

№ 20, апрѣля 9 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Витебскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Разумовскій—Товарищемъ Предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ фонъ-Дельденъ—Прокуроромъ Великолуцкаго Окружнаго Суда; Уѣздный Членъ Саратовскаго Окружнаго Суда, по Бузнецкому уѣзду, Статскій Совѣтникъ Бѣлевичъ и Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка г. Двинска, Надворный Совѣтникъ Ярославскій—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Плоцкаго, согласно прошенію, а второй—Витебскаго; Добавоч-

ный Мировой Судья округовъ Кълецкой губерніи, Надворный Совѣтникъ Шмигельскій—на такую же должность во 2-й округъ, той же губерніи, съ 24 января; Причисленные къ Министерству: Титулярный Совѣтникъ Родзяновскій и Коллежскіе Секретари: Онаевичъ, Резлеръ и Альбовъ, Товарищъ Уральскаго Областнаго Прокурора, Надворный Совѣтникъ Евстифеевъ и Помощникъ Мироваго Судьи Кубинскаго отдѣла, округа Бакинскаго Окружнаго Суда, завѣдывающій Кубинскимъ городскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Коллежскій Секретарь Соколовскій—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: Родзяновскій—Гродненскаго, Онаевичъ—Сувалкскаго, Резлеръ—Екатеринбургскаго, Альбовъ—Ломжинскаго, Евстифеевъ—Уральскаго и Соколовскій—Елисаветпольскаго, изъ нихъ Евстифеевъ съ 14 мая; Добавочный Мировой Судья Архангельской губерніи, Коллежскій Секретарь Успенскій—Мировымъ Судьею 2-го участка Холмогорскаго уѣзда, той же губерніи и Секретарь Архангельскаго Окружнаго Суда Милицкій—Добавочнымъ Мировымъ Судьею названной губерніи; Товарищъ Прокурора Троицкаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Парадизовъ, Причисленные къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ Мельниковъ, Мировые Судьи областей: Сыръ-Дарьинской, Ташкентскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ Гржендзинскій и Ферганской, Андиджанскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Клодницкій, Помощникъ Мироваго Судьи въ округѣ Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Жебровскій, Помощникъ Секретаря Кіевскаго Окружнаго Суда, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 2-й степени Левицкій, Помощникъ Старшаго Нотаріуса С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Виктешмаеръ и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московской Судебной Палатѣ, Губернскій Секретарь Куницынъ—Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: Гржендзинскій—Ташкентскаго, 3-го участка Ташкентскаго уѣзда, Виктешмаеръ—Самаркандскаго, 4-го участка Самаркандскаго уѣзда, Куницынъ—Върнейскаго, 2-го участка Лепсинскаго уѣзда, Жебровскій—Върнейскаго же 2-го участка Джаркентскаго уѣзда, а остальные четыре—Ново-Маргеланскаго, изъ нихъ: Мельниковъ—2-го участка Кокандскаго уѣзда, Парадизовъ—1-го участка Маргеланскаго уѣзда, Клодницкій—1-го участка Андиджанскаго уѣзда и Левицкій—2-го участка Ошскаго уѣзда, всѣ восемь съ 14 мая.

Переводится на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи Преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназіи, Кол-

лежскій Ассесоръ **Конюченко**—Правителемъ дѣлъ Императорскаго Училища Правовѣднія, съ 3 февраля.

Перемѣщаются: Товарищъ Предсѣдателя Минскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Исаченко**—Товарищемъ Предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Судебный Слѣдователь 5-го участка г. Варшавы, Статскій Совѣтникъ **Стабровскій**—Судебнымъ Слѣдователемъ 1-го участка г. Варшавы, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора Гродненскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Линкинъ**—Товарищемъ Прокурора Виленскаго Окружнаго Суда; Мировые Судьи Архангельской губерніи: 2-го участка Холмогорскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Лакашинъ** и 2-го участка Печорскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Котарскій**—Мировыми Судьями Печорскаго уѣзда: **Лакашинъ**—2-го участка, а **Котарскій**—1-го участка; Мировой Судья Ауліэатинскаго уѣзда, назначенный съ 14 мая Мировымъ Судьею 1-го участка того же уѣзда, округа Ташкентскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Аничковъ**—Мировымъ Судьею 5-го участка Ташкентскаго уѣзда, округа того же Окружнаго Суда, тоже съ 14 мая.

Увольняются отъ должности, согласно прошеніямъ: Почетный Мировой Судья **Юрьево-Верроскаго** округа, Титулярный Совѣтникъ **Аксель фонъ-Экеспарре**; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя: 11-го участка г. Варшавы, Статскій Совѣтникъ **Малевскій** и округовъ Окружныхъ Судовъ: **Плоцкаго**, **Цѣхановскаго** уѣзда, **Коллежскій Совѣтникъ Грабскій** и Гродненскаго 2-го участка **Волковыскаго** уѣзда, **Коллежскій Ассесоръ Өаворскій**, изъ нихъ **Малевскій** и **Өаворскій**—по случаю причисленія ихъ къ Министерству, а **Грабскій**—по случаю назначенія его Нотаріусомъ при Ипотечной Канцеляріи Мироваго Судьи г. Коло, Калишской губерніи, съ 26 марта.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, Прокуроръ Великолудскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Фрейгангъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Мировой Судья г. Калиша, 1-го округа Калишской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Кривцовъ**.

По межевому управленію.

Назначается Младшій Землемѣръ I разряда Межевой Канцеляріи, Межевой Инженеръ, Коллежскій Совѣтникъ **Взоровъ**—Старшимъ Землемѣромъ той же Канцеляріи.

№ 22, апрѣля 17 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначаются: Оберъ-Секретарь Перваго Департамента Правительствующаго Сената, Статскій Совѣтникъ **Раселли**, Редакторъ Втораго Департамента Министерства Юстиціи, Статскій Совѣтникъ **Жедринскій** и Причисленный къ Министерству Юстиціи и исправляющій должность Смотрителя зданія Правительствующаго Сената, Статскій Совѣтникъ **Ловчинскій**—Состоящими за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Радомскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Волковъ** и Товарищъ Прокурора Казанской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Позень**—Членами Судебныхъ Палатъ: первый—Варшавской, а второй—С.-Петербургской; Уѣздный Членъ Тульскаго Окружнаго Суда, по Черпскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Цуриковъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Курскаго Окружнаго Суда; Прокуроръ Казанскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Залѣскій**—Товарищемъ Прокурора Казанской Судебной Палаты; Членъ Орловскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Стрижевскій**—Прокуроромъ Ставропольскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Секретарь Саратовской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Антоновъ**—Членомъ Астраханскаго Окружнаго Суда, съ 14 мая; Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Дембовецкой** и Эстляндскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Скалонъ**—Почетными Мировыми Судьями Лидскаго округа на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: Дембовецкаго въ званіи Сенатора, а Скалона въ занимаемой имъ должности; Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Сергіевскій**, Директоръ Департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ Министерства Финансовъ, Тайный Совѣтникъ **Максимовъ**, Виленскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ченелевскій**, Виленскій Губернскій Врачебный Инспекторъ, Статскій Совѣтникъ **Яцута** и отставной Генераль-Лейтенантъ **Голубъ**—Почетными Мировыми Судьями: Сергіевскій—Виленскаго и Сморгонскаго округовъ, а остальные—Виленскаго округа, всѣ на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трех-

лѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ четырехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Сергіевского, сверхъ того, въ званіи Сенатора; Почетный Опекунъ С.-Петербургскаго Присутствія Опекунскаго Совѣта учреждений Императрицы Маріи, Шталмейстеръ Высочайшаго Двора князь Друцкой-Любецкой и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь Лаппо-Данилевскій — Почетными Мировыми Судьями округовъ: первый—Дисненскаго, а второй—Свенцянскаго, оба на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ князя Друцкаго-Любецкаго въ занимаемой имъ должности и Шталмейстеромъ, а Лаппо-Данилевскаго причисленнымъ къ Министерству; Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ Ханикинъ и Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Камышловскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Дмитріевъ—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Виленскаго, а второй—Пермскаго; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Елатомскаго уѣзда, округа Тамбовскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Поповъ, Секретарь Псковскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Тихановъ и Старшій Бандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Лубенскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь Кондратковскій—Городскими Судьями: первый—2-го участка г. Тамбова, съ 14 мая, второй—посада Сольцы, Порховскаго уѣзда, и послѣдній—г. Золотоноши.

Перемѣщаются: Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Митавскаго Статскій Совѣтникъ Руадзе и Екатеринбургскаго, Статскій Совѣтникъ Солодовниковъ—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Витебскаго, а второй—Казанскаго; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Симбирскаго, Коллежскій Совѣтникъ Чиркинъ, Псковскаго, Коллежскій Ассесоръ Мясоѣдовъ, Острогожскаго, Коллежскій Ассесоръ Вороновъ и Тобольскаго, Титулярный Совѣтникъ Лейцингеръ—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: Чиркинъ—Казанскаго, Мясоѣдовъ—С.-Петербургскаго, Вороновъ—Екатеринославскаго и Лейцингеръ—Острогожскаго; Городской Судья посада Сольцы, Порховскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Мебесъ—Городскимъ Судьею 2-го участка г. Цесова.

Увольняются отъ должности: Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Измаильскаго уѣзда, округа Бишиневскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Владиміровъ, Городской Судья 3-го участка г. Кронштадта, Титулярный Совѣтникъ Струтинскій и Мировой Судья 1-го участка Маріинскаго уѣзда, округа

Томскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Сѣнцовъ, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству, изъ нихъ Владиміровъ и Струтинскій согласно прошеніямъ, а Сѣнцовъ съ 8 апрѣля.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, Состоящій за штатомъ Предсѣдатель Керченскаго Коммерческаго Суда, Статскій Совѣтникъ Страховичъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Члены Окружныхъ Судовъ: Одесскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бржоспівскій и Екатеринбургскаго, Коллежскій Совѣтникъ Чернавинъ; Почетный Мировой Судья Васильковскаго округа, Генераль-Маіоръ Лосъ.

Объявляется Высочайшая благодарность Членамъ Консультациі, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной: Тайному Совѣтнику Ивану Мѣщанинову и Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Андрею Стремоухову—за отличное выполненіе возложеннаго на нихъ особаго порученія.

№ 25, апрѣля 24 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Анапьевскій—Членомъ Харьковской Судебной Палаты; Помощникъ Мироваго Судьи Елисаветпольскаго уѣзднаго отдѣла, Завѣдывающій Дзегамскимъ мировымъ участкомъ, Титулярный Совѣтникъ Дылевскій—Участковымъ Мировымъ Судьею Вейскаго округа; Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ Кудрявцевъ—Товарищемъ Прокурора Ковенскаго Окружнаго Суда; Мировой Судья Кокандскаго уѣзда, Ферганской области, Статскій Совѣтникъ Авдіевъ, Городской Судья г. Камышина, Надворный Совѣтникъ Лебедевъ, Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству при Окружныхъ Судахъ: С.-Петербургскомъ: Коллежскій Секретарь Заремба, Губернскій Секретарь Осетровъ и окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 1-ой степени Сирбиладзе, и Астраханскомъ Коллежскій Секретарь Гонорскій—Мировыми Судьями округа Асхабадскаго Окружнаго Суда: Авдіевъ—1-го Асхабадскаго участка, Лебедевъ—1-го Красноводскаго и Сирбиладзе—2-го Красноводскаго участковъ, Заремба—Мангишлакскаго участка, Осетровъ—1-го Мервскаго и Гонорскій—2-го Мервскаго участковъ, всѣ шесть съ 14 мая; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Тверскомъ Окруж-

номъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ Симоновъ и Помощникъ Мироваго Судьи г. Бухары, Губернскій Секретарь Кузьминъ—Добавочными Мировыми Судьями округа Асхабадскаго Окружнаго Суда, оба съ 14 мая; Секретарь С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Тримакъ—Городскимъ Судьею 3-го участка г. Кронштадта.

Переменяются: Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Московскаго, Коллежскій Ассесоръ Зибертъ, Саратовскаго, Титулярный Совѣтникъ графъ Татищевъ и Якутскаго, Титулярный Совѣтникъ Фроловъ; Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—С.-Петербургскаго, второй—Московскаго и послѣдній Нѣжинскаго.

Увольняются отъ должности, согласно прошениямъ: Почетный Мировой Судья Бѣлостоко-Совольскаго округа, Гродненской губерніи, баронъ Энгельгардтъ; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Нижегородскаго, 2-го участка Лукояновскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ Добролюбовъ, Тверскаго, 1-го участка Вышневолоцкаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ Мауринъ и Сувалкескаго, Владиславовскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ Грудзинскій, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Уѣздный Членъ Вятскаго Окружнаго Суда, по Глазовскому уѣзду: Статскій Совѣтникъ Главизнинъ и Городской Судья 4-го участка г. Оренбурга, Надворный Совѣтникъ Вакъе.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 12, отъ 24-го марта 1899 года.

Причисляются къ *Министерству*: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 12 марта 1899 г. за № 16 отъ должности, согласно прошенію, товарищъ прокурора Виленскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Ставровскій—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя 1 участка Петергофскаго уѣзда, округа С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ 12 марта 1899 года;

старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Каменецъ-Подольскомъ титулярный совѣтникъ Корольковъ, Херсонскомъ титулярный совѣтникъ Тотешъ, Троицкомъ губернской секретарь Шмидтовъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Корольковъ—2 участка Проксуровскаго узда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, Тотешъ—2 участка Днѣпровскаго уѣзда, округа Херсонскаго окружнаго суда, Шмидтовъ—3 участка Троицкаго уѣзда, округа Троицкаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи: коллежскій ассесоръ Шутовъ—для занятій въ канцелярію втораго департамента Правительствующаго Сената, и командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 3 участка Троицкаго уѣзда, округа Троицкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Ляпинъ—къ исправленію той же должности во 2 участокъ Балашовскаго уѣзда, округа Саратовскаго окружнаго суда.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: причислен-

ный къ Министерству Юстиціи, бывшій почетный мировой судья Вилкомирскаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Рудино-Дусятскій**.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается помощникъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда, коллежскій секретарь **Топачевскій**—секретаремъ того же суда;

участковый мировой судья Свенцянскаго округа, коллежскій ассесоръ **Бартошевичъ**—въ составъ Свенцянскаго уѣзднаго по чиншевымъ дѣламъ присутствія;

отставной штабсъ-ротмистръ **Лесевицкій**—гминнымъ судьей III округа Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

Утверждаются, по выборамъ, гминными судьями по Калишской губерніи: **Освальдъ Ботнеръ**—II округа Калишскаго уѣзда, **Викентій Орловскій**—V округа, **Юсіѳъ Курцевскій**—VI округа Турекскаго уѣзда, **Юсіѳъ Кобержицкій**—I округа, **Эмилианъ Дрецкій**—V округа, **Сѣрадзскаго уѣзда**, **Игнатій Станковскій**—V округа, **Владиміръ Моржицкій**—VI округа, **Сигизмундъ Тачановскій**—VII округа Велюнскаго уѣзда, **Романъ Осовичъ**—I округа Кольскаго уѣзда, **Вацлавъ Одеховскій**—II округа, **Базиміръ Грижевскій**—IV округа Ленчицкаго уѣзда, **Францъ Колитовскій**—III округа Конинскаго уѣзда, **Станиславъ Дымецкій**—III округа Слупецкаго уѣзда.

Увольняются отъ должности: гминные судьи: IV округа Ольгушевскаго уѣзда, Бѣлецкой губерніи, коллежскій секретарь **Генрихъ Гофманъ**, согласно прошенію, и III округа Замостскаго уѣзда, Люблинской губерніи, **Коровицкій**—съ 12 января 1899 года, по случаю назначенія секретаремъ Люблинскаго губернскаго правленія.

Умершій *исключается изъ списковъ*: помощникъ мирового судьи **Бутаисскаго городского отдѣла**, коллежскій совѣтникъ **Шахъ-Паро-нианцъ**, съ 19 февраля 1899 года.

№ 13, отъ 29-го марта 1899 года.

Причисляются къ Министерству: исправляющіе должность судебного слѣдователя при областныхъ судахъ: Ферганскомъ, губернский секретарь **Осуховскій** и Сыръ-Дарьинскомъ, коллежскій секретарь **Вѣлозерскій**, помощники мировыхъ судей: 1 участка Самаркандскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Невяровскій** и 2 участка того-же уѣзда, губернский секретарь **Стати**, Вѣрненскаго уѣзда, коллежскій регистраторъ **Горевъ**, Акмолинскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Рамазановъ** и Темирскаго уѣзда, губернский секретарь **Готманъ**—съ

откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя окружныхъ судовъ: Осуховскій—Ташкентскаго, Стати—Самаркандскаго, Бѣлозерскій—Ново-Маргеланскаго, Невяровскій—Вѣрненскаго, Рамазановъ—Омскаго, Готманъ—Уральскаго, Горевъ—Асхабадскаго, всѣ семь—съ 14 мая 1899 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, за болѣзнію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, бывшій членъ при Кутаисскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, коллежскій ассесоръ Шкорбатовъ.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Эриванскомъ окружномъ судѣ, губернской секретарь Сикорскій—помощникомъ мирового судьи Ленкоранскаго отдѣла, округа Бакинскаго окружного суда, завѣдывающимъ Ленкоранскимъ слѣдственнымъ участкомъ.

Приглашается *къ участію* въ составъ Хоперскаго, области войска Донскаго, окружного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія: почетный мировой судья Хоперскаго округа Поповъ—на трехлѣтіе 1899—1902 г.

Увольняется *отъ должности*: гминный судья I округа Варшавскаго уѣзда, губернской секретарь Теофиль Хремнинскій—съ 9 марта 1899 года, по случаю назначенія нотаріусомъ при ипотечной канцеляріи мирового судьи г. Конины.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, за болѣзнію*: состоящій за штатомъ, бывшій засѣдатель Каинскаго окружного суда, коллежскій ассесоръ Гусевъ.

№ 14, отъ 31-го марта 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 20 марта 1899 года за № 17 отъ должностей: мировой судья 2 участка Еписейскаго уѣзда, округа Красноярскаго окружного суда, титулярный совѣтникъ Максимовскій—съ того же числа, и согласно прошеніямъ: участковый мировой судья Волковыскаго округа, Гродненской губерніи, коллежскій секретарь Затурскій, исправляющіе должность судебнаго слѣдователя: 4 участка Шавельскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружного суда, коллежскій совѣтникъ Чернявскій, 1 участка Хорольскаго уѣзда, округа Полтавскаго окружного суда, коллежскій ассесоръ Матвѣевъ, мировой судья Усть-Каменогорскаго уѣзда, Семипалатинской области, коллежскій ассесоръ Владимірскій—съ откомандированіемъ къ исправ-

ленію должности судебного слѣдователя: Затурскій—1 участка Хорольскаго уѣзда, округа Полтавскаго окружнаго суда, Чернявскій—5 участка Шавельскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, Матвѣевъ—1 участка Полтавскаго уѣзда, округа Полтавскаго окружнаго суда, Владимірскій—Семипалатинскаго окружнаго суда, первые три—съ 20 марта, а послѣдній съ 14 мая 1899 года;

секретари при прокурорахъ окружныхъ судовъ: Могилевскаго коллежскій секретарь **Казанскій**, Гродненскаго титулярный совѣтникъ **Киселевскій**, помощникъ секретаря С.-Петербургской судебной палаты, коллежскій секретарь **Соколовъ**, помощникъ дѣлопроизводителя X класса перваго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій секретарь **Случевскій**, старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Ковенскомъ окружномъ судѣ, титулярный совѣтникъ **Кривицкій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Казанскій—3 участка Брестскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, Киселевскій—1 участка Сокольскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, Соколовъ—2 участка Вейсенштейнскаго уѣзда, округа Ревельскаго окружнаго суда, Случевскій—Туккумскаго уѣзда, округа Митавскаго окружнаго суда, Кривицкій—3 участка Шавельскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя: Духовщинскаго уѣзда, округа Смоленскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Сидоровъ**, 1 участка Сокольскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Тыминскій**, 3 участка Шавельскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Прейсъ**, Бромскаго уѣзда, округа Орловскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Смирновъ**—къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса Смоленскаго окружнаго суда—Сидоровъ и судебного слѣдователя: Тыминскій—2 участка Гродненскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, Прейсъ—4 участка Шавельскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, Смирновъ—1 участка Орловскаго уѣзда, округа Орловскаго окружнаго суда.

Переводятся: помощникъ столоначальника Варшавской казенной палаты, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Сакрановичъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената.

Увольняется от службы, согласно прошенію: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 3 участка гор. Харькова, статскій совѣтникъ **Владыковъ**.

По Правительствующему Сенату: увольняется от должности, согласно прошенію: старшій помощникъ оберъ-секретаря перваго департамента Правительствующаго Сената, титулярный совѣтникъ баронъ **Корфъ**—съ 9 марта 1899 года, по случаю избранія секретаремъ С.-Петербургскаго губернскаго дворянскаго собранія.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: переводится: судебный слѣдователь 1 участка Орловскаго уѣзда, округа Орловскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Сахаровъ**—судебнымъ слѣдователемъ Бромскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

№ 15, отъ 9-го апрѣля 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 27 марта 1899 года за № 18, отъ должности, согласно прошенію: исправляющій должность судебного слѣдователя **Кашинскаго** уѣзда, округа **Кашинскаго** окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Волочковъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя 1 участка **Смоленскаго** уѣзда, округа **Смоленскаго** окружнаго суда, съ 27 марта 1899 года;

старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: **Стародубскомъ** коллежскій секретарь **Ляховичъ** и **Гродненскомъ** коллежскій секретарь **Граевскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: **Ляховичъ**—2 участка **Новозыбковскаго** уѣзда, округа **Стародубскаго** окружнаго суда, **Граевскій**—2 участка **Брестскаго** уѣзда, округа **Гродненскаго** окружнаго суда.

Увольняется от службы, согласно прошенію: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности старшаго нотаріуса С.-Петербургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Злобинъ**.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаютъ: переводчикъ при **Уральскомъ** областномъ судѣ, коллежскій регистраторъ **Бахтигереевъ**—присяжнымъ переводчикомъ при **Уральскомъ** окружномъ судѣ, съ 14 мая 1899 года.

Гминными судьями по **Плоцкой** губерніи: **Иванъ Гороховскій**—I округа, **Игнатій Клобуковскій**—V округа **Рыпинскаго** уѣзда, Влади-

міръ Косинскій—III округа Млавскаго уѣзда, Доминиъ Сташевскій—IV округа Праснышскаго уѣзда.

Утверждаются по выборамъ, гминными судьями по *Плоцкой* губерніи: Викентій Журавскій—II округа Плоцкаго уѣзда, Викентій де-Тунъ—III округа Серпецкаго уѣзда, Ѡаддей Свенцицкій—II округа, Антонъ Кариковскій—III округа Липновскаго уѣзда, Ипполитъ Нижинскій—IV округа Цѣхановскаго уѣзда, Станиславъ Кремскій—IV округа Млавскаго уѣзда.

№ 16, отъ 22-го апрѣля 1899 года.

Причисляются къ *Министерству*: старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Вологодскомъ, коллежскій секретарь Баженовъ и Тамбовскомъ, титулярный совѣтникъ Вяжлинскій—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: первый—Духовщинскаго уѣзда, округа Смоленскаго окружнаго суда, а послѣдній—1 участка Темниковскаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда;

канцелярскій чиновникъ перваго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій секретарь Корыхаловъ—съ 27 марта 1899 года, согласно прошенію.

Командируется: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 1 участка Темниковскаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Грековъ—во 2 участка Борисоглѣбскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Предоставляется носить въ отставку мундиры: состоявшимъ при Министерствѣ Юстиціи, бывшему почетному мировому судѣ Вилюмирскаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику Рудоминно-Дусятскому и бывшему члену отъ Правительства при Кутаисскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, коллежскому ассесору Шкорбатову: первому—должности мирового судьи, а послѣднему—должности члена дворянскаго депутатскаго собранія присвоенные.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, за болъзнію: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 1 участка Петрозаводскаго уѣзда, округа Петрозаводскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ Четыркинъ.

По Императорскому Училищу Правовѣдѣнія: назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, статскій

совѣтникъ Федоровъ—смотрителемъ дома и экономомъ Императорскаго Училища Правовѣдвїя, съ 18 февраля 1899 года.

По Правительствующему Сенату: назначаются секретарь при оберъ-прокурорѣ гражданского кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассесоръ Котельниковъ, младшій помощникъ оберъ-секретаря сего департамента, коллежскій ассесоръ Штюцваге и причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію того же департамента Сената, губернскій секретарь Языковъ: Котельниковъ—старшимъ, Языковъ—младшимъ помощниками оберъ-секретаря, а Штюцваге—секретаремъ при оберъ-прокурорѣ гражданского кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, всѣ три—съ 26 марта 1899 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Бакинскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь Поповъ—помощникомъ мирового судьи Геокчайскаго отдѣла, завѣдывающимъ Ивановскимъ мировымъ участкомъ, округа того же окружнаго суда;

Болеславъ Намиткевичъ—гминнымъ судьей IV округа Ново-Минскаго уѣзда, Варшавской губерніи;

младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Варшавской судебной палатѣ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, Теодоровичъ—помощникомъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда.

Переменяются помощники мировыхъ судей округа Бакинскаго окружнаго суда: Дербентскаго отдѣла, завѣдывающій Дешлагарскимъ слѣдственно-мировымъ участкомъ, коллежскій секретарь Пигловскій и Геокчайскаго отдѣла, завѣдывающій Ивановскимъ мировымъ участкомъ, коллежскій секретарь Рогойскій—помощниками мировыхъ судей округа того же окружнаго суда; Пигловскій—Бакинскаго отдѣла, завѣдывающимъ 2 Бакинскимъ городскимъ мировымъ участкомъ, а Рогойскій—Дербентскаго отдѣла, завѣдывающимъ Дешлагарскимъ слѣдственно-мировымъ участкомъ.

Утверждаются, по выборамъ, гминными судьями, по Варшавской губерніи: Михаилъ Лясоцкій—II округа, Генрихъ Любосевичъ—III округа Блонскаго уѣзда, Казиміръ Холевинскій—II округа, Людовикъ Россманъ—IV округа Варшавскаго уѣзда, Кипріянь Апановичъ—III округа Влоцлавскаго уѣзда, Стефанъ Гигерсбергеръ—I округа, Владиславъ Лясоцкій—III округа Гостынскаго уѣзда,

Людвигъ Тарновскій—II округа Кутновскаго уѣзда, Адамъ Кошчовскій—II округа Ловичскаго уѣзда, Здиславъ Бартель—II округа Нешавскаго уѣзда, Антонъ Ржемнолускій—III округа, Игнатій Яворовскій—IV округа Плонскаго уѣзда, Александръ Врублевскій—I округа, Игнатій Мержеевскій—IV округа Пултускаго уѣзда, Сигизмундъ Юнь—II округа Радиминскаго уѣзда.

Умершій *исключается изъ списковъ*: предсѣдатель верхняго крестьянскаго суда Вейсенштейнскаго уѣзда, губернскій секретарь Шмидтъ, съ 30 марта 1899 года.

№ 17, отъ 29-го апрѣля 1899 года.

Причисляются къ *Министерству*: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 9 апрѣля 1899 года за № 20 отъ должности, согласно прошеніямъ: исправляющіе должность судебного слѣдователя: 11 участка гор. Варшавы, статскій совѣтникъ Малевскій и 2 участка Волковыскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда коллежскій ассесоръ Фаворскій—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: первый—5 участка гор. Варшавы, а послѣдній—2 участка Бѣлостокскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, оба—съ 9 апрѣля 1899 года; секретарь Гродненскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Стржижовскій, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Житомирскомъ—титулярный совѣтникъ Немоловскій, Каменецъ-Подольскомъ—коллежскій секретарь Авраменко и титулярный совѣтникъ Барановъ, Радомскомъ—титулярный совѣтникъ Тараборкинъ, Варшавскомъ—титулярный совѣтникъ фонъ-Бульмерингъ и Ковенскомъ—коллежскій секретарь Рубинъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Стржижовскій—2 участка Волковыскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, Немоловскій—2 участка Староконстантиновскаго уѣзда, округа Житомирскаго окружнаго суда, Авраменко—5 участка Балтскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, Барановъ—1 участка Ушицкаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, Тараборкинъ—Козеницкаго уѣзда, округа Радомскаго окружнаго суда, фонъ-Бульмерингъ—Влоцлавскаго уѣзда, округа Варшавскаго окружнаго суда, Рубинъ—3 участка Тельшевскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, изъ нихъ: Авраменко—съ 14 мая 1899 года.

Командируютея: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя:

1 участка Киевскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Чечотъ**—во 2 участокъ гор. Киева, 1 участка Бердичевского уѣзда, округа Киевскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Яценко**—въ 1 участокъ Киевскаго уѣзда, 2 участка Староконстантиновскаго уѣзда, округа Житомирскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Бутовскій**—въ 1 участокъ того же уѣзда, 2 участка Варшавскаго уѣзда, надворный совѣтникъ **Гуревичъ**—въ 11 участокъ гор. Варшавы, Влоцлавскаго уѣзда, округа Варшавскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Контребинскій**—во 2 участокъ Варшавскаго уѣзда.

Опредѣляется *съ службу*: отставной коллежскій секретарь **Михайловъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 4 участка Лабинскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Юревскаго уѣзда, округа Владимірскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Тюльпановъ**.

По Правительствующему Сенату: утверждается въ должности редактора объявленій по правительственнымъ и судебнымъ дѣламъ: временно-исправляющій эту должность, регистраторъ типографіи Сената, коллежскій ассесоръ **Андреевъ**, съ 1 апрѣля 1899 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются: помощникъ секретаря Тифлисской судебной палаты, титулярный совѣтникъ **Ляховичъ** и старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Тифлискомъ окружномъ судѣ, титулярный совѣтникъ **Фрейманъ**—помощниками мировыхъ судей: первый—Ахалгалакскаго отдѣла, завѣдывающимъ Ахалгалакскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Тифлискаго окружнаго суда, а послѣдній—Зугдидскаго отдѣла, завѣдывающимъ Зугдидскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бутанскаго окружнаго суда.

№ 18, отъ 30-го апрѣля 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 17 апрѣля 1899 года, за № 22 отъ должностей: мировой судья 1 участка Мариинскаго уѣзда, округа Томскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Сѣнцовъ**—съ 8 того же апрѣля, и согласно прошеніямъ: исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1 участка Измаильскаго уѣзда, округа

Кишиневскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Владиміровъ и городской судья 3 участка гор. Кропштадта, титулярный совѣтникъ Струтинскій—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: Владиміровъ—судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округа Херсонскаго окружнаго суда, а Струтинскій—старшаго нотаріуса С.-Петербургскаго окружнаго суда, оба—съ 17 апрѣля 1899 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Двинскаго уѣзда, округа Витебскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Гиршъ.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: перемѣщается: помощникъ мирового судьи Кутаисскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающій Кутаисскимъ слѣдственнымъ участкомъ, коллежскій секретарь Селезневъ—помощникомъ мирового судьи Кутаисскаго городского отдѣла.

Переводится: исправляющій должность совѣтника Тифлисскаго губернскаго правленія, титулярный совѣтникъ Тележинскій—помощникомъ мирового судьи Кутаисскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающимъ Кутаисскимъ слѣдственнымъ участкомъ.

По межевой части.

№ 3, отъ 1-го апрѣля 1899 года.

По Межевой Канцеляріи: Назначаются: Младшіе Землемѣры 2 разряда, Межевые Инженеры: Надворные Совѣтники Любимовъ и Моригеровскій и Коллежскій Ассесоръ Даниловичъ—Младшими Землемѣрами 1 разряда, Старшій Землемѣрный Помощникъ, Титулярный Совѣтникъ Адерѣй—Младшимъ Землемѣромъ 2 разряда и Младшіе Землемѣрные Помощники: Губернскіе Секретари: Муфель, Гороховъ и Фурманъ, Коллежскій Регистраторъ Николай Барчанъ и неимѣющій чина Карклинь—Старшими Землемѣрными Помощниками.

Опредѣлены *въ службу*: окончившіе курсъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, съ званіемъ Младшихъ Землемѣрныхъ Помощниковъ и съ правомъ на чинъ XIV класса: Владиміръ Остромысленскій и Сергѣй Шугуровъ—Младшими Землемѣрными Помощниками, оба—съ 20 марта 1899 года.

Уволенъ *отъ службы, согласно прошенію*: Старшій Землемѣрный Помощникъ, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ

Ковалевскій, съ правомъ носитьъ въ отставкѣ мундиръ, послѣдней должности его присвоенный, съ 24 марта 1899 года.

Умершіе *исключены изъ списковъ*: Младшій Землемѣръ 1 разряда, Коллежскій Совѣтникъ **Петровъ** и Смотритель Чертежнаго Архива, Титулярный Совѣтникъ **Глушковъ**.

По губернской межевой части: Назначаются: Младшій Землемѣръ 2 разряда Межевой Канцеляріи, Надворный Совѣтникъ **Шировъ** и Межевщикъ 2 разряда Алатырскаго Удѣльнаго Округа, Коллежскій Регистраторъ **Соловьевъ**—Уѣздными Землемѣрами губерній: первый—Московской и второй—Костромской; *по Тифлисской Судебной Палатѣ*: Старшіе Помощники Землемѣровъ: Коллежскій Ассесоръ **Михайловскій** и Титулярный Совѣтникъ **Татариновъ**—сверхштатными Младшими Землемѣрами, сверхштатные Старшіе Помощники Землемѣровъ, Губернскіе Секретари: **Суровцовъ** и **Кобоско** и Старшіе Помощники Землемѣровъ для работъ въ Чертежной: Титулярный Совѣтникъ **Гречишкинъ**, Коллежскій Регистраторъ **Кокшвили** и неимѣющіе чина: **Алиевъ** и **Григорянцъ**—Старшими Помощниками Землемѣровъ; *по Терской Областной Чертежной*: Старшіе Помощники Землемѣровъ: Коллежскій Ассесоръ **Золотницкій** и Титулярный Совѣтникъ **Ивановъ**—Младшими Землемѣрами и Младшіе Помощники Землемѣровъ: Губернскій Секретарь **Зубковъ** и Коллежскій Регистраторъ **Широченскій**—Старшими Помощниками Землемѣровъ.

Опредѣленъ *въ службу*: окончившій курсъ въ Тифлискомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Мухинъ**—Младшимъ Помощникомъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, съ 15 марта 1899 года.

Увольняется *отъ службы*, согласно прошенію, по болѣзни: состоящій при Тверской Губернской Чертежной частный землемѣр-таксаторъ, Коллежскій Ассесоръ **Томаровъ**.

ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ

за 1899 годъ.

II. Февраля 18 дня 1899 г., за № 4373.

Предсѣдателямъ и прокурорамъ окружныхъ судовъ.

Изъ имѣющихся въ Министерствѣ Юстиціи свѣдѣній усматривается, что нѣкоторые судебные слѣдователи, получивъ указаніе на пребываніе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ скрывшихся отъ слѣдствія обвиняемыхъ, непосредственно, помимо Министерства, входили въ сношенія съ нашими дипломатическими и консульскими властями въ Нью-Йоркѣ, заявляя ходатайство о розыскѣ черезъ мѣстную полицію означенныхъ лицъ, объ учрежденіи за ними негласнаго наблюденія и даже о задержаніи ихъ впредь до возбужденія въ установленномъ порядкѣ требованія объ ихъ экстрадиціи.

Принимая во вниманіе, что исполненіе указаннаго рода порученій по судебнымъ дѣламъ на территоріи иностраннаго государства можетъ быть осуществлено лишь при посредствѣ мѣстныхъ властей, надлежитъ признать, что обращеніе судебныхъ слѣдователей съ подобными требованіями къ русскимъ дипломатическимъ агентамъ представляется несоотвѣтствующимъ точному смыслу ст. 190 учр. суд. уст. На основаніи приведеннаго закона сношенія судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ Имперіи съ судебными и другими мѣстами иностранныхъ государствъ производятся посредствомъ Министра Юстиціи, за исключеніемъ специально указанныхъ въ конвенціяхъ случаевъ непосредственныхъ сношеній между пограничными судебными окру-

гами. Посему, при необходимости произвести на территории иностранного государства какія-либо дѣйствія по дознанію или слѣдствію, судебныя власти обязаны слѣдовать вышеуказанному порядку и не имѣютъ основанія обращаться къ нашимъ дипломатическимъ агентамъ, неуполномоченнымъ къ исполненію подобныхъ требованій.

Вслѣдствіе сего я нахожу необходимымъ, въ предупрежденіе повторенія вышеописанныхъ нарушеній, предложить Г.г. предѣдателямъ и прокурорамъ окружныхъ судовъ принять мѣры къ неуклонному соблюденію судебными слѣдователями, а также производящими слѣдствія мировыми судьями и ихъ помощниками, постановленія ст. 190 учр. суд. уст. и къ направленію ими своихъ требованій, согласно циркулярному предписанію Министеретва Юстиціи отъ 27 февраля 1876 года за № 3236, чрезъ прокурора мѣстнаго окружнаго суда.

Два циркуляра Министерства Юстиціи, по Управленію Межевою Частью.

1) отъ 3-го апрѣля 1899 года за № 50.

Г.г. Губернскимъ Землемѣрамъ.

До 1881 года въ каждомъ уѣздѣ полагался особый уѣздный землемѣръ, который обычно именовался: „Такой-то (по названію уѣзда) уѣздный землемѣръ“.

Высочайше утвержденнымъ 12 мая 1881 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта предоставлено Министру Юстиціи производить въ составѣ чиновъ губернскаго межеваго вѣдомства необходимыя измѣненія и сокращенія.

Съ тѣхъ поръ уѣздные землемѣры въ каждую губернію опредѣляются не по числу уѣздовъ, а по количеству возникающихъ въ губерніи межевыхъ дѣлъ, и вслѣдствіе этого раіономъ дѣятельности каждаго уѣзднаго землемѣра сдѣлалась вся губернія.

Несмотря на это, каждому уѣздному землемѣру попрежнему присваивается наименованіе какого-нибудь уѣзда губерніи,—что, при исполненіи землемѣромъ дѣлъ не въ томъ уѣздѣ, наименованіе котораго случайно ему присвоено, нерѣдко вызываетъ недоразумѣнія и даже замедляетъ работу, такъ какъ должностныя лица иныхъ вѣдомствъ и частныя лица бумаги и заявленія посылаютъ не въ губернской городъ, по жительству землемѣра, а въ соответствующій его названію уѣздный городъ. Такъ, напримѣръ, по одному дѣлу, Оршанскій уѣздный землемѣръ, Могилевской губерніи, исполняя порученіе

въ Гомельскомъ уѣздѣ, потребовалъ отъ Правленія Полѣскихъ же-
лѣзныхъ дорогъ назначенія депутата. Своевременно посланный въ
Оршу отвѣтъ Правленія былъ доставленъ землемѣру только черезъ
2 мѣсяца. Въ другомъ случаѣ, уѣздный землемѣръ не могъ своевре-
менно исполнить выведеннаго изъ очереди дѣла по одной изъ дачъ
уѣзда только потому, что мѣстная почтовая контора, въ виду того,
что пакетъ съ предписаніемъ былъ адресованъ на имя уѣзднаго земле-
мѣра другого уѣзда, не доставила пакета по принадлежности.

По докладѣ объ изложенномъ Господину Министру Юстиціи, Его
Высокопревосходительству, Статсъ Секретарь Н. В. Муравьевъ изво-
лилъ приказать:

1) впредь въ приказахъ по Межевой Части устранить названія
уѣздныхъ землемѣровъ по уѣздамъ

и 2) предписать губернскимъ землемѣрамъ, чтобы они, отнюдь
не дѣлая никакихъ измѣненій въ формулярныхъ спискахъ уѣздныхъ
землемѣровъ, впредь именовали ихъ безъ увазанія уѣздовъ: „уѣздный
землемѣръ (такой-то) губерніи“.

О такомъ распоряженіи Господина Министра Юстиціи, для надлежа-
щаго исполненія, имѣю честь увѣдомить г.г. губернскихъ землемѣровъ.

Подлинный подписалъ Управляющій Межевою Частью,

Сенаторъ Завадскій.

2) отъ 24-го апрѣля 1899 года за № 51.

Г.г. Губернскимъ и Областнымъ Землемѣрамъ.

Межевыми законами и, главнымъ образомъ, разновременно изда-
ными въ развитіе ихъ административными распоряженіями установ-
лены, для надзора за занятіями землемѣровъ, особыя *формы отчет-
ности и нормы* подлежащей исполненію, въ теченіе опредѣленнаго
времени, *полевой и чертежной работы*, а именно:

I.

Землемѣрной инструкціей 13 февраля 1766 года было вмѣнено
землемѣрамъ въ обязанность ежемѣсячно рапортовать въ Межевую
канцелярію или подлежащую контору о количествѣ пройденныхъ
верстъ, обмежеванныхъ дачъ и составленныхъ плановъ и межевыхъ
книгъ ¹⁾. При этомъ какой-либо нормы работы землемѣровъ уста-

¹⁾ П. С. З., 12570, п. 110; тоже требованіе повторено въ Наставленіи земле-
мѣрамъ, отъ іюля (безъ числа) 1766 г.; П. С. З., 12711, ч. IV, п. 9.

новлено не было, а только повелѣвалось „возложенное дѣло производить имъ, не упуская ничего изъ удобнаго къ тому времени, по вся дни, кромѣ воскресныхъ и торжественныхъ, самимъ имъ землемѣрамъ, не поручая онаго никому другимъ, съ такою крайнею прилежностью, радѣніемъ, вѣрностью и безкорыстіемъ, какихъ долгъ присяги, вѣрность и отвѣтъ отъ нихъ предъ Нами и предъ собственнымъ отечествомъ въ государственномъ дѣлѣ требуютъ“¹⁾, а также воспрещалось отлучаться съ мѣста полевыхъ работъ²⁾, и ѣздить на ночлегъ въ селенія, отстояція отъ мѣста работъ далѣе 15 верстъ³⁾.

Выдающійся успѣхъ генеральнаго межеванія въ первые два года по его учрежденіи вызвалъ заботу Межевой экспедиціи Правительствующаго Сената къ изысканію средствъ для производства межевыхъ работъ въ будущемъ безъ уменьшенія ихъ количества. На посланный по этому поводу запросъ, Межевая канцелярія и межевыя конторы отозвались, что слѣдовало бы установить съ упомянутою цѣлью опредѣленную пропорцію числа верстъ, которое землемѣры должны проходить въ теченіе мѣсяца. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, Межевая экспедиція (указъ 26 марта 1768 года) постановила: „Какъ успѣхъ въ произведеніи межеванія зависитъ не отъ утвердительной тому пропорціи, но, во-первыхъ, отъ прилежнаго и радѣтельнаго исполненія каждымъ землемѣромъ возложенной на него должности; во-вторыхъ, отъ состоянія погоды, бывшей во время полевыхъ работъ, и, наконецъ, по качеству мѣстъ, кои, по разности своихъ положеній, разность же и въ успѣхѣ производятъ: *то затѣмъ утвердительно оной и не полагается*. А чтобъ видѣть каждаго землемѣра трудъ и нерадѣтельныхъ понуждать, для того, по прошествіи каждаго мѣсяца, по данному отъ Межевой экспедиціи наставленію, велѣно присылать тѣмъ землемѣрамъ рапорты, сколько ими въ которомъ мѣсяцѣ мѣроу верстъ пройдено и дѣйствительно обмежевано; а потому и утверждается только имѣть по нынѣ испытанной практикѣ *однимъ примѣрнымъ примѣчаніемъ*, чтобы каждый землемѣръ въ сутки полевой работы производилъ не меньше по окружной межѣ и при снятіи внутренней ситуаци, всего по 5 верстъ съ третью на каждый день, а въ мѣсяцъ 160 верстъ“⁴⁾.

¹⁾ Инструкція землемѣрамъ, П. С. З., 12570, п. 4; Инструкція межевнымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ 25 мая 1766 г., П. С. З., 12659, гл. 1, ст. 1.

²⁾ Инструкція землемѣрамъ, п. 5.

³⁾ Инструкція землемѣрамъ, п. 118.

⁴⁾ П. С. З., 13090.

Однако вскорѣ, указомъ Межевой экспедиціи 18 октября 1772 года ¹⁾, это примѣрное урочное положеніе было обращено въ обязательное, въ виду того, что „сія пропорція таковая, что многіе не только ее, но и больше того версть проходили“, при чемъ пояснено, что слѣдуетъ проходить, въ теченіе мѣсяца, одному землемѣру—80 версть по окружной межѣ, а другому—столько же версть при сѣмѣхъ внутренней ситуациі.

По мѣрѣ развитія работъ по генеральному межеванію, Межевая экспедиція,—въ виду лежавшей на ней обязанности „быть всегда свѣдома и въ состояніи при удобныхъ случаяхъ доносить Ея Императорскому Величеству о дѣйствительномъ исполненіи настоящаго нынѣшняго государственнаго межеванія“ ²⁾, а также обнаружившихся случаевъ уклоненія землемѣровъ отъ точнаго исполненія обязанностей,—постепенно усиливала предъявляемыя къ землемѣрамъ требованія, а также и надзоръ за ихъ работами по отчетнымъ вѣдомостямъ. Такъ, въ обширномъ указѣ 1 сентября 1774 года ³⁾, Межевая экспедиція, обращая вниманіе Межевой канцеляріи и конторъ на неуспѣшность занятій землемѣровъ, подтвердила имѣть за ними „неослабное смотрѣніе“, соображать рапорты землемѣровъ о количествѣ исполненной ими въ теченіе мѣсяца работы съ журналами и планами и представлять въ Межевую экспедицію, по истеченіи каждаго лѣта, вѣдомости о количествѣ обмежеванныхъ дачъ и сочиненныхъ плановъ. Указомъ 9 апрѣля 1775 года ⁴⁾ было предписано землемѣрамъ планы и межевыя книги на обмежеванные въ теченіе даннаго мѣсяца земли представлять въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ и было обращено вниманіе на большое число показанныхъ землемѣрами въ отчетахъ за 1774 годъ непастьныхъ дней, тогда какъ въ означенномъ году была почти повсемѣстно засуха. Указомъ 30 сентября 1776 года ⁵⁾, Межевая экспедиція дала знать, что „когда кто изъ особливой своей должности и усердія къ службѣ, съ согласія владѣльцевъ, и въ воскресный день производитъ оную работу будетъ, то сіе отнесется къ его прилежности“.

При учрежденіи въ 1805 году ⁶⁾ должностей межевыхъ ревизоровъ при Межевой канцеляріи, имъ, между прочимъ, вмѣнено въ обя-

¹⁾ П. С. З., 13885.

²⁾ Указъ 31 октября 1767 г., П. С. З., 12998.

³⁾ П. С. З., 14185.

⁴⁾ П. С. З., 14296.

⁵⁾ П. С. З., 14512.

⁶⁾ П. С. З.; 21650.

запность, при производствѣ ревизій, удостовѣряться, посредствомъ соображенія плановъ и дѣлъ съ мѣсячными и годовыми отчетами, въ законномъ исполненіи землемѣрами межевыхъ работъ, въ своевременномъ представленіи вѣдомостей и дѣлъ, а также въ пройденіи землемѣрами узаконеннаго числа верствъ въ каждый мѣсяць и въ подлежащемъ за этимъ наблюденіи со стороны начальства.

Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года были установлены разнообразныя наказанія (отъ замѣчанія до лишенія правъ и ссылки) за проведеніе межи не въ томъ пространствѣ, какое положено обходить ежемѣсячно, и, въ особенности, за ложное донесеніе о количествѣ произведенной межевой работы или о препятствіяхъ при отправленіи оной ¹⁾.

Параллельно съ этимъ Межевая экспедиція, рядомъ указовъ, установила подробную отчетность и для Межевой канцеляріи и межевыхъ копторъ о полевыхъ работахъ землемѣровъ, о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, объ окончаніи межеванія уѣздовъ, объ исполненіи указовъ и о чрезвычайныхъ происшествіяхъ ²⁾.

Извлеченныя изъ вышеприведенныхъ постановленій Межевыхъ Инструкцій и указовъ правила вошли въ Сводъ Законовъ изданія 1832 года, откуда перенесены въ послѣдующія изданія Свода и составляютъ понынѣ для Межевой канцеляріи и подвѣдомственныхъ ей землемѣровъ дѣйствующій законъ: 93—97, 155—170, 14 п. 190 и 512 ст. 2 ч. X т., изд. 1893 года.

II.

Порядокъ занятій и отчетность землемѣровъ губернскаго межеваго вѣдомства были установлены изданнымъ 31 іюля 1828 года „Наставленіемъ“ губернскимъ и уѣзднымъ землемѣрамъ ³⁾ и сохранили свою силу до настоящаго времени: 213, 216, 234 и 236 ст. 2 ч. X т., изд. 1893 г.

„Наставленіемъ“ вмѣнено губернскимъ землемѣрамъ въ обязанность наблюдать, чтобы всѣ уѣздные землемѣры, по истеченіи каждаго мѣсяца, доставляли непременно въ первыхъ числахъ наступив-

¹⁾ П. С. З., 19283, гл. XI, отд. II, 472, 470 ст.; 442, 440 ст. по изд. 1885 г.

²⁾ См. указы Межевой экспедиціи и Межеваго Департамента Сената 9 октября 1766 г. (П. С. З., 12756), 1 Сентября 1868 года (П. С. З., 13162), 15 января и 22 марта 1774 г. (П. С. З., 14103, 14138), 6 сентября 1776 года (П. С. З., 14503), 30 января и 29 сентября 1777 года (П. С. З., 14570 и 14656), 2 апрѣля 1779 г. (П. С. З., 14864), 2 ноября 1787 года (П. С. З., 16587), 16 ноября 1793 г. (П. С. З., 17160), 16 октября 1802 г. (П. С. З., 20466), 7 марта 1812 г. (П. С. З., 25024), 7 октября 1818 г. (П. С. З., 27556), 19 сентября 1823 г. (П. С. З., 29611), 19 мая 1827 г. (П. С. З., 1102).

³⁾ П. С. З., 2203.

шаго мѣсяца подробные отчеты или вѣдомости „о упражненіяхъ своихъ въ полевой работѣ“, съ показаніемъ оконченныхъ и неоконченныхъ дѣлъ, а также мѣста, гдѣ землемѣръ, по отправленіи отчета, будетъ находиться,—а уѣзднымъ землемѣрамъ воспрещено пріѣзжать въ городъ въ теченіе періода полевыхъ работъ безъ разрѣшенія начальства, за исключеніемъ случаевъ болѣзни. По наступленіи зимняго времени уѣздные землемѣры обязаны составлять общій отчетъ о порученныхъ имъ дѣлахъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ окончены, и какія остались неисполненными и почему именно.

Учрежденіе въ 1836 году спеціальнаго полюбовнаго межеванія вызвало, въ дѣляхъ скорѣйшаго и безостановочнаго его производства, особыя мѣры надзора и контроля за работами уѣздныхъ землемѣровъ. Такъ, въ 1843 году, циркуляромъ Управлявшаго тогда межевымъ корпусомъ было установлено примѣрное урочное положеніе. Въ томъ же 1843 году, въ виду обнаружившихся случаевъ принятія нѣкоторыми уѣздными землемѣрами, командированными на полюбовное спеціальное межеваніе, съемоковъ и составленія проектовъ размежеванія общихъ дачъ по частнымъ сдѣлкамъ съ владѣльцами, съ обязательствомъ произвести по этимъ проектамъ формальное межеваніе,—Правительствующій Сенатъ воспретилъ землемѣрамъ, занимающимся полюбовнымъ межеваніемъ и получающимъ за работы по этому межеванію задѣльную плату, входить съ владѣльцами въ какія-либо частныя сдѣлки и принимать на себя занятія, не относящіяся къ службѣ ¹⁾. Нарушеніе этого, какъ самостоятельный видъ преступленія, внесено въ Уложеніе о наказаніяхъ 1845 года ²⁾, а въ Сводъ Межевыхъ законовъ включено правило, предписывающее уѣзднымъ землемѣрамъ исполнять служебныя обязанности въ отношеніи спеціальнаго межеванія на общемъ основаніи, установленномъ для всѣхъ командировуемыхъ межевыхъ чиновъ, и отнюдь не осмѣливаться входить съ владѣльцами въ какія-либо сдѣлки, губернскимъ же землемѣрамъ имѣть въ семъ отношеніи строгое наблюденіе подъ личною отвѣтственностью ³⁾.

Циркуляромъ отъ 29 декабря 1852 года за №№ 3822—3865 ⁴⁾ поставлено въ непремѣнную обязанность губернскихъ землемѣровъ, по полученіи вѣдомостей о полевыхъ и чертежныхъ занятіяхъ межевыхъ чиновъ, немедленно контролировать ихъ со всемъ вниманіемъ и строгостью, и на каждой обревизованной вѣдомости подписывать какъ

¹⁾ П. С. З., 17057.

²⁾ П. С. З., 19283, гл. XI, отд. II, 473 ст.; 443 ст. по изд. 1885 г.

³⁾ Прим. къ ст. 226 т. X, ч. 2 изд. 1893 г.

⁴⁾ Сборн. циркуляровъ по меж. вѣд., т. I, стр. 57.

о времени обрѣзиванія отчета, такъ и объ оказавшемся, съ заключеніемъ своимъ объ успѣхѣ произведенныхъ работъ.

Въ 1856 году было препровождено въ межевыя учрежденія пересмотрѣнное въ особомъ, образованномъ Управляющимъ межевымъ корпусомъ, комитетѣ изъ межевыхъ чиновъ урочное положеніе для полюбовнаго межеванія вмѣстѣ съ новыми формами отчетныхъ вѣдомостей ¹⁾).

Означеннымъ урочнымъ положеніемъ установлено количество полевой и чертежной работы, подлежащей обязательному выполнению землемѣромъ въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени, при чемъ за наименьшій промежутокъ принята четверть дня. Приложенною же къ урочному положенію формою отчетной вѣдомости землемѣра о его занятіяхъ по спеціальному полюбовному межеванію въ теченіе мѣсяца ²⁾ требуется показаніе, особо по каждому дѣлу, числа: а) измѣренныхъ верстъ и сажень, б) поставленныхъ межевыхъ знаковъ, в) снятыхъ десятинь, г) составленныхъ общихъ или повѣрочныхъ и участковыхъ плановъ, съ означеніемъ количества десятинь земли и д) написанныхъ межевыхъ книгъ и количества въ нихъ листовъ. По каждой изъ этихъ категорій работъ должно быть показано число употребленныхъ на ихъ исполненіе дней, съ точностью до четверти дня и съ такою же точностью числа дней, причитающихся на упомянутыя работы по урочному положенію. Кромѣ того дальнѣйшими графами той же вѣдомости требуется показать число табельныхъ дней, въ кои не производились работы, время окончанія дѣла и представленія его по начальству и количество дачъ, размежеванныхъ съ начала весны по день составленія вѣдомости, и сколько въ нихъ десятинь и участковъ, а также объяснить употребленіе остальнаго времени, не вошедшаго въ вышеприведенныя графы (ожиданіе владѣльцевъ и депутатовъ, участіе въ соглашеніяхъ и проч.). Въ означенной вѣдомости должны быть приложены вѣдомости о полученныхъ въ теченіе мѣсяца указахъ, о которыхъ не было еще донесено, и свѣдѣнія о полученныхъ съ начала весны отъ посредниковъ полюбовныхъ сказкахъ, дѣлахъ ремарочныхъ и по съемкѣ ситуации и объ оставшихся изъ этого числа дѣлахъ неисполненными, съ указаніемъ числа дачъ и десятинь въ нихъ и числа участковъ. Въ заключеніе, въ вѣдомости помѣщаются аттестаціи начальника партіи о состоящихъ въ его партіи чинахъ. Для надзора за правильностью отчетныхъ данныхъ, требуется еще прилагать къ каждому исполненному дѣлу выписку

¹⁾ Сборн. цирк. по меж. вѣд., т. I, стр. 241.

²⁾ Тамъ же, стр. 251.

изъ упомянутыхъ ежемѣсячныхъ отчетовъ ¹⁾, которая при свидѣтельствѣ дѣла должна быть тщательно провѣрена съ планами.

Послѣ 1856 года формы отчетности землемѣровъ и контроля за ихъ занятіями подвергались неоднократнымъ измѣненіямъ, послѣднее изъ коихъ и, притомъ, весьма коренное, было произведено въ 1887 году.

III.

Въ циркулярѣ Управлявшаго межевою частью отъ 14 іюля 1887 года за №№ 4463—4520 ²⁾ подробно указаны соображенія, приведшія къ необходимости установленія новыхъ отчетныхъ формъ, а также преподаны губернскимъ землемѣрамъ точныя указанія относительно порядка оцѣнки ими занятій уѣздныхъ землемѣровъ, которую слѣдуетъ основывать на дѣйствительно произведенныхъ работахъ и ихъ качествахъ, а не исключительно на урочномъ положеніи, опредѣляющемъ только нормальныя требованія количества межевой работы, подлежащія въ каждомъ данномъ случаѣ соображенію съ существомъ исполненныхъ дѣлъ, ихъ сложностью, условіями, при которыхъ производилась работа, съ болѣе или менѣе совершенными приемами ея исполненія и достоинствомъ сдѣланныхъ полевыхъ и чертежныхъ работъ.

Засимъ, что касается самыхъ формъ отчетности, то циркуляромъ отъ 4 іюля 1887 года за №№ 4261—4318 ³⁾ для ежемѣсячной вѣдомости землемѣровъ по полевымъ работамъ оставлена прежняя форма, съ тѣмъ лишь различіемъ, что графа для показанія числа дней по урочному положенію исключена, а взамѣнъ ея въ послѣдней графѣ исполнителю предоставлено указать на тѣ особенности дѣла, а также употребленные для его исполненія способы и приемы, на которые онъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе при оцѣнкѣ произведенной имъ работы ⁴⁾. Тотъ же характеръ приданъ и формѣ годичнаго отчета землемѣровъ, цифровыя данныя котораго должны повѣряться съ мѣсячнымъ отчетомъ и дѣлами при свидѣтельствѣ ⁵⁾ и вносятся затѣмъ въ годовую отчетность чертежной, съ дополненіемъ ея свѣдѣніями о томъ, кому поручалось дѣло для освидѣтельствованія, что оказалось по свидѣтельству, были ли жалобы на исполнителя и какъ онѣ разрѣшены, и заключеніями губернскаго землемѣра объ успѣхахъ и достоинствахъ работъ ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 247, прим. 9, стр. 249.

²⁾ Тамъ же, стр. 66.

³⁾ Тамъ же, стр. 59.

⁴⁾ Сборн. цирк. по меж. вѣд., т. I, стр. 307—309, 64.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 64, 65.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 295, 297, 64.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены: а) годичный отчетъ чертежной о чертежныхъ работахъ, съ показаніемъ въ немъ занятій каждаго землемѣра по освидѣтельствованію дѣлъ, снятію копій и по повѣркѣ копій, числа дѣлъ, плановъ и чертежей, количества десятинъ въ нихъ, числа межевыхъ книгъ и производствъ и листовъ въ нихъ, и другихъ, сверхъ показанныхъ въ рубрикахъ вѣдомости, работъ и порученій, возлагавшихся на землемѣра, съ какаго и по каковому числу производились каждымъ чертежныя работы и занятія вообще и съ заключеніемъ губернскаго землемѣра объ успѣхѣ и достоинствѣ работъ ¹⁾, и б) вѣдомость со свѣдѣніями о дѣлахъ, оказавшихся невѣрными по освидѣтельствованію въ Межевой канцеляріи ²⁾.

IV.

Изъ изложеннаго видно:

1) Отчетность, какъ мѣра для наблюденія за занятіями землемѣровъ и для учета исполняемыхъ ими полевыхъ и чертежныхъ работъ, устанавливалась постепенно въ законодательномъ порядкѣ исключительно въ интересахъ успѣшнаго производства генеральнаго и спеціальнаго полюбовнаго межеванія. Государственное значеніе этихъ видовъ межеванія, сплошной ихъ характеръ, необходимость ихъ скорѣйшаго окончанія вызывали принятіе мѣръ, которыя давали бы начальству возможность постоянно слѣдить за успѣшнымъ и безостановочнымъ ходомъ работъ, побуждали, съ одной стороны, къ собранію наиболѣе подробныхъ свѣдѣній о количествѣ произведенныхъ работъ, а съ другой—къ особо усиленному контролю за землемѣрами, а осложненію отчетныхъ вѣдомостей землемѣровъ цифровыми данными и усиленію строгости учета ихъ работъ способствовали какъ установленіе задѣльной платы по полюбовному межеванію, такъ и случаи,— все чаще и чаще повторявшіеся,—уклоненія землемѣровъ отъ надлежащаго исполненія обязанностей.

2) До 1887 года и административныя распоряженія по отчетности не выходили за предѣлы тѣхъ же видовъ межеванія и являлись развитіемъ мѣръ, принимавшихся въ законодательномъ порядкѣ къ скорѣйшему и успѣшному окончанію межеваній генеральнаго и спеціальнаго полюбовнаго;

и 3) Только циркулярное распоряженіе 1887 года впервые имѣло въ виду всю дѣятельность межевыхъ чиновъ губернскаго вѣдомства, общія задачи надзора начальствующимъ за подчиненными и тѣ роды

¹⁾ Тамъ же, стр. 299—301.

²⁾ Тамъ же, ст. 303—305.

землѣрныхъ работъ, которыми нынѣ почти исключительно заняты чины вѣдомства.

V.

Не касаясь установленныхъ закономъ нормъ отчетности, надзора и учета работъ землѣровъ по генеральному и спеціальному полюбовному межеваніямъ и разсматривая только существующую отчетность межевыхъ чиновъ губернскаго вѣдомства, установленную циркулярнымъ распоряженіемъ 1887 года, я нахожу, что хотя означенный циркуляръ устранилъ формальный характеръ отчетности и надзора, предписавъ начальствующимъ оцѣнивать работы исполнителей не съ точки зрѣнія урочнаго положенія, — тѣмъ не менѣе губернскіе землѣры продолжаютъ формальную оцѣнку занятій уѣздныхъ землѣровъ, соображаютъ ихъ отчеты только съ урочнымъ положеніемъ и бдительно слѣдятъ только за тѣмъ, чтобы каждый день, проведенный землѣромъ въ лѣтней командировкѣ, былъ отмѣченъ въ отчетѣ. Сличеніе имѣющихся въ центральномъ Управленіи свѣдѣній съ результатами ревизій, произведенныхъ въ послѣдніе годы, даетъ основаніе утверждать, что только весьма немногіе землѣры, руководимые губернскими землѣрами, заботящимися о правильномъ, не по формѣ, а по существу, веденіи ввѣреннаго имъ дѣла, уяснили начала, положенныя въ основу циркуляра 1887 года и въ соотвѣтствіи съ ними стали работать, не стѣняясь узкими рамками урочнаго положенія, не опасаясь формальнаго контроля, и представлять добросовѣстные отчеты, согласные съ дѣйствительностью; большинство же межевыхъ чиновъ, какъ начальствующихъ, такъ и исполнителей, осталось при прежнемъ, усвоенномъ ими ранѣе порядкѣ, и понынѣ наполняютъ отчеты фальшивыми данными, соотвѣтствующими формальнымъ требованіямъ урочнаго положенія, а не дѣйствительно употребленному на тѣ или иныя работы времени и ихъ размѣрамъ.

Такъ, во многихъ случаяхъ обнаружено, что землѣры, попрежнему, показываютъ въ отчетахъ работы, въ дѣйствительности ими не производившіяся (повѣрку межъ, ими не повѣрившихся, значительныя измѣренія, будто бы дѣлавшіяся для розысканія утратившихся межевыхъ признаковъ, съемку ситуаціи, нанесенной на планъ съ частныхъ владѣльческихъ плановъ и т. п.); попрежнему, время, употребленное на полевые работы, переносится землѣрами въ рубрику чертежныхъ работъ или наоборотъ, съ цѣлью свести отчетъ къ требованіямъ урочнаго положенія, и, наконецъ, попрежнему, недостатокъ работъ противъ урочнаго положенія восполняется въ отчетахъ широкимъ показаніемъ нерабочихъ дней (ненастныхъ, праздничныхъ,

дней ожиданія владѣльцевъ и употребленныхъ на переѣзды). Для согласованія такихъ фиктивныхъ отчетовъ съ подлинными дѣлами, землемѣры въ этихъ послѣднихъ поправляютъ числа на повѣсткахъ и присяжныхъ листахъ или составляютъ вновь и прикладываютъ къ дѣлу новыя повѣстки безъ росписокъ владѣльцевъ; въ полевыхъ журналахъ, попрежнему, работы описываютъ не по числу дѣйствительно употребленныхъ на нихъ дней, а по числу дней, показанныхъ въ согласіе съ урочнымъ положеніемъ въ отчетахъ, при составленіи журналовъ оставляютъ большіе пробѣлы и заполняютъ ихъ послѣ подписи журналовъ владѣльцами.

Точно также большинство губернскихъ землемѣровъ, не уяснивъ себѣ началъ, положенныхъ въ основу циркуляра 1887 года, не даютъ центральному Управленію никакихъ свѣдѣній о своихъ трудахъ по ревизіи полевыхъ и чертежныхъ работъ и ограничиваются только своими заключеніями объ успѣхѣ работъ каждаго землемѣра, обычно краткими, нерѣдко разнорѣчивыми, не дающими Управленію Межевою Частью надлежащихъ данныхъ какъ для сужденія о справедливости сдѣланной оцѣнки, такъ и для распоряженій по личному составу губернскаго межеваго вѣдомства.

VI.

Составленіе фиктивныхъ отчетовъ, соответствующихъ требованіямъ урочнаго положенія, но не согласныхъ съ дѣйствительно исполненными работами и, въ особенности, составленіе, въ связи съ этимъ, журналовъ и другихъ актовъ, заключающихъ въ себѣ умышленно невѣрныя свѣдѣнія,—не можетъ быть терпимо. Такого рода дѣйствія, чѣмъ-бы они ни вызывались и какъ-бы они ни объяснялись, все-таки близко граничатъ съ служебнымъ подлогомъ (362 или 417 ст. Улож.) и, во всякомъ случаѣ, глубоко подрываютъ достоинство чиновъ межеваго вѣдомства.

Признавая свою обязанностью принять рѣшительныя мѣры къ устраненію на будущее время означенныхъ, болѣе чѣмъ неправильныхъ дѣйствій,—я, съ разрѣшенія Господина Министра Юстиціи, оставляя безъ дальнѣйшаго изслѣдованія обнаружившіеся при ревизіяхъ признаки составленія невѣрныхъ отчетовъ и безъ преслѣдованія виновныхъ въ томъ, обращаюсь къ чинамъ ввѣреннаго мнѣ вѣдомства съ настоящимъ циркуляромъ.

VII.

Главною причиною этого явленія представляется, какъ выше объяснено, то обстоятельство, что губернскіе землемѣры, въ большин-

ствѣ, не уяснивъ смысла и значенія циркуляра 1887 года, предъявляютъ, попрежнему, къ землемѣрамъ требованія относительно занятій и отчетности по нимъ, вовсе не соответствующія характеру исполняемыхъ ими въ настоящее время дѣлъ и предписанныя въ свое время при другихъ условіяхъ и для иныхъ цѣлей. Занятія землемѣровъ нынѣ состоятъ въ возобновеніи межевыхъ знаковъ, въ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ, утвержденіи междъ по полюбовнымъ сказкамъ и судебнымъ рѣшеніямъ и въ производствѣ техническихъ работъ по требованіямъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ. Судить объ успѣшности исполненія такихъ дѣлъ и, въ особенности, дѣлъ по возобновенію межевыхъ знаковъ и отграниченію надѣловъ, составляющихъ нынѣ преобладающую работу землемѣровъ, въ виду крайняго разнообразія обстоятельствъ, сопровождающихъ ихъ производство, отнюдь нельзя на основаніи однихъ цифровыхъ данныхъ о количествѣ измѣренныхъ верствъ, о числѣ употребленныхъ на работу дней или составленныхъ чертежей и т. п. Мелочной учетъ каждаго дня въ теченіе обширнаго періода работъ, при успѣшности послѣднихъ, нельзя не признать бесполезнымъ для дѣла и стѣснительнымъ для хорошаго исполнителя. Работа по большей части въ неблагопріятныхъ условіяхъ и жизнь въ крестьянской избѣ могутъ вызвать и физическую усталость, и просто потребность отдыха, который не можетъ быть поставленъ въ вину хорошимъ, знающимъ и усердно работающимъ техникамъ, послѣ предшествовавшего усиленнаго ихъ труда. Требовать, чтобы землемѣры въ теченіе всего періода командировки каждый день, безъ всякаго перерыва для отдыха, посвящали исполненію возложенныхъ на нихъ порученій, значитъ вынуждать добросовѣстныхъ подчиненныхъ или умышленно сокращать производительность своей работы, или скрывать истину отъ непосредственнаго начальства. То и другое равно нежелательно.

Другою, не менѣе существенною причиною невѣрности отчетовъ служитъ установившееся безусловное воспрещеніе межевымъ чинамъ принимать на себя производство частныхъ землемѣрныхъ работъ. Запрещеніе это,—при постоянномъ спросѣ землевладѣльцевъ на частную, неофициальную помощь землемѣровъ и при ограниченности содержанія межевыхъ чиновъ, не получающихъ по всѣмъ исполняемымъ нынѣ видамъ работъ задѣльной платы,—оказывается совершенно безсильнымъ. Произведенными ревизіями выяснено, что въ настоящее время, несмотря на запрещеніе, частныя работы исполняются не только уѣздными, но и губернскими землемѣрами и что употребленное на нихъ время первыми изъ нихъ скрывается въ отчетахъ тѣмъ

же способомъ фальшивыхъ свѣдѣній, какъ и время отдыха. Въ виду этого и принимая во вниманіе: а) что установленное дѣйствующими законоположеніями воспрещеніе частныхъ работъ относится только къ землемѣрамъ, командированнымъ на генеральное и специальное полюбовное межеваніе земель чрезъ посредниковъ,—какое запрещеніе обуславливается государственнымъ характеромъ этихъ межеваній, необходимо непрерывнаго ихъ производства и скорѣйшаго окончанія; б) что исполняемыя нынѣ межевыя работы, состояція главнымъ образомъ въ размежеваніи земель по полюбовнымъ сказкамъ, въ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и въ возобновленіи междъ, производятся по ходатайствамъ землевладѣльцевъ, вызываемымъ, какъ и просьбы ихъ о частныхъ работахъ, одною и тою же потребностью благоустройства поземельныхъ владѣній, и в) что дѣйствующія узаконенія не только не запрещаютъ безусловно частныя работы состоящихъ на государственной службѣ землемѣровъ, но, напротивъ, прямо допускаютъ возможность помощи межевыхъ чиновъ землевладѣльцамъ въ ихъ частныхъ межевыхъ потребностяхъ,—такъ 229 статью Меж. Зак. вмѣнено уѣзднымъ землемѣрамъ въ обязанность, въ случаѣ обращенія къ нимъ владѣльцевъ общей дачи, желающихъ размежеваться, оказывать имъ содѣйствіе въ составленіи полюбовной сказки, а въ 1861 году, въ видахъ успѣшнаго производства отграниченія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, было предоставлено центральному Управленію увольнять землемѣровъ по ходатайствамъ землевладѣльцевъ на частныя работы ¹⁾,—я остановился на мысли, что дальнѣйшее безусловное воспрещеніе чинамъ межеваго вѣдомства частныхъ работъ, при настоящемъ положеніи нашего землевладѣнія, едва-ли было бы справедливо, и, несомнѣнно, вредно отзовется на существенныхъ нуждахъ сельскаго хозяйства и что, съ другой стороны, разрѣшеніе наиболѣе энергичнымъ и трудолюбивымъ землемѣрамъ, при условіи правильнаго и своевременнаго окончанія ими всѣхъ порученныхъ имъ дѣлъ, посвящать время отпусковъ и вообще свободное время, свой отдыхъ,—исполненію частныхъ работъ по приглашенію землевладѣльцевъ, представляется соотвѣтствующимъ какъ характеру настоящихъ межевыхъ работъ, такъ и поставленной настоящимъ циркуляромъ цѣли—безусловно устранить показанія въ отчетахъ фиктивныхъ свѣдѣній, а также не влекущимъ за собою ни вреда для службы, ни униженія служебнаго достоинства межевыхъ чиновъ.

¹⁾ П. С. З., 36774, 37252.

Въ виду всего сказаннаго, для успѣшнаго производства дѣлъ, представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ:

во-1-хъ), чтобы губернскіе землемѣры были знакомы со всеми поступившими въ чертежную дѣлами; чтобы они въ теченіе періода работъ постоянно имѣли свѣдѣнія о положеніи работъ подвѣдомыхъ имъ землемѣровъ; чтобы они непремѣнно лично разсматривали каждое дѣло, представленное исполнителемъ въ чертежную по его окончаніи;

во-2-хъ), чтобы уѣздные землемѣры своевременно, въ опредѣленные сроки, представляли оконченныя дѣла и доносили о своихъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто (о перемѣнѣ дистанцій), чтобы ежемѣсячная ихъ отчетность ограничивалась свѣдѣніями о числѣ исполненныхъ въ теченіе отчетнаго мѣсяца дѣлъ, съ поясненіями, если это окажется нужнымъ, обстоятельствъ, способствовавшихъ или препятствовавшихъ успѣху работъ,

и въ-3-хъ), чтобы о частныхъ работахъ, исполненныхъ землемѣрами, они непремѣнно, подъ страхомъ отвѣтственности, немедленно доносили бы губернскому землемѣру.

Что же касается годовой отчетности губернскихъ чертежныхъ, то, въ виду установленія циркуляромъ 1887 года отчетныхъ данныхъ, характеризующихъ движеніе дѣлъ въ чертежной (именно: общихъ свѣдѣній о дѣятельности чертежной—вѣдомости $\frac{A}{1}$ и $\frac{A}{2}$, росписанія дѣлъ, поручаемыхъ къ исполненію землемѣрамъ—вѣдомость $\frac{B}{1a}$ и именнаго списка дѣлъ, остающихся неоконченными производствомъ и непорученными для исполненія полевыхъ работъ—вѣдомость $\frac{B}{1b}$), было бы желательно, чтобы губернскіе землемѣры, сверхъ того, представляли Управляющему Межевою Частью свѣдѣнія и свои соображенія объ общемъ ходѣ дѣлъ, объ особыхъ случаяхъ, встрѣтившихся въ отчетномъ году на практикѣ и способахъ, коими они были разрѣшены, о желательныхъ улучшеніяхъ въ постановкѣ чертежной и т. п. Только такимъ путемъ возможно достигнуть единообразія въ дѣйствіяхъ различныхъ чертежныхъ.

VIII.

На основаніи всего вышеизложеннаго, съ разрѣшенія Его Высочайшаго Превосходительства, Господина Министра Юстиціи, Статсъ Секретаря Н. В. Муравьева, предлагаю Г.г. Губернскимъ и Областнымъ Землемѣрамъ, въ отмѣну предписанія отъ 29 декабря 1852 года за №№ 3822—3865 и въ развитіе установленныхъ циркулярнымъ распоряженіемъ 4 іюля 1887 года началъ отчетности, въ руководствѣ слѣдующія правила:

1) Командированные на полевые работы землемѣры должны представлять губернскому землемѣру: а) свѣдѣнія о перемѣнѣ дистанцій, б) исполненные дѣла въ срокъ—не позже двухъ недѣль со времени ихъ окончанія, в) отчетъ о работахъ за предыдущій мѣсяцъ, съ показаніемъ названій исполненныхъ дѣлъ и съ означеніемъ тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, которыя вліяли на ходъ и успѣшность работъ и которыя, по мнѣнію землемѣра, могутъ быть приняты въ соображеніе губернскимъ землемѣромъ при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ его занятій; этотъ отчетъ долженъ отсылаться не позже 5 числа слѣдующаго мѣсяца и г) такого же содержания отчетъ, по окончаніи командировки, за весь періодъ полевыхъ занятій.

2) Какъ представляемыя свѣдѣнія о переѣздахъ, такъ и отчеты землемѣровъ отнюдь не должны заключать въ себѣ вымышленныхъ или фиктивныхъ указаній, подъ личною ихъ, землемѣровъ, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностью.

3) Въ случаѣ принятія на себя землемѣрами частныхъ работъ, они должны немедленно доносить о томъ губернскому землемѣру, который, затѣмъ, при оцѣнкѣ занятій землемѣра, принимаетъ въ особое соображеніе, не повліяли ли такія частныя занятія на точное и своевременное исполненіе имъ служебныхъ дѣлъ.

4) По освидѣтельствованіи всѣхъ дѣлъ, исполненныхъ уѣздными землемѣрами, и, во всякомъ случаѣ, не позже 15-го мая каждаго года, губернскіе землемѣры представляютъ Межевому Управленію, о каждомъ землемѣрѣ, надлежащія свѣдѣнія о его занятіяхъ за минувшій годъ, съ указаніемъ результатовъ освидѣтельствованія исполненныхъ имъ дѣлъ, а также отзывы о служебныхъ и нравственныхъ качествахъ землемѣровъ,—съ такою подробностью, чтобы Межевое Управленіе имѣло въ этихъ свѣдѣніяхъ и отзывахъ необходимыя данныя для распоряженій по личному составу землемѣровъ губернскаго межеваго вѣдомства.

5) Въ тотъ же срокъ губернской землемѣръ представляетъ Межевому Управленію, въ дополненіе къ доставленнымъ имъ за истекшій годъ отчетнымъ вѣдомостямъ—о положеніи дѣлъ, состояніи архива, инструментовъ и о суммахъ, ассигнованныхъ на расходы по чертежной,—свои соображенія объ общемъ состояніи межеваго дѣла въ губерніи и о дѣятельности чертежной и ея нуждахъ.

Подлинный подписалъ Управляющій Межевою Частью,

Сенаторъ *Завадскій*.

ОТКРЫТІЕ НОВЫХЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ, СТЕПНЫХЪ И ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТЯХЪ ¹⁾.

Во исполненіе Высочайшаго Государя Императора повелѣнія о введеніи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II въ Туркестанскомъ краѣ, Степныхъ и Закаспійской областяхъ 14-го мая, въ годовщину Священнаго Корованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, послѣдовало торжественное открытіе Ташкентской и Омской судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ: Ташкентскаго, Самаркандскаго, Новомаргеланскаго, Вѣрненскаго, Асхабадскаго, Омскаго, Семипалатинскаго и Уральскаго, а также введена судебная реформа въ Тургайской области. Объ этомъ Министромъ Юстиціи доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, при чемъ повергнуты къ стопамъ Его Императорскаго Величества постутившія отъ высшихъ мѣстныхъ представителей администраціи и суда выраженія вѣрноподданнической благодарности и живѣйшей радости по поводу Всемилостивѣйшаго дарованія этимъ окраинамъ новыхъ судебныхъ установленій, а равно изъявленія непреклонной рѣшимости мѣстныхъ чиновъ судебного вѣдомства положить всѣ силы и все разумѣніе на достойное, честное и ревностное исполненіе своего святаго долга передъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ. На всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ Статсъ Секретаря Муравьева Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше благоугодно было Собственнооручно начертать: *„Искренно благодарю и желаю полного устья вновь открытымъ судебнымъ установленіямъ“*.

---

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст., Февраль 1899 г., офиц. отд., стр. 63.

Въ день 14 мая Статсъ Секретарь Муравьевъ привѣтствовалъ новыхъ судебныхъ дѣятелей телеграммою такого содержанія:

„Отъ глубины души горячо привѣтствую Васъ всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей новыхъ судебныхъ установленій съ начатіемъ высокаго, плодотворнаго служенія обновленному правосудію на возрождающейся окраинѣ и съ завершеніемъ великаго судебного преобразованія. Да поможетъ намъ Господь достойнымъ исполненіемъ святаго долга вполне оправдать драгоценное Монаршее довѣріе, справедливыя ожиданія отечества, твердыя надежды вѣдомства. Всѣмъ сердцемъ, помыслами съ Вами. Министръ Юстиціи, Статсъ Секретарь Муравьевъ“.

Въ тотъ же день Министромъ Юстиціи были получены по телеграфу многочисленныя привѣтствія со стороны предсѣдателей открытыхъ судебныхъ установленій, а также слѣдующія привѣтствія вышнихъ представителей мѣстной администраціи:

1) Отъ и. д. Туркестанскаго Генераль-Губернатора:

„Туркестанскій край торжественно празднуетъ сегодня введеніе судебной реформы. Съ живѣйшею радостію принимая эту великую Царскую милость, населеніе, а также чины всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій совместно съ новыми судебными дѣятелями почтительно просятъ Ваше Высокопревосходительство повернуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства ихъ безпредѣльной преданности Престолу и твердой рѣшимости всѣми своими силами содѣйствовать осуществленію благихъ предначертаній возлюбленнаго Монарха. И. д. Генераль-Губернатора, Генераль-Лейтенантъ Ивановъ“.

2) Отъ и. д. Степнаго Генераль-Губернатора:

„Сегодня я со всѣми представителями юстиціи, администраціи и мѣстнаго общества празднуемъ открытіе новаго суда, дарованнаго краю Всемилостивѣйшимъ Государемъ, и приемъ за здоровье Его Министра, неустаннымъ заботамъ и энергіи котораго Сибирь обязана новымъ крупнымъ шагомъ, обеспечивающимъ ея развитіе. Примите, Ваше Высокопревосходительство, наши искреннія поздравленія съ завершеніемъ Вашихъ трудовъ по столь важной реформѣ. И. д. Степнаго Генераль-Губернатора, Генераль-Лейтенантъ Санниковъ“.

3) Отъ Начальника Закаспійской области:

„По открытіи Асхабадскаго окружнаго суда на данномъ мною обѣдѣ послѣ здравницы за Государя и Царствующій Домъ присутствующіе горячо присоединились къ гостю за главныхъ представителей прежняго и новаго правосудія, Ваше Превосходительство и Военнаго Министра. Генераль-Лейтенантъ Боголюбовъ“.

Кромѣ того Министромъ Юстиціи по тому же случаю получена была телеграмма отъ Омскаго городского головы, въ которой значилось слѣдующее:

„Омское городское общество обрадовано открытіемъ новыхъ судебныхъ учреждений и искренно благодаритъ Ваше Высокопревосходительство. Городской голова Остапенко“.

ЮРИСПРУДЕНЦІЯ И СУДЕБНАЯ ПСИХОПАТОЛОГІЯ.

П. И. Ковалевскаго ¹⁾.

Предметомъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ служить всестороннее изученіе человѣческихъ правъ и обязанностей и тѣсно связанное съ этимъ изученіе ответственности за нарушеніе въ области этихъ проявленій душевной жизни человѣка. Область этихъ знаній такъ разнообразна, такъ обширна, такъ велика, что требуетъ отъ желающаго ее изучить много времени, усердія и вниманія. Цѣлый циклъ предметовъ составляетъ курсъ юридическихъ наукъ, при чемъ къ научно образованному юристу предъявляются требованія въ знаніи многихъ другихъ предметовъ, не составляющихъ уже прямого содержанія юриспруденціи, а только лишь добавочное и дополнительное ученіе. Сюда относятся частью общеобразовательные предметы, какъ: исторія родины, міровая исторія, естествознаніе и проч., такъ и нѣкоторые спеціальные предметы, какъ судебная медицина и пр.

Академическое изученіе юриспруденціи даетъ полное представленіе особенно о правахъ человѣка и человѣчества и о взаимосоотношеніи людей между собою. При этомъ излагаются самыя возвышенныя идеи о человѣческомъ до-

---

¹⁾ Вступительная лекція въ курсъ судебной психопатологіи въ Петербургскомъ университетѣ.

стоинствѣ, долгѣ, нравственныхъ правахъ и обязанностяхъ и, только какъ отрицательная сторона этого дѣла, нарушенія этихъ правъ и средства къ предупрежденію и устраненію этихъ правонарушеній. Догма юриспруденціи излагаетъ идеаль человѣческихъ правъ и обязанностей. Она возвышенна, благородна, чиста и служитъ къ упроченію идеала въ человѣчествѣ.

Къ сожалѣнію, практика жизни даетъ далеко не то. Только отрицательныя и отрицательныя стороны жизни она представляетъ. Только съ правонарушеніями, проступками и преступленіями она васъ будетъ знакомить и приводить въ соприкосновеніе. Изученіе нарушеній закона—вотъ главный предметъ вашей будущей практической дѣятельности. Если бы руководствоваться содержаніемъ дѣятельности юриста-практика при составленіи юридическихъ курсовъ, то всѣ предметы этого курса должны были бы состоять въ изученіи проявленія аномалійныхъ и преступныхъ дѣяній человѣка и человѣчества. Но какъ можно тщательно изучить патологию, уклоненія жизни и дѣятельности, не имѣя точнаго и опредѣленнаго представленія о нормѣ человѣка, его правахъ, долгѣ, обязанностяхъ и т. д.? Во всякомъ случаѣ такіе курсы были бы слишкомъ односторонними и нравственно тягостными. Я полагаю, не много бы нашлось охотниковъ для изученія однихъ только аномалійныхъ поступковъ человѣческаго духа и жизнедѣятельности, если бы впереди этого не стоялъ свѣточъ человѣческаго идеала, его правъ и нравственнаго долга. Къ великой чести юристовъ всѣхъ вѣковъ и странъ должно сказать, что никто столько не ратовалъ на поприщѣ принципиальной защиты правъ человѣка и человѣчества. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть вліянія разумнаго и плодотворнаго изученія юриспруденціи. Защита обиженнаго и угнетаемаго, оправданіе невинно-осуждаемаго, удовлетвореніе оскорбленному и множество другихъ весьма чистыхъ и возвышенныхъ актовъ составляютъ обычную дѣятельность юриста. Нѣчто чистое, возвышенное и гуманное обязательно проявляется на каждомъ шагу даже въ тѣхъ его тяжелыхъ дѣйствіяхъ, которыя составляютъ его практику жизни. Поэтому весьма естественно, что юристы и въ общественной жизни

являются обычными защитниками права и достоинства человека, ибо это основа ихъ образования и главное освѣщеніе всей ихъ дѣятельности.

Практика жизни юриста, заключаая въ себѣ разборъ и изученіе правонарушеній, проступковъ и преступленій, полнѣе освѣщаетъ человѣческую душу и показываетъ тѣ ея отрицательныя проявленія, которыя составляютъ оборотную сторону идеала человека. Эти отрицательныя явленія могутъ служить выраженіемъ случайности, неумышленности, стеченія обстоятельствъ, вынужденности, зрѣлаго обдумыванія, заранѣе составленнаго плана и, наконецъ, болѣзненнаго состоянія ума и мысли. Во всемъ этомъ юристу приходится разобраться и ориентироваться, дабы не дать событію и происшествію неправильной и ложной окраски. Все это ему нужно строго обсудить и обдумать. Въ этихъ-то случаяхъ для полной объективности дѣйствія юристу необходимы познанія не только юридической догмы объ идеальныхъ правахъ и долгахъ человека, но и знаніе душевныхъ движеній какъ у здороваго, такъ и душевно-больнаго человека. Въ этихъ именно случаяхъ юристу должно знать человека, не только нормальнаго и идеальнаго, но и человека-преступника и душевно-больнаго. Только при такихъ знаніяхъ онъ можетъ считать себя болѣе или менѣе творящимъ *судъ правый*. Для правильнаго разумѣнія душевныхъ дѣяній преступника и душевно-больнаго ему, кромѣ знанія права въ широкихъ его размѣрахъ, потребуются свѣдѣнія о душевномъ состояніи прирожденнаго преступника и душевно-больнаго. Здѣсь-то именно и требуются для него *прикладныя знанія*, знанія не только юриспруденціи, но и знанія криминальной психологіи и судебной психопатологіи.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая различныя преступленія, мы очень часто между многими изъ нихъ усматриваемъ полное сходство по механизму самаго процесса преступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма существенную разницу по существу и мотивамъ, что, разумѣется, не можетъ не отразиться и на отвѣтственности преступника. Возьмемъ примѣры: Х., нуждаясь въ средствахъ, рѣшилъ добыть ихъ насильно у ростов-

щика. Онъ изучаетъ его образъ жизни, расположеніе квартиры, отношенія къ сосѣдямъ, образъ жизни сосѣдей, средства борьбы,—соображаетъ всѣ эти обстоятельства, выбираетъ удобное мѣсто, время и орудіе и достигаетъ своей цѣли путемъ убійства старика-ростовщика. Все это сдѣлано хладнокровно, не торопясь, чисто, гладко и удачно. Мало того, преступникъ впередъ обдумалъ планъ бѣгства и, совершивши дѣло, бѣжалъ. Несомнѣнно, *предумышленное преступленіе съ заранѣе обдуманною цѣлью.*

Дьячекъ одной изъ деревень Полтавской губерніи, прійдя, подѣ влияніемъ меланхолическихъ идей, къ заключенію о томъ, что нужно скорѣе спасти своихъ дѣтей отъ грядущихъ мукъ ада, рѣшилъ такъ: дѣти—безгрѣшны, это ангелы по душевной чистотѣ; если они въ эту пору умираютъ, то попадаютъ прямо въ рай. Поэтому, въ слѣдующее воскресенье, онъ причащаетъ въ церкви всѣхъ своихъ пятерыхъ дѣтей (отъ 9 до 2 лѣтъ), приводитъ домой и самымъ хладнокровнымъ образомъ всѣмъ имъ перерѣзываетъ горло. Дѣти—невинны. Они теперь ангелы. Они въ раю. Дьячекъ счастливъ и доволенъ. Тѣмъ болѣе, что самъ Богъ велѣлъ ему это сдѣлать. Дѣяніе предумышленное, съ заранѣе обдуманною цѣлью; но *дѣяніе душевно-болнаго человека.*

Разсматривая планъ и механизмъ этихъ двухъ дѣяній, мы видимъ въ нихъ все общее: и умысль, и изученіе условий бытія заранѣе, и впередъ составленный планъ дѣйствій, и хладнокровное выполненіе его, и полное удовлетвореніе по выполненіи. Единственная разница между этими дѣяніями лежитъ только лишь въ основѣ этихъ преступленій: въ первомъ—злая воля, во второмъ—душевная болѣзнь.

Вотъ для того, чтобы судья могъ вполне безпристрастно и объективно разобраться, ему и необходимо знаніе патологическихъ состояній душевной жизни человѣка или изученіе психопатологій.

Я предвижу со стороны многихъ изъ васъ небезосновательное возраженіе: позвольте, о нормальности и ненормальности душевнаго состоянія того или другаго человѣка можетъ судить каждый изъ насъ, — на это есть здравый смысл!..

Да, если мы допустимъ даже, что каждый изъ васъ имѣетъ *смыслъ* и притомъ именно *здравый смыслъ*, то и тогда я не могу вполне согласиться съ тѣмъ, что этого съ васъ довольно для сужденія о нормальности или ненормальности душевнаго состоянія того или другаго лица. Прежде всего, что такое здравый смыслъ? Каждый изъ васъ считаетъ себя человекомъ съ здравымъ смысломъ, — а между тѣмъ, какъ часто каждый изъ васъ своего сосѣда считаетъ дуракомъ, тогда какъ самъ себя онъ считаетъ именно со здравымъ смысломъ, — и вамъ придаетъ то мнѣніе, какое вы имѣете о немъ... Здравый смыслъ — это то пожеланіе, которое каждому полезно, но, къ сожалѣнію, не каждому даже доступно. Возьмемъ мы душевно-больныхъ. По меньшей мѣрѣ 75% изъ нихъ считаетъ себя со здравымъ смысломъ, а васъ не со здравымъ смысломъ... Какъ же быть въ этихъ случаяхъ?!.. Мнѣ кажется, такой личный критерій будетъ слишкомъ ненадежнымъ, — и такая мѣрка будетъ слишкомъ неопредѣленною.

Не забудемъ и того, что многія проявленія жизни для людей даже со здравымъ смысломъ представляются условными. Такъ, напр., что такое нравственность и безнравственность? Имѣемъ ли мы право по обнаруженному проценту преступленій судить о преступности того или другаго общества?! И не каждый ли день намъ приходится наблюдать, какъ съ одной судебной трибуны одно и то же дѣяніе признается страшнымъ преступленіемъ, а съ другой — едва-ли не проявленіемъ гражданской доблести...

Къ моему удовольствію, мое мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ практикѣ жизни. Почти два вѣка назадъ великій философъ Кантъ признавалъ, что единственнымъ судьей въ дѣлѣ сомнительныхъ преступленій можетъ быть, какъ бы вы думали, кто? — Философъ. Вотъ его слова. „Въ такихъ случаяхъ“ — говоритъ Кантъ — „судъ долженъ предоставить рѣшеніе не медицинскому факультету, а филологическому, который скорѣе можетъ судить, совершенно ли данное преступленіе въ состояніи невмѣняемости, такъ какъ обсужденіе такихъ вопросовъ относится всецѣло къ области психологіи. Правда, недоразвитіе или вообще аномаліи въ строеніи орга-

новъ душевной дѣятельности могутъ изрѣдка служить какъ-бы причиною нарушенія самыхъ основныхъ, свойственныхъ каждому здоровому человѣку, законовъ морали,—однако врачи и физиологи пока еще не изучили настолько тѣ условія и законы, по которымъ совершаются тѣ или другія отправленія человѣческаго организма, чтобы, на основаніи ихъ, *объяснить или даже заранее предсказать какое-либо преступленіе*. Вообще судебная медицина, занимаясь рѣшеніемъ вопроса о вмѣняемости или невмѣняемости преступника, вторгалась въ чужую область, и судья долженъ обратиться за рѣшеніемъ вопроса къ совершенно другому источнику“...

Tempora mutantur et nos mutamur in illis!

Если даже Кантъ былъ правъ, то его время было одно время, а нынѣ—другое. Тогда были одни философы и одни психіатры, нынѣ—другіе. Едва-ли кто изъ современныхъ философовъ вздумаетъ предъявлять къ суду претензію на приглашеніе его экспертомъ въ томъ или другомъ сомнительномъ по мотивамъ преступленія дѣлѣ,—едва-ли найдутся такіе судьи, кои подумали бы въ такомъ направленіи,—и едва-ли найдутся такіе психіатры, которые безъ боя уступили свой гражданскій долгъ лицамъ некомпетентнымъ... Да и въ тѣ времена эти философскія мечтанія не нашли себѣ оправданія, ибо ни одинъ судъ въ мірѣ не завелъ у себя судебныхъ философовъ. Современно-научный взглядъ на метафизическую философію, въ примѣненіи ея къ дѣлу, нѣсколько иной,—а чтобы не быть въ этомъ отношеніи грубымъ, я приведу мнѣніе очень компетентнаго въ данномъ дѣлѣ лица. Проф. Флексигъ говоритъ слѣдующее: „*Метафизика, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, дѣйствуетъ подобно наркотическому средству, ясность и трезвость нашихъ взглядовъ отъ этого несомнѣнно страдают*“.

Намъ же кажется, что во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ компетентнымъ лицомъ можетъ быть не философъ и не медикъ, а только лишь судья, освѣдомленный надлежащими медицинскими познаніями.

Но вотъ намъ готовятъ другое возраженіе: юридическая дѣятельность слишкомъ разностороння и разнообразна. Объек-

ты преступленій могутъ касаться области медицины, химіи, механики, торговли, искусства и т. д., и т. д. Неужели же юристу нужно изучать и медицину, и химію, и бухгалтерію, и инженерное искусство, и т. д. Для чего же тогда экспертиза? Да и возможно ли такое энциклопедическое образование безъ ущерба для специальныхъ знаній?!

Знакомство съ судебной психопатологіей для юриста важно уже для того, чтобы имѣть возможность отнестись къ врачебной экспертизѣ въ томъ или въ другомъ случаѣ вполне осмысленно, сознательно и съ должнымъ разумніемъ. Безъ предварительной подготовки судья долженъ будетъ принять экспертизу психіатра на вѣру—слѣпо и безъ разсужденія, или же отнестись къ ней съ критикою здраваго смысла. Мы полагаемъ, что и то, и другое неудобно и неудовлетворительно. Только юристъ, надлежаще освѣдомленный въ области судебной психопатологіи, можетъ отнестись къ психіатрической экспертизѣ вполне правильно и разумно-критически. Но этого еще мало для необходимости психіатрическихъ свѣдѣній юриста. Существуютъ для того болѣе серьезные требованія.

Вполнѣ основательная психіатрическая экспертиза можетъ быть дана только въ томъ случаѣ, когда судебное слѣдствіе добыло для этого надлежащія данныя: о личности преступника, состояніи его въ моментъ преступленія, до того, послѣ того,—свѣдѣнія о родныхъ, свѣдѣнія отъ родныхъ,—свѣдѣнія о наслѣдственности, семейномъ расположеніи, воспитаніи, образованіи, болѣзняхъ и т. д., и т. д. Всѣ эти пункты должны быть собраны надлежаще и умѣло,—а такая умѣлость можетъ быть почерпнута только лишь въ ученіи психопатологіи. При собраніи точныхъ и полныхъ свѣдѣній въ этомъ направленіи юристъ можетъ быть покоенъ, что онъ исполнилъ свой долгъ. Вооруженный такими знаніями судья отнесется сознательно и критически-разумно къ даваемой врачебной экспертизѣ; только съ этими знаніями онъ можетъ дать по чистой совѣсти свое заключеніе и приговоръ о томъ или другомъ дѣяніи даннаго лица.

Вотъ одно изъ важнѣйшихъ основаній для введенія въ

курсъ юридическихъ наукъ, какъ прикладнаго предмета, судебной психопатологіи.

Но это не единственное и не самое важное основаніе къ тому. Если бы только въ томъ было дѣло, то навѣрное я не имѣлъ бы чести присутствовать на этой кафедрѣ и открывать свой курсъ. Существуютъ болѣе серьезныя основанія къ тому, лежація въ родствѣ помѣшательства съ преступленіемъ и преступления съ помѣшательствомъ.

Если мы бросимъ кратчайшій взглядъ на прошлое помѣшательства, то мы увидимъ, что были тяжелыя и жалкія времена, когда душевно-больныхъ считали одержимыми бѣсомъ и предавали ауто-да-фе. Такія дикія воззрѣнія страшно смущали темныя души, еще болѣе порождали невѣжество, усиливали сумасшествіе и сотнями несчастныхъ вели на костерь... День прошедъ,—благодарю Тя, Господи! Этотъ тяжелый взглядъ на душевно-больныхъ смѣнился другимъ, не менѣе мрачнымъ и печальнымъ. На такихъ людей смотрѣли, какъ на людей, одержимыхъ злою волею, опасныхъ и ужасныхъ; поэтому ихъ изгоняли изъ общества, заключали въ Бедламы и заковывали на цѣпь. Это были люди съ злою волею, преступники, преступники неисправимые и пожизненные. Надъ ними чинился судъ короткій и неумолимый.

Только девятнадцатый вѣкъ принесъ намъ истинный человѣческій взглядъ на этихъ страдальцевъ. Ихъ признали людьми. Ихъ признали больными людьми. Ихъ признали людьми съ больнымъ умомъ, больною душою и больною волею. Ихъ дѣянія перестали считать закоренѣлыми, злостными преступленіями. Ихъ выпустили изъ темницъ и освободили отъ оковъ. Ихъ помѣстили въ больницы. Имена Пинеля, Конолли и др. освободителей душевно-больныхъ отъ цѣпей и заключенія всегда будутъ произноситься съ благоговѣніемъ не только врачами, но и всѣми образованными людьми.

Съ этого же момента устанавливаются устои, соединяющіе юриспруденцію и медицину, уголовныя преступления и дѣянія душевно-больнаго. Создается ученіе, что на свѣтѣ существуютъ *преступные помѣшанные* и *помѣшанные преступники*. Несомнѣнно, что душевно-больные, въ силу ошибоч-

ныхъ и ложныхъ ощущеній, безумныхъ и бредовыхъ идей, расстройствъ мышленія и воли, очень часто совершаютъ правонарушенія, проступки и преступленія, и тѣмъ самымъ для общества представляются преступниками. Но ихъ дѣянія не есть истинныя преступленія, а только лишь дѣянія душевно-больныхъ людей или помѣшанныхъ. Такіе люди будутъ въ полномъ смыслѣ слова *преступными помѣшанными*. Съ другой стороны, изученіе жизни тюремъ и мѣсть заключенія показали, что между заключенными преступниками очень много помѣшанныхъ. Процентъ помѣшательства тюремнаго населенія слишкомъ великъ и превосходитъ таковой же между обычными людьми во много разъ. Указывали на то, что сама тюрьма создаетъ помѣшательство. Во всякомъ случаѣ, если даже это и такъ, съ чѣмъ я не могу согласиться, то это будутъ преступники, заболѣвшіе помѣшательствомъ или *преступники помѣшанные*.

Мы не можемъ здѣсь долго останавливаться на анализѣ этихъ двухъ типовъ людей—преступныхъ помѣшанныхъ и помѣшанныхъ преступниковъ—и позволимъ себѣ кратко остановиться только на одномъ пунктѣ, который будетъ изложенъ болѣе подробно при чтеніи причинъ помѣшательства,—это именно на томъ: почему въ тюремномъ населеніи встрѣчается очень много помѣшанныхъ. Не условія жизни тюремной служатъ тому причиной, а характеръ лицъ, которыя подвергаются заключенію, носить въ себѣ всѣ данныя къ тому, чтобы многія изъ этихъ лицъ подверглись душевному заболѣванію.

Наблюденіемъ и трудами знаменитыхъ психіатровъ Pinel'я и Prichard'a установлено, что существуютъ люди, которые въ умственномъ отношеніи не больны, но ихъ дѣйствія и поступки являются преступными, непозволительными и нетерпимыми въ обществѣ. Эти люди будутъ помѣшанные безъ бреда и преступники безъ контроля воли. Это люди, стоящіе на границѣ между душевно-больными и преступниками. Prichard назвалъ ихъ нравственно-помѣшанными.

Это ученіе нашло себѣ поддержку въ изученіи тюремной жизни и характера заключенныхъ Thomson'омъ и Despin'омъ,

давших огромный и чрезвычайно цѣнный матеріалъ къ ученію о взаимосоотношеніи помѣшательства и преступленія. Но еще бѣльшая заслуга въ этомъ направленіи принадлежитъ Моголю, представившему основательное ученіе о вырожденіи, которое несомнѣнно служитъ почвою для многихъ случаевъ какъ помѣшательства, такъ и преступленій, сближая эти два уродливыя проявленія человѣческой жизни въ одно цѣлое, родовое.

На этой-то почвѣ наблюденій, фактовъ и умозрѣній создалась современная школа криминальной антропологіи, позитивной философіи и ученіе о прирожденномъ преступникѣ. Родина этого ученія Италия, основатели: Lombroso, Gafallo, Ferri и многіе другіе.

Основателемъ этого ученія несомнѣнно служитъ Lombroso. Правда, этотъ ученый, подъ натискомъ фактовъ жизни и рациональной критики, много разъ отступалъ отъ своихъ положеній, много разъ ихъ измѣнялъ, такъ что отъ первоученія его остались только лишь осколки; будетъ даже безошибочно сказать, что въ настоящій моментъ создатель теоріи даже ясно не сформулируетъ того, что онъ считаетъ истинною и чего онъ хочетъ.

Но брошенное сѣмя пало на добрую почву. Пришли новые, добросовѣстные дѣятели, обработали почву, бросили новое сѣмя, и изъ всего этого мало по малу вырастаетъ новый плодъ познанія,—познанія зла, дабы современемъ, путемъ усиленной и многолѣтней совмѣстной научной дѣятельности юристовъ и медиковъ, создать изъ него добро. Я не поклонникъ и не сторонникъ увлеченій и фантазмагорій Lombroso, но я съ истинною радостью привѣтствую появленіе въ юридическомъ мірѣ ученія позитивнаго и объективнаго.

Съ этого момента юристъ перестаетъ быть только философъ-соціологомъ, а становится натуралистомъ и натурфилософомъ. Съ почвы субъективной онъ переходитъ на почву объективную. Отъ изученія преступленія онъ переходитъ къ преступнику. Онъ изучаетъ его по существу и, мы вѣримъ, изучитъ его и найдетъ, мы надѣемся, истинные пути къ предупрежденію и пресѣченію преступленія не только по

образу полицейскаго права, но и по образу естественнаго права.

При такомъ изученіи дѣла юриспруденція и психіатрія роднятся и заключаютъ alliance, гораздо крѣпчайшій, чѣмъ всѣ политическіе alliansы. Это единеніе (union) болѣе, чѣмъ какое-либо другое, покажетъ, что оно есть сила (c'est la force), для познанія истины, для познанія зла съ цѣлью направить его къ добру. Соединенными силами просвѣщенныхъ юристовъ и медиковъ преступленіе и преступники будутъ изучены въ основѣ, въ существѣ, въ его душевной и тѣлесной глубинѣ. Съ этою-то цѣлію юристу должно быть вооруженнымъ знаніями психіатрическими, и только для этого я лично иду къ вамъ съ своею помощію, дабы своимъ многолѣтнимъ опытомъ въ домѣ умалишенныхъ и неустаннымъ трудомъ на почвѣ науки помочь вамъ въ приобрѣтеніи запаса знаній и при изученіи преступной человѣческой природы. Только такая мысль и, по моему, великая задача вашего будущаго подвинула меня выйти изъ своей скорлупы и прійти къ вамъ.

Мы сдѣлали мало; но мы сдѣлали, что могли. Будущее ваше. Но чтобы вы могли успѣшно работать, вы должны знать то, что было сдѣлано до васъ. Нѣтъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что юридическое ученіе вы воспримите въ самомъ совершенномъ видѣ. Позвольте же принести вамъ и тотъ сводъ ученія, который можетъ дать вамъ и медицина, дабы вы вошли въ жизненную борьбу во всеоружіи и своими знаніями, своимъ трудомъ, хотя каплю поспособствовали умиротворенію той борьбы за существованіе, на почвѣ которой такъ часто возрастаютъ преступленія и преступники.

Я слишкомъ коротко очертилъ ходъ развитія ученія, давшаго въ концѣ-концовъ *преступнаго челоуька*. Я возвращаюсь вновь къ нему, чтобы отгѣнить его ярче и рельефнѣе.

Основу всего этого видятъ въ ученіи англійскаго ученаго Prichard'a, создавшаго клиническую картину нравственнаго помѣшательства (moral insanity). Однако уже гораздо раньше нѣкоторые писатели наблюдали случаи душевныхъ заболѣваний, въ которыхъ умственные способности оставались непораженными, тогда какъ нравственныя понятія настолько

извращены и подавлены, что такие люди не могли быть принимаемы за душевно-нормальных людей. Знаменитый Pinel ¹⁾, излагая свое учение о различных формах помѣшательства, пришелъ къ несомнѣнному выводу о существованіи „*manie sans delire*“, — т. е. такого душевнаго разстройства, въ которомъ больные могли правильно, логично и разумно разсуждать и вмѣстѣ съ тѣмъ совершать цѣлый рядъ безумныхъ и непорядочныхъ поступковъ и дѣйствій. „Случаи маніи безъ бреда и безъ всякой спутанности мысли нерѣдко какъ между мужчинами, такъ и между женщинами, — они-то и показываютъ, какъ различны пораженія воли отъ поражений разума, хотя и тѣ и другія нерѣдко соединены между собой“, — говоритъ Pinel. Свое мнѣніе Pinel подтверждаетъ примѣрами.

Matthey ²⁾ въ 1816 г., по поводу подобныхъ случаевъ, говоритъ, что данная болѣзнь характеризуется полнымъ отсутствіемъ бреда и что при ней не обнаруживается никакихъ разстройствъ, никакого безпорядка въ мысляхъ и никакихъ сумасбродныхъ уклоненій въ сферѣ воображенія; аффективная сторона, склонности и воля однѣ только разстроены.... Эти люди лишены естественной склонности человѣка любить себѣ подобныхъ и дѣлать имъ добро, такъ какъ она замѣнена инстинктами дикихъ животныхъ, — почему эту форму болѣзни онъ называетъ *тиридоманіей*. Подобное же описаніе этихъ формъ заболѣваній даетъ Foderé ³⁾.

Ученикъ Pinel'я, Esquirol ⁴⁾, касаясь этой формы болѣзни, полагаетъ, что извращеніе нравственнаго чувства можетъ служить столь же важнымъ признакомъ и выраженіемъ душевнаго заболѣванія, какъ и измѣненія въ умственныхъ способностяхъ и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нравственное измѣненіе или разстройство можетъ служить характернымъ признакомъ для душевной болѣзни. Разумѣется, этотъ высоко-

¹⁾ Pinel—Медико-философское учение о душевныхъ больныхъ. Перев. К. Н. Ковалевской и А. В. Ющенко, 1899, 52.

²⁾ Matthey—Nouvelles recherches sur les maladies de l'esprit, 1816.

³⁾ Foderé—Traité du delire, 1817.

⁴⁾ Esquirol—Des maladies mentales, 1838.

талантливый наблюдатель не могъ дать полной картины нравственнаго помѣшательства и скорѣе предугадывалъ его, чѣмъ давалъ точное описаніе.

Grohmann ¹⁾, описывая данную форму душевнаго расстройства, различаетъ въ ней тупоуміе, скотское побужденіе и нравственное слѣпоуміе. Georget описалъ особый видъ сумасшествія, состоящій въ болѣзненномъ извращеніи чувствъ, склонностей и привычекъ.

На этой-то уже подготовленной и болѣе или менѣе освѣщенной почвѣ развилось и укрѣпилось ученіе Prichard'a о нравственномъ помѣшательствѣ. Свое сочиненіе о „нравственномъ помѣшательствѣ“ Prichard ²⁾ начинаетъ такъ: „Нравственное помѣшательство состоитъ въ болѣзненномъ извращеніи чувствъ, влеченій и дѣятельности силъ; оно существуетъ совмѣстно съ совершенно неизмѣненнымъ состояніемъ умственныхъ способностей... Въ дѣйствіяхъ и поступкахъ этихъ людей усматривается нѣчто такое, что невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ здравомысліи“.... У этихъ людей нѣтъ также ни иллюзій, ни галлюцинацій. Эти лица вполне способны поддерживать и отстаивать свои мнѣнія, доступныя области ихъ знаній; они иногда обнаруживаютъ даже остроуміе, подыскиваютъ удачныя объясненія своихъ необыкновенныхъ поступковъ и поведенія и для оправданія того состоянія нравственнаго чувства, подъ вліяніемъ котораго они находятся. Тѣмъ не менѣе они думаютъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ сильно возбужденныхъ чувствъ. При этой формѣ разстроенное состояніе ума выражается недостатками самообладанія, постояннымъ возбужденіемъ, необычнымъ проявленіемъ сильныхъ чувствъ и экстравагантнымъ поведеніемъ. Prichard полагае, что „разновидности нравственнаго помѣшательства столь же многочисленны, какъ и видоизмѣненія чувствъ и страстей въ человѣческой душѣ. Этотъ же наблюдатель установилъ и то положеніе, что moral insanity можетъ появляться

¹⁾ Grohmann—Nasse's Zeitschrift, 1819.

²⁾ Prichard—Treatise on insanity, 1895; Архивъ психіатріи, 1893, перев. д-ра Я. Я. Трутовскаго.

какъ самостоятельно, такъ и совмѣстно съ другими нервными и душевными заболѣваніями.

Дальнѣйшіе наблюдатели: Rheil, Hofbauer, Heinroth, Guislain, и др. также описывали подобные случаи. Scipion Pinel ¹⁾ по этому поводу говоритъ: „Я думаю, что можно назвать *маніей характера* ту легкую извращенность инстинктовъ и чувствованій, которая дѣлаетъ изъ человѣка бичъ для всѣхъ, безъ того, чтобы онъ былъ помѣшанный. Такія лица—существа безпокойныя, неподчивяющіяся, легко предающіяся гнѣву и совершающія предосудительные поступки, которые они всегда готовы оправдать хорошими основаніями. Для своихъ семей, близкихъ и друзей они представляютъ предметъ постоянныхъ безпокойствъ и огорченій: они причиняютъ зло отъ бездѣлья, ради шутки или по злостности, будучи неспособными къ труду и прилежанію“. Почти то же дословно повторяетъ и Brierre de Boismont ²⁾.

Разумѣется то ученіе о moral insanity, которое существуетъ нынѣ, создалось не сразу. Его предѣлы то суживались, то расширялись. Сюда относили и folie d'actions, и folie impulsive, и другія формы душевныхъ разстройствъ, въ которыхъ можно было ясно установить большую или меньшую цѣлость и неповрежденность умственной и логической дѣятельности при одновременно проявляющихся при этомъ цѣломъ рядѣ неразумныхъ, безнравственныхъ, вредныхъ, опасныхъ и преступныхъ дѣйствій и поступковъ. Къ этому должно добавить, что данную форму болѣзни не всѣ врачи неспеціалисты признали и если признавали, то весьма условно, такъ что болѣзнь для своего упроченія требовала еще многого.

Тѣмъ менѣе принята была эта болѣзнь юристами, ибо она, при тогдашнихъ воззрѣніяхъ на преступленіе и преступника, противорѣчила основнымъ понятіямъ даннаго вопроса и отнимала изъ рукъ правосудія самыхъ главныхъ и важнѣйшихъ преступниковъ-рецидивистовъ. Естественно, что признаніе за нравственно-помѣшанными невмѣняемости и

¹⁾ Scipion Pinel—Traité de pathologie cérébrale, 1844.

²⁾ Brierre de Boismont—Traité des maladies mentales, 1849.

гражданской неправопособности должно было встрѣтить большой отпоръ со стороны юристовъ, при наличности у такихъ больныхъ не только сознанія, но и логическаго, правильнаго мышленія, находчивости, изобрѣтательности и даже остроумія, особенно по вопросамъ, касающимся цѣлаго ряда ихъ преступленій.

Врачамъ, въ установкѣ вопроса о нравственномъ помѣшательствѣ, много помогло изученіе преступника въ тюрьмѣ. Въ 1868 г. явилось весьма объемистое сочиненіе Despine ¹⁾— „Естественная психологія“, въ которомъ онъ излагаетъ сначала психологію нормальнаго человѣка, а затѣмъ аномаліи душевной жизни вообще и въ частности аномаліи преступности. На основаніи долготѣтныхъ и обширныхъ наблюденій въ тюрьмѣ, Despine видитъ въ человѣкѣ двѣ природы: инстинктивную и интеллектуальную. Особенности инстинктивной природы вполнѣ зависятъ отъ особенностей организаціи. Дурными свойствами инстинктивной природы обуславливается и преступность. Ея вліяніе на дѣйствія и поступки людей значительно сильнѣе, чѣмъ интеллектуальной природы. Уклоненія въ инстинктивной природѣ очень близко подходятъ къ помѣшательству, хотя это и не будетъ помѣшательство.

Изученіе очень большаго числа преступниковъ показало Despin'у на очень большое число душевно-больныхъ какъ между преступниками, такъ и между ихъ предками. Такое сочетаніе доказываетъ несомнѣнное родство между порочными мозгами преступниковъ и патологическимъ состояніемъ ихъ у душевно-больныхъ. Наблюденіе показало также, что тяжкіе преступники лишены нравственнаго чувства, почему эта аномалія дѣлаетъ ихъ нравственно несвободными, какъ бы нравственными идиотами,—лишаетъ ихъ возможности противостоятъ ихъ извращеннымъ влеченіямъ и легко наталкиваетъ ихъ на самыя страшныя преступленія, которыя не сопровождаются угрызениями совѣсти. Despine съ особеннымъ усиленіемъ отмѣняетъ тотъ фактъ, что преступленіе стоитъ въ очень близкомъ сродствѣ съ помѣшательствомъ,—но это не есть проявленіе помѣшательства.

¹⁾ Despine—Psychologie naturelle. 1868.

Идеи Despin'a побудили заняться изученіемъ преступной природы Thomsona ¹⁾, врача Пертской тюрьмы. Его наблюденія и изслѣдованія вполне подтвердили мысли, высказанныя Despin'омъ. По наблюденіямъ Thomson'a, существуетъ особый классъ людей, который можетъ составить *преступный классъ* по существу. Это люди низшаго типа и служить проявленіемъ регресса и вырожденія чловѣчества. Такіе люди свои порочныя душевныя особенности обычно унаслѣдуютъ отъ порочныхъ родителей, при чемъ порочныя особенности дѣтей будутъ всегда сильнѣе и ярче родительскихъ; высшія нравственныя проявленія у такихъ людей какъ-бы атрофированы.

Нѣсколько позже, тоже тюремный врачъ, Dr. Nicolson ²⁾, на основаніи своихъ наблюденій, указалъ на слишкомъ большое число душевныхъ больныхъ между преступниками, а равно на большое число различныхъ у нихъ частичныхъ душевныхъ недостатковъ: памяти, ложныхъ идей, идей преслѣдованія и вообще низшихъ проявленій животной жизни.

Такія же уклоненія въ душевной жизни преступниковъ часто находилъ итальянскій врачъ Vergilio ³⁾. Таковы у нихъ: пониженная чувствительность, эгоизмъ, отсутствіе нравственнаго чувства, быстрая смѣна возбужденія подавленнымъ состояніемъ, странность въ убѣжденіяхъ и взглядахъ, частые капризы характера и безцѣльность дѣйствій. Такія проявленія онъ часто наблюдалъ также у эпилептиковъ. Vergilio, на основаніи этого, высказываетъ мнѣніе о подобіи и средствѣ душевнаго состоянія преступниковъ, — съ одной стороны, — съ состояніемъ вырожденія, а съ другой — съ душевными болѣзнями.

Очень много свѣта въ ученіе объ отношеніи душевнаго состоянія нѣкоторыхъ преступниковъ къ душевнымъ заболѣваніямъ внесено было изслѣдованіями Morel'a о вырожденіи или дегенерациі. Не отождествляя нравственнаго помѣшательства съ вырожденіемъ, Morel показалъ, что въ основѣ нравствен-

---

¹⁾ Thomson—The hereditary nature of crime, 1870, и The psychologie of criminals, 1871.

²⁾ Nicolson—The morbid psychologie of criminels, 1874.

³⁾ Vergilio.—Saggio di ricerche sulla natura morbosa del delitto, 1874.

наго помѣшательства лежать главныя проявленія душевнаго, а нерѣдко и тѣлеснаго, вырожденія и что нравственное помѣшательство, какъ таковое, какъ первично являющееся заболѣваніе, будетъ составлять одну изъ частиць того бича человѣческаго рода, который составляетъ собою вырожденіе. Въ этомъ вырожденіи главную роль играетъ патологическая наслѣдственность. Родители душевно-больные, нервно-больные, пьяницы, чахоточные, сифилитики, артритики и проч. давали своимъ дѣтямъ и потомкамъ такую нервную систему, которая по своимъ качествамъ стояла ниже средняго человѣческаго уровня, по своимъ свойствамъ была болѣзненна, склонна къ быстрому заболѣванію душевными и нервными болѣзнями, недостаточна по своимъ отправленіямъ настолько, что ставила ея обладателя въ разрядъ тупоумныхъ и идіотовъ, частично-помѣшанныхъ, къ которымъ съ правомъ должны быть отнесены и нравственно-помѣшанные, и, наконецъ, въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ, къ вырожденію въ буквальномъ смыслѣ, путемъ бесплодія въ зачатіи и большой склонности хилыхъ и истощенныхъ потомковъ къ заболѣванію тяжкими физическими и душевными болѣзнями и къ вымиранію.

Послѣ необыкновенно плодотворныхъ изслѣдованій Могеля о вырожденіи, по отношенію къ нравственному помѣшательству, прочно устанавливается тотъ взглядъ, что оно можетъ являться въ двойной формѣ—первичной или прирожденной и вторичной или благопріобрѣтенной. Поэтому, первая категория нравственно-помѣшанныхъ должна быть отнесена къ отдѣлу тупоумныхъ, а вторая—къ отдѣлу дементныхъ. По своему проявленію эти обѣ формы, однако, почти ничѣмъ не отличаются одна отъ другой. Основныя и отличительныя черты нравственнаго помѣшательства слѣдующія: сохраненіе сознанія, чрезмѣрное развитіе аффективности и страстности съ особеннымъ преобладаніемъ страстей низшихъ, животныхъ, порабощеніе умственной жизни грязными страстями и особенно развитая рефлексорность.

Чтобы быть лучше понятымъ, я позволю себѣ коротко изложить признаки нравственно-помѣшаннаго человѣка, какъ это ученіе образовалось въ настоящее время. Почти во всѣхъ

случаяхъ родители нравственно-помѣшанныхъ люди болѣзненные: душевно-больные, нервно-больные, эпилептики, пьяницы, преступники и проч.; такимъ образомъ данная болѣзнь является выраженіемъ вырожденія и плодомъ патологической наследственности. Семейства этихъ больныхъ также представляютъ склонность къ пьянству, эпилепсія, душевнымъ расстройствамъ, преступленіямъ и проч. Раннее дѣтство такихъ больныхъ сопряжено съ нервными болѣзнями: прорѣзываніе зубовъ почти всегда связано съ судорогами, лихорадка—съ судорогами, бредомъ, безпокойствомъ и проч. Сонъ безпокойный, ночные страхи, частые крики во снѣ и пр. Физическія особенности организма часто съ уродствами: неправильный черепъ, косоглазіе, слишкомъ выдающіяся скулы, узкій и покатый лобъ, опухоль лимфатическихъ желѣзъ и т. п. Подрастающая, такіа дѣти не терпятъ сверстниковъ и предпочитаютъ общество прислуги, попрошайекъ и нищихъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ они прислушиваются къ бесѣдамъ пьяной компаніи и участвуютъ въ сборищахъ уличныхъ мальчишекъ. Онанизмъ и мастурбація очень рано ими познаются и практикуются. Вскорѣ выступаютъ на сцену неестественныя и противоестественныя половыя излишества. По отношенію къ животнымъ такіа дѣти проявляютъ особенное жестокосердіе, которое не смягчается нисколько и по отношенію къ маленькимъ дѣтямъ. Мерзкія пѣсни, безнравственные анекдоты, неприличныя выраженія и брань, грубость, дерзость и нахальство составляютъ наиболѣе богатую часть ихъ душевной жизни. Нерѣдко такіа дѣти убѣгаютъ изъ дому, недѣлями и мѣсяцами бродятъ вмѣстѣ съ нищими, попрошайками и проч. и затѣмъ возвращаются домой еще болѣе обогащенными пріятнѣйшими для нихъ познаніями. Воровство ими практикуется не только съ цѣлью пріобрѣтенія, даже рѣже съ этою цѣлью, а скорѣе для пакости, при чемъ украденную вещь они забрасываютъ или закапываютъ. Любовь къ Богу, родителямъ, роднымъ и близкимъ у такихъ людей не существуетъ. Скоро являются на сцену развратъ, карты, пьянство и сифились. Ложь, мошенничество и обманъ слѣдуютъ за ними на всѣхъ ихъ путяхъ. Нерѣдко въ свои мошенническія продѣлки

они запутываютъ невинныхъ людей. Бываютъ случаи, что они даже покушаются на самоубійство, но всегда такъ, чтобы не убить себя. Умственные способности этихъ людей всегда ниже нормы, но сообразительность въ направленіи оправданія своихъ дурныхъ поступковъ достигаетъ очень выдающихся размѣровъ. При первомъ объясненіи эти люди умѣютъ не только оправдать себя, но даже внушить къ себѣ симпатію; однако дальнѣйшее изученіе ихъ жизни отталкиваетъ отъ нихъ каждаго нравственнаго человѣка и невольно на ряду съ сожалѣніемъ возбуждаетъ омерзѣніе. Ученіе такимъ людямъ дается плохо. Хотя способностью быстро усвоенія они и обладаютъ, но вниманія, сосредоточія, устойчивости и всесторонности у нихъ нѣтъ. Много школь, ремесль и занятій они пытаются проходить, но нигдѣ не достигаютъ благополучнаго окончанія. Вся ихъ жизнь отдается удовлетворенію низкихъ и грязныхъ страстей и защитѣ проступковъ и преступленій, содѣянныхъ подъ вліяніемъ оныхъ. Это люди хитрые, коварные, лживые, обманщики и воры. Ихъ бьютъ, бьютъ безсчетно, а они вновь и вновь лгутъ и обманываютъ. Понятіе о долгѣ, чести и нравственности у нихъ отсутствуетъ. Не щадя другихъ, эти люди не щадятъ и себя. Истерзанные пьянствомъ, развратомъ, безобразною жизнью, сифилисомъ, многочисленными побоями — нравственно-помѣшанные умираютъ очень рано и при вскрытіяхъ обыкновенно представляютъ въ своемъ организмѣ цѣлый патолого-анатомическій институтъ.

Всѣ эти черты и особенности нравственнаго помѣшательства, несомнѣнно являющагося выраженіемъ вырожденія, очень часто бываютъ рѣзко выражены и у преступниковъ и именно у тѣхъ преступниковъ, кои таковыми являются по существу, и какъ-бы таковыми рождены. Кромѣ того, какъ у нравственно-помѣшанныхъ, такъ и у закоренѣлыхъ преступниковъ очень часто наблюдали многія физическія уродства, нервныя расстройства и частичныя душевныя аномаліи.

Все это послужило основой и почвою для сближенія этихъ двухъ состояній и породило то ученіе, которое легло въ основу ученія позитивной криминальной школы.

Основателемъ этого ученія явился итальянскій ученый Lombroso, имя котораго стало извѣстнымъ всему образованному міру, а на нашей родинѣ даже гораздо въ большей степени, чѣмъ это должно было бы быть. Недавно въ Италіи Lombroso издалъ сочиненіе „Преступный человѣкъ“, которое быстро приобрѣло себѣ извѣстность во всемъ ученомъ мірѣ. Правда, подѣ влияніемъ строгой научной критики это ученіе потерпѣло сильныя измѣненія, ограниченія и исправленія. Самъ авторъ отъ очень многихъ своихъ положеній отказался; тѣмъ не менѣе сущность этого ученія завоевала себѣ прочное положеніе и нашла послѣдователей во всѣхъ странахъ образованнаго міра. Мало того, самъ первоучитель въ настоящее время, въ силу крайняго своего направленія и частыхъ перемѣнъ во взглядахъ, не обладаетъ тѣмъ авторитетомъ, каковъ бы долженствовалъ быть при иныхъ условіяхъ, и самое ученіе нынѣ поддерживается преимущественно его талантливыми учениками, особенно въ Италіи, каковы: Maggo, Ottholenghi, Ferri, Garofallo и многіе другіе. Позволимъ себѣ коротко изложить то ученіе, которое представляютъ эти ученые о прирожденномъ преступникѣ.

Какъ основатель теоріи о прирожденномъ преступникѣ, такъ и дальнѣйшіе основатели позитивной криминологіи, дѣлятъ всѣхъ преступниковъ на два большихъ класса: на преступниковъ отъ рожденія, въ силу унаслѣдованной ими природы,—и преступниковъ случайныхъ, подѣ влияніемъ случайно сложившихся жизненныхъ обстоятельствъ. Насъ интересуетъ только лишь первая категорія преступниковъ.

По ученію Lombroso и его послѣдователей, типъ прирожденнаго преступника опредѣляется слѣдующими чертами: прежде всего у многихъ изъ такихъ лицъ наблюдаются физическіе признаки вырожденія: слишкомъ малая, или слишкомъ большая, голова, различныя неправильности въ области черепа, низкій лобъ, большія глазныя впадины, большія надбровныя дуги, уклоненія въ строеніи глазъ, ушей, зубовъ, нѣба, пальцевъ и т. п. Но особенныя нарушенія наблюдаются въ душевной дѣятельности. Прежде всего у нихъ далеки отъ совершенства умственные процессы; обыкновенно наиболѣе

развита память, за-то въ недостаточномъ состояніи высшая умственная дѣятельность, всѣ тѣ процессы, гдѣ необходимо вниманіе. У этихъ людей поражаетъ почти полное отсутствіе фантазіи или какого-либо творчества; ихъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ служатъ лучшимъ доказательствомъ ихъ творческой импотенціи. Ихъ произведенія полны антихудожественныхъ описаній женщинъ, циничныхъ сценъ и вообще слишкомъ натуралистическихъ картинокъ самаго сквернаго содержанія. Большинство прирожденныхъ преступниковъ не можетъ долго остановиться и сосредоточиться на одномъ предметѣ. Ихъ вниманіе примитивно и всестороннее обсужденіе дѣла для нихъ почти невозможно. Во всѣхъ ихъ поступкахъ видны поспѣшность, легкомысліе, безпечность и непредусмотрительность. Рѣзко бросается въ глаза также лживость, безчестность и хвастливость прирожденныхъ преступниковъ, нерѣдко дающія возможность къ раскрытію ихъ преступленій. Ихъ кичливость и тщеславіе нерѣдко парализуютъ осторожность. Нѣкоторые авторы приходятъ къ тому положенію, что прирожденные преступники представляютъ особую, низшую расу людей, по природѣ своей неспособныхъ къ развитію и совершенствованію. Эти люди совершенно безчувственны къ страданіямъ близкихъ и вполнѣ лишены какого бы то ни было сочувствія. Интересы и стремленія другихъ для нихъ непонятны. Безсердечность и жестокость присущи этимъ людямъ съ дѣтства и проявляются при первомъ же столкновеніи съ жизнью. Рядомъ съ этимъ они проявляютъ цинизмъ и глумленіе, иногда даже надъ самими собою. Самая смертная казнь ихъ не устрашаетъ. Ихъ излюбленная литература—порнографическая; религіозность чужда имъ,—за-то нерѣдко они сильно одержимы предрасудками и суевѣріемъ. Въмѣсто высшихъ эстетическихъ чувствъ у нихъ развиты низшія животныя чувства: половое чувство, трусость, злоба и мстительность. Для удовлетворенія своимъ низменнымъ влеченіямъ, побужденіямъ и желаніямъ, они не останавливаются ни передъ какими преступленіями. Такое животное проявленіе ихъ натуры и отсутствіе сочувствія общественнымъ интересамъ дѣлаетъ ихъ несоціаль-

ными, неспособными къ общественной жизни, личностями. Ихъ воля также недостаточна. Они не могутъ долго заниматься однимъ дѣломъ. Лѣнь наполняетъ все ихъ существо и служить побужденіемъ къ изысканію развлеченій, игрѣ, попойкамъ, оргіямъ и пр. Раскаяніе и сожалѣніе также неизвѣстны этимъ лицамъ. Это паразиты по существу и рѣшительно не могутъ понять неловкости и позора существованія на чужой счетъ. Неспособные къ дѣлу, сосредоточію на занятіи, они очень любятъ бродяжничество. Причина такой непосѣдливости и бродяжничества лежитъ въ раздражительности, переоцѣнкѣ своихъ достоинствъ, неуправляемой страсти къ перемѣнѣ образа жизни, приключеніямъ, сопровождаемыми иногда страхомъ и голодомъ. По Kurella, такое бродяжничество иногда наследственно и въ иныхъ случаяхъ связано съ проституціей.

Вотъ приблизительная картина прирожденнаго преступника. Для насъ важно то, что характерныя черты *прирожденнаго преступника* тѣ же, что и *нравственно-помѣшаннаго*. Если эти два уродства въ человѣческомъ обществѣ не составляютъ одинъ и тотъ же видъ вырожденія, то, во всякомъ случаѣ, это два сосѣднихъ плода, развивающихся и растущихъ на одной и той же вѣточкѣ, на древѣ смерти и вырожденія. За подобное сближеніе этихъ двухъ состояній въ послѣднее время между учеными получается много голосовъ. Такъ, D'Abundo полагаетъ, что у малолѣтнихъ преступниковъ въ основѣ ихъ нравственнаго извращенія лежитъ наследственная и прирожденная нервная и нравственная неустойчивость, имѣющая склонность въ дальнѣйшемъ проявляться особенно обильно въ направленіи низкихъ и грубыхъ животныхъ страстей и дѣйствовать подавляюще на высшіе мыслительные центры. Kinn полагаетъ, что большинство душевно-больныхъ преступниковъ относится именно къ „преступникамъ отъ рожденія“; такимъ образомъ, онъ выдѣляетъ главу о нравственномъ помѣшательствѣ изъ психіатріи и относитъ ее къ криминологіи.

Въ силу даннаго положенія дѣла, медикъ обязанъ изучать нравственно - помѣшаннаго, юристъ—прирожденнаго пре-

ступника. Очень часто медикъ, изучая нравственно-помѣшанныхъ, будетъ встрѣчать прирожденныхъ преступниковъ и, для отличія однихъ отъ другихъ, долженъ тщательно знать и тѣхъ, и другихъ. Точно также и юристъ, изучая прирожденныхъ преступниковъ, будетъ встрѣчаться съ нравственно-помѣшанными и потому долженъ умѣть отличить однихъ отъ другихъ. Поэтому врачъ долженъ основательно быть знакомъ съ ученіемъ не только психіатріи, но и криминальной антропологіи,—равно какъ и юристъ долженъ быть освѣдомленъ съ обѣими науками. Вотъ главнѣйшее побужденіе, почему мы идемъ на встрѣчу съ нашими знаніями къ юристамъ.

Но и этого мало. Ученіе Pinel'я, Morel'я, Despine, Thomson'a, Lombroso, Ferrі, Могго и др. ставятъ юриста современнаго въ иное положеніе, чѣмъ юристовъ прежнихъ. Помимо изученія преступленія только, современный юристъ обязанъ заняться изученіемъ преступника, ибо иногда достаточно бываетъ изучить свойства личности преступника, чтобы тѣмъ самымъ его преступленіе теряло юридическое значеніе и переходило въ область соціологіи и патологіи. Съ этого момента юристъ перестаетъ быть только философомъ-соціологомъ, а вступаетъ въ область біологіи и обязанъ вооружиться не только субъективными методами изслѣдованія, но и объективными. Нынѣшній юристъ долженъ быть причастенъ антропологіи и патологіи и до нѣкоторой степени обладать методами, знаніями и схемами естествознанія. Разумѣется, потребности его знаній не могутъ быть слишкомъ широкими и ограничиваться областію его дѣятельности. Такія предварительныя знанія необходимы юристу практику уже для того, чтобы онъ, при встрѣчѣ съ преступникомъ, сдумѣлъ приступить во всеоружіи къ его изученію, собрать необходимыя данныя о его личности и быть въ надлежащемъ пониманіи его природы и характера. Всѣ эти свѣдѣнія и данныя получаютъ путемъ пріемовъ изслѣдованія естественно-научныхъ и медицинскихъ, а послѣднія сообщаются въ методикѣ и ученіи судебной психопатологіи и криминальной антропологіи. Вотъ доводы, побуждающіе выступить меня на кафедрѣ съ ученіемъ изучаемой мною специальности, въ

надеждѣ и увѣренности, что сообщенныя мною свѣдѣнія убѣдятъ васъ въ истинѣ проводимыхъ нынѣ мною идей и необходимости для юриста предлагаемыхъ мною знаній, заинтересуютъ васъ, заставятъ внимательнѣе изучить этотъ прикладной предметъ и приступить къ своей почтенной дѣятельности внѣ столицы, въ провинціи и глуши. Вооруженные методами, схемами и знаніями, вы не только будете исполнять вашу прямую трудовую службу, но встрѣтите много новаго, много неизвѣданнаго и неизвѣстнаго намъ. Такой юристъ-натуралистъ ближе познаетъ преступника въ его средѣ и повѣдаетъ о немъ намъ, познающимъ его преимущественно внѣ свободы дѣйствія. Это задача, это долгъ, это обязанность молодаго поколѣнія. Вооруженное новыми знаніями и новыми приѣмами, оно разсѣется по всему лицу великой земли русской. И еще мы льстимъ себя надеждою, когда эта молодежь, разбросанная по дебрямъ и весямъ, по захолустьямъ и окраинамъ темнаго царства, представитъ собою свѣточи знанія и просвѣщенія этой людской темноты. Мало по малу эти свѣтящіяся точки будутъ приближаться, сливаться и образовывать искорки знанія. Эти искорки сольются въ ручейки, ручьи, потоки, рѣки и море свѣта и познанія истины и добра,—освѣтятъ нравственную тьму и приведутъ къ добру, истинѣ и правдѣ. Тогда поистинѣ по всему лицу земли русской разольется правда и судъ правый.

ДАРЕНИЕ И ЗАВѢЩАНІЕ

(Страница изъ истории кодификаціи).

М. М. Винавера.

Наполеоновъ кодексъ корнями своими уходитъ въ грандіозную работу юридической мысли прошлыхъ вѣковъ: въ этомъ истинный источникъ его величія. Но поспѣшность, съ которою онъ создавался, оставила на немъ слишкомъ замѣтные слѣды.

Гдѣ обычай и писанное право успѣли слиться воедино въ твореніяхъ духовныхъ отцовъ кодекса,—тамъ и у кодификаторовъ дѣло шло гладко: цѣльные, точно отчеканенные институты права рельефно выступали, облеченные въ легкую, изящную, лишнюю педантизма форму. Но тамъ, гдѣ упрямый обычай расходился съ законченной римской системой, гдѣ составители кодекса пытались на свой собственный страхъ выбирать—какъ они выражались—„изъ обѣихъ системъ наилучшее“,—выступаютъ значительныя трещины. И чтò страннѣе всего: трещины эти остаются незадѣланными до сихъ поръ. Слѣдующее за кодификаторами поколѣніе комментаторовъ во многомъ ложно поняло свою задачу. Въмѣсто того, чтобы органически возстановлять искалѣченные неосторожною рукою составителей живые еще институты права,—связывать разъединенныя части,—дать непримиреннымъ элементамъ слиться въ самой жизни путемъ судебного толкова-

нія, — комментаторы замерли въ слѣпомъ поклоненіи передъ великимъ созданиємъ національнаго генія, остановились передъ нимъ какъ передъ замкнутымъ въ себѣ самымъ цѣлымъ, подлежащимъ уразумѣнію только изъ самого себя — съ помощью одной лишь формальной діалектики. Явная обмолвка закона возводится въ принципъ; конкретный бытовой фактъ, втиснутый съ явными признаками насилія въ чуждое ему мѣсто, вталкивается въ единую, непогрѣшимую схему. Такими наивными приѣмами не могутъ быть удовлетворены стучащіяся въ двери потребности жизни. Недодѣланные, наскоро зарегистрированные, въ существѣ своемъ непонятые институты такъ и остаются недоразвитыми и неразъясненными. Несмотря на всѣ причудливыя постройки — эгзегезы, воздвигаемыя почти на каждой буквѣ кодекса, многіе существенные вопросы тщетно ждуть жизненнаго отвѣта.

Долго стоялъ у меня вопросительный знакъ противъ главы кодекса: „Des dispositions entre époux soit par contrat de mariage, soit pendant le mariage“ — послѣдней главы большаго титула: „О дареніяхъ между живыми и завѣщаніяхъ“.

Постановленія о дареніяхъ изложены въ кодексѣ въ перемежку съ постановленіями о завѣщаніяхъ: впереди идутъ въ 3 главахъ правила, общія обоимъ институтамъ, затѣмъ одна глава о дареніяхъ (IV), одна глава спеціально о завѣщаніяхъ (V), двѣ главы общія: о распоряженіяхъ завѣщательныхъ и дарственныхъ въ пользу внуковъ и племянниковъ и о раздѣлѣ между нисходящими; и, наконецъ, двѣ главы о дареніяхъ въ пользу супруговъ. Первая изъ нихъ (VIII по порядку) озаглавлена: „О дареніяхъ, сдѣланныхъ въ предбрачномъ договорѣ супругамъ и дѣтямъ, могущимъ родиться отъ брака“, вторая: „О распоряженіяхъ между супругами, по предбрачному договору или во время брака“.

Въ основу разграниченія между дареніемъ и завѣщаніемъ положенъ принципъ ясный и простой: даритель лишаетъ себя немедленно и безповоротно (*actuellement et irrévocablement* — ст. 893) даримой вещи; дарить, слѣдовательно, можно только то, что можно отчуждать немедленно, — или, какъ выражается

кодексъ, только „имущества настоящія“ (ст. 943). Завѣщатель не уступаетъ немедленно права собственности; поэтому онъ можетъ, *во-первыхъ*, распорядиться тѣмъ, что ему только еще будетъ принадлежать, т. е. имуществомъ будущимъ (*biens à venir*), онъ можетъ, *во-вторыхъ*, во всякое время отмѣнить свое распоряженіе (ст. 895).

Оба признака даренія (непосредственность передачи собственности и безповоротность) тѣсно сплетены другъ съ другомъ. Реально центр тяжести лежитъ въ первомъ, — въ томъ, что одинъ обогащается на счетъ другаго, что даритель се *dérouille*, лишаетъ себя чего-то. Безповоротность есть только неизбежный выводъ изъ этого основнаго факта, гарантія его осуществленія, но гарантія, сросшаяся до того крѣпко съ основою, что потерялось представленіе объ ихъ внутреннемъ преемствѣ. Съ того момента, когда изъ области отношеній семейныхъ и общежительныхъ дареніе перешло въ сферу юридическую, — единственнымъ возможнымъ предикатомъ его стала безповоротность; безъ этого предиката нѣтъ ему мѣста въ юридическомъ быту.

Совсѣмъ иное — завѣщаніе. Завѣщаніе въ существѣ своемъ ничего не отчуждаетъ, ибо то, къ чему оно относится, не будетъ вовсе принадлежать отчуждающему въ моментъ, когда послѣдуетъ обогащеніе одареннаго: его, отчуждающаго, не будетъ въ живыхъ, и отчужденіе имущества совершится не по его волѣ, а въ силу высшаго, непререкаемаго и для юридической сферы, событія — смерти. Вещь, оставленная собственникомъ, *должна* войти въ сферу чужой имущественной личности; законъ, руководясь соображеніями публичнаго свойства, опредѣляетъ, кто именно долженъ обогатиться этимъ имуществомъ, по истинѣ *ничьимъ*. Собственнику — этому дарителю по-неволѣ — предоставляется только право выбирать между неизбежными преемниками. И именно то, что онъ есть даритель *по-неволѣ*, отодвигаетъ завѣщаніе отъ даренія на противоположный полюсъ. Вся сила, вся жизненность даренія въ волевомъ элементѣ, въ этой власти измѣнять юридическое отношеніе, перемѣщать обладаніе по своему произволу; гдѣ нѣтъ власти *надъ имуществомъ*, тамъ

нѣтъ и не можетъ быть никакой аналогіи съ дареніемъ. Самая широкая власть въ распредѣленіи между тѣми или иными лицами имущества, которое не есть *мое* имущество,—не содержитъ ни малѣйшаго подобія истиннаго *отчужденія* хотя бы одного атома моего имущества. И напрасно на оба института нахлобучивается одинъ общій признакъ—безмездность. Эта „безмездность“ по отношенію къ завѣщанію смахиваетъ на насмѣшку. Какое же возмездіе мертвому? Возмездность или безмездность могутъ быть присущи только сдѣлкамъ между живыми. Дареніе безмездно. Нѣтъ во внѣшнемъ мірѣ ни одного факта—факта юридически оцутимаго—который заставлялъ бы дарителя умалять свою имущественную личность. Единственный источникъ его дѣйствія—его воля,—воля, тутъ же всецѣло и до конца реализующуюся,—именно въ этой реализаціи, и только въ ней, получающая свое юридическое, объективное освященіе. Эта реализація безповоротна, какъ фактъ, окончательно отпечатлѣвшійся,—какъ фактъ, не содержащій, въ противоположность обязательству, даже въ зародышѣ ничего кромѣ того, что уже реально въ немъ вылилось.

Безповоротность является такимъ образомъ *единственнымъ* юридическимъ признакомъ даренія; и неудивительно, что она была поставлена во главу угла при конструкціи института. Потье, непосредственный предшественникъ и вдохновитель творцовъ кодекса, уже изъ безповоротности выводитъ самую основу даренія—непосредственность перехода собственности ¹⁾. Какъ бы то ни было, но въ кодексѣ оба признака даренія (непосредственность и безповоротность) стоятъ, какъ равноправные предикаты, и притомъ предикаты, исчерпывающіе собою опредѣленіе даренія. Мало того: только этими признаками оно отличается отъ поставленнаго рядомъ съ нимъ завѣщанія.

Это—основной принципъ разграниченія, ясный и простой. Такъ же ясно и просто проведеніе его—вплоть до того мѣста, гдѣ начинаются даренія супружескія. Здѣсь путевод-

¹⁾ Pothier—Oeuvres. Paris. 1825, t. XIII, p. 262.

ная нить вдругъ обрывается. Уже въ общихъ правилахъ о дареніи (въ ст. 947) для дареній въ пользу супруговъ сдѣлано изъятіе въ томъ смыслѣ, что на нихъ не распространяется первое основное правило, согласно коему предметомъ дареній могутъ быть только имущества настоящія: на даренія, упоминаемыя въ главахъ VIII и IX, — сказано — не распространяется правило 943 ст. То же самое подтверждено по отношенію къ дареніямъ въ предбрачномъ договорѣ въ ст. 1082: родители, другіе восходящіе, родственники, а равно постороннія лица могутъ въ предбрачномъ договорѣ распорядиться въ пользу брачующихся — частью или всѣмъ имуществомъ, *которое они оставляютъ въ день своей смерти*. Значитъ, о передачѣ права собственности нѣтъ рѣчи; и тѣмъ не менѣе въ слѣдующей, 1083 ст. оставленъ для этихъ дареній второй неразрывно связанный съ первымъ признакъ — безповоротность.

Передача собственности есть матерія даренія; когда она исчезла, что же остается? Почему не исчезъ вмѣстѣ съ нею юридическій предикатъ ея, безповоротность? И гдѣ увѣренность, что тотъ институтъ, который только за безповоротность возводится въ разрядъ дареній, не есть въ существѣ своемъ нѣчто иное? Нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія, не давимъ ли мы неосмотрительно живое созданіе другаго рода?

Эти навойливые вопросы становятся совершенно неотступными, когда вы, подойдя къ той спеціальной категоріи супружескихъ дареній, которыя именуется „дареніями во время брака“, наткнетесь на статью (1096), которая гласитъ буквально слѣдующее: „даренія между супругами (во время брака), хотя-бы и были названы дареніями при жизни, всегда *могутъ быть отмѣнены*“. Исчезла, значитъ, и безповоротность, — не осталось даже иллюзіи даренія. Я распоряжаюсь имуществомъ, которое останется послѣ моей смерти, я сохраняю право во всякое время отмѣнить это мое распоряженіе и тѣмъ не менѣе я дарю, а не завѣщаю! Куда дѣлись разграничительныя примѣты? Почему для этихъ распоряженій оставлена сложная форма даренія, придуманная отнюдь не въ видахъ усиленія достовѣрности, а спеціально

для того, чтобы затруднить непосредственный безмездный переход цѣнностей, при жизни дарителя?

Съ этими вопросами вы напрасно будете обращаться къ комментаторамъ. Вамъ на нихъ отвѣтить приблизительно слѣдующее: „Дареніе имѣеть два свойства: оно должно быть *actuelle* и *irrévocable*; для предбрачнаго договора вычтено первое свойство, — значитъ, это будетъ дареніе, но „съ вычетомъ одного его признака“; для даренія между супругами вычтены два свойства, значитъ останется „дареніе съ вычетомъ двухъ признаковъ“.

Ибо, классически продолжаютъ комментаторы, законъ ясенъ: онъ знаетъ только два способа безмезднаго отчужденія — завѣщаніе и дареніе; а такъ какъ дареніе между супругами не есть завѣщаніе, слѣдовательно, оно есть дареніе. Когда же вы для того, чтобы спасти дарственный характеръ слѣбогъ, совершенныхъ во время брака, указываете, что во всей главѣ IX упоминаются распоряженія объ имуществѣ будущемъ только при предбрачномъ договорѣ, что о нихъ вовсе не говорится при дареніи во время брака, что, слѣдовательно, эти послѣднія слѣбки относятся, пожалуй, только къ имуществу настоящему и потому, хотя онѣ и отмѣнимы, все-же могутъ перемѣщать право собственности немедленно при жизни: то въ отвѣтъ на это васъ побѣдоносно отсылають къ 947 ст., въ которой сказано, что „правило объ имуществѣ настоящемъ не распространяется вообще на даренія, упомянутыя въ гл. VIII и IX“, а въ числѣ дареній, упомянутыхъ въ главѣ IX, имѣются и даренія между супругами ¹⁾.

Всякая попытка поколебать эти устои вызываетъ искреннее изумленіе. „По мнѣнію Тролона“ — такъ пишетъ Laurent — „это не есть дареніе между живыми, ибо оно отмѣняемо, и не завѣщаніе, ибо оно совершается въ формѣ договора. Изъ этого онъ заключаетъ, что это смѣсь того и другаго. *Эта доктрина вела бы къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ*, если бы она была истинна. Туллье заключаетъ, что дареніе между супругами не можетъ быть отнесено къ какому-нибудь еди-

¹⁾ Laurent—Principes de droit civil français, 1874, t. XV, p. 314.

ному типу; Дюрантонъ говоритъ, что это даренія на случай смерти. Необходимо отбросить эту доктрину *безъ колебаний*: она стремится создать третій способъ безмезднаго распоряженія, между тѣмъ какъ 893 ст. знаетъ только два способа: дареніе между живыми и завѣщаніе. Дареніе между супругами не есть завѣщаніе, слѣдовательно оно есть дареніе между живыми. Правда, что оно въ существенномъ пунктѣ (*en un point essentiel*) отклоняется отъ даренія, но это не мѣшаетъ авторамъ кодекса квалифицировать щедроты между супругами какъ даренія, „*ce qui est décisif*“¹⁾.

„Надо сознаться, — говоритъ Demolombe²⁾ — „что послѣдствія даренія между живыми не могутъ быть и не будутъ во всѣхъ отношеніяхъ одинаковы въ томъ случаѣ, когда они примѣняются только къ имуществамъ настоящимъ, и въ томъ случаѣ, когда они простираются и на имущество будущее. Однако... ст. 947 гласитъ, что четыре предыдущія статьи не примѣняются вовсе къ дареніямъ, о которыхъ упомянуто въ главахъ VIII и IX настоящей главы; статья же 943, которая устанавливаетъ, что дареніе между живыми можетъ простирается только на имущества настоящія, составляетъ часть четырехъ статей, которыя предшествуютъ ст. 947, а ст. 1096, которая разрѣшаетъ супругамъ совершать даренія во время брака, составляетъ часть главы IX. Ergo: „ст. 943 не примѣняется къ статьѣ 1096.“

Итакъ, нѣтъ спасенія ни откуда: и *biens à venir* исключить нельзя, и вывести сдѣлку изъ строя дареній невозможно: на стражѣ одного поставлена статья 947-я, на стражѣ другого — 893-я.

Приходится искать выхода въ другомъ мѣстѣ.

II.

Постановленія кодекса о дареніяхъ заимствованы почти буквально изъ ордонанса 1731 г., авторомъ котораго былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей Франціи,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Demolombe — Cours de Code Napoléon, 1863, t. XXIII, № 455.

канцлеръ Дагессо (D'Aguesseau). Ордонансъ этотъ, какъ и другіе законодательные акты того времени, насъвозь проникнуть объединительными, централистическими тенденціями. Не безъ настойчивости, но съ умѣлою осторожностью созидалось шагъ за шагомъ правовое единство Франціи. Въ письмахъ Дагессо къ представителямъ разныхъ провинціальныхъ парламентовъ разъясняются цѣль и смыслъ недавно изданнаго ордонанса ¹⁾; въ нихъ на каждомъ шагу явно и тайно сказывается одно стремленіе: стереть мѣстные провинціализмы, подогнать обычай подъ римское право. Представителямъ „странъ писаннаго (т. е. римскаго) права“ умный дипломатъ и тонкій юристъ подчеркиваетъ истинно-римскій характеръ института ²⁾, представителямъ кутюмныхъ странъ онъ указываетъ тѣ особенности, которыя заимствованы отъ нихъ ³⁾; наконецъ, кое-гдѣ даются увѣренія, что именно по вопросу о дареніяхъ обычное право почти совѣмъ не разнится отъ римскаго ⁴⁾, какъ то впрочемъ заявлено было торжественно и въ оффиціалномъ введеніи къ ордонансу ⁵⁾.

Однако, этому рвенію къ амальгамированію государственннй канцлеръ, одаренный истиннымъ чутьемъ законодателя, зналъ и предѣлъ: чего нельзя было стереть и слить, то приходилось оставить. Самое рѣшительное свидѣтельство этой осмотрительной сдержанности законодателя заключается въ послѣдней, 46-й, статьѣ ордонанса, которая гласитъ, что „дѣйствіе ордонанса *вовсе не распространяется* на даренія между супругами, за исключеніемъ тѣхъ, которыя совершаются въ предбрачномъ договорѣ“ ⁶⁾.

Такимъ образомъ случилось, что составителямъ Наполеонова кодекса неоткуда было заимствовать постановленія о дареніяхъ между супругами: ихъ не было въ ордонансѣ,—

1) Oeuvres de M. le Chancelier D'Aguesseau. Paris, 1759, t. IX, passim.

2) Ibidem, p. 372.

3) Ibidem, p. 381.

4) Ibidem, p. 360.

5) Conférence des ordonnances de Louis XIV avec les anciennes ordonnances du royaume par Bornier. Paris, 1755, t. I, Recueil des nouvelles ordonnances, p. XVII.

6) Ibidem, p. XXIV.

пришлось составлять ихъ за-ново, самимъ. Сьумѣли ли при этомъ кодификаторы, изготовляя по указу свыше къ извѣстнымъ срокамъ потребное количество отдѣловъ, соблюсти ту же мудрую прозорливость и законодательный тактъ, которые обнаружилъ великій канцлеръ,—покажетъ наше дальнѣйшее изложеніе. Но прежде всего необходимо остановиться на томъ, что не сочинено составителями кодекса, а непосредственно заимствовано изъ ордонанса.

Главнымъ новшествомъ ордонанса 1731 г., вызвавшимъ наиболѣе недоразумѣній и запросовъ¹⁾, явилось постановленіе относительно такъ называемыхъ дареній на случай смерти. Ст. 3 ордонанса гласила: „Даренія на случай смерти, за исключеніемъ тѣхъ, которыя совершены въ предбрачныхъ договорахъ, не будутъ имѣть никакого дѣйствія даже въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ они прямо разрѣшены закономъ или обычаемъ,—развѣ если они будутъ заключены въ той же формѣ, въ какой совершаются завѣщанія; такъ что на будущее время въ нашей странѣ будутъ только два способа безмезднаго отчужденія: одинъ путемъ даренія между живыми, другой путемъ завѣщанія“. Вторая часть этой статьи и составила правило кодекса (893 ст.) о двухъ способахъ безмезднаго отчужденія, подавшее поводъ къ цитированнымъ выше разсужденіямъ комментаторовъ. Разсужденія эти, какъ мы видѣли, исходили изъ того положенія, что съ уничтоженіемъ даренія на случай смерти всякое безмездное отчужденіе, которое по формѣ своей не есть завѣщаніе, тѣмъ самымъ признается за дареніе между живыми. Но уже изъ приведенной редакціи статьи ордонанса, а еще болѣе изъ разъясненій, данныхъ самимъ Дагессо, видно, что толкователи кодекса не уразумѣли смысла того правила, которое имъ преподано. До ордонанса даренія на случай смерти имѣли полное право гражданства во многихъ провинціяхъ Франціи; облечено ли было распоряженіе на случай смерти въ форму завѣщанія, или въ форму даренія,—судья, не мудрствуя лукаво, примѣнялъ къ нему тѣ послѣдствія, которыя вытекали

¹⁾ Oeuvres de D'Aguesseau, IX, p. 354, 362, 374.

изъ него, какъ изъ распоряженія по существу завѣщательнаго. Ордонасъ въ видахъ единства устранилъ для этихъ распоряженій форму даренія и прямо объявилъ (ст. 34), что даренія на случай смерти дѣйствительны, если они будутъ совершены въ формѣ завѣщаній. Вопросъ, слѣдовательно, ставился такъ: распоряженіе, въ существѣ завѣщательное, можетъ быть признано или дѣйствительнымъ, когда оно облечено въ форму завѣщанія,—или недѣйствительнымъ, когда оно облечено въ иную форму. Но о томъ, чтобы оно, будучи недѣйствительно въ качествѣ завѣщанія, должно было быть отнесено по содержанію и по выводимымъ изъ него послѣдствіямъ къ дареніямъ между живыми,—объ этомъ не помышлялъ творецъ того правила о двухъ способахъ безмезднаго отчужденія, на которомъ такой выводъ въ послѣдствіи искусственно построенъ. Что намѣреніемъ законодателя было не уничтожить даренія на случай смерти, а лишь вывести ихъ изъ разряда дареній и перевести въ разрядъ завѣщаній,—настоячиво подчеркивается во всѣхъ письмахъ Дагессо. Вотъ, что онъ пишетъ представителямъ парламентовъ Безансона, Бордо и Тулузы:

„Редакція 3 статьи, относящейся, какъ это очевидно, только къ внѣшней формѣ акта, не должна была возбудить въ васъ никакого сомнѣнія относительно истиннаго ея смысла (*le véritable esprit de cet article*). Смыслъ ея—повторяю еще разъ—не въ томъ, чтобы препятствовать совершенію дареній на случай смерти, а исключительно въ томъ, чтобы заставить совершать этотъ родъ дареній въ формѣ завѣщательныхъ распоряженій“ ¹⁾.

Въ другомъ письмѣ—къ представителю кутюмнаго парламента (Нормандіи)—объясненъ ближе и мотивъ, заставившій изъ двухъ представлявшихся формъ—завѣщанія и даренія—избрать для дареній на случай смерти первую. „Однѣ провинціи находили, что распоряженіе должно быть облечено въ форму актовъ послѣдней воли; парламенты этихъ провинцій не въ состояніи были представить себѣ, чтобы

¹⁾ D'Aguesseau—Oeuvres, t. IX, p. 354, 362, 374.

такое распоряженіе могло быть сдѣлано въ формѣ договора. Другіе парламенты придерживались противоположнаго мнѣнія. Желая положить предѣлъ этому разнообразію юриспруденціи, король сталъ на сторону того мнѣнія, которое наиболѣе способствуетъ устраненію внушеній, каковыя внушенія представляются особенно опасными при совершеніи акта въ формѣ дареній, ибо форма эта менѣе смущаетъ больного¹⁾.

Второю, рѣзко бросающеюся въ глаза, чертою ордонанса является почти полное выдѣленіе правилъ о специальномъ видѣ дареній по предбрачному договору изъ всѣхъ прочихъ видовъ даренія: нѣтъ почти вопроса, по которому бы они не расходились. Не гоняясь за скороспѣлыми формальными обобщеніями, ордонансъ не насилуетъ ни той, ни другой группы—онъ даетъ имъ жить рядомъ, почти независимо другъ отъ друга.

Составители кодекса брали изъ ордонанса полными пригоршнями: они брали постановленія о дареніяхъ вообще и о дареніяхъ въ предбрачномъ договорѣ въ особенности—предбрачными дареніями наполнены цѣлыя двѣ главы кодекса. Но они ввели отъ себя и нѣчто новое. Впереди всѣхъ правилъ, во главѣ титула, помѣщена ими особая, наскоро составленная изъ отрывковъ ордонанса, группа правилъ, озаглавленная „Dispositions générales“ и распространяющая свою силу—вслѣдствіе своей общности—на всѣ группы безмездныхъ сдѣлокъ, въ томъ числѣ и на предбрачныя даренія. Между тѣмъ, надъ этою именно группою слѣдовало сильно призадуматься ранѣе, чѣмъ ее сплошь подчинить дѣйствию „Общихъ положеній“. Изъ числа „Dispositions générales“ кодексъ самъ тутъ-же установилъ четыре весьма крупныхъ исключенія: на VIII и IX главы не распространено вовсе дѣйствіе 4 статей: 943—946. Самый объемъ этихъ исключеній долженъ былъ навести на размышленія; размышленія эти дѣйствительно явились—слѣдъ ихъ остался въ кодификаціонныхъ трудахъ, —но ихъ отстранили, должно быть, за недосугомъ.

¹⁾ Ibidem, p. 333.

III.

Въ ордонансѣ 1731 г. сказано было, что сдѣлки о прижизненномъ дареніи, включаемыя въ предбрачные договоры, не нуждаются въ обрядѣ принятія, acceptation (ст. 10); въ этомъ обрядѣ не нуждаются также—сказано далѣе (ст. 13)—установленныя въ предбрачномъ договорѣ „institutions contractuelles“. Послѣднія слова и составляютъ ключъ къ разрѣшенію всей проблемы.

Дагессо былъ не совсѣмъ правъ, когда утверждалъ, что въ вопросахъ, затронутыхъ ордонансомъ, римское право не расходится съ обычнымъ, но за то имѣлъ полное основаніе утверждать, что во *Франціи* страны римскаго, т. е. писаннаго, права уже не расходятся въ этихъ вопросахъ со странами обычнаго права.

Сближеніе между ними создано до ордонанса—притомъ, въ части наиболѣе трудной и сложной—не на почвѣ римскаго права, а на почвѣ кутюмовъ, реципированныхъ странами писаннаго права.

Римскому праву чужда была идея договора о будущемъ наслѣдствѣ. Въ древнѣйшій періодъ стремленіе сохранить нерушимымъ имущество рода ограничивало вообще кругъ безмездныхъ сдѣлокъ; въ позднѣйшій, индивидуалистическій періодъ,—тенденція отстоять произволъ личности до послѣднихъ ея дней—совершенно исключала возможность безповоротнаго рѣшенія вопроса о будущемъ наслѣдникѣ. Далѣе, и сама по себѣ свобода завѣщанія—свобода установленія правопорядка на то время, когда меня не будетъ въ живыхъ,—слѣдовательно, не для огражденія моего личнаго юридическаго бытія, а въ иныхъ цѣляхъ, выходящихъ за предѣлы автономнаго имущественнаго устроенія личности,—такая свобода, предоставляемая закономъ завѣщателю, по соображеніямъ совершенно особаго, не цивилистическаго свойства, не могла стать предметомъ договора. *Hereditas testamento datur*, наслѣдство можетъ быть дано только по завѣщанію,—завѣщанію, которое въ древнѣйшій періодъ нуждалось для своей дѣйствительности въ согласіи

рода и которое во всякомъ случаѣ не ограничивало свободы дѣйствій владѣльца въ продолженіе всей его жизни. „Договоръ“ о „будущемъ“ наслѣдствѣ противорѣчилъ элементарнымъ представленіямъ римскаго юриста.

Обычное право Франціи знало этотъ договоръ. Слѣды его имѣются еще въ Салическомъ правѣ, въ законахъ Рипуаріевъ, Бургундовъ и Вестготовъ, въ формулахъ Маркульфа. Совершеніе его сопровождалось первоначально цѣлымъ рядомъ символическихъ дѣйствій. Даритель въ присутствіи короля кидалъ вѣтку лицу, которое желалъ одарить и провозглашалъ его своимъ наслѣдникомъ. Одаренный являлся въ домъ дарителя и вступалъ во владѣніе предметомъ дара; затѣмъ обратнымъ киданіемъ вѣтки возвращалъ вещь дарителю. До истеченія года онъ опять получалъ вѣтвь, и этимъ договоръ становился неотмѣняемымъ. Современемъ символическіе приемы уступили мѣсто писанной формѣ, и въ такомъ видѣ сдѣлка прошла черезъ всѣ средніе вѣка, находя опору какъ въ свойственной германскому праву сравнительной свободѣ завѣщательныхъ распоряженій, такъ и преимущественно въ одной особенноти феодальнаго строя. Съ тѣхъ поръ какъ феодалы стали наслѣдственными, личность будущаго вассала стала опредѣляться не выборомъ сюзерена, а въ значительной мѣрѣ случаемъ,—особенно, когда послѣ умирающаго вассала оставались однѣ дочери. Необходимость утвержденія наслѣдника со стороны сюзерена недостаточно ограждала его. Возстановить свое вліяніе онъ могъ однимъ только путемъ: ему принадлежала власть вмѣшиваться въ рѣшеніе вопроса о бракѣ дѣтей вассала,—этимъ онъ и пользовался при заключеніи браковъ, чтобы опредѣлить напередъ судьбу наслѣдства: сюзерень выбиралъ себѣ будущихъ ленниковъ—жениховъ дочерямъ вассала, которымъ и предоставлялось, по предбрачному договору, наслѣдованіе въ феодѣ. Вотъ какъ изображаетъ эту систему Монтескье въ послѣднихъ строкахъ „*Esprit des lois*“. „Феодалы стали наслѣдственными; сюзерены, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы феодалы несли службу, требовали, чтобы дочери, имѣющія наслѣдовать,—а, какъ я полагаю, иногда и сыновья,—не вступали въ бракъ

безъ ихъ согласія: такъ что предбрачные договоры стали для вельможъ актомъ распоряженія, и притомъ распоряженія гражданскаго. Въ подобной сдѣлкѣ, совершенной на глазахъ у сюзерена, дѣлались *распоряженія о будущемъ наслѣдствѣ*, въ тѣхъ видахъ, чтобы наслѣдники несли съ феодовъ службу: такимъ образомъ только знать имѣла вначалѣ право распоряжаться будущимъ наслѣдствомъ по предбрачному договору¹⁾.

Создавшійся при такихъ условіяхъ порядокъ вещей послужилъ затѣмъ орудіемъ и для другихъ цѣлей. Окрѣпшая родовая знать пользовалась имъ въ борьбѣ за сохраненіе имущества въ средѣ рода: договоры о будущемъ наслѣдствѣ, хотя и не стѣсняли возмездныхъ прижизненныхъ распоряженій, считались однако неотмѣняемыми по отношенію ко всякимъ способамъ безмезднаго отчужденія.

Этимъ слѣдуетъ объяснить, что когда затѣмъ въ XV и XVI вѣкахъ возникла великая собирательная работа въ области обычнаго права, то собиратели, руководимые „сектантами римскаго права“, насила въ значительной мѣрѣ національные элементы въ интересахъ универсально-римскихъ началъ, выгнали отовсюду ненавистный имъ договоръ о наслѣдствѣ, но не сумѣли побороть его въ самомъ надежномъ его прибѣжищѣ—въ предбрачномъ договорѣ. Тамъ онъ остался—и только тамъ. Мало того, онъ оказалъ настолько пригоденъ, что его стали усваивать и провинціи писаннаго права²⁾, и когда ордонансу 1731 года пришлось коснуться этого вопроса, то между провинціями писаннаго и устнаго права дѣйствительно оказалось рѣдкое единодушіе. Изъ среды самыхъ ярыхъ романистовъ, осыпавшихъ Дагессо многочисленными вопросами, ни одинъ голосъ не поднялся противъ оставленія *institution contractuelle* въ предбрачномъ договорѣ.

Institution contractuelle есть договоръ, соглашеніе, устанавлиющее извѣстную обязанность. Отсюда его безповорот-

¹⁾ Oeuvres complètes de Montesquieu. Paris, 1859, t. I, p. 590.

²⁾ Revue historique de droit français. 1860, t. VI.—Anouilh—De l'inst. contr., p. 304—310.

ность,—не безповоротность совершившагося факта обогащенія, которая естественна и непререкаема, а безповоротность связанности воли, которой предстоит еще реализоваться въ будущемъ.

Далѣе, *institution contractuelle* есть договоръ, которому оказывается покровительство—въ интересахъ сохраненія семейнаго имущества; отсюда ненужность для него той торжественной и совершенно безцѣльной формальности, именуемой акцептаціею, которая установлена, какъ то признано и всѣми романистами, съ Савиньи во главѣ, единственно съ цѣлью затруднить, гонимый всюду и во всѣ времена, институтъ даренія.

Institution contractuelle есть договоръ о наслѣдствѣ, притомъ о наслѣдствѣ будущемъ,—объектъ, совершенно невѣдомомъ, не опредѣленномъ ни по объему, ни по времени возникновенія, „о будущемъ имуществѣ“, какъ выражаются—кстати сказать, не совсѣмъ точно—и ордонансъ, и кодексъ ¹⁾).

Относясь не къ опредѣленному имуществу, договоръ не перемѣщаетъ *actuellement* права собственности, съ тѣмъ, чтобы оно передавалось затѣмъ самостоятельно отъ одареннаго его наслѣдникамъ, какъ то имѣетъ мѣсто при истинномъ дареніи имущества настоящаго. Наоборотъ, пережитіе дарителемъ одареннаго уничтожаетъ все обязательство.

Но тѣ же цѣли, ради которыхъ институтъ оберегался, вызываютъ и необходимость дальнѣйшаго его распространенія на дѣтей одареннаго—именно на дѣтей (а не наслѣдниковъ вообще). Отсюда является въ ордонансѣ такой видъ договора о будущемъ наслѣдствѣ, при которомъ одаренный обязуется передать наслѣдство своимъ дѣтямъ; установленъ и рядъ правилъ, регулирующихъ эти въ существѣ субституціонныя сдѣлки.

Передача наслѣдства вызываетъ затѣмъ вопросъ о доляхъ наслѣдодателя, и вотъ ордонансъ, основываясь на кутюмахъ, даетъ рядъ постановленій, ограждающихъ кредито-

---

¹⁾ Подъ будущимъ имуществомъ могутъ разумѣться и опредѣленные объекты, ожидаемые дарителемъ,—но не въ этомъ смыслѣ терминъ употребляется кодексомъ.

ровъ дарителя, но не обременяющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ одаренныхъ, въ интересахъ которыхъ весь институтъ поддерживается. Одаренный въ правѣ принять имущество въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ моментъ даренія, и обязанъ платить въ такомъ случаѣ лишь тѣ долги, которые тяготѣли на имуществѣ въ моментъ даренія.

Наконецъ, въ виду передачи наслѣдства, возникаетъ вопросъ о соотношеніи размѣра дара съ обязательною долею, съ приданымъ, и всѣ эти вопросы регулируются ордонансомъ съ большою тщательностью.

Таковъ остовъ ордонанса. Онъ имѣетъ предметомъ два различныхъ вида безмезднаго отчужденія и не затрудняется назвать каждое изъ нихъ по имени: одно есть дареніе между живыми, другое—договоръ о наслѣдствѣ. Въ этомъ договорѣ нѣтъ ничего дарственного въ истинномъ смыслѣ; самая неотмѣняемость его вытекаетъ изъ договорнаго начала. Онъ—не дареніе по существу, ибо имъ не умаляется имущество дарителя, онъ не дареніе по формѣ, ибо форма его—предбрачный договоръ, и притомъ безъ главной формальной примѣты дарственныхъ сдѣлокъ—безъ акцептаціи. Общее у него съ дареніемъ—только безмездность, но безмездно и завѣщаніе, и едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что съ юридической точки зрѣнія этому договору болѣе подобаетъ мѣсто въ ряду правилъ о завѣщаніяхъ, чѣмъ среди дареній. Однако съ дареніемъ было у него общее нѣчто иное: конкретная житейская почва, на которой они появились. Въ одинъ и тотъ же моментъ, въ одной и той же предбрачной сдѣлкѣ, переплетались и истинное дареніе имущества настоящаго, и договоръ о наслѣдствѣ. Этотъ фактъ оказался рѣшающимъ; онъ опредѣлилъ дальнѣйшую судьбу всего института. Истинное дареніе и договоръ о наслѣдствѣ, не связанные внутренно, каждый съ массою своихъ особенныхъ детальныхъ правилъ, оказались объединенными одною внѣшнею оболочкою. Получилась категорія, съ юридической точки зрѣнія чудовищная: категорія дареній „по предбрачному договору“.

Соединенные этимъ внѣшнимъ ярлыкомъ въ ордонансѣ, оба института перешли съ тѣмъ же ярлыкомъ и въ кодексъ.

IV.

Творцамъ кодекса не чуждо было представленіе объ особливомъ строѣ супружескихъ дареній.

Въ засѣданіи государственнаго совѣта 24 жерминаля (14 апрѣля) XI года Биго-Преаменэ указывалъ, что „есть два рода дареній, которые всегда были выдѣляемы въ особый классъ и для которыхъ общія правила должны быть видоизмѣнены. Это даренія по предбрачному договору и даренія между супругами“ ¹⁾. Janbert въ засѣданіи трибуната 9 флореаля (29 апрѣля) того же года торжественно обѣщалъ, что „les institutions contractuelles continueront d'être autorisées en faveur de mariage“ ²⁾. Во исполненіе этого обѣщанія, творцы кодекса переписали изъ ордонанса, все, что касается institution contractuelle. Но они вычеркнули самое названіе. Они подвели предбрачныя даренія подъ общее наименованіе „дареній между живыми“ и этимъ втиснули ихъ въ рамки новаго, внутренне съ ними не связаннаго, института. Куда дѣвалась „institution contractuelle“? Отчего вычеркнуто слово, когда осталось существо? Съ этимъ упрекомъ обращались къ творцамъ кодекса всѣ позднѣйшіе изслѣдователи, и только самые снисходительные находили оправданіе имъ въ опасеніи „сломать единство и простоту основной классификаціи способовъ безмезднаго отчужденія“ ³⁾. Неужели, спрашивалъ Eschbach, творцы кодекса убоялись оскорбить современныя идеи, вписывая въ свое твореніе слово „de féodale mémoire“? ⁴⁾ „Они отнесли institution contractuelle къ дареніямъ — говорить Apouilh—забывая, что „законодательнымъ распоряженіемъ не побѣждается природа вещей“. Однако на самомъ дѣлѣ природа вещей оказалась побѣжденною въ значительной степени. Послѣ подведенія договора о наслѣдствѣ подъ другую общую рубрику, только истинно вдумчивые толкова-

¹⁾ Lo creé—La législation civile, commerciale et criminelle. Paris 1827, t. IX p. 416.

²⁾ Ibidem, p. 483.

³⁾ Demolombe—Cours, t. XXIII, p. 300, № 273.

⁴⁾ Eschbach—Notice historique sur l'institution contractuelle, p. 127 sq.

тели продолжали—согласно съ юристами старой школы—видѣть въ немъ категорію особенную, имѣющую, по словамъ Furgole'я, „характеръ амфибіи: классъ особенный, съ особенными, ему одному только свойственными правилами“.

Но для комментаторовъ болѣе смѣлыхъ, формально умствующихъ, и къ прискорбію наиболѣе ходкихъ, упрощенная классификація кодекса уничтожила всякія стѣсненія. „Согласно 893 ст. кодекса“—разсуждаетъ Laurent—„нельзя распоряжаться безмезднымъ способомъ иначе какъ посредствомъ даренія или завѣщанія. Необходимо посему помѣстить *institution contractuelle* или между завѣщаніями, или между дареніями. Кодексъ разсѣкъ это затрудненіе, квалифицируя его, какъ дареніе; оно совершается въ формѣ договора; этого достаточно, чтобы невозможно было уподобить его завѣщанію“¹⁾.

Характерна въ этомъ объясненіи—кромѣ общаго направленія мысли—одна подробность. Дареніе предбрачное именно не совершается въ формѣ особаго дарственного договора; оно присоединяется къ другому акту, именуемому предбрачнымъ договоромъ, независимо отъ того, содержится ли въ немъ дареніе, или нѣтъ. Мало того вся теорія о томъ, что дареніе есть договоръ, строится—и то по недоразумѣнію—на необходимости принятія дара со стороны одареннаго. Въ предбрачномъ договорѣ это принятіе отсутствуетъ, слѣдовательно въ части, касающейся даренія, предбрачная сдѣлка во всякомъ случаѣ не есть договоръ. И тѣмъ не менѣе для спасенія классификаціи оказывается достаточнымъ надпись „*contrat*“ на актѣ, который въ сущности есть завѣщаніе.

Въ результатѣ получилось нѣчто совершенно неожиданное. Мракъ, посѣянный въ одномъ мѣстѣ, распространился по всему институту, затмивъ то, что ранѣе было совершенно ясно: отнеся распоряженіе будущимъ имуществомъ къ дареніямъ между живыми, кодексъ затемнилъ самое понятіе „даренія между живыми“—понятіе, стоявшее незыб-

¹⁾ Principes, t. XV, p. 221.

лемо со временъ римскихъ юристовъ. Кассационный судъ Франціи въ теченіе ста лѣтъ бьется съ этимъ терминомъ; едва онъ успѣваетъ остановиться на одномъ какомъ-нибудь рѣшеніи,—новая волна жизни—новый бытовой фактъ—сноситъ всю постройку и заставляетъ начинать всю работу сначала. Этимъ объясняется, почему Sirey, этотъ безличный отмѣтчикъ кассационныхъ возрѣній, счелъ себя вынужденнымъ поставить во главѣ основной 894 статьи о дареніи слѣдующее меланхолическое замѣчаніе:

„По какимъ признакамъ отличать дареніе между живыми отъ дареній на случай смерти или, вѣрнѣе говоря, отъ дареній, которыя принято еще такъ называть? Если доктрина по этому вопросу даетъ правила ясныя и неопровержимыя, то практика, въ примѣненіи этихъ правилъ, далека отъ чего-либо опредѣленнаго: многочисленныя рѣшенія, ниже сего указываемыя, должны быть въ большинствѣ случаевъ разсматриваемы скорѣе, какъ разрѣшеніе конкретныхъ случаевъ по существу, чѣмъ какъ разъясненія по вопросамъ права въ истинномъ смыслѣ слова“.

V.

Даренія по предбрачному договору распределены въ кодексѣ между двумя главами: VIII и IX. Въ первой идетъ рѣчь о дареніяхъ, дѣлаемыхъ въ пользу супруговъ третьими лицами, во второй о дареніяхъ, дѣлаемыхъ самими супругами. Въ главныхъ основаніяхъ эти правила тождественны; незначительныя различія внушены соображеніями цѣлесообразности. Дареніе имущества настоящаго, по общему правилу, признается перемѣщающимъ право собственности: оно остается въ силѣ, если одаренный переживетъ дарителя (ст. 1092)—имущество переходитъ тогда къ наслѣдникамъ одареннаго, если не было обусловлено иначе. Дареніе имущества будущаго предполагаетъ и здѣсь пережитіе одареннаго (1093 ст.);—однако даренія имущества будущаго между супругами не могутъ уже сопровождаться субституціоннымъ отказомъ въ пользу дѣтей одареннаго, въ томъ разсужденіи,—какъ гово-

рять комментаторы—что одному изъ родителей незначѣмъ впередъ выговаривать выгоды въ пользу дѣтей, которыя будутъ дѣтьми и другаго родителя. Наконецъ для дареній между супругами по предбрачному договору установленъ особый размѣръ обязательной доли, на случай неоставленія дарителемъ потомства (ст. 1094).

Въ ту же главу о дареніяхъ супруговъ по предбрачному договору вставлены въ кодексѣ—очевидно, въ видахъ достиженія вящаго единства—правила „о дареніяхъ между супругами, совершаемыхъ въ продолженіе брачнаго союза“.

Уже при соединеніи въ одну категорію истиннаго предбрачнаго даренія и договора о наслѣдствѣ творцы кодекса руководились признакомъ несущественнымъ, поверхностнымъ—тѣмъ, что обѣ сдѣлки совершаются въ одномъ и томъ же актѣ. Объединяя нынѣ даренія, совершенныя во время брака, съ дареніями предбрачными, они руководились признакомъ еще болѣе вышнимъ, еще менѣе существеннымъ для юридическаго быта: тождествомъ контрагентовъ,—тѣмъ, что и здѣсь, и тамъ имѣются на-лицо люди, соединившіеся или предполагающіе соединиться брачными узами. Можно съ увѣренностью сказать,—и это особенно ясно обнаружится изъ дальнѣйшаго изложенія,—что какою бы другую комбинацію изъ трехъ группъ сдѣлокъ (дареній обыкновенныхъ, дареній предбрачныхъ и дареній супружескихъ) составители кодекса ни составили,—произошло бы менѣе смѣшенія, чѣмъ то, которое допущено кодексомъ въ теперешней его редакціи. Естественно было соединить въ одну главу даренія обыкновенныя съ дареніями супружескими,—естественнѣе даже слить даренія предбрачныя съ обыкновенными, чѣмъ сводить въ одну группу даренія, совершаемыя во время брака, съ дареніями предбрачными.

Ордонансъ, какъ мы знаемъ, не затронулъ вопроса о супружескихъ дареніяхъ,—онъ предоставилъ дѣйствовать кутюмамъ. Творцамъ Наполеонова кодекса пришлось поэтому оперировать надъ сырмъ, несведеннымъ матеріаломъ.

„Обычаемъ установлено“,—такъ учили римскіе источники— „что даренія между мужемъ и женой не имѣютъ силы“

(*Moribus apud nos receptum est ne inter virum et uxorem donationes valerent*). Супружескія отношенія должны быть свободны отъ прямого или косвеннаго воздѣйствія денежнаго разсчета,—они не должны служить ареною для эксплуатаціи болѣе благороднаго менѣе достойнымъ: *ne concordia pretio conciliari videatur neve melior in paupertatem incideret, deterior ditior fieret, ne mutuo amore in vicem spoliarentur donationibus non temperantes*¹⁾.

Таковъ мотивъ, поведшій за собой абсолютный запретъ супружескихъ дареній. Однако этимъ же мотивомъ предудказывалось и ограниченіе общаго правила.

Опасность эксплуатаціи однимъ супругомъ другаго отпадаетъ, когда дареніе совершается съ правомъ отмѣны его во всякое время и съ обязательною отмѣною на случай болѣе ранней смерти дарителя. Таковы даренія *mortis causa*, и потому источники гласятъ, что „*inter virum et uxorem donationes mortis causa receptae sunt*“. „Ибо дѣйствіе такого даренія“—прибавляютъ источники—„обнаруживается въ такое время, когда (стороны) перестаютъ уже быть мужемъ и женою“²⁾.

Дареніе на случай смерти по общему правилу перемѣщало немедленно право собственности, слѣдовательно примѣнялось къ имуществамъ настоящимъ—съ сохраненіемъ лишь отмѣнительнаго условія³⁾. По отношенію къ дареніямъ между супругами и это правило подверглось ограниченію: *res non statim fiunt ejus cui donatae sunt*⁴⁾. Однако путемъ фидеи строгій запретъ былъ обойденъ. Конституція императоровъ Севера и Антонина Каракалы объявила дѣйствительнымъ обычное дареніе между супругами, когда даритель умеръ, не отмѣнивъ его. Въ теченіе всей жизни дарителя сдѣлка, реально исполненная, признавалась граждански ни-

¹⁾ L. 1 et 3. De donat. inter vir. et uxorem.

²⁾ Windscheid—Lehrbuch d. Pandektenrechts, III, § 509, 17. Dernburg—Pandekten, III, S. 45.

³⁾ L. 19. Pr. de reb. cred. (12, 1): qui mortis causa pecuniam donat, numerat pecuniam. Savigny—System d. heut. röm. Rechts, IV, § 170. Windscheid, II, § 369. Dernburg, III, § 117.

⁴⁾ L. II Pr. de don. inter vir. et ux. (24, 1).

чтожною, какъ-бы не существующею; но если даритель умираетъ, не отмѣнивъ даренія, — оно приобретаетъ обратную силу, признавалось дѣйствительнымъ съ момента заключенія и неотмѣнимымъ для наслѣдниковъ дарителя. „Дареніе почитается въ этомъ случаѣ“, — замѣчаетъ Виндшейдъ ¹⁾ — „какъ-бы повтореннымъ въ моментъ смерти и сдѣланнымъ такимъ образомъ на время, когда дарителя не будетъ болѣе въ живыхъ“.

Таковъ типъ дареній между супругами, завѣщанный среднимъ вѣкамъ античнымъ римскимъ правомъ и воспринятый, между прочимъ, въ странахъ писаннаго права Франціи: общее правило гласитъ, что даренія между супругами воспрещаются, и изъ этого правила установлены исключенія для дареній имущества настоящаго, совершаемыхъ на случай пережитія и подлежащихъ отмѣнѣ по волѣ дарителя.

Обычное право, при всемъ разнообразіи въ деталяхъ, въ общемъ проявляло то же отрицательное отношеніе къ супружескимъ дареніямъ. Многіе кутюмы — и въ томъ числѣ кутюмы Парижа и Орлеана ²⁾, изъ которыхъ почерпалось затѣмъ большинство нормъ обычнаго права для кодекса, — не допускали между супругами не только дарственныхъ, но и завѣщательныхъ распоряженій, — „дабы не казалось“, поясняетъ отъ себя Guy-Coquille, „что дружба, согласіе и нѣжное обращеніе составляютъ предметъ торга, и чтобы дать понять, „qu'au coeur est le vraie amour et non à l'extérieur ³⁾“. Основаніе это, весьма убѣдительное для юристовъ-теоретиковъ, всегда въ большей или меньшей степени проникнутыхъ римскими идеями, — въ жизни нашло себѣ союзника въ другомъ, гораздо болѣе сильномъ мотивѣ — въ стремленіи сохранять имущество въ родѣ. Этимъ стремленіемъ проникнута большая часть кутюмныхъ правилъ. „Полагали“, — такъ свидѣтельствуетъ Férrières — „что государство не можетъ дер-

¹⁾ Lehrbuch, II, § 509.

²⁾ Coutumes des Duché, Baillage et Prévoté d'Orléans. Paris et Orléans. 1757, p. 475 sq.

³⁾ Inst. du droit français. Des gens mariés, p. 66.

жаться безъ этого средства, и что не будь запрета дареній, бездѣтные супруги дарили бы другъ другу свое имущество и передавали бы богатяя наслѣдства въ чуждые имъ роды“. Однако, стѣсняя супруговъ въ свободѣ распоряженія, и обычное право обладало, на подобіе римскаго, опредѣленнымъ коррективомъ, умѣрившимъ силу общаго запрета. Этотъ коррективъ состоялъ въ *ограниченіи части, подлежащей свободному дарственному распоряженію въ сдѣлкахъ между супругами*. Система этихъ ограниченій очень сложна. Кутюмы представляютъ въ этомъ отношеніи весьма пеструю картину, но преобладающими принципами является либо предоставленіе переживающему супругу узурфрукта во всемъ имуществѣ, либо передача права собственности на часть имущества, съ соответственными сокращеніями на случай конкуренціи другихъ сонаслѣдниковъ.

Съ двухъ концовъ шелъ такимъ образомъ напоръ на свободу дарственныхъ распоряженій. И римское, и обычное право были согласны въ принципѣ; различіе было лишь въ способахъ его смягченія. Римское право обладало для этого отмѣняемостью, обычное—установленіемъ доли. И то, и другое допускало даренія между супругами, но даренія отмѣняемая (по обѣимъ системамъ) въ случаѣ пережитія, отмѣняемая сверхъ сего (по римской системѣ) по волѣ дарителя во все время его жизни, отмѣняемая (по обычной системѣ) въ случаѣ превышенія установленной нормы.

Представимъ себѣ теперь, что обѣ эти системы одновременно вѣдряются въ институтъ простаго даренія. Ясно, что элементы обычнаго права не могли оказать никакого вліянія на юридическую квалификацію сдѣлки: они направлялись исключительно на опредѣленіе объема дара. Не менѣе ясно, съ другой стороны, что римскіе элементы должны были всецѣло измѣнить юридическій характеръ сдѣлки: присоединеніе къ обычному даренію начала отмѣняемости переводило его изъ разряда дареній между живыми въ разрядъ дареній *mortis causa*,—дареній, отдѣленныхъ весьма тонкою и съ теченіемъ времени все болѣе утончающеюся чертою отъ распоряженій завѣщательныхъ.

Это именно и произошло при введеніи правилъ о супружескихъ дареніяхъ въ Наполеоновъ кодексъ. Составители кодекса почерпали ограниченія супружескихъ дареній изъ обѣихъ системъ: 1094 ст. воспроизводитъ ограниченіе, дѣйствовавшее въ кутюмахъ, 1096 ст. вводитъ римскій принципъ безусловной отмѣняемости. Въ этомъ нагроможденіи другъ на друга ограничительныхъ принциповъ двухъ системъ нѣтъ сколько-нибудь понятной руководящей мысли,—электизмъ, особенно поражающій послѣ пышныхъ вводныхъ тирадъ о необходимости поощрять сдѣлки „en faveur de mariage“. Предоставленные самимъ себѣ, безъ опоры въ предшествующемъ законодательствѣ, составители кодекса, вынужденные выстроить весь институтъ отъ основанія до вершины, съумѣли только механически сочетать два старыхъ начала, не проявивъ въ процессѣ ихъ соединенія никакой творческой мысли.

Какъ бы то ни было, но въ результатѣ получился, въ видѣ даренія между супругами, старый, истасканный еще въ римскомъ правѣ, институтъ даренія на случай смерти, съ привѣскомъ весьма сомнительнаго достоинства, почерпнутымъ изъ кутюмовъ и отнюдь не „фаворизирующимъ“ брачнымъ отношеніямъ.

VI.

Потому ли, что постановленія о супружескихъ дареніяхъ, помѣщенные въ концѣ законопроекта о дареніяхъ и завѣщаніяхъ, обсуждались съ особою поспѣшностью,—потому ли, что вновь создаваемый объединенный институтъ даренія между супругами по существу своему требовалъ больше вдумчивости, чѣмъ могли ему отвести мчавшіеся впередъ съ неимоверною быстротою законодатели,—но статьи о дареніяхъ между супругами привлекли къ себѣ весьма мало вниманія законодательныхъ инстанцій, редактировавшихъ кодексъ. Ихъ включили въ главу о дареніяхъ между живыми и завѣщаніяхъ, хотя онѣ не есть ни дареніе между живыми, ни завѣщаніе, и ни однимъ словомъ не объяснили, почему имъ отведено это мѣсто. Ихъ подчинили дѣйствию общей статьи

(893) о томъ, что есть только два способа безмезднаго распоряженія: дареніе между живыми и завѣщаніе—не объяснивъ, почему устраняется *de nomine* тотъ третій способъ, который *de facto* остается, и въ какомъ именно изъ двухъ оставленныхъ разрядовъ слѣдуетъ числиться этому третьему особому разряду. 893 статья представлялась уже искаженіемъ ордонанса, поскольку она касалась дареній по предбрачному договору; передъ лицомъ же новаго института она стоитъ, какъ неразгаданное чудище: ибо вы напрасно стали бы искать хоть тѣни отвѣта на ваши недоумѣнія у тѣхъ, которые должны бы за нее предстательствовать.

При обсужденіи правила 893 ст. въ законодательныхъ собраніяхъ, она не удостоилась ни одного слова разъясненія со стороны правительственныхъ ораторовъ, ни одного возраженія со стороны участниковъ собраній ¹⁾. Въ собраніяхъ этихъ весьма пространно дебатировался вопросъ о томъ, нужно ли вводить въ законодательный актъ юридическія опредѣленія, или нѣтъ; рѣшено было: вводить опредѣленія: признано было, что необходимо выяснять въ самомъ законѣ „*le caractère différentiel*“ каждаго института ²⁾. Такимъ *caractère différentiel* для дареній—пояснено тутъ же—является *irrévocabilité*, а для завѣщаній—*révocabilité*, и тѣмъ не менѣе не возникло даже вопроса о томъ: почему, вопреки этому „различительному характеру“, распоряженію отмѣняемому присвоивается названіе „даренія“.

Не возникло также и того вопроса, о которомъ мы уже говорили выше: почему даренія между супругами во время брака должны быть соединены въ одну главу съ дареніями по предбрачному договору.

Вико-Преаменэ въ рѣчи своей, обращенной къ государственному совѣту, указывалъ, что „все законы, предшествовавшіе закону 17 нивоза XI года (этимъ закономъ революціонной эпохи уничтожались всякія ограниченія супружескихъ дареній), всегда различались даренія, которыя супруги

¹⁾ *Loi et—La Législation*, t. IX, p. 88.

²⁾ *Ibidem*.

— Жур. Мин. Юст. Май 1899.

могутъ дѣлать другъ другу по предбрачному договору, и даренія, которыя имѣютъ мѣсто въ продолженіе брака ¹⁾“.

Но изъ этого замѣчанія самъ Преаменэ не извлекъ никакихъ практическихъ выводовъ для вопроса о правильномъ размѣщеніи новыхъ правилъ въ кодексѣ, и этотъ именно грѣхъ, на видъ столь незначительный, фатальнымъ образомъ отразился на всей судьбѣ новаго института. Онъ-то, какъ оказывается, и вызвалъ неимоверную путаницу въ разсужденіяхъ, выходъ изъ которой оказался только черезъ тѣсныя ущелья схоластическаго комментаторства.

Основной вопросъ, болѣе всего затрудняющій пониманіе кодекса, состоитъ, какъ уже указано, въ томъ: можетъ ли дареніе отмѣняемое относительно имущества будущаго оставаться дареніемъ? На изобрѣтеніе доводовъ въ защиту положительнаго отвѣта затрачено было чрезвычайно много остроумія и находчивости; во имя придуманныхъ и идущихъ въ разрѣзъ съ непосредственнымъ здравымъ смысломъ комбинацій, извращался смыслъ житейскихъ отношеній,—и тѣмъ не менѣе, а можетъ быть именно потому, дѣло не подвигалось впередъ, осталась та же неудовлетворенность данными объясненіями и неясность основныхъ очертаній института. Даже неустрашимый Laurent сознается, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ имуществахъ будущихъ, слѣдовало бы примѣнять постановленія объ *institution contractuelle* ²⁾, но какъ же приложить эти постановленія къ дареніямъ между супругами, которыя ни въ какой связи съ *institution contractuelle* не состоятъ? Болѣе основательный Toullier ³⁾, не колеблясь, изъе-млетъ супружескія даренія изъ числа дареній между живыми и называетъ ихъ прямо „дареніями на случай смерти“, понимая подъ послѣдними не что иное, какъ завѣщанія, изложенныя въ формѣ дареній.

Duranton ⁴⁾ пытается устранить сомнѣніе тѣмъ, что отно-

¹⁾ Ibidem, p. 419.

²⁾ Principes, loco cit., p. 351.

³⁾ Toullier—Le droit civil français, III, № 918.

⁴⁾ Duranton—Cours de droit français, IX, № 778.

силь даренія между супругами либо въ завѣщаніямъ, либо къ дареніямъ, смотря по тому, имѣютъ ли они предметомъ имущество настоящее или будущее. Но это значитъ разсѣчь вопросъ, — конечный результатъ, пожалуй, правиленъ, но здѣсь нѣтъ истиннаго разрѣшенія проблемы, нѣтъ примиренія и устраненія несомнѣнныхъ противорѣчій. Чтобы найти хоть какую-нибудь точку опоры, использовано было еще одно, послѣднее средство. Дареніе—говорятъ—хотя и будущаго имущества, хотя и отмѣняемое, есть все же договоръ (*contrat*); какъ договоръ, оно имѣетъ обратную силу по отношенію къ моменту возникновенія; этимъ-то оно и отличается отъ завѣщанія, которое воспринимаетъ свою силу лишь съ момента смерти завѣщателя. Однако если дареніе признается договоромъ, то, очевидно, эта квалификація можетъ относиться только къ суммѣ опредѣленныхъ признаковъ, характеризующихъ дареніе; когда не оказывается этихъ признаковъ, то нѣтъ даренія; нѣтъ, слѣдовательно, и договора. Да помимо сего, дареніе и не считается вовсе договоромъ по кодексу. Въ текстѣ закона (ст. 894) нѣтъ слова *contrat*; это слово было въ проектѣ и вычеркнуто по тому соображенію, что, какъ указалъ первый консуль, „*le contrat impose des charges mutuelles aux deux contractants, aussi cette expression ne peut convenir à la donation*“¹⁾. Дареніе и характеризуется въ кодексѣ не какъ „*contrat*“, а какъ „*acte*“.

Такимъ образомъ нѣтъ и формальнаго основанія для отнесенія всего того, что кодексъ называетъ „*donation*“, къ разряду договоровъ; съ устраненіемъ этого основанія отпадаетъ и выводъ объ обратномъ дѣйствіи сдѣлки съ момента ея заключенія.

Разгадка всѣхъ этихъ и многочисленныхъ другихъ недомѣний лежитъ въ грѣхѣ, содѣянномъ творцами кодекса. Грѣхъ содѣянъ былъ случайно, но самое нераскрытіе его характерно для авторовъ кодекса, такъ же, какъ позднѣй-

---

¹⁾ *Loi gé.*, т. IX, стр. 98.

шее возведеніе этого случайнаго грѣха въ принципъ превосходно характеризуетъ комментаторовъ кодекса.

Теорія о томъ, что предметомъ даренія между супругами можетъ быть имущество будущее, основана на 947 ст. кодекса.

947 статья гласитъ, что „четыре предыдущія статьи вовсе не примѣняются къ дареніямъ, о которыхъ упомянуто въ главахъ VIII и IX настоящаго раздѣла“.

Въ числѣ четырехъ предыдущихъ статей имѣется ст. 943, которая гласитъ, что „дареніе можетъ простираться только на имущества настоящія“. Значитъ правило ст. 943 не распространяется на главу IX, въ которой говорится о дареніяхъ предбрачныхъ и супружескихъ. А отсюда выводъ, что даренія между супругами могутъ имѣть предметомъ и имущества будущія.

Въ принятой кодексомъ редакціи обращаетъ на себя вниманіе то, что правоотношенія, которыя изъемяются 947 статьею изъ подъ дѣйствія общихъ правилъ, не названы по имени, а сдѣлана ссылка на подлежація главы: не сказано, что ст. 943 не распространяется на даренія по предбрачному договору и на даренія между супругами, а „на даренія, указанныя въ главахъ VIII и IX сего раздѣла“. Такая система редактированія, посредствомъ ссылокъ, облегчаетъ трудъ кодификатора, но она не ставитъ проблемы во всемъ ея объемѣ непосредственно передъ его глазами и потому представляетъ извѣстную опасность; опасность эта становится особенно сильною, когда два сводимыхъ мѣста значительно отстоятъ другъ отъ друга, когда разсмотрѣніе ихъ въ законодательной инстанціи отдѣлено значительнымъ промежуткомъ времени и когда, прибавимъ мы для даннаго случая, разсмотрѣніе производится съ такою поспѣшностью, что для провѣрки ссылокъ не хватаетъ времени.

Тѣмъ болѣе основаній изслѣдователю, толкователю обратиться къ самому источнику ссылки. Изъ изученія этого источника обнаруживается слѣдующее.

Проектъ закона въ разсматриваемой нами части обсуждался въ государственномъ совѣтѣ 19 вентоза XI года

(10 марта 1803 г.). Ходъ этого засѣданія изображенъ у Locré въ т. IX на стр. 225—226 въ слѣдующемъ видѣ:

Обсужденію подлежали:

Ст. 48 проекта, соотвѣтствующая	943	ст. кодекса.
— 49 — — —	944	— —
— 50 — — —	945	— —
— 51 — — —	946	— —
— 52 — — —	948	— —

Недостаесть, значитъ, вовсе нынѣшней 947 статьи: ея, оказывается, вовсе не было въ проектѣ. Какимъ же образомъ она явилась? На той же 225 страницѣ у Locré сказано: „государственный совѣтъ обсуждаетъ ст. 48 проекта (943 ст. кодекса), которая гласить, что дареніе можетъ простираться только на имущества настоящія.

„Статья 48 принимается съ поправкою: редакція должна указать, что ею не предрѣшается ничего относительно дареній между живыми, включаемыми въ *предбрачные договоры*. (L'art. 48 est adopté avec l'amendement que la redaction fera apercevoir qu'il ne préjuge rien sur les donations entre-vifs portées aux *contrats de mariage*)“. Слѣдовательно, рѣчь идетъ исключительно о дареніяхъ предбрачныхъ, объ *institution contractuelle*; только къ нимъ и относится „поправка“, исключающая примѣненіе 943 ст. По отношенію къ дареніямъ во время брака законодатели не погрѣшили и на будущія имущества ихъ не распространили. Составители кодекса не говорили о „главѣ IX“,—они говорили объ опредѣленномъ родѣ дареній—о дареніяхъ предбрачныхъ. Но предбрачныя даренія помѣщены были въ главахъ VIII и IX, слѣдовательно редакторъ могъ сказать, что ст. 943 не распространяется на главу VIII и IX. Онъ только не замѣтилъ, что къ IX главѣ, по явному небреженію къ *caractère différentiel*, примощены были—для стройности, во избѣжаніе новыхъ главъ и особыхъ заголовковъ—даренія между супругами во время брака. Не замѣтилъ—и оставилъ правило о томъ, что 943 ст. не распространяется вообще на „главу IX“. Эту „главу IX“ придумалъ, слѣдовательно, редакторъ, пиесець, неизвѣстно кто,

но только не законъ, насколько подъ закономъ разумѣется воля, сознательно выраженная законодателемъ, а не безсвязныя фразы, случайно начертанныя непризвannoю рукою. Если законодатель здѣсь въ чемъ-нибудь повиненъ, то развѣ въ томъ, что пропустилъ безъ всякихъ замѣчаній это редакторское измышленіе, когда оно дважды проходило черезъ высшія законодательныя инстанціи. Онъ не замѣтилъ, что въ главахъ VIII и IX, кромѣ главнаго хозяина, гдѣ-то на задворкахъ пріютился скромный гость съ весьма своеобразною фізіономіею.

А комментаторы усмотрѣли и въ этой явной опискѣ совершенно достаточный поводъ для перекройки на новый ладъ самыхъ основныхъ юридическихъ институтовъ—*ad majorem gloriam* классификаціоннаго принципа. Съ творцовъ французскаго кодекса снимается такимъ образомъ обвиненіе въ сознательномъ созданіи уродливаго гебрида—„отмѣняемаго даренія будущаго имущества“: вина въ распространеніи этого чудовища ложится всецѣло на комментаторовъ, которые, увлекшись стройностью и „принципиальностью“ своего кодекса, не усмотрѣли, что воздвигли колоссальное зданіе—на кодификаціонномъ недоразумѣніи.

Природная страсть къ діалектикѣ, соединенная съ особеннымъ сладостнымъ преклоненіемъ передъ буквою закона, какъ передъ виѣшнею, импонирующею и самоцѣльною силою, совершенно опьянила французовъ съ того момента, какъ имъ данъ былъ въ руки такой классическій предметъ для упражненія этихъ талантовъ, какъ Наполеоновъ кодексъ. Все, что предшествовало кодексу, должно было погрузиться въ мракъ неизвѣстности. Нѣтъ Бога кромѣ Бога.... Только опьяненіемъ можно объяснить тотъ фактъ, что тотчасъ послѣ изданія кодекса, въ 1807 году, когда еще все такъ свѣжо было въ памяти, когда легко было все провѣрить, появилась уже на комментаторскомъ рынкѣ та теорія, которая достигла затѣмъ своего кульминаціоннаго пункта въ твореніи Лорана.

Уже въ 1807 году генеральный прокуроръ кассационнаго суда потребовалъ отмѣны рѣшенія, которымъ дареніе будущаго имущества между супругами признано было завѣ-

щаніемъ,—на томъ основаніи, что законъ ясенъ, что 947 статьею изъемяются изъ-подъ дѣйствія „четырехъ предыдущихъ статей даренія, въ главахъ VIII и IX указанныя“, а въ числѣ 4 статей имѣется 943, въ числѣ же дареній, указанныхъ въ VIII и IX главахъ, имѣются даренія между супругами и т. д., и т. д. Кассационный судъ подчинился этому толкованію, и хотя въ послѣдствіи обнаружались колебанія и сомнѣнія, хотя явились рѣшенія въ противоположномъ смыслѣ, хотя рядомъ съ комментаторами, монотонно повторяющими другъ за другомъ разсужденіе о „ясности закона“, выступили другіе, извлекающіе изъ того же закона положенія столь же „ясныя“ въ прямо противоположномъ смыслѣ—однако и тѣ и другіе были одинаково неубѣдительны: они страдали одною и тою же болѣзнію,—они считали законодателя *слишкомъ* разумнымъ.

Здравому юридическому чутью претитъ разматываніе словъ закона, въ какую бы сторону оно ни склонялось. И послѣ многихъ часовъ такой головомной работы мысли можно съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ ея результатовъ,—можно перетасовать слова, и фигура получится иная. Пока не отысканъ движущій нервъ юридическаго института,—все не убѣдительно, все—слова; когда найденъ этотъ живой нервъ—исчезаютъ всякія недоразумѣнія. Все ему чуждое, должно оказаться случайнымъ. Нужно только искать,—все розыщется,—нужно искать, не убаюкивая совѣсти эфемерными, формально-логическими сплетеніями. Въ этомъ методѣ есть своя логика,—логика, связанная не съ однимъ формальнымъ мышленіемъ, а со всею многогранною душевною дѣятельностью, участвующею всѣми сторонами своими въ созиданіи права. Она то—*эта* логика—властвуетъ не только надъ юристами, но и надъ всѣмъ обществомъ, надъ всѣми тѣми, кто долженъ понимать законъ; она властвуетъ и надъ закономъ.

Желательно или нежелательно введеніе въ законъ градушій, вслѣдъ за французскимъ кодексомъ, особой категоріи дареній предбрачныхъ и дареній супружескихъ? Наше изло-

женіе раскрыло всю случайность той обстановки, при которой возникли и развились на французской почвѣ оба института. Выдѣленіе ихъ, какъ двухъ особенныхъ видовъ, изъ общаго строя дареній или завѣщаній—не вызывалось, какъ мы видѣли, никакими соображеніями универсальнаго свойства. И если страшно ломать своеобразный институтъ, тамъ гдѣ онъ выросъ—пока онъ сохраняетъ еще живучесть,—то столь же страшно насильственно вводить его тамъ, гдѣ онъ не имѣетъ никакихъ корней въ прошломъ и никакихъ правъ на поощреніе въ будущемъ. При пересадкѣ на нашу почву институтовъ—хотя-бы пріобрѣвшихъ значительное распространеніе и санкцію многихъ законодательствъ,—необходимо сохранять историческую перспективу, направлять свое вниманіе не на универсальность внѣшняго распространенія института, а на универсальность внутреннихъ, руководящихъ принциповъ.

О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНѢ
И ЕЯ ОТНОШЕНИИ КЪ ТАКЪ НАЗЫВАЕМОМУ
„ПРАВОМѢРНОМУ САМОУПРАВСТВУ“.

Г. С. Фельдштейна.

Das Recht braucht dem Unrechte nicht
zu weichen.

Berner.

Мы будемъ говорить о необходимой оборонѣ ¹⁾, какъ техническомъ понятіи уголовного права. Въ этомъ смыслѣ, она является, съ первыхъ же шаговъ возникновенія доктрины, такимъ институтомъ, который характеризуется болѣе или менѣе постоянными, устойчивыми признаками. Контroversы—эти неизбѣжные спутники всякой теории—встрѣчаются, ко-

---

¹⁾ Литература вопроса о необходимой оборонѣ довольно обширна. Изъ монографій старыхъ могутъ быть упомянуты: Grattenauer—Ueber die Nothwehr. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Behandlung des Criminalrechts. 1806. Van der Maesen—De justa sui defensione cum caede aggressoris. 1807. Bang—Dissertatio de moderamine inculpatæ tutelæ. 1819. Smet—De legitima sui defensione. Не утратившими значенія и понинѣ являются образцовая работа Levita—Recht der Nothwehr, 1856, и монографія Geuer—Lehre von der Nothwehr 1857. Изъ монографій новѣйшихъ могутъ быть упомянуты Stillmark—Die Lehre von der

нечно, и здѣсь. Но спорнымъ является не самый вопросъ о допустимости необходимой обороны. Вопросъ этотъ, повидимому, уже разъ навсегда рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Существованіе контроверзъ вызывается исключительно или второстепенными частностями, не имѣющими для самой сущности института рѣшающаго значенія, или разнообразіемъ приемовъ обнаруженія правомѣрности необходимой обороны¹⁾.

Въ рѣдкомъ согласіи съ доктриной по вопросу о необходимой оборонѣ стоитъ и уголовное законодательство. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ²⁾ необходимая оборона, хотя, правда, въ нѣсколько различномъ объемѣ, признавалась дѣйствиельно правомѣрнымъ.

Состояніе доктрины по вопросу о необходимой оборонѣ и взглядъ на нее разнообразныхъ законодательствъ съ несомнѣнностью убѣждаютъ насъ, что въ основаніи этого института лежатъ общепризнанныя и существенныя потребности, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ проявленіемъ „*non scriptae sed natae legis*“.

Но рядомъ съ этимъ сохраненіемъ, въ самые разнообразные моменты, своей основной сущности, необходимая оборона все-таки институтъ, такъ или иначе историческій. Она находится въ тѣсной зависимости отъ условій даннаго обществa. Только съ значительными оговорками можно

Nothwehr. 1875. Janka—Der strafrechtliche Nothstand. 1878. Moriand—Du délit nécessaire. 1889. Tobler—Die Grenzgebiete zwischen Nothwehr und Nothstand. 1894. Вопросу о необходимой оборонѣ въ русской литературѣ, кромѣ соответствующихъ отдѣловъ учебниковъ уголовного права, посвящены, между прочимъ, слѣдующія работы: Поletaевъ—Необходимая оборона. Жур. Мин. Юстиціи 1863, Окт. Кони—Необходимая оборона. Московск. Университ. извѣстія. 1866. Долончевъ—О правѣ необходимой обороны. Юридич. Вѣстн. 1874 г. Ноябрь, Декабрь. Пусторослевъ—Незамѣнимая саморасправа, какъ учрежденіе уголовного права. 1889. Пусторослевъ—Понятіе о незамѣнимой саморасправѣ. 1890.

¹⁾ Къ этимъ же выводамъ, но на основаніи другихъ соображеній, приходилъ еще Zörfel въ своихъ Beiträge zur Revision der Lehre von der Nothwehr въ Arch. d. Criminalrechts. 1842. S. 119.

²⁾ Hälschner—Das gemeine deutsche Strafrecht. B. I. S. 474. T. Schütze—Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 1874. S. 108. Ср. также Будзинскій—Начала уголовного права 1870, с. 132, и мн. др.

согласиться съ замѣчаніемъ *Гейба*, что необходимая оборона не имѣетъ исторіи ¹⁾). Наряду съ постоянствомъ, въ

¹⁾ Geib—Lehrb. des deutschen Strafrechts. 1862. В. II, S. 228. Только съ вымираниемъ кровной мести, которая какъ-бы поглощаетъ собой необходимую оборону и не даетъ ей возможности обособиться, полагаетъ Geib, наступаетъ моментъ для дифференціаціи необходимой обороны, какъ самостоятельнаго института. При этомъ, особенный интересъ послѣднаго заключается въ томъ, что ему чужды моменты историческаго народненія, видоизмѣненія и развитія «..... und gerade darin liegt das geschichtliche Interesse dieser Lehre... dass hier von einem historischen Werden, Sichverändern und Fortbilden gar nicht zu sprechen ist.....» Ibid. S. 228. Geib дѣлаетъ, такимъ образомъ, изъ института необходимой обороны какъ-бы исключеніе изъ общаго закона историческаго развитія, которому подвержены всѣ соціальныя явленія. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Не о выступленіи ли института необходимой обороны на арену исторіи можетъ идти рѣчь въ тѣхъ случаяхъ, когда институтъ этотъ обособляется изъ примитивной формы реакціи противъ нарушенія интересовъ личности? Не съ фактомъ ли народненія новаго института имѣемъ мы дѣло въ случаѣ дифференціаціи необходимой обороны изъ той хаотической, смѣшанной формы противодѣйствія „обидѣ“, изъ которой, какъ изъ ядра, постепенно развивается современемъ вся система правъ личныхъ и имущественныхъ? На эти вопросы возможенъ, какъ намъ кажется, только одинъ отвѣтъ: фактъ дифференціаціи необходимой обороны изъ сферы господства самоуправствъ, характеризующаго собой ранній фазисъ выступленія первобытныхъ обществъ на поприще культуры, вполне тождественъ съ явленіемъ народненія института необходимой обороны. Но пойдѣмъ далѣе. Развѣ не о видоизмѣненіи и постепенномъ развитіи необходимой обороны идетъ рѣчь, когда, какъ поучаетъ исторія этого института, съ усиленіемъ общественной власти начинаютъ постепенно служитья предѣлы необходимой обороны. Отдѣльныя попытки подробной регламентаціи условій охраны правъ и благъ при помощи необходимой обороны являются не чѣмъ инымъ, какъ постепенными этапами по пути дальнѣйшей исторической эволюціи интересующаго насъ института въ связи съ все растущимъ подчиненіемъ отдѣльной личности гнету государства или произволу феодала. Что же касается, наконецъ, современной организаціи института необходимой обороны, съ ея отчетливо обнаруживающейся тенденціей къ расширенію ея примѣненія, то она, несомнѣнно, должна быть признана необходимымъ послѣдствіемъ и логическимъ выводомъ изъ конструкціи современнаго государства вообще, ограждающаго всѣми силами свободу личности. Идея строгой цѣлесообразности, накладывающая опредѣленный отпечатокъ на современный типъ правоваго государства, опредѣляетъ собой съ необходимостью и конструкцію обороны въ ея современномъ смыслѣ. Къ этому вопросу мы, впрочемъ, будемъ имѣть случай вернуться еще нѣсколько ниже. Замѣчаніе Geib'a о томъ, что оборона не имѣетъ исторіи, должно быть, такимъ образомъ, ограничено. Оно можетъ еще быть оправдано въ смыслѣ признанія постоянства и неизмѣнности самаго принципа необходимой обороны, но ни въ какомъ случаѣ не должно быть примѣнено къ юридической конструкціи этой послѣдней и въ особенности къ объему права необходимой обороны,—къ тому моменту этого понятія, который подлежитъ значительнымъ колебаніямъ въ исторіи.

интересующемъ насъ институтъ могутъ быть подмѣнены черты эволюціи; можетъ быть констатированъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что границы обороны измѣняются и, притомъ, — въ прямой зависимости отъ развитія условій совмѣстнаго существованія отдѣльныхъ индивидовъ или ихъ группъ. Важнымъ показателемъ особенностей даннаго типа общежитія является, несомнѣнно, положеніе въ немъ отдѣльной личности ¹⁾. И вотъ, въ соотвѣтствіи съ различными колебаніями этого показателя, могутъ быть наблюдаемы и тѣ или другія перемѣны въ смыслѣ расширенія или суженія права необходимой обороны.

Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ для иллюстраціи тѣсной зависимости объема института необходимой обороны отъ особенностей тѣхъ условій, среди которыхъ этому институту выпадаетъ на долю функционировать. Исторія необходимой обороны даетъ такіе примѣры въ изобиліи.

Средневѣковые памятники законодательства XI—XII в. в., когда институтъ необходимой обороны еще только складывался, въ виду особыхъ условій государственнаго быта той эпохи, уже знакомы съ ограничительными правилами относительно обороны. Такъ называемые *legg. Henrici I* ²⁾

¹⁾ Нужно, впрочемъ, оговориться, что этому показателю не должно быть придаваемо рѣшающаго значенія во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ безъ провѣрки его при помощи другихъ критеріевъ. Значительная доля свободы является удѣломъ личности на двухъ, наиболѣе другъ отъ друга отдаленныхъ, стадіяхъ развитія государственной жизни. Когда власть еще не окрѣпла, и государственный порядокъ еще не вполне сложился, юридически безправная личность фактически пользуется обыкновенно значительной долей свободы. Необезпеченіе правъ гражданской свободы въ такихъ общественныхъ единицахъ „находить себѣ, — выражаясь словами Коркунова, Русск. госуд. прав., 1892, т. I, с. 313, 314, — извѣстный противовѣсъ въ неполномъ подчиненіи населенія государственной власти“. Но свобода личности достигаетъ своихъ рациональныхъ, притомъ, единственно цѣлесообразныхъ и наиболѣе широкихъ предѣловъ, только тогда, когда она становится юридическимъ принципомъ; послѣднее же имѣетъ мѣсто только на высшихъ стадіяхъ развитія государственной жизни. Ср. отдѣлы „Гражданской свободы“ у Коркунова, *op. cit.*, т. I, § 40 и сл., у Чичерина — Курсъ госуд. науки, 1894 г., I, с. 200 и сл., у Bluntschli — *Lehre vom modernen Staat*. II Th., S. 603 ff.

²⁾ *Legg. Henrici I* (англійскаго) (1090—1135) — говорить Zöpfel въ своихъ *Beiträge zur Revision der Lehre von der Nothwehr*, 1842, S. 140 — являются однимъ изъ самыхъ полныхъ документовъ, которые сохранила германская древность по вопросу о необходимой оборонѣ.

считаютъ необходимую оборону недопустимой противъ dominus'a лица защищающагося ¹⁾ и ограничиваютъ ее, вообще, исключительно тѣми случаями, когда подвергается опасности чья-либо жизнь или тѣлесная неприкосновенность ²⁾.

Но и въ болѣе поздніе моменты средневѣковой исторіи уголовное законодательство и доктрина не возвышается еще до допущенія обороны и въ иныхъ, менѣе важныхъ, случаяхъ нарушенія правопорядка. Дань своему времени платить и Каролина—этотъ замѣчательный законодательный памятникъ 16 в., въ которомъ понятію обороны дается, несомнѣнно, довольно совершенная въ техническомъ отношеніи конструкція. И Каролина понимаетъ оборону исключительно въ смыслѣ охраны тѣлесной неприкосновенности и жизни и трактуетъ этотъ институтъ въ отдѣлѣ наказуемаго убійства. Только впоследствии начинаетъ себя прокладывать, мало по малу, путь обороны въ смыслѣ защиты всѣхъ юридически охраненныхъ благъ вообще. Не раньше, однако, конца 18 в., этой эпохи категорическаго признанія неприкосновенности правъ личности, признанія, правда, въ значительной степени, чисто теоретическаго, оборона, всегда разсматривавшаяся до этого времени въ связи съ ученіемъ объ убійствѣ, начинаетъ высвобождаться изъ этой связи съ нимъ, пока не получаетъ, наконецъ, соотвѣтствующаго ей, мѣста въ общей части ³⁾. Но кромѣ общихъ принципіальныхъ ограниченій предѣловъ обороны, средніе вѣка—это классическое время подавленія

¹⁾ Unicum licet se defendere, si quis eum assiliat in omni loco vel negotio excepto contra Dominum quem tolerandum, non occidendum jugiter ac salubrieter sequentamur advertendum. Legg. Henrici I cap. 83. Zöpfel, *ibid.* S. 140—141.

²⁾ Geuer—Lehre von der Nothwehr, 1857, S. 95.

³⁾ Напр., въ трудахъ Erhard'a (1789), Tittmann'a (1798) и др. Что касается уголовныхъ законодательствъ, то еще во многихъ кодексахъ начала нашего столѣтія постановленія о необходимой оборонѣ помѣщаются въ особенной части въ отдѣлѣ преступленій противъ жизни и тѣлесной неприкосновенности. Такова система австрійскаго кодекса 1803 (ст. 127), брауншвейгскаго 1840 г. (ст. 166), Code pénal 1810 г. (ст. 327, 328) и др. Ср. Voitarde—Leçons de droit criminel, 1876, с. 358 и слѣд. Въ общей части ученіе о необходимой оборонѣ было помѣщено впервые въ баварскомъ кодексѣ 1813 г. подъ непосредственнымъ влияніемъ Фейербаха. Ср. Zöpfel—Beiträge zur Revision der Lehre von der Nothwehr. III. Arch. d. Criminalr. 1843. S. 28 ff.

свободы личности и почти полного игнорированія ея интересовъ, какъ таковой, тормазили свободное примѣненіе необходимой обороны и другими средствами. Средневѣковыя законодательства представляли изъ себя въ извѣстномъ отношеніи цѣлую сѣть запрещеній, окутывавшихъ и парализовавшихъ дѣятельность лица по охраненію ненарушимости его правовой сферы отъ вторженія неууправомоченныхъ ¹⁾. Швабское земское право и въ особенности городское право Мемминга допускаютъ оборону въ числѣ прочихъ ограниченій только на тотъ конецъ, когда совершенно невозможно непозорное бѣгство со стороны лица, подвергшагося нападенію. Ограниченіе это было равносильно полному запрещенію обороны при малѣйшей возможности бѣгства для всѣхъ непривилегированныхъ классовъ общества. *Rechtsbuch* Рупрехта, какъ свидѣтельствуемъ *Мауреръ* ²⁾, требуетъ безусловнаго бѣгства лица, подвергшагося нападенію, въ тѣхъ случаяхъ, когда нападающимъ является представитель духовенства или лицо, находящееся подъ защитой церкви. Да и вообще, со-

¹⁾ На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и большинство представителей средневѣковой доктрины XV, XVI в.в. Нѣкоторое исключеніе представляетъ только *Julius Cragus*, который считаетъ оборону допустимой для охраны собственной жизни и жизни другихъ,—для защиты имущества и чести даже при возможности бѣгства. *Sententiarum* Z. V. § *Homicidium* Nr. 24—36. На точкѣ зрѣнія большинства стоитъ, между прочимъ, и *Sebastian Grant*. Этотъ криминалистъ конца XV в., написавшій *Richterlichen Klagespiegel*, трудъ, оказавшій, какъ извѣстно, огромное вліяніе на постановленіе Каролины, упоминаетъ въ числѣ многочисленныхъ ограниченій обороны, между прочимъ, о томъ обстоятельстве, что для признанія ненаказуемаго характера необходимой обороны лицо, прибѣгающее къ ней, должно «clamore testificari». Ограниченіе это извѣстно еще римскому праву. Ср. *Zöpfli. Beiträge*. II. *Arch. d. Crim.*, 1842 S. 317 ff. Требованіе призыва на помощь является, однако, какъ намъ кажется, не столько ограниченіемъ обороны, сколько послѣдствіемъ господствовавшей въ ту эпоху системы формальныхъ доказательствъ. На оборону—доктрина XV в. смотритъ, вообще, какъ на условіе, устраняющее только наказуемость дѣянія, а не его противозаконность, и *Grant* называетъ дѣйствія по отраженію противозаконнаго нападенія не иначе, какъ *Malefiz*. *Zöpfli. Ibid.* 319. Что касается защиты третьихъ лицъ при оборонѣ, то она была допустима только относительно ближайшихъ родственниковъ. *Ibid.* 321. Конструкція обороны, защищаемая *Grant*’омъ, находитъ себѣ законодательное признаніе, между прочимъ, въ такъ наз. *Reformation der freien Reichsstadt Worms 1499* г.

²⁾ *G. L. v. Maurer*—*Das Stadt-und Landsrechtsbuch Ruprechts von Freysing*, S. 254.

словный строй средневѣковаго общества отражался на постановленіяхъ касательно обороны самымъ яркимъ и непосредственнымъ образомъ. Въ видѣ общаго правила людямъ особенно высокаго положенія и рожденія разрѣшалось прибѣгать къ правомѣрной необходимой оборонѣ ради защиты чести, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, чтобы при словесныхъ оскорбленіяхъ они не доходили до убійства противника. Но другимъ лицамъ и даже чиновникамъ не дозволялось того же. Наиболѣе ограниченными въ отношеніи права обороны были купцы. Эти послѣдніе, говоритъ *Лефита*, по взглядамъ средневѣковыхъ законодательствъ, „ . . . . могутъ переносить ругательства, не теряя своей чести или доброй славы, а если принадлежать къ низшему классу, то и не очень болѣзненный ударъ....“¹⁾.

Независимое и свободное положеніе личности въ ту пору, когда государство еще не настолько окрѣпло, чтобы успѣть ее подчинить себѣ и регулировать строгими нормами образъ ея поведенія, какъ нельзя лучше отразилось на широкой допустимости практики обороны въ старой Руси. Въ общемъ оборона, какъ таковая, получаетъ у насъ законодательную формулировку довольно поздно. *In expressis verbis* объ институтѣ этомъ упоминаетъ впервые Соб. Уложеніе 1649 г. Но за-то послѣднее и знаетъ оборону въ наиболѣе широкомъ объемѣ. Съ его точки зрѣнія она умѣстна не только въ защиту жизни и тѣлесной неприкосновенности личности, но и въ защиту и имущества, и чести. Оборона вполне допустима, притомъ, по Соб. Уложенію²⁾ и въ защиту третьихъ лицъ³⁾. Трудно, конечно, утверждать, что оборона совер-

¹⁾ R. v. Inering—Kampf um's Recht, с. 81, русск. перев. І. Юровскаго.

²⁾ Подробный разборъ постановленій Уложенія Алексія Михайловича объ оборонѣ см. у Долончева—О правѣ необходимой обороны, Юрид. Вѣст. 1874, с. 37—45. Авторъ сравниваетъ притомъ постановленія Уложенія съ правомъ древнегерманскимъ, римскимъ и опредѣленіями Литовскаго Статута. Ко ни—О правѣ необходимой обороны, с. 273—280. См. также Колосовскій—Очеркъ историческаго развитія преступленій противъ жизни и здоровья, с. 231 и слѣд. 1857.

³⁾ Что касается людей и крестьянъ лица, противъ котораго произведено нападеніе, то они обязаны помогать ему подъ страхомъ наказанія. Ср. Сергѣевичъ—Лекціи и изслѣдованія, 1894, с. 214. Ст. 59 гл. XXI заставляетъ, однако, пови-

шенно не признавалась до уложенія 1649 г., и не подлежит сомнѣнію, что, какъ одна изъ формъ самоуправства, она имѣла самое широкое распространеніе въ древней Руси. Но періодъ ея примѣненія до знаменательнаго 1649 г. былъ, однако, въ исторіи обороны той эпохой, когда институтъ этотъ санкціонировался обычаями и нашими древнѣйшими законодательными памятниками только въ связи съ самоуправствомъ вообще,—той эпохой, когда необходимая оборона не дифференцировалась еще. Нѣкоторые изслѣдователи, напр. Эверсъ, а въ особенности проф. Неклюдовъ, Долончевъ и проф. Таганцевъ склонны думать, что уже вмѣстѣ съ первыми попытками ограниченія и регулированія мести въ нашемъ древнѣйшемъ правѣ встрѣчаются отдѣльныя постановленія объ оборонѣ. Изслѣдователи эти полагаютъ, что право необходимой обороны признано еще въ договорѣ Олега съ греками въ смыслѣ обороны имущества и въ Русской Правдѣ въ смыслѣ обороны какъ имущества, такъ и личности ¹⁾. Мнѣніе это находитъ себѣ нѣкоторое основаніе въ ст. VI договора Олега и въ ст. 20 и 36 Троицкаго списка Русской Правды и 20 и 38 Академическаго. Остановимся сначала на первомъ изъ указанныхъ источниковъ. Статья VI договора Олега устанавливаетъ, между прочимъ, тотъ принципъ, что собственникъ имѣетъ право убить только сопротивляющагося вора, и что простая поимка вора на мѣстѣ кражи не даетъ еще права на убійство его ²⁾. Для правильной оцѣнки этой

тому, предполагать, что оборона третьихъ лицъ вмѣняется, вообще, каждому, какъ юридическая обязанность. Ср. Долончевъ, *ibid.*, с. 42, 43. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ, напр., ст. 89 XXI г., Соб. Уложен. расширяетъ уже нѣсколько черезъ мѣру предѣлы обороны. Ср. Сергѣевичъ, *op. cit.*, с. 214.

) Ewers—Das älteste Recht der Russen, Dorpat 1826. Переводъ на нѣмецкій языкъ статьи Правды, соответствующей 20 ст. Троицк. списка на стр. 317 и стр. 345 указателя, приложеннаго къ книгѣ, гдѣ подъ словомъ Nothwehr сдѣлана ссылка на этотъ переводъ. Неклюдовъ—Прилож. къ переводу учебн. Бернера, с. 433—435. Таганцевъ—Курсъ, вып. I, с. 207—208. Долончевъ—О правѣ необходимой обороны, с. 32—37, отказывается, впрочемъ, видѣть необходимую оборону въ договорѣ Олега и усматриваетъ ее только въ постановленіяхъ Правды. Коши—О правѣ необходимой обороны, с. 270—273.

²⁾ Долончевъ, *ibid.*, с. 33. Бѣляевъ—Лекціи по исторіи русскаго законодательства, с. 54—55.

статьи и рѣшенія вопроса о томъ, дѣйствительно ли въ ней идетъ рѣчь объ оборонѣ, должно принять во вниманіе слѣдующее: если даже считать безспорнымъ, что указанное постановленіе говоритъ объ интересующемъ насъ институтѣ, то этого факта еще не достаточно для признанія существованія необходимой обороны у древнихъ руссовъ; договоръ Олега не есть памятникъ внутренняго законодательства, регулирующій внутреннія отношенія согласно установившимся обычаямъ; напротивъ, онъ носитъ характеръ международный и является компромиссомъ, примиряющимъ нормы правъ, господствовавшія у руссовъ, съ постановленіями права греческаго; съ точки зрѣнія права древне-русскаго считалось, повидимому, общепризнаннымъ, что воръ можетъ быть убитъ почти при всякихъ обстоятельствахъ; совершенно другой принципъ выставляло право греческое; оно допускало убійство вора днемъ только на тотъ конецъ, когда онъ оборонялся оружіемъ, а ночью, когда по причинѣ темноты нельзя было иначе поймать его; ст. VI договора стремится примирить указанныя крайности, и, надо сознаться, достигаетъ этого въ извѣстной степени; вышеприведенный аргументъ о нечисто русскомъ характерѣ постановленія VI ст. договора не имѣетъ, однако, принципиальнаго значенія и недостаточенъ самъ по себѣ для отрицанія того факта, что статья эта санкціонируетъ необходимую оборону вообще; полная неосновательность предположенія о томъ, что договоръ Олега въ упомянутой выше статьѣ говоритъ о необходимой оборонѣ, обнаруживается, какъ намъ кажется, только изъ того, что законодательный памятникъ этотъ оставляетъ почти въ полной силѣ начало мести, а слѣдовательно дѣйствуетъ при такихъ условіяхъ, когда, вообще, не могло существовать необходимой обороны, какъ особаго юридическаго института ¹⁾. „Мечь, справедливо замѣчаетъ проф. *Сергѣевичъ*, какъ болѣе обширное понятіе,

---

¹⁾ Ср. по вопросу объ отношеніи необходимой обороны къ институту мести вышеприведен. въ примѣч. 4 на стр. 59 мнѣніе Geib'a, Lehrbuch, V. II, S. 228. Jan ka—Der strafrechtliche Nothstand, 1878, S. 1., а также аналогичный взглядъ Будзинскаго—Начала уголовного права, 1870, с. 132.

заключаетъ въ себѣ право необходимой обороны. Кто имѣетъ право мстить, тотъ можетъ и обороняться“. Обратимся теперь къ разбору статей Русской Правды, относительно которыхъ выставляется предположеніе, что онѣ говорятъ объ оборонѣ. Замѣтимъ, при этомъ, что Русская Правда, какъ памятникъ законодательства, на которомъ почти не отразилось вліяніе иноземнаго права, является, несомнѣнно, однимъ изъ лучшихъ источниковъ познанія господствовавшихъ юридическихъ обычаевъ въ древней Руси. Статья 20 Троицкаго списка постановляетъ: „А же кто кого оударить батогомъ, либо чашею, либо рогомъ, либо тылѣснию: то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому оударить мечемъ; то вины ему въ томъ нѣтуть“. Эверсъ полагаетъ, что въ статьѣ этой идетъ рѣчь объ оборонѣ, не входя, впрочемъ, въ ближайшее объясненіе мотивовъ своего взгляда¹⁾. Къ такому мнѣнію, какъ мы видѣли, присоединяется проф. Неклюдовъ и др. Взглядъ этотъ является, однако, мало обоснованнымъ въ виду того, что въ приведенной статьѣ идетъ, повидимому, рѣчь объ ударѣ мечемъ, который слѣдуетъ за нанесеніемъ обиды, а не предупреждаетъ ее, какъ это должно быть при необходимой оборонѣ²⁾. Правильность послѣдняго взгляда въ томъ смыслѣ, что въ ст. 20 Троицкаго списка идетъ рѣчь объ отомщеніи вообще, выясняется въ особенности изъ сопоставленія этой статьи съ 3 ст. сп. Академическаго³⁾. Что касается другихъ статей Правды, также будто посвященныхъ оборонѣ, то, по мнѣнію

¹⁾ Ewers—Das älteste Recht der Russen, с. 317 и 345.

²⁾ Ср. Сергѣевичъ—Лекціи и изслѣдованія, 1894, с. 214. Какъ на статью, не устанавливающую специально необходимой обороны, смотреть на ст. 20 Троицкаго списка Колосовскій—Очеркъ историческаго развитія преступленій противъ жизни и здоровья, 1857, с. 54.

³⁾ Ст. 3 Акад. читается такъ: „Аще ли кто кого оударитъ батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то 12 гривенъ; аще сего не постигнуть, то платити емоу то тоу конецъ“. Смыслъ статьи этой тотъ, что платится 12 гривенъ, если обиженный не будетъ въ состояніи догнать и отомстить; въ противномъ случаѣ дѣло должно кончиться однимъ отмщеніемъ. Толков. Русск. Правды проф. Мрочекъ-Дроздовскаго. Лит. лекц. 188⁸/₉ г. с. 29. Нѣсколько иначе, но, повидимому, неудовлетворительно истолкована эта ст. Владимірскимъ-Будановымъ. Христоматія. Вып. 1, с. 25—26.

проф. *Сергѣевича*, тѣ изъ нихъ, въ которыхъ говорится объ убійствѣ вора и въ которыхъ дѣйствительно можно усматривать признаки обороны (Академич. 38), являются взятыми изъ Моисеевыхъ законовъ ¹⁾; статьи же въ редакціи, не относящей по себѣ слѣдовъ заимствованія (напр. Академич. 20), говорятъ просто о мести вору ²⁾. За то же мнѣніе, въ общемъ, высказывается и проф. *Мрочекъ-Дроздовскій* ³⁾. Ученый этотъ полагаетъ, что въ ст.ст. 38 Академич. сп. и 36 Троицкаго идетъ рѣчь о невмѣненіи убійства вора въ виду аффекта со стороны пойманнаго и что, какъ правомѣрная мечь со стороны обиженнаго, должно обсуждаться убійство „огнищанина“, предусмотрѣнное въ ст. 20 Академич. списка. Нашъ краткій обзоръ взглядовъ толкователей Русской Правды на тѣ статьи ея, въ которыхъ узаконяется, съ тѣми или другими ограниченіями, мечь-самоуправство, приводитъ насъ, въ связи съ сказаннымъ нѣсколько выше, къ слѣдующему заключенію: Русская Правда не знаетъ еще необходимой обороны, дифференцировавшейся въ качествѣ самостоятельнаго института; этотъ процессъ обособленія заканчивается въ главныхъ чертахъ, повидимому, только во времени Уложенія 1649 г., допускающаго оборону въ наиболѣе широкихъ предѣлахъ ⁴⁾. Измѣнившіяся условія государственнаго быта во времени царствованія Петра В., наступленіе эпохи всепоглощающей централизаціи вызываютъ, однако, къ жизни новыя принципы относительно института необходимой обороны. Военскіе Артикулы вводятъ терминъ „нужное обороненіе“ и допускаютъ исключительно *самооборону* въ смыслѣ средства охраны жизни и тѣлесной неприкосновенности ⁵⁾. Оборона имущества до-

¹⁾ Иного мнѣнія Владимірскаій-Будановъ. Христ. Вып. 1, с. 32 и Долончевъ—О правѣ необход. обороны, с. 35.

²⁾ Ewers—Das älteste Recht der Russen—видитъ, не говоря уже о VI ст. договора Олега (с. 147), мечь-самоуправство въ ст. 20 Академич. списка Правды (с. 306) и въ ст. 36 Троицкаго сп. (с. 321).

³⁾ Толкованіе Русской Правды. Лит. лекціи 1888/9 г., с. 24, 25 и др.

⁴⁾ Дополнительные статьи къ Судебнику хотя и упоминаютъ объ отдѣльныхъ случаяхъ обороны, но вносятъ въ это понятіе чуждые ему элементы.

⁵⁾ Военск. Артик. г. XIX ст. 156 постановляетъ: „кто прямое оборонительное супротивленіе для обороны *жизни* своего учинитъ и онаго, кто его на силу

пускается только со значительными ограничениями¹⁾. Но мало этого. И внутри этихъ предѣловъ оборона стѣняется множествомъ дополнительныхъ правилъ въ родѣ того, чтобы обороняющійся доказалъ, что онъ не былъ зачинщикомъ драки²⁾, чтобы оружіе участвующихъ сторонъ не было разнороднымъ и т. д. Проф. *Н. Неклюдовъ* видитъ новое ограничение необходимой обороны въ манифестѣ о поединкахъ 21 апрѣля 1787 г., между прочимъ, въ томъ, что законодательный актъ этотъ выставляетъ требованіе немедленнаго объявленія о фактѣ обороны „военачальнику или градоначальнику“. Съ этимъ взглядомъ нашего почтеннаго ученаго трудно, однако, какъ намъ кажется, согласиться. Несомнѣнно, что уже Соборное Уложеніе, допускавшее, какъ мы видѣли выше, оборону въ наиболѣе широкомъ объемѣ, требовало тѣмъ не менѣе для законности ея немедленной заявки о фактѣ обороны околными людямъ и представленія убитыхъ или раненыхъ съ поличнымъ³⁾. То же начало встрѣчается еще раньше въ одной изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, въ которой идетъ рѣчь о частномъ случаѣ безнаказанности убійства, совершеннаго въ состояніи необходимой обороны⁴⁾.

принудилъ, убѣеть, оннй отъ всякаго наказанія свободенъ“. Артикулъ этотъ является буквальнымъ переводомъ ст. 189 Каролины. Ср. Дѣлончевъ, с. 46. Для лицъ военныхъ, въ случаѣ нападенія на нихъ начальника, оборона допускалась только подъ условіемъ добавочныхъ ограниченій, равносильныхъ почти полному запрещенію. Толкованіе по Артик. 24 приводитъ въ качествѣ мотива этого постановленія то соображеніе, что „.....почтеніе генеральству всеконечно и весьма имѣть ненарушимо быть“.

¹⁾ Воинск. Артик. г. XXI. Толков. къ ст. 185—ср. прилож. *Н. Неклюдова* къ переводу учебн. Бернера, с. 439 и слѣд.

²⁾ „Оннй, который предлагаетъ, что онъ, обороняя себя онаго убилъ, имѣеть доказать, что онъ не зачинщикъ драки былъ, но отъ убитаго нападенъ и зацѣпленъ, и что онъ безъ опасенія смертнаго уступить или уйти не могъ“. Воинск. Артик., ст. 157.

³⁾ *Н. Власьевъ*—О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва, 1860, с. 215, 216, ср. наше примѣч. 10.

⁴⁾ *Н. Власьевъ*—*ibid.* с. 216 примѣч. Впрочемъ, случай этотъ, даже съ значительной натяжкой, врядъ ли можетъ быть отнесенъ къ оборонѣ: онъ предусматриваетъ ту комбинацію «если кто на кого въ городѣ засѣлъ на подсадѣ, и тотъ остережется и его самого убѣеть».

Отказываясь видѣть въ этихъ обязательныхъ заявленіяхъ властямъ попытки ограниченія обороны, намъ кажется, что постановленія эти являлись, съ одной стороны, послѣдствіемъ несовершенствъ господствовавшей системы доказательствъ и, съ другой, обуславливались неудовлетворительной организаціей органовъ, несущихъ обязанности по раскрытію преступленій.

Приведенныя нами историческія данныя въ достаточной степени, думаемъ мы, иллюстрируютъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между объемомъ института необходимой обороны и положеніемъ личности въ государствѣ. Что касается нашего дальнѣйшаго изложенія, то мы предполагаемъ посвятить его, главнымъ образомъ, анализу той конструкціи института необходимой обороны, которая является наиболѣе цѣлесообразной при условіяхъ общежитія, почитаемыхъ нормальными у современныхъ культурныхъ народовъ.

Подъ необходимой обороной съ внѣшней, формальной стороны, большинство криминалистовъ разумѣетъ отраженіе опасности, угрожающей отъ нападенія, путемъ насилія, причиняемаго нападающему ¹⁾. Оборона является, слѣдовательно, въ сущности видомъ самоуправства ²⁾ если допускать, что послѣднее обнимаетъ собой всю область личнаго осуществленія правъ, связанныхъ съ вторженіемъ въ права другихъ лицъ ³⁾ и реализуемыхъ, по общему правилу, при участіи органовъ общественной власти ⁴⁾.

---

¹⁾ Нѣсколько иначе выражаетъ то же господствующее опредѣленіе проф. Таганцевъ, Курсъ, В. I, с. 202. Лекціи, с. 558 и д., когда говоритъ объ оборонѣ, какъ непреступномъ причиненіи вреда правоохраненнымъ интересамъ лица, нападающаго на насъ или другихъ лицъ.

²⁾ Hälschner—Das gemeine deutsche Strafrecht. V. I. S. 474.—А. Бернеръ—Учебн. угол. прав. въ перев. Н. Неклюдова. Добавл. къ §§ 86—88, ст. 433. П. Калмыковъ—Учебн. угол. прав. 1866 г., с. 56. Долончевъ—О правѣ обороны, с. 30. А. Коки—О правѣ необходимой обороны, с. 195. П. Колосовскій—Очеркъ историческаго развитія преступленій противъ жизни и здорovia, 1857 г., с. 237.

³⁾ Geuer—Die Lehre von der Nothwehr, 1857, S. 3.

⁴⁾ Къ выясненію взаимоотношенія необходимой обороны и самоуправства мы будемъ еще имѣть случай вернуться нѣсколько ниже.

Чѣмъ же оправдывается допустимость въ современномъ правовомъ государствѣ необходимой обороны—этого вида самоуправства? другими словами, каково основаніе ея правомѣрности; чѣмъ вызывается то, что причиняемое нападающему насиліе почитается непротивозаконнымъ? Отвѣтъ на эти вопросы пытается дать цѣлый рядъ теоретическихъ построений, подробное разсмотрѣніе которыхъ увело бы насъ слишкомъ далеко ¹⁾. Мы ограничимся поэтому только краткимъ обзоромъ типичныхъ рѣшеній интересующей насъ проблемы и, вслѣдъ за этимъ обзоромъ, тотчасъ же перейдемъ къ наиболѣе рациональному, на нашъ взглядъ, объясненію правомѣрности необходимой обороны.

Юристы древности, какъ, напр., *Цицеронъ*, и юристы среднихъ вѣковъ, какъ *Кларусъ*, *Дамудеръ*, *Карпцовъ*, *Гуго Гроций* и др., видятъ правомѣрность необходимой обороны въ томъ, что она есть институтъ, присущій всякому общежитію, институтъ какъ бы прирожденный. Это мнѣніе съ извѣстными оговорками принимаютъ и нѣкоторые современные юристы, напр., *Шютце* ²⁾, *Кистяковскій* ³⁾, *Будзинскій* ⁴⁾. Но обоснованіе это является, собственно говоря, утвержденіемъ факта, а вовсе не юридическимъ доказательствомъ ⁵⁾.

Основаніемъ необходимой обороны не можетъ быть принято, далѣе, какъ полагаютъ нѣкоторые, и то, что нападающій, благодаря нападенію, поставилъ себя въ положеніе безправія ⁶⁾. Безправіе на одной сторонѣ не создаетъ еще само по себѣ права для другой стороны.

¹⁾ Довольно подробный обзоръ теорій по этому вопросу можно найти у *Janke*—*Der strafrechtliche Nothstand*, 1878, S. 11—19.

²⁾ *Schütze*—*Lehrbuch d. deutschen Strafrechts*, 1874, S. 108.

³⁾ *А. Кистяковскій*—*Элементарный учебникъ*, 3 изд., ст. 375, 376.

⁴⁾ *Будзинскій*—*Начала уголовного права*, 1870, с. 132.

⁵⁾ Утвержденія, напр., проф. *Кистяковскаго*, «что основаніе права необходимой обороны лежитъ въ естественномъ, неотъемлемо принадлежащемъ человѣку общему праву самозащиты и самообороны отъ всякой угрожающей его законному благосостоянію опасности, откуда бы она ни происходила» есть въ сущности положеніе, которое само нуждается въ доказательствѣ. *Элементар. учебн.* с. 375.

⁶⁾ Такъ обосновываетъ правомѣрность обороны главнымъ образомъ философъ *Фихте*.

Еще очевиднѣе несостоятельность тѣхъ взглядовъ, въ силу которыхъ отражающій нападеніе долженъ быть трактуемъ, какъ находящійся въ состояніи невмѣняемости ¹⁾ или крайней необходимости ²⁾ или, что онъ, наконецъ, призванъ покарать готовящееся учиненіе неправа отъ имени государства ³⁾.

Гораздо проще и рациональнѣе, какъ намъ кажется, поискать основанія интересующаго насъ института въ невозможности существованія правопорядка при отрицаніи права необходимой обороны. Охрана правопорядка въ обществахъ развитыхъ лежитъ на общественной власти. Тѣмъ не менѣе, въ сферѣ охранительной дѣятельности, государственная власть не можетъ дѣйствовать безъ помощи другихъ элементовъ общественной жизни. Она обречена на относительное безсиліе безъ содѣйствія отдѣльнаго лица и цѣлыхъ группъ таковыхъ. Роль отдѣльнаго лица ⁴⁾ въ дѣятельности предупредительной особенно велика. Государство, какъ справедливо замѣчаетъ проф. *Таланцевъ*, имѣетъ дѣло по преимуществу съ предупрежденіемъ преступленій *in genere*; оно можетъ устранять причины и условія возникновенія преступленій; государство, однако, рѣдко въ состояніи предвидѣть и предупредить отдѣльное готовящееся преступленіе. По мнѣнію одного нѣмецкаго криминалиста (Гельшнера) государство и не можетъ даже считать своей задачей быть охранителемъ каждаго индивидуума въ каждый моментъ его бытія. Вполнѣ естественнымъ является при такихъ обстоятельствахъ санкціонированіе со стороны государства субсидіарнаго, вспомогательнаго значенія вмѣшательства частнаго лица въ дѣло поддержанія правопорядка. Но государство, предупреждая преступленіе, нерѣдко вторгается въ правовую сферу предполагаемыхъ нарушителей и иногда чувствительно стѣсняетъ ихъ свободу. По апо-

¹⁾ Взглядъ этотъ защищаютъ, между прочимъ, *Jarke* и *Temme*.

²⁾ *Stillmark*—*Die Lehre von der Nothwehr*, Dorpat, 1875, и гораздо раньше его *Zöpfel* въ своихъ *Beiträge zur Revision der Lehre von der Nothwehr*, III, Arch. d. Criminalrechts, 1843, S. 43 ff.

³⁾ *Köstlin*, *Levita*, отчасти *Geyer* и *Wahlberg*. Подробный разборъ взгляда *Geyer'a* у *Janka*—*Der strafrechtliche Nothstand*, 1878, S. 5—11.

⁴⁾ Ср. *Сергѣевскій*—Русское уголовное право, 3 изд., с. 254.

логи съ этимъ, и предупредительная дѣятельность частныхъ лицъ можетъ получить характеръ насилія. Такими и являются насильственные мѣры, употребляемыя при оборонѣ ¹⁾). Но, прибѣгая къ этимъ насильственнымъ дѣйствіямъ, защищая свои права и нарушая права и блага нападающихъ, частное лицо не погрѣшаетъ, однако, въ принципѣ противъ правовыхъ нормъ; напротивъ, оно дѣйствуетъ только на благо правопорядка и во имя его поддержанія.

Признаніе необходимой обороны институтомъ правомѣрнымъ оправдывается, такимъ образомъ, мотивами цѣлесообразности. Оно находитъ свое объясненіе, съ одной стороны, въ необходимости охраны правопорядка и, съ другой, въ необходимости предоставленія этой функціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ частнымъ лицамъ. Но это делегированіе прерогативъ государства частному лицу есть, конечно, крайнее средство. Оно можетъ и должно имѣть мѣсто только въ случаяхъ неизбѣжной необходимости.

Попытаемся же, исходя изъ тѣхъ особыхъ цѣлей, которыя оправдываютъ институтъ необходимой обороны, проанализировать признаки, входящіе въ составъ его понятія. Этотъ анализъ дастъ намъ, съ одной стороны, возможность заключить объ условіяхъ, при наличности которыхъ оборона дѣйствительно необходима и потому правомѣрна, и, съ другой, позволить намъ опредѣлить понятіе необходимой обороны и съ матеріальной стороны.

Институтъ, занимающій насъ въ данное время, по самой природѣ своей, предполагаетъ два момента: нападеніе и защиту. Остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ изъ нихъ.

1) Въ цѣлой системѣ разнообразныхъ мѣръ, практикуемыхъ государствомъ для поддержанія правопорядка, необходимая оборона, какъ мы видѣли, играетъ роль мѣры subsidiарной. Но, какъ мѣра поддержанія правопорядка, по самому существу своему, она можетъ направляться только противъ неправа. Это же, въ свою очередь, равносильно признанію того, что защита при необходимой оборонѣ можетъ

¹⁾ Таганцевъ—Курсъ, В. I, с. 202, 203; Лекціи, с. 560—563.

быть допустима только въ смыслѣ отраженія *нападенія противозаконнаго*. Защита права или блага противъ лица, требующаго законно его уступки, будетъ составлять поэтому не правомѣрное, а преступное дѣйствіе. Недопустима, слѣдовательно, оборона противъ обороны, такъ какъ послѣдняя является сама по себѣ обстоятельствомъ, уничтожающимъ противозаконность дѣянія ¹⁾. На томъ же основаніи оборона не можетъ служить оправданіемъ, если ограниченіе или лишеніе обороняющагося какихъ-либо правъ было выполненіемъ требованій закона или безусловно обязательнаго приказа; оборона недопустима все по той же причинѣ и на случай осуществленія нападающимъ своей дисциплинарной власти или дозволенной реализаціи своего частнаго права и т. д. Но возникаетъ вопросъ, допустима ли необходимая оборона противъ лицъ, дѣйствія которыхъ неправомѣрны, но ненаказуемы. Напр., допустима ли необходимая оборона противъ лицъ невмѣняемыхъ? Рѣшеніе этого вопроса не представитъ особеннаго затрудненія, если вспомнить объ истинномъ основаніи интересующаго насъ института. Необходимая оборона допустима исключительно, какъ институтъ, противодѣйствующій наступленію неправа,—какъ субсидіарный путь охраны правъ и благъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по особымъ условіямъ государство не можетъ прійти на помощь лицу, подвергшемуся нападенію. Но необходимость въ поддержаніи правопорядка можетъ возникнуть и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему грозитъ противозаконное дѣяніе лица, хотя-бы и невмѣняемаго ²⁾. Необходимая оборона—не наказаніе. Не въ примѣръ послѣднему, она допустима исключительно по мотиву предупрежденія даннаго правонарушенія ³⁾ и потому для ея проявленія не нужна справка о субъективной связи нападающаго съ возникшей опасностью. Вполнѣ

---

¹⁾ Необходимо, однако, сдѣлать оговорку о допустимости обороны противъ превышенія предѣловъ обороны.

²⁾ Ср. обзоръ мнѣній по этому вопросу у Janka—Der strafrechtliche Nothstand, 1878, S. 33 ff.

³⁾ О другихъ элементахъ различія необходимой обороны и наказанія у насъ будетъ сказано нѣсколько ниже.

цѣлесообразно, чтобы необходимая оборона функционировала уже въ случаяхъ одной объективной противозаконности нападенія. Сказаннымъ нами выше о тѣхъ свойствахъ нападенія, при наличности которыхъ умѣстна необходимая оборона, предрѣшается уже въ нѣкоторой степени въ положительномъ смыслѣ и вопросъ о томъ, допустима ли оборона противъ неправомѣрныхъ дѣйствій органовъ власти ¹⁾.

¹⁾ Намъ интересуется исключительно вопросъ о допустимости *необходимой обороны* противъ неправомѣрныхъ дѣйствій органовъ власти; установленіемъ этихъ предѣловъ устраняется само собою разсмотрѣніе вопроса о допустимости или недопустимости права сопротивленія и въ частности права революціи на случай неправомѣрнаго образа дѣйствій органовъ власти или правительства. Несмотря на то, что допущеніе права на возстаніе противорѣчить, очевидно, самой идеѣ государства и должно быть, безъ всякаго сомнѣнія, отвергнуто, доктринѣ государственнаго права не незнакома построенія, оправдывающія, при исключительныхъ, условіяхъ, право революціи и извѣстны теоріи, считающія это право чѣмъ-то терпимымъ и даже тождественнымъ съ необходимой обороной. Вальтеръ (*Naturrecht und Politik im Lichte der Gegenwart* 1863) приводитъ данныя, изъ которыхъ можно заключить, что Іоаннъ Салисберійскій († 1180), Лютеръ (*Tischreden*) и Меланхтонъ (*Ag. Psalmi LIII iudicio humanae rationis veram et concessam esse defensionem adversus Tyrannum inferentem manifestam et atrocem injuriam*) высказываются за допущеніе, при наличности нѣкоторыхъ особыхъ условій, права на революцію. Близокъ къ отождествленію права на возстаніе съ необходимой обороной и философъ Фихте, и Bluntschli—*Lehre vom modernen Staat* В. II S. 671, 672. Всѣ взгляды эти, однако, очевидно, несостоятельны. Прежде всего, они страдают довольно прозрачной логической ошибкой. Необходимая оборона, какъ техническое понятіе, предполагаетъ собой рядъ признаковъ, которые совершенно отсутствуютъ въ томъ, неограниченномъ никакими рациональными предѣлами, сопротивленіи, которое предполагаетъ допущеніе права на возстаніе. Эта ошибка защитниковъ права на революцію обнаружится съ особенной ясностью нѣсколько ниже, когда нами будетъ законченъ анализъ понятія необходимой обороны. Но и кромѣ того, право на возстаніе противорѣчитъ самой идеѣ государства; оно приводитъ къ разрушенію всякаго государственнаго порядка. Необходимая оборона допустима только противъ незаконныхъ дѣйствій; сближая ее съ правомъ на возстаніе, публицисты этой категоріи вынуждены допускать такое право только въ случаѣ незаконныхъ дѣйствій власти и понимать, притомъ, „незаконность“ исключительно въ смыслѣ несогласія этихъ дѣйствій съ требованіями религіи, нравственности и отвлеченной справедливости. „Но, какъ совершенно правильно замѣчаетъ проф. Коркуновъ—Русск. Госуд. право, 1892 г., т. I, с. 387, въ основу юридической конструкціи нельзя класть такого неопредѣленнаго пониманія законности. Подъ законностью юристъ можетъ разумѣть согласіе не съ какими-нибудь отвлеченными принципами, а только съ дѣйствующимъ въ данномъ государствѣ положительнымъ правомъ. Поэтому все, что предписано закономъ, законно состоявшимся судебнымъ рѣшеніемъ или правительствомъ въ предѣлахъ предоставленной ему

Высокая важность этого вопроса для государственной жизни, съ одной стороны, и обиліе противорѣчивыхъ отвѣтовъ, даваемыхъ на него въ доктринахъ и законодательствахъ, съ другой, побуждаютъ насъ заняться имъ нѣсколько подробнѣе ¹⁾.

Можно различать три группы теорій, пытающихся дать отвѣтъ на вопросъ о допустимости необходимой обороны противъ органовъ власти. Первая группа безусловно отрицаетъ за гражданами право на этотъ видъ обороны; вторая стремится къ компромиссу и допускаетъ оборону только въ извѣстныхъ, особо важныхъ случаяхъ; наконецъ, третья—допускаетъ въ принципѣ необходимую оборону противъ неправомѣрныхъ дѣйствій органовъ власти. Обратимся, прежде всего, къ изслѣдованію того рѣшенія вопроса, которое предлагаютъ защитники теорій *первой* группы. Число представителей этого взгляда весьма невелико въ литературѣ уголовного права ²⁾; но еще менѣе такихъ законодательствъ, ко-

---

закономъ дискреціонной власти, должно быть признано законнымъ. Законнымъ должно считаться также, независимо отъ его матеріальной справедливости, каждое дѣйствіе, заключающееся въ исполненіи окончательнаго, неподлежащаго дальнѣйшему обжалованію, постановленія власти, или, хотя-бы и подлежащаго обжалованію, но такого, которому закономъ усвоено предварительное исполненіе⁴.

¹⁾ Вопросы о допустимости или недопустимости необходимой обороны противъ неправомѣрныхъ дѣйствій органовъ власти, хотя и входятъ, несомнѣнно, въ область уголовного права, соприкасается, тѣмъ не менѣе, ближайшимъ образомъ, съ правомъ государственнымъ. Если на криминалистахъ лежитъ обязанность выяснитъ конструкцію понятія необходимой обороны во всемъ его объемѣ, то публицисты, въ свою очередь, не могутъ также игнорировать вопроса о необходимой оборонѣ противъ органовъ власти. Необходимая оборона является въ главахъ публицистовъ однимъ изъ средствъ обезпеченія государственной жизни отъ незаконнаго и чрезмѣрнаго примѣненія насилія, отъ кого бы оно ни исходило, и, кромѣ того интересуютъ ихъ еще, какъ вопросъ о томъ, каковы вообще предѣлы должнаго подчиненія власти. Близость интересующаго насъ вопроса къ той и другой дисциплинѣ находятъ себѣ и нѣкоторое внѣшнее подтвержденіе; уясненіе предѣловъ понятія есть въ извѣстномъ смыслѣ и установленіе его.

²⁾ Наиболѣе типичнымъ представителемъ этой теоріи считается Jagemann—*Das Verbrechen der Widersetzlichkeit gegen die öffentliche Gewalt*, Arch. d. Criminalr., 1842, S. 593—615 и 1843, S. 49—68. Неправильно причисляютъ Geib—*Lehrbuch*, В. II, S. 229—и Таганцевъ—*Курсъ*, вып. I, с. 216 примѣч.—къ числу сторонниковъ этой группы теорій Luden'a. Не безусловно отрицаетъ права обороны противъ органовъ власти и Баршевъ, котораго проф. Таганцевъ отно-

торыя рѣшаются слѣдовать указанному крайнему принципу¹⁾. Въ высшей степени похвально, говорить, приступая къ обоснованію своего взгляда, Ягеманнъ²⁾, оберегать гражданъ отъ произвола исполнителей закона и вполне цѣлесообразно требовать, при этомъ, чтобы со стороны исполнителей соблюдалась та умѣренность, которая вызывается обстоятельствами. Возможны однако комбинаціи, когда граждане силой вещей становятся въ такое положеніе, что имъ угрожаетъ одно изъ двухъ: или прибѣгнуть къ противодѣйствию органу власти, или рѣшиться потерпѣть невознаградимый ущербъ. Относительно тѣхъ случаевъ, въ которыхъ подвергается опасности жизнь гражданъ, Ягеманнъ считаетъ возможнымъ принять то начало, что наказуемость противодѣйствія можетъ быть значительно понижена, но не должна безусловно исчезать. Цѣлесообразность такого отношенія къ этому рода дѣяніямъ обуславливается тѣмъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть дозволено, чтобы каждый гражданинъ собственными средствами и, притомъ, путемъ насилія реализовалъ свои права наперекоръ государству³⁾. Ягеманнъ увѣренъ при этомъ, что до опасности для жизни и тѣлесной прикосновенности гражданъ дѣло и не можетъ даже дойти, если послѣдніе станутъ оказывать немедленное послушаніе лицамъ, выше ихъ стоящимъ⁴⁾. Противъ органа власти, замѣчаетъ цитируемый нами защитникъ теоріи слѣпаго повиновенія, невозможно законная оборона; сколь тяжкимъ бы ни казался гражда-

---

силь къ той же категоріи лицъ, безусловно не допускающихъ въ интересующей насъ комбинаціи права обороны. Баршевъ—Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Москва, 1841 г., с. 37.

1) Изъ европейскихъ законодательствъ, насколько намъ извѣстно, взглядъ этотъ защищаетъ только баварское уложеніе 1813 г. Изложеніе постановленій разнообразныхъ законодательствъ по вопросу о сопротивленіи органамъ власти см. у Куплеваскаго—О предѣлахъ повиновенія незаконнымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ должностныхъ лицъ, Юрид. Вѣст., Сент. 1886 г., с. 41—46.

2) Jagemann, op. cit., S. 597.

3) Jagemann, op. cit., S. 599.

4) Дѣлая такое замѣчаніе, Jagemann впадаетъ, однако, въ противорѣчіе съ высказываемымъ имъ же самимъ въ прим. 18 на с. 599 мнѣніемъ о возможности того, что агентъ власти способенъ иногда дѣйствовать подъ вліяніемъ страсти и стремиться къ проведенію своихъ частныхъ интересовъ.

нину его жребій, оборона его противъ органовъ власти всегда будетъ неправомѣрна ¹⁾). Весьма опасно, продолжаетъ *Ягеманнъ*, предоставить гражданамъ право изслѣдовать (prüfen) компетенцію органовъ власти и оцѣнивать пригодность тѣхъ или другихъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ органы государства. Это было бы равносильно предоставленію этимъ путемъ гражданамъ права сопротивленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ покажется, что они открыли какую-нибудь неправильность. Даже больше: идя по тому же пути, гражданамъ должна быть дозволена и оппозиція противъ верховной власти. Но ставъ на эту точку зрѣнія, придется признать, что если высшая власть, даже съ согласія большинства, предприметъ что-либо несправедливое, то должны будутъ быть объявлены ненаказуемыми самыя тяжкія преступленія, противъ нея направленные. Безусловно отрицая допустимость обороны противъ органовъ власти, *Ягеманнъ* приходитъ къ тому заключенію, что для поддержанія правопорядка вполнѣ достаточно строгаго проведенія принципа немедленнаго и полнаго повиновенія гражданъ органамъ власти въ связи съ предоставленіемъ первымъ права дѣлать нѣкоторыя возраженія и жаловаться въ судъ ²⁾). Несостоятельность изложенной теоріи слишкомъ очевидна. Доктрина эта исходитъ, какъ справедливо замѣчаетъ *Кистяковскій* ³⁾, изъ той юридической фикціи, по которой должностное лицо, будучи отвѣтственнымъ передъ закономъ и своимъ начальствомъ, считается по отношенію къ гражданамъ никогда невыходящимъ изъ круга своихъ обязанностей. Въмѣстѣ съ принятіемъ теоріи слѣпаго повиновенія, защищаемой *Ягеманномъ*, замѣчаетъ *Кестлинъ* ⁴⁾, былъ бы положенъ конецъ всякой гражданской свободѣ, и это было бы бѣльшимъ несчастіемъ, чѣмъ то мнимое бѣдствіе, что будто съ принятіемъ противоположнаго мнѣнія узаконяется революція ⁵⁾). При обсужденіи

---

¹⁾ Jagemann, Op. cit., S. 600.

²⁾ Jagemann, Op. cit., S. 605.

³⁾ Кистяковскій, Учеб., с. 378.

⁴⁾ Köstlin—Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalr., 1845, S. 724.

⁵⁾ Ср. наше примѣчаніе на стр. 74.

изложенной нами теоріи нельзя не считаться, кромѣ того, еще съ однимъ обстоятельствомъ, на которое опять-таки указываетъ еще *Кестлинъ*. Опасность противозаконнаго дѣйствованія со стороны лица, облеченнаго властью, гораздо больше, чѣмъ со стороны гражданина, не надѣленнаго какими-нибудь полномочіями ¹⁾. *Яеманнъ*, между тѣмъ, какъ мы видѣли, совершенно отрицаетъ за должностнымъ лицомъ всякую возможность выходить изъ предѣловъ опредѣленной ему компетенціи и совершенно не признаетъ за простымъ гражданиномъ права на содѣйствіе поддержанію правопорядка даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ путь является единственно возможнымъ средствомъ охраненія юридическаго порядка. Но оставаясь послѣдовательнымъ, *Яеманнъ* долженъ прійти къ отрицанію права необходимой обороны въ полномъ его объемѣ. Совершенно недостаточенъ, вдобавокъ, и предлагаемый *Яеманномъ* суррогатъ необходимой обороны—право гражданъ дѣлать возраженія и жаловаться въ судъ. Если этимъ путемъ можно содѣйствовать поддержанію правопорядка, то конечно оборона противъ органа власти ни въ какомъ случаѣ недопустима, но въ предусматриваемой имъ комбинаціи оборона недопустима вообще, такъ какъ она можетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ никакія другія средства для поддержанія правопорядка недѣйствительны. Въ такой же мѣрѣ неосновательны и предположенія *Яеманна*, что признаніе за гражданами права необходимой обороны можетъ повлечь за собой косвенно санкціонированіе права обороны противъ верховной власти. Послѣдняя является сама по себѣ источникомъ закона, и фактъ противодѣйствія установленному ей, при соблюденіи тѣхъ формальностей, которыми она сама себя ограничиваетъ, является, безъ всякаго сомнѣнія, преступнымъ; предписанное верховной властью, если бы оно и не являлось раціональнымъ—съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости или высшей морали будетъ всегда, тѣмъ не менѣе, безусловно законнымъ, и потому оборона противъ вѣдѣній верховной власти, какъ дѣйствій законныхъ по своей

¹⁾ Köstlin, op. cit., S. 724.

природѣ, совершенно недопустима. Вѣсть съ принятіемъ этого соображенія падаетъ и предположеніе *Ягманна* о томъ, что при допущеніи необходимой обороны противъ органовъ власти могутъ оставаться безнаказанными самыя тяжкія преступленія противъ верховной власти на тотъ конецъ, если послѣдняя, даже съ соблюденіемъ необходимыхъ формъ, осуществитъ что-либо несогласное съ высшей моралью или справедливостью ¹⁾). Прибавимъ еще при этомъ, что при томъ опредѣленіи законности, какое мы выставляемъ, и которое для юриста является единственно допустимымъ, незаконными могутъ оказаться только распоряженія подчиненныхъ органовъ власти, и объ оборонѣ противъ верховной власти не можетъ быть и рѣчи. Представителемъ мнѣнія, близкаго къ доктринѣ, защищаемой *Ягманномъ*, и сторонникомъ взгляда, допускающаго тѣ же возраженія, является *Гэннеръ* ²⁾ въ своемъ учебникѣ гражданскаго процесса и написанныхъ имъ официальныхъ примѣчаніяхъ къ баварскому кодексу 1813 г. Ученый этотъ полагаетъ, что нивакое сопротивленіе дѣйствіямъ или распоряженіямъ властей, какъ бы они ни были незаконны, недопустимо. Судить о законности или незаконности дѣйствій органовъ власти, по его мнѣнію, не должны тѣ частныя лица, противъ которыхъ такія дѣйствія предпринимаются. Право давать заключеніе по этому вопросу слѣдуетъ предоставить только высшему учрежденію, къ которому частное лицо и должно обращаться съ жалобами.

Перейдемъ теперь ко *второй* группѣ упомянутыхъ нами выше теорій. Не отрицая безусловно права необходимой обороны противъ органовъ власти и ея непротивозаконности, группа эта стремится къ установленію вѣдшихъ признаковъ, при наличности которыхъ оборона противъ органовъ власти должна или не должна быть допущена. Различные криминалисты избираютъ при этомъ

¹⁾ Ср. еще наше примѣч. на стр. 74.

²⁾ *Gönnner-Handb.*, III B., § 14, S. 376—8; IV B., §§ 17—18, S. 325—330 приведено у Куплеваскаго—О предѣлахъ повиновенія незаконнымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ должностныхъ лицъ, Юрид. Вѣст., Сент. 1886 г.

для указанной цѣли весьма разнообразны критеріи, и обстоятельство это содѣйствуетъ тому, что въ предѣлахъ посредствующей теоріи мы встрѣчаемся опять-таки съ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ построений. Въ наиболѣе рудиментарной формѣ конструируютъ посредствующую доктрину профессора *Луденъ* и *Баршевъ*. Правомѣрная оборона, полагаетъ первый ¹⁾, покоится на двухъ предположеніяхъ: во-первыхъ, на томъ, что дѣлается (противозаконное) нападеніе на права лица, стремящагося къ ихъ реализаціи, и, во-вторыхъ, на томъ, что оборона является единственнымъ средствомъ избѣгнуть этого нападенія. Изъ перваго предположенія можетъ быть сдѣланъ выводъ, что нѣтъ обороны тамъ, гдѣ не дѣлается такого нападенія, а отсюда, въ свою очередь, можно заключить, что нѣтъ обороны противъ мѣръ публичной власти; подвергшійся со стороны ея нападенію, независимо отъ того, юридически ли оно обосновано или нѣтъ, обязанъ подчиниться ея требованіямъ, такъ какъ относительно всѣхъ мѣропріятій власти существуетъ предположеніе, что они направляются не на нарушеніе правоохранныхъ интересовъ. Только въ томъ случаѣ, когда носители общественной власти превысили свои полномочія и примѣнили силу, *которая открыто носитъ характеръ преступленія*, оборона вполне допустима. Изъ русскихъ криминалистовъ близокъ къ изложенной теоріи проф. *Баршевъ* ²⁾: „ . . . . позволительно, — говорить этотъ послѣдній, — отражать силу силой, потому что было бы явно несправедливо и даже противоестественно требовать, чтобы насилуемый оставался . . . . въ бездѣйствіи и потомъ просить, гдѣ слѣдуетъ, объ удовлетвореніи. Но только въ этомъ крайнемъ случаѣ и извинительно сопротивленіе властямъ законнымъ; во всѣхъ же другихъ, менѣе важныхъ, оно не можетъ быть позволено . . . . “ ³⁾. Противъ изложенныхъ

¹⁾ Luden—Abhandlungen aus dem gemeinen deutschen Strafrechte, 1840, В. II, S. 494.

²⁾ Баршевъ—Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, 1841 г., стр. 37, 38.

³⁾ На точкѣ зрѣнія Luden'a и Баршева стоятъ большинство криминалистовъ XVIII в. и въ томъ числѣ знаменитый *Leysen* († 1752), который въ своихъ

теорій можно, прежде всего, замѣтить, что онѣ совершенно неправильно выставляютъ предположеніе о томъ, что дѣйствія органовъ власти всегда правомѣрны. И дѣйствительно, доктрины эти упускаютъ изъ виду, съ одной стороны, что презумпціи утратили свое значеніе въ уголовномъ правѣ, и, съ другой, что самое выставленіе какихъ-нибудь предположеній въ данномъ частномъ случаѣ безусловно противорѣчитъ здоровой государственной организаціи ¹⁾. Но пойдемъ далѣе. Изложенныя теоріи допускаютъ, какъ мы видѣли, необходимую оборону противъ органовъ власти исключительно въ тѣхъ комбинаціяхъ, когда органы эти открыто нарушаютъ права подданныхъ, „позволяя себѣ, выражаясь словами *Баршева*, насильственные дѣйствія, на которыя не имѣютъ никакого права, и которыя заключаютъ въ себѣ явную опасность для жизни насилуемаго“ ²⁾. Но признакъ „открытаго нарушенія“ и характеристика дѣйствій органовъ власти, „какъ явно и очевидно незаконныхъ“, могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ критеріевъ допустимости обороны противъ органовъ власти только въ тѣхъ, быющихъ въ глаза, случаяхъ, квалифікація которыхъ подлежитъ наименьшему сомнѣнію. Если женщина подвергается опасности быть изнасилованной, то всякому ясно, что она не можетъ быть лишена права защиты только потому, что на нее посягаетъ какой-нибудь видный представитель администраціи. Для случаевъ, между тѣмъ, не столь рѣзко очерченныхъ, признакъ, предлагаемый разсматриваемой теоріей, не можетъ быть, какъ намъ кажется, сочтенъ вполне удобораспознаваемымъ и надежнымъ критеріемъ для сужденія на основаніи его наличности объ умѣстности или недопустимости обороны

Meditationes ad Pandectas spec. DIX. № XII—XV замѣчаетъ: Magistratui, vim injustam inferenti, vis et arma recte opponuntur. Sed hoc non aliter, quam si aperta judicis injustitia est.

¹⁾ Подробная оцѣнка непригодности въ этой области презумпцій дана у *Köstlin'a*, *Neue Revision*, с. 725, 726. Нѣсколько вѣскихъ соображеній противъ допустимости предположенія о правомѣрности дѣйствій органовъ власти можно найти у *Коркунова*, *Русск. госуд. право*, т. I, с. 385 и слѣд.

²⁾ *Баршевъ*, *Начала*, с. 37.

Жур. Мин. Юст. Май 1899.

противъ органовъ власти. Представимъ себѣ, что волостной судъ постановляетъ опредѣленіе о приводѣ къ разбирательству въ немъ, въ качествѣ обвиняемаго, лица, крестьянскимъ учрежденіемъ неподсуднаго. Но, возникаетъ вопросъ, какія указанія для руководства въ приведенномъ примѣрѣ можетъ дать разсмотрѣнная нами выше теорія? Будетъ ли, съ ея точки зрѣнія, образъ дѣйствія волостнаго суда *явно* противозаконнымъ или нѣтъ. Оставаясь на почвѣ взглядовъ *Лудена* и *Баршева*, должно признать, что на поставленный нами вопросъ могутъ быть съ равнымъ правомъ даны оба отвѣта: и положительный, и отрицательный. А отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что выставляемый этой теоріей критерій неудовлетворителенъ и въ частности неудоборазпознаваемъ. Устраненіе указаннаго недостатка въ значительной степени удастся осуществить другому отбѣнку той же посредствующей теоріи, но и эта разновидность доктрины компромисса не разрѣшаетъ, какъ намъ кажется, сколько-нибудь удовлетворительно со стороны принципиальной, занимающій насъ въ данное время, вопросъ. Оборона противъ органовъ власти, говорятъ сторонники новаго направленія посредствующей теоріи, допустима только тогда, когда дѣйствія этихъ органовъ неправильны въ формальномъ отношеніи и, наоборотъ, совершенно нетерпима въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ дѣйствія должностныхъ лицъ или учрежденій неправильны только въ матеріальномъ отношеніи ¹⁾. За принятіе такой доктрины высказывается въ русской литературѣ, между прочимъ, проф. *Кистяковскій*. Онъ полагаетъ, что ссылка на право необходимой обороны противъ органовъ власти неумѣстна въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствуетъ должностное лицо, дѣйствующее

¹⁾ *Leyser*, высказывающійся за допущеніе необходимой обороны противъ органовъ власти только въ тѣхъ случаяхъ, какъ мы уже упоминали, *si aperta iudicis injustitia est*, не допускалъ того же на случай нарушенія должностнымъ лицомъ формальной стороны вообще. Въ этихъ комбинаціяхъ онъ предлагалъ только смягченіе наказанія. *At, si res dubia est, aut magistratus saltem in solemnitate aliqua erravit, resistendum non est. Si quis tamen et tunc restiterit, peccat quidem et punitur, sed extra ordinem saltem ac lenius.* *Medit. ad Pandectas, ibid., № XII—XV.*

щее при исполненіи своей обязанности, когда существуетъ, далѣе, повелѣніе, облеченное въ установленную закономъ форму, исходящее отъ компетентной власти, и когда отсутствуетъ, наконецъ, точный законъ, запрещающій данное дѣйствіе ¹⁾). Защитниками той же теоріи въ литературѣ западно-европейской выступаютъ въ числѣ прочихъ криминалисты *Арнольдъ* и *Китцъ*. Оба они признаютъ, что рѣшающее значеніе въ смыслѣ допустимости или недопустимости обороны должно придавать тому обстоятельству, противозаконно ли данное дѣйствіе въ формальномъ отношеніи, или нѣтъ. Формально же противозаконными они признаютъ дѣйствія того или другаго должностнаго лица или учрежденія на тотъ конецъ, если эти послѣднія нарушаютъ, закономъ очерченную, сферу вѣдомства и не соблюдаютъ, установленныхъ закономъ, внѣшнихъ формъ и обрядовъ. *Арнольдъ* и *Китцъ* ²⁾ относятъ, кромѣ того, къ числу дѣйствій оргэновъ власти, противъ которыхъ допустима оборона, и тѣ акты, которые предпринимаются даннымъ должностнымъ лицомъ въ качествѣ частнаго лица, тѣ дѣйствія, которыя оно совершаетъ, не находясь при непосредственномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Если судья, говоритъ *Арнольдъ* ³⁾, въ отвѣтъ на жалобу, постановляетъ приговоръ объ исполненіи, не выслушавъ отвѣтчика и, притомъ, приговоръ, удовлетворяющій всѣмъ формальнымъ требованіямъ, то отвѣтчикъ имѣетъ право жалобы, но не имѣетъ права сопротивленія. Но совершенно иначе должно обсуждать тѣ случаи, гдѣ судья, хотя и функціонируетъ въ роли исполнителя служебныхъ обязанностей, но поступаетъ неправильно уже въ отношеніи самой формы или впадаетъ въ эксцессъ. Однако, и въ этихъ случаяхъ не можетъ быть допущено право сопротивленія. Послѣднее умѣстно только тогда, когда непра-

---

¹⁾ Кистяковскій, Элемент. учебн., 3 изд., с. 379.

²⁾ Arnold—Erfahrungen aus dem bayerischen Strafgesetzbuche vom Jahr 1813 und Betrachtungen hierüber. Arch. d. Criminalr., 1843, S. 395 ff. A. Kitz—Zur Begriffsbestimmung des Verbrechens der Wiedersetzung gegen die Obrigkeit. Arch. d. Criminalr., 1846, S. 412 ff. u. S. 525 ff.

³⁾ Arnold, op. cit., S. 398, 399.

вильными, въ формальномъ отношеніи, постановленіями принимается не вознаградимый вредъ. Кромѣ того, сопротивленіе, полагаетъ *Арнольдъ*, только постольку будетъ ненаказуемо, поскольку оно направлено къ отраженію или удержанію противозаконныхъ дѣйствій органа власти ¹⁾). Что касается *Китца*, то, оставаясь на точкѣ зрѣнія *Арнольда*, онъ съ особенной подробностью стремится выяснитъ тѣ свойства и условія дѣятельности должностнаго лица, при наличности которыхъ умѣстна оборона ²⁾). Онъ высказывается за безусловное допущеніе обороны противъ тѣхъ лицъ, которыя, выдавая себя за тотъ или другой органъ власти, на самомъ дѣлѣ имъ не являются, напр., за оборону противъ дѣйствій судебного секретаря, пытающагося издать постановленіе отъ имени суда—за оборону противъ чиновника, вышедшаго изъ очерченнаго ему территоріальнаго круга вѣдомства по принципу *si excesserit privatus est* и т. д. ³⁾ *Китцъ*, кромѣ того, детальнѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ представителей, разсматриваемаго нами, оттѣнка посредствующей теоріи, уясняетъ значеніе того принципа, по которому физическія лица, выступающія въ качествѣ органовъ власти, не перестаютъ для цѣлаго ряда отношеній существовать въ качествѣ частныхъ лицъ и съ значительной ясностью указываетъ на тѣ группы комбинацій, въ которыхъ должностныя лица должны быть признаны функционирующими въ качествѣ частныхъ лицъ и гдѣ не можетъ поэтому имѣть мѣсто сопротивленіе имъ, какъ органамъ власти ⁴⁾). Посредствующая теорія въ томъ смыслѣ, какъ она защищается *Кистяковскимъ*, *Арнольдомъ*, *Китцомъ* и др., выступаетъ, несомнѣнно, съ болѣе совершеннымъ критеріемъ, чѣмъ доктрина предъидущая. Предлагаемый ею признакъ отграниченія случаевъ допустимости

¹⁾ Arnold, op. cit., 399, 400.

²⁾ A. Kitz, op. cit., S. 527 ff.

³⁾ Kitz, op. cit., S. 530.

⁴⁾ Kitz, op. cit., S. 529, 530 и др. Стоящими на той же точкѣ зрѣнія проф. Куплеваскій считаетъ Rosshirt'a, Struben'a, Perthes'a и др. Ср. О предѣлахъ неповиновенія незаконнымъ распоряженіямъ. Юрид. Вѣст. Сент. 1886, с. 50.

обороны отъ тѣхъ комбинацій, гдѣ она недопустима, оставляетъ далеко за собой критерій предъидущей доктрины и довольно полно и притомъ отчетливо очерчиваетъ тотъ минимумъ противозаконности дѣйствій органовъ власти, противъ котораго, при нормальныхъ условіяхъ, допустима реакція въ формѣ необходимой обороны. Противъ разсматриваемой теоріи можетъ быть выставлено развѣ только то возраженіе, что совершенно ошибочно признавать, избираемый ею, путь и въ принципиальномъ отношеніи единственно правильнымъ. Противъ такого именно рѣшенія вопроса разсматриваемымъ нами отгѣнкомъ посредствующей теоріи, кромѣ тѣхъ соображеній, которыя мы будемъ имѣть случай привести нѣсколько ниже, говорить косвенно уже то обстоятельство, что далеко не всегда оправдывается предположеніе, что границы компетенціи и предписанныя формы очень ясны даже для непосвященныхъ и, въ противоположность этому, нарушенія матеріальныхъ законовъ далеко не отличаются тѣми же свойствами. Какъ справедливо замѣчаетъ проф. *Куплеваскій*¹⁾, легко возможны такія явныя нарушенія матеріальныхъ законовъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ произволѣ со стороны должностныхъ лицъ и, съ другой стороны, границы компетенціи и формы часто бываютъ настолько неясны, что вопросъ о нихъ можетъ быть предметомъ, вполне добросовѣстнаго, спора. Въ разсматриваемомъ нами отгѣнкѣ посредствующей теоріи въ построеніи *Арнольда*, весьма спорнымъ, какъ намъ кажется, является и то положеніе, что оборона допустима, между прочимъ, только въ томъ случаѣ, если она предпринимается для охраны благъ невознаградимыхъ. Считаая также дѣленіе благъ невыдерживающимъ критики, мы думаемъ, что понятіе необходимой обороны является уже само по себѣ и безъ того достаточно ограниченнымъ, хотя-бы въ виду того, что оборона, какъ мы уже замѣтили вскользь, допустима единственно только въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ воспрепятствованіе неправомѣрной дѣятельности не осуще-

¹⁾ Куплеваскій—О предѣлахъ повиновенія незаконнымъ распоряженіямъ. Юрид. Вѣст., Сент. 1886 г., с. 51.

ствимо никакими другими путями. Принятіе условія невознаграждаемости въ понятіе обороны, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, противорѣчитъ существу обороны, дѣлая ее условной, зависящей отъ взглядовъ отдѣльнаго лица. Ошибочнымъ въ доктринѣ *Арнольда* является и то смѣшеніе права обороны съ правомъ обжалованія дѣйствій органовъ власти, которое онъ допускаетъ на каждомъ шагѣ. — Въ противоположность разсмотрѣнному оттѣнку теоріи посредствующей, мнѣніе о безусловной допустимости обороны на случай противозаконнаго дѣйствія органа власти, безразлично въ матеріальномъ или формальномъ отношеніи, уже издавна высказывается на западѣ ¹⁾. Ученіе это находитъ себѣ, впрочемъ, въ послѣднее время защитниковъ и въ русской, сравнительно бѣдной по этому вопросу, литературѣ ²⁾. Упомянутое воззрѣніе образуетъ собой *третью* и послѣднюю группу теорій по вопросу о допустимости обороны противъ неправомѣрныхъ дѣйствій органовъ власти. Наиболѣе опредѣленно теорія эта выражена еще въ извѣстной деклараціи правъ человѣка и гражданина, изданной въ эпоху великой французской революціи. Въ нѣмецкой литературѣ начала XIX в. доктрина о томъ, что недопустима только оборона противъ мѣропріятій власти, дѣйствующей въ предѣлахъ законной сферы своего вліянія, высказывается еще у *Греффеля*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ юристовъ своего времени, бывшаго въ послѣдствіи, какъ извѣстно, виднымъ членомъ франкфуртскаго національнаго собранія 1848 г. ³⁾. Кто имѣетъ право насъ къ чему-нибудь физически принудить, замѣчаетъ этотъ писатель ⁴⁾, противъ того мы не

¹⁾ Grävell, Arch. d. Criminalr., 1819, S. 283 ff. Zachariä—Ueber die Strafbarkeit der Widersetzlichkeit gegen öffentliche Beamte, Arch. d. Criminalr., 1843, S. 355 ff. Köstlin—Neue Revision, 1845, S. 723 ff. Geib—Lehrbuch, B. II, S. 228, 229. Bluntschli—Lehre vom modernen Staat, B. II, S. 671, 672. Brugham—British constitution, стр. 103 (п. 6 Bluntschli, 672).

²⁾ Ср. въ особ. проф. Коркуновъ, Русск. госуд. пр., т. I, с. 386—388, а также Долончевъ—О правѣ необходимой обороны. Ю. В. 1874 г.

³⁾ Meyer—Conversationslexikon, B. VII, S. 891. Holtzendorff—Rechtslexikon, B. II, S. 196.

⁴⁾ Grävell—Abhandlung über die Theorie der Injurien, der Schmähchriften und der Nothwehr. Arch. des Criminalr., 1819, S. 283, ff.

имѣемъ правъ прибѣгать къ защитѣ и отраженію. Органы власти, какъ только они переступаютъ границы своихъ полномочій, дѣйствуютъ уже не въ качествѣ властей, но какъ частныя лица, противъ недозволенныхъ принужденій которыхъ вполнѣ допустимо насиліе по принципу: *judex, quae sine judicio facit, tamquam privatus agit*. Въ томъ же смыслѣ высказывается криминалистъ и государствовѣдъ 40-хъ годовъ *Цахаріэ*. Государство, говоритъ онъ, оставаясь справедливымъ, не можетъ потребовать, чтобы гражданинъ отказался отъ естественнаго права самозащиты противъ неправомѣрнаго нападенія, непосредственно угрожающаго какому-либо невознаградимому благу; государство не можетъ безъ глубокаго противорѣчія предписывать, что отраженіе преступленія является, въ свою очередь, преступленіемъ ¹⁾). Аргументируя въ защиту той же теоріи, *Кестлинъ* ²⁾ утверждаетъ, что прямой интересъ государства заключается въ развитіи у гражданъ сознанія необходимости защищать неприкосновенность ихъ правъ всѣми своими силами; ссылаясь на *Гуфнагеля*, онъ замѣчаетъ, что достоинство государственной власти требуетъ отказа ея отъ всякой солидарности съ своими органами на тотъ конецъ, когда они начинаютъ дѣйствовать незаконно. Къ этой же точкѣ зрѣнія близокъ и *Левита*, дѣлающій замѣчаніе, что не допускать необходимой обороны противъ незаконныхъ распоряженій должностныхъ лицъ было бы равносильно принесенію въ жертву произволу, вооруженному государственнымъ авторитетомъ, жизни, свободы и имущества гражданъ ³⁾). Изъ русскихъ юристовъ высказываются за допустимость необходимой обороны противъ незаконномѣрныхъ дѣйствій органовъ власти, вслѣдъ за *Цахаріэ*, *Долончевъ* ⁴⁾ и, повидимому, проф. *Неклюдовъ* ⁵⁾; но, несомнѣнно, самымъ открытымъ сторонникомъ наиболѣе широкой допустимости необходимой обороны противъ

¹⁾ Zachariä, op. cit., S. 374. Въ томъ же смыслѣ высказывается этотъ писатель въ своемъ *Deutsches Staats und Bundesrecht*, Th. I, S. 251.

²⁾ Köstlin, op. cit., S. 724.

³⁾ Levita, *Das Recht der Nothwehr*, S. 192, 193.

⁴⁾ Долончевъ, op. cit., с. 80—84.

⁵⁾ Неклюдовъ—Общая часть уголовного права (Конспект), 1875, с. 41.

неправомѣрныхъ дѣйствій органовъ власти является проф. *Коркуновъ*¹⁾. Подданный долженъ, говоритъ этотъ ученый, подчиняться велѣнiямъ органовъ власти лишь настолько, насколько велѣнiя эти согласны съ закономъ. Государственная власть стала бы сама съ собой въ противорѣчiе, еслибы требовала отъ подданныхъ подчиненiя и незаконнымъ распоряженiямъ своихъ органовъ. Законъ есть выраженiе воли государственной власти. Принуждать къ исполненiю незаконныхъ распоряженiй значило бы принуждать къ тому, что противорѣчитъ собственной волѣ государства, что самую властью признается несправедливымъ, неразумнымъ, вреднымъ.

Ненаказуемость простаго неисполненiя незаконныхъ требованiй органовъ власти, продолжаетъ проф. *Коркуновъ*, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣнiй. Но не всегда подданный можетъ оградить свои права противъ незаконныхъ дѣйствій органовъ власти только пассивнымъ неповиненiемъ. Не соглашаясь съ мнѣнiемъ *Лоренца Штейна*²⁾ и *Градовскаго*³⁾, что только этотъ видъ сопротивленiя единственно допустимъ, проф. *Коркуновъ* замѣчаетъ, что такимъ взглядомъ совершенно подрывается начало законности и что, наоборотъ, допущенiе активного сопротивленiя незаконнымъ дѣйствiямъ органовъ власти вполне согласимо съ признанiемъ за государствомъ исключительнаго права на принужденiе, если только сопротивленiе это будетъ допущено лишь въ условiяхъ необходимой обороны. Какъ необходимая оборона противъ незаконнаго нападенiя частныхъ лицъ не противорѣчитъ нисколько монополизаци принужденiя государствомъ, такъ точно и необходимая оборона противъ незаконныхъ дѣйствiй органовъ власти. Государство допускаетъ тутъ осуществленiе принужденiя только потому, что оно при данныхъ условiяхъ не можетъ быть осуществлено органомъ власти. Изъ того, что сопротивленiе незаконнымъ дѣйствiямъ органовъ власти допускается лишь въ предѣлахъ общихъ условiй дозволенной обороны, проф. *Коркуновъ* дѣлаетъ выводъ, что

¹⁾ Коркуновъ, Русск. госуд. пр., т. I, с. 384 и слѣд.

²⁾ L. Stein—Vollziehungsgewalt, B. I, S. 330—333.

³⁾ Градовскiй—Сб. госуд. зн., т. I, с. 10. Начала русс. госуд. права.

право сопротивленія не можетъ найти себѣ примѣненія не только въ отношеніи къ представителямъ верховной власти, но и, вообще, къ высшимъ рѣшающимъ органамъ, такъ какъ они сами не приводятъ въ исполненіе принудительнымъ путемъ своихъ постановленій, и ихъ дѣйствія не могутъ принять поэтому характеръ прямого нападенія на права подданнаго ¹⁾). Трудно, какъ намъ кажется, не согласиться съ укоренившимся въ новѣйшей литературѣ государственнаго права мнѣніемъ, что вопросъ о правѣ необходимой обороны противъ неправильныхъ дѣйствій органовъ власти долженъ быть въ *принципѣ* рѣшенъ утвердительно. Но съ принципиальнымъ признаніемъ того начала, что оборона не допустима только противу законѣрныхъ дѣйствій органовъ власти, не устраняются еще всѣ трудности по проведенію его въ жизнь. Даже болѣе; трудности здѣсь только и начинаются. Мы хотимъ этимъ сказать, что цѣлесообразность предоставленія оцѣнки дѣйствій органовъ власти усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго заинтересованнаго лица въ самый моментъ исполненія этихъ требованій зависитъ отъ цѣлаго ряда соображеній, чисто политическаго свойства. Степень укорененія въ сознаніи того или другаго народа начала законности, вообще, и степень распространенія въ массѣ юридическихъ свѣдѣній— вотъ факторы, съ которыми приходится считаться по вопросу о томъ, польза ли, или вредъ перевѣшиваетъ при послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь принципа неограниченной допустимости необходимой обороны. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при наличности неблагоприятныхъ условій въ указанномъ нами смыслѣ, предоставленіе каждому права сопротивленія въ формѣ необходимой обороны способно подорвать стойкость общественнаго порядка и открыть дверь сопротивленію властямъ, неоправдываемому обстоятельствами дѣла. За признаніе права обороны въ принципѣ и ограниченіе его при проведеніи въ жизнь, за признаніе полной допустимости обороны идеаломъ, приближеніе къ которому весьма желательно, высказываются въ литературѣ уголовного права,

---

¹⁾ Коркуновъ, *op. cit.*, с. 388.

между прочимъ, проф. *Таганцевъ* ¹⁾ и *Бернеръ* ²⁾). По вопросу о тѣхъ ограниченіяхъ, которымъ должно быть подвергнуто право обороны противъ дѣйствій органовъ власти, при его практическомъ осуществленіи, первый изъ этихъ ученыхъ склоняется къ теоріи, разсмотрѣнной нами въ качествѣ втораго отдѣлка доктрины посредствующей. Съ нѣкоторыми оговорками то же дѣлаетъ въ конечномъ результатѣ и *Бернеръ*, много разъ измѣнявшій свое мнѣніе по этому вопросу въ продолженіе своей многолѣтней литературной дѣятельности. Въ виду несомнѣнной неудовлетворительности конструкции втораго отдѣлка посредствующей теоріи, намъ кажется, однако, что на такого рода компромиссъ должно открыто смотрѣть, какъ на суррогатъ неограниченной допустимости необходимой обороны, — какъ на такой суррогатъ, который долженъ быть отброшенъ, вмѣстѣ съ укорененіемъ въ массахъ начала законности.

2) Вторымъ существеннымъ моментомъ института необходимой обороны, какъ мы замѣтили выше (стр. 31), является защита, отраженіе нападенія, элементъ насилія, причиняемаго нападающему.

Насиліе, какъ элементъ защиты при необходимой оборонѣ, должно, прежде всего, строго отличать отъ тѣхъ насильственныхъ дѣйствій, которыя также направляются на нападающаго и которыя извѣстны подъ именемъ мести. Последняя предполагаетъ вполне оконченное нарушеніе; насиліе же въ комбинаціи, интересующей насъ, допустимо только въ смыслѣ средства предупрежденія оконченія нарушенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ признаніемъ за единичнымъ лицомъ права мести, былъ бы въ конецъ подорванъ публичный характеръ права наказанія; — что этимъ было бы установлено, по справедливому выраженію одного нѣмецкаго криминалиста, „право, или точнѣе, неправое безправіе“ ³⁾.

¹⁾ Таганцевъ, Курсъ, вып. I, с. 216—219. Лекція, вып. II, с. 572—574.

²⁾ Berner—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, XVII Auflage, 1895, S. 381, 382.

³⁾ Geyer—Die Lehre von der Nothwehr, S. 3.

Элементъ насилія въ защитѣ при необходимой оборонѣ не долженъ быть, далѣе, отождествляемъ и съ насиліемъ, составляющимъ неустранимый моментъ наказанія. Наказаніе, какъ извѣстно, всегда имѣетъ своимъ предположеніемъ преступленіе, уже совершенное. Оно можетъ слѣдовать за преступленіемъ и ни въ какомъ случаѣ—предшествовать ему. Причиненіе насилія въ видѣ обороны до окончанія преступленія не можетъ рассматриваться, какъ наказаніе, кромѣ вышеприведеннаго матеріальнаго основанія, еще и по основанію формальному. Никто не станетъ оспаривать, что при современныхъ условіяхъ общественной жизни единственно допустимымъ субъектомъ права наказанія является государство.

Элементъ насилія въ рассматриваемой нами въ данный моментъ комбинаціи отличенъ также отъ насилія, реализуемаго въ такъ называемомъ состояніи крайней необходимости. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ насиліемъ, причиняемымъ нападающему непосредственно, а во второмъ—съ насиліемъ, направляющимся на третьихъ лицъ или на принадлежація имъ права ¹⁾.

Мы видѣли, что насильственные дѣйствія, причиняемыя нападающему, для того, чтобы не обратиться въ мечь, должны предшествовать окончанію нападенія, задуманнаго нападающимъ. Но этого мало. Отъ насилія требуется *своевременности* вообще (*Gegenwärtigkeit*) въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для оправданія насилія при необходимой оборонѣ, нападеніе не только не должно поэтому пройти стадію совершенія, но и само насиліе въ видахъ отраженія допустимо только при валичности дѣйствительной, вполне уже наступившей опасности. Остановимся сначала на послѣднемъ требованіи. Относительно его можно выставить только то общее правило, чтобы намѣреніе нападающаго посягнуть на благо защищающагося выразилось въ чемъ-либо опредѣленномъ. Опасность, далѣе, должна быть непосредственно пред-

---

¹⁾ Тотъ же взглядъ проводитъ Ianka, *Der strafrechtliche Nothstand*, 1878, S. 27 ff. Ср. тамъ же обзоръ доктрины и контроверзъ по этому вопросу.

стоящей или уже начавшейся. Начало нападенія, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ комбинаціяхъ можно и не ожидать ¹⁾, но не будетъ обороной отраженіе опасности будущей ²⁾. Самый вопросъ, однако, о наличности опасности настоящей или будущей принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, утвердительное или отрицательное рѣшеніе которыхъ можетъ быть дано только сообразно съ жизненнымъ значеніемъ нападенія, — съ его опасностью. Всѣ попытки, встрѣчавшіяся, по большей части, въ старой доктринѣ и стремившіяся дать критерій для установленія, юридически опредѣленнаго, момента, съ коего начинается право обороны, оказываются мало удовлетворительными. Правъ проф. *Гейеръ* ³⁾, когда замѣчаетъ, что „дѣломъ судьи является изслѣдовать характеръ опасности (угрозы), а равно изучить индивидуальныя особенности участвовавшихъ лицъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ угрозу; только на основаніи этого матеріала судья слѣдуетъ опредѣлить, ... должно ли обсуждать отраженіе нападенія, какъ злодѣяніе, или нѣтъ“. Нападеніе, далѣе, для того, чтобы насильственные дѣйствія, по его отраженію, не перешли въ месть и оставались обороной, не должно, какъ мы упомянули выше, пройти стадію совершенія. Последнее правильнѣе всего, въ примѣненіи къ интересующей насъ комбинаціи, принимать осуществленнымъ тогда, когда по постановленію дѣйствующаго права ⁴⁾, наступилъ

---

¹⁾ „Non expectandum et iam ut perculiat“ гласятъ еще *legg. Henrici I* относительно того случая, если въ внезапно возникшей ссорѣ одинъ изъ спорщиковъ уже обнажилъ свой мечъ. Zöpfel—Beiträge zur Revision der Lehre von der Nothwehr. Arch. d. Criminalr. 1842, S. 141.

²⁾ F. v. Liszt, Lehrbuch, 7 Aufl., S. 124, 125.

³⁾ Geyer—Die Lehre von der Nothwehr, S. 22.

⁴⁾ Такое рѣшеніе вопроса имѣетъ на своей сторонѣ, между прочимъ, то преимущество, что оно значительно облегчаетъ на практикѣ отграниченіе обороны отъ самоуправства. Относительно трудностей проведенія демаркаціонной черты между этими двумя понятіями проф. Таганцевъ, Лекціи, с. 579, справедливо замѣчаетъ слѣдующее: „оборона направляется къ сохраненію нарушеннаго, а самоуправство—къ возстановленію нарушеннаго права, дѣйствительнаго или предполагаемаго; понятія же сохраненія и возстановленія права тѣсно примыкаютъ другъ къ другу“.

моментъ окончанія преступленія, замышлявшагося нападавшимъ ¹⁾).

¹⁾ Взглядъ этотъ далеко не господствующій. L u d e n, Handb. S. 301, считаетъ нападеніе оконченимъ, а оборону недопустимой уже въ тотъ моментъ, когда начало нападенія можетъ быть подведено подъ понятіе какого бы то ни было оконченаго преступленія. Несостоятельность этого взгляда, крайне суживающаго понятіе необходимой обороны, очевидна сама собой. Она слѣдуетъ изъ того, что совершенное должно въ уголовномъ правѣ всегда обсуждаться не съ одной только объективной точки зрѣнія, но и съ субъективной,—съ точки зрѣнія связи объективнаго результата съ намѣреніемъ виновника.—G e u e r, Lehre von der Nothwehr, S. 22, 23, полагаетъ, что состояніе обороны длится до того момента, „пока существуетъ еще угроза правамъ подвергшагося нападенію“ и „пока нападеніе еще фактически не окончено“. Этотъ взглядъ можетъ разсматриваться, какъ господствующій въ доктринѣ. За него высказываются, между прочимъ, Н. M e u e r, Lehrbuch, 4 Aufl., S. 333, B e v i t a, Recht der Nothwehr, S. 177, H e r z o g, L a m a s c h и др., а изъ русскихъ криминалистовъ вмѣстѣ съ другими проф. Т а г а н ц е в ъ, Курсъ, В. I, с. 221. Въ защиту такой доктрины обыкновенно указываютъ на то, что за окончаніе преступленія, въ смыслѣ предѣла права обороны, во многихъ случаяхъ, въ особенности въ виду возможныхъ несовершенствъ дѣйствующаго законодательства, слѣдуетъ принимать не юридическій моментъ окончанія преступленія, а дѣйствительное нарушеніе или лишеніе того права, которому угрожало нападеніе (Eintritt des Delictübels, какъ выражаются нѣмецкіе криминалисты. Ср. O l s h a u s e n, Kommentar, 4 Aufl., 1892, § 53 примѣч. 9). „Наше уложеніе, говоритъ проф. Т а г а н ц е в ъ, считаетъ, напр., разбой оконченимъ, какъ-скоро произошло нападеніе, но было бы, конечно, абсурдомъ утверждать, что съ этимъ моментомъ оканчивается и право обороны и что насиліе, причиняемое нападавшему разбойнику въ то время, когда онъ наноситъ удары и старается отнять вещь, не было бы обороною“, Курсъ, В. I, с. 222. Для правильной оцѣнки приведенныхъ нами взглядовъ, надо, какъ намъ кажется, принять во вниманіе слѣдующее. Относительно большинства преступленій моменты юридическаго совершенія и фактическаго нарушенія преднамѣреннаго права или блага несомнѣнно совпадаютъ. Въ примѣненіи, слѣдовательно, къ этимъ случаямъ предѣлъ допустимости обороны, защищаемый нами, вполне совпадаетъ съ границей, предлагаемой доктриной большинства. Но возможны и другія комбинаціи. Въ виду несовершенствъ ли дѣйствующаго законодательства, или особыхъ уголовно-политическихъ соображеній, несомнѣнно, приходится считаться, такъ или иначе, съ случаями, въ которыхъ дѣйствующій законъ приравниваетъ, въ отношеніи момента окончанія, поступленіе, такъ называемаго, „Delictübel“ къ его неосуществленію и отождествляетъ случаи фактическаго окончанія нападенія съ его неокончаніемъ. Относительно этихъ комбинацій,носящихъ, замѣтимъ кстати, исключительный характеръ, точка зрѣнія, защищаемая нами, приводитъ къ другимъ заключеніямъ, чѣмъ господствующая доктрина. Оставаясь на почвѣ нашего взгляда, намъ приходится признать, что необходимая оборона будетъ недопустима въ разсматриваемыхъ комбинаціяхъ, хотя-бы нападеніе и не достигло еще момента фактическаго окончанія. Но утвержденіе это еще не равносильно тому, что мы предлагаемъ разсматривать дѣйствія причиненія насилія разбойнику, въ примѣрѣ Таганцева, и попытку отнятія у него на-

Насиліе, какъ элементъ защиты при необходимой оборонѣ, должно удовлетворять, кромѣ разсмотрѣнныхъ, еще одному важному условію. Оно должно примѣняться только въ тѣхъ случаяхъ, идѣ *опасность*, грозящая отъ нападенія, *не можетъ быть отражена никакими другими средствами*. Къ принятію этого ограниченія побуждаетъ опять-таки самый субсидіарный характеръ охраны правопорядка путемъ необходимой обороны. Старая доктрина, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, принимала, только-что формулированное нами, новое условіе правомѣрности обороны въ томъ абсолютномъ смыслѣ, что причиненіе насилія нападающему не можетъ быть оправдано и въ томъ случаѣ, если для обороняющагося существуетъ возможность „безопаснаго“ или „непозорнаго“ бѣгства ¹⁾ Съ такимъ, однако, толкованіемъ трудно согласиться. „Что такое безопасное бѣгство“, спрашиваетъ одинъ изъ нашихъ криминалистовъ ²⁾, „когда можетъ быть увѣренъ бѣжавшій, что нападающій его не догонитъ или не пуститъ чѣмъ-нибудь въ догонку?“ И дѣйствительно, нельзя не признать, что самая квалифікація бѣгства, какъ безопаснаго, весьма неустойчива и ненадежна. Но еще больше

грабленныхъ вещей, какъ дѣйствія противозаконныя. Мы также убѣждены въ правомѣрности этихъ дѣйствій по существу, но подводимъ ихъ подъ другую категорію условій, уничтожающихъ противозаконность дѣянія, а именно, подъ понятіе, такъ называемаго, правомѣрнаго самоуправства. Замѣтимъ кстати, что изъ различныхъ формъ выраженія, въ которыя облекается, разсмотрѣнная нами выше, господствующая доктрина, терминъ нѣмецкихъ криминалистовъ.—„*Eintritt des Delictübels*“ является самымъ неудачнымъ. Если принимать его дословно, то придется признать, что относительно цѣлой группы преступленій (такъ называемыхъ формальныхъ) ожидаемый моментъ не наступитъ никогда.—Съ точки зрѣнія взгляда, защищаемаго нами въ текстѣ, выстрѣлъ въ догонку вору со стороны пострадавшаго будетъ обороной, если выстрѣлъ сдѣланъ съ цѣлью воспрепятствовать вору окончательно завладѣть похищеннымъ. Это слѣдуетъ изъ того, что моментъ окончанія кражи характеризуется полнымъ переходомъ вещи во владѣніе вора. Ср. Фойницкій, Курсъ, Ос. ч., с. 183, 184, изд. I. Последнее же не можетъ быть усмотрѣно въ комбинаціяхъ, когда при помощи выстрѣла вещь можетъ быть возвращена. Впрочемъ, въ разсматриваемыхъ случаяхъ можетъ иногда возникнуть рѣчь о превышеніи предѣловъ обороны.

¹⁾ Въ томъ же смыслѣ высказывается изъ русскихъ криминалистовъ проф. Будзинскій—Начала уголовного права, 1870 г., с. 134, 135. У него приведенъ при этомъ нѣкоторыя литературныя указанія по данному вопросу.

²⁾ Таганцевъ, Курсъ, В. I, с. 225.

несообразностей возникнетъ, если выставить, какъ критерій, „непозорность бѣгства“. Несомнѣнно, что тогда придется различать по объему право обороны „для военныхъ и статскихъ“, „для благородныхъ и плебеевъ“ ¹⁾. Но при такихъ ограниченіяхъ право обороны потеряетъ свое практическое значеніе; поколеблется значеніе обороны, какъ условія, уничтожающаго въ принципѣ противозаконность дѣянія. Совершенно правъ *Лесбита*, когда полагаетъ, что запрещеніе обороны, при возможности бѣгства, приучило бы гражданъ къ трусости въ дѣлѣ справедливой защиты своихъ правъ въ ясной и явной выгодѣ нападающихъ ²⁾. Ту же мысль еще глубже развиваетъ *Герингъ* ³⁾; когда утверждаетъ, что въ самомъ понятіи права заключается идея борьбы за него и обороны его и что защита права въ необходимыхъ случаяхъ есть прямая обязанность гражданъ.

Внѣ указанныхъ условій необходимой обороны, наличность которыхъ имѣетъ рѣшающее значеніе для ея бытія, съ точки зрѣнія истиннаго основанія этого института, неумѣстны еще какія бы то ни было дополнительные ограниченія. Какъ совершенно излишнія, должны отпасть поэтому въ числѣ другихъ тѣ стѣсненія права обороны, которыя знакомы въ обильномъ количествѣ старой доктринѣ ⁴⁾ и сводились къ требованіямъ незаслуженности нападенія, его полной неожиданности и т. п. ⁵⁾.

Собирая воедино составные признаки понятія необходимой обороны, вытекающія изъ сущности этого института, мы

¹⁾ Слова проф. Таганцева.

²⁾ Старымъ законодательствамъ было знакомо начало, по которому обороняющійся долженъ по возможности уступать нападающему. Принципъ этотъ, несомнѣнно, несостоятеленъ, по существу. Онъ отдаетъ предпочтеніе преступленію передъ правомъ, поощряетъ первое и отстѣсняетъ второе и совершенно, наконецъ, несовмѣстимъ съ рациональными представленіями о правѣ необходимой обороны. Ср. Гистяковскій, Элемент. учеб., 3 изд., с. 386.

³⁾ *Jhering—Kampf um's Recht*, стр. 3, 42, 47, 80 и др.; русск. переводъ И. Юровскаго.

⁴⁾ Ср. *Janke—Der strafrechtliche Nothstand*, 1873, S. 25, 26, а также S. 10 и 13.

⁵⁾ Остроумную критику этихъ ненужныхъ ограниченій обороны см. Таганцевъ, Курсъ, В. I, с. 226.

можемъ замѣнить, данное нами выше, чисто формальное опредѣленіе слѣдующимъ, болѣе подробнымъ и очерчивающимъ интересующій насъ институтъ и со стороны матеріальной: необходимая оборона должна быть разсматриваема, какъ правомѣрное насиліе, причиняемое противозаконно нападающему; при этомъ является несущественнымъ, вмѣняемо ли лицо нападающее, и необходимо только, чтобы нападеніе неустранимо было никакими другими средствами, не считая, впрочемъ, бѣгства и чтобы насиліе причинялось въ надлежащій моментъ.

Въ доктринѣ уголовного права, особливо старой, независимо отъ различенія видовъ обороны, по характеру защищаемыхъ благъ, дѣлались нерѣдко попытки конструирования отдѣльных видовъ необходимой обороны и на основаніи нѣкоторыхъ другихъ признаковъ. Классифицированіе въ послѣднемъ смыслѣ ставилось, притомъ, въ связь съ приложимостью къ каждой изъ различныхъ категорій особыхъ началъ, играющихъ руководящую роль только для данного вида и совершенно неприложимыхъ къ другому. Въ этомъ смыслѣ различали, между прочимъ, необходимую оборону въ собственномъ смыслѣ отъ обороны въ несобственномъ смыслѣ ¹⁾. Ближай-

¹⁾ Henke—Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik, V. I, S. 209 ff.—противопоставляетъ „чисто оборонительныя“ проявленія силъ частнаго лица, въ качествѣ обороны въ *несобственномъ* смыслѣ, оборонѣ въ *собственномъ* смыслѣ. Послѣдняя, по мнѣнію этого ученаго, имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ лицо, подвергшееся нападенію, само нападаетъ на лицо напавшее. Практическое значеніе этого дѣленія, съ точки зрѣнія Henke, сводится, между прочимъ, къ тому, что относительно обороны въ несобственномъ смыслѣ должно отказаться отъ установленій какихъ бы то ни было ограничений и стѣсненій. Не останавливаясь на критикѣ послѣдняго, очевидно несостоятельнаго, мнѣнія, замѣтимъ только, что понятіе обороны въ несобственномъ смыслѣ по рецепту Henke не даетъ вовсе права и говоритъ объ оборонѣ. Въ предлагаемомъ имъ понятіи отсутствуетъ моментъ нарушенія защищаемыхъ правоохраненныхъ интересовъ нападающаго, а потому съ правильной точки зрѣнія, и нѣтъ обороны. См. указаніе на послѣднее обстоятельство у I an k a—Der strafrechtliche Nothstand, 1878, S. 1, 2. Близки къ Henke: Grävell въ N. Arch. des Criminalrechts, V. III, S. 280, а также Grattenauer—Ueber die Nothwehr, 1806, S. 72. Противъ Henke высказываются, между прочимъ, Geuer—Lehre von der Nothwehr, S. 8. Köstlin—System d. deutschen Strafr., S. 82, Anm. 5, и уже Wächter, Lehrbuch, V. I, 1825, § 51, S. 89, а также Luden, Abhand. a. d. deutschen Strafr. V. II, S. 478 текстъ

шее разсмотрѣніе этихъ двухъ понятій обнаруживаетъ, однако, что сдѣланныя попытки разграниченія предполагаютъ для необходимой обороны въ несобственномъ смыслѣ наличность такихъ условій, которыя лишаютъ ее специфическаго характера необходимой обороны. Вполнѣ естественнымъ представляется при такомъ положеніи дѣла тотъ выводъ, къ которому приходятъ сторонники разсмотрѣннаго дѣленія. Разнородныя понятія должны, очевидно, опредѣляться и различными принципами.

Обратимся теперь, вслѣдъ за установленіемъ понятія необходимой обороны, къ нѣкоторымъ выводамъ, которые вытекаютъ изъ конструкціи этого института и имѣютъ къ тому существенное значеніе.

Разъ признано, что необходимая оборона существуетъ въ видахъ охраны, юридически защищенныхъ, интересовъ, то вмѣстѣ съ этимъ должно быть принято и то, что она не только устраняетъ наказуемость дѣянія, но и вполнѣ правомѣрна, т. е. является обстоятельствомъ, уничтожающимъ противозаконность дѣянія, и потому непротивозаконной ¹⁾. А изъ этого правомѣрнаго ея характера, изъ того, что право необходимой обороны покоится на необходимости противодействовать правонарушенію, слѣдуетъ въ свою очередь, что необходимая оборона вполнѣ допустима не только для охраненія собственныхъ правъ, но и для защиты всякаго другаго лица, подвергающагося опасности. Эта оборона третьихъ лицъ точно также не будетъ противорѣчить правовымъ нормамъ, а, напротивъ—согласоваться съ ними, точно также

и п. 1. Совершенно неправильно утверждаетъ Geuer, Nothwehr, S. 8, что Luden примыкаетъ къ вышеизложенному взгляду Henke. Въ своемъ Handbuch, V. I, S. 292 и 3, Luden дѣйствительно говоритъ объ оборонѣ въ несобственномъ смыслѣ, но, какъ выражается Köstlin, Syst, S. 82, „in unschuldigem Sinne“, отводя ей мѣсто въ системѣ гражданскаго права. Аргументы противъ понятія обороны въ несобственномъ смыслѣ Henke, Gävell'a и др. Geuer замѣстуетъ, повидимому, у Luden'a. Abb. V. II, S. 477 ff.

¹⁾ „Она (оборона) направляется не къ посягательству на права, а къ охраненію ихъ; а дѣйствіе, направляемое къ охраненію права, есть, очевидно, правовое, а не преступное дѣйствіе“ справедливо замѣчаетъ Невлюдовъ, Комментарій уголовн. прав., с. 41.

станеть охранять порядокъ, закономъ установленный и можетъ претендовать на то же государственное значеніе ¹⁾. Она выступить, вдобавокъ, съ особымъ оттѣнкомъ благородства въ виду ея неэгоистическаго характера. Рѣшающимъ принципомъ для утвердительнаго отвѣта на вопросъ о допустимости защиты третьихъ лицъ при необходимой оборонѣ является, такимъ образомъ, опять-таки, уже не разъ указывавшееся нами, начало о субсидіарномъ значеніи института необходимой обороны для дѣла охраны правопорядка.

Изъ общаго принципа необходимой обороны долженъ быть сдѣланъ и выводъ относительно объема тѣхъ благъ, которыя могутъ защищаться по ея основанію. Современная доктрина и законодательство вполне справедливо смотрять на необходимую оборону, какъ на институтъ, который можетъ быть допущенъ въ защиту всякаго правоохраненнаго интереса, въ защиту всякаго блага. „Законъ не имѣетъ основаній сказать гражданину, что свою честь онъ долженъ защищать менѣе, свободу болѣе и только жизнь всѣми силами и средствами“ ²⁾. Неограниченная допустимость обороны для всей сферы правъ и благъ является, однако, не только логическимъ выводомъ изъ понятія о правомѣрности обороны. Характеръ неизбежной необходимости всеобщая защита благъ при оборонѣ получаетъ, вдобавокъ, еще отъ прагматической невозможности установить какіе-либо предѣлы защиты. Можно смѣло сказать, что всѣ, до сихъ поръ дѣлавшіяся, попытки классификаціи благъ, могущихъ быть объектами защиты при необходимой оборонѣ, въ большей или меньшей степени, несостоятельны ³⁾.

¹⁾ Сергѣевскій—Русское уголовное право, 3 изд., с. 255.

²⁾ Сергѣевскій, *ibid.*, с. 256.

³⁾ Особенно много контroversъ возбуждаетъ въ доктринахъ вопросъ о допустимости обороны чести. Съ нѣкоторыми ограниченіями считаетъ допустимой оборону чести изъ русскихъ криминалистовъ, между прочимъ, проф. А. Кистляковскій, *Элемент. учебн.*, 3 изд., с. 389. Вполнѣ допускаетъ оборону чести, вмѣстѣ съ большинствомъ русскихъ криминалистовъ, проф. Будзинскій. *Начала уголовного права*, 1870, с. 136. Последній склонень, при этомъ, думать, что исчисленіе правъ, для защиты которыхъ необходимая оборона дозволена,—излишне и невозможно, *ibid.*, с. 135.

Но, пойдемъ далѣе. Разъ отраженіе насилія нападающаго при помощи насилія со стороны защищающагося или третьихъ лицъ является средствомъ предупрежденія правонарушенія, то, очевидно, однако, лишь при томъ условіи, чтобы это отраженіе не переступало минимальнаго предѣла необходимости ¹⁾, откуда и само названіе *moderamen inculpatae tutelae*; въ противномъ случаѣ отраженіе обратилось бы само по себѣ въ правонарушеніе. Въ чемъ же заключается критерій для измѣренія степени интенсивности отраженія при необходимой оборонѣ? Каковы тѣ признаки, которые позволяютъ намъ съ несомнѣнностью утверждать, что въ данной комбинаціи имѣеть или не имѣеть мѣсто превышеніе предѣловъ обороны? Прежняя доктрина, а въ лицѣ немногихъ защитниковъ и современная (Ортоланъ, Каррара), пытаются опредѣлить мѣру обороны соотношеніемъ между благомъ нарушаемымъ и защищаемымъ. Съ этой точки зрѣнія, недопустимо причиненіе вреда вознаградимому благу при защитѣ маловажнаго ²⁾ и т. д. Но такая постановка вопроса, не-

¹⁾ Экссессъ обороняющагося заслуживаетъ, однако, по общему правилу, снисходительнаго отношенія законодателя, главнымъ образомъ, въ виду того крайне возбужденнаго состоянія, въ которомъ находится обороняющійся. Если А (беремъ примѣръ Геринга) напрасно разобьетъ нападающему черепъ тамъ, гдѣ кто-либо другой, предварительно имѣвшій возможность точно изслѣдовать крѣпость черепа и достаточно наловчиться въ правильномъ нанесеніи ударовъ, могъ бы сдѣлать нападающаго безвреднымъ при помощи менѣе сильнаго удара, то А только съ большей осторожностью долженъ быть подвергнутъ наказанію. Суду придется имѣть въ виду тѣ условія, въ которыхъ находился защищающійся, его индивидуальныя особенности, степень возбужденія или аффекта и т. д.

²⁾ Въ шутивомъ тонѣ Герингъ зло осмѣиваетъ въ своемъ *Kampf um's Recht* (стр. 83 русск. перевода) эту, нѣкогда господствовавшую, систему опредѣленія мѣры обороны. „При похищеніи золотыхъ часовъ, замѣчаетъ онъ, или кошелекка съ нѣсколькими рублями, или даже сотнями рублей, подвергшійся нападенію ни въ какомъ случаѣ не долженъ причинить физическаго зла противнику. Ибо, что такое часы сравнительно съ тѣломъ, жизнью и здоровьемъ? Первые—вондѣ замѣнимое, вторые—совершенно незамѣнимыя блага. Неоспоримая истина!... Но только тутъ забыть пустякъ: во-первыхъ, что часы принадлежать *подвергшемуся* нападенію, а тѣло—грабителю, и что послѣднее для *него*, правда, имѣеть большую цѣнность, но для *потерпѣвшаго* никакой; во-вторыхъ, относительно совершенно безспорной *замѣнимости* часовъ вопросъ: кто ихъ замѣнить? Не судья ли, ссылающійся на нее?“

сомнѣнно, неправильно. Какъ мы имѣли случай выше уже замѣтить по другому поводу, всевозможныя классификаціи благъ на вознаградимыя и не вознаградимыя, существенныя и маловажныя не имѣютъ строго научнаго значенія. Да и, вообще, масштабомъ не можетъ служить само по себѣ то благо, на нарушеніе котораго направляется намѣреніе нападающаго. Представимъ себѣ, что нападающій стремится отнять какой-нибудь малоцѣнный предметъ, но для достиженія этой цѣли онъ прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, которыя подвергаютъ опасности жизнь обладателя малоцѣннаго предмета. Очевидно, при такомъ положеніи дѣла, для защищающагося не могутъ оставаться ненаказуемыми одни только незначительныя поврежденія, наносимыя имъ нападающему. Оставаясь на почвѣ основнаго принципа и смысла института необходимой обороны, придется признать, что родъ защиты долженъ опредѣляться характеромъ избранныхъ нападающимъ средствъ. Другими словами, конечною цѣлью нападающаго можетъ быть отнятіе незначительнаго блага, но рѣшающимъ вопросомъ для размѣра защиты является то обстоятельство, какой избранъ имъ для этого путь ¹⁾. Это соизмѣреніе обороны съ характеромъ нападенія или, какъ выражается проф. *Таганцевъ* ²⁾, а еще ранѣе его проф. *Гейеръ*, соотношеніе размѣра защиты съ размѣрами нападенія ³⁾ и является надежнымъ масштабомъ въ дѣлѣ опредѣленія допустимой мѣры обороны ⁴⁾.

¹⁾ Ср. Geuer—Lehre von der Nothwehr, S. 28.

²⁾ Проф. Таганцевъ, Лекціи, с. 589, совершенно ошибочно причисляетъ Geuer'a къ сторонникамъ опредѣленія мѣры обороны соотношеніемъ между благомъ нарушаемымъ и защищаемымъ. На стр. 8, 38 и мн. др. своей Lehre von der Nothwehr проф. Geuer высказывается какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. Выраженія „da . . . es nur darauf ankommen kann, ob die Gegenwehr im gehörigen Verhältniss zu der Art des Angriffes stand . . .“ и цѣлый рядъ другихъ въ родѣ: „der Maasstab muss vielmehr die Art und Weise des Angriffes sein“ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что проф. Таганцевъ совершенно незаслуженно приписываетъ Geuer'у неправильный взглядъ, противъ котораго послѣдній справедливо возстаетъ.

³⁾ Въ томъ же смыслѣ высказывается и Levita—Recht der Nothwehr, S. 221.

⁴⁾ Но, соглашаясь съ конечнымъ выводомъ проф. Таганцева, трудно, какъ намъ кажется, согласиться со способомъ его аргументаціи. Возражалъ противъ опредѣленія мѣры обороны путемъ соразмѣренія блага нарушеннаго съ защищаемымъ, почтенный ученый ссылается на то, что попытка противодѣйствія недозво-

Съ установленіемъ предѣловъ правомѣрной обороны, само собою уясняется понятіе превышенія обороны (*excessus defensionis*). Послѣднее имѣеть мѣсто тогда, когда обороняющійся употребилъ средства, не требуемыя необходимостью. Превышеніе предѣловъ обороны должно быть строго отличаемо отъ случаевъ отсутствія какого-либо изъ условій обороны, потому что тогда нѣтъ совсѣмъ обороны, а, слѣдовательно, и не можетъ имѣть мѣсто ея превышеніе ¹⁾. Такъ же строго должно отличать превышеніе обороны отъ понятія, такъ называемой, мнимой обороны (*nudus praetextus defensionis*). Послѣдняя имѣеть мѣсто тогда, когда права обороны не существовало въ дѣйствительности и оно только предполагалось защищавшимся ²⁾. Очевидно, что на случай мнимой

ленному нарушенію ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть запрещенной. „Какимъ образомъ, замѣчаетъ онъ, попытка нарушить право можетъ быть когда-нибудь признана нормальнымъ явленіемъ, а противодѣйствіе таковой попытки—ненормальнымъ?“—Курсъ, с. 235, 236. Лекціи, с. 589—„... пострадавшій при оборонѣ легко могъ избѣжать вреда, отказавшись отъ задуманнаго имъ посягательства“, продолжаетъ далѣе проф. Таганцевъ, какъ-бы обосновывая и поясняя выше выставленное имъ начало. „Единственнымъ исключеніемъ“ изъ высказаннаго раньше принципа нашему маститому ученому „представляется употребленіе обороны противъ посягательствъ, хотя и недозволенныхъ закономъ, но и непроступныхъ, когда нападающимъ, напр., является малолѣтній, завѣдомо умалишенный“.—Лекціи, с. 589. Но разсуждалъ такимъ образомъ, проф. Таганцевъ, какъ намъ кажется, доказываетъ слишкомъ много и не доказываетъ собственно того, что доказательству подлежитъ. Онъ оправдываетъ въ сущности, за тѣми небольшими исключеніями, которыя онъ дѣлаетъ, *вслуху* защиту противъ нападающаго и считаетъ ее законной, какъ мы видѣли, между прочимъ, по тому основанію, что пострадавшій могъ избѣжать вреда отъ обороны, отказавшись отъ задуманнаго имъ посягательства. Но не впадаетъ ли этимъ путемъ проф. Таганцевъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, принимая на слѣдующей страницѣ (Лекціи, с. 590) за истинную мѣру обороны „соотношеніе размѣра защиты съ размѣромъ нападенія“.

¹⁾ Особенно грѣшитъ противъ признанія этого положенія изъ русскихъ криминалистовъ проф. Кистяковскій—Элем. учебн., с. 393. Впадая въ противорѣчіе съ началами, высказанными имъ самимъ (напр., на стр. 382, § 220), ученый этотъ различаетъ точно такъ же, впрочемъ, какъ и Будзинскій—Начала уголовн. права, 1870 г., с. 137—три вида нарушеній предѣловъ необходимой обороны: а) предшествующее нападенію; б) сопровождающее его и с) послѣдующее ему. Очевидно, что первый и послѣдній видъ превышенія обороны въ конструкціи, предлагаемой Кистяковскимъ, не будетъ вовсе обороной въ виду отсутствія своевременности защиты.

²⁾ Установивъ эти совершенно правильныя начала, проф. Таганцевъ, въ Курсѣ, с. 238, 239, относитъ къ превышенію обороны въ числѣ другихъ и тотъ случай, когда обороняющійся „прибѣгнулъ къ самозащитѣ“, а, между тѣмъ, „существовала дѣйствительная охрана со стороны органовъ власти“. Очевидно, что примѣръ этотъ выбранъ крайне неудачно. Если защищавшійся зналъ о наличности охраны со стороны органовъ власти, то въ приводимой комбинаціи вовсе

обороны отвѣтственность виновника будетъ обсуждаться по общимъ правиламъ о вліяніи на отвѣтственность ошибки и заблужденія.

Намъ остается, наконецъ, еще высказать нѣсколько соображеній относительно соотношенія понятія необходимой обороны и, такъ называемаго, „правомѣрнаго самоуправства“ ¹⁾.

нѣтъ обороны, а потому не можетъ быть и ея превышенія. Если же подвергшійся нападенію находился въ невѣдѣніи относительно указанного обстоятельства, то имѣла мѣсто оборона мнимая.

¹⁾ Терминъ этотъ, въ приложеніи къ данному понятію, является въ сущности невѣдѣрживающимъ строгой критики. И необходимая оборона, какъ мы видѣли, есть правомѣрное самоуправство. Мы прибѣгаемъ, однако, къ нему въ виду употребительности въ нѣмецкой литературѣ термина „berechtigte Selbsthülfe“. Ср. Hugo Meyer—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, IV Aufl., S. 326. Въ нашей криминалистической литературѣ встрѣчается еще терминъ „прекратительная саморасправа“, который, однако, въ виду того, что изъ названія этого нельзя съ достаточной ясностью заключить о свойствахъ обозначаемаго имъ понятія, долженъ быть отмѣченъ, какъ несомнѣнно неудачный. Терминъ этотъ, вдобавокъ, можетъ быть понятъ только въ связи съ болѣе общимъ понятіемъ „незамѣнимой саморасправы“, конструировать которое стремится впервые проф. Пусторослевъ и которое въ сущности не выдерживаетъ критики. Подъ обширное понятіе „незамѣнимой саморасправы“ упомянутой писатель въ своихъ трудахъ „Незамѣнимая саморасправа, какъ учрежденіе уголовного права“ 1889 г. и „Понятіе о незамѣнимой саморасправѣ“ 1890 г. подводитъ, между прочимъ, и такія отношенія, которыя не входятъ въ сущности въ область права уголовного. Наряду съ обороною, которую проф. Пусторослевъ называетъ „оборонительной саморасправой“ (понятіе о незам. самораспр., с. 173) ученый этотъ различаетъ еще въ предѣлахъ „незамѣнимой саморасправы“, между прочимъ, „предохранительную саморасправу“. Последняя, по мнѣнію проф. Пусторослева, имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается противодѣйствіе (?) осуществленію такого уголовного правонарушенія, которое еще не осуществляется (?) и не грозитъ, но лишь способно грозить своимъ осуществленіемъ. Сюда, съ точки зрѣнія проф. Пусторослева, долженъ быть подведенъ тотъ случай (Ibid. с. 12 и Незамѣнимая саморасправа § 502, с. 395), если кто-либо приставляетъ къ своимъ лошадямъ сторожа съ дубиной при такихъ обстоятельствахъ, когда никому и въ голову не приходитъ мысль украсть лошадей. Легко, однако, видѣть, что на фактъ постановки сторожа нельзя еще смотрѣть, какъ на „противодѣйствіе“ и „саморасправу“; постановка сторожа, которую предусматриваетъ въ своемъ примѣрѣ проф. Пусторослевъ, не выходитъ еще изъ предѣловъ понятія пользованія своимъ правомъ; въ ней отсутствуетъ, не говоря уже о нападеніи, моментъ отраженія и даже моментъ нарушенія чьихъ бы то ни было интересовъ вообще, безъ котораго, конечно, совершенно немислима саморасправа; постановка сторожа не исключаетъ еще возможности, чтобы охранитель, при первомъ приближеніи вѣроятныхъ похитителей, обратился въ бѣгство; между тѣмъ съ точки зрѣнія творца понятія „предохранительной саморасправы“ и въ этомъ случаѣ можно говорить о саморасправѣ. Но еще въ большей степени излишнее расширеніе проф. Пусторослевымъ понятія „незамѣнимой саморасправы“ сказывается въ томъ, что онъ, наряду съ „прекратительной саморасправой“, которая, собственно и является, ближайшимъ образомъ, тѣмъ, что мы называемъ въ текстѣ „правомѣрнымъ самоуправствомъ“ (Понятіе о незам. саморасправѣ, стр. 17. Незамѣнимая саморасправа, § 505, стр. 397),

Самоуправство есть, какъ мы уже выше замѣтили (с. 25, 26), осуществленіе собственными силами правъ, нарушающихъ интересы другихъ лицъ, и, притомъ, правъ, реализуемыхъ, по общему правилу, при участіи органовъ общественной власти. Разсматриваемое еще и понынѣ въ области международныхъ отношеній, какъ вполне законная форма для борьбы съ неправомъ, самоуправство во внутренней жизни государства, наряду съ существованіемъ специальныхъ государственныхъ органовъ, играетъ роль института субсидіарнаго. Оно допустимо только тамъ, гдѣ другая, болѣе совершенная форма осуществленія правъ является неприложимой. Но самоуправство, по самой природѣ своей, можетъ выступать или съ охранительнымъ, или съ агрессивнымъ характеромъ ¹⁾.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ отраженіемъ собственными силами противозаконнаго нападенія,—съ защитой,—съ необходимой обороной, съ институтомъ, о которомъ мы уже говорили выше. Субсидіарность этого института сказывается, между прочимъ, въ томъ, что необходимая оборона, какъ мы видѣли, допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, только тогда, когда она является единственнымъ средствомъ для поддержанія правопорядка.

Въ комбинаціяхъ агрессивнаго самоуправства, противопоставляемаго оборонительному, мы встрѣчаемся съ осуществленіемъ, по личному усмотрѣнію, правъ частныхъ или публичнаго характера, встрѣчаемся съ попыткой реализаціи собственными усиліями какого-нибудь положительнаго требованія. Этотъ видъ самоуправства можетъ принимать, вдобавокъ, самыя различныя формы въ зависимости отъ природы правъ, объ осуществленіи которыхъ идетъ рѣчь и въ зависимости отъ средствъ, которыя кажутся носителю права годными для этого. Оно можетъ выступать въ формѣ посягательства на личную свободу обидчика,—въ формѣ вторженія пострадавшаго въ имущественную сферу лица, незаконно на

знаеть еще „выгодопрепятствительную“, „выгодишительную“, „судопроизводительную“, „наказательную“ и даже „взыскательную“ саморасправу (ср. табл. на стр. 173. Понятіе о незамѣн. саморасправѣ).

¹⁾ Ср. статью А. Merkel'я въ *Rechtslexicon*'ѣ Holtzendorff'a подъ рубрикой *Selbsthülfe*.

его счетъ обогатившагося и т. д. Уже изъ этого примѣрнаго перечня можно видѣть, что агрессивное самоуправство не должно претендовать на неограниченное господство въ государствѣ и практиковаться, по общему правилу, безнаказанно. Оно служить, повидимому, слишкомъ сильной угрозой существующему правопорядку, даже какъ-бы отрицаніемъ его. Оно ставитъ общество лицомъ къ лицу съ опасностью положиться въ вопросахъ права на колеблющееся, и иногда пристрастное, усмотрѣніе отдѣльнаго частнаго лица. Но этотъ характеръ присущъ не всѣмъ возможнымъ комбинаціямъ агрессивнаго самоуправления. Нѣкоторые виды его давно уже и наукой, и практикой признаны правомѣрными. Взятіе вещи въ залогъ собственною властью въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ является по принципамъ гражданскаго права совершенно правомѣрнымъ. Но гдѣ это имѣетъ мѣсто и гдѣ самоуправство признано вполне правомѣрнымъ, тамъ, естественно, сама собой должна отпасть всякая уголовная отвѣтственность. Но, кромѣ указанной комбинаціи возможенъ еще цѣлый рядъ другихъ, гдѣ, по аналогіи съ охранительнымъ самоуправствомъ, нѣкоторые случаи самоуправления агрессивнаго, по всей справедливости, должны быть признаны правомѣрными. Оборона, какъ институтъ уголовного права, допускаетъ защиту, принадлежащихъ намъ, правъ и благъ при помощи саморасправы, между прочимъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы противодѣйствіе было оказано только въ извѣстный моментъ, чтобы отпоръ имѣлъ мѣсто до окончанія преступленія. Насильственные дѣйствія, выходящія за этотъ предѣлъ, получаютъ неминуемо характеръ уголовно-наказуемой мести. Нельзя, однако, признать, чтобы эти начала, возведенныя въ общее правило, приложимое во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, соответствовали идеалу правосостоянія. Вообразимъ себѣ, напр., что лицо, подвергшееся нападенію съ цѣлью ограбленія, своевременно не оказало нападающему надлежащаго сопротивленія. Представимъ себѣ, далѣе, что, спустя нѣкоторое время, этому же лицу, вполне уже располагающему возможностью вернуть себѣ обладаніе отнятой у него вещью, представляется случай воз-

становить себя въ правахъ на эту вещь. Но единственнымъ путемъ къ возврату вещи является, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, путь самоуправнаго вмѣшательства и прибѣгнуть къ помощи государственной власти не представляется, почему бы то ни было, возможнымъ. Неужели же должно признать правомѣрнымъ и соответствующимъ идеѣ правопорядка, чтобы лицо, въ нашемъ примѣрѣ, отказалось, можетъ быть навсегда, отъ утраченнаго имъ блага? Очевидно, что нѣтъ и что разъ правомѣрно самоуправство подъ видомъ необходимой обороны въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является единственнымъ и крайнимъ средствомъ поддержанія правопорядка, то должно быть признано правомѣрнымъ и самоуправство *послѣ момента окончанія* преступленія. Но, само собой разумѣется, что проявленіе такого самоуправства должно быть допустимо только въ тѣхъ случаяхъ, когда путь самовольнаго вмѣшательства является также единственнымъ средствомъ возстановленія правопорядка.

Нужно, впрочемъ, сдѣлать еще одно ограниченіе. Для своей непротивозаконности правомѣрное самоуправство въ своей реализаціи не должно выходить изъ предѣловъ строго необходимаго. Оно должно ограничиваться только такими средствами, которыя вызываются характеромъ противодѣйствія возстановленію или поддержанію правопорядка. Понятію правомѣрнаго самоуправства не чужды, такимъ образомъ, тѣ же начала о превышеніи его предѣловъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ необходимой оборонѣ. И это обстоятельство не должно удивлять насъ, такъ какъ основаніе и необходимой обороны, и правомѣрнаго самоуправства одно и то же. По аналогіи съ необходимой обороной, не возможна и комбинація мнимаго правомѣрнаго самоуправства. Она будетъ имѣть мѣсто, когда основанія для правомѣрнаго самоуправства не существуетъ въ дѣйствительности, но наличность этого послѣдняго предполагается прибѣгающимъ къ нему. Пояснимъ это примѣромъ. Лицо А, собственникъ стада, замѣчаетъ черезъ нѣкоторое время послѣ пропажи у него овцы, что лицо В, въ удаленной отъ жилья мѣстности, собирается зарѣзать его овцу съ цѣлью полакомиться ея мясомъ. Въ виду несогласія В отдать ему овцу живой, А отнимаетъ ее насильно. Въ этомъ примѣрѣ А долженъ быть признанъ дѣйствовавшимъ въ состояніи самоуправства правомѣрнаго, но

мнимаго, если окажется, что овца принадлежала В и не была похищена у А, или если обнаружится, что для А существовала возможность обратиться къ содѣйствию государственной власти, но А находился въ добросовѣстномъ невѣдѣніи относительно этого и т. д.

Въ предѣлахъ, сдѣланныхъ нами выше, ограниченій, агрессивное самоуправство должно быть, повидимому, вполне допустимо. Допустимо, независимо отъ того, будетъ ли оно направлено на восстановление нарушеннаго права, или будетъ имѣть въ виду осуществленіе или обезпеченіе какого-нибудь другаго законнаго требованія ¹⁾).

Резюмируя все сказанное нами по вопросу о самоуправствѣ правомѣрномъ ²⁾), какъ видѣ агрессивнаго, должно признать, что самоуправство является не только ненаказуемымъ, но и вполне правомѣрнымъ въ тѣхъ комбинаціяхъ, когда имѣеть мѣсто осуществленіе какого-нибудь, принадлежащаго данному лицу, права при помощи вторженія въ правовую сферу другихъ лицъ, но при томъ только необходимомъ условіи, чтобы это самоуправство необходимо было для поддержанія правопорядка, чтобы оно, далѣе, въ данномъ конкретномъ случаѣ, не могло быть замѣнено никакими другими средствами и чтобы оно, наконецъ, не переступало границъ необходимости.

Дѣянія, которыя будутъ признаны, по основанію правомѣрнаго самоуправления, непротивозаконными, могутъ принимать, скажемъ мы въ заключеніе, разнообразныя формы, могутъ выступать подъ внѣшнимъ видомъ преступленій принужденія, поврежденія вещей, нарушенія тѣлесной неприкосновенности, убійства и т. д. Но съ этой неприглядной внѣшностью приходится, однако, мириться, какъ съ печальной необходимостью. Парафразируя слова проф. *Неклюдова*, (цитированныя нами на стр. 97) и примѣняемыя имъ къ понятію необходимой обороны, можно, какъ намъ кажется, и въ данномъ случаѣ съ полнымъ правомъ сказать: правомѣрное самоуправство направляется не къ посягательству на права, а къ восстановленію и обезпеченію ихъ; а дѣйствіе, направленное на восстановленіе и обезпеченіе права, есть, очевидно, правовое, а не преступное дѣйствіе.

¹⁾ Ср. Fr. v. Liszt—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 7 Auflage, S. 133.

²⁾ Ср. Hugo Meyer—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 4 Auflage, S. 326, 327.

О РАЗМѢРАХЪ ДОПУСТИМОСТИ

АНАЛОГИИ ПРИ ПРИМѢНЕНИИ УГОЛОВНАГО ЗАКОНА ¹⁾.

(Опытъ сравнительно-историческаго изслѣдованія этого вопроса въ связи съ ученіемъ о толкованіи).

Ө. П. Дубровина.

„Современная жизнь представляет столько особенностей и новыхъ, подчасъ безотрадныхъ, явленій, что законъ всегда будетъ отставать отъ „последняго слова“ въ проявленіяхъ преступной воли. На нашихъ глазахъ родился и возросъ панталъ, невѣдомый прежде, какъ опредѣленное преступленіе, наша уголовная хроника содержитъ такіа изощренія разврата по отношенію къ малолѣтнимъ, которыя не были предусмотрены нашимъ уложеніемъ. Значитъ ли это, что безсовѣстный развратитель дѣтей или панталкисть, устанавливающій новый, современный видъ рабства для своей жертвы, должны оставаться безнаказанными? Конечно—нѣтъ! И въ уложеніи найдется и находится законъ, который по своимъ основаніямъ, по своей дѣли, по общимъ свойствамъ описываемаго дѣянія—однимъ словомъ, по своему разуму, обниметъ собою еще прямо незаклейменная уложеніемъ, но несомнѣнно преступныя дѣйствія“. А. Ф. Кони—Изъ обвинительной рѣчи по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможи (Судебныя рѣчи, т. I, стр. 642).

Подъ аналогіей логика разумѣетъ особый вспомогательный приѣмъ умозаключенія—приѣмъ, сущность котораго заключается въ уподобленіи одного предмета другому или одного отношенія—другому отношенію. „Аналогичное умозаключе-

¹⁾ Источники и пособія: 1) Милль—Система логики, т. II, изд. 1878 г. 2) Владиславлевъ—Логика, изд. 1872 г. 3) Владиміровъ—Учебникъ русскаго уго-

нiе“—говоритъ Милль—, можетъ быть приведено къ слѣдующей формулѣ: двѣ вещи сходны въ одномъ отношенiи или въ большемъ числѣ отношенiй; извѣстное предложенiе истинно въ примѣненiи къ одной изъ этихъ вещей, а потому оно справедливо и въ примѣненiи къ другой. Итакъ, вѣсь аналогическаго довода, заключающаго объ одномъ сходствѣ по другимъ сходствамъ, безъ всякаго предшествующаго доказательства связи между ними, зависитъ отъ объема обнаруженнаго сходства въ сравненiи, во-первыхъ, съ суммою обнаруженнаго различiя и, во-вторыхъ, съ объемомъ неизслѣдованной области необнаруженныхъ свойствъ. Отсюда вытекаетъ, что, гдѣ сходство очень велико, а обнаруженное различiе весьма мало и наше знанiе о предметѣ достаточно пространно, тамъ доказательство аналогiей можетъ, по силѣ, подойти весьма близко къ доказательному наведенiю. Изъ этого слѣдуетъ, что заключенiя по аналогiи имѣютъ значительный вѣсь лишь тогда, когда случай, къ которому мы направляемъ наше умозаключенiе, есть случай смежный: не по времени или по мѣсту, а

ловнаго права. Часть общая, изд. 1889 г. 4) Градовскiй—Начала русскаго государственнаго права. Т. I, изд. 1892 г. 5) Ефимовъ—Лекцiи исторiи римскаго права. Изд. 1891 г. 6) Кистяковскiй—Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложениемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства. Часть общая, изд. 2, 1882 г. 7) Кони—Судебныя рѣчи, т. I, изд. 1888 г. 8) Лохвицкiй—Курсъ уголовнаго права, изд. 1871 г. 9) Неклюдовъ—Конспектъ общей части уголовнаго права, изд. 1875 г. 10) Сергѣевичъ—Русскiя юридическiя древности. Т. I (изд. 1890 г.) и т. II (изд. 1893 и 1896 гг.). 11) Сергѣевскiй—Русское уголовное право. Часть общая, изд. 1896 г. 12) Сергѣевскiй—Общая часть уголовнаго уложенiя по проекту редакцiонной комиссiи. Изд. 1887 г. 13) Спасовичъ—Учебникъ уголовнаго права. Т. I, вып. 1, изд. 1863 г. 14) Спасовичъ—Сочиненiя, т. V, изд. 1893 г. 15) Таганцевъ—Лекцiи по русскому уголовному праву. Вып. 1, изд. 1887 г. 16) Ortolan—Éléments de droit pénal, изд. 1864 г. Tomes I и II. 17) Garraud—Précis de droit criminel. 18) Faustin Hélie—Введенiе къ изданiю соч. Беккари: „О преступленiи и наказанiи“, 1854 г. 19) Haus—Principes généraux du droit pénal belge. Т. I, édit. 1874. 20) Wächter—Gemeines Recht Deutschlands, insbesondere gemeines deutsches Strafrecht. 21) Berner—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, изд. 1866 г. 22) Berner—Wirkungskreis des Strafgesetzes nach Zeit, Raum und Personen, изд. 1853 г. 23) Merkel (in Holtzendorff's Handbuch des deutschen Strafrechts)—Analogie und Auslegung des Gesetzes. Изд. 1871 г. 24) Liszt—Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Изд. 1888 г. 25) Montesquieu—De l'esprit des lois. Изд. 1803 г. 26) Беккариа—О преступленiи и наказанiи. Русскiй

по обстоятельствамъ“. Стало быть, если два предмета, два явленія сходны въ своихъ существенныхъ чертахъ и отличаются другъ отъ друга только незначительными подробностями, то ихъ можно считать аналогичными, можно отнести ихъ къ одному и тому же роду и виду. При такой группировкѣ предметовъ по родамъ и видамъ и обнаруживается, по мнѣнію проф. Владиславлева, главное значеніе аналогіи.

Эти общія положенія относительно сущности и значенія аналогического умозаключенія помогутъ намъ выяснитъ теоретически мѣсто, которое можетъ занять аналогія при примѣненіи закона вообще и закона уголовного въ частности.

Дѣло въ томъ, что какъ-бы высоко ни стояла юридическая мысль, какъ-бы совершенъ и полонъ ни былъ кодексъ законовъ той или другой страны, онъ не въ состояніи объять все разнообразіе житейскихъ правоотношеній, вызываемыхъ гражданскимъ оборотомъ, не въ состояніи предусмотрѣть всѣ возможные виды проявленій преступной воли. Да это было бы даже и излишне; еще римскіе юристы говорили: „*Neque leges,*

переводъ Соболева, 1878 г. 27) Таганцевъ—Уложеніе о наказаніяхъ съ объясненіями по рѣшеніямъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, изд. 1895 г. 28) Щегловитовъ—Уставъ уголовного судопроизводства, съ комментаріями и разъясненіями, изд. 1884 г. 29) Трахтенбергъ—Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ Уголовнымъ Кассационнымъ и Общимъ Собраніемъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, за 1866—1880 гг. 30) Рѣшенія Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1880—1893 гг. 31) Приговоры Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1860—1884 гг. 32) Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Томъ I. Иностранное уголовное законодательство. Томъ II. Замѣчанія чиновъ судебного вѣдомства 1867—1876 гг. на улож. наказ. Томъ IV. Замѣчанія отечественной литературы на улож. наказ. 33) Судебникъ царя Іоанна IV Грознаго 1550 г. 34) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. 35) Воинскій Артикулъ Петра Великаго 1716 г. 36) Наказъ коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія 1770 г. 37) Сводъ законовъ Т. I, II и XV, изд. 1832, 1842, 1857, 1876, 1886 и 1892 гг. 38) Улож. наказ., изд. 1845 г., 1866 и 1885 гг. 39) Полное Собраніе Законовъ. 40) Проектъ новаго уголовного уложенія 1895 г. 41) Объясненія редакціонной коммисіи къ проекту уголовного уложенія 1895 г. 42) Stenglein—Sammlung der deutschen Strafgesetzbücher, изд. 1858 г. 43) Tirofer Malefizordnung 1499 г. 44) Landsgerichtsordnung 1514 г. 45) Bambergische Halsgerichtsordnung 1507 г. 46) Brandenburgische Halsgerichtsordnung 1516 г. 47) Constitutio criminalis Carolina 1532 г. 48) Constitutio criminalis Theresiana 1768 г. 49) Corpus juris civilis.

neque senatusconsulta ita scribi possunt, ut omnes casus, qui quandoque inciderint, comprehendantur; sed sufficit ea, quae plerumque accidunt, contineri". (D., L. 10, de legibus). Законъ именно долженъ быть какъ можно болѣе общимъ, долженъ представлять собою какъ-бы обобщеніе всѣхъ однородныхъ случаевъ. Тогда подведеніе подъ смыслъ закона этихъ отдѣльныхъ случаевъ не представитъ особыхъ затрудненій. При казуистичности же даннаго кодекса, при стремленіи его предусмотрѣть всѣ возможныя формы правоотношеній или всѣ отдѣльныя проявленія преступной воли, легко можетъ случиться, что онъ, именно вслѣдствіе этого, будетъ страдать неясностью, противорѣчіемъ, неполнотой отдѣльныхъ постановленій, а иногда даже и полнымъ ихъ отсутствіемъ. И тогда, къ препятствіямъ, проистекающимъ изъ разнообразія индивидуальныхъ чертъ каждаго отдѣльнаго случая, взятаго изъ практической жизни, присоединятся еще затрудненія, вытекающія изъ несовершенства самаго законодательства, изъ неясности, неполноты, противорѣчія или недостатка отдѣльныхъ законовъ.

Однако, каковъ бы ни былъ данный кодексъ, для примѣненія его постановленій на практикѣ, судья долженъ прежде всего уразумѣть ихъ смыслъ, что и составляетъ задачу цѣлаго ряда приѣмовъ, совокупность которыхъ носить названіе толкованія законовъ (*interpretatio, interprétation, Auslegung*). Средства толкованія могутъ быть крайне разнообразны. Тутъ обращается вниманіе и на буквальный текстъ закона (толкованіе грамматическое), и на логическій его смыслъ (толкованіе логическое въ тѣсномъ смыслѣ), и на историческое происхожденіе данной статьи, на мотивы, вызвавшіе ея появленіе, на законы, предшествовавшіе и замѣненные ею (толкованіе историческое), и, наконецъ, на мѣсто, занимаемое данною статьею закона въ общей системѣ законодательства, на связь, соединяющую ее съ этой системой (толкованіе систематическое). Какъ особый видъ логическаго толкованія нѣкоторые ученые различаютъ еще толкованіе аналогическое, состоящее, по ихъ словамъ, въ подведеніи подъ данную статью закона объектовъ, хотя прямо въ ней и не названныхъ, но имѣющихъ близкое сходство съ перечисленными въ ней. Такое

толкованіе можетъ имѣть мѣсто, напримѣръ, при примѣненіи ст. ст. 183, 350, 460 нашего улож. наказ. и другихъ, въ которыхъ законодатель, утомившись перечисленіемъ объектовъ преступленія, добавляетъ къ послѣднему объекту слова: „и т. п.“ или „и другія“. Но подобное толкованіе вполнѣ обнимается понятіемъ толкованія логическаго и потому не имѣетъ самостоятельнаго значенія.

Самостоятельное значеніе, какъ вполнѣ справедливо говорить проф. Неклюдовъ, вопросъ объ аналогическомъ примѣненіи законовъ приобретаетъ лишь тогда, когда подъ аналогіей разумѣютъ особое право суда на пополненіе пробѣловъ закона. Дѣло въ томъ, что всѣ указанные способы толкованія приводятъ только къ разъясненію неясности и противорѣчія отдѣльныхъ законовъ, но они не всегда въ силахъ устранить неполноту, а тѣмъ болѣе недостатокъ ихъ. Вслѣдствіе этого нерѣдко случается, что отдѣльные законы, несмотря на самое распространительное толкованіе ихъ, не даютъ разрѣшенія на подлежащій разсмотрѣнію суда случай. Въ подобномъ положеніи суду приходится для разрѣшенія такого случая прибѣгать къ помощи аналогіи, т. е. подвести данный случай подъ статью закона, которая предусматриваетъ фактъ, наиболѣе съ даннымъ сходный. Для этой цѣли судъ можетъ обратиться къ постановленіямъ отдѣльнаго закона, который предусматриваетъ случай, наиболѣе сходный съ даннымъ, или же искать рѣшенія, въ общихъ элементахъ положительнаго права, въ „духѣ“ національнаго законодательства. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ такъ называемой частной спеціальной аналогіей, или аналогіей закона; во второмъ—съ обще-юридической, или правовой аналогіей.

Въ области права уголовного судья можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, какъ относительно опредѣленія наказанія за данное дѣяніе, запрещенное законами подъ страхомъ наказанія—въ случаѣ, когда ему приходится примѣнять уголовные законы съ безусловно неопредѣленной санкціей, такъ и относительно самаго признанія даннаго дѣянія преступнымъ—въ случаяхъ, когда законодатель, по какой

бы то ни было причинѣ, облагаетъ наказаніями не всѣ дѣянія даннаго рода, а только нѣкоторыя изъ нихъ, оставляя другія, столь же, а иногда и болѣе вредныя, не наказуемыми. Смотря по тому, идетъ ли рѣчь о наказаніи дѣянія, безусловно признаннаго законами преступнымъ, но за которое въ законѣ нѣтъ опредѣленнаго наказанія, или же о признаніи преступнымъ дѣянія, хотя и не предусмотрѣннаго прямо закономъ, но имѣющаго, въ своихъ существенныхъ (конститутивныхъ) признакахъ, близкое сходство съ дѣяніемъ, запрещеннымъ закономъ подъ страхомъ наказанія,—будетъ имѣть мѣсто аналогія наказаній или аналогія преступленій.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго видно, что ученіе объ аналогическомъ примѣненіи закона находится въ тѣсной связи съ ученіемъ о толкованіи его. Все различіе между ними сводится къ тому, что толкованіе касается лишь случаевъ, бывшихъ въ виду у законодателя при изданіи закона, и потому не выходитъ за предѣлы воли законодателя; аналогія же, наоборотъ, именно выступаетъ за предѣлы его воли, распространяя ее и на случаи имъ не предвидѣнные, въ томъ предположеніи, что, если бы онъ имѣлъ ихъ въ виду, то разрѣшилъ бы въ смыслѣ того же закона.

Какъ же смотреть на этотъ вопросъ наука? Признаетъ ли она за судомъ право путемъ аналогіи пополнять пробѣлы въ законахъ?

При рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду различіе, существующее между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. „Между тѣмъ, какъ предметомъ гражданского права“—говоритъ Градовскій (Начала русскаго государственнаго права, томъ I, изд. 2, 1892 г., стр. 84)—„является вся масса частныхъ правоотношеній, непрерывно развивающаяся, а потому не всегда предусмотрѣнная положительнымъ закономъ,—предметомъ уголовного правосудія является *строго ограниченный* кругъ дѣйствій вообще и, въ частности, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ закономъ“. Этимъ различіемъ обуславливается и различіе въ предоставляемыхъ наукой гражданскому и уголовному суду правахъ на аналогическое пополненіе пробѣловъ въ законахъ. Гражданскій

судья, по словамъ Haus'a (*Principes généraux du droit pénal belge*. Tome 1-er, pp. 99—100) долженъ примѣнять законъ ко всѣмъ однороднымъ случаямъ, хотя-бы и не предусмотрѣннымъ прямо буквой закона. Здѣсь вполнѣ имѣетъ силу правило: „*Ubi eadem legis ratio, ibi eadem legis dispositio*“, т. е. предположеніе, что если бы законодатель имѣлъ въ виду тотъ или другой случай, не предусмотрѣнный закономъ, въ которомъ говорится объ однородномъ (сходномъ съ нимъ) фактѣ, то разрѣшилъ бы его въ смыслѣ того же закона. „Гражданскому судѣ“ — говоритъ дальше Haus — „въ сущности, приходится такъ или иначе разрѣшить подлежащій его разсмотрѣнію случай; онъ не можетъ отказать сторонамъ въ рѣшеніи ихъ спора подъ предлогомъ неполноты или недостатка закона. При отсутствіи положительнаго закона, онъ обязанъ обратиться или къ вѣчнымъ принципамъ справедливости, или къ аналогіи, примѣняя данный законъ ко всѣмъ сходнымъ случаямъ“. Такая обязанность гражданского судьи вытекаетъ уже изъ того, что, съ установленіемъ государственной власти, задача правосудія сосредоточивается въ рукахъ ея органовъ. Правосудіе станвится исключительнымъ правомъ, устранивающимъ самосудъ, самоуправство, „Этотъ фактъ“ — говоритъ Градовскій — „налагаетъ на государственную власть опредѣленную обязанность, исполненія которой граждане въ правѣ отъ нея ожидать. Именно граждане въ правѣ требовать, чтобы каждое дѣло, находящееся въ данную минуту въ судебномъ разбирательствѣ, было разрѣшено при помощи наличныхъ средствъ законодательства. Право это вытекаетъ изъ двоякаго рода основаній. Первое, чисто внѣшнее, состоитъ въ необходимости немедленно охранять или возстановлять права, какъ-скоро они нарушены, и разрѣшать вопросъ о спорныхъ правахъ. Отсрочка правосудія вредно, даже гибельно отражается на интересахъ тяжущихся. Какъ ни важно это основаніе, но значеніе его отступаетъ передъ силою втораго, внутренняго или болѣе юридическаго, основанія. Представленіе дѣла, находящагося въ судебномъ разбирательствѣ, на разрѣшеніе законодательной власти, видоизмѣнило бы природу судебного рѣшенія и противорѣчило бы

началу раздѣленія властей. Судебное рѣшеніе, по природѣ своей, есть примѣненіе существующихъ законодательныхъ нормъ къ отдѣльному случаю. Посему такое рѣшеніе можетъ быть только актомъ власти подзаконной, стоящей ниже закона и обязанной руководствоваться его предписаніями. Такимъ положеніемъ судебной власти обеспечивается твердость личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ. Граждане въ правѣ ожидать, что къ нимъ будутъ примѣняемы только законы, существовавшіе въ моментъ совершенія ими различныхъ дѣйствій,—законы, которыми они сами руководствовались въ своей жизни. Когда законодательная власть принимаетъ на себя обязанность судьи, всѣ эти условія легко могутъ быть разрушены. Законодательная власть поставлена выше закона. Какъ бы она ни стремилась, при постановкѣ своихъ рѣшеній, ограничить себя правами власти судебной (т. е. руководствоваться смысломъ существующаго законодательства), ея рѣшенія легко могутъ перейти (и часто переходили) въ новые законы, примѣняемые *ex post facto*, т. е. съ обратной силой. Какъ ни опасно можетъ быть право судебного толкованія, но участіе законодательной власти въ отправленіи правосудія еще опаснѣе, ибо оно несогласно съ общими началами права“ (Начала русскаго государственнаго права, т. I, стр. 71 и слѣд.).

Въ совершенно другомъ положеніи находится судья уголовный: онъ имѣетъ дѣло, какъ уже указано выше, съ опредѣленнымъ, строго-ограниченнымъ кругомъ преступныхъ дѣйствій. „Въ самой идеѣ преступления уже содержится понятіе дѣйствія, воспрещеннаго уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія, слѣдовательно, хотя-бы *in genere* непременно предусмотрѣннаго закономъ, безъ формальнаго запрета котораго данное дѣйствіе и не было бы вовсе преступленіемъ... Идея преступления, не предусмотрѣннаго закономъ, заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе, есть *nonsens*“. Поэтому „допустить аналогію въ дѣлахъ уголовныхъ значило бы признать, что судъ имѣетъ право объявить *in specie* преступнымъ то, что не запрещено закономъ *in genere*“ (Градовскій—Нач. русск. госуд. права, т. I, стр. 84). Но и помимо

этихъ соображеній, противъ предоставленія суду уголовному права на пополненіе путемъ аналогіи пробѣловъ въ законахъ, современная наука выдвигаетъ слѣдующіе доводы: во-первыхъ, предоставленіе ему такого права заключало бы въ себѣ полное смѣшеніе дѣятельности судебной и законодательной. „Если даже положенія обычнаго права, выработанныя вѣковой народной жизнью“—говоритъ проф. Таганцевъ— „не признаются нынѣ непосредственнымъ источникомъ, на которомъ судья могъ бы основывать свой приговоръ, то можно ли признать таковымъ личное усмотрѣніе судьи?“ Во-вторыхъ, оно не только приравнило бы судью къ законодателю, но даже поставило бы его выше послѣдняго, давало бы судѣ право контроля надъ нимъ. „Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли судья, пополняющій такой пробѣлъ, сказать, почему оказался этотъ пробѣлъ въ законѣ, по оплошности, или недосмотру или же сознательно, по волѣ законодателя; слѣдовательно, пополняя пробѣлъ, сознательно сдѣланный законодателемъ, судья становится надъ нимъ, исправляетъ его ошибки“. Въ-третьихъ признаніе такого права за судомъ уголовнымъ нанесло бы страшный ударъ гражданской свободѣ и безопасности каждаго. „Если мы не допускаемъ возможности, чтобы даже новый законъ могъ признавать дѣяніе, не считавшееся прежде преступнымъ—таковымъ, то какимъ образомъ можно предоставить такое право судьямъ, отъ которыхъ не всегда требуется даже юридическое образованіе? Развѣ мы не можемъ представить себѣ усерднаго не по разуму судью, который будетъ облагать уголовнымъ наказаніемъ несоблюденіе постовъ, надѣваніе масокъ и т. п.“. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ уголовномъ процессѣ общество (въ лицѣ судьи) является одновременно и судьей, и заинтересованной стороной. Въ этомъ заключается неустранимый недостатокъ карательной дѣятельности общества, который общественныя учрежденія должны стараться умѣрять. „Законъ, изданный заранѣе, полагающій, по крайней мѣрѣ, предѣлы мстительности, страстямъ и увлеченіямъ минуты— есть одинъ изъ необходимыхъ палліативовъ противъ этого несовершенства“—говоритъ Ortolan (*Eléments de droit pénal*,

Томе I, р. 234, н° 574). Въ-четвертыхъ, предоставленіе такого права суду уголовному противорѣчило бы признанному въ настоящее время принципу, что наказаніе, для того чтобы быть законнымъ, должно удовлетворять требованіямъ необходимости. И вотъ эта-то необходимость примѣненія наказанія вовсе не видна, когда оно назначается безъ предварительнаго законнаго предписанія; потому что угроза наказаніемъ была бы, быть можетъ, достаточна для того, чтобы предупредить преступленіе. Но разъ запретъ уголовного закона нарушенъ, самый фактъ преступленія доказываетъ безсиліе угрозы наказаніемъ и дѣлаетъ примѣненіе послѣдняго необходимымъ“. (Hans. Principes généraux du droit pénal belge. Томъ I, стр. 45). Наконецъ, въ-пятыхъ, предоставленіе подобнаго права суду уголовному вовсе и не требуется интересами общественнаго порядка и безопасности, такъ какъ законодатель, при первомъ указаніи практики на подобный недостатокъ, всегда можетъ пополнить допущенный пробѣлъ, а потому вредъ, происшедшій отъ безнаказанности такихъ непредусмотрѣнныхъ законодателемъ дѣяній, какъ бы ни были они сами по себѣ тяжки, представится совершенно ничтожнымъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній современная наука безусловно возстаетъ противъ предоставленія уголовному суду подобнаго права, считая въ данномъ вопросѣ твердо-установленнымъ принципъ: „nullum crimen, nulla poena sine lege“ или, другими словами, что судъ не можетъ объявлять преступными дѣянія, которыя не признаны таковыми законами, равно какъ и не имѣетъ права назначать за преступленія другія наказанія, кромѣ указанныхъ въ законѣ. Такое мнѣніе высказывается въ литературахъ: французской ¹⁾, бельгійской ²⁾,

---

1) Ortolan, *Éléments de droit pénal*, т. I-ый, стр. 234 и слѣд. и т. II-ой, стр. 203—206; Garraud, *Précis de droit criminel*, § 59, стр. 23; Faustin Hélie, *Введеніе къ изданію сочиненія Беккариа „О преступленіи и наказаніи“*.

2) Hans, *Principes généraux du droit pénal belge*, т. I-ый, стр. 45—46 и 99—100.

итальянской ¹⁾ и русской ²⁾. Что касается литературы нѣмецкой, то и въ ней, за весьма немногими исключеніями ³⁾, высказывается тотъ же взглядъ. Такъ, у Berner'a въ „Lehrbuch des deutschen Strafrechts“ (1866 г., стр. 225—227) мы читаемъ: „Какъ органъ общей воли, выраженной въ законѣ, судья долженъ назначать наказаніе, согласно закону“. „Непозволительно наказаніе дѣяній, не воспрещенныхъ закономъ подѣ страхомъ наказанія, на основаніи простой аналогіи, и аналогическое примѣненіе основаній для усиленія наказанія, допущенныхъ законодателемъ только для одного или для нѣсколькихъ отдѣльныхъ преступленій“. Liszt въ своемъ учебникѣ германскаго уголовного права (стр. 80—84 и 264) проводитъ ту мысль, что судья не въ правѣ „путемъ искусственнаго толкованія устранять антиноміи въ изъявленіяхъ воли законодателя“, что „только тѣ дѣянія наказуемы, которыя точно воспрещены закономъ подѣ страхомъ наказанія“ и что „наказаніе можетъ быть примѣнено только въ томъ объемѣ, который точно указанъ въ законѣ“. Это—потому, что въ свойствахъ уголовного права, какъ самоограниченія самой по себѣ неограниченной власти наказанія, лежитъ требованіе, чтобы уголовный законъ не только устанавливалъ наказуемость даннаго дѣянія, но и содержаніе наказанія по роду его и степени“. Наконецъ, Merkel (въ Holtzendorff's Handbuch des deutschen Strafrechts, стр. 67—84), допуская аналогію, какъ одно изъ

¹⁾ Беккарія, О преступленіи и наказаніи.

²⁾ Будзинскій—Начала уголовного права, стр. 39; Владиміровъ—Учебникъ русскаго уголовного права. Часть общая, стр. 32—34; Градовскій—Начала русскаго государственнаго права, т. I-ый, стр. 84; Кистяковскій—Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть общая, § 105, стр. 236—237; Лохвицкій—Курсъ русскаго уголовного права, стр. 259; Неклюдовъ—Конспектъ общей части уголовного права, стр. 189—192; Сергѣевскій—Русское уголовное право. Часть общая, стр. 354—355, и Общая часть уголовного уложенія по проекту редакціонной комиссіи, стр. 39—41; Спасовичъ—Учебникъ уголовного права, т. I-ый, вып. 1, стр. 71 и 328, и Таганцевъ—Лекціи по русскому праву. Вып. 1-ый, стр. 373—376.

³⁾ Напр., Виндингъ. См. Таганцевъ, Лекціи, вып. I, стр. 376.

средствъ, служащихъ для цѣлей толкованія закона, и доказывая предпочтительность ея передъ индивидуальными правовыми воззрѣнiями судей въ дѣлѣ примѣненія законовъ вообще, рѣшительно возстаетъ противъ предоставленія суду уголовному права путемъ аналогiи расширять область наказуемыхъ дѣяній и требуетъ исключенія аналогiи по отношенiю къ совокупности причинъ, освобождающихъ отъ наказанiя, по отношенiю къ смягчающимъ и отягчающимъ вину обстоятельствамъ. (См. объ этомъ же у Schwarze, Commentar стр. 30).

Такимъ образомъ, принципъ „*nullum crimen, nulla poena sine lege*“ въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ. Неудивительно поэтому, что всѣ современные уголовные кодексы (мы говоримъ пока лишь о западно-европейскихъ уголовныхъ кодексахъ, такъ какъ русское законодательство составить особую, самостоятельную часть нашей работы) проводятъ этотъ принципъ уже въ первыхъ, такъ сказать, вводныхъ статьяхъ своихъ.

Вотъ относящiяся сюда постановленiя:

I) *Германское уголовное уложенiе 1871 г.*, ст. 2: „Дѣяние можетъ быть обложено какимъ-либо наказанiемъ только въ томъ случаѣ, если таковое было установлено закономъ, изданнымъ прежде, нежели оно было совершено“.

II) *Французскiй Code pénal 1810 г.*, § 4: „Никакое нарушенiе, проступокъ или преступленiе не могутъ быть обложены наказанiями, которыя не были опредѣлены за нихъ закономъ прежде, нежели они были содѣяны“.

III) *Бельгiйское уголовное уложенiе 1867 г.*, § 2: „Никакое преступное посягательство не можетъ быть обложено наказанiями, которыя не были положены закономъ прежде, нежели то посягательство было содѣяно“.

IV) *Нидерландское уголовное уложенiе 1881 г.*, ст. 1: „Дѣяние наказуемо только въ силу уголовного законоположенiя, изданнаго до совершенiя его“.

V) *Итальянское уголовное уложенiе 1890 г.*, ст. 1: Никакое дѣяние не почитается преступнымъ посягательствомъ (*reatio*) иначе, какъ въ силу прямаго постановленiя уголов-

наго закона и не можетъ быть наказано инымъ наказаніемъ, кромѣ того, которое было опредѣлено прежде, нежели оно совершилось“.

VI) *Венгерское уголовное уложеніе 1879 г.*, ст. 1: „Преступленіями и проступками почитаются только дѣянія, признанныя таковыми закономъ. Никто не можетъ быть приговоренъ за преступленіе или проступокъ къ иному наказанію, кромѣ назначеннаго за нихъ въ законѣ до ихъ совершения“.

Аналогичныя постановленія содержатъ въ себѣ и уголовныя кодексы отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Таковы: ст. 1 Саксенъ-Альтенбургскаго уголовного уложенія 1841 г. и Вюртембергскаго уложенія 1839 г., § 4 Брауншвейгскаго улож. 1840 г., ст. 4 Ганноверскаго уложенія 1840 г., ст. 1 Гессенскаго уложенія 1841 г., § 1 Баденскаго уголовного уложенія 1845 г., ст. 1 Нассаускаго уложенія 1849 г. и Тюрингенскаго уложенія 1852 г., § 2 Прусскаго уголовного уложенія 1851 г. и ст. 1 Саксонскаго уголовного уложенія 1855 г.

Мало того, мы нерѣдко можемъ встрѣтить подобныя постановленія еще въ конституціонныхъ законахъ. Такъ, ст. 9 Бельгійской конституціи гласитъ: „Никакое наказаніе не можетъ быть ни опредѣлено, ни примѣнено иначе, какъ въ силу закона“. Ст. 8 Французской конституціи 1791 г. содержитъ слѣдующее постановленіе: „Законъ долженъ устанавливать только такія наказанія, которыя строго и существенно необходимы, и никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ въ силу закона, изданнаго и опубликованнаго прежде, нежели преступное дѣяніе было совершено“. Ст. 12 конституціи 1793 г. гласитъ: „Законъ долженъ опредѣлять наказанія только въ силу строгой необходимости и сообразно преступленіямъ“, а по ст. 14 той же конституціи: „Никакой законъ ни уголовный, ни гражданскій не можетъ имѣть обратной силы“.

Мы съ намѣреніемъ привели этотъ длинный рядъ сходныхъ постановленій современнаго законодательства западно-европейскихъ государствъ, чтобы показать, до какой степени

укоренился въ современномъ правовомъ сознаниі принципъ „*nullum crimen, nulla poena sine lege*“,—принципъ, отрицающій право уголовного судьи на расширеніе области наказуемыхъ дѣяній путемъ произвольныхъ логическихъ обобщеній. Но въ какое же положеніе ставитъ онъ уголовного судью? Не обращаетъ ли онъ послѣдняго въ простую механическую машину, примѣняющую буквальный текстъ закона?

На этотъ вопросъ нужно дать отрицательный отвѣтъ, и вотъ почему: въ настоящее время установлено, что судья не можетъ быть въ одно и то же время простою машиною при примѣненіи закона и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣстливымъ и разумнымъ его исполнителемъ. По господствующей теперь теоріи, „судья пользуется правомъ толковать уголовный законъ по его логическому смыслу, не выходя однако же изъ предѣловъ смысла, содержащагося въ буквѣ самаго закона, согласованнаго со смысломъ и духомъ какъ частей, такъ и цѣлаго кодекса“¹⁾. Это право, по мнѣнію англійскаго ученаго Кокса („*Institutions of the English governments*“, нѣмецкій переводъ Кюне, стр. 4), составляетъ существо судебной власти. „Исполнительная власть“—говоритъ онъ—„вообще распадается на разные факторы, по природѣ ея различныхъ функций. Самое общее дѣленіе различаетъ судебныя и административныя установленія. Существеннѣйшій атрибутъ первыхъ есть право толковать законы предоставленною имъ властью“. „Законъ“, по словамъ Спасовича (въ рѣчи по дѣлу о скопцахъ Плотичныхъ, 1869 г., соч., т. V, стр. 94), „долженъ быть примѣненъ съ толкомъ и разумніемъ; одно толкованіе даетъ закону жизнь и смыслъ; толкованіе его можетъ быть широкое и можетъ быть узкое; то толкованіе истинно, которое ближе всего подходитъ къ цѣли и намѣреніямъ законодателя“. Толкованіе будетъ распространительнымъ или стѣснительнымъ, смотря по тому, принимаетъ ли судья буквальный текстъ закона въ самомъ ши-

---

¹⁾ Кистяковскій—Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть общая, изд. 2 (1882 г.), отд. I, гл. III, стр. 234.

рокомъ или въ самомъ узкомъ его смыслѣ (*latiori vel strictiori sensu*). И то, и другое одинаково допустимы, тѣмъ болѣе, что и распространительность, и стѣснительность толкованія въ данномъ случаѣ только кажущіяся. На самомъ же дѣлѣ, по словамъ Ortolan (*Eléments de droit penal*. Т. 2, chap. VIII, p. 205), рѣчь идетъ объ отысканіи истиннаго смысла закона: не о томъ, каковъ бы долженъ былъ быть законъ, чтобы быть наилучшимъ, чтобы наиболѣе отвѣчать интересамъ правосудія и общественной пользы, а о томъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, ни болѣе ни менѣе, предполагая, конечно, что онъ хорошо понятъ и юридически осмысленъ („*juridiquement entendue*“). Стало быть, толкованіе должно быть чисто *объяснительнымъ*, т. е. ничего не прибавляя и не выбрасывая изъ текста, оно должно ограничиваться объясненіемъ того смысла, который содержится дѣйствительно въ немъ заключеннымъ. „Его научные элементы“—говоритъ Faustin Hélie—„суть: природа самаго закона, характеръ предмета, о которомъ идетъ рѣчь, общая система его постановленій, совокупность его текстовъ, сила употребленныхъ выраженій. Толкованіе должно быть одновременно и буквальнымъ, и логическимъ: буквальнымъ, потому что вся его задача состоитъ въ объясненіи и въ истолкованіи текста закона; логическимъ—потому что оно восходитъ къ разуму этого закона, чтобы уловить его мысль,—къ общему правилу, чтобы оправдать его примѣненіе“.

Послѣ этихъ разсужденій нетрудно указать, въ чемъ заключается дѣятельность судьи при примѣненіи уголовного закона. Еще Беккарія въ своемъ трактатѣ „*Dei delitti e delle pene*“ установилъ, что судья въ этомъ отношеніи долженъ поступать по правиламъ силлогизма. большею посылкой котораго служитъ примѣняемый законъ, меньшею—дѣйствіе, согласное или несогласное съ этимъ закономъ; роль же вывода, или заключенія играетъ приговоръ о наказаніи или освобожденіи обвиняемаго. Такимъ образомъ, операція примѣненія закона распадается какъ-бы на три самостоятельныхъ процесса: на первомъ планѣ стоитъ уразумѣніе смысла закона, какъ посредствомъ разложенія его на составныя

части (анализа) и уразумѣнія его въ отдѣльности, такъ и посредствомъ сравненія, сопоставленія его съ духомъ цѣлаго кодекса (синтеза) и уразумѣнія его въ связи съ цѣлымъ; затѣмъ слѣдуетъ уразумѣніе подлежащаго разсмотрѣнію суда дѣянія съ той стороны, присущи ли этому дѣянію тѣ существенныя свойства, которыми должно обладать предусмотрѣнное даннымъ закономъ и воспрещенное имъ подѣ страхомъ наказанія преступное дѣяніе; и, наконецъ, результатъ этого сопоставленія, который можетъ быть положительнымъ или отрицательнымъ.

При совершеніи этой операціи могутъ встрѣтиться слѣдующія три комбинаціи: 1) когда логическій смыслъ закона вполне совпадаетъ съ буквальнымъ его смысломъ; 2) когда логическій смыслъ закона шире его буквы, и 3) когда, наоборотъ, логическій смыслъ закона уже буквального текста.

Первая комбинація не представляетъ никакихъ затрудненій для правильнаго примѣненія закона: если данное дѣяніе не предусмотрѣно ни буквой закона, ни логическимъ его смысломъ, то оно не можетъ подлежать наказанію, потому что допустить послѣднее значило бы предоставить судѣ право путемъ произвольнаго толкованія расширять область наказуемыхъ дѣяній, что, какъ нами уже указано выше, въ настоящее время не допускается ни наукою, ни положительнымъ законодательствомъ; если же данное дѣяніе подходит и подѣ букву, и подѣ логическій смыслъ закона, то судья, примѣняя къ нему этотъ законъ, только точно и добросовѣстно исполняетъ свою обязанность, состоящую именно въ подведеніи конкретнаго случая подѣ вполне соответствующій ему законъ.

Недоразумѣнія могутъ возбудить только двѣ послѣднія комбинаціи, на которыхъ мы и остановимся подробнѣе.

Несовпаденіе логическаго смысла закона съ его буквой обуславливается указанными нами выше несовершенствами законодательнаго матеріала — неясностью, неточностью или неполнотой употребленныхъ законодателемъ выраженій. Всѣ же эти несовершенства происходятъ или отъ излишней общности выраженій закона, или отъ излишней ихъ спеціальности:

въ первомъ случаѣ законъ легко можетъ быть примѣненъ къ такимъ дѣяніямъ, на которыя законодатель вовсе не желалъ его распространять; во-второмъ—подъ его буквальный текстъ могутъ не подойти такія дѣянія, которыя предусмотрены его логическимъ смысломъ и преступность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. При наличности такихъ условій дѣятельность судьи должна быть направлена прежде всего на отысканіе того смысла, который законъ дѣйствительно имѣетъ. Съ этой цѣлью судья можетъ пользоваться всѣми имѣющимися подъ его руками средствами толкованія. „Мы отказываемся“—говоритъ Ortolan (*Eléments de droit pénal*, T. 2, p. 205)—„ограничить эту его дѣятельность однимъ буквальнымъ смысломъ закона, однимъ грамматическимъ толкованіемъ; мотивы, послужившіе къ изданію закона, обстоятельства его возникновенія и пренія, которыми сопровождалось его обсужденіе, законы, отмѣненные или измѣненные имъ, статьи, предшествующія ему и слѣдующія за нимъ, или законодательство въ цѣломъ—однимъ словомъ, вся совокупность приемовъ и разсужденій, составляющихъ то, что называется толкованіемъ,—ему открыта“. Мало того, въ этой своей дѣятельности судья можетъ прибѣгать и къ аналогіи, какъ особому средству толкованія. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, она не будетъ представлять указанныхъ нами выше неудобствъ и опасностей, а послужитъ только къ выясненію дѣйствительной воли законодателя. Поэтому, можно вполне согласиться съ профессоромъ Liszt'омъ, который въ своемъ учебникѣ уголовного права (§ 16, стр. 81) говоритъ, что нѣтъ никакихъ основаній отказывать судѣ въ правѣ на аналогическія умозаключенія—правѣ, которое ниѣмъ не оспаривается относительно логическихъ умозаключеній вообще. Проф. Merkel въ своей монографіи „Analogie und Auslegung des Gesetzes“ (in Holtzendorff's Handbuch des deutschen Strafrechts, изд. 1871 г., стр. 67—84) высказываетъ такое же мнѣніе. А проф. Таганцевъ (Лекціи по русскому уголовному праву. Вып. 1, изд. 1887 г., стр. 372) приводитъ и наглядный примѣръ такого способа пополненія пробѣловъ закона. „Дѣйствующее наше уложеніе“—говоритъ онъ—„не содержитъ никакихъ общихъ правилъ относительно

выполненія преступнаго дѣянiя не надъ задуманнымъ объектомъ; такое правило находится только въ ст. 1456 улож. наказ., относящейся специально къ убiйству; поэтому если бы судъ, встрѣтившись съ вопросомъ о подобномъ измѣненiи объекта при тѣлесныхъ поврежденiяхъ или при поврежденiи имущества, разрѣшилъ этотъ вопросъ по аналогiи со ст. 1456, то это было бы пополненiемъ пробѣла на основанiи прямого текста закона“.

Но не всегда судъ удастся отыскать истинный смыслъ закона, не всегда онъ въ состоянiи устранить вызываемыя его буквальнымъ текстомъ недоразумѣнiя. И вотъ, если онъ, истощивъ всѣ имѣющiяся въ его распоряженiи средства толкованiя, тѣмъ не менѣе не добьется ощутительныхъ результатовъ, если подлежащiй примѣненiю уголовный законъ можетъ быть съ одинаковымъ успѣхомъ истолкованъ и за, и противъ обвиняемаго, то судья долженъ отдать предпочтенiе тому толкованiю, которое наиболѣе благопрiятно для обвиняемаго. „In poenalibus causis benignius interpretandum est“ (L. 42, D., de poenis), „Interpretatione legum poenae molliendae sunt potius quam asperandae“ (L. 155, § 2 D., de regulis juris) или „in ambiguis rebus humaniorem sententiam sequi oportet“ — говорили еще римскiе юристы—Павель, Гермогенъ и Ульпианъ. Этотъ принципъ, конечно, вполне сохранилъ свое значенiе и для нашего времени ¹⁾. Однако, въ наше время это положенiе играетъ лишь роль послѣдняго средства, къ которому долженъ прибѣгнуть судья, при разрѣшенiи неустранимыхъ иными средствами недоразумѣнiй. При существованiи же хотя-бы малѣйшей возможности выяснить истинный смыслъ закона, судья нисколько не долженъ стѣсняться примѣнять законъ въ самомъ широкомъ его объемѣ, если только этого требуетъ логическiй его смыслъ.

¹⁾ Если современное законодательство предписываетъ даже „при неходствѣ законовъ времени совершенiя дѣянiя съ законами, послѣдовавшими послѣ сего вплоть до рѣшенiя дѣла, примѣнять законъ наиболѣе снисходительный (§ 2, ч. 2 Герм. угол. улож., § 2 Венг. угол. улож., § 2 Итальянск. угол. улож., ст. 2, ч. 2 Бельг. угол. улож. и ст. 1, ч. 2 Нидерл. угол. улож.), то изъ этого, намъ кажется, ясно вытекаетъ обязанность судьи отдавать предпочтенiе толкованiю, благопрiятному для обвиняемаго всякiй разъ, когда подлежащiй примѣненiю законъ можетъ быть съ равнымъ успѣхомъ истолкованъ и за, и противъ обвиняемаго.

И такое распространительное толкованіе уголовнаго закона можетъ всегда имѣть мѣсто, когда логическій смыслъ закона шире буквального его текста.

Что же касается обратной комбинаціи, когда логическій смыслъ закона уже его буквы, то въ такомъ случаѣ, какъ вполне справедливо замѣчаетъ Haus (Principes généraux du droit pénal belge Vol. 1-er, изд. 1874 г., § 149, стр. 98), судья долженъ воздержаться отъ примѣненія его къ дѣяніямъ, которыя не подходятъ подъ логическій его смыслъ. Тутъ толкованіе, по необходимости, должно быть стѣснительное, потому что „cessante ratione legis cessat lex ipsa“, и, примѣняя подобный законъ въ полномъ его объемѣ, т. е. и къ такимъ фактамъ, которые не предусматриваются логическимъ его смысломъ, судья легко можетъ стать въ противорѣчіе и съ разумомъ, и съ справедливостью.

Указанія на право судьи прибѣгать къ логическому толкованію закона можно найти въ любомъ современномъ западно-европейскомъ законодательствѣ. Такъ, напримѣръ, ст. 1 Саксонск. угол. улож. 1855 г. гласитъ: „Постановленія настоящаго уложенія примѣняются къ такимъ дѣяніямъ и упущеніямъ, которыя воспрещены буквой или *духомъ* отдѣльныхъ его постановленій“. Аналогичныя постановленія содержатъ въ себѣ приведенныя нами выше ст. 1 Тюрингенскаго уголовнаго уложенія 1852 г., § 4 Брауншвейгскаго уголовнаго уложенія 1840 г., ст. 1 Вюртембергскаго уголовнаго уложенія 1839 г., ст. 1 Саксенъ - Альтенбургскаго уголовнаго уложенія 1841 г. и § 2 Прусскаго уголовнаго уложенія 1851 г. Что касается французскаго законодательства, то по ст. 4 Code Napoléon „судья, который откажетъ въ рѣшеніи дѣла, подъ предлогомъ молчанія, неясности или неполноты закона (silence, obscurité ou insuffisance de la loi), подвергнется отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи“. Хотя это постановленіе и помѣщено въ кодексѣ гражданскихъ законовъ, тѣмъ не менѣе, по словамъ Ortolan (Eléments de droit pénal. Tome 2, Chapit. VII, p. 204), оно есть предписаніе общаго права, и уголовный судья долженъ имъ руководствоваться такъ же, какъ и судья гражданскій. Что фран-

цузскій уголовный судья, дѣйствительно, не ограниченъ однимъ буквальнымъ текстомъ закона, но можетъ прибѣгать и къ логическому, хотя-бы и распространительному толкованію смысла его, видно уже изъ того факта, что такое толкованіе допускается высшимъ судебно-административнымъ учрежденіемъ Франціи—государственнымъ совѣтомъ. Такъ, наприм., въ мнѣніи своемъ отъ 10 октября 1811 г., онъ положилъ, что заключеніе въ смирительномъ домѣ, въ ст. 386 Code pénal за кражу на постоянныхъ дворахъ или въ гостиницахъ положенное, должно примѣняться и къ кражѣ, учиненной въ меблированныхъ домахъ и квартирахъ; а въ мнѣніи отъ 18 декабря 1813 г.,—что, въ случаѣ совершенія кражи при помощи и совмѣстно съ убійствомъ („à l'aide et par suite d'un meurtre“), лица, скрывшія похищенные предметы, зная, что кражѣ предшествовало убійство, должны быть, по смыслу ст. 62 Code pénal, разсматриваемы, какъ соучастники сего послѣдняго преступленія ¹⁾.

Такимъ образомъ, современный судья, при примѣненіи уголовного закона, имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ разнообразныя средства толкованія логическаго, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы толкованіе его не противорѣчило смыслу закона, взятаго какъ въ отдѣльности, такъ и въ общей связи его съ цѣлымъ кодексомъ.

Такова точка зрѣнія господствующей въ настоящее время теоріи; она возникла въ настоящемъ столѣтіи и явилась какъ-бы тою „aurea mediocritas“, которая находится между двумя діаметрально противоположными другъ другу теоріями: теоріей, допускавшей неограниченный произволъ судьи какъ въ дѣлѣ признанія преступности того или другаго дѣянія, такъ и въ дѣлѣ обложенія этого дѣянія наказаніемъ, и—теоріей, обязывавшей судью рабски примѣнять законъ и не идти дальше грамматическаго его толкованія.

Небезынтересно поэтому, хотя-бы въ бѣгломъ и далекомъ не исчерпывающемъ всего матеріала очеркѣ, прослѣдить исто-

¹⁾ Дополнительные узаконенія къ французскому уголовному уложенію (Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства, томъ I-й).

рію смѣны этихъ теорій въ наукѣ уголовного права и отмѣтити вліяніе ихъ на уголовное законодательство хотя-бы послѣднихъ четырехъ вѣковъ.

„Вопросъ о юридическомъ толкованіи закона“—говоритъ Faustin Hélie (введеніе къ изданію сочиненія Беккариі „О преступленіи и наказаніи“, 1854 г.)—„принадлежитъ къ самымъ спорнымъ въ уголовной юриспруденціи. Эти споры—фактъ не новый, они восходятъ къ временамъ отдаленнымъ. Споры эти составляютъ продолженіе распри, которая раздѣляла въ римской юриспруденціи школы сабиніанъ и прокуліанцевъ. Первые, держась по этому вопросу старой доктрины, не допускали другаго толкованія, кромѣ грамматическаго; вторые, слѣдуя правилу справедливости и ставя разумъ закона выше его текста, ставили логическое толкованіе выше грамматическаго“. „Примѣнялась ли послѣдняя доктрина въ уголовномъ правѣ?“—спрашиваетъ себя далѣе Faustin Hélie и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, потому что, хотя комментаторы римскихъ законовъ и расходились въ этомъ пунктѣ, но, присматриваясь ближе къ текстамъ, на которые та и другая сторона ссылалась, можно думать, что тѣ, которые держались буквальнаго толкованія, имѣли въ виду только болѣе или менѣе строгое примѣненіе наказаній, и что всякій разъ, когда дѣло шло объ опредѣленіи не степеней, но случаевъ и условій этого примѣненія, не природы преступности, но смысла самаго уголовного закона,—употреблялось логическое толкованіе.

Дѣйствительно, если мы обратимся къ римскому законодательству, то увидимъ, что въ древнѣйшее время оно знаетъ только назначеніе или неназначеніе наказанія, неизмѣнно предписываемаго закономъ. Таковы „leges regiae“, таковы же и *leges XII tabularum*. Эта точка зрѣнія продолжала господствовать отчасти и въ такъ называемый періодъ квестіонаго процесса (соотвѣтствующій второму періоду исторіи римскаго права, по періодизаціи проф. Неволіна). Но уже съ учрежденіемъ должности преторовъ, въ особенности *praetoris peregrini* (въ III в. до Р. X.), эти послѣдніе стали присвоивать себѣ право толковать существующіе законы и пу-

темъ логическихъ умозаключеній вводить новыя положенія права. Образовалось особое „преторское право“ („*jus praetorium*“, или „*jus honorarium*“), сущность котораго римскій юристъ императорскаго періода Папиніанъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „*Jus praetorium est, quod praetores introduxerunt adjuvandi, vel supplendi, vel corrigendi juris civilis gratia, propter utilitatem publicam*“. („Преторскимъ правомъ называются тѣ положенія, которыя ввели преторы съ цѣлью вспоможенія, пополненія или исправленія гражданскаго права, въ видахъ общественной пользы“). Преторы стали пополнять пробѣлы дѣйствующаго законодательства путемъ распространительнаго толкованія и аналогіи („*ad exemplum legis*“). Примѣрами этой ихъ дѣятельности могутъ служить слѣдующіе случаи, приводимые проф. Ефимовымъ въ его „Лекціяхъ исторіи римскаго права“ (изд. 1891 г., стр. 168 и 169): *Lex Aquilia*, по буквальному его смыслу, давалъ искъ (называвшійся „*actio legis Aquiliae*“) за вредъ, причиненный объекту тѣлеснымъ дѣйствіемъ („*damnum corpore corpori datum*“). Поэтому противъ того, кто запиралъ въ сараѣ чужое животное, которое взаперти умирало отъ голода, не могло быть, строго говоря, иска по закону. Преторъ же, отрѣшаясь отъ буквы и дѣйствуя въ духѣ закона, давалъ въ этомъ случаѣ аналогическій искъ — „*actio legis Aquiliae utilis*“ (Gai, *Institut.*, 3, 219). Или — заключилъ несовершеннолѣтній субъектъ невыгодную для себя сдѣлку: обязался, положимъ, за ничтожное вознагражденіе сдѣлать что-нибудь, но вскорѣ спохватился и отказался отъ обязательства. По „*jus strictum*“, такого отказа быть не можетъ, а преторъ въ своемъ эдиктѣ объявлялъ, что въ случаѣ убыточной сдѣлки несовершеннолѣтняго, вовлеченнаго въ нее, благодаря неопытности, онъ признаетъ такую сдѣлку недействительной (такъ называемое „*in integrum restitutio*“).

Но преторы были, въ сущности, судьями гражданскими, имъ приходилось, главнымъ образомъ, разрѣшать гражданскіе споры между гражданами“ ¹⁾. Императоры же римскіе,

¹⁾ Припомнимъ выраженіе юриста императорскаго періода Марціана: „*Jus honorarium viva vox est juris civilis*“.

распространивъ эту тенденцію преторскихъ эдиктовъ и на область уголовного права, предоставили и уголовному суду не только право назначать мѣру наказанія, сообразно съ индивидуальными обстоятельствами случая, но и вообще полную свободу примѣненія или непримѣненія старыхъ законовъ, введенія новыхъ нормъ и преобразованія существующихъ. Слѣды этого можно найти въ Юстиніановомъ „Corpus juris civilis“¹⁾.

Такимъ образомъ, римское право, независимо отъ преступленій, которыя были предметомъ спеціальныхъ законовъ, назначавшихъ наказанія (*poena legitima, ordinnaria*) и устанавливавшихъ судебную процедуру—преступленій, которыя одни дѣлались предметомъ „*publica judicia*“, признавало еще преступленія, предоставленныя оцѣнкѣ магистратуры, судимыя и наказываемыя ею помимо обыкновенныхъ правилъ (*extra ordinem*), называвшіяся поэтому „*crimina extraordinaria*“ и бывшія предметомъ особыхъ „*extraordinariae cognitiones*“.

Такой выводъ очень важенъ для насъ въ виду того громаднаго вліянія, которое римское право, какъ извѣстно, имѣло на всю средневѣковую западно-европейскую юриспруденцію. Отчасти этимъ вліаніемъ, отчасти же свойствами самаго законодательства того времени, его разрозненностью, отрывочностью, неопредѣленностью и противорѣчивостью, объясняется тотъ широкій произволь судей при толкованіи и примѣненіи уголовного закона, который освящался средневѣковымъ западно-европейскимъ законодательствомъ. „Въ болѣе раннее время среднихъ вѣковъ“—говоритъ Wächter (*Gemeines Recht Deutschland's, insbesondere gemeines deutsches Strafrecht, 1844 г.*)²⁾—„судьи почти не имѣли никакихъ имѣющихъ силу закона писанныхъ нормъ: они почти исключительно руководствовались обычнымъ правомъ и своими субъективными юридическими воззрѣніями. Въ позднѣйшее время, когда начали болѣе и болѣе издавать писанныя нормы, ограничивались все-таки только общими

¹⁾ (Напр., I. 7, § 3 Dig. 48,4 и I. 1, § 3 Dig. 48,19).

²⁾ Русскій переводъ у Кистяковскаго, Элементарный учебникъ, стр. 237—251.
Жур. Мин. Юст. Май 1899.

положеніями. О ближайшемъ опредѣленіи состава преступленій, объ общихъ нормахъ къ установленію степеней наказуемости едва ли шла какая-нибудь рѣчь. Въ большинствѣ статутовъ были поименованы только преступления и означены въ общемъ нѣкоторые роды наказаній за оныя, какъ напр., за воровство—висѣлица, за убійство—колесо, поджигателямъ—огонь, разбойникамъ—мечъ. Этимъ предоставлялась судѣ возможность свободнаго опредѣленія преступления, смягченія наказанія въ формѣ помилованія, и образованія права въ формѣ юридическихъ обычаевъ“.

Если обратить вниманіе на законодательство XV и XVI в.в., то вездѣ можно найти подтвержденіе этимъ словамъ. Такъ, *Tiroler Malefizordnung* 1499 г. разрѣшаетъ судѣ разсматривать и судить непредусмотрѣнныя въ немъ преступления, сообразно съ разумомъ и духомъ законовъ. Это положеніе повторяется почти во всѣхъ послѣдующихъ сборникахъ уголовныхъ законовъ и съ особенной широтой и подробностью выражено въ *Landsgerichtsordnung* 1514 г., § 48 котораго гласитъ слѣдующее: „Впрочемъ, всѣ преступления, какъ обложенныя закономъ уголовными наказаніями, такъ и не предусмотрѣнныя или недостаточно ясно описанныя въ этомъ кодексѣ, должны быть разсматриваемы и судимы судьями, сообразно съ разумомъ и духомъ законовъ“ („Und Sunst all Malefiz sachen hendl und tat, so peinlich und den obgeschrieiben ungefehrlich gleich sein und doch hye nit bedacht noch gemelt, für Landsgerichtshende pillich und rechtmessig verstanden werden mugen“).

Такой произволъ судей и, обусловливаемая имъ, вопіющія злоупотребленія, угрожавшія общественной безопасности, вызвали, по словамъ *Wächter*'а, желаніе твердаго и болѣе обнимающаго законодательства.

Стали предприниматься попытки связать судей писаннымъ правомъ, для отступленія отъ котораго судья долженъ былъ обращаться къ посредству верховной власти. Съ такими постановленіями мы встрѣчаемся уже въ „*Bambergische Halsgerichtsordnung*“, 1507 г. (ст. 126) и въ „*Brandenburgische Halsgerichtsordnung*“, 1516 г. (ст. 126). Аналогичное постановленіе содержитъ и ст. 105 *Каролины* („*Constitutio criminalis*

Carolina“ или „Penliche Gerichtsordnung“, 1532 г.): „Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этихъ и нижеслѣдующихъ статьяхъ вовсе не назначено уголовного наказанія за какое-либо дѣяніе или таковое установлено съ недостаточной ясностью и опредѣленностью, судьи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны обращаться къ высшей власти за указаніемъ, какъ всего лучше поступить и какъ разрѣшить такіе непредвидѣнные или вызывающіе сомнѣніе случаи, согласно нашему императорскому праву и смыслу настоящаго нашего устава; а затѣмъ постановить рѣшеніе, согласно сдѣланнымъ указаніямъ, если не всѣ могущія случиться преступленія окажутся предусмотрѣнными и достаточно ясно описанными въ настоящемъ нашемъ уставѣ. („Item ferrer ist zuuermercken inn was peinlichen fellen oder vorklagungen, die peinlichen Straff inn disen nachfolgenden artlickeln nit gesetzt oder gnugsam erklet oder verstendig wer, sollen Richter und Urtheyler so es zu schulden kompt, radts pflegen, wie inn solchen zufelligen oder unverständlichen fellen, unsern Keyserlichen rechten, und diser unser ordnung am gemessigsten gehandelt unnd geurtheylt werden soll, und allsdan jre erkantnuss darnach thun, wan nit alle zufellige erkantnuss und straff in diser unser Ordnung gnugsam mögen bedacht und beschriben werden“).

Такого же принципа держалась и Constitutio criminalis Theresiana, 1768 г., Art. 104, § 1 которой гласить: „Въ этомъ кодексѣ обще-уголовныхъ законовъ большинство преступленій, обыкновенно случающихся, содержатся или въ точныхъ опредѣленіяхъ настоящаго кодекса, или въ столь же точныхъ ссылкахъ на постановленія другихъ сборниковъ дѣйствующихъ законовъ. Но если какое-либо преступное дѣяніе, безусловно заслуживающее по своей зловредности уголовного наказанія, вовсе не предусмотрѣно настоящимъ кодексомъ, или хотя и предусмотрѣно, но не достаточно ясно описано въ своихъ признакахъ, то въ такомъ случаѣ мы предписываемъ, чтобы при сужденіи его имѣлись въ виду всѣ обстоятельства, его сопровождавшія, а именно: степень проявленной при совершеніи этого дѣянія преступной воли, вызванное имъ общественное негодованіе и размѣры причинен-

наго имъ вреда какъ обществу, такъ и частнымъ лицамъ, и чтобы, при разсмотрѣннн такихъ выдающихся тяжкихъ преступленій, всякій такой случай, хотя-бы и разрѣшался уголовнымъ судомъ по аналогіи съ содержащимися въ настоящемъ кодексѣ законоположеніями, однако считался исключительнымъ, и постановленныя по нимъ рѣшенія, до вступленія ихъ въ силу, представлялись на утверждение въ высшій судъ. Въ томъ же случаѣ, когда, вслѣдствіе опасности, сопряженной съ повтореніемъ такихъ преступленій, представляется необходимость въ установленіи общаго для всѣхъ нашихъ областей размѣра наказанія за нихъ, высшій судъ долженъ представить о томъ на разрѣшеніе королевской власти. („In dieser allgemein-peinlichen Gerichtsordnung sind die mehreste verbrechen so sich gemeinlich ereignen, theils durch hierortige Ausführung und theils durch ausdrückliche Berufung auf unsere schon bestehend anderweitsatz und Ordnungen abgehandelt worden; wenn aber gleichwohlen eine böse That, welche ihrer Bösheit nach gar wohl mit halsgerichtlicher Ahnd und Bestrafung angesehen zu werden verdienet, in dieser gerichtshordnung aber entweder gar nicht oder nicht klar genug ausgedrucket wäre, vorkommen sollte, so ordnen wir hiemit, dass hiebei alle Umstände der unterloffenen Gefahrde des bedächtlichen Fürsatzes, der entstanden-gemeinen Aergerniss, und des etwann andurch verursachten öffentlich oder sonderheitlichen schadens wohl erwogen, und bei Befung eines unterwaltend-schweren Verbrechens ein solcher Malefizfall von jeder Blutgerichtshobrigkeit nach Aehnlichkeit deren in dieser Gerichtsordnung einkommenden Grundsätzen für Selbigesmal zwar entschieden, jedoch eine solche Begebenheit als ein ausgenommener Malefizfall angesehen somit das abgefaste Urtheil vor dessen Kundmachung an das Obergericht zur höheren Erkantnuss abgegeben, und jenen Falls, da etwann wegen besorgend-öfteren Wiederholung einer solchen Misshandlung eine allgemeine Strafausmessung für allunsere Erblanden nöthig zu sein erachtet würde, der vorfall von dem Obergericht nach Hof angezeigt werden solle“).

Но всѣ эти мѣры имѣли мало успѣха, и не только въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, но и вплоть до конца XVIII

столѣтія во всей Западной Европѣ продолжалъ господствовать произволь судей.

Такъ, въ Германіи, судьи, по словамъ Wächter'a, „не держась законныхъ правилъ, установили въ непонятномъ произволѣ цѣлый рядъ положеній, на основаніи которыхъ судья игнорировалъ закономъ установленныя наказанія, возвышалъ ихъ или назначалъ такія, которыя, большею частью, взяты были изъ воздуха. Во многихъ преступленіяхъ совершенно отступали отъ закономъ опредѣленныхъ наказаній и перешли къ произвольнымъ; въ отношеніи къ другимъ—наказанія по закону были произвольны. Въ концѣ концовъ было только очень немного преступленій, относительно которыхъ держались въ частныхъ случаяхъ закономъ установленныхъ наказаній“ ¹⁾.

То же мы видимъ и во Франціи. „Главныя черты стараго французскаго законодательства“—говоритъ Garraud ²⁾—„были произволь и неравенство. По нашему древнему праву, судьи пользовались всею широтою власти при преслѣдованіи различныхъ видовъ нарушеній. Законъ не указывалъ имъ строго, какъ нынѣ, то наказаніе, которое они должны были опредѣлять; только обычай освящалъ большую часть наказаній, которыя судьи могли назначать“. „Дошло до того“—прибавляетъ Faustin Hélie ³⁾—„что установили правило, что судьи, будучи призваны постановлять опредѣленіе о преступленіи, не указанномъ ордонансами, должны примѣнять одинаковое наказаніе съ тѣмъ преступленіемъ, которое имѣетъ больше аналогіи съ подлежащимъ разсмотрѣнію суда дѣяніемъ.

Принципъ, примѣняемый всѣми старыми криминалистами, состоялъ въ томъ, что преступленія не должны оставаться безнаказанными, и что законы, которые не могутъ никогда желать этой безнаказанности, должны быть понимаемы въ этомъ случаѣ въ ихъ самомъ обширномъ смыслѣ: „Igitur de

---

¹⁾ Wächter—*Gemeines Recht Deutschlands, insbesondere gemeines deutsches Strafrecht*, 1844 г.

²⁾ Garraud—*Précis de droit criminel*, 1881 г.

³⁾ Faustin Hélie—Введеніе къ изданію соч. Беккариа. „О преступленіи и наказаніи“.

delicto puniendo lata interpretatio sumi debet". (Menochius, quest. 69, по 24).

Въ такомъ положеніи находилось дѣло примѣненія уголовнаго закона до конца XVIII в., пока, наконецъ, ничѣмъ не сдерживаемый произволь не вызвалъ реакціи. „Ученые изъ школы послѣдователей естественнаго права“ — говоритъ Кистяковскій ¹⁾ — „стали возставать противъ произвола, которымъ пользовались судьи при толкованіи закона и предложили новую формулу судейской власти въ этомъ дѣлѣ. Больше рѣзкимъ выразителемъ какъ осужденія стараго порядка, такъ и новой теоріи явился Беккарія, который доказывалъ, что право логическаго толкованія закона есть дѣло законодателя, а судья обязанъ только буквально примѣнять уголовный законъ“.

Но еще ранѣе Беккарія формулировалъ этотъ принципъ Монтескье. Въ 1748 году появилось его знаменитое сочиненіе „De l'ésprit des lois“, въ которомъ онъ, развивъ идеи англійскаго мыслителя XVIII в. Локка, установилъ незыблимо принципъ раздѣленія властей. Говоря спеціально о власти судей при примѣненіи и толкованіи законовъ уголовныхъ, Монтескье ставитъ различные объемы ея въ зависимость отъ той или иной формы правленія. „Чѣмъ болѣе правительство“ — разсуждаетъ онъ — „уподобляется республикѣ, тѣмъ болѣе способъ суда дѣлается точнымъ. Въ государствахъ деспотическихъ нѣтъ законовъ, судья самъ для себя правило. Въ государствахъ монархическихъ — законъ существуетъ, и тамъ, гдѣ онъ точенъ, — судья ему слѣдуетъ; тамъ же, гдѣ онъ не точенъ, онъ приспособляется къ его смыслу. Въ республиканскомъ правительствѣ, по свойству конституціи, — судья слѣдуетъ буквѣ закона. Нѣтъ такого гражданина, противъ котораго можно было бы истолковать законъ, когда дѣло идетъ объ его имуществѣ, чести или жизни“ ²⁾.

Беккарія только обобщилъ это послѣднее положеніе и,

¹⁾ Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права.

²⁾ Montesquieu — De l'ésprit des lois. Изд. 1803 г., Кн. VI, гл. III стр. 186.

устранивъ изъ него политическій элементъ (въ чемъ и заключается его главная и несомнѣнная заслуга), исключительно занялся юридической его стороной. Въ своемъ трактатѣ „О преступленіи и наказаніи“, 1764 г. ¹⁾ онъ излагаетъ слѣдующія правила относительно толкованія законовъ: „Власть интерпретировать уголовные законы не можетъ принадлежать уголовному судѣ, потому что онъ не законодатель. По поводу всякаго преступленія судья дѣлаетъ одинъ полный силлогизмъ, при чемъ большой посылкой долженъ быть общій законъ, малую посылкой—данное дѣяніе, противное или непротивное закону, а заключеніемъ—оправданіе или наказаніе. Какъ только судья захочетъ или вынужденъ будетъ сдѣлать больше, онъ уже на пути къ ошибкамъ.

Ничего нѣтъ опаснѣе той обыкновенной аксіомы, которая говоритъ, что слѣдуетъ руководствоваться внутреннимъ смысломъ закона; эта аксіома даетъ слишкомъ большой просторъ неистощимому потоку различныхъ мнѣній объ извѣстномъ законѣ. Всѣ наши мысли и познанія находятся во взаимной связи; чѣмъ болѣе они сложны, тѣмъ болѣе взаимныхъ сообщеній между ними. Всякій человѣкъ имѣетъ свою точку зрѣнія, которая у каждаго въ одно время бываетъ одна, въ другое—другая. Внутренній смыслъ закона, слѣдовательно, будетъ результатомъ хорошей или дурной логики судьи, хорошаго или дурнаго состоянія его пищеваренія; онъ будетъ зависѣть отъ той или другой страсти судьи, отъ его отношеній къ потерпѣвшему лицу, отъ слабости подсудимаго и вообще отъ всѣхъ тѣхъ незначительныхъ обстоятельствъ, которыя такъ легко измѣняютъ въ непостоянномъ человѣческомъ умѣ обликъ всѣхъ разсматриваемыхъ имъ предметовъ. Затѣмъ, мы видѣли бы, какъ участь гражданина мѣнялась бы безпрестанно, проходя черезъ различные суды, и какъ жизнь несчастныхъ дѣлалась бы жертвой ложныхъ сужденій или минутнаго настроенія духа его судьи, который считалъ бы законной интерпретаціей результатъ неопредѣленныхъ и

---

¹⁾ *Vessaria—Dei delitti e delle pene*. 1764 г. Русскій переводъ Соболева, изд. 1878 г., § 4, стр. 31—33.

смутныхъ представлений, проходившихъ въ его умѣ. Далѣе, мы видѣли бы, что одни и тѣ же преступленія однимъ и тѣмъ же судомъ въ разное время наказывались бы различно: не по неизмѣнному и опредѣленному голосу закона, а по сбивчивой и шаткой интерпретаціи. Беспорядокъ, который можетъ произойти отъ строгаго соблюденія буквы уголовного закона, никакъ нельзя поставить въ сравненіе съ тѣмъ беспорядкомъ, который происходитъ отъ интерпретаціи. Минутное неудобство, происшедшее отъ перваго, вызываетъ, разумѣется, необходимую и весьма легко исполнимую поправку въ текстъ закона, который былъ причиной ошибки; но затѣмъ строгое соблюденіе буквы закона устраняетъ роковой произволъ умствованія, порождающаго необузданныя и продажныя толкованія“.

Благодаря авторитету Монтескье и Беккари, теорія, обязывавшая судью рабски примѣнять законъ и не идти дальше грамматическаго его толкованія, вскорѣ сдѣлалась общепринятой между криминалистами. Всѣ вновь составленные проекты кодексовъ содержали даже угрозу наказаніемъ за свободное толкованіе. Баварскій кодексъ 1813 г. (*Allgemeines Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern, 1813*) формулировалъ этотъ вопросъ подобнымъ образомъ, запретивъ издавать какіе бы то ни было частныя комментаріи на уголовные законы¹⁾.

Но теорія эта, обращавшая судью въ простую машину при примѣненіи закона и препятствовавшая ему быть совѣстливымъ и разумнымъ его исполнителемъ, вскорѣ оказалась вредною и для самаго правосудія, потому что уничтожала возможность примѣнять законъ, согласно безконечному разнообразію случаевъ, создаваемыхъ жизнью. „Безъ сомнѣнія“—говоритъ Faustin Hélie²⁾—„судья не долженъ идти противъ закона яснаго; но онъ долженъ однако же воодушевляться духомъ законодателя, проникаться мотивами, которые диктовали этотъ текстъ, и не колебаться въ расширеніи его

¹⁾ См. Кистяковскій—Элементарный учебникъ общаго уголовного права.

²⁾ Faustin Hélie—Введеніе къ изданію сочиненія Беккари—„О преступленіи и наказаніи“, 1854 г.

смысла всякій разъ, какъ только логическое толкованіе приводитъ его къ этому распространенію. Намъ кажется, что чисто буквальное толкованіе, строго понимаемое, будетъ имѣть послѣдствія неудободопускаемыя. Можно ли допустить, чтобы уголовный законъ былъ столь старательно написанъ, что каждое изъ его выраженій должно быть принято въ самомъ абсолютномъ его значеніи? Должно ли искать въ текстѣ не его дѣйствительнаго смысла, а смысла нелогическаго, который порочное изреченіе или его грамматическая конструкція ему сообщаютъ? Возможно ли, чтобы общее примѣненіе законнаго правила, когда оно ясно написано, было подчинено невозможному условію, по которому ни одна фраза, ни одно слово не могутъ возбудить какого-нибудь возраженія, какого-нибудь затрудненія? Языкъ наукъ моральныхъ еще несовершененъ, и редакція уголовного закона по одному тому, что она стремится обобщить эти формулы, не можетъ имѣть точности. Слѣдуетъ ли останавливаться на каждой части его фразъ, подъ предлогомъ, что выраженіе его неопредѣленно, двусмысленно или допускаетъ многія значенія? Нужно ли ожидать при каждой тѣни закона, чтобы законодатель ее разсѣивалъ? Законъ уголовный, какъ и всѣ законы, имѣетъ общіе принципы,—совокупность положеній, которыя другъ съ другомъ связаны,—тексты, которые одушевляются и движутся духомъ правилъ, которыя они примѣняютъ. Законъ есть систематическая работа общей теоріи, примѣненіе доктрины, которая господствуетъ надъ нимъ всецѣло. Очевидно, что онъ можетъ жить трудомъ научнаго толкованія, которое сближаетъ и соединяетъ его выраженія, которое объясняетъ его темныя изреченія, которое извлекаетъ его общія правила и обезпечиваетъ его авторитетъ“.

Вотъ тѣ возраженія противъ теоріи Беккаріи, которыя справедливо высказывались представителями науки и которыя вызвали въ жизни новую, нынѣ господствующую теорію. Съ точкой зрѣнія послѣдней мы уже знакомы.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили, насколько позволилъ имѣвшійся въ нашихъ рукахъ матеріалъ, послѣдовательную смѣну теорій о юридическомъ толкованіи уголовныхъ зако-

новѣ и аналогическомъ ихъ примѣненіи въ исторіи науки уголовного права и западно-европейскаго законодательства, и указали, что господствовавшій въ средніе вѣка въ Западной Европѣ произволь судей—въ значительной степени объясняется вліяніемъ римскаго права.

Теперь обратимся къ исторіи русскаго законодательства и посмотримъ, въ какомъ смыслѣ оно разрѣшало и разрѣшаетъ интересующій насъ вопросъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДВА ПРОЕКТА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕНАТА

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

(1788 и 1794 годовъ).

Сообщилъ и снабдилъ замѣчаніями

Н. М. Коркуновъ.

Въ архивѣ Государственнаго Совѣта хранятся два очень любопытныхъ проекта преобразования Сената, составленныхъ собственно неизвѣстно кѣмъ, но, судя по содержанію ихъ, отражающихъ на себѣ очень ярко вліяніе ученій Беккари и Екатерининскаго Наказа, а также потому, что оба проекта наполнены многими собственноручными Императрицы Екатерины II поправками и иногда очень обширными дополненіями и теоретическими поясненіями, въ нихъ можно видѣть произведеніе самой Екатерины, особенно проектъ 1794 года. Онъ имѣется вполнѣ переписанный рукою писаря въ бумагахъ Комитета 6 декабря 1826 года подъ № 7 и на этомъ экземплярѣ рукою, по свидѣтельству Штендмана, Кизицкаго написано: „Изъ собственноручныхъ сочиненій покойной Государыни Императрицы“. Поэтому имѣется основаніе проектъ, по крайней мѣрѣ въ редакціи 1794 года, считать непосредственнымъ произведеніемъ самой Екатерины II. Самый языкъ проектовъ очень похожъ на языкъ Екатерины. Кромѣ того въ запискѣ о Сенатѣ, составленной лицомъ очень близкимъ ко двору, приславшимъ ее къ графу Воронцову 19

мая 1801 года, говорится между прочимъ, что „покойная Императрица чувствовала сама, сколь нужно Сенатъ устроить и тѣмъ весьма заниматься изволила. Изъ бумагъ Ея Величества многое и по сей матеріи для заимствованія найдется“.

Два эти проекта во многомъ совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ. Поэтому мы напечатаемъ цѣликомъ только болѣе краткій проектъ 1788 года и затѣмъ укажемъ, чѣмъ отличается отъ него болѣе объемистый проектъ 1794 года.

Вотъ проектъ 1788 года:

Проектъ учрежденія Сената 1788 года.

1. Богомъ Намъ врученною Самодержавною властію подтверждаемъ учрежденіе и установленіе Управительнаго Сената.

2. Въ Сенатѣ да не предсѣдаетъ никто окромѣ Особы Императорскаго Величества.

3. Сенату надлежитъ состоять изъ особъ трехъ первыхъ классовъ, кому изъ нихъ отъ Императорскаго Величества нынѣ или впредь повелѣно будетъ засѣдать и сидѣть по рангамъ и старшинству.

4. Государевы намістники или генераль-губернаторы, когда приѣдутъ въ столицу, и главнокомандующій въ столицѣ засѣдаютъ въ Сенатѣ въ общемъ собраніи и каждый въ томъ департаментѣ, гдѣ вѣдомы дѣла его вѣдомства; и въ ономъ бываетъ онъ ходатаемъ по дѣламъ ввѣренной ему губерніи и имѣетъ голосъ такъ, какъ и прочіе засѣдающіе въ Сенатѣ.

5. Государственныхъ коллегій: Иностранной первый предсѣдатель, Военной первый предсѣдатель, Адмиралтейской первый предсѣдатель, засѣдаютъ въ Сенатѣ въ случаѣ: 1) когда какія нужныя вѣдомости; 2) когда новый какой указъ въ Государствѣ обнародовать надлежитъ; 3) когда судъ генеральный; 4) или какое новое дѣло рѣшенія требующее; 5) когда Императорское Величество присутствуетъ и о томъ присутствіе предварительно учинена повѣска.

6. Законовѣдецъ засѣдаетъ въ Сенатѣ въ общемъ собраніи и въ томъ департаментѣ, гдѣ вѣдомы дѣла касательно суда и расправы и имѣетъ голосъ такъ, какъ и прочія засѣдающіе въ Сенатѣ.

7. Государственный казначей засѣдаетъ въ Сенатѣ въ общемъ

собраніи, и въ четвертомъ департаментѣ, и имѣеть голосъ, такъ, какъ и прочіе засѣдающіе въ Сенатѣ.

8. Присяга засѣдающаго въ Сенатѣ: „Объщаюсь азъ (имя рекъ) предъ Господемъ Богомъ сотворшимъ вселенная, что мнѣ честно и чисто, не лѣбно, но паче ревностно исполнять званіе свое, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ всемогущій: во-первыхъ, вѣрность къ Особѣ Императорскаго Величества и всему Государству. второе, Правду и Правый судъ какъ между народомъ, такъ и въ дѣлѣ Государственномъ. третіе, въ збираніи казны и людей и прочаго всего, чего Императорскаго Величества и Государства сего интересы требуютъ, какое оныя званіе ни имѣють, все то истинно исполнять до послѣдней своей изданія силы ¹⁾, и въ томъ во всемъ ниже для взятку какова, ниже для страха какова отъ кого, ниже шадя кого для чего, или мстя кому за что, но нелицемѣрно поступать; въ чемъ общаюся нынѣ предъ престоломъ Божиимъ въ церквѣ Его святой видимымъ, памятуя будущій престолъ и на немъ Сѣдящаго въ день страшнаго испытанія, иже воздастъ комуждо по дѣломъ его, отъ котораго тогда да будетъ месть мнѣ, здѣсь же гражданское осужденіе, ежели не храня моего здѣ обѣщаннаго. Въ заключеніи же сего моего обѣщанія цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, Аминь“.

О раздѣленіи Сената на департаменты.

9. Сенатъ раздѣляется на четыре департамента.

10. Въ департаментѣ Сената засѣдаетъ не менѣе трехъ засѣдателей Сената.

О первомъ департаментѣ.

11. Первому департаменту Сената поручаются, вносятся, производятся и отправляются въ ономъ всѣ государственныя дѣла, и исполнительнаго и скорого отправленія, или приказанія требующія; такъ же и тѣ, о которыхъ противорѣчія, или спора быть не можетъ. По таковымъ дѣламъ жалобы вносятся въ первый департаментъ Сената и отъ онаго дѣляется понужденіе. Буде же какое дѣло окажется не безспорно, и нѣкоторому сомнѣнію подлежащее, тогда отсылается для разобранія спорующихся въ то мѣсто куда надлежитъ.

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ—теперь мы сказали бы „до потери послѣднихъ своихъ силъ“.

12. Кто губернскимъ или намѣстническимъ правленіемъ недоволенъ, тотъ жалобу свою приносить имѣть въ первый департаментъ Сената; туда же слѣдуютъ прошенія о проволочкѣ, и по онымъ понужденіе дѣлается отъ перваго департамента Сената по разсмотрѣнію обстоятельствъ.

13. Первый департаментъ Сената во Всероссийской Имперіи: 1) простираетъ прилѣжное бдѣніе дабы законы были исполняемы; 2) взыскаііе чинитъ съ непослушныхъ, роптивыхъ, лѣвивыхъ и медлительныхъ, пеню на нихъ налагаетъ, и буде не исправляется, то оныхъ къ суду отсылаетъ; 3) тщаніе имѣть дабы учрежденія полицейскія или благочинія и торговли сохраняемы и исполняемы были; 4) всеіі неурядки законамъ противныя заблаговременно прекращаетъ; 5) прилѣжное стараніе имѣть о установленіи, утвержденіи и сохраненіи всякаго рода благонравія, порядка и тишины.

14. Понеже правленіе губернское или намѣстническое есть то мѣсто, которое управляетъ въ Силу Законовъ Именемъ Императорскаго Величества всею губерніею, обнародываетъ и объявляетъ повсюду въ подчиненныхъ оному областяхъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія Императорскаго Величества, и выходящія изъ Сената и изъ прочихъ Государственныхъ мѣстъ на то власть имѣющихъ; того для Сената первый департаментъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія до губерніи надлежачія отсылаетъ въ правленія Губернскія и Намѣстническія и отъ оныхъ принимаетъ рапорты и доношенія.

О второмъ департаментѣ.

15. Второму департаменту Сената поручаются особенно уголовныя дѣла и слѣдственныя въ преступленія должностей.

16. Буде кто не доволенъ рѣшеніемъ палаты уголовного суда, тотъ жалобу свою приносить имѣть во второй департаментъ Сената; но да распишитея вмѣсто присяги, что онъ по истинѣ думаетъ, что онъ правое дѣло имѣть. Стряпчіе уголовныхъ дѣлъ вмѣсто присяги расписаться же должны. Во второй департаментъ Сената Главный Стряпчій Уголовныхъ дѣлъ по согласію Генераль-Прокурора требованія свои приносить по его должности.

17. Сената Уголовный департаментъ получа изъ верхняго уголовного суда слѣдствіе уголовного преступленія, не теряя времени, прилѣжно входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, и учинитъ въ силу законовъ приговоръ, который отсылается при описаніи

дѣла въ полное Сената собраніе для ревизіи о порядочномъ производствѣ и рѣшеніи дѣла.

Тутъ слѣдуютъ два собственноручныхъ замѣчанія Екатерины II.

Буде кто уйдетъ изъ подъ суда или караула по уголовному дѣлу и явится въ столицѣ, то отсылать его въ верховной уголовной судъ.

Буде кто по двумъ или болѣе уголовныхъ дѣлъ осужденъ въ двухъ или болѣе губерніи, то отослать его въ верховной уголовной судъ.

18. Дѣло благороднаго впадшаго въ уголовное преступленіе и по Законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія во второй департаментъ Сената и конфирмаціи Императорскаго Величества.

19. Дѣла въ похищеніи казны или народныхъ денегъ, такъ же казначеевъ и цалмейстеровъ, гдѣ начнутся, привести предписаннымъ порядкомъ къ концу, но не верша, взнести въ Сенатъ (во второй департаментъ), гдѣ разсмотря со мнѣніемъ доложить Императорскому Величеству.

20. Буде не случится уголовныхъ дѣлъ, тогда второй департаментъ Сената раздѣляетъ трудъ съ третьимъ департаментомъ Сената въ отправленіи гражданскаго правосудія.

21. Второй департаментъ Сената во Всероссійской Имперіи: 1) простираетъ прилѣжное бдѣніе дабы законы по части уголовной были исполняемы; 2) по закону части уголовной взысканіе чинится съ непослушныхъ, роптливныхъ, лѣнивыхъ и медлительныхъ, пеню на нихъ налагаетъ и буде неисправляются, то оныхъ къ суду отсылаетъ.

22. Понеже палата уголовного суда въ губерніи ничто иное есть, какъ юстицъ-коллегіи департаментъ, которому поручены особенно уголовныя дѣла и слѣдственные дѣла въ преступленіи должностей; того для второй департаментъ Сената законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія по уголовнымъ дѣламъ отсылаетъ въ уголовныя палаты и отъ оныхъ по тѣмъ дѣламъ принимаетъ рапорты и доношенія.

О третьемъ департаментѣ.

23. Третьему департаменту Сената поручается апелліація на коллегіи или палаты касательно гражданскаго суда.

24. Буде кто недоволенъ рѣшеніемъ палаты гражданскаго суда,

тотъ жалобу свою приносить имѣть въ третій департаментъ Сената, какъ и пысь на коллегіи; но напередъ да внесетъ двѣсти рублей въ палату гражданскаго суда. Сіи деньги въ палатѣ вѣрно и хранятся до рѣшенія Сената. Сверхъ же того переноситель да распишется самъ вмѣсто присяги, что онъ по истиннѣ думаетъ, что онъ правое дѣло имѣть; и буде Сенатъ его обвинить тогда внесенныя деньги изъ палаты отдадутся въ приказъ общественнаго призрѣнія. Стряпчіе казенныхъ дѣлъ отъ взносу двухъ сотъ рублей увольняются, ибо ихъ должность есть общественная, только вмѣсто присяги расписаться должны. Въ третій департаментъ Сената Главный стряпчій казенныхъ дѣлъ по согласію Генераль-Прокурора требованія свои приносить по его должности.

25. Третій департаментъ Сената во Всероссийской Имперіи: 1) простираетъ прилѣжное бдѣніе дабы законы по части гражданскаго суда и расправы были исполняемы; 2) по закону части гражданскаго суда и расправы взысканіе чинить съ непослушныхъ, роотивыхъ, лѣнивыхъ и медлительныхъ, пеню на нихъ налагаетъ и буде не исправляются, то оныхъ къ суду отсылаетъ.

26. Понеже палата гражданскаго суда въ губерніи ничто иное есть, какъ соединенный департаментъ Юстиціи и Вотчинной коллегіи, которому поручена аппелляція для ревизіи гражданскихъ дѣлъ на верхній земскій судъ, (верхній надворный судъ, гдѣ оный учрежденъ), губернской магистратъ и верхнюю расправу въ губерніи; того для третій департаментъ Сената законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія по части гражданскаго суда и Расправы отсылаетъ въ Гражданскія палаты и отъ оныхъ по тѣмъ дѣламъ принимаетъ рапорты и доношенія.

О четвертомъ департаментѣ.

Тутъ собственноручная приписка Екатерины:

„Четвертый департаментъ дѣлится на слѣдующія отдѣленія: 1) отдѣленія экономіи; 2) торго и таможенн; 3) горное; 4) соляныхъ дѣлъ и винныхъ; 5) ревизское; 6) доходовъ и расходовъ 7) строительное.

27. Четвертому департаменту Сената поручаются государственныя домостроительныя и казенныя дѣла, какъ то вѣдомости о числѣ народа, ревизіонныя сказки, свѣденія о приходѣ и расходѣ, ревизія счетовъ, соляныя дѣла, винный откупъ и подряды, казенныя права, казенныя и публичныя строенія и ихъ содержаніе. Сей департаментъ ни кого не судить, но производить требованія

свои о дѣлахъ, о которыхъ противорѣчія быть не можетъ, какъ о такихъ дѣлахъ предписано. О прочихъ же дѣлахъ, кои не безспорны, или сомнѣнію подлежащія, производитъ требованіе Сенатскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ.

28. Какъ четвертому департаменту Сената поручается свѣденіе всякаго рода казеннаго сбора законами установленнаго и собираемаго въ Государствѣ; то равномѣрно четвертый департаментъ накрѣпко смотрѣть имѣеть, дабы съ народа никакіе запрещенные сборы собираемы не были, а гдѣ таковыя усмотритъ, то чрезъ стряпчаго казенныхъ дѣлъ требованіе производитъ въ то мѣсто, куда надлежитъ.

29. Четвертый департаментъ Сената въ разсужденіи доходовъ Императорскаго Величества смотритъ вообще: 1) дабы доходы сполна и въ настоящее время собраны были; 2) дабы доходы куда надлежитъ доставлены; 3) дабы доходы въ цѣлости сохраняемы были.

30. Государственный казначей сочиняетъ погодно вѣрный перечень о доходахъ каждой губерніи, и старается дабы сіи перечни были исправны и точны, и представить ихъ и всѣ свѣденія о доходахъ и расходахъ Имперіи Императорскому Величеству.

31. Четвертый департаментъ Сената въ Всероссійской Имперіи: 1) простираетъ прилежное бдѣніе дабы законы по части казенныхъ дѣлъ были исполняемы; 2) по закону части казенныхъ дѣлъ взыскапіе чинится съ непослушныхъ, роптивныхъ, лѣнивыхъ и медлительныхъ, пеню на нихъ налагаетъ, и буде неисправляются, то оныхъ къ суду отсылаетъ.

32. Понеже казенная палата въ губерніи ни что иное есть, какъ соединенный департаментъ Камеръ и Ревизіонъ коллегій, которому поручены въ смотрѣніе домостроительныя и казенныя дѣла въ губерніи, какъ то вѣдомости о числѣ народа, ревизіонныя сказки, свѣденія о приходѣ и расходѣ, ревизіяхъ счетовъ, солянныя дѣла, винный откупъ и подряды, казенныя всякія права, казенныя и публичныя строенія и ихъ содержаніе въ губерніи; съ такою противъ камеръ коллегіи отмѣною, что казенная палата никого не судитъ, но производитъ требованія свои какъ о томъ въ 118-й статьѣ учрежденій ноября 7-го дня 1775 года предписано; того для четвертый департаментъ Сената законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія по казеннымъ дѣламъ части, отсылаетъ въ казенныя палаты, и отъ оныхъ принимаетъ рапорты и доношенія.

О департаментахъ Сената вообще.

33. Засѣдающій въ Сенатѣ есть ходатай за пользу общую и дѣла Императорскаго Величества, заступникъ угѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ; онъ долженъ показать въ поступкахъ своихъ доброхотство, любовь и соболѣзнованія къ народу.

34. Раздѣленіе Сената на четыре департамента есть временное и неперемѣнное или непоколебимое, но можетъ быть перемѣнено тогда, когда свойства раздѣленія или дѣлъ для общаго добра выгоднѣе находится будетъ; но къ сему да не приступится инако, какъ съ доклада Императорскому Величеству.

35. Всѣ департаменты Сената суть въ равной силѣ и достоинствѣ, и ни одинъ департаментъ Сената передъ другимъ преимуществва не имѣетъ.

36. Дѣла, кои вновь какого постановленія, или перемѣны требуютъ, имѣютъ быть прежде разсуждаемы въ департаментѣ до котораго принадлежать, и потомъ въ общемъ собраніи департаментовъ Сената дѣлать точное положеніе къ докладу Императорскому Величеству.

37. Департамента Сената рѣшеніе да почтется рѣшеніемъ всего Сената.

38. Департаментъ Сената да не рѣшитъ инако, какъ единогласно по точному разуму и словамъ Государственныхъ Узаконеній.

39. Буде рѣшеніе котораго департамента къ объявленію слѣдуетъ, то да объявится при открытыхъ дверяхъ.

40. Буде рѣшеніе котораго департамента къ обнародованію слѣдуетъ, да отошлется въ первый департаментъ Сената для обнародованія.

41. Буде которому департаменту Сената нужно по дѣламъ сообщеніе съ другимъ департаментомъ Сената, да произведутъ сообщеніе между собою; въ случаѣ медленнаго отвѣта, доложить о томъ Императорскому Величеству посредствомъ Генераль-Прокурора.

42. Департаментъ Сената избѣгаетъ случая входить во власть другаго департамента Сената.

43. Одинъ департаментъ Сената не можетъ отмѣнить рѣшенія другаго департамента Сената, ни собственныхъ своихъ перевершать.

44. Департаментъ Сената да не пошлетъ указы, токмо въ подчиненныя тому департаменту мѣста.

45. Буде кто недоволенъ рѣшеніемъ департамента Сената, тотъ чрезъ недѣлю неудовольствіе свое да объявитъ Сенату, и

тогда жалобу свою приносить можетъ Императорскому Величеству, какъ и нынѣ; но на передѣ да распишется самъ вмѣсто присяги, что онъ по истинѣ думаетъ, что онъ правое дѣло имѣеть и буде дѣло его найдется не правое, то подвергается казни.

46. Переносъ дѣла изъ Сената къ Императорскому Величеству запрещается, буде о томъ дѣлѣ трехъ судебныхъ мѣстъ одинакія рѣшенія послѣдовали.

47. Рѣшеніе Сената въ гражданскихъ дѣлахъ исполняется, не смотря на переносъ.

О Сенатѣ вообще.

48. Сенатъ не есть судебное мѣсто, но хранилище Императорскаго Величества изданнаго узаконенія.

49. Сенатъ бывъ хранилище законовъ да управляетъ и рѣшитъ по силѣ и словамъ Закона Именемъ Императорскаго Величества, обнародываетъ и объявляетъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія Императорскаго Величества.

50. Управительнаго Сената Указу всякъ въ Россійской Имперіи да будетъ послушенъ, такъ какъ самому Императорскому Величеству, подъ опасеніемъ строгаго законнаго взысканія.

51. Буде въ которое правленіе или палату или иное мѣсто получится изъ Сената законъ, указъ, учрежденіе, повелѣніе, приказаніе или рѣшеніе по дѣламъ, то ни мало не мѣшкавъ, отвѣтствовать въ тотъ же день или на другой, что принято, и по оному, что мочно въ какое время здѣлать или чего не мочно и за чемъ. Буде же дѣло такое, что въ тотъ же день или на другой отвѣтомъ исправить не возможно, то по полученіи отвѣтствовать на другой день, что принято, и въ семь случаѣ дается время единая недѣля на составленіе обстоятельнаго отвѣта, или же на присылку оправданія для чего обстоятельный отвѣтъ не присланъ, и сіе чинить подъ опасеніемъ строгаго законнаго взысканія.

52. Понеже Сенатъ есть хранилище законовъ, того для Государственныя палаты (или коллегіи) правленія губернскія или на мѣстническія и прочія мѣста въ случаѣ вновь издаваемыхъ и къ нимъ присланныхъ Императорскаго Величества законовъ, учрежденій, и указовъ имѣютъ оныя сообщать въ Сенатъ для записанія и внесенія въ книгу за руками всего Сената.

53. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ или чрезвычайныхъ или при полученіи новаго общенароднаго узаконенія, для уваженія дѣлъ Сенатъ въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи собирается;

При случаѣ же новаго общаго узаконенія, буде законъ въ чемъ неудобенъ усмотрится, то дозволяется Сенату вообще единогласно дѣлать свои представленія Императорскому Величеству; а въ случаѣ подтвержденія отъ Самодержавной власти, непремѣнное и безмолвное исполненіе послѣдовать имѣть.

54. Въ Сенатъ вносятся, производятся и отправляются въ ономъ дѣла слѣдующія: 1) буде случится въ палатѣ или коллегіи или въ губернскомъ или намѣстническомъ правленіи дѣло, которое въ той палатѣ или коллегіи или губернскомъ правленіи рѣшить не возможно, то таковыя дѣла приносить или присылать въ Сенатъ; 2) о дѣлѣ не принадлежащемъ коллегіи, яко то: о нападеніи непріятельскомъ на границы или начатіи войны, о народномъ ослушаніи, о морѣ или язвѣ или иныхъ необычныхъ припадеахъ или приключеніяхъ.

55. Два статскіе дѣйствительные совѣтника и два статскіе совѣтника опредѣляются въ каждый департаментъ Сената для доклада дѣлъ.

56. Каждый департаментъ Сената имѣть Сенатскаго прокурора, Сенатскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ и Сенатскаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ. Сіи стряпчие приносятъ свои жалобы въ Сенатъ по ихъ должностямъ; и буде жалоба уваженія достойна, тогда департаментъ прикажетъ имъ жалобу производить, гдѣ по существу дѣла надлежитъ.

57. Предсѣдателей палатъ, предсѣдателей верхнихъ земскихъ судовъ, Сенатъ, избирая достойныхъ людей на каждое порожнее мѣсто по два, внесетъ о томъ докладъ къ Императорскому Величеству и ожидаетъ повелѣнія.

58. Предсѣдателей верхняго надворнаго суда Сенатъ, избирая достойныхъ людей на каждое порожнее мѣсто по два, внесетъ объ этомъ докладъ къ Императорскому Величеству и ожидаетъ повелѣнія.

59. Въ губернское или намѣстническое правленіе и въ палаты совѣтники и ассесоры опредѣляются Сенатомъ.

Тутъ же на приклеенномъ маленькомъ листкѣ, озаглавленномъ 22 листомъ, дано совсѣмъ другое содержаніе этихъ трехъ параграфовъ: 57, 58, 59.

§ 57. Подтверждается Управительному Сенату власть и право по представленіямъ, удостоеніямъ и заслугамъ награждать чинами до шестаго класса, всѣхъ при дѣйствительномъ

исправленіи дѣлъ находящихся, окомѣ служащихъ въ морскихъ и сухопутныхъ войскахъ Имперіи Всероссийской.

§ 58. О награжденіи чинами шестаго, пятаго и четвертаго класса, окомѣ служащихъ въ морскихъ и сухопутныхъ войскахъ, Сенатъ вноситъ докладъ къ Императорскому Величеству съ прописаніемъ службы, способностей и заслугъ тѣхъ людей, о коихъ представляютъ.

§ 59. Всѣмъ пожалованнымъ отъ Императорскаго Величества или отъ Сената и находящимся въ столицѣ чины сказывать въ Сенатѣ, какъ и нынѣ и приводить ихъ къ присягѣ.

Эти §§ писаны тою же самою рукой, что и весь этотъ проектъ; это очевидно *не замѣна* §§ проекта, а *дополненіе ихъ*; но тогда нужна другая нумерація и помѣстить ихъ слѣдовало бы послѣ § 66 какъ §§ 67, 68, 69, такъ какъ всѣ §§ 57—66 говорятъ вовсе не о пожалованіи чинами, а о назначеніи на должности.

60. Верхняго надворнаго суда совѣтники, стряпчій казенныхъ дѣлъ и стряпчій уголовныхъ дѣлъ и ассесоры опредѣляются Сенатомъ.

61. Экономіи директоры, губернскіе казначеи, первые и вторые предсѣдатели, предсѣдатели губернскихъ магистратовъ, первые и вторые предсѣдатели верхнихъ Расправъ опредѣляются по представленію губернскихъ или намѣстническихъ правленій изъ достойныхъ людей Сенатомъ.

62. Городничіе опредѣляются Сенатомъ по представленію губернскаго или намѣстническаго правленія.

63. Губернскій прокуроръ, прокуроръ земскаго суда, прокуроръ губернскаго магистрата, прокуроръ верхней Расправы опредѣляются Сенатомъ по предложенію Генераль-Прокурора.

64. Прокуроръ верхняго надворнаго суда опредѣляется Сенатомъ по предложенію Генераль-Прокурора.

65. Губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ и губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ опредѣляются Сенатомъ.

66. Верхняго земскаго суда стряпчій уголовныхъ дѣлъ и стряпчій казенныхъ дѣлъ; губернскаго магистрата стряпчій уголовныхъ дѣлъ и стряпчій казенныхъ дѣлъ; верхней расправы стряпчій уголовныхъ дѣлъ и стряпчій казенныхъ дѣлъ опредѣляются по представленію палатъ Сенатомъ.

О Сенатскомъ обрядѣ во отправленіи должности.

67. Когда въ департаментѣ Сената дѣло къ слушанію готово, тогда совѣтники того департамента въ присутствіи жребій выдаютъ, кому изъ нихъ достанется по сему дѣлу докладывать Сенату. При докладѣ совѣтника, на котораго палъ жребій, засѣдающіе въ департаментѣ прилѣжно смотрятъ, дабы изъ дѣла ничего пропущено не было, и докладъ учиненъ былъ съ точностію, чистосердечно и сходно съ истинною. Буде дѣло переносное, то подлинное рѣшеніе и приказаніе или мнѣніе тѣхъ судовъ или мѣстъ должно быть прочтено, дабы усмотрѣть можно было точность доклада во всѣхъ обстоятельствахъ.

68. По окончаніи доклада, когда засѣдающіе совершенно поняли, какъ существо, такъ и обстоятельства предлагаемаго имъ дѣла, по достаточному уваженію и зрѣлому испытанію околичностей, безъ медлѣнія приступаютъ къ рѣшенію, и начнутся мнѣнія.

69. Совѣтникъ, который докладывалъ, передъ начатіемъ мнѣнія скажетъ существо дѣла, потомъ буде дѣло уголовное или судное, доказательства, и, наконецъ, здѣлаетъ заключеніе по точному разуму и словамъ государственныхъ узаконеній; на что же узаконенія нѣтъ, или окажется сомнѣніе въ двугласномъ понятіи узаконенія, тогда предлагается недостатокъ и требуется заключеніе Сенатскаго прокурора.

70. Изъ засѣдающихъ по старшинству, младшіе напередъ скажутъ свое мнѣніе.

71. Единогласіе засѣдающихъ дѣло рѣшить.

72. Засѣдающій въ Сенатѣ да не перебиваетъ одинъ у другаго рѣчь, но всякъ изъ нихъ имѣетъ долгъ и должность терпѣливо и въ молчаніи выслушивать разсужденіе, мнѣніе, предложеніе, голосъ по должности, такъ какъ и самое дѣло.

73. Буде случится, что мнѣніе засѣдающихъ разнствуетъ отъ мнѣнія докладчика, тогда совѣтникъ долженствуетъ внести письменно свое мнѣніе и оное сохранить при дѣлѣ.

74. Понеже каждый департаментъ Сената имѣетъ ему порученное дѣло производить и рѣшить по точной силѣ и словамъ закона, слѣдовательно въ рѣшеніи дѣлъ разногласія быть не должно, но буде бы паче чаянія раздѣленіе голосовъ засѣдающихъ въ департаментѣ оказалось въ дѣлѣ исполнительномъ, уголовномъ, судномъ или казенномъ, тогда дѣло не рѣша, выслушать заключеніе Сенатскаго прокурора того департамента, и потомъ со-

вѣтникъ разсужденіями старается отвратить раздѣленіе голосовъ; но буде въ томъ успѣха нѣтъ, тогда дѣло не рѣша, вносятъ въ общее собраніе и притомъ съ каждаго засѣдающаго пять рублей подаенія въ Приказъ общественного призрѣнія столичнаго города, гдѣ засѣданіе имѣется, о чемъ въ тотъ же часъ совѣтникъ и прокуроръ, сей же стряпчему казенныхъ дѣлъ и Губернатору для непремѣннаго взысканія буде засѣдающій поданія въ тотъ же часъ не заплатитъ. Буде же совѣтникъ или прокуроръ не выполнитъ чего въ сей статьѣ предписаннаго, то взыскать съ нихъ самихъ Генераль-Прокуроръ имѣеть вдвое чрезъ уголовного стряпчаго въ верхній уголовный судъ, ибо сіе уже точно почтется нарушеніемъ должности; Генераль же прокуроръ предъ Императорскимъ Величествомъ отвѣтствовать имѣеть въ точномъ исполненіи предписаннаго здѣсь, подъ опасеніемъ лишенія довѣренности по его мѣсту, понеже подаеніе неимушимъ принадлежитъ, которыхъ того лишитъ не должно ни подъ какимъ видомъ.

75. Дѣла, кои постановленія или перемѣны къ лучшему требуютъ имѣють быть во первыхъ разсуждаемы въ департаментѣ Сената и потомъ въ общемъ собраніи учинить точное положеніе къ докладу Императорскому Величеству.

76. Понеже для сноснѣшествованія управленію и правосудію и для сохраненія добраго законами установленнаго порядка въ Сенатѣ, сколь въ разсужденіи засѣдающихъ, столь и по важности дѣлъ, полезно есть снабдить Сенатъ нарочными людьми, коимъ предписано и коихъ долгъ есть быть бдителями о исполненіи узаконеній, взыскателями наказаній за преступленія, охранителями невинности; и для того опредѣляются въ каждый департаментъ: Сенатскій прокуроръ, сенатскіе стряпчіе казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ.

77. Буде случится (въ департаментѣ Сената) дѣло такого существа, что изъ онаго родится сомнѣніе, или запросъ въ которой департаментъ Сената, или до какого мѣста производство надлежитъ, или во всякомъ иномъ дѣлѣ, гдѣ у засѣдающихъ въ департаментѣ Сената родится можетъ о узаконеніи сомнѣніе, то сообщить то дѣло Сенатскому прокурору и выслушивать его заключеніе прежде рѣшенія, и потомъ рѣшить дѣло. Подобныя же заключенія Сенатской прокуроръ обязанъ сообщать Генераль-Прокурору и отъ него принимать поправленія заключеніемъ, сходственнымъ общимъ установленіямъ.

78. Буде (въ департаментѣ Сената) случится дѣло такого суще-

ства, что оно вмѣстѣ и частное и общественное, или частное, но касается и до казеннаго интереса, то сообщается Сенатскому прокурору и выслушиваютъ его заключенія прежде рѣшенія.

79. Сенатскимъ прокурорамъ или стряпчимъ ни кто да не перебываетъ рѣчь, но терпѣливо и въ молчаніи да выслушиваютъ ихъ заключенія и предложенія по должности.

80. Департаменты Сената между собою посредствомъ Сенатскихъ прокуроровъ и стряпчихъ, съ вѣдома Генераль-Прокурора и главныхъ стряпчихъ сносятся; и для того Сенатскіе прокуроры и стряпчіе входятъ въ департаменты Сената, гдѣ опредѣлены.

81. Въ разсужденіи порученной должности, сенатскіе стряпчіе имѣютъ право требовать въ департаментахъ Сената, гдѣ они опредѣлены, сообщенія всякаго дѣла касательно ихъ должности, какъ напримѣръ: дѣла касающіяся до казеннаго интереса или ущерба; въ спорахъ о земляхъ, казенныя земли и права они защищать долженствуютъ; дѣла, нарушающія общій порядокъ, или противныя власти и должности; дѣла, касающіяся до запрещеннаго сбора съ народа, или зловредныя взятки; дѣла, касающіяся до общества; дѣла малолѣтнихъ, кои опекуновъ не имѣютъ, и прочія сему подобныя, въ ихъ должность входящія, или касающіяся до оной, отнюдь не входя однако въ дѣла между частными людьми, не касающіяся до вышесказанныхъ въ семь пунктѣ.

82. По сообщеннымъ дѣламъ, или когда которой сенатскій стряпчій сдѣлался истцемъ, тогда по свойству дѣла сенатскій стряпчій имѣетъ право предложить департаменту Сената, и требовать или личной присылки къ суду отвѣтчика, или его повѣреннаго, или представленія отвѣтчика на мѣсто въ присутствіе, или сенатскаго велѣнія посадить отвѣтчика подъ стражу, буде преступленіе такого рода, что законы сіе повелѣваютъ, или наложеніи пени, или учиненія выговора, или иныхъ судебныхъ приговоровъ по свойству дѣла; однимъ словомъ, сенатскіе стряпчіе имѣютъ право по дѣламъ ихъ должности производить въ Сенатѣ, гдѣ онѣ опредѣлены, жалобу, просьбу, просить слѣдствія по производству дѣла, и до сочиненія приговора предложить чего въ производствѣ недостаетъ, переносить рѣшеное дѣло изъ департамента Сената въ общее собраніе Сената, требовать генеральнаго суда, смотрѣть и бдѣніе имѣть о сохраненіи порядка Сенату и Генеральному суду предписаннаго и чтобы истцы и отвѣтчики надлежащее къ Сенату и генеральному суду почтеніе сохраняли, чтобы департаменты Сената собиралися въ свое время и засѣданія имѣли въ урочные

часы; въ случаѣ же подозрѣнія по дѣлу, на котораго засѣдателя, буде самъ не удержится отъ присутствія, то сенатскіе стряпчіе ему прилично о томъ напоминать обязаны, чтобы пени въ надлежащее время взысканы были, а сенатскіе стряпчіе сами за всякое упущеніе подлежатъ двойному взысканію.

83. Сенатскіе прокуроры и стряпчіе во время рѣшенія дѣла изъ присутствія выходятъ; департаменты же Сената рѣшаютъ дѣла по точной силѣ и словамъ закона, не смотря ни на чьи требованія или предложенія.

84. Генераль-Прокуроръ въ Сенатѣ смотритъ: 1) дабы всякъ засѣдающій свою присягу и должность хранилъ; 2) чтобъ дѣла, кои въ разсмотрѣнію и рѣшенію Сената надлежатъ правдиво, ревностно, порядочно, и всякое дѣло въ свое время, въ силу и по словамъ закона, учреждений и указовъ въ Сенатѣ отправлялись; 3) чтобъ не только въ Сенатѣ дѣла вершились, но и самымъ дѣломъ и дѣйствомъ исполнялись; и для того, 4) Генераль-Прокуроръ долженъ спрашивать у тѣхъ, къ кому изъ Сената въ силу законовъ, учреждений и указовъ исполнять послано, потому выполнено ли? въ какое время выполнено? и въ такое ли время выполнено, въ которое начало и совершенство того дѣла исполнено и выполнено быть могло? и буде не исполнено, по какой причинѣ ради неисполнено? невозможности ли ради или иныя причины ради?

85. Буде какая законная причина отправленіе или выполненіе дѣла помѣшаетъ, то записывать оную въ дневную записку или журналъ Генераль-Прокурора; буде же незаконная причина отправленіе или выполненіе помѣшаетъ, какъ то страсть, или лѣнь, или непорядокъ, то Генераль-Прокуроръ о томъ немедленно Сенату предлагать долженъ.

86. Сенатъ въ силу своей присяги въ своемъ званіи поступаетъ не иначе, какъ ревностно, нелицемѣрно, праведно и справедливо; но буде бы паче чаянія случилось тому противное, или несходственное, то Генераль-Прокуроръ повиненъ: 1) предлагать Сенату словесно, явно, съ полнымъ изъясненіемъ въ чемъ по законамъ, учрежденіямъ, или указамъ, единому или болѣе, не такъ дѣлаютъ, или не такъ дѣло толкуютъ, или законъ, или учрежденіе, или указъ не такъ понимаютъ какъ надлежитъ; 2) буде словесныя предложенія Генераль-Прокурора останутся безъ дѣйствія, то Генераль-Прокуроръ долженъ Сенату представить свои заключенія письменно; 3) буде же и заключенія Генераль-Прокурора останутся безъ дѣйствія, то Генераль-Прокуроръ оное дѣло остановивъ, повиненъ донести Императорскому

Величеству; 4) заключенія письменныя Генераль-Прокуроръ имѣеть сообщить въ Главную Расправную Палату въ первый департаментъ надзирающаго правъ и правосудія.

87. Засѣдающіе въ Сенатѣ, Генераль-Прокуроръ, сенатскіе прокуроры, губернаторы, вице-губернаторы, первые и вторые председатели коллегій или палатъ, и вообще пять первыхъ классовъ Имперіи, и всѣ тѣ кои по губерніямъ не подлежатъ или неподчинены суду судебныхъ мѣстъ, въ случаѣ неисполненія должности или тяжкой вины, ни чьему суду не подлежатъ окромѣ Императорскаго Величества генеральнаго суда (исключая, однакоже, военные правила и тому суду подлежащихъ, какъ прежде, такъ и нынѣ). Буде, паче чаянія Императорское Величество изъ столицы въ отлученіи, и кто изъ вышеписанныхъ явится въ тяжкой и времени не терпящей винѣ (яко то измѣнѣ), то Сенатъ можетъ: 1) приказать имать подѣ стражу; 2) указать расправной палаты второму департаменту въ верхнемъ уголовномъ судѣ изслѣдовать; 3) должность на время поручить иному; 4) дѣла же не вершить, ни наказанія не чинить безъ точной воли и повелѣнія Императорскаго Величества.

О теченіи дѣлъ въ преступленіи должности и тяжкихъ винахъ.

88. Теченіе дѣлъ въ преступленіи должности и тяжкихъ винахъ да будетъ отъ нынѣ слѣдующимъ порядкомъ: Расправной Палаты второй департаментъ верхній Уголовный Судъ, отъ Сената увѣдомаясь, что преступленіе должности или тяжкая вина учинилась, долженствуетъ учинить немедленное изслѣдованіе происшедшаго преступленія, нарядя для того нарочно членовъ не менѣе трехъ, не болѣе двѣнадцати и буде преступленіе не подлежитъ ни лишенію жизни, ни лишенію чести, ни казни, то верхній уголовный судъ, по полученіи изслѣдованія отъ своихъ наряженныхъ изслѣдователей, учинить въ силу законовъ приговоръ рѣшительный, который представить Сената второму департаменту.

89. Буде же обвиняемый за преступленіе подлежитъ лишенію жизни, или лишенію чести, или казни; тогда по изслѣдованіи дѣла, съ приличными законами и со мнѣніемъ отошлетъ дѣло и обвиняемаго въ верхній Уголовный Судъ во второй департаментъ Сената для приговора.

90. Сената второй департаментъ получа изъ верхняго уголовного суда слѣдствіе или приговоръ, не теряя времени, прилжно входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, и учинить въ силу законовъ приговоръ, который отсылаетъ при описаніи дѣла въ Сената

общее собраніе для ревизіи о порядочномъ производствѣ и рѣшеніи дѣла.

91. Сената общее собраніе по полученіи дѣла въ преступленіи должности или тяжкой винѣ, не мѣшкая ни мало, учинить производству дѣла въ преступленіи должности или тяжкой винѣ, ревизію, и для того нарядить не менѣ трехъ, не болѣ двенадцати членовъ, и полученіи отъ оныхъ ревизіи, приступаетъ къ рѣшительному вершенію дѣла.

92. Буде по слѣдствію въ верхнемъ Уголовномъ судѣ доказано, во второмъ Сената департаментѣ предварительный приговоръ учиненъ, въ Сената общемъ собраніи ревизіа о порядочномъ производствѣ окончена, и Сенатъ усмотритъ, что дѣло подлежитъ Генеральному суду, тогда вносить докладъ Императорскому Величеству дабы собранъ былъ Генеральной судъ.

93. Дѣла, по которымъ Генеральной судъ былъ въ собраніи, суть слѣдующія: 1) умыселъ противу Самодержавной Особы. 2) умыселъ противу Самодержавной власти. 3) презрѣніе власти. 4) вышшая измѣна. Смотри о семь статьи уголовного уложенія.

94. Буде же Сенатъ усмотритъ что дѣло не подлежитъ Генеральному Суду, тогда приступаетъ къ рѣшительному вершенію дѣла; и для того касательно снятія чиновъ и дворянства, вносить оное въ докладъ Императорскому Величеству, дабы въ страхъ злымъ наказанъ былъ преступникъ за преступленіе въ томъ уѣздѣ или городѣ, гдѣ учинилъ злое дѣло.

95. Когда отъ Самодержавной власти присланы будутъ новыя общія узаконенія, или учрежденія, или указы въ Сенатъ, тогда для записанія въ книгу законовъ, учрежденій и указовъ Сенатъ выслушиваетъ напередъ заключенія Генераль-Прокурора; сей предложитъ тогда новоизданный законъ, учрежденіе или указъ съ какимъ узаконеніемъ сходенъ, или какимъ узаконеніямъ противенъ, или въ отмѣну, или въ поправленіе, или въ дополненіе которыхъ.

96. Буде генераль-прокуроръ о злоупотребленіяхъ противныхъ законамъ, учрежденіямъ, или указамъ отъ сенатскихъ или прочихъ прокуроровъ увѣдомленъ будетъ, то долженствуетъ о томъ увѣдомить Сенатъ, дабы злоупотребленіе поправлено было.

97. Буде случится въ Сенатѣ дѣло такого существа, что изъ онаго родится сомнѣніе, или запросъ въ которой департаментъ или мѣсто или до котораго департамента или до какого мѣста производства надлежитъ, или во всякомъ иномъ дѣлѣ, гдѣ у засѣдаю-

дѣлъ въ Сенатѣ родится можетъ о узаконеніи сомнѣніе, то сообщается то дѣло Генераль-Прокурору и выслушиваютъ его заключенія прежде рѣшенія, и потомъ рѣшаютъ дѣло.

Таковъ первый и болѣе краткій проектъ 1788 года. Въ описи архива онъ былъ отнесенъ къ тому же году 1788. Однако приложенныя къ этому двѣ копіи собственноручныхъ записокъ Императрицы Екатерины II такого содержанія:

О раздѣленіи Сената на 4 департамента.

(Списокъ съ собственноручныхъ Ея Императорскаго Величества законовъ относительно Сената).

Для поступившаго производства дѣлъ Сенатъ раздѣленъ на четыре департамента.

Въ первомъ департаментѣ Сената дѣла правленія. Смотри о первомъ департаментѣ статьи 12, 13, 14, 15 учрежденій о Сенатѣ 1794 года.

Во второмъ департаментѣ Сената дѣла уголовныя. Смотри о второмъ: статьи 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 1794 года.

Въ третьемъ департаментѣ Сената дѣла гражданскія. Смотри о третьемъ департаментѣ Сената статьи 24, 25, 26, 27 учрежденій о Сенатѣ 1794 года.

Въ четвертомъ департаментѣ Сената дѣла казенныя. Смотри о четвертомъ: статьи 28, 29, 30, 31, 32, 33 учрежденій о Сенатѣ 1794 года.

О первомъ департаментѣ Сената относительно основанія обряда.

Смотри учрежденія Сената 1794 года глава I ст. 3.

Законныя дѣла и дѣянія первого департамента Сената по должности своей суть: тѣ дѣла и дѣянія, кои основаны на законѣ, следовательно законныя дѣла первого департамента Сената по силѣ должности своей вообще суть:

1. Касательно власти первого департамента Сената: смотри учрежденія Сената 1794 года глава 4, ст. 12, 13, 14.

2. Касательно должности первого департамента Сената: смотри учрежденія Сената 1794 года, глава 4, ст. 15.

Нумерація этихъ записокъ соотвѣтствуетъ только второму, болѣе объемистому проекту, и Императрица Екатерина II относитъ этотъ проектъ, какъ видно изъ обѣихъ записокъ, къ 1794 году.

Оба эти проекта сходятся между собою: 1) въ раздѣленіи на 4 департамента; 2) въ признаніи обязательнымъ для сенаторовъ рѣшать дѣла по точной силѣ и по точнымъ словамъ законовъ и 3) въ признаніи неполученія единогласнаго въ департаментѣ рѣшенія результатомъ несоблюденія членами департамента требованія слѣдовать точной силѣ и точнымъ словамъ законовъ; въ случаѣ неполученія единогласія сразу прежде всего къ достиженію его примѣняется выслушиваніе заключенія по спорному вопросу сенатскаго прокурора и потомъ еще сенатору, докладывавшему дѣло, предоставляется еще разъ попытаться склонить департаментъ къ единогласію. Если, несмотря на все это, единогласія не получится, дѣло переносится на новое разсмотрѣніе общаго собранія Сената, но члены, пришедшіе къ непримиримому разногласію, подвергаются взысканію за то, въ формѣ уплаты столичному Приказу общественнаго призрѣнія каждымъ по пяти рублей (Проектъ 1788 г. ст. 74, проектъ 1794 г. ст. 75).

Съ другой стороны, между этими двумя проектами замѣчаются и крупныя различія: 1) проектъ 1788 года все раздѣленіе вѣдомства отдѣльныхъ департаментовъ и семи отдѣленій четвертаго основывалъ на различіи *рода* дѣлъ, а проектъ 1794 года родъ дѣлъ принимаетъ въ основаніе разграниченія вѣдомства только департаментовъ; предѣлы же вѣдомства присутствій, на которыя проектъ дѣлитъ всѣ департаменты, каждый на три присутствія, основываетъ на различіи мѣстностей, и притомъ, между тѣмъ какъ по проекту 1788 года членовъ департамента только три, по проекту 1794 года ихъ двѣнадцать и въ каждомъ изъ трехъ присутствій—по четыре и 2) проектъ не даетъ вовсе проекта особеннаго генеральнаго суда, а въ проектѣ 1794 года учреждается генеральный судъ, поставляемый, какъ увидимъ, выше Сената.

Кромѣ того проектъ 1794 года имѣетъ и болѣе мелкія отличія, прежде всего по формѣ: онъ дѣлится на главы, какого дѣленія въ проектѣ 1788 года нѣтъ; но и въ проектѣ есть лишь четыре главы, очень коротенькія: первая „о Сенатѣ“ въ 8 статей, вторая—„о раздѣленіи Сената на департаменты“—въ двѣ статьи.

Въ первой главѣ первыя пять статей, а также 7 и 8 изложены совершенно также, какъ и въ проектѣ 1788 года; только статья 6 получила совсѣмъ другое содержаніе, что „первый предсѣдатель главной расправной палаты засѣдаетъ въ Сенатѣ въ общемъ собраніи и въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ вѣдомы дѣла касательно суда и расправы, и имѣетъ голосъ такъ какъ и прочіе, засѣдающіе въ Сенатѣ“.

Во второй главѣ ст. 9 та же, что и въ проектѣ 1788 года; ст. 10 численность департаментовъ Сената устанавливаетъ въ трехъ присутствіяхъ двѣнадцать, въ каждомъ по четыре.

Глава третья о раздѣленіи департаментовъ на присутствія совершенно новая, состоящая изъ одной статьи 11 и собственноручнаго дополненія Императрицы Екатерины II. Вотъ содержаніе этой третьей главы:

Глава 3.

О раздѣленіи департаментовъ на присутствія.

11. Для послѣднѣйшаго отправленія дѣлъ, каждый департаментъ Сената раздѣляется на три присутствія, а именно: одно присутствіе имѣетъ дѣла полосы южной Имперіи, по губерніямъ Брацлавской, Волынской, Подольской, Кіевской, Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской, Таврической, итого восемь; другое присутствіе имѣетъ дѣла полосы средней Имперіи, по губерніямъ: Московской, Смоленской, Полоцкой, Могилевской, Черниговской, Новгородско-Сѣверской, Харьковской, Курской, Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Уфимской, Кольванской, Иркутской, Минской, Виленской, Слонимской, итого двадцать шесть; третіе присутствіе имѣетъ дѣла полосы сѣверной Имперіи, по губерніямъ Санктпетербургской, Выборгской, Ревельской, Рижской, Курландской, Псковской, Тверской, Новгородской, Олонекской, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Вятской, Пермской, Тобольской, итого шестнадцать.

Къ этой главѣ собственноручное дополненіе Екатерины II:

Въ каждомъ присутствіи департамента Сената засѣдаетъ не меньше трехъ засѣдателей Сената. Старшій засѣдатель присутствій департамента Сената имѣетъ надзираніе, дабы дѣло читанное не оставалось безъ приказанія;—второй засѣдатель присут-

ствѣй департамента Сената имѣтъ надзираніе за отправленіе приказаній;— третій засѣдатель присутствій департамента имѣтъ надзираніе за исполненіи и дѣйствіи;— и для того каждому держать свои записки: первому какое дѣло читано, основано и что по оному приказано; второму когда отправлено; третьему когда исполнено и идѣ.

Глава четвертая состоитъ изъ статей 12—15 проекта 1788 г. съ очень незначительными измѣненіями, въ ст. 12 вмѣсто словъ „то мѣсто“ поставлено „тѣ мѣста“; въ ст. 14 между словами „исправляются оныхъ“ опущена частица „то“; въ ст. 15 опущено слово „учрежденіе“ и вмѣсто „Сената первый департаментъ“ сказано „первый департаментъ Сената“; къ этой же статьѣ добавлена собственная приписка Императрицы Еватерины II:

„Архивъ съ типографіей, дѣла по Герольдіи, по Строду съ подчиненными мѣстами, иностранныя дѣла, съ пограничными комиссіями, по секретной экспедиціи и какія дѣла отыскаться имѣютъ въ первомъ департаментѣ оставаться имѣютъ въ первомъ Сената департаментѣ“.

Статьи о второмъ, третьемъ и четвертомъ департаментахъ; статьи 16—33 въ томъ же видѣ, какъ и въ проектѣ 1788 года; только къ двумъ статьямъ 16 и 28 сдѣланы собственноручныя приписки Императрицы: къ ст. 16:

„въ 16 статью прибавить сіи слова въ концѣ: и тайной экспедиціи“;

и къ ст. 28:

„Всякія государственныя вѣдомости о числѣ народа, полныя свѣдѣнія о всѣхъ государственныхъ приходахъ и расходахъ; по ревизіямъ мужскаго пола душъ; по монетной съ принадлежащими къ тому экспедиціями; по рудокопнымъ казеннымъ заводамъ; по коммерціи и банкамъ; по Академіи наукъ; по университету; по Академіи художествъ; по Медицинской Коллеги; по канальнымъ работамъ; по перспективнымъ и прочимъ дорогамъ; по дворцовымъ конюшенной, егермейстерской, строеній, мастерской и оружейной конторамъ; по дѣламъ Военной и Адмиралтейской Коллеги; по Главному Крикомиссаріату; провіантской канцеляріи; по артиллеріи инженерной и оружейной; по корпусамъ кадетскимъ сухопутнымъ, морскому и артиллерійскому“.

Затѣмъ „о департаментахъ Сената вообще“ статьи 34—48 совершенно также, какъ въ проектѣ 1788 года.

Послѣ же статьи 48 собственноручная вставка Екатерины II цѣлаго особаго отдѣла; съ раздѣленіемъ на 14 статей, но безъ нумераціи:

„О присутствіи департаментовъ Сената вообще“.

Всѣ присутствія департамента Сената суть въ равной силѣ и достоинствѣ и не единое присутствіе департамента Сената предъ другимъ преимуществва не имѣетъ.

Дѣла кои вновь какого постановленія Императорскаго требуютъ имѣютъ быть прежде разсуждаемы въ присутствіи департамента, до котораго принадлежитъ и потомъ въ общемъ собраніи присутствіи того департамента Сената дѣлать точное положеніе къ докладу Императорскому Величеству.

Присутствіе департамента Сената рѣшеніе да почитется рѣшеніемъ всего департамента.

Присутствіе департамента Сената да не рѣшитъ иначе, какъ единогласно по точнымъ словамъ государственныхъ узаконеній.

Буде рѣшеніе котораго присутствія департамента Сената къ объявленію слѣдуетъ, то да объявится при открытыхъ дверяхъ. Присутствій же втораго и третьяго департамента рѣшенія по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ да объявляются при открытыхъ дверяхъ.

Буде рѣшеніе котораго присутствія департамента Сената къ обнародованію слѣдуетъ, да отошлется въ первыи департаментъ Сената для обнародованія.

Буде которому присутствію департамента Сената нужно по дѣламъ сообщеніе съ другимъ присутствіемъ департаментомъ Сената, да произвѣдутъ сообщеніе между собою, въ случай же мѣдленнаго отвѣта доложитъ о томъ Императорскому Величеству посредствомъ Генераль-Прокурора.

Присутствіе департамента Сената избѣгаетъ случая входить во власть другаго присутствія департамента Сената.

Одно присутствіе департамента Сената не можетъ отмѣнить рѣшенія другаго присутствія департамента Сената, ни собственныхъ своихъ перевершить.

Присутствіе департамента Сената да не пошлетъ указовъ токмо въ подчиненныя тому присутствію департамента Сената мѣста.

Буде кто недоволенъ рѣшеніемъ присутствія департамента Сената, тотъ чрезъ недѣлю неудовольствіе свое да объявитъ присутствію департамента Сената, и тогда жалобу свою приносить можетъ Императорскому Величеству; но напередъ да распишется самъ, вмѣсто присяги, что онъ по истиннѣ думаетъ, что онъ правое дѣло имѣетъ и буде дѣло его найдется не правое, то подвергается казни.

Поневже присутствію департамента Сената установлены не въ иномъ намѣреніи какъ только дабы дѣла въ Сенатѣ производились самымъ дѣломъ поспѣшнѣе, а не слылось только (отъ чего Божѣ сохрани) что производятся, а въ самой вѣщи накоплялись мнѣи многіе годы безъ разсмотрѣнія и рѣшенія не безъ ущерба общаго и частнаго; въ отвращеніе и предупрежденіе чего: присутствіе департамента Сената всякой по взвѣреннымъ оному дѣламъ да будетъ отъ нынѣ впредь примѣромъ прочимъ мѣстамъ, попеченіемъ, радѣніемъ, прилѣжаніемъ, наблюденіемъ обряда порядочнаго производства дѣлъ и самыхъ законовъ, правосудіемъ, безкорыстію и усердіемъ благу общему, съ которымъ нераздѣльна и служба Императорскаго Величества, всѣмъ да поможетъ имъ Сердцевидецъ Богъ, Благословляющій добрыя намѣренія.

Да почтется отнынѣ въ присутствію департамента Сената стѣломъ и поношеніемъ мнѣи и нерадѣніе, яко то: первое: не приходъ въ присутствію въ назначенныя закономъ дни и часы засѣданія, безъ законныхъ причинъ; второе: не высиденіе въ присутствію законныхъ пяти часовъ, безъ законныхъ причинъ; третье: непрілежное слушаніе и невниманіе дѣла во время чтенія; четвертое: запрещенное разлагольствованіе во время чтенія дѣлъ; пятое: выходъ изъ присутствія по прочтеніи дѣла не давъ по тому дѣлу показанія.

Затѣмъ „о Сенатѣ вообще“ статьи 49—67 такія же, какъ въ проектѣ 1788 года; только въ ст. 56 рукою Екатерины вмѣсто „двухъ“ поставлено „четыре“ и предъ дѣйствительными статскими совѣтниками, и предъ статскими совѣтниками.

Точно также и „о сенатскомъ обрядѣ въ отправленіи должности“, статьи 68—88, и „о теченіи дѣлъ въ преступленіи должности и тяжкихъ винахъ“, статьи 89—97, совершенно такія же, какъ въ проектѣ 1788 года, безо всякихъ перемѣнъ и дополненій. Но затѣмъ въ томъ же отдѣлѣ дополненіе девяти новыхъ статей: 98—106 и затѣмъ совер-

шенно новый отдѣлъ “о генеральномъ судѣ“, статьи 107—126. Вотъ его содержаніе:

О генеральномъ судѣ.

107. Генеральный судъ составляется изъ Сената, Синода, четырехъ первыхъ классовъ Имперіи и изъ предсѣдателей Государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или коллегій на лицо находящихся въ томъ мѣстѣ.

108. Судимому въ генеральномъ судѣ не запрещается отрѣшиться изъ засѣдающихъ двѣ трети, и тогда да будетъ судимъ остающимися.

109. Въ генеральномъ судѣ надлежитъ быть чина по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, то есть, ему равнымъ; и для того по дѣлу дворянина въ генеральный судъ призвать суды дворянскіе, какъ то: сверхъ палаты уголовного суда, верхній земскій судъ, уѣздный судъ; по дѣлу мѣщанина: суды мѣщанскіе, губернский и городской магистраты; по дѣлу подсудимаго расправѣ, расправы верхнюю и нижнюю.

110. Въ генеральномъ судѣ Сенатъ и Синодъ сидятъ за длиннымъ столомъ, суды равнаго чина на лѣво полукружіемъ, законовѣдецъ направо посреди надзираія правъ и правосудія, около него полукружіемъ сидятъ четыре первые классы Имперіи, предсѣдатели Государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или коллегій; законовѣдецъ имѣетъ на маломъ столѣ подлѣ него книгу уголовный законъ и обрядъ уголовныхъ дѣлъ, въ рукахъ же перечень производства судимаго въ генеральномъ судѣ настоящаго дѣла; въ концѣ комваты перилы находятся, за которыми мѣсто отвѣтчика, его страпцаго и провожающихъ его.

111. Законовѣдецъ смотритъ, чтобъ въ генеральномъ судѣ уголовный законъ и обрядъ точно и слово отъ слова наблюдаемъ былъ; буде же гдѣ усмотритъ противное тому, тогда напоминаетъ, что законъ предписываетъ.

112. Получа повелѣніе или соизволеніе Императорскаго Величества собрать генеральный судъ, Сената первый департаментъ учинитъ списокъ Сенату, Синоду, четыремъ первымъ классамъ Имперіи, предсѣдателямъ Государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или коллегій, на лицо находящимся въ томъ мѣстѣ, судомъ равнаго чина съ отвѣтчикомъ, надзираію правъ и правосудія и законовѣдцу, и имѣетъ приказать приготовить палату и

покои ожиданія для собранія и въ ней устроить все для того генеральнаго суда нужное, какъ то: столы, стулья и приличное тому мѣсту убранство благоустройно безъ излишества; и когда все готово, тогда призоветъ отвѣтчика и объявить ему списокъ особъ, генеральный судъ составляющихъ, объяви, что по законамъ онъ право имѣеть отрѣшить двѣ трети; остающимся же повѣстку учинить, дабы въ такой то день и часъ въ такомъ то мѣстѣ собирались въ генеральный судъ.

113. Въ назначенный день для собранія генеральнаго суда, Сената первый департаментъ за два часа до собранія генеральнаго суда соберется въ назначенное мѣсто и чинить осмотръ приготовленіямъ и потомъ въ покои ожиданія сядетъ образомъ присутствія, слушая приготовленное опредѣленіе о дѣйствительномъ открытіи генеральнаго суда.

114. Когда по повѣсткѣ Сената перваго департамента, члены генеральнаго суда въ покои ожиданія собрались въ присутствіе Сената перваго департамента, и оный о томъ увѣдомился чрезъ обыкновенныхъ своихъ докладчиковъ, тогда Сената первый департаментъ подписываетъ опредѣленіе о дѣйствительномъ открытіи генеральнаго суда.

115. Сената первый департаментъ, подписавъ опредѣленіе о дѣйствительномъ открытіи генеральнаго суда, велитъ оное прочесть собранію, и вставъ съ мѣста пойдетъ со всѣми членами въ палату генеральнаго суда.

116. Пришедъ въ палату генеральнаго суда, члены, занимая свои назначенныя мѣста, докладчикъ Сената прочтетъ генеральному суду теченіе дѣла въ верхнемъ уголовномъ судѣ, во второмъ Сената департаментѣ и въ общемъ собраніи, потомъ скажетъ свое мнѣніе, что все выслушиваютъ въ молчаніи до конца; по окончаніи чтенія докладчикъ дѣло положить на налой, дабы всякій членъ собранія могъ прочесть про себя, что къ свѣдѣнію его нужно найдеть.

117. По прочтеніи дѣла въ генеральномъ судѣ, законовѣдецъ вставъ предлагаетъ, чтобъ отвѣтчикъ призванъ былъ въ генеральный судъ, ибо по законамъ право имѣеть защищаться самъ или чрезъ стряпчихъ своихъ предъ генеральнымъ судомъ.

118. Законовѣдецъ, предложивъ слова закона, генеральный судъ, повинувъсь власти закона, призываетъ отвѣтчика въ присутствіе черезъ двухъ экзекуторовъ генеральнаго суда.

119. Генеральный судъ имѣеть четырехъ экзекуторовъ.

120. Генеральный судъ не имѣеть права толковать законы о наказаніяхъ.

121. Отвѣтчикъ, бывъ введенъ въ присутствіе генеральнаго суда, и съ нимъ двое стряпчіе, кои ему служатъ въ защищеніе его, буде оправдаться можетъ. Законовѣдецъ, сидя возлѣ перилъ, имѣя въ рукахъ перечень дѣла судимаго, отвѣтчика назвавъ именемъ и прозваніемъ, спросить, такъ ли его зовутъ? и буде отвѣтчикъ или стряпчіе скажутъ такъ, тогда законовѣдецъ объявитъ отвѣтчику, что генеральный судъ собранъ выслушать: 1) что общій законъ гласить; 2) что изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оно съ законами или противное имъ; 3) что заключеніе содержать имѣеть оправданіе невинности или наказаніе за преступленіе, и для того, чтобъ представилъ самъ или чрезъ стряпчійхъ, и какъ его смыслу представляется словесно или письменно служащее къ его оправданію или облегченію, и что скажетъ или письменно подастъ онъ или стряпчіе его, то принять и записать и потомъ отпустить изъ присутственной палаты генеральнаго суда.

122. Генеральный судъ судить по точнымъ словамъ закона.

123. По выступленіи отвѣтчика изъ присутственной палаты генеральнаго суда, законовѣдецъ, вставъ съ своего мѣста, предложитъ засѣдающимъ, дабы благоволили изъ засѣдающихъ избрать по баламъ одну треть, аки судіи генеральнаго суда, исключая его одного, аки гласъ закона имѣющаго.

124. Законовѣдецъ, предложивъ слова закона, генеральный судъ, повинувъ власти закона, изъ засѣдающихъ избересть по баламъ одну треть, аки судіи генеральнаго суда, исключая законовѣдца, аки гласъ закона имѣющаго.

125. По выборѣ изъ засѣдающихъ по баламъ одной трети аки судіи, законовѣдецъ запишетъ имена каждаго и число баловъ и когда треть составитъ болѣе двѣнадцати особъ, тогда имена двѣнадцати болѣе баловъ имѣющихъ подъ названіемъ дѣйствительныхъ судей генеральнаго суда напишетъ на листѣ въ заглавіи; затѣмъ остающіеся подъ названіемъ запасныхъ напишетъ подъ заглавіе. Когда же треть составитъ менѣе двѣнадцати, тогда изъ двухъ третей прибавятъ до двѣнадцати.

126. По записаніи имени и баловъ судей генеральнаго суда, законовѣдецъ, вставъ съ своего мѣста, подходя къ длинному столу, прочтетъ имена ихъ громко: аки судіи генеральнаго суда они же вставъ съ своего мѣста стануть полукружіемъ, законовѣдецъ по-

среди ихъ, лицомъ оборотятся къ нимъ, прочесть велить судейскую присягу для памяти, потомъ вручить имъ перечень дѣла судимаго, сказывая имъ: 1) что общій законъ гласитъ; 2) что изъясляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оно съ законами или противное имъ; 3) что заключеніе содержать имѣетъ оправданіе невинности, или наказаніе за преступленіе—и для того, чтобъ благоволили выступить изъ присутствія и брать все сіе въ зрѣлое размышленіе и уваженіе и потому, какъ ихъ смыслу представляется словесно или письменно служащее къ оправданію или наказанію, представили генеральному суду.

Въ заключеніе къ этому проекту приложена собственноручная записка Императрицы Еватерины II слѣдующаго содержания:

1) „*Малороссійскихъ губерній генераль-губернатора графа Петр. Алекс. Румянцева слова* ¹⁾: *Всякая канцелярія отъ губернскаго правленія начавъ до нижней расправы должно по неравенству ея свойства и предметовъ, въ ней производимыхъ дѣлъ, въ коихъ исполнительныя, судныя и казенныя разумются. По колику инья отъ ея присмотру и наставленія или она отъ иныхъ зависитъ, учреждена быть и ей известной чинъ имѣть и въ томъ при искусной связи мѣръ, правила и средствъ, кои въ ней къ распорядженію, отправленію и держанію дѣлъ вообще даны будутъ и каждому члену и канцелярскому служителю его должность, мѣсто и время указаны быть, что, гдѣ и когда они сами одни, или съ иными, наблюдать и отправлять импютъ. Образъ производства исполнительныхъ дѣлъ сократитъ и протоколы вестъ только о судныхъ и счетныхъ дѣлахъ“.*

2) „*Какъ генеральный судъ составлялся?*“: *Генеральный судъ составляется изъ Сената, Синода, четырехъ первыхъ классовъ Имперіи и изъ председателей Государственныхъ или прочихъ палатъ и коллейй.*

Правила уголовного суда—статьи изъ Наказа, какъ указано ст. 33: подлежить, чтобъ законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина (въ Наказѣ „надлежитъ“).

Ст. 34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

---

¹⁾ Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ на лѣто отъ Рождества Христова 1794, стр. 1.

Ст. 35. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ состояніе имѣющихъ; и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

Ст. 102. Въ самодержавномъ государствѣ отправленія правосудія, отъ приговоровъ котораго не только жизнь и имѣнія, но и честь зависятъ, многотрудныхъ требуетъ испытаній.

Ст. 116. Отвѣтчика должно слушать не только для узнанія дѣла, въ которомъ его обвиняють, но и для того еще, чтобъ онъ себя защищалъ: онъ долженъ или самъ себя защищать, или выбрать кого для своего защищенія.

Ст. 118. Защищать значитъ здѣсь не что иное, какъ представлять суду въ пользу отвѣтчика все то, чѣмъ его оправдать можно.

Ст. 119. Законы, осуждающіе по выслушанію одного свидѣтеля, суть пагубны вольности (это только начало ст. 119 Наказа: далѣе въ ней приведенъ примѣръ одного закона наслѣдниковъ Константина I).

Ст. 120. По здравому разсужденію требуются два свидѣтеля, ибо свидѣтель одинъ, утверждающій дѣло и отвѣтчикъ, отрицающій отъ того, составляютъ двѣ равныя части; ради того должно быть еще третье (въ Наказѣ „третьей“) для опроверженія отвѣтчика, если не будетъ, кромѣ того, другихъ неоспоримыхъ доказательствъ, или общая ссылка на одного.

Ст. 121. Послушествованіе двухъ свидѣтелей почитается довольнымъ къ наказанію всѣхъ преступленій (это только начало ст. 121).

Ст. 123. Употребленіе пытки отмѣняется, какъ противное здравому естественному разсужденію: о чемъ смотри Наказъ комисіи уложенія ст. 123, 192, 193, 194, 195, 196.

Ст. 124. (Нумерація ошибочная: въ Наказѣ это ст. 125). Дѣлать присягу чрезъ частое употребленіе весьма общее ничто иное есть, какъ разрушать силу ея. Крестнаго цѣлованія не можно ни въ какихъ другихъ случаяхъ употреблять, какъ только въ тѣхъ, въ которыхъ влянуційся никакой собственной пользы не имѣетъ, какъ то судія и свидѣтели.

Ст. 126. Надлежитъ, чтобъ судимыя въ великихъ винахъ съ согласія законовъ избирали себѣ судей, или по крайней мѣрѣ

могли бы отрѣшить изъ нихъ толикое число, чтобъ оставшіеся казались быти въ судѣ по выбору судимыхъ преступниковъ.

Ст. 127. Также бы (въ Наказѣ „надлежало“ и слова „мало“ вовсе нѣтъ) надо мало нѣсколькимъ изъ судей быти чиномъ по гражданству такогуже какого и отвѣтчикъ, то есть ему равнымъ; чтобъ онъ не могъ подумать, будто бы онъ попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ. Сему уже примѣры есть въ законахъ военныхъ.

Ст. 128. Когда отвѣтчикъ осуждается, то не судіи налагаютъ на него наказаніе, но законъ.

Ст. 129. Приговоры должны бытъ, сколь возможно, ясны и тверды, даже до того, чтобъ они самыя точныя слова закона въ себѣ содержали. Если жъ они будутъ заключать въ себѣ особенное мнѣніе судіи, то люди будутъ жить въ обществѣ, не зная точно взаимныхъ въ той державѣ другъ къ другу обязательствъ.

Ст. 130. Слѣдуетъ разные образы, коими дѣлаются (въ Наказѣ здѣсь точка и послѣ слова „земляхъ“ нѣтъ двоеточія) приговоры въ нѣкоторыхъ земляхъ: запираютъ судей и не даютъ имъ ни пить, ни ѣсть до тѣхъ поръ, покамѣстъ единогласно не будетъ окончень приговоръ.

Ст. 131. Есть царства единоначальныя, гдѣ судьи поступаютъ на подобіе производящихъ судъ третейскій; они разсуждаютъ вмѣстѣ; сообщаютъ другъ другу мысли; соглашаются между собою; умѣряютъ мнѣніе свое, чтобы сдѣлать оное сходственнымъ со мнѣніемъ другаго и ищутъ соглашать голоса.

Ст. 133. (Въ Наказѣ это ст. 135). Если властямъ, долженствующимъ исполнять по законамъ дозволить право задерживать гражданина, могущаго дать по себѣ поруки, то тамъ уже нѣтъ никакой вольности, развѣ когда его отдадутъ подъ стражу для того, чтобъ немедленно отвѣчалъ въ доносѣ на него такой вины, которая по законамъ подлежитъ казни. Въ семь случаѣ онъ дѣйстви-тельно воленъ, ибо ничему иному не подвергается, какъ власти закона.

Ст. 136. Но ежели законодательная власть мнитъ себя быти въ опасности по нѣкому тайному заговору противъ государства или Государя или по какому сношенію съ зарубежными недругами: то она можетъ на уреченное время дозволить власти по законамъ исполняющей, подъ стражу брать подозрительныхъ гражданъ, которые не для инаго чего теряютъ свою свободу на время, какъ только, чтобы сохранить оную невредиму на всегда.

Ст. 137. Но всего лучше означить точно въ законахъ важныя случаи, въ которыхъ по гражданскѣ порукѣ принять нельзя: ибо людей, кои порукѣ по себѣ сыскать не могутъ, законы во всѣхъ земляхъ лишаютъ свободы, покамѣстъ общая или частная безопасность того требуетъ. Смотри въ X главѣ гдѣ о семь подробно.

Ст. 138. Хотя всѣ преступленія суть народныя; однако касающіяся больше до гражданъ между собою должно различать отъ принадлежащихъ болѣе къ государству въ разсужденіи союза, между гражданиномъ и государствомъ хранимаго. Первые называются особенными или частными, вторыя суть преступленія народныя или общественныя.

Ст. 148 ¹⁾. Не принадлежитъ никому, кромѣ однихъ законовъ, опредѣлять наказаніе преступленіямъ. Судьи и правительство, будучи сами частію только общества, не могутъ по справедливости, ниже подъ видомъ общаго блага на другаго какого нибудь члена общества наложить наказанія законами точно не опредѣленнаго.

Ст. 151. Судьи судящіе о преступленіяхъ не имѣютъ права толковать законы о наказаніяхъ. Должность судьи въ томъ единомъ состоитъ, чтобъ изслѣдовать: такой то человекъ здѣлалъ или не здѣлалъ дѣйствія противнаго закону. (Сравнительно съ текстомъ Наказа тутъ сдѣланъ очень важный пропускъ, а именно словъ: „Такъ кто же будетъ законный опыхъ толкователь? Отвѣтствую на сіе: Самодержецъ, а не судья“).

Ст. 151. (По наказу это ст. 152, конецъ статьи опущенъ). Судья судящій о какомъ бы то ни было преступленіи долженъ одинъ только силлогизмъ или то разсужденіе сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе, или посылка первая, есть общій законъ; второе предложеніе, или посылка вторая, изъясняетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оно съ законами или противное имъ? заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго.

Ст. 159. Вопросъ: какія лучшія средства употреблять, когда должно взять подъ стражу гражданина, также открыть и изобличить преступленіе?

¹⁾ Эта статья изложена очень сокращенно сравнительно съ Наказомъ: пропущено начало, содержащее ссылку на предыдущія статьи. Но кромѣ того опущена также въ серединѣ, послѣ первой фразы рукописнаго текста, очень важная часть статьи: „и что право давать законы о наказаніяхъ имѣетъ только одинъ законодатель какъ представляющій въ своей власти все общество соединенное и содержащій всю власть въ своихъ рукахъ“.

Ст. 160. Тотъ погрѣшить противъ безопасности личной каждаго гражданина, кто покровительству долженствующему исполнять по законамъ, имѣющему власть сажати въ тюрьму гражданина, дозволить отнимать у одного свободу подѣ видомъ какимъ маловажнымъ, а другаго оставлять свободнымъ, не смотря на знаки преступленія самые ясныя.

Ст. 161. Брать подѣ стражу есть наказаніе, которое отъ всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что оно по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія.

Ст. 162. Однакожь наказаніе сіе не можетъ быть наложено кромѣ въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ въ преступленіе впалъ.

Ст. 163. Чего ради законъ долженъ точно опредѣлить тѣ знаки преступленія, по которымъ можно взять подѣ стражу обвиняемаго и которые подвергали бы его сему наказанію и словеснымъ допросамъ, кои такъ же суть нѣкоторый родъ наказанія. Напримѣръ: ст. 164 гласъ народа, который что винить; побѣгъ его; признаніе, учиненное имъ внѣ суда; свидѣтельство сообщника, бывшаго съ нимъ въ томъ преступленіи; угрозы и извѣстная вражда между обвиняемымъ и обиженнымъ; самое дѣйствіе преступленія и другіе подобныя знаки довольную могутъ подать причину, чтобы взять гражданина подѣ стражу.

Ст. 166. (Въ Наказѣ по ст. 165). Но сіи доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противоборствуютъ гражданской вольности, если они не выведены на какой бы то ни было случай изъ общаго правила въ Уложеніи находящагося.

1. По доносу частныхъ людей.
2. По жалобѣ стряпчихъ.
3. По сообщеніи судебного мѣста.
4. По приказанію Сената.
5. По повелѣнію Императорскаго Величества.

Въ каждомъ изъ пяти выше писанныхъ случаяхъ надлежитъ изслѣдовать преступленіе должности или тяжкая вина: 1) во вредъ чей или чему учинено; 2) о дѣйстви что учинено; 3) о способѣ или орудіи, чѣмъ учинено; 4) о времени, когда учинено; 5) о мѣстѣ, гдѣ учинено; 6) о личностяхъ, объясняющихъ съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, и утверждающихъ и обличающихъ какъ учинено: отъ преступника или несчастливомъ случаемъ.

Всего этого въ Наказѣ нѣтъ,

Быль изготовленъ и проектъ указа Сенату объ изданіи одного изъ этихъ указовъ такого содержания:

Проектъ указа Сенату.

Самодержавствуя сильнымъ и славнымъ Россійскимъ народомъ и дая отчетъ и благодаренія единому Творцу нашему Богу, Имъ же Царіе Царствуютъ, и Его же не исповѣдимыми, и оправданными къ сему великому служенію, видимъ въ ономъ уже истекающее нынѣ двадцать шестое лѣто.

Во время сіе Мы почли за честь и славу Царствованію Нашему поставить слѣдующія правила:

1. Охраненіе и соблюденіе православной восточной Грекороссійской кафолической вѣры.

2. Законамъ установленнымъ дать теченіе и силу.

3. Вводить и утверждать повсюду правосудіе и исполненіе закона.

4. Оказывать милосердіе и покровительство подданнымъ, приводя въ безопасность жизнь, имѣніе и честь каждаго лично и по его состоянію.

5. Торгамъ и ремесламъ законно вообще покровительствовать.

6. Предохранить предѣлы Имперіи отъ набѣговъ и отражать нападенія.

7. Всеобщими поборами колико можно менѣе отягощать народъ.

8. Приблизить Имперію во всѣхъ частяхъ къ цвѣтущему и безопасному состоянію.

Постановя выше писанныя правила во основаніе царствованія Нашего излишно распространяться здѣсь о семъ далѣе. Сенату Нашему извѣстны дѣянія и успѣхи, съ коими устроена польза врученныхъ намъ людей и благо общее и какія послѣдствія имѣли изданныя отъ насъ въ 1775 году учрежденіи для управленія губерній. Они бывъ сообразны естественному положенію мѣстъ, пространствъ, земель, несходству странъ, разности жителей и соединяя всѣхъ потребности въ безопасности лицъ и имущества, въ теченіи правосудія, въ поспѣшномъ его исполненіи, во благочиніи и порядкѣ, учинили сей образъ управленія всеобще полезнымъ, выгоднымъ и удобнымъ даже до того, что кочующіе народы оному охотно подражали. Не трудно сіе понять тѣмъ, кому извѣстно, что ради поспѣшности дѣлъ съ успѣхомъ установлены мѣста

правления и исполнения, отъ оныхъ отдѣлены суды гражданскія и уголовныя, и съ оными не смѣшано отправленіе дѣлъ казенныхъ.

Части величайшей Имперіи въ стези сіи уже приведены, а для наивыщаго утвержденія безопасности лицъ и имущества, для безпрепятственнаго теченія правосудія, для поспѣшнаго исполненія и поддержанія благочинія и порядка, заблагоразсуждаемъ и повелѣваемъ нынѣ и въ Сенатѣ Нашемъ дѣла раздѣлить и департаменты устроить какъ о каждомъ департаментѣ при семъ въ приложеніи предписано, пребывая какъ всегда съ Императорскимъ благоволеніемъ и милостію.

Но въ дѣйствительности ни одинъ изъ этихъ проектовъ не осуществился.

ХРОНИКА.

I.

ПРЕДАНИЕ СУДУ ВЪ МИРОВЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ.

I.

Производство у мировыхъ судей не знаетъ тѣхъ сложныхъ формъ преданія обвиняемаго суду, какія установлены въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Въ то время какъ въ сихъ послѣднихъ преданію суду предшествуетъ сложная процедура провѣрки дознанія или частной жалобы предварительнымъ слѣдствіемъ, и самый вопросъ о преданіи суду подлежитъ контролю „обвинительныхъ камеръ“ суда и палаты, въ то время, какъ здѣсь законодателемъ установлены извѣстныя процессуальныя нормы съ цѣлью гарантировать достоинство и честь обвиняемаго отъ безосновательнаго обвиненія,—производство у мировыхъ судей, отличающееся вообще упрощенностью приемовъ и формъ процесса,—не знаетъ этой строгой и послѣдовательной провѣрки данныхъ, даваемыхъ дознаніями и частными жалобами. Да и немудрено: при массѣ мелкихъ, несложныхъ дѣлъ, требующихъ въ большинствѣ случаевъ быстрого и скорого разрѣшенія, введеніе какой-либо посредствующей инстанціи, занятой провѣркой внѣсудебныхъ данныхъ, было бы слишкомъ большой помѣхой для быстроты и успѣшности дѣлопроизводства, врядъ-ли оправдываемой своей цѣлесообразностью. Мировой судья имѣетъ дѣло съ сырымъ матеріаломъ, мало обработаннымъ какъ въ отношеніи юридической квалификаціи преступныхъ дѣяній, такъ и въ отношеніи разработки доказательствъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется тотъ громадный процентъ

оправдательныхъ приговоровъ, какой наблюдается у мировыхъ судей. Причины этого явленія надо искать и въ безграмотности крестьянской массы, заставляющей обращаться къ услугамъ подпольныхъ адвокатовъ, возбуждающихъ часто уголовныя дѣла на почвѣ исключительно гражданскихъ правонарушеній,—и низкій уровеньъ познаній нашихъ полицейскихъ урядниковъ,—этихъ главнѣйшихъ авторовъ дознаній, направляемыхъ къ мировымъ судьямъ, и много другихъ причинъ. Всѣ изложенныя условія налагаютъ на мирового судью обязанность до извѣстной степени своей личной дѣятельностью восполнять тѣ функціи преданія суду, кои въ общихъ судебныхъ мѣстахъ возложены на спеціальныя органы,—и относиться къ возбуждаемымъ полиціей и частными лицами дѣламъ съ большою осторожностью. По словамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, преданіе суду должно, съ одной стороны, ограждать личность обвиняемаго отъ преслѣдованій, предпринятыхъ злонамѣренно или легкомысленно,—а съ другой, должно служить къ огражденію общественнаго порядка отъ преступныхъ посягательствъ, подлежащихъ карѣ (объяснительная записка 1863 г., стр. 231—236).

Съ послѣдней задачей, направленной къ раскрытію какихъ-либо новыхъ злоупотребленій, неизвѣстныхъ ни полиціи, ни другимъ должностнымъ лицамъ,—судьямъ приходится справляться сравнительно рѣдко, тогда какъ случаи раскрытія „злонамѣренныхъ преслѣдованій“ слишкомъ часто напоминаютъ о себѣ своими возмутительными подробностями. Кому изъ мировыхъ судей неизвѣстны случаи, когда уголовное преслѣдованіе возбуждается съ исключительной цѣлью возможно выгоднѣе „обдѣлать“ торговую сдѣлку. Мелкій провинціальный торгашъ остался долженъ крупному лодзинскому фабриканту извѣстную сумму за мануфактурный товаръ. Проходитъ годъ, другой, —а платежа нѣтъ; фабрикантъ грозитъ лавочнику судомъ, но и тотъ не остается въ долгу, и для того, чтобы заставить фабриканта пойти на уступки, угрожаетъ ему возбужденіемъ уголовного преслѣдованія за обманъ, выразившійся будто-бы въ томъ, что товаръ, хотя давно уже распроданъ, но не соответствовалъ назначеннымъ образцамъ. Заводится дѣло; фабриканта, не явившагося по оплошности по первому вызову, подвергаютъ приводу черезъ полицію за тысячу верстъ; каждый потерянный день отзывается сотнями рублей убытковъ на его торговомъ предпріятіи; знай онъ всѣ послѣдствія раньше, онъ охотно отказался бы отъ взысканія нѣсколькихъ десятковъ рублей долга,

числившагося за плутоватымъ торгашомъ. И вотъ, только на судѣ раскрывается картина ловко прикрытаго шантажа, облеченнаго въ невинную форму самозащиты отъ обмана. Пусть въ данномъ случаѣ обвиняемый будетъ оправданъ, пусть даже обвиненіе будетъ признано недобросовѣстнымъ, все это представляетъ слишкомъ слабыя палліативы противъ возбужденія подобныхъ дѣлъ и никогда не можетъ доставить моральнаго удовлетворенія ни подсудимому, ни самому судѣ. „Состояніе судимости, сопровождающееся обязанностью сѣсть на скамью подсудимыхъ, перенести на себѣ общественный позоръ, само по себѣ въ высшей степени тягостно“—говоритъ Фойницкій;—„если даже судимость окончится оправдательнымъ приговоромъ, все-же и оправдательный приговоръ не можетъ искупить тѣхъ страданій, которыя испытываетъ лицо благодаря судимости“ (Курсъ угол. суд., т. II, стр. 157). Никакой судья, будь онъ даже самымъ опытнымъ психологомъ, не въ состояніи предрѣшить вопроса о „злонамѣренности“ подобнаго рода жалобъ и долженъ привлечь обвиняемаго къ суду, если жалоба удовлетворяетъ формальнымъ требованіямъ, т. е. заключаетъ въ себѣ всё требуемое закономъ свѣдѣнія. Правда, неосновательность обвиненія нерѣдко раскрывается путемъ провѣрки жалобъ полицейскимъ дознаніемъ, но подобнаго рода провѣрка допускается лишь при недостаточности доказательствъ, подтверждающихъ обвиненіе, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, если въ подобнаго рода жалобахъ или совсѣмъ не указываются свидѣтели, или указываются въ подтвержденіе обстоятельствъ, не имѣющихъ значенія (47 ст. уст. угол. суд.).

Какими же формальными условіями обставлено привлеченіе обвиняемаго къ суду въ мировыхъ установленіяхъ, какія свѣдѣнія необходимы судѣ для вчатія уголовного преслѣдованія? Условія эти указаны въ 46 и 50 ст. уст. угол. суд. Главнѣйшими изъ нихъ и обязательными какъ для частныхъ жалобъ, такъ и для полицейскихъ дознаній являются слѣдующія: 1) указаніе обвиняемаго, или подозрѣваемаго лица; 2) указаніе его мѣста жительства; 3) указаніе проступка, въ коемъ извѣстное лицо обвиняется, и 4) указаніе доказательствъ въ подкрѣпленіе взводимого обвиненія.

II.

Указаніе личности обвиняемаго обязательно какъ для частныхъ жалобъ, кончаемыхъ примиреніемъ, такъ и для сообщеній по дѣламъ, преслѣдуемымъ въ общемъ порядкѣ. Несоблюденіе этого

условія влечетъ въ обоихъ случаяхъ, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Сената,—прекращеніе дѣла (рѣш. Сен. 74—328; Общ. Собр. 75—58; цирк. ук. 77 г. сб. № 26; Угол. Касс. Деп. 82—17; 70—986; 71—1600 и друг.). Требованія, предъявляемыя закономъ въ отношеніи соблюденія сего условія, неодинаковы для дѣлъ обѣихъ категорій. Въ отношеніи частныхъ жалобъ по дѣламъ, кончаемымъ примиреніемъ, Сенатъ категорически высказался, что неуказаніе личности обвиняемаго и его мѣста жительства влечетъ прекращеніе дѣла. Однако въ судебно-мировой практикѣ къ подобному исходу прибѣгать не приходится.

При неуказаніи обвиняемаго частная жалоба обыкновенно возвращается просителю, и судѣй нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ ненужнымъ вызовамъ и допросамъ. Обязанность розыска и обнаруженія виновнаго лежитъ всецѣло на самомъ жалобщикѣ, и въ подобнаго рода дѣлахъ недопустимо собираніе какихъ-либо дополнительныхъ свѣдѣній самимъ судьей, если только самъ жалобщикъ съ такимъ ходатайствомъ не обратился лично къ содѣйствію полиціи.

Совершенно иначе законодатель относится къ неуказанію личности обвиняемаго по дѣламъ, преслѣдуемымъ безъ жалобъ частныхъ лицъ. Здѣсь подъ неуказаніемъ обвиняемаго должна быть понимаема безуспѣшность розыска его,—и прекращеніе дѣла допустимо лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ мѣры, направленныя къ обнаруженію виновнаго, ни къ чему не привели. Въ случаѣ неполноты свѣдѣній о розыскѣ виновнаго, судья самъ лично принимаетъ мѣры къ собранію дополнительныхъ свѣдѣній, и только при полномъ отсутствіи данныхъ къ обнаруженію виновнаго дѣло прекращается въ судебномъ засѣданіи съ вызовомъ и допросомъ потерпѣвшаго или полиціи и съ объясненіемъ ему порядка апелляціоннаго обжалованія постановленія о прекращеніи дѣла (рѣш. Общ. Собр. 75—58; Угол. Касс. Деп. 82—17; 70—986 и др.)

Упомянувъ о вызовѣ потерпѣвшаго, нельзя не прибавить при этомъ, что явка его въ данномъ случаѣ не можетъ почитаться обязательной, какъ необязательна она при разборѣ подобныхъ дѣлъ по существу. Въ большинствѣ случаевъ обвинителю рѣшительно нечего добавить къ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ дознаніи, если же имъ получены какія-либо новыя данныя о личности обвиняемаго, то онъ и самъ поспѣшитъ заявить объ этомъ полиціи или судѣй.

Случаи прекращенія дознаній за необнаруженіемъ виновныхъ въ практикѣ мировыхъ судей гораздо многочисленнѣе, чѣмъ воз-

вращеніе частныхъ жалобъ за неуказаніемъ виновныхъ. Кто станетъ жаловаться судѣ, не зная личности обидчика? Между тѣмъ кражи, а въ частности кражи лошадей, даютъ большой процентъ дѣлъ, прекращаемыхъ за необнаруженіемъ виновныхъ. Судебно-мировая практика не выработала однако какого-либо опредѣленнаго порядка прекращенія подобнаго рода дѣлъ, несмотря на приведенныя сенатскія разъясненія. Многіе судьи не рѣшаются прекращать подобныхъ дѣлъ до истеченія двухлѣтней давности, опредѣляемой 21 ст. уст. наказ. При полученіи дознаній, коими виновные не обнаружены,—одни изъ мировыхъ судей возвращаютъ эти дознанія полиціи для направленія ихъ лишь по истеченіи двухлѣтняго срока, другіе же судьи заводятъ дѣла и переносятъ ихъ изъ одного настольнаго реестра въ другой до тѣхъ поръ, пока не истечетъ двухлѣтній срокъ со дня совершенія проступка,—и только тогда прекращаютъ эти дѣла.

И тотъ, и другой приемъ, со ссылкой на 21 ст. уст. наказ.,—безусловно ошибочны. Согласно тексту 21 статьи, „виновные освобождаются отъ наказанія, когда кража, мошенничество и присвоеніе въ теченіе двухъ лѣтъ,—лѣсоистребленіе въ теченіе одного года, а прочіе проступки въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени ихъ совершенія не сдѣлались извѣстны мировому судѣ или полиціи, или когда въ теченіе тѣхъ же сроковъ не было по нимъ никакого производства“.

Изъ приведеннаго текста видно, что 21 статьей предусматривается лишь случай *освобожденія виновнаго* отъ суда и наказанія, если таковой будетъ розысканъ и обнаруженъ; но если виновный не обнаруженъ, то объ освобожденіи кого-либо отъ наказанія не можетъ быть и рѣчи; при подобномъ же положеніи дѣла распространительное толкованіе 21 статьи не можетъ имѣть мѣста.

Изложенныя соображенія приводятъ къ тому выводу, что прекращеніе дѣла за необнаруженіемъ виновнаго должно обуславливаться не соблюденіемъ какихъ-либо сроковъ, а полной безуспѣшностью розысковъ обвиняемаго. Если послѣ подобнаго прекращенія дѣла виновный будетъ розысканъ до истеченія давностнаго срока, тогда дѣло должно быть возобновлено, и виновный подлежить суду; если же виновный будетъ обнаруженъ по истеченіи давности, тогда только можетъ имѣть примѣненіе 21 статья устава о наказаніяхъ, по силѣ коей обвиняемый подлежитъ освобожденію отъ суда и наказанія.

III.

Точныя свѣдѣнія о мѣстѣ жительства обвиняемаго имѣютъ для процесса не менѣе важное значеніе, чѣмъ обнаруженіе самой личности преступника. Въ какое же положеніе поставленъ исходъ процесса въ томъ случаѣ, если виновный обнаруженъ, но мѣсто жительства его неизвѣстно? Въ отношеніи дѣлъ частнаго порядка, т. е. кончаемыхъ примиреніемъ, неуказаніе мѣста жительства обвиняемаго, согласно разъясненію Сената по дѣлу Благодарева (1874 г. № 328), влечетъ прекращеніе дѣла. Такой исходъ процесса можетъ однако имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если обнаружить мѣсто жительства виновнаго окажется невозможнымъ при вызовѣ его въ судъ къ разбору дѣла; если же мѣсто жительства обвиняемаго не указывается въ подаваемой мировому судѣ жалобѣ, тогда нѣтъ никакой необходимости заводить дѣло, а приходится лишь возвратить жалобу просителю за несоблюденіемъ условій, указанныхъ въ 46 ст. уст. угол. суд.

По дѣламъ общаго порядка, т. е. преслѣдуемымъ независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ, Сенатомъ разъяснено, что „неизвѣстность мѣста жительства обвиняемаго или неоказательство его въ мѣстѣ жительства, указанномъ потерпѣвшимъ или полиціей, обязываетъ судью, не ограничиваясь розыскомъ въ мѣстѣ временнаго его проживанія, принять противъ обвиняемаго одну изъ мѣръ, указанныхъ въ 77 ст. уст. угол. суд., сообщивъ по мѣсту его приписки о невыдачѣ ему вида на жительства, о врученіи ему повѣстки на явку, о приводѣ и т. п. Засимъ, въ случаяхъ, если преступное дѣяніе влечетъ за собою тюремное заключеніе, дѣлается распоряженіе о сыскѣ обвиняемаго черезъ публикацію“ (Общ. Собр. 75—58; ц. ук. 77 г. сб. № 26).

Итакъ, въ отношеніи дѣлъ, влекущихъ тюремное заключеніе, вопросъ о розыскѣ обвиняемаго разрѣшается очень просто: если по производствѣ публикаціи въ порядкѣ 846 ст. уст. угол. суд. виновный розысканъ не будетъ въ теченіе шестимѣсячнаго срока, то судья на основаніи 852 ст. того же устава долженъ „отложить о немъ сужденіе“ впредь до его явки или задержанія.

Говоря о публикаціи, нелишнимъ будетъ упомянуть, что самая процедура публикацій въ Сенатскихъ объявленіяхъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ является совершенно безцѣльной въ нашей судебно-мировой практикѣ. Врядъ-ли какой-нибудь судья припомнитъ въ своей практикѣ хоть одинъ случай, когда эти

публикаціи достигли бы своей цѣли; объявленіями о сыскѣ никто не интересуется и никто ихъ не читаетъ, за исключеніемъ развѣ судьи, производящаго розыскъ. Не лучше ли было бы совершенно устранить этотъ излишній и бесполезный обрядъ, ограничившись лишь розыскомъ по тому уѣзду, въ коемъ приписанъ обвиняемый, а затѣмъ установить наблюденіе черезъ полицію за его возвращеніемъ изъ отлучки и распорядиться о невыдачѣ обвиняемому паспорта?

Въ отношеніи прочихъ дѣлъ общаго порядка, не влекущихъ тюремнаго заключенія, вопросъ о розыскѣ обвиняемаго обставленъ нѣсколько иначе. По этимъ дѣламъ публикацій не полагается, шестимѣсячнаго „срока обожданія“ не требуется. При необнаруженіи мѣста жительства обвиняемаго, приходится лишь ограничиться распоряженіемъ о невыдачѣ ему паспорта и отложить дальнѣйшій разборъ дѣла впредь до розыска обвиняемаго. Кромѣ распоряженія о невыдачѣ паспорта, значеніе другихъ мѣръ пресѣченія, упоминаемыхъ въ 77 статьѣ уст. угол. суд., на практикѣ сводится къ нулю: приводъ обвиняемаго по дѣламъ, не влекущимъ тюремнаго заключенія, закономъ не допускается; отобраніе же подписки о явкѣ или поручительство нисколько не лишитъ обвиняемаго возможности вторично скрыться.

Вышецитированныя указанія сенатской практики коснулись лишь вопроса о необнаруженіи мѣста жительства обвиняемаго въ первой стадіи процесса, т. е. до разбора дѣла по существу. Въ судебно-мировой практикѣ часто однако встрѣчаются случаи, когда обвиняемый оказывается въ безвѣстной отлучкѣ при дальнѣйшемъ движеніи дѣла: обвиняемый, положимъ, повѣстку о вызовѣ на судъ получилъ, но при врученіи копіи заочнаго приговора онъ оказывается скрывшимся; или—другой случай—обвиняемому копія заочнаго приговора вручена, но послѣ подачи отзыва при вызовѣ въ судебное засѣданіе онъ находится въ безвѣстной отлучкѣ. Такія осложненія уголовного процесса особенно часто случаются въ мѣстностяхъ съ подвижнымъ, промысловымъ населеніемъ, постоянно отлучающимся на заработки.

Въ такихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто лишь пріостановленіе движенія дѣла съ примѣненіемъ той же мѣры пресѣченія невыдачи обвиняемому паспорта, о коей было упомянуто выше.

IV.

Рѣзкое исключеніе изъ общаго порядка судопроизводства, требующаго извѣщенія обвиняемаго о днѣ разбора дѣла и устанавливающаго извѣстныя правила въ случаѣ необнаруженія его мѣста жительства, представляютъ *дѣла о самовольномъ уходѣ съ работъ*.

По такого рода дѣламъ „при неизвѣстности мѣста пребыванія ушедшаго рабочаго повѣстка посылается въ мѣсто его приписки для врученія по принадлежности, при чемъ неврученіе повѣстки не приостанавливаетъ разбирательства у мирового судьи въ назначенный имъ срокъ“ (56¹ ст. уст. угол. суд.).

Такое рѣзкое исключеніе изъ общихъ процессуальныхъ правилъ, игнорирующее право обвиняемаго представлять ко дню разбора дѣла доказательства, опровергающія его виновность,—право, коимъ можно воспользоваться лишь въ случаѣ извѣщенія о днѣ разбора дѣла,—наводитъ на мысль, не представляютъ ли дѣла о самовольномъ уходѣ съ работъ лицъ, нанявшихся по договорнымъ листамъ, какихъ-либо исключительныхъ условий, при коихъ оправданія обвиняемаго не могутъ имѣть никакого значенія. Быть можетъ законодатель въ самомъ фактѣ самовольнаго ухода, констатированномъ протоколомъ полиціи, признавалъ достаточныя основанія для осужденія обвиняемаго;—быть можетъ при такой постановкѣ вопроса о виновности соблюденіе всѣхъ процессуальныхъ правилъ извѣщенія обвиняемаго о днѣ разбора представлялось лишнимъ тормазомъ для быстраго разрѣшенія дѣла? Правда, въ судебно-мировой практикѣ есть нѣсколько категорій дѣлъ, въ коихъ обвиненіе основывается исключительно на полицейскихъ и другихъ административныхъ сообщеніяхъ. Таковы дѣла о нарушеніяхъ строительнаго устава, объ уклоненіи отъ воинской повинности, о несоблюденіи правилъ объ учетѣ чиновъ запаса, о нарушеніи правилъ о паспортахъ и др., при разборѣ коихъ показанія свидѣтелей не могутъ имѣть существеннаго значенія. Однако и для перечисленныхъ категорій дѣлъ законодателемъ никакихъ процессуальныхъ исключеній не установлено.

Между тѣмъ самовольный уходъ съ работъ самъ по себѣ не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для осужденія обвиняемаго; есть много причинъ, дѣлающихъ это дѣяніе ненаказуемымъ: сюда входятъ—и не сильное отягощеніе рабочаго работою, и оскорбленіе его дѣйствіемъ со стороны напимателя, и болѣзнь рабочаго, и много другихъ обстоятельствъ, кои могутъ

быть установлены только свидѣтельскими показаніями. Изложенное приводит къ выводу, что извѣщеніе обвиняемаго о днѣ разбора дѣла повѣсткою имѣетъ для него существенное значеніе, такъ какъ даетъ ему возможность опровергнуть взведенное обвиненіе путемъ свидѣтельскихъ показаній. Скажемъ даже больше: изъ общаго количества дѣлъ о самовольномъ уходѣ съ работъ почти всегда наберется около 90% такихъ, въ коихъ самовольный уходъ вызванъ причинами, оправдываемыми самимъ закономъ. Рабочій не станетъ зря бросать своего хозяина, а договорному листу, какъ и вообще всякому письменному условію, простой людъ придаетъ слишкомъ большое значеніе и безъ причины не станетъ нарушать своихъ обязательствъ; если же иногда онъ вынужденъ бросить работу, то чаще всего вслѣдствіе прижимокъ и несправедливости самихъ нанимателей.

Изъ послѣдовавшаго тотчасъ вслѣдъ за изданіемъ положенія о наймѣ циркуляра Министерства Юстиціи отъ 3 іюля 1886 года за № 18807 можно заключить, что допущеніе разбирательства дѣлъ о рабочихъ безъ врученія повѣстокъ обвиняемымъ имѣло исключительной цѣлью ускореніе разбора дѣлъ о самовольномъ уходѣ съ работъ. Указанный циркуляръ вмѣняетъ мировымъ судьямъ въ обязанность рѣшать дѣла о самовольно ушедшихъ рабочихъ безотлагательно, въ всякой очереди, съ назначеніемъ обвиняемому самаго краткаго срока на явку. Однако это процессуальное исключеніе на практикѣ нисколько не ускорило разбирательства вышеозначенныхъ дѣлъ. При неявкѣ обвиняемаго на судъ, независимо отъ того, вручена ли была ему повѣстка, или нѣтъ, долженъ быть постановленъ заочный приговоръ, для коего никакихъ изытаній по дѣламъ о самовольномъ уходѣ съ работъ не сдѣлано. Пока не будетъ вручена обвиняемому копія приговора, пока не истечетъ установленный двухнедѣльный срокъ, до тѣхъ поръ заочный приговоръ не можетъ считаться вступившимъ въ законную силу; и слѣдовательно все дальнѣйшее движеніе процесса поставлено въ зависимости отъ успѣшности розыска обвиняемаго и обнаруженія его мѣста жительства. Всѣ изложенныя соображенія приводятъ къ заключенію, что 56¹ статья устава уголовнаго судопроизводства звучитъ лишь рѣзкимъ диссонансомъ въ общей гармоніи уголовно-процессуальныхъ положеній и не дала на практикѣ никакого существеннаго результата.

Другое исключеніе изъ общаго порядка вызова обвиняемаго къ суду представляютъ дѣла, касающіяся лицъ, сосланныхъ въ

Сибирь или по приговорамъ судебныхъ мѣстъ, или по постановленіямъ мѣстныхъ обществъ.

Дѣла эти въ отношеніи личной отвѣтственности обвиняемыхъ подлежатъ въ мировыхъ установленіяхъ прекращенію и не требуютъ разбирательства по существу (опр. Общ. Собр. Касс. Деп. 27 ноября 1872 г. и 12 марта 1873 г. по дѣлу Махотина; Угол. Касс. Деп. 74 г. № 597 по дѣлу Юрѣва и др.).

Сенатской практикой очевидно давно уже была признана безцѣльность розысковъ обвиняемыхъ по дѣламъ, возбужденнымъ у мировыхъ судей, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые сосланы въ Сибирь. При освобожденіи обвиняемыхъ отъ суда и наказанія по такого рода дѣламъ очевидно были приняты въ соображеніе, съ одной стороны, маловажность проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію мировыхъ установленій, а съ другой и то обстоятельство, что при тяготящемъ надъ обвиняемымъ столь строгомъ наказаніи, какъ ссылка,—установленіе репрессіи въ меньшемъ размѣрѣ не оправдывалось бы ни затруднительностью процесса привлеченія такихъ обвиняемыхъ къ суду, ни самой теоріей о совокупности проступковъ, оставляющей безъ наказанія маловажное правонарушеніе при наличности болѣе тяжкаго преступленія.

V.

Указаніе проступка, въ коемъ извѣстное лицо обвиняется, составляетъ третье существенное условіе для привлеченія виновнаго къ уголовной отвѣтственности. Это условіе не вмѣняетъ въ обязанность ни полиціи, ни частному обвинителю съ строгой послѣдовательностью квалифицировать извѣстное дѣяніе, т. е. подводить его подъ ту или иную статью уголовного кодекса. Правильная квалификація проступка лежитъ на обязанности суда и является результатомъ судебной провѣрки доказательствъ, дающей ключъ къ выясненію специфическихъ свойствъ каждаго проступка. Для привлеченія кого-либо къ отвѣтственности достаточно лишь, чтобы приписываемое извѣстному лицу дѣяніе было воспрещено подѣ страхомъ наказанія. Какой же исходъ должно получить дѣло, если судья ни въ частной жалобѣ, ни въ полицейскомъ дознаніи не усмотритъ состава преступленія? Назначать подобныя дѣла къ разбору по существу, вызывать въ судебное засѣданіе стороны и свидѣтелей было бы не только безцѣльной и бесполезной работой, но ставило бы въ крайне тяжелое положеніе и предполагаемаго обви-

няемого, обязанного фигурировать на скамье подсудимых, при завѣдомой непроступности его дѣянiя. Между тѣмъ многіе судьи, во избѣжаніе какихъ-либо нареканій на поверхностное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, установили въ своей практикѣ такой порядокъ, что все подобныя дѣла разсматриваются въ судебномъ засѣданіи съ вызовомъ и допросомъ сторонъ и свидѣтелей, хотя показанія свидѣтелей являются лишь повтореніемъ того, что уже изложено въ жалобѣ или на дознаніи. Это происходитъ оттого, что въ уголовномъ кодексѣ нѣтъ какихъ-либо разъясненій по этому вопросу, сенатская же практика расчленила данный вопросъ на три отдѣльныя категоріи: въ отношеніи дѣлъ частнаго порядка Сенатомъ разъяснено, что при отсутствіи въ обжалуемыхъ дѣянiяхъ состава преступленія слѣдуетъ постановлять прямо оправдательные приговоры, безъ вызова и допроса свидѣтелей (73—882, Лебедева; 75—332, Комличенко; 75—520, Черевина и др.); въ отношеніи дѣлъ общаго порядка, при наличности означеннаго условія, вмѣняется въ обязанность прекращать такія дѣла за силой 1 ст. уст. угол. суд. (Общ. Собр. 75—58; цир. ур. 77 г. № 26); и, наконецъ, при наличности въ дѣянiи обвиняемого проступка, преслѣдуемаго въ порядкѣ частнаго обвиненія,—прекращеніе дѣла должно имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если уголовное преслѣдованіе возбуждено по инициативѣ самой полиціи.

Во всехъ означенныхъ случаяхъ прекращеніе дѣла можетъ имѣть мѣсто лишь въ судебномъ засѣданіи съ вызовомъ потерпѣвшаго и самыя постановленія о прекращеніи дѣла могутъ подлежать обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ. Приведенныя разъясненія Сената нуждаются въ одной лишь маленькой поправкѣ: постановленіе оправдательныхъ приговоровъ по частнымъ жалобамъ, при отсутствіи состава преступленія, является совершенно излишнимъ. Всякій оправдательный приговоръ есть результатъ недоказанности совершенія обвиняемымъ приписываемаго ему проступка; если же дѣянiе извѣстнаго лица никакого проступка не заключаетъ, то признаніе судомъ отсутствія признаковъ преступленія, какъ представляющее разрѣшеніе лишь преюдиціальнаго вопроса, вовсе не нуждается въ своей санкціи въ видѣ оправдательнаго приговора; если нѣтъ въ дѣянiи извѣстнаго лица признаковъ преступленія, то не въ чемъ его и оправдывать. Точно также безцѣльнымъ представляется и прекращеніе подобныхъ жалобъ въ судебномъ засѣданіи, если изъ самой жалобы уже видно, что дѣянiе обвиняемаго не наказуемо. Самымъ удобнымъ въ та-

кихъ случаяхъ представляется практикуемый въ нашихъ мировыхъ установленіяхъ порядокъ возвращенія такихъ жалобъ просителю при особомъ постановленіи, которое обвинитель можетъ обжаловать въ сѣздъ въ частномъ порядкѣ. Прекращеніе же дѣла, возникшаго въ порядкѣ частнаго обвиненія, можетъ имѣть мѣсто въ другомъ случаѣ, а именно тогда, когда по жалобѣ, удовлетворявшей всѣмъ законнымъ требованіямъ, было возбуждено уголовное преслѣдованіе, а затѣмъ на судебномъ слѣдствіи выясняется, что дѣяніе подсудимаго не заключаетъ состава преступленія. Положимъ А. жалуется на Б. за то, что онъ обидѣлъ его словами, и указываетъ свидѣтелей происшествія; заводится дѣло, вызываются стороны и свидѣтели и при допросѣ свидѣтелей выясняется, что Б. дѣйствительно назвалъ А. оскорбительными словами, но въ отсутствіи самого А., который этой брани не могъ слышать. Такое дѣяніе Б. не заключаетъ въ себѣ состава обиды, наказуемой нашимъ уставомъ,—и дѣло за отсутствіемъ состава преступленія должно быть прекращено.

Измѣненіе квалификаціи извѣстнаго проступка вызываетъ въ судебно-мировой практикѣ нерѣдко затрудненія процессуальнаго характера. Предположимъ А. заявилъ полиціи или мировому судѣ жалобу на Б. за кражу у него ржи съ его поля. Возбуждается дѣло и Б. привлекается къ уголовной отвѣтственности за кражу. А., получивъ повѣстку о вызовѣ его въ судебное засѣданіе въ качествѣ обвинителя,—и считая на основаніи 135 ст. уст. угол. суд. свое присутствіе на судѣ не обязательнымъ,—не является къ разбору дѣла. Между тѣмъ въ судебномъ засѣданіи изъ допроса свидѣтелей выясняется, что дѣяніе подсудимаго заключаетъ въ себѣ признаки не кражи, а самовольнаго пользованія чужимъ имуществомъ, предусмотрѣннаго 145 ст. уст. наказ. и преслѣдуемаго лишь въ порядкѣ частнаго обвиненія. При такомъ положеніи дѣла возникаетъ коллизія двухъ процессуальныхъ началъ: съ одной стороны, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Сената (69—251; 71—1473; 73—725; 76—252), неправильная квалификація потерпѣвшимъ преступнаго дѣянія не даетъ судѣ права постановлять оправдательный приговоръ, а обязываетъ его исправить квалификацію и постановить приговоръ въ соотвѣтствіи съ новымъ видомъ преступнаго дѣянія, а съ другой—неявка частнаго обвинителя должна повлечь, за силой 135 ст. уст. угол. суд., отказъ въ жалобѣ,—и разбирательство такихъ дѣлъ въ отсутствіи обвинителя мѣста имѣть не можетъ (69—236, Давидовича).

Изъ изложеннаго сопоставленія можно придти къ заключенію, что при подобнаго рода видоизмѣненіи уголовного преслѣдованія обвинительный приговоръ можетъ имѣть мѣсто въ томъ лишь случаѣ, если соблюдены необходимыя процессуальныя условія:—если потерпѣвшій къ разбору дѣла не явился, то онъ не можетъ рассчитывать на тѣ послѣдствія, кои обусловлены его личной явкой; обвиняемый въ кражѣ долженъ быть оправданъ, при чемъ за потерпѣвшимъ можетъ быть сохранено право возбудить обвиненіе по 145 ст. уст. наказ. въ частномъ порядкѣ.

VI.

По дѣламъ, преслѣдуемымъ въ частномъ порядкѣ, обязательно *указаніе* въ жалобѣ *доказательства* въ подкрѣпленіе взводимаго обвиненія. Сообщеніе доказательствъ по этого рода дѣламъ требуется лишь по возможности, и неуказаніе ихъ, по разъясненію Сената, не можетъ служить поводомъ къ отказу въ принятіи жалобы (70—18, Романовскаго; 71—1238, Наумова и др.).

Частный обвинитель самъ долженъ озаботиться о представленіи доказательствъ ко дню судебного засѣданія;—и для суда совершенно безразлично, будутъ ли эти доказательства, напр., ссылка на свидѣтелей, указаны въ жалобѣ,—или же обвинитель представить ихъ при разборѣ дѣла. Совершенно иначе законодатель относится къ полицейскимъ и другимъ административнымъ сообщеніямъ. Дознанія по самому существу своему должны представлять весь матеріалъ, необходимый для вчатія уголовного преслѣдованія. Если этого матеріала недостаточно для возбужденія обвиненія, если никакихъ доказательствъ противъ обвиняемаго дознаніемъ не добыто,—тогда возбужденіе уголовного преслѣдованія не можетъ имѣть мѣста и дознаніе подлежитъ прекращенію. Севастская практика давно уже указала на прекращеніе дѣлъ при отсутствіи въ дознаніяхъ какихъ-либо уликъ, какъ на единственный цѣлесообразный исходъ, избавляющій частныхъ лицъ отъ напраснаго привлеченія къ суду (О. С. 75—58; ц. ук. 15 янв. 77 г.).

Въ нашей судебно-мировой практикѣ внѣсудебный анализъ доказательствъ, сообщаемыхъ полицейскими дознаніями, почти не примѣняется. Мировые судьи, часто заваленные массой вступающихъ бумагъ, не въ состояніи дѣлать критической провѣрки каждому поступающему дознанію,—и ходатайство полиціи о привлеченіи кого-либо къ уголовной отвѣтственности является достаточнымъ для возбужденія уголовного преслѣдованія. Часто все обвиненіе

основано на голословномъ подозрѣніи кого-либо вслѣдствіе данныхъ враждебныхъ отношеній между сторонами; часто всѣ допрошенные на дознаніи свидѣтели раскрыли тѣ личные, своекорыстные мотивы, кои для потерпѣвшаго дали поводъ къ обвиненію,—но ихъ зовутъ за десяткі верстъ въ камеру судьи для автоматическаго повторенія прежнихъ показаній, данныхъ въ пользу обвиняемаго, зовутъ на судъ и самого подсудимаго, обязаннаго фигурировать въ процессѣ съ позорной кличкой преступника, а иногда подвергаютъ унижительной процедурѣ привода подъ конвоемъ мѣстныхъ сельскихъ властей.

Возьмемъ примѣръ: у кр. Иванова пропала лошадь; въ кражѣ онъ заподозрилъ своего сосѣда Петрова на томъ лишь основаніи, что послѣдній лѣтъ десять назадъ судился за кражу. Опрошенные полиціей ночные обходные, числомъ шесть человекъ, показали, что ночью, на разсвѣтѣ, расходясь по своимъ домамъ, они слышали на краю села грохотъ телеги, но кто ѣхалъ и куда,—они не видѣли. Ближайшіе сосѣди Петрова показали, что онъ всю ночь провелъ дома и никуда не отлучался,—а утромъ молотилъ хлѣбъ въ своей ригѣ. Дальнѣйшіе розыски виновнаго окончились ничѣмъ и дѣло передано судѣ для подверженія Петрова наказанію по 170 ст. уст. наказ.—за кражу лошади.

Или другой примѣръ: у кр. Андреева ночью пропала со двора кадка; свое подозрѣніе онъ заявилъ на Сидорова, такъ какъ де два года назадъ во время ссоры Сидоровъ пригрозилъ отомстить ему. Слѣдовъ на мѣстѣ преступленія не обнаружено, а при обыскѣ у Сидорова ничего не нашли. Часть указанныхъ Андреевымъ свидѣтелей удостовѣрила, что у него была кадка, но кто ее похитилъ—неизвѣстно, а другіе заявили, что два года назадъ Андреевъ и Сидоровъ подрались, объ угрозахъ же они ничего не знаютъ.

Въ такомъ видѣ дѣло направляется судѣ,—и опять-таки съ ходатайствомъ о привлеченіи Сидорова къ отвѣтственности за кражу. Полиція вообще неохотно направляетъ къ мировымъ судьямъ дѣла для прекращенія—или за необнаруженіемъ виновныхъ, или за отсутствіемъ уликъ противъ заподозрѣннаго потерпѣвшимъ лица. Это вызывается отчасти односторонней оцѣнкой имѣющихся по дѣлу доказательствъ и придаваніемъ имъ преувеличеннаго значенія, а чаще всего вслѣдствіе желанія чиновъ полиціи обрисовать дѣятельность, направленную къ обнаруженію виновныхъ, въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ;—для полицейскаго урядника, напримѣръ, достаточно ничтожнаго предлога, чтобы припутать кого-либо къ

дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, и дальнѣйшіе розыски виновныхъ могутъ быть покончены. Но что дѣлать мировому судѣ съ подобнаго рода дознаніями? Самое поверхностное чтеніе дознаній, составленныхъ въ видѣ двухъ вышеприведенныхъ примѣровъ, приводитъ къ убѣжденію въ невинности заподозрѣннаго потерпѣвшимъ лица, личныя объясненія потерпѣвшаго обыкновенно ничего новаго въ дополненіе къ сообщеннымъ полиціи свѣдѣніямъ не прибавляютъ, а опросъ свидѣтелей, какъ мы выше указывали, оказывается совершенно безцѣльнымъ.

Возбужденіе уголовного преслѣдованія по подобнымъ дѣламъ и привлеченіе обвиняемаго къ суду, несмотря на постановленіе оправдательнаго приговора, далеко не упрочиваетъ за подсудимымъ репутаціи благонадежности. Такой человекъ навсегда останется въ глазахъ крестьянской среды подозрительнымъ и неблагонадежнымъ; при всякой случившейся въ деревнѣ кражѣ общественное вниманіе тотчасъ съ подозрительностью останавливается на лицахъ, подвергавшихся судимости, и ихъ припутываютъ къ каждому дѣлу безъ всякихъ основаній,—въ силу одного разъ навсегда установившагося предубѣжденія. Мы не говоримъ уже о томъ моральномъ чувствѣ угнетенія, озлобленности противъ своихъ односельцевъ,—недовѣрія къ суду, какое испытываетъ подсудимый при завѣдомой своей невинности. Нѣтъ, для судьбы при подобной постановкѣ обвиненія есть единственный разумный выходъ направить дѣло для прекращенія въ судебномъ засѣданіи, извѣстивъ объ этомъ потерпѣвшаго. Если же послѣдній, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, представитъ какія-либо новыя доказательства, не бывшія въ виду на дознаніи,—тогда безъ всякаго ущерба для дѣла можетъ быть назначена въ судебномъ засѣданіи повѣрка доказательствъ съ вызовомъ сторонъ и необходимыхъ свидѣтелей.

А. Бутовскій.

II.

КАКОЙ ИМЕННО АКТЪ СЛѢДУЕТЪ СЧИТАТЬ КРѢПОСТНЫМЪ ПО ЗАКОНУ 26 ОКТЯБРЯ 1884 ГОДА, ИЗДАННОМУ ДЛЯ БАТУМСКАГО ОКРУГА И КАРССКОЙ ОБЛАСТИ?

Закономъ 26 октября 1884 года, вошедшимъ въ примѣчанія къ статьямъ 66 полож. о нотар. части и 1480 уст. гражд. суд., повелѣвается: 1) чтобы нотаріусы совершали и старшіе нотаріусы утверждали акты, которыми устанавливаются права на недвижимыя имущества въ Карсской и бывшей Батумской областяхъ, лишь въ томъ случаѣ, если въ удостовѣреніе права собственности на тѣ имущества будутъ представлены крѣпостные акты, совершенные на основаніи русскихъ законовъ, и 2) чтобы въ Карсской области и округахъ Батумскомъ и Артвинскомъ недвижимое имѣніе, на которое обращено взысканіе, не назначалось къ публичной продажѣ, если владѣлецъ или залогодержатель не имѣютъ крѣпостнаго акта, совершеннаго на основаніи русскихъ законовъ. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что приведенный выше законъ 26 октября 1884 года устраняетъ всякую мысль о возможности производить отчужденіе земель въ названныхъ округахъ и области безъ обладанія русскимъ крѣпостнымъ актомъ, и если бы выраженіе *крѣпостной актъ* вѣрно и однообразно понималось подлежащими судебными мѣстами Закавказскаго края, то, очевидно, не было бы, по крайней мѣрѣ съ 1884 года, тѣхъ земельныхъ захватовъ въ указанныхъ выше, недавно къ Россіи присоединенныхъ территорій, устраненіе которыхъ нынѣ составляетъ предметъ особой заботы правительства, и которые, какъ извѣстно, вызвали въ октябрѣ 1894 года въ Петербургѣ особое совѣщаніе по вопросамъ *о способахъ и порядкѣ укрѣпленія правъ казны и частныхъ лицъ на земли въ Карсской и бывшей Батумской областяхъ*, въ каковомъ совѣщаніи участвовали представители Министерствъ: Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, а равно Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Но вся бѣда заключается въ томъ, что выраженіе *крѣпостной актъ*, какъ это не кажется на первый взглядъ страннымъ, возбуждаетъ много споровъ на практикѣ и неправильно понимается при примѣненіи закона 26 октября 1884 года. Значеніе *крѣпостныхъ актовъ* иногда даютъ такимъ документамъ, которыхъ, собственно говоря, ни по точному и буквальному смы-

слу закона, ни по цѣли законодателя, нельзя признать крѣпостными актами. Многимъ, быть можетъ, покажется совершенно излишнимъ и, пожалуй, празднымъ поставленный мною выше вопросъ о крѣпостномъ актѣ, и мнѣ, можетъ быть, отвѣтять на мой вопросъ словами закона (ст. 79 полож. о нотар. части), по которому *крѣпостными актами называются акты, утвержденные старшимъ нотаріусомъ*; но судебная практика не довольствуется такимъ опредѣленіемъ крѣпостнаго акта, признавая, что акты, какъ утвержденные старшимъ нотаріусомъ, такъ и отмѣченные послѣднимъ въ крѣпостномъ реестрѣ, суть крѣпостные. Такой, по моему мнѣнію, неправильный взглядъ на крѣпостной актъ далъ полную возможность захватчикамъ земель въ Батумскомъ округѣ совершенно обойти законъ 26 октября 1884 года. Дѣло въ томъ, что если акты, отмѣченные старшимъ нотаріусомъ въ крѣпостномъ реестрѣ (врем. прав. и формы для нотар. и старш. нотар. при примѣненіи полож. о нотар. части ст. 73), считать наравнѣ съ крѣпостными актами, указанными въ законѣ 26 октября 1884 года (примѣчанія къ ст. 66 нотар. полож. и къ ст. 1480 уст. гражд. суд.), то этотъ послѣдній законъ потеряетъ всякое значеніе, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ, и обратится въ мертвую букву, ибо, къ сожалѣнію, есть, по крайней мѣрѣ, три способа приобрѣсти совершенно фиктивно акты, отмѣченные въ крѣпостномъ реестрѣ, а именно: 1) составляется фиктивное третейское рѣшеніе, по которому третейскій судья присуждаетъ отъ одного лица къ другому (по обоюдному разумѣется согласію и желанію этихъ лицъ) землю; такое рѣшеніе представляется въ подлежащій, по цѣнѣ иска, судъ (ст. 1394 уст. гражд. суд.), откуда выдается исполнительный листъ; по этому листу фиктивно выигравшій недвижимое имѣніе вводится во владѣніе (1 п. 933 и 1209 ст. уст. гражд. суд.), послѣ чего означенный листъ отмѣчается старшимъ нотаріусомъ въ крѣпостномъ реестрѣ (73 ст. врем. прав. и формъ по нотаріальной части); 2) одинъ предъявляетъ къ другому въ судѣ, разумѣется фиктивно, искъ о землѣ; когда дѣло назначено къ слушанію, являются стороны и мирятся между собою; составляется протоколъ, въ которомъ излагается мировая сдѣлка объ уступкѣ однимъ изъ нихъ другому спорной земли, а такъ какъ по разъясненію Гражд. Касс. Департ. Сената (1873 года, № 1511) протоколъ суда, въ которомъ изложена мировая сдѣлка по дѣлу о недвижимомъ имѣніи, доказываетъ, безъ всякаго особеннаго акта укрѣпленія, право собственности на имѣніе, то и такой мировой

протоколь подлежить правилу упомянутой выше 73 ст. врем. прав. и формъ по нотар. части относительно отмѣтки въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ; хотя есть и совершенно противоположное рѣшеніе того же Гражд. Кассац. Департ. Сената за 1889 годъ № 70, по каковому рѣшенію мировыя сдѣлки не подлежатъ отмѣткѣ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ; 3) желающіе продать землю въ Батумскомъ округѣ, но неимѣющіе на ту землю крѣпостнаго акта, утвержденнаго старшимъ нотаріусомъ, обращаются въ судъ (мировой или окружной, смотря по оцѣнкѣ земли) съ просьбою о предоставленіи имъ права получить, согласно 3 примѣч. къ 396 ст. V т. уст. о пошл., свидѣтельство на владѣемую землю; судъ, на основаніи разъясненія Гражд. Кассац. Департ. Сената 1872 года № 792, выдаетъ ему свидѣтельство по допросѣ указанныхъ просителемъ же свидѣтелей въ охранительномъ порядкѣ, и такое свидѣтельство, замѣняющее актъ укрѣпленія, отмѣчается въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ ¹⁾).

Вотъ три способа полученія актовъ, считаемыхъ нѣкоторыми судебными мѣстами, и въ числѣ ихъ Тифлискою судебною палатою, наравнѣ съ крѣпостными актами, совершенными на основаніи русскихъ законовъ. Означенная судебная палата не находитъ никакой разницы между крѣпостными актами, т. е. актами, утвержденными старшимъ нотаріусомъ (79 ст. полож. о нотар. части), и актами, лишь отмѣченными въ крѣпостномъ реестрѣ (73 ст. врем. прав. для нотар. и старш. нотар.), но неутвержденными старшимъ нотаріусомъ. Чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ привести въ примѣръ опредѣленіе Тифлискою судебною палатою, по 2-му Гражданскому Департаменту ея, состоявшееся 5 августа 1897 года по жалобѣ Граціи Мчеделовой на опредѣленіе Кутаисскаго окружнаго суда, коимъ не уважена жалоба ея на старшаго нотаріуса за отказъ въ утвержденіи купчей крѣпости на проданный ей мужемъ ея, Леваномъ Мчеделовымъ, участокъ земли, находящійся въ Батумскомъ округѣ. По этому дѣлу на продаваемую землю представленъ былъ не крѣпостной актъ, а исполнительный листъ, удостовѣряющій переходъ продаваемой земли по мировой сдѣлкѣ,

---

¹⁾ Такой порядокъ полученія акта укрѣпленія, какъ извѣстно, не установленъ дѣйствующимъ закономъ, а созданъ сенатскою практикою; его завоевала сама жизнь, но нельзя сказать, чтобы трофеемъ этой побѣды принесъ особенную пользу вообще и въ особенности въ Батумскомъ и Артвинскомъ округахъ, гдѣ онъ создалъ дѣлу безурядицу въ землевладѣніи.

отмѣченный въ крѣпостномъ реестрѣ. Старшій нотаріусъ и окружный судъ находили, что переходъ права собственности на землю, лежащую въ Батумскомъ округѣ, не можетъ быть допущенъ безъ крѣпостнаго акта на отчуждаемую землю, согласно Высочайше утвержденному 26 октября 1884 года положенію Комитета Министровъ (примѣч. къ ст. 66 полож. о нотар. части). Судебная палата, не находя разницы между актами крѣпостными и актами, отмѣченными въ крѣпостномъ реестрѣ, высказала слѣдующее: „при совершенномъ тождествѣ значенія и силы судебныхъ рѣшеній и мировыхъ протоколовъ, устанавливающихъ переходъ права собственности на недвижимое имѣніе, съ крѣпостными актами (ст. 157 нотар. полож.), нельзя допустить, чтобы выраженіе крѣпостной актъ, совершенный на основаніи русскихъ законовъ, было употреблено въ законѣ 26 октября 1884 года, послужившемъ источникомъ примѣчаній къ ст. 66 нотар. полож. и къ ст. 1480 уст. гражд. суд., съ цѣлью отнятія у судебного рѣшенія и мирового протокола этой силы, ибо такая мѣра не могла быть принята безъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ самомъ судопроизводствѣ по дѣламъ о правѣ собственности на недвижимыя имѣнія въ смыслѣ, напримѣръ, воспрещенія судебнымъ мѣстамъ разбирать такого рода дѣла, когда принадлежность имѣнія лицу, заявляющему на него притязаніе, не удостовѣрена крѣпостнымъ актомъ“. Если согласиться съ этимъ взглядомъ судебной палаты, то законъ 26 октября 1884 года не можетъ сохранить за собою никакого практическаго значенія и его слѣдовало бы отмѣнить, ибо при такомъ взглядѣ означенный законъ не можетъ помѣшать ни переходу, ни ограниченію права собственности на недвижимыя имущества въ Батумскомъ и Артвинскомъ округахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сегодня нѣтъ у меня крѣпостнаго акта на землю, лежащую въ одномъ изъ означенныхъ округовъ, и я не могу, въ силу означеннаго закона, продать ту землю; но черезъ нѣсколько дней я могу заручиться исполнительнымъ или вводнымъ листомъ однимъ изъ трехъ вышеуказанныхъ способовъ, т. е. приобрѣту актъ, отмѣченный въ крѣпостномъ реестрѣ, и для меня уже не будетъ существовать прелятствія, созданнаго закономъ 26 октября 1884 года; этотъ законъ будетъ обойденъ вполне; земля моя въ Батумскомъ округѣ будетъ продана. Конечно, взглядъ судебной палаты, что недвижимое имѣніе можно продать какъ на основаніи крѣпостнаго акта, такъ и на основаніи всякаго другаго акта, отмѣченнаго въ крѣпостномъ реестрѣ, вообще правиленъ, но только

не въ отношеніи недвижимаго имущества, лежащаго въ Карсской области и въ округахъ Батумскомъ и Артвинскомъ. Собственно говоря, продать можно недвижимое имѣніе и безъ всякаго акта (рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената 1893 г. № 107), коль-скоро имъ владѣеть продавецъ наслѣдственно; но это возможно внѣ означенныхъ области и округовъ. Для этихъ мѣстъ существуетъ временной, спеціальный законъ 26 октября 1884 года, который требуетъ, чтобы отчуждающій въ этихъ мѣстахъ свое недвижимое имущество имѣлъ бы крѣпостной, а не какой-либо другой актъ на это имущество. Какъ извѣстно, никакое толкованіе закона, приводящее къ явному абсурду, не можетъ быть терпимо; между тѣмъ если означенный законъ 26 октября 1884 года толковать въ томъ смыслѣ, что онъ не дѣлаетъ никакого различія между актами, утвержденными старшимъ нотаріусомъ, и актами, лишь отмѣченными послѣднимъ въ крѣпостномъ реестрѣ, то становится положительно непонятнымъ, какую цѣль преслѣдуетъ означенный законъ и для чего онъ изданъ. Законъ этотъ—Высочайше утвержденное 26 октября 1884 года положеніе Комитета Министровъ—вызванъ протестомъ бывшаго главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, князя Дондукова-Корсакова, противъ дѣйствій судебныхъ и нотаріальныхъ учрежденій, способствовавшихъ къ переходу въ ущербъ казны земель отъ однихъ лицъ къ другимъ, и, по моему мнѣнію, если въ точности исполнялся бы истинный смыслъ этого закона, то земельнымъ захватамъ въ тѣхъ мѣстахъ, для которыхъ онъ изданъ, былъ бы положенъ конецъ. Замѣчательно, что упомянутое мною выше, состоявшееся въ октябрѣ [1894 года въ Петербургѣ *особое совѣщаніе по вопросамъ о способахъ и порядкѣ укрѣпленія правъ казны и частныхъ лицъ на земли въ Карсской и бывшей Батумской областяхъ*], обошло молчаніемъ разсматриваемый мною вопросъ, а между тѣмъ оно нашло нужнымъ сохранить въ полной силѣ и на будущее время законъ 26 октября 1884 года. Означенное совѣщаніе главнымъ образомъ обсудило вопросъ о правильности примѣненія въ Карсской и бывшей Батумской областяхъ закона о земской давности и о значеніи состоявшихся уже судебныхъ опредѣленій по укрѣпленію земель за частными лицами по давностному владѣнію. Правда, этотъ вопросъ, возбуждаемый закономъ 26 октября 1884 года, тоже интересовалъ подлежащіе окружные суды округа Тифлисской судебной палаты, и по докладу пишущаго эти строки, какъ члена суда, 1 марта 1890 года въ общемъ собраніи отдѣленій Кутаисскаго окружнаго суда слушался вопросъ

о томъ: могутъ ли быть удовлетворяемы просьбы о признаніи правъ собственности на земли, лежащія въ Батумской области, когда таковыя просьбы заявляются на основаніи давностнаго владѣнія тѣми землями,—при чемъ судъ по изложеннымъ въ своемъ опредѣленіи соображеніямъ, привести которыя здѣсь не позволяютъ предѣлы этой статьи, постановилъ: на основаніи 250 ст. учр. суд. уст. разъяснить мировому судѣ Батумскаго отдѣла, что предъявляемыя въ охранительномъ порядкѣ просьбы о признаніи права собственности по давностному владѣнію на земли, лежащія въ бывшей Батумской области, не должны быть удовлетворяемы въ силу 533 и 565 ст. X т. ч. 1 зак. гражд. и Высочайше утвержденнаго 26 октября 1884 года положенія Комитета Министровъ. Однако это постановленіе общаго собранія отдѣленій суда было отмѣнено общимъ собраніемъ департаментовъ Тифлисской судебной палаты, состоявшимся 4 февраля 1891 года, и полученіе владѣнныхъ свидѣтельствъ на земли, лежащія въ Батумскомъ округѣ, вновь стало продолжаться. Если даже допустить, согласно мнѣнію Тифлисской судебной палаты, что въ Карсской области и въ Батумскомъ и Артвинскомъ округахъ законъ 26 октября 1884 года не приостанавливаетъ полученіе владѣнныхъ свидѣтельствъ на земли, тамъ лежащія, то этотъ законъ во всякомъ случаѣ препятствуетъ переходу тѣхъ земель отъ тѣхъ лицъ, которыя на нихъ получили владѣнное свидѣтельство, къ другимъ лицамъ. Это я доказываю слѣдующими соображеніями: владѣнное свидѣтельство лишь отмѣчается въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ старшимъ нотаріусомъ, но не утверждается послѣднимъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената 1872 года № 792); слѣдовательно, хотя означенное свидѣтельство замѣняетъ актъ укрѣпленія, но оно не есть крѣпостной актъ, о которомъ говоритъ законъ 26 октября 1884 года, ибо на точномъ основаніи 79 и 157 ст. положенія о нотар. части крѣпостными актами называются лишь такіе акты, которые утверждены старшимъ нотаріусомъ, а не отмѣчены только въ крѣпостномъ реестрѣ. Законы наши, а равно и сенатская практика всегда строго отличали другъ отъ друга акты, утвержденные старшимъ нотаріусомъ, отъ актовъ, отмѣченныхъ въ крѣпостномъ реестрѣ. На основаніи 1509 ст. X т. ч. 1 зак. гражд., примѣчанія 2-го къ 32 ст. врем. прав. и формъ для руков. нотар. и стар. нотар. и рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената 1879 года № 38, купчая крѣпость и данная суть акты не тождественные, и не всѣ юридическія принадлежности купчей примѣняются къ данной; на основаніи 5 п. 32, 71 и 73 ст. тѣхъ же

врем. прав. и формъ для нот. и стар. нот., а равно на основаніи 181 ст. полож. о нот. части, данныя и акты о переходѣ права собственности на недвижимыя имѣнія представляются старшему нотаріусу для отмѣтки въ крѣпостномъ реестрѣ, а не для утвержденія. Здѣсь естественно рождается вопросъ: есть ли какая-нибудь существенная разница между актами, утвержденными старшимъ нотаріусомъ, и актами, отмѣченными послѣднимъ въ крѣпостномъ реестрѣ? По моему мнѣнію, есть между означенными актами довольно существенная разница, и на эту разницу указано въ рѣшеніи Гражд. Касс. Деп. Сената за 1890 годъ № 100 и въ 167 и 168 ст. полож. о нотар. части, а именно: при утвержденіи выписи купчей роль старшаго нотаріуса активная, онъ удостовѣряется какъ въ томъ, воспрепятствуютъ или нѣтъ законы гражданскіе совершенію и утвержденію акта, такъ и въ томъ, дѣйствительно ли принадлежитъ указанное въ предъявленной ему выписи имущество сторонѣ, его отчуждающей или соглашающейся на ограниченіе права собственности, для чего онъ и наводитъ справки согласно 168 ст. пол. о нот. части. Между тѣмъ при отмѣткѣ въ крѣпостномъ реестрѣ акта старшій нотаріусъ играетъ чисто пассивную роль; онъ только обязанъ удостовѣриться въ томъ, выданъ ли предъявленный ему актъ по распоряженію надлежащей власти и совершенъ ли онъ надлежащимъ должностнымъ лицомъ, и если актъ удовлетворяетъ этому условію, старшій нотаріусъ обязанъ отмѣтить его въ крѣпостномъ реестрѣ, невзирая на то, принадлежитъ или нѣтъ значущее въ томъ актѣ недвижимое имѣніе лицу, отъ котораго оно переходитъ къ другому. Изъ всего этого очевидно, что законодатель, издавая законъ 26 октября 1884 года, имѣлъ въ виду лишь утвержденные старшимъ нотаріусомъ акты, а не отмѣченные въ крѣпостномъ реестрѣ, и если судебныя мѣста со дня изданія означеннаго закона не разрѣшали въ Батумскомъ округѣ и въ Карсской области переходъ недвижимаго имущества безъ крѣпостныхъ, т. е. утвержденныхъ актовъ, и если послѣдніе акты не считались во всемъ наравнѣ съ актами, отмѣченными въ крѣпостномъ реестрѣ, то и не было бы охоты у захватчиковъ чужой земли домогаться полученія владѣннаго свидѣтельства и другихъ актовъ, отмѣченныхъ въ крѣпостномъ реестрѣ, но коль-скоро отмѣченные въ реестрѣ акты оказались достаточными для отчужденія тамъ недвижимаго имѣнія, то само собою разумѣется, что фиктивные третейскія рѣшенія, владѣнныя свидѣтельства, мировыя сдѣлки, раздѣльныя записи и тому подобныя соглашенія, дающія

Жур. Мин. Юст. Май 1899.

возможность получить отмѣченные въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ документы, появились въ огромномъ количествѣ въ обходъ закона 26 октября 1884 года. Такимъ образомъ, на поставленный мною и разсматриваемый вопросъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, отвѣтить, что крѣпостнымъ актомъ, о которомъ говорится въ законѣ 26 октября 1884 года, изданномъ для Батумскаго округа и Карсской области, слѣдуетъ считать лишь акты, утвержденные старшимъ нотаріусомъ (ст. 79 и 157 нот. полож.). Очевидно, что при такомъ взглядѣ тѣ только земли пропали бы и для казны, и для частныхъ лицъ, на которыя успѣли совершить купчія крѣпости до 26 октября 1884 года; земли же, на которыя не были совершены крѣпостные акты до 26 октября 1884 года, и до сего времени остались бы у тѣхъ лицъ, у которыхъ онѣ были во владѣніи или пользованіи до означеннаго времени, и никакія фиктивные рѣшенія или сдѣлки не могли измѣнить положеніе ихъ.

А. Пипиновъ.

III.

БЪ ВОПРОСУ О ПРИМѢНЕНІИ СТ. 528 УСТ. ГРАЖД. СУД.

(Практическая замѣтка).

Къ числу такъ называемыхъ процессуальныхъ тормазовъ, замедляющихъ движеніе гражданскихъ судебныхъ дѣлъ, принадлежитъ постоянно практикуемый, при повѣркѣ доказательствъ, обычай назначать экспертамъ сроки для составленія ими у себя на дому плановъ и чертежей и для изложенія письменныхъ заключеній послѣ осмотровъ, освидѣтельствованій и другихъ изслѣдованій на мѣстѣ.

Болѣе всего страдаютъ отъ такой практики дѣла о правѣ собственности на недвижимыя имѣнія, изъ коихъ рѣдкое дѣло разрѣшается безъ осмотра на мѣстѣ, при участіи землемѣра.

Какъ бы ни былъ простъ и несложенъ предметъ изслѣдованія, ни одна повѣрка съ экспертомъ не заканчивается на мѣстѣ, а въ каждомъ дѣлѣ находится постановленіе или отмѣтка о томъ, что землемѣръ просилъ, а членъ суда ему назначилъ мѣсячный или другой, болѣе отдаленный срокъ для изготовленія плана, хотя-бы составленіе такового вовсе не требовало ни особаго искусства, ни особой точности, ни болѣе или менѣе продолжительнаго

времени, а могло быть окончено тутъ же въ нѣсколько часовъ работы, если бы только, не откладывая, за нее приняться. Такъ, напримѣръ, чертежи усадебныхъ участковъ, измѣряемыхъ одною цѣпью или рулеткою, безъ инструментальной астролябической съемки.

Такой порядокъ или, вѣрнѣе, беспорядокъ отдаляетъ разрѣшеніе дѣла на срокъ, далеко не равный тому, какой назначается эксперту, а на періодъ времени гораздо болѣе продолжительный. Во-первыхъ, въ виду той щедрости, съ которою раздаются эти сроки, эксперты приходятъ къ убѣжденію, что дѣло не спѣшное, можно не торопиться и, сверхъ опредѣленныхъ имъ сроковъ, совершенно безнаказанно сами себѣ разрѣшаютъ еще отсрочки и, ничѣмъ не рискуя, представляютъ свои работы вмѣсто одного—черезъ два мѣсяца, вмѣсто пяти недѣль—черезъ девять и т. п. Во-вторыхъ, судья съ экспертомъ очень часто забываютъ условиться,—куда именно послѣдній изъ нихъ долженъ представить планъ, т. е. къ члену ли суда, въ окружный судъ, или въ губернское правленіе, и разѣзжаются съ мѣста осмотра въ разныя стороны: уѣздный членъ суда въ свой уѣздный городъ, а землемѣръ въ губернской. Спустя нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, одинъ техникъ, если онъ принадлежитъ къ составу губернской чертежной, представляетъ планъ чрезъ свое начальство, командировавшее его на осмотръ,—чрезъ губернскаго землемѣра, а другой непосредственно отъ себя—въ окружный судъ; а между тѣмъ самое дѣло лежитъ въ канцеляріи уѣзднаго члена суда, ожидающаго присылки къ себѣ плана. Такимъ образомъ, суду приходится или возвращать планъ землемѣру, для направленія его къ уѣздному члену суда, или же отъ сего послѣдняго требовать дѣло. Но въ томъ и другомъ случаѣ вмѣстѣ съ этою неожиданною и совершенно излишнею перепискою и произвольными отсрочками экспертовъ мѣсячный срокъ незамѣтно вырастаетъ въ полугодовой.

Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства нѣтъ прямого постановленія, въ силу коего свѣдущіе люди по всякому дѣлу имѣли бы право требовать, а члены суда, производящіе повѣрку доказательствъ, каждый разъ назначать сроки для изложенія письменныхъ заключеній или для черченія плановъ. Такого общаго правила не существуетъ и существовать не можетъ, потому что оно не согласуется съ основными положеніями гражданскаго процесса. Внося начало келейности и канцелярской волокиты, оно идетъ въ ущербъ гласности скораго суда, въ которомъ все должно про-

исходить открыто, въ присутствіи сторонъ, и ничто не должно быть уносимо въ кабинетъ и оставаться въ тайнѣ, кромѣ совѣщаній.

Только 528 ст. уст. гражд. суд., опредѣляющая отвѣтственность неисправныхъ свѣдущихъ людей, содержитъ въ себѣ косвенное указаніе на срокъ, назначаемый для представленія заключенія. Въ ней сказано: „свѣдущіе люди... за неявку къ изслѣдованію... или за непредставленіе заключенія въ назначенный срокъ подвергаются взысканію отъ 50 коп. до 25 руб.“. Очевидно, прямое назначеніе и цѣль этого закона состоитъ не въ томъ, чтобы предоставить члену суда право давать сроки, а въ томъ, чтобы опредѣлить отвѣтственность за неисправность экспертовъ. Наложеніе же на нихъ денежныхъ взысканій назначается не иначе, какъ опредѣленіемъ суда, а не члена суда, производящаго повѣрку, которому такой власти закономъ не предоставлено. Если же за нарушеніе срока по 528 ст. взысканію свѣдущихъ людей можетъ подвергаться только судъ коллегіальный, то послѣдовательность требуетъ заключить, что одному только этому суду, по силѣ названной статьи, принадлежитъ и самое право назначенія срока, за нарушеніе коего взысканіе установлено. Разъ же членъ суда, отряженный для повѣрки, закономъ не уполномоченъ подвергать экспертовъ штрафу за несоблюденіе сроковъ на представленіе заключеній, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не уполномоченъ и назначать самихъ сроковъ. Правильность такого вывода подтверждается и практикою, изъ которой мы не знаемъ примѣровъ, чтобы за несоблюденіе срока, назначеннаго членомъ суда, окружный судъ подвергалъ экспертовъ денежному взысканію. Наоборотъ, всѣ нарушенія сроковъ, назначенныхъ членами суда, остаются безнаказанными, потому что судьи, предоставившіе сроки, сами не имѣютъ права штрафовать экспертовъ, а судъ не подвергаетъ ихъ отвѣтственности потому, что не онъ назначалъ сроки.

Такимъ образомъ ограничительное толкованіе 528 ст. прежде всего приводитъ къ тому выводу, что на основаніи этого закона командированные на мѣсто члены суда сроковъ экспертамъ назначать не могутъ. А такъ какъ въ другихъ статьяхъ нашего устава нигдѣ о таковыхъ срокахъ не упоминается, то и право предоставленія подобныхъ сроковъ члену суда по закону вовсе не принадлежитъ.

Если же и могутъ быть случаи, когда для составленія плана или изложенія письменнаго заключенія, по свойству дѣла, по-

требуется болѣе или менѣе продолжительное время, то сроки для этого по 528 ст. слѣдуетъ назначать судебнымъ опредѣленіемъ, которое должно быть объявлено свѣдущимъ людямъ, съ объясненіемъ и послѣдствій, указанныхъ въ 528 ст. за нарушеніе срока. Безъ соблюденія же сего порядка, который однако никогда не практикуется судьями, назначающими сроки, не можетъ имѣть и никогда не имѣетъ мѣста и наложеніе денежнаго взысканія. А съ тѣмъ вмѣстѣ и самые сроки, назначаемые впѣ закономъ установленныхъ правилъ, не имѣютъ никакого значенія и ни для кого необязательны, потому что каждый можетъ ихъ нарушать, не подвѣргаясь никакой отвѣтственности.

Изъ сопоставленія всѣхъ законовъ о повѣркѣ доказательствъ, систематически умалчивающихъ о срокѣ для изготовленія работъ на дому, слѣдуетъ прийти къ заключенію, что срокъ, косвенно упоминаемый въ 528 ст., есть исключеніе изъ общаго правила; что такой срокъ прямо закономъ не установленъ, а лишь по необходимости въ рѣдкихъ случаяхъ только можетъ быть допускаемъ.

Общее же правило состоитъ въ томъ, что ни одно судебное дѣйствіе, производимое на мѣстѣ, безъ особой надобности не раздѣляется на части, а каждое изъ нихъ должно быть за одинъ разъ тутъ же окончено, и когда членъ суда пишетъ протоколъ, эксперты въ это время обязаны составить свое заключеніе или несложный чертежъ. Въ дѣйствительности же практикуется порядокъ совершенно противоположный, т. е. исключительные случаи возведены въ общее правило и, наоборотъ, общее правило изгнано вовсе изъ употребленія, или же примѣняется, какъ рѣдкое исключеніе.

Ничего подобнаго не должно быть при назначеніи сроковъ судомъ, который допускалъ бы ихъ только тамъ, гдѣ они дѣйствительно необходимы, т. е. въ случаяхъ весьма немногихъ. Во всѣхъ же остальныхъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ, напримѣръ несложные планы и простые чертежи были бы составлены на мѣстѣ, вслѣдствіе чего многія дѣла прежде всего выиграли бы въ быстротѣ.

Но они не пострадали бы и въ существѣ, а наоборотъ.

Всѣ планы и чертежи, составляемые въ настоящее время земле-мѣрами послѣ осмотра у себя на дому и представляемые ими прямо въ судъ, безъ подписи члена суда и тяжущихся, никакого документальнаго значенія для дѣла не имѣютъ; ибо, за силою 512 ст. уст. гражд. суд., одинаковую съ актомъ осмотра доказательную силу можетъ имѣть только такой чертежъ, который составленъ тутъ

же, при самомъ осмотрѣ, предъявленъ сторонамъ и подписанъ ими и членомъ суда.

Изъ практики мы знаемъ, что большая часть плановъ увозится домой для составленія не потому, что ихъ нельзя или трудно начертить на мѣстѣ во время составленія протокола и допроса 12-ти оковыхъ людей, а потому, что гг. судьи никогда не отказываютъ, а, наоборотъ, весьма охотно соглашаются на всякій срокъ, какой только землемѣръ потребуетъ, потому что члену суда, въ особенности уѣздному, вовсе не жалко времени и не изъ чего спорить, ибо въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла онъ не заинтересованъ, лишь бы часомъ раньше уѣхать съ мѣста осмотра. Такъ что въ сущности землемѣръ самъ себя назначаетъ срокъ, а членъ суда только ему не противорѣчить. Въ такомъ смыслѣ обыкновенно и отмѣчается въ протоколѣ, именно: „техникъ заявилъ, что онъ можетъ начертить планъ въ мѣсячный срокъ“ и т. п. На самомъ же дѣлѣ иногда представляетъ его черезъ день по пріѣздѣ въ городъ и тѣмъ блистательно доказываетъ, что мѣсячный срокъ ему былъ вовсе не нуженъ, а просто не хотѣлось чертить на мѣстѣ и оставаться тамъ лишній часъ. Если бы вмѣсто безпрекословнаго согласія на всякіе сроки члены суда, производящіе повѣрку доказательствъ, объявляли свѣдущимъ людямъ, что они закономъ не уполномочены давать какіе бы то ни было сроки, назначенія которыхъ нужно испрашивать въ судѣ, и что по общему правилу планы должны быть сдѣланы одновременно съ изслѣдованіемъ и предъявлены сторонамъ, то большая часть чертежей была бы готова на мѣстѣ, всѣ они имѣли бы полную доказательную силу и не напрасно бы стороны платили деньги, которыя съ нихъ взыскиваются въ пользу землемѣровъ за матеріалы и планы, иногда имѣющіе значеніе простыхъ картинокъ.

Еще рѣже можетъ встрѣтиться необходимость въ отсрочкѣ, для письменнаго изготовленія всякаго рода другихъ заключеній, не требующихъ составленія плановъ и чертежей.

Правда, бываютъ эксперты, которые представляютъ цѣлое сочиненіе. Но въ этомъ надобности для дѣла никакой нѣтъ.

Суду нуженъ опредѣлительный и точный, мотивированный отвѣтъ, который можетъ и долженъ быть написанъ при самомъ изслѣдованіи, какъ это и дѣлаютъ всегда свѣдущіе люди, призываемые въ судебное засѣданіе суда.

Н. Архангельскій.

IV.

НОВЫЯ ДАННЫЯ О НИЩЕНСТВѢ ВЪ РОССІИ.

Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ. 1897 годъ. Вып. III. ... Нищенствующіе изъ приписнаго крестьянскаго населенія С.-Петербургской губ.

Учрежденная при Министерствѣ Юстиціи Коммисія для разработки вопроса о мѣрахъ противъ профессиональнаго нищенства и бродяжества. Матеріалы. Томъ I.

Дмитрій Дриль—Бродяжество и нищенство и мѣры борьбы съ ними (изд. Канторовича, Спб. 1899 г.). Первоначально брошюра эта была напечатана въ журналѣ „Трудовая Помощь“ (Сентябрь 1898 г.).

Несомнѣнно возросшій въ послѣдніе годы интересъ къ дѣлу помощи бѣднымъ и нуждающимся не остался безъ вліянія и на болѣе частный вопросъ о нищенствѣ въ странѣ. Для разработки его принимались спеціальныя мѣры, печатались газетныя и журнальныя статьи и издавались цѣлыя изслѣдованія. Къ числу послѣднихъ должны быть отнесены и вышепоименованные три печатныхъ труда, заслуживающіе по разнымъ причинамъ особаго вниманія къ себѣ. Вышли они въ свѣтъ въ теченіе послѣдняго полугодія и, освѣщая вопросъ по различнымъ матеріаламъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія, даютъ, несмотря на значительную разницу въ своихъ достоинствахъ, возможность выяснить довольно полную и всестороннюю картину нищенства и причинъ, его порождающихъ.

Первый изъ помянутыхъ трудовъ, вошедшій составною частью въ „Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губерніи“ за 1897 г., разработанъ А. Д. Петровскимъ и В. Яковенко, подъ редакціей послѣдняго, и представляетъ собой результатъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ по порученію С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія съ цѣлью „подойти къ практическому разрѣшенію вопроса объ организаціи призрѣнія нищенствующаго крестьянскаго населенія губерніи“. Благодаря этому, онъ весь основанъ на фактическихъ данныхъ, чуждыхъ какихъ-либо гадательныхъ свѣдѣній и, несмотря на свой мѣстный характеръ, констатируетъ многія общія условія нищенства, а потому и приобретаетъ болѣе или менѣе общее значеніе. Но, касаясь преимуще-

ственно сельскаго населенія, онъ лишь въ той мѣрѣ относится къ городскому нищенству, въ какой деревня поставляетъ нищихъ въ города.

Второй изъ отмѣченныхъ трудовъ, изданный комиссiей, недавно учрежденной при Министерствѣ Юстиціи для разработки вопроса о мѣрахъ противъ профессиональнаго нищенства и бродяжества, заключаетъ въ себѣ четыре работы, въ числѣ которыхъ двѣ, исполненныя А. А. Левенстимомъ, заключаютъ въ себѣ общія свѣдѣнія о нищихъ и нищенствѣ. Первая изъ нихъ— „Профессиональное нищенство по даннымъ русской и иностранной литературы“—представляетъ собою плодъ изученія вопроса г. Левенстимомъ и пытается дать общую картину нищенства какъ городскаго, такъ и сельскаго; вторая же— „Нищенство въ Россіи по отзывамъ начальниковъ губерній“— является результатомъ разработки данныхъ, сообщенныхъ указанной комиссiи губернаторами на вопросы, предложенные имъ этой комиссiей. Несмотря на то, что вопросы комиссiи имѣли въ виду по преимуществу профессиональное нищенство, послѣднее не было точно опредѣлено въ этихъ вопросахъ, а потому и отвѣты губернаторовъ касаются нищенства вообще, имѣютъ общій характеръ и даютъ болѣе или менѣе полную картину. Первый изъ указанныхъ трудовъ г. Левенстима, въ свою очередь, долженъ былъ касаться профессиональнаго нищенства, но тоже получилъ болѣе общее значеніе, вѣроятно, потому, что, по выраженію автора, „нищенство профессиональное и нищенство случайное тѣсно слетаются между собою“.

Третій изъ отмѣченныхъ трудовъ—г. Дмитрія Дриля, печатавшійся первоначально въ журналѣ „Трудовая Помощь“ за прошлый годъ и изданный теперь отдѣльной брошюрой, представляетъ собою результатъ какъ теоретическаго изученія предмета, такъ и личныхъ наблюденій автора, пытающагося „уловить самый механизмъ явленій (нищенства) въ его существенныхъ чертахъ“, выяснитъ природу ихъ, постоянныя и глубокія причины, вызывающія нищету и нищенство.

Такимъ образомъ, всѣ три книги, заглавія которыхъ выписаны нами выше, имѣя многія особенности, отличающія ихъ другъ отъ друга, трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, и, подходя къ нему болѣе или менѣе разными дорогами, благодаря этому, лишь полнѣе и всестороннѣе освѣщаютъ предметъ и въ общемъ даютъ одну общую картину, достаточно полную и яркую, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе. Попытаемся воспроизвести существенныя черты

этой картины, чтобы составить себѣ правильное понятіе о существѣ нищенства и главнымъ образомъ о причинахъ, его порождающихъ.

Съ большой опредѣленностью о причинахъ нищенства высказывается г. Левенстимъ въ первой изъ указанныхъ статей своихъ. „Для успѣшной борьбы съ извѣстной болѣзью“,—говоритъ онъ— „физической или соціальной, всегда необходимо уяснить себѣ существо страданія и тѣ факторы, которыми усиливается его развитие. Если мы, придерживаясь этого правила, станемъ искать главную причину профессиональнаго нищенства, то придется указать на добросердечіе людей“. Не довольствуясь этой главной причиной профессиональнаго нищенства, г. Левенстимъ ищетъ и другихъ условий, порождающихъ то же явленіе, и на первыхъ же страницахъ своей первой работы находить ихъ. „Чтобы просить Христа ради“—пишетъ онъ— „не нужно никакихъ физическихъ усилій. А для нищихъ это очень важно, потому что они народъ лѣнивый“.... „Мы утверждаемъ,—воскликаетъ онъ далѣе,— „что профессиональные нищѣ не работаютъ по лѣни“. Кромѣ того такой нищій „вольная птица“. Днемъ онъ на улицѣ разыгрываетъ роль несчастнаго человѣка, а вечеромъ онъ кутитъ и пьянствуетъ въ различныхъ притонахъ. Далѣе, нищѣ—пьяницы: „четыре пятыхъ всего дохода нищихъ идетъ на водку“.... „Затѣмъ параллельно съ пьянствомъ идетъ сильнѣйшій развратъ. Нищѣ очень часто имѣютъ женъ и любовницъ“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Левенстима, главными причинами профессиональнаго нищенства и условіями, питающими его, являются, съ одной стороны, добросердечіе людей, проявляющееся въ формѣ безразборчивой милостыни, а съ другой—нравственныя качества просящихъ и въ особенности ихъ лѣнь, склонность къ праздной и вольной жизни, пьянство, развратъ и вообще порочность. Такія заключенія свои г. Левенстимъ пытается подтвердить фактами, заимствованными изъ литературныхъ источниковъ и главнымъ образомъ изъ книги Полиана „Нищенствующій Парижъ“, вообще по видимому оказавшей большое вліяніе на взгляды цитируемаго автора.

Объяснивъ просто и категорично причины нищенства и условія, его вызывающія и поддерживающія, г. Левенстимъ вполне рѣшительно высказывается и о нищенскихъ гнѣздахъ. „Кромѣ тѣхъ пропойцъ“, говоритъ онъ, „которые постоянно живутъ въ городахъ и свили себѣ болѣе или менѣе теплое гнѣздо, существуютъ цѣлыя деревни, жители которыхъ собираютъ милостыню

изъ года въ годъ. Эти крестьяне не разрываютъ своей связи съ землей, они остаются хлѣбопашцами, но просятъ подаваніе въ теченіе времени, когда нѣтъ полевыхъ работъ, видя въ этомъ выгодный промыселъ и подспорье въ хозяйствѣ“. Они-то и составляютъ нищенскія гнѣзда. Одни изъ жителей такихъ гнѣздъ собираютъ на церкви, другіе лично для себя. Однако г. Левенстимъ, при всей категоричности своихъ мнѣній, не рискуетъ поголовно зачислить ихъ въ обманщики и профессиональные нище. Онъ говоритъ только, что въ числѣ сборщиковъ на храмы „есть много такихъ, которые къ интересамъ церкви относятся весьма безучастно, а бродятъ по городамъ и селамъ, видя въ этомъ занятіи источникъ для личныхъ доходовъ и средства для веселаго житья“; такіе люди, по его мнѣнію, встрѣчаются часто, вслѣдствіе чего указаннымъ промысломъ занимаются „цѣлыя деревни“.

Въ доказательство этого авторъ указываетъ, между прочимъ, на деревню Пьявочное озеро Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губ., все мужское населеніе которой, „бросивъ земледѣліе, занималось до послѣдняго времени сборомъ для построенія церквей“. Крестьяне этой деревни ведутъ свое дѣло очень умѣло: вернувшись домой изъ промысла, они передаютъ „притчу 100—200 рублей, а въ свой карманъ кладутъ по 400—500“. Эта же профессія, по словамъ автора, ссылающагося на авторитетъ С. Максимова, „сильно распространена въ Могилевской губерніи. Тамъ подобные сборщики носятъ названіе *кубраки*. Живутъ они въ городѣ Мстиславѣ и въ деревнѣ Дубровкѣ, Оршанскаго уѣзда“. Сильное распространеніе этой профессіи ограничивалось однако, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, выдачей книжекъ для сборовъ въ 1865 году—51, въ 66-мъ—52, а въ 1867 г.—54. О современномъ состояніи этого промысла въ литературѣ нѣтъ никакихъ указаній. Но, по свѣдѣніямъ автора, онъ встрѣчается въ губерніяхъ Гродненской и въ Волынской.

Переходя къ просящимъ лично для себя, г. Левенстимъ говоритъ, что „такихъ гораздо больше, и гнѣзда ихъ можно найти въ очень многихъ губерніяхъ нашего государства“. „Въ С.-Петербургѣ встрѣчается много нищихъ изъ Себежскаго уѣзда, Витебской губ., а въ Минской губ. нищенскимъ гнѣздомъ считается мѣстечко Семежево, Слуцкаго уѣзда. Къ сожалѣнію, въ литературѣ объ этихъ пунктахъ нѣтъ почти никакихъ данныхъ, а потому вѣроятно авторъ и не указываетъ точнѣе, что значитъ выраженіе „много нищихъ“. „Болѣе точныя свѣдѣнія были оглашены въ

печати о Смоленской губ., жители которой, какъ видно изъ отчетовъ нищенскихъ комитетовъ, очень часто приходятъ для нищенства въ обѣ столицы“. Однако, эти *болѣе точныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не уясняютъ словъ „очень часто приходятъ для нищенства“*, такъ какъ подкрѣпляются ссылкой всего лишь на два села. Столь же сильно говорится затѣмъ и о Московской губ. Здѣсь крестьянамъ есть полная „возможность зарабатывать деньги“, а „между тѣмъ, не взирая на такія выгодныя условія, въ Московской губерніи существуетъ нѣсколько нищенскихъ гнѣздъ“. Слово *нѣсколько*, какъ оказывается дальше, означаетъ ни больше, ни меньше какъ два гнѣзда: „одно въ Верейскомъ уѣздѣ, а другое въ Богородскомъ“. Кромѣ того приводятся указанія на нищенскія гнѣзда въ мѣстности „Адовщина“, Владимірской губ., въ Хохломской волости Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губ. и въ цѣломъ рядѣ деревень Саранскаго и Инсарскаго уѣздовъ Пензенской губ.

Подводя итоги сказанному о нищенскихъ гнѣздахъ, г. Левенстимъ говоритъ, „что сельскіе профессиональные нищіе просятъ: на погорѣлое, на свое убожество (калѣки), чрезъ посредство дѣтей и, наконецъ, на церкви подъ видомъ монаховъ. Однимъ словомъ, тутъ встрѣчаются тѣ же специальности“, которыя извѣстны у городскихъ нищихъ, просящихъ подъ именемъ *погорѣльцевъ, калѣкъ горбачей, прошаекъ и ерусалимцевъ*. Изъ этого можно заключить, какъ полагаетъ г. Левенстимъ, „что городское и сельское нищенство находятся между собой въ тѣсной связи, и что сельскіе нищіе постоянно встрѣчаются въ городахъ. Относительно причинъ, которыя вызвали возникновеніе нищенскихъ гнѣздъ, необходимо сказать, что только во Владимірской и Нижегородской губерніи замѣчается нѣкоторая бѣдность населенія. Въ прочихъ же мѣстахъ нищенскія села отличаются очень большою зажиточностью. Когда-то въ старину была нужда, быть можетъ, временная; крестьяне случайно стали просить милостыню, затѣмъ узнали, какъ легко ее получать, и съ тѣхъ поръ занялись сборомъ поданій“.

Въ приведенныхъ строкахъ, автору, вѣроятно, помимо воли и во всякомъ уже случаѣ вопреки первоначальному его опредѣленію причинъ нищенства, приходится отмѣтить новую—*нѣкоторую* (?) *бѣдность населенія и нужду*, бывшую даже въ очень зажиточныхъ нынѣ семьяхъ. Но г. Левенстимъ не останавливается на этой причинѣ и, имѣя въ виду предполагаемое имъ отсутствіе ея

въ настоящемъ, старается заглушить невольно возникающія мысли по поводу бѣдности, какъ причины нищеты. „Нѣтъ нужды“,—воскликаетъ онъ—, слѣдовательно, нѣтъ причинъ церемониться съ людьми, которые, несмотря на свои хорошія средства, подбираются Христовымъ именемъ“.

Энергичныя выраженія и густыя краски—это особенность изложенія названнаго автора, которой онъ не измѣняетъ, описывая и типы городскихъ нищихъ. Напр., о богомолахъ онъ говоритъ, что они „стоятъ на паперти церковной, образуя обыкновенно узкую улицу, по которой публика едва можетъ пройти. Трудно себѣ представить картину болѣе противную. Послѣ божественной службы люди попадаютъ въ грязную толпу оборванцевъ, которые умышленно суютъ въ лицо проходящихъ свои лохмотья и растравленныя раны“. Къ этой картинѣ авторъ забылъ добавить, что видѣть ее можно только въ исключительно немногихъ монастырскихъ и владбищенскихъ церквахъ, въ огромномъ же, подавляющемъ числѣ церквей нищихъ или совсѣмъ не бываетъ или они образуютъ „улицу“ всего въ 3—4 человѣка. Среди странниковъ „ерусалимцевъ“ онъ не видитъ убѣжденныхъ, путешествующихъ по обѣту богомольцевъ, а только такихъ, среди которыхъ „идетъ полная торговля совѣстью“. „Сочинителей“, т. е. нищихъ, фабрикующихъ просительныя письма, довели до ихъ трущобъ „чаще всего легкомысліе, лѣнь и пьянство“. Даже нищѣ-евреи не забыты г. Левенстимомъ: въ Кіевѣ ими „занято цѣлое предмѣстье Саломка“, а въ сѣверо-западномъ краѣ они „появляются массами осенью во время еврейскихъ праздниковъ“. Разумѣется, всѣ эти *массы, цѣлыя предмѣстья, узкія улицы, по которымъ едва можно пройти*—не больше, какъ гиперболы, но для автора статьи они нужны и даже очень нужны, такъ какъ безъ нихъ приводимыхъ имъ фактовъ слишкомъ недостаточно, чтобы оправдать тѣ слишкомъ смѣлыя сужденія, которыя высказалъ онъ о происхожденіи нищенства.

Насколько указанныхъ фактовъ недостаточно, видно, между прочимъ, изъ того, что, описывая типы нищихъ, онъ долженъ былъ по отношенію къ большей половинѣ ихъ или умолчать о причинахъ появленія этихъ типовъ, или признать въ числѣ такихъ причинъ такія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ приведенными имъ раньше. Такъ, объ одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ типовъ нищихъ и едва-ли не преобладающемъ въ провинціи—о горбачахъ, ходящихъ по улицамъ, домамъ и мага-

знамъ и вызывающихъ состраданіе своимъ сгорбленнымъ и убогимъ видомъ,—г. Левенстимъ говоритъ лишь очень кратко и совсемъ не указываетъ на причины, вызывающія нищенство горбачей. О погорѣльцахъ онъ вынужденъ признать безспорнымъ, „что многіе крестьяне, разоренные пламенемъ, пошли по міру“, при чемъ слѣдующее за этимъ утверженіе его, что среди нихъ „гораздо больше число профессиональныхъ нищихъ“ остается уже совершенно голословнымъ. Точно также и переселенцевъ онъ не рискнулъ поголовно зачислить въ профессиональныхъ нищихъ, но счелъ нужнымъ отмѣтить, что „большинство“ ихъ профессионалисты. Почему?—это опять остается тайной автора. Между тѣмъ, заглянувъ въ отчеты о переселенцахъ, онъ увидѣлъ бы, что утверженіе его не только голословно, но и прямо противорѣчитъ истинѣ. Среди калѣкъ—говоритъ онъ—„есть, конечно, несчастные люди, обиженные судьбою, но есть масса мнимыхъ, принадлежащихъ вполне въ число профессиональныхъ нищихъ“. Опять,—почему масса и что это за масса—никому не вѣдомо. Неопредѣленны также указанія о нищихъ цыганахъ и евреяхъ. Среди послѣднихъ онъ выдѣляетъ ученыхъ талмудистовъ—меламедовъ и признаетъ, что „они кормятся милостыней богатыхъ или преподаваніемъ еврейской грамоты. Но такъ какъ открытіе школъ безъ надлежащаго разрѣшенія по закону строго запрещается, то они нерѣдко фигурируютъ на судѣ въ качествѣ обвиняемыхъ за совершеніе дѣяній, пред. 1049 ст. улож.наказ.“. Однако, какой же поводъ причислять учителей грамоты къ числу нищихъ?

Разсмотрѣнная работа г. Левенстима находится въ глубокомъ противорѣчій съ другою, рядомъ напечатанною, работою того же автора, а именно—съ сообщеніемъ „Нищенство въ Россіи по отзывамъ начальниковъ губерній“.

Какъ было уже отмѣчено, въ первой своей статьѣ г. Левенстимъ причинами нищенства и условіями его развитія считалъ: добросердечіе людей, лѣнь нищихъ, ихъ пьянство, развратъ и т. п. Вторую же свою работу онъ начинаетъ такъ:

„Въ числѣ причинъ развитія нищенства на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено полное отсутствіе призранія. Во всѣхъ губерніяхъ есть множество стариковъ, калѣкъ и слѣпыхъ, которые имѣютъ несомнѣнное право на мѣсто въ богадѣльнѣ, но вынуждены ходить по міру въ виду отсутствія надлежащаго количества богоугодныхъ заведеній. Нерѣдко лица эти въ виду своей слабости и одиночества лишены возможности обрабатывать землю и поэтому сдали свои земельные наделы въ общества. Почти всѣ губернаторы, отмѣчая неудовлетворительную ор-

ганизацию призрѣнія, высказываются за необходимость соответственныхъ улучшеній“.

Указавъ затѣмъ на исключенія изъ приведенной характеристики губернаторскихъ отзывовъ, авторъ отмѣчаетъ, что „не только отсутствіе призрѣнія, но даже *существующіе порядки* или *прямыя указанія закона* служатъ нерѣдко источникомъ нищенства“. Къ числу такихъ постановленій авторъ, согласно отзывамъ губернаторовъ, относитъ слѣдующія:

„1) *Ссылка на поселеніе*. Коренное населеніе сибирскихъ губерній (Иркутскъ, Енисейскъ, Тобольскъ, Томскъ) нищенствомъ не занимается совершенно. Но благодаря тому, что этотъ край служитъ мѣстомъ ссылки преступниковъ и лицъ порочнаго поведенія, то тамъ образовался многочисленный пролетаріатъ, пополняющій кадры профессиональныхъ нищихъ.

2) *Высылка изъ столицъ* на родину или въ другіе города лицъ, отбывшихъ наказаніе, по ст. 48 улож. наказ., а равно безпаспортныхъ, нищихъ и бродягъ не уменьшаетъ нищенства, а напротивъ увеличиваетъ его; эти люди не въ состояніи достать себѣ работу, такъ какъ, съ одной стороны, они въ мѣстѣ приписки не имѣютъ ни родственниковъ, ни друзей, ни имущества, а съ другой, — мѣстные крестьяне не желаютъ брать къ себѣ пьяныхъ, лѣнивыхъ и развращенныхъ субъектовъ. Поэтому лица, высланные изъ крупныхъ центровъ въ деревню, волей-неволей уходятъ безъ паспорта и пробираются опять въ города. Такимъ образомъ создается бродячій пролетаріатъ, стоящій казнѣ весьма дорого, такъ какъ на пересылку по этапу и снабженіе этихъ пролетаріевъ одеждою и обувью расходуются ежегодно крупныя суммы.....

Особаго вниманія заслуживаютъ тѣ соображенія, которыя высказываются по этому поводу Московскимъ, Казанскимъ и отчасти Смоленскимъ губернаторами. Высылка на родину, съ примѣненіемъ ст. 20 пол. о вид. на жит., является мѣрой безполезной, если она избрана относительно профессиональнаго нищаго, ибо онъ не нуждается въ паспортѣ и на слѣдующій день послѣ водворенія на мѣстѣ уходитъ обратно. Если эта мѣра примѣняется къ человѣку, который прибѣгъ къ нищенству потому, что временно остался безъ работы (что въ Москвѣ и Казани часто бываетъ), то она приноситъ прямой вредъ, такъ какъ бѣднякъ лишенъ возможности идти на заработки и поневолѣ дѣлается нищимъ“.....

„Еще большее вліяніе на развитіе нищенства имѣютъ экономическія причины. Въ числѣ таковыхъ почти всѣ губернаторы отмѣчаютъ временныя народныя бѣдствія, какъ то: неурожай, опустошительные пожары и скотскіе падежи. Вліяніе неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ на усиленіе нищенства оказалось особенно сильнымъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ Бессарабской губ., въ Орловской, Пермской и Эриванской губ.

Кромѣ временныхъ бѣдствій, необходимо отмѣтить нѣкоторыя другія экономическія причины, болѣе постояннаго характера.

1) На увеличеніе нищенства вліяетъ обѣдненіе крестьянъ вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ и раздробленія на мелкія части хозяйства (Самара), а также отсутствіе ремеселъ и вообще кустарныхъ промысловъ (Нижній Новгородъ, Самара).

2) Благодаря наплыву населенія въ южныя губерніи, малоземелье даетъ себя чувствовать: аренды повышаются настолько, что многіе крестьяне отрываются отъ земли (Вильна, Курскъ, Херсонъ).

3) Ощущается отсутствие заработков (Вильна, Тамбов).

4) Переселение из деревни в города и фабричные центры: масса народа, надеясь найти хорошие заработки, стремится в город, но нередко обманывается в своих ожиданиях, остается без хлеба и вынуждена просить милостыню (Лифляндия, Петроков). Кроме временного отсутствия заработков городь вреден в том отношении, что, благодаря работам на фабриках, народ спивается, слабеет и при потере регулярного занятия сразу превращается в нищаго. Такими несчастными переполнены предместья всех промышленных центров Владимирской губ.: Шуи, Иванова-Вознесенска и села Никольскаго (Покровский уезд).

5) Переселение на новые места и лѣтнее передвижение рабочихъ силъ заставило многихъ просить подааніе, такъ какъ на путешествіе ушли послѣднія средства, а съ приходомъ на новое мѣсто не нашлось работы въ достаточномъ количествѣ. Нищія переселенцы оказались особенно многочисленными въ губерніи Астраханской, Черноморской и Ставропольской, а бѣдственное положеніе пришлыхъ рабочихъ обратило на себя вниманіе администраціи во время неурожая въ Пермской губ. и въ Аккерманскомъ уездѣ, Бессарабской губ. Въ г. Тетюшахъ, Казанской губ., было замѣчено, что крестьяне, пришедшіе для работъ на Волжскую пристань и не нашедшіе таковой, посылаютъ дѣтей своихъ собирать милостыню....

По мнѣнію нѣкоторыхъ губернаторовъ, эти временныя причины бѣдности опасны не въ томъ отношеніи, что крестьяне вынуждены просить милостыню въ теченіе года, а потому, что человѣкъ, начавшій ходить съ сумой, не скоро откажется отъ этого занятія, такъ какъ онъ на опытѣ можетъ убѣдиться, насколько оно легко и выгодно (Бессарабія).....

„Далѣе въ числѣ причинъ, вліяющихъ на усиленіе нищенства, губернаторы отмѣчаютъ нѣкоторыя бытовыя особенности нашей страны: обычаи и міровоззрѣніе крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ.

Несомнѣнно вредно отзывается отсутствіе организаціи частной благотворительности и обычаи подавать милостыню въ опредѣленные дни, въ особенности по средамъ, пятницамъ и субботамъ. Кроме того такая милостыня подается въ дни свадебъ, поминковъ и смерти.....

Большое вліяніе на развитіе этого промысла имѣютъ воззрѣнія народа на *это преступленіе*. Нищія—остатокъ глубокой старины, освященный временемъ и поддерживаемый духовнымъ складомъ русскаго народа, который видитъ въ лицѣ, просящемъ подааніе, только несчастнаго и не спрашиваетъ о причинахъ, побудившихъ человѣка идти по міру (Вятка)....

Народныя воззрѣнія не остаются безъ вліянія на ходъ уголовныхъ дѣлъ о нищенствѣ. Такъ, напр., въ Тамбовской губ. замѣчено, что чины сельской полиціи оказываютъ нищимъ покровительство, признавая преслѣдованіе нищенства большимъ грѣхомъ. Волостные же суды, руководствуясь тѣмъ же соображеніемъ, не считаютъ прошеніе милостыни за преступленіе“.

„Послѣ причинъ экономическихъ и бытовыхъ нельзя не упомянуть объ этнографическихъ, хотя онѣ весьма малочислены. Среди народностей, населяющихъ Россію, есть одна, дающая большой процентъ нищихъ: это цыгане, которые „смотря по обстоятельствамъ, всѣ бродяги и нищія“, жены и дѣти нищенствуютъ на ярмаркахъ въ то время, когда ихъ мужья торгуютъ лошадьми (Бессарабія, Воронежъ, Енисейскъ, Курляндія, Орель, Херсонъ).

Изъ другихъ народностей въ сообщеніяхъ губернаторовъ упомянуты башкиры въ Пермской губ. и татары въ Кузнецкомъ уездѣ Саратовской губ., которые

нищенствуютъ по безопасности и лѣни. Среди нищихъ Пермской губерніи особенно часто встрѣчаются зряне, приходящіе изъ соседней Вологодской губ. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губ., наибольшій процентъ нищихъ падаетъ на волости Микшинскую, Заручевскую и Трестенскую, населенную корелами“.

Этотъ длинный списокъ причинъ, вызывающихъ нищенство, только въ самомъ концѣ заканчивается указаніемъ на причины *психологическія*. „Отмѣтивъ тѣ или другіе изъ вышеприведенныхъ факторовъ“, говоритъ г. Левенстимъ,

„губернаторы останавливаются на особыхъ качествахъ профессиональныхъ нищихъ, которыя дѣлаютъ ихъ неспособными къ серьезной работѣ: лѣнь, стремленіе къ легкой наживѣ и наклонность къ пьянству (Бессарабія, Владимір, Вятка, Енисейскъ, Курляндія, Курскъ, Москва, Нижній Новгородъ, Олонецъ, Полтава, С.-Петербургъ, Самара, Саратовъ, Симбирскъ, Ярославль). Качества эти являются результатомъ дурнаго воспитанія и развращающаго вліянія среды, въ которую попадаетъ сбившійся съ пути человѣкъ.

Нѣкоторые изъ губернаторовъ (Курляндскій, Могилевскій, Нижегородскій, Тверской) упоминаютъ о томъ, что нищіе не желаютъ идти въ богадѣльню, такъ какъ они неохотно подчиняются режиму, при которомъ пьянство строго запрещено“.

Изъ этой цитаты нельзя не видѣть, что губернаторы придаютъ психологическимъ причинамъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой приписываетъ имъ г. Левенстимъ. Въ то время, какъ послѣдній видитъ въ нихъ самостоятельную причину, порождающую нищенство, губернаторы указываютъ на другія причины, а лѣнь, пьянство и пр. качества считаютъ являющимися уже результатомъ нищенства, т. е. слѣдствіемъ воздѣйствія нищенской среды или предшествовавшаго воспитанія. Такой взглядъ губернаторовъ представляется намъ весьма важнымъ, и нельзя не пожалѣть, что о немъ упоминается въ разсматриваемомъ трудѣ только въ короткихъ словахъ, безъ приведенія подлинныхъ отзывовъ мѣстныхъ начальствъ. Въ виду особаго значенія отзывовъ губернаторовъ по вопросамъ, предложеннымъ Коммисіей, было бы весьма желательно, чтобы эти отзывы, какъ цѣнный для уясненія вопроса о нищенствѣ матеріалъ, были напечатаны цѣликомъ.

Чтобы покончить съ главой разсматриваемаго сообщенія, трагующей о причинахъ нищенства, приведемъ заключительныя строки ея, указывающія,

„что одной изъ причинъ нищенства является чрезмѣрная выгодность этого промысла. Къ чему работать, если ни одно ремесло не даетъ такихъ доходовъ! По этому поводу имѣются свѣдѣнія въ отзывахъ всѣхъ губернаторовъ, въ районѣ которыхъ обнаружены нищенствующія селенія. Кромѣ того Кѣлецкій губернаторъ сообщаетъ, что въ дни „Всѣхъ святыхъ“ и „Задумный“ (поминовенія умершихъ въ р.-к. церкви) нищій собираетъ 5—8 рублей деньгами въ сутки и хлѣба

столько, что сухарей съ него хватить до слѣдующихъ „Задушекъ“. Въ прочіе дни онъ собираетъ 30—50 коп., кромѣ разныхъ свѣстныхъ припасовъ“.

Всѣ губернаторы, „въ районѣ которыхъ обнаружены нищенствующія селенія“, далеко не означаютъ еще всѣхъ губернаторовъ, въ губерніяхъ которыхъ болѣе или менѣе развито нищество, и даже не могутъ быть приняты за большинство ихъ, а потому необходимо допустить, что приведенное выраженіе г. Левенстима означаетъ *меньшинство губернаторовъ*. Кромѣ того надо полагать, что и расчетъ Кѣлецкаго губернатора приведенъ авторомъ лишь въ качествѣ исключительнаго, особенно бросающагося въ глаза. А если это такъ, если не въ исключительныхъ, а въ обычныхъ случаяхъ доходы нищихъ меньше исчисленныхъ Кѣлецкимъ губернаторомъ, т. е. не достигаютъ въ день (кромѣ особыхъ праздниковъ) 30—50 к., если, наконецъ, вѣрно, что о выгоды нищенства говорить лишь меньшинство губернаторовъ, то можно ли признать выводъ первой статьи г. Левенстима о томъ, что главную причину нищенства составляетъ добросердечіе людей. Не составляетъ ли и этотъ выводъ его лишь простой гиперболы?

Опровергнувъ вполне удачно во второмъ своемъ сообщеніи взгляды на причины нищенства, высказанные имъ въ первой работѣ, г. Левенстимъ съ такимъ же успѣхомъ опровергаетъ свои свѣдѣнія и заключенія о такъ называемыхъ нищенскихъ гнѣздахъ.

Такъ, въ первой своей работѣ г. Левенстимъ говорилъ, что все мужское населеніе деревни Пьявочное озеро Арзамасскаго уѣзда, „бросивъ земледѣліе, занималось до послѣдняго времени сборомъ для построенія церквей“. По даннымъ второй работы того же автора, все населеніе превращается уже въ половину жителей, при чемъ о земледѣліи, а равно о злоупотребленіяхъ этимъ промысломъ уже не упоминается. Число обезславленныхъ г. Левенстимомъ кубраковъ Мстиславскаго уѣзда оказалось очень ничтожнымъ: всего 10 изъ числа мѣстныхъ жителей да одинъ изъ перечисленныхъ. Нищенскія гнѣзда въ мѣстечкахъ Семежевѣ Слудскаго уѣзда, въ с. Бурасахъ Саратовскаго уѣзда и въ с. Косули Шадринскаго оказались мнѣомъ: губернаторы сообщили, „что въ означенныхъ мѣстностяхъ нищество развито очень слабо“. Два центра нищенства въ Московскои губ., подавшіе поводъ г. Левенстиму въ первомъ его трудѣ упрекать московскихъ крестьянъ въ томъ, что они нищенствуютъ, имѣя „возможность зарабатывать деньги“, какъ оказывается издавна находятся въ очень неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ. Одинъ изъ нихъ—Выше-

Жур. Мин. Юст. Май 1899.

городская волость „въ прежнее время принадлежала одному очень крупному помѣщику, управляющіе котораго, въ большинствѣ случаевъ иностранцы, непосильными поборами и постоянной барщиной довели крѣпостныхъ своего хозяина до такого разоренія, что тѣ предпочли бросить свое хозяйство и уйти на оброкъ; но такъ какъ этотъ послѣдній былъ непомерно великъ и не соответствовалъ заработкамъ, то послѣдніе стали пополняться прошеніемъ милостыни, сборъ которой вошелъ затѣмъ въ обычай“. Въ другомъ нищенскомъ центрѣ—въ Запоторской волости Богородскаго уѣзда—земля „плохая, и поэтому крестьяне постоянно занимаются отхожими промыслами и ремеслами, въ особенности ткачествомъ. Вѣроятно, кто-либо изъ крестьянъ рѣшилъ попробовать, не будетъ ли нищенство выгоднѣе, и пошелъ по міру; опытъ удался, вызвалъ подражаніе и съ теченіемъ времени выросъ въ промыселъ“.

Вообще, первоначальное утвержденіе автора, по которому „возникновеніе нищенскихъ гнѣздъ“ вызвала „нѣкоторая бѣдность населенія“ только во Владимірской и Нижегородской губерніяхъ,—оказывается далеко несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Во второмъ своемъ трудѣ г. Левенстимъ долженъ былъ привести множество фактовъ въ опроверженіе своей первой мысли. Такъ, оказалось, что въ трехъ уѣздахъ Вологодской губ. „причины развитія нищенства... нужно искать въ крайней бѣдности населенія, вызванной постояннымъ недородомъ хлѣбовъ и полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо заработковъ“; что въ Варнавинскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ Костромской губ. нищенство „началось съ 1891 неурожайнаго года“; что въ Гороховецкомъ уѣздѣ Владимірской губ. причина нищенскаго промысла кроется въ томъ, „что одно занятіе земледѣліемъ, по малоплодородности почвы, не обезпечиваетъ нужды населенія“ и т. д.

Теоретическія разсужденія г. Левенстима и сильное впечатлѣніе, произведенное на него книгой Поліана, не подтвердились русской дѣйствительностью, а потому первая работа его въ основѣ своей и даже въ частностяхъ стала въ прямое противорѣчіе со второй, выполненной по фактическимъ даннымъ, взятымъ изъ мѣстной жизни. Еще въ большемъ противорѣчій находится она съ изслѣдованіями, всецѣло построенными на фактахъ, и между прочимъ съ отмѣченнымъ выше изданіемъ С.-Петербургскаго земства.

Работа г.г. В. Яковенки и А. Петровскаго „О нищенствующихъ изъ приписнаго населенія С.-Петербургской губерніи“, въ виду своихъ практическихъ цѣлей, не касалась пришлохъ нищихъ,

а регистрируетъ только мѣстныхъ, т. е. тѣхъ именно, которымъ земство обязано помочь. Исслѣдователи раздѣляютъ всѣхъ нищихъ на три группы: на нищенствующихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, или побирающихся, на получающихъ пособие и богадѣльниковъ. Но изъ этихъ группъ не записывались нищенствовавшіе раньше 1896 г., а затѣмъ оставившіе этотъ промыселъ, а также и „кандидаты“ въ нищіе, т. е. тѣ, о комъ крестьяне говорили: „не миновать, что въ эту зиму пойдетъ побираться: послѣднее имущество проѣдаетъ“. Такихъ кандидатовъ, по увѣренію исслѣдователей, было не мало. Собственно же мѣстныхъ нищихъ изъ крестьянъ указанныхъ категорій было зарегистрировано въ С.-Петербургской губерніи 967 мужчинъ и 1.089 женщинъ, а всего 2.056 душъ. Они принадлежали къ 1.607 семьямъ, въ которыхъ считалось 4.034 души обоюго пола. Это собственно число душъ и нужно считать живущими на счетъ подаенія. Распредѣляются они по губерніи неравномѣрно. Наиболѣе удаленные отъ столицы уѣзды имѣютъ и наибольшее число нищенствующихъ. Такъ, въ Новоладожскомъ уѣздѣ на 1000 крестьянскихъ семей приходится 28 нищенствующихъ семей, а въ Гдовскомъ—21. Ближайшій къ столицѣ—Петербургскій уѣздъ имѣетъ наименьшее число нищенствующихъ семей, а именно 3 на 1000. Это явленіе, по даннымъ исслѣдованія, объясняется, во-первыхъ, близостью столицы, дающей разнообразный заработокъ, во-вторыхъ, значительнымъ количествомъ среди населенія лютеранъ, у которыхъ относительно хорошо организовано призрѣніе и, въ-третьихъ, тѣмъ, что въ Петербургскомъ уѣздѣ крестьянскія общества расходуютъ на благотворительность въ 4, 10, 20 и даже въ 200 разъ больше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ.

Обращаясь къ составу нищенствующихъ семей, исслѣдованіе констатируетъ, что въ среднемъ на побирающуюся семью приходится лишь 2,5 челоуѣка. Изъ общаго числа нищенствующихъ семей, одиночекъ оказалось 796, т. е. 49,5%, семей изъ 2-хъ душъ 233 (14,5%), изъ 3-хъ душъ—174 (11%), изъ 4 и 5 душъ—234 (14,5%), изъ 6 и болѣе душъ—170 (10,5%). Значитъ нищенствующие принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ одиночкамъ и двухдушнымъ семьямъ, т. е. слабосильнымъ. Громадное большинство нищенствующихъ семей, а именно 1.095 (68,1%), принадлежатъ къ земледѣльческимъ семьямъ, основной источникъ средствъ существованія которыхъ составляло прежде самостоятельное полевое хозяйство. Если къ нимъ прибавить нищенствующія семьи,

не бросающія сельско-хозяйственныхъ работъ по найму и теперь, то окажется, что $\frac{3}{4}$ побирающихся семей такъ или иначе связаны съ землей. Въ числѣ ихъ находится 364 семьи (22,6 проц.), которыя до настоящаго времени имѣютъ и надѣльную землю, и избы, но по тѣмъ или другимъ причинамъ оскудѣли. Онѣ еще надѣются встать на ноги. Далѣе слѣдуетъ 27 семействъ (1,7 проц.), тоже еще не бросившихъ надѣла, но избы уже не имѣющихъ. Всѣ остальные 1.216 семей (75,7 проц.) хотя и имѣли тѣ или другія связи съ землей, но въ моментъ изслѣдованія были уже въ числѣ безземельныхъ. Однако, и изъ нихъ 673 семьи (41,9 проц.) имѣли еще свою усадебную осѣдлость.

Обращаясь къ возрастному и рабочему составу нищенствующихъ семей, необходимо отмѣтить, что въ рабочемъ возрастѣ среди нихъ насчитывалось 1.474 лица, т. е. 36,6 проц. общаго числа лицъ въ побирающихся семьяхъ. Такое количество нужно признать тѣмъ болѣе недостаточнымъ, что въ средѣ всего приписаннаго населенія губерніи лицъ въ рабочемъ возрастѣ считается на $\frac{1}{3}$ больше, т. е. 52,7 проц. Такимъ образомъ очевидно, что убыль рабочихъ въ семьѣ значительно увеличиваетъ шансы на обращеніе семьи къ нищенству.

Данныя изслѣдованія удостовѣряютъ, что потеря трудоспособности въ рабочемъ возрастѣ служитъ одной изъ главныхъ причинъ обращенія лицъ, находящихся въ рабочемъ возрастѣ, къ нищенству. Въ общемъ выходитъ, что въ то время, какъ въ семьяхъ всего вообще населенія губерніи одинъ работникъ кормитъ четырехъ лицъ, въ нищенствующихъ семьяхъ на заботу одного человѣка рабочаго возраста приходится 6—7 ѣдоковъ. Затѣмъ въ 1077 нищенствующихъ семьяхъ (67 проц.) совсѣмъ нѣтъ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, вслѣдствіе чего большинство нищенствующихъ семей составляютъ нищіе-одиночки, бездѣтные старики и старухи, вдовы съ малолѣтними дѣтьми и т. п. Вообще, изслѣдователи приходятъ къ убѣжденію, что отсутствіе рабочей мужской силы является однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ нищенствующихъ семей. Затѣмъ, изъ указаннаго числа лицъ, находящихся въ рабочемъ возрастѣ, въ нищенствующихъ семьяхъ далеко не всѣ работоспособны. Изъ 334 женщинъ въ рабочемъ возрастѣ 191 къ труду не способны; изъ 281 мужчины не способны къ труду 218. Далѣе, 205 способныхъ къ труду членовъ нищенствующихъ семей постоянно живутъ на заработкахъ внѣ семьи и послѣдней почти не помогаютъ. Въ общемъ выходитъ, что число дѣйстви-

тельных работников-мужчин достигаетъ въ нищенствующихъ семьяхъ лишь 328 лицъ, составляющихъ 8,6 проц. общаго числа лицъ нищенствующихъ семей. Такимъ образомъ выходитъ, что въ числѣ послѣднихъ на каждого дѣйствительнаго (а не по возрасту только) работника-мужчину приходится 11—12 ѣдоковъ.

Уже изъ этихъ данныхъ очевидно, что огромное большинство нищенствующихъ изъ крестьянъ не тунеядцы, идущіе побираться изъ лѣни, пьянства и другихъ порочныхъ склонностей, а люди хозяйственные, близкіе землѣ, но не могущіе вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка рабочихъ силъ поддерживать самостоятельно хозяйство и вынужденные обратиться за помощью къ милосердію другихъ. Отсутствіе организованнаго призрѣнія исключаетъ возможность выбора, а потому всякій, у кого нѣтъ средствъ къ жизни и возможности зарабатывать, волей-неволей обращается къ нищенству, какъ единственному источнику существованія. Въ этого исхода наша жизнь не создала другаго пути, не указала иного способа прокормиться.

Кромѣ приведенныхъ свѣдѣній, земское изслѣдованіе даетъ еще и другіе весьма интересные и поучительные матеріалы о причинахъ нищенства. Важнѣйшими изъ нихъ, по даннымъ этого изслѣдованія, являются: 1) причины семейныя, 2) физиологическія, 3) экономическія и 4) моральныя. Особенно многочисленны, какъ уже было сказано, причины семейныя. Онѣ наблюдались въ 53 случаяхъ изъ 100. Къ числу ихъ относятся: одиночество, слабость семьи (т. е. несоотвѣтствіе между рабочей силой, способностью ея къ производительному труду и числомъ ѣдоковъ), семейные раздѣлы, семейные раздоры, смерть, болѣзни и отказы отъ поддержки со стороны членовъ семьи, добывающихъ средства къ существованію. Затѣмъ въ 41 случаѣ изъ 100 наблюдались физиологическія причины нищенства. Изъ 705 лицъ, не могущихъ снискать себѣ пропитаніе по физиологическимъ причинамъ, десятая часть, какъ оказывается, принадлежитъ къ числу душевно-больныхъ, а остальные страдаютъ физическими недугами. Въ эту же категорію изслѣдованіе причисляетъ неспособныхъ къ труду нищенствующихъ по старости, слабости, калѣчеству, убожеству и т. п. Меньшее вліяніе имѣютъ причины экономическія, въ узкомъ значеніи этого слова, т. е. безземелье, неурожаи, потеря скота, пожары и вообще потеря хозяйства. Они дали при изслѣдованіи 3 случая на 100. Столь же рѣдки и причины нравственныя—пьянство, лѣнь, примѣръ близкихъ людей и т. п., несмотря на то, что неосвѣдомлен-

ные люди въ этихъ именно причинахъ и видятъ источникъ нищенства.

Хотя съ приведенной группировкой причинъ, быть можетъ, согласятся и не всё, но тѣмъ не менѣе она не препятствуетъ полному уясненію происхожденія нищенства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Обращаясь къ этому, изслѣдованіе отмѣчаетъ, что „слабая работоспособность семьи составляетъ 21 проц. отмѣченныхъ причинъ нищенства, старость 20 проц., болѣзни, убожества и т. п. физическіе и психическіе недостатки—19,6 проц., одиночество—15 проц. и смерть членовъ семьи, добывающихъ средства къ существованію,—13,7 проц.“. „Тотъ фактъ, что главнѣйшими причинами нищенства петербургскаго крестьянства являются физиологическія и семейныя обстоятельства, находящія для себя подготовленную почву въ необезпеченности труда, долженъ имѣть громадное значеніе при выработкѣ мѣръ противодѣйствія нищенству. Съ болѣзнями, слабостью, старостью и т. д. борется медицина, а тамъ, гдѣ она оказывается безсильной, остается мѣсто только для призрѣнія; съ неблагоприятными же семейными условіями слѣдуетъ бороться преимущественно мѣрами, не выходящими изъ сферы семьи, направленными къ поддержанію ея и къ усиленію ея работоспособности и трудоспособности“.

Интересны данныя о прежней жизни нищенствующихъ. Изъ нихъ оказывается, что 677 человекъ, составляющихъ 33 проц. всѣхъ зарегистрированныхъ нищихъ, раньше имѣли свое хозяйство, 351 чел. (17 проц.) занимались на полевыхъ работахъ, 113 чел. (5,5 проц.) содержали себя поденной работой, 179 чел. (8,8 проц.)—ремеслами, отхожими промыслами, служили прислугой и пр. Ни чѣмъ не занималось 649 чел. (31,5 проц.); всѣ они или душевнобольные, или страдающіе какими-нибудь физическими недостатками. Для большинства, а именно: для 1.580 чел. (77 проц.) нищенство въ настоящее время служитъ единственнымъ источникомъ существованія. Это и понятно, такъ какъ изъ общаго числа нищихъ 1.494 чел. считаются неспособными къ труду. Для остальныхъ нищенство служитъ какъ-бы подобнымъ промысломъ. Изъ нихъ 102 (5%) ведутъ еще самостоятельное хозяйство, 266 (13%) занимаются въ лѣтнее время на поденныя полевые работы, въ пастухи и т. п., а 102 занимаются въ перемежку съ нищенствомъ ремеслами, нянчатъ дѣтей и занимаются на разныя несельско-хозяйственныя работы. Важно при этомъ отмѣтить, что 90 проц. изъ всѣхъ нищихъ признаются односельчанами или ближайшими де-

ревенскими сосѣдями за людей, дѣйствительно нуждающихся въ помощи; компетентность же этихъ судей, говорится въ изслѣдованіи, нѣкто, конечно, оспаривать не станетъ. О нѣкоторыхъ нищенствующихъ, уходящихъ далеко за предѣлы своей мѣстности, крестьяне ничего не знаютъ и только о 5,2% нищихъ крестьяне или сомнѣваются въ необходимости для нихъ нищенствовать, или ее отрицаютъ. Большинство зарегистрированныхъ нищихъ (50,6 проц.) начали побираться только въ послѣднее пятилѣтіе; меньшинство же (47,2 проц.) побирается больше пяти лѣтъ.

Если свести приведенныя въ изслѣдованіи данныя вмѣстѣ, то всѣ собирающіеся, въ зависимости отъ возраста и способности къ труду, распредѣлятся между слѣдующими категоріями: 1) мало-лѣтки до 7 лѣтъ—ихъ 72 человѣка; 2) дѣти школьнаго возраста—ихъ 350 человѣкъ; 3) подростки или полурабочіе отъ 14 до 16 и 18 лѣтъ—ихъ 56; 4) лица въ рабочемъ возрастѣ до 60 и 65 лѣтъ, но по разнымъ причинамъ полуспособные къ труду,—ихъ 103; 5) лица, способныя къ труду въ рабочемъ возрастѣ и занимающіяся чѣмъ-либо кромѣ нищенства,—ихъ 139; 6) способные къ труду рабочаго возраста, но ничѣмъ, кромѣ нищенства занимающіеся,—ихъ 79 человѣкъ и 7) неспособные къ труду по старости и физическимъ недостаткамъ—ихъ считалось 1.257 человѣкъ.

При регистраціи нищихъ, изслѣдователямъ пришлось остановиться на вопросѣ: кого считать профессиональнымъ нищимъ. Съ первыхъ шаговъ опроса на мѣстахъ, говорятъ они, намъ пришлось отказаться отъ регистраціи нищихъ, какъ профессиональныхъ, такъ какъ всегда оказывались на-лицо болѣе или менѣе отдаленныя причины, которыя привели собирающихся къ нищенству. „Въ самомъ дѣлѣ“,—спрашиваютъ изслѣдователи—

„что такое профессиональный нищій? Тотъ, кто сдѣлалъ себѣ изъ нищенства профессію, постоянное занятіе? Но какъ опредѣлить по отношенію къ каждому отдѣльному лицу, составляетъ ли нищенство его постоянное занятіе? Если по продолжительности нищенства, то вопросъ упрощается, но въ такомъ случаѣ понятіе „профессиональный нищій“ теряетъ всю свою особенность, такъ какъ изъ зарегистрированныхъ въ Петербургской губерніи нищихъ $\frac{2}{3}$ нищенствуетъ 3 и болѣе года, и слѣдовательно всѣхъ ихъ пришлось бы признать профессиональными нищими. Если по намѣренію собирающихся и впрѣдъ заниматься нищенствомъ, то это, во-первыхъ, выходитъ изъ области положительныхъ фактовъ, а, во-вторыхъ, громадная масса зарегистрированныхъ нищихъ, конечно, заявила бы, что она и впрѣдъ вынуждена будетъ заниматься нищенствомъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены причины, приводящія къ необходимости протягивать руку за подаемъ. Если обратиться къ географіи нищенства и считать, что во всѣхъ

тѣх мѣстностяхъ, гдѣ нищенствомъ занимается все населеніе сплошь или значительная часть его, существуетъ профессиональное нищенство, то такихъ мѣстностей въ Петербургской губерніи изслѣдованіемъ не открыто. Если, наконецъ, считать за профессию такое нищенство, которое оказывается выгоднѣе обычныхъ заработковъ, то, во-первыхъ, такое явленіе въ Петербургской губерніи, насколько выясняются данныя изслѣдованія, представляется слишкомъ исключительнымъ, а, во-вторыхъ, выгоды, извлекаемыя изъ нищенства, разъ онѣ превышаютъ потребность въ насущномъ хлѣбѣ, тщательно скрываются и собрать на этотъ счетъ сколько-нибудь вѣрныя свѣдѣнія невозможно. Можно было бы отмѣтить нѣсколько отдѣльных фактовъ, когда нищие отправляются за подаяніями на лошадахъ, когда съ этой спеціальной цѣлью даже покупается на время лошади, когда поѣздки совершаются въ опредѣленные и одни и тѣ же мѣста (дачныя) и имѣютъ организованный характеръ, когда отправившіеся на промыселъ привозятъ рублей 50 домой,—такіе факты отмѣчены въ нѣкоторыхъ волостяхъ Гдовскаго уѣзда,—но все это будутъ единичные случаи, въ которыхъ фигурируютъ не люди здоровые, способные къ работѣ, а калѣки, уроды и т. п. Такимъ образомъ, самое понятіе о профессиональныхъ нищихъ при ближайшемъ изученіи вопроса, при сопоставленіи его съ фактами дѣйствительной жизни, теряетъ свою опредѣленность, расплывается, растворяется, такъ сказать, въ дѣйствительныхъ причинахъ, материальныхъ, семейныхъ, моральныхъ и т. д., порождающихъ и приводящихъ къ нищенству. Поэтому мы—продолжаютъ изслѣдователи—отказываемся отъ распредѣленія нищихъ на профессиональныхъ и непрофессиональныхъ. Если бы же кто-либо пожелалъ сдѣлать такую группировку, то, принявъ за признакъ профессиональности то или другое обстоятельство, онъ самъ въ состояніи будетъ сдѣлать это, такъ какъ всѣ сколько-нибудь значительныя (по своей распространенности) обстоятельства, вызывающія или сопровождающія нищенство, отмѣчены въ нашей таблицѣ.“

Граница, отдѣляющая профессиональнаго нищаго отъ непрофессиональнаго, такъ неопредѣленна, что установить ее нерѣдко бываетъ очень трудно. Куда, напр., отнести рабочихъ Хитрова рынка въ Москвѣ, которые, по словамъ г. Дмитрія Дриля, автора послѣдней изъ означенныхъ въ заголовкѣ настоящей статьи книгъ, „имѣютъ работу не каждый день, а раза 2—3 въ недѣлю“ и потому существуютъ то заработкомъ, то нищенствомъ. А между тѣмъ при иныхъ условіяхъ, они могли бы существовать собственнымъ трудомъ.

„Сравнивая прежнее распредѣленіе по занятіямъ всѣхъ рабочихъ вообще, до ихъ появленія на рынкѣ,—продолжаетъ указанный авторъ—съ ихъ послѣдующимъ распредѣленіемъ послѣ водворенія на Хитровкѣ, видимъ, что прежде на каждые 100 человекъ приходилось 74% лицъ всѣхъ спеціальныхъ профессій, исключая поденщиковъ и чернорабочихъ. Послѣ же нѣкотораго времени пребыванія на рынкѣ, рабочихъ съ прежними профессіями сохраняется только 19,2%, иначе говоря, немногимъ болѣе $\frac{1}{4}$. Значительная же часть ночлежниковъ—хитровцевъ постепенно утрачиваетъ свои прежнія профессіи, переходитъ главнымъ образомъ къ поденнымъ и чернымъ работамъ, или временно находится безъ всякой работы,

или же *совсем покидает трудовую жизнь*, теряет образ производительных рабочих и превращается в нищих, пропойц и тунеядцев“,

которыми и пополняются постепенно ряды преимущественно городских нищих. Они нищенствуют не потому, что пьянствуют, а напротив того—пьянствуют потому, что нищенствуют. Пьянство только симптомъ болѣзни (т. е. нищенства), да и то не постоянный, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ не причина ея. Последняя коренится главнымъ образомъ въ тѣхъ условіяхъ современной дѣйствительности, при которыхъ хозяйственная жизнь отдѣльныхъ лицъ нарушается отъ цѣлой массы случайностей не только чисто экономическихъ, но и семейныхъ, физиологическихъ и др. Развитие техники играетъ въ ряду этихъ условій далеко не последнее мѣсто.

„Вторженіе постоянно совершенствуемыхъ машинъ почти во всѣ отрасли производства—говоритъ г. Дриль—одно уже способно произвести и дѣйствительно производить настоящую революцію во всемъ стрѣ экономическихъ отношеній, вслѣдствіе чего рабочій вопросъ царитъ надъ всемъ.“

Машина, по самому ея существу, предназначена неограниченно сокращать трудъ человѣка, необходимый для созданія средствъ удовлетворенія всѣхъ его потребностей. И она, дѣйствительно, въ громадной пропорціи уже сократила и продолжаетъ еще болѣе сокращать нужду въ немъ. Между тѣмъ, постоянное исканіе труда и теперь есть удѣлъ громадной массы населенія, которая, вслѣдствіе увеличивающагося абсолютнаго прироста населенія и возрастающей быстроты измѣненія его отношенія къ пространству, все умножается. Для этой части населенія постоянный, продолжительный и напряженный трудъ есть непремѣнная экономическая обязанность. Очевидно, здѣсь мы стоимъ передъ глубокимъ противорѣчьемъ тенденцій. Съ одной стороны, все увеличивающееся пониженіе спроса на трудъ человѣка, а съ другой—сравнительно быстро растущее предложеніе, а вслѣдствіе того и тенденція къ обезцѣненію труда, сначала, конечно, въ его болѣе общедоступныхъ, а затѣмъ постепенно и послѣдовательно и въ болѣе высшихъ формахъ, и какъ слѣдствіе всего—жизненная необезпеченность и нужда. Отсюда, въ свою очередь, постоянно возрастающая ожесточенная конкуренція, еще усиливающаяся въ послѣднее время вступленіемъ женщинъ на сцену труда въ его болѣе высшихъ и привилегированныхъ формахъ.....

Непосредственное вліяніе машинъ во многихъ отрасляхъ производства еще сравнительно слабо, хотя и эти отрасли постепенно захватываются или готовятся быть захваченными. Примѣръ такого постепеннаго захвата въ настоящее время представляетъ земледѣліе, въ которомъ примѣненіе машинъ постепенно все болѣе уменьшаетъ примѣненіе рукъ человѣка. Такъ, напр., въ Венгріи, какъ видно изъ недавно опубликованныхъ свѣдѣній, земледѣльческой пролетаріатъ все болѣе и болѣе растетъ въ числѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и его нищета. Въ общемъ, земледѣльческой рабочей въ Венгріи имѣетъ только отъ 80 до 100 рабочихъ дней въ году, которые и должны обезпечивать ему средства существованія цѣлаго года. То же самое въ большей или меньшей степени наблюдается и въ другихъ стра-

нах и вызывает „новѣйшее кочевничество“ рабочих и ихъ отливы къ городамъ въ поискахъ за „лучшимъ житьемъ“ и за какими бы то ни было заработками.

Кому, напр., неизвѣстны вызываемыя избыткомъ предложенія и происходящей отъ того безработицей кочеванія нашихъ крестьянъ центрально-земледѣльческаго района для отысканія наймовъ...

Но еще важнѣе, быть можетъ, посредствующее вліяніе машинъ, отражающееся повсюду и во всѣхъ направленіяхъ въ современной экономической дѣйствительности. Увеличивающееся ихъ введеніе вытѣсняетъ множество рукъ изъ захватываемыхъ ими отраслей производства, выбрасываетъ эти руки, ставшія свободными, на рынокъ труда, заставляетъ ихъ искать новыхъ примѣненій и отливаетъ къ незахваченнымъ еще машинно видами производства, создаетъ подчасъ перепроизводство, вызываемое, между прочимъ, и уменьшеніемъ покупательной способности вытѣсненныхъ, и переполненіе рабочаго рынка ничемъ неимущимъ людомъ, хватающимся за все и готовымъ на всякія послуги и занятія.

Слѣдствіемъ этого является усиленный наплывъ во всѣ отрасли труда (конечно, въ одніи большій, въ другіи меньшій) свободныхъ рукъ, тоскливо ожидающихъ примѣненія, развиваются усиленное исканіе занятій и кочеванія за ними и повсюду возникаетъ ожесточенная конкуренція, которая, не создавая никакой гармоніи интересовъ, чрезвычайно тяжело отзывается на рабочемъ людѣ, понижаетъ его заработки и дѣлаетъ ихъ неувѣрными и перемежающимися“...

Вытекающія стсюда тяжелыя субъективныя состоянія массы отдѣльныхъ личностей,

„соединенныя съ ожесточенной жизненной борьбой, чрезмѣрнымъ напряженіемъ, истощающими неудачами и лишеніями, настоятельно требуютъ отъ испытывающаго ихъ человѣка просвѣтленія — если можно такъ выразиться — его переутомленнаго самочувствія, улучшенія его неприятно подавленнаго настроенія, поднятія его неровнаго тона, для чего и прибѣгаютъ къ извѣстному средству — искусственнымъ возбужденіямъ, и въ числѣ ихъ къ наиболее популярному — алкоголю. *Пьютъ* — какъ говорятъ — *съ горя*. И въ этомъ выраженіи нѣтъ ничего прувеличеннаго; оно вполне соответствуетъ жизненной правдѣ. Безпокойное напряженіе, неудачныя исканія обезпеченнаго труда, систематически-длительныя лишенія, невзгоды и неудачи, тяжелыя настроенія — все это, въ общей совокупности, иначе, какъ понятіемъ горя, и не можетъ быть вѣрно охарактеризовано“...

Потеря заработка, а съ нимъ и сколько-нибудь сноснаго питанія и помѣщенія, жизнь впроголодь, по ночлежнымъ домамъ и бочечнымъ квартирамъ, жизнь, полная горя, заботъ, тяжелыхъ чрезмѣрныхъ усилій и лишеній, неизбежно влечетъ за собой —

„постепенную утрату основнаго богатства какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества — утрату здоровья и органической крѣпости. Въ статьѣ д — ра Дедюлина, составленной по даннымъ наборовъ въ армію, приводятся указанія, заставляющія глубоко задуматься: „На каждыхъ почти 5 человѣкъ призываемыхъ является одинъ неспособный“, говоритъ авторъ, „на каждыхъ 3 человѣка, принятыхъ на службу, — 2 неспособныхъ“. Изъ общаго числа болящей неспособныхъ „золотушное художество“ приходится въ 15, 8% (малокровіе, золотуха и проч. разновидности порчи крови). На основаніи находящагося въ его распоряженіи обширнаго цифроваго матеріала, авторъ приходитъ, между прочимъ, и къ слѣдующему выводу: весь бра-

куемый составъ долженъ быть признанъ неспособнымъ къ труду вообще, если не для личнаго пропитанія, то какъ работникъ—кормилецъ семьи, а главное, что имѣеть особо важное государственное значеніе, составляетъ существо всего вопроса, какъ производитель здороваго потомства, дать такого очевидно не могущій, а вмѣсто того общающій потомство больное и хилое“.

Въ порахъ и трущобахъ съ ихъ ужасными условіями жизни, да обыкновенно еще и при дѣятельномъ содѣйствіи алкоголя, къ которому обращаются съ запросами о нервномъ возбужденіи и хотя-бы о кратковременномъ поднятіи тона самочувствія, постепенно и вырабатывается особая, нестойкая, органически оскудѣлая и обнищалая порода людей съ присущими ей печальными особенностями,—полной расслабленностью во всѣхъ отношеніяхъ. Однимъ изъ наиболѣе ясныхъ показателей органическаго обнищанія служить, между прочимъ, упадокъ жизненности“...

„Довольно яркій портретъ одного изъ лучшихъ еще представителей этой обдѣленной породы людей мы находимъ въ сочиненіи С. В. Максимова—„Бродячая Русь“. „Рожденный спившимся съ кругу отцомъ“—говоритъ авторъ—„или изнуренной, измученной на тяжелыхъ неустанныхъ работахъ матерью,—дряблый съ младенчества, болѣзненный въ отрочествѣ отъ мякиной пищи, безсильный въ работахъ тотчасъ же, какъ ихъ требуютъ отъ него. Онъ никуда не поспѣеть, ничего не додѣлаетъ; много за то битъ пинками и толчками заколоченъ, крутой бранью домашнихъ и неустанными насмѣшками чужихъ забить до пугливости“. „Онъ ненадеженъ въ работѣ, неспособенъ къ усидчивому труду. Живетъ въ родной семьѣ словно въ пасынкахъ, въ родной деревнѣ обзывается такимъ насмѣшливымъ прозвищемъ, какое только можетъ быть хуже и обиднѣе всѣхъ“. „Не только за недѣлю, но и за цѣлыя зимы ни въ избѣ, ни на дворѣ нельзя было найти ни одного слѣдка его пребыванія, ни одной работы, на которую можно было бы указать, какъ на полезную и приходную“. „Легкую работу онъ склоненъ исполнять, и не огорчить его то, что за цѣлыя сутки въ итогѣ у него дыра въ горсти“. Fregier въ своей работѣ—„Des classes dangereuses“ даетъ слѣдующую характеристику людей этого сорта: „Они лишены предусмотрительности и энергій“, говоритъ онъ „и погружены въ нѣкотораго рода оцѣненіе, которое лишаетъ ихъ даже и тѣни мужскаго характера“...

„Эта-то наследственно вырабатывающаяся подъ вліяніемъ многихъ неблагоприятныхъ условій общественной жизни органически обнищалая порода неэнергичныхъ, дряблыхъ людей, неспособныхъ стоять на собственныхъ ногахъ, непригодныхъ къ напряженному, дряблему труду, котораго требуетъ современное общество отъ рабочаго человѣка, и образуетъ собою тотъ основной фондъ, изъ котораго съ органической необходимостью поставляются профессиональные бродяги и нищія, ложащіеся тяжелымъ бременемъ на общество. Они еще достаточно стойки, чтобы влачить жалкое физическое и нравственное существованіе поддонковъ и отребій общества, но уже не имѣютъ достаточныхъ силъ для борьбы за лучшее существованіе.“

Такимъ образомъ, физическое и духовное оскудѣніе и обнищаніе людей, выражающееся, между прочимъ, въ пьянствѣ, лѣни, развратѣ и въ другихъ порочныхъ склонностяхъ, въ которыхъ г. Левенстимъ видѣлъ причину нищенства, являются не условіемъ, порождающимъ нищенство, а уже его слѣдствіемъ и спутникомъ.

Изъ фактическихъ данныхъ, сообщенныхъ губернаторами и собранныхъ статистиками С.-Петербургскаго земства, видно, что указанная порочная склонность („психологическія“ причины) приводятъ къ нищенству только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, и даже въ такихъ, находящихся въ наиболѣе неблагопріятныхъ для нравственности населенія, губерніяхъ, какъ С.-Петербургская, наблюдаются лишь въ 3-хъ случаяхъ на сто. Въ огромномъ же, подавляющемъ большинствѣ случаевъ нищенства первопричиной его является не порокъ, а тѣ условія хозяйственной жизни, при которыхъ населеніе не въ силахъ противустоять ни семейнымъ и фізіологическимъ несчастіямъ, ни экономическимъ невзгодамъ, ни ошибкамъ власти, ни массѣ другихъ явленій, выбрасывающихъ отдѣльныхъ членовъ его изъ числа самостоятельныхъ хозяевъ и, при отсутствіи сколько-нибудь правильно организованнаго призрѣнія, заставляющихъ надѣть суму и идти по міру. Люди, разъ вступившіе на этотъ скользкій путь, очень часто могутъ уже считаться потерянными для общества. Они теряютъ способность къ труду, опускаются нравственно и, заражаясь порокомъ, постепенно вырождаются и физически, и психически. Процессъ этого вырожденія совершается въ условіяхъ деревенской жизни относительно медленно, въ городахъ же онъ идетъ ускореннымъ темпомъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличиваетъ ряды низшей органически оскудѣлой породы людей, грозящей и общественному спокойствію, и безопасности, и едва-ли не всѣмъ устоямъ государственной жизни. Борьбѣ съ этимъ растущимъ зломъ крайне необходимо, но не одними только простыми постановленіями о репрессивныхъ мѣропріятіяхъ, въ которыхъ, по словамъ Mittelstädt, „много жестокой регламентаціи полицейскаго государства и фарисейскаго высокоумія сытой буржуазіи по отношенію къ бѣднымъ и несчастнымъ“, и на которыя стараются направить власть изслѣдователи дѣла, не умѣющіе отличить причину отъ слѣдствія и за неимѣніемъ фактовъ прибѣгающіе къ гиперболическому усиленію ихъ, а мѣрами болѣе сложными и общими, направленными въ корень зла. Не имѣя возможности остановиться на этихъ мѣрахъ въ настоящей замѣткѣ, мы надѣемся обратиться къ нимъ въ ближайшемъ будущемъ.

М. С-нъ.

V.

ДѢЛО КОЛЕСНИКОВЫХЪ.

6 апрѣля текущаго года въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената разсматривалось дѣло по кассаціонной жалобѣ Антона и Петра Колесниковыхъ на состоявшійся о нихъ приговоръ Тамбовскаго окружнаго суда, съ участвіемъ присяжныхъ засѣдателей, коимъ они признаны виновными въ принадлежности къ сектѣ хлыстовъ и въ совращеніи въ означенную секту православное лицо и присуждены къ наказанію, предусмотрѣнному ст. 203 и ч. 3 ст. 196 улож. наказ.

По настоящему дѣлу разрѣшенъ Сенатомъ важный для практики вопросъ о правахъ защиты по вызову свидѣтелей въ порядкѣ ст. 576 уст. угол. суд.

Изъ обвинительнаго акта видно, что 20 апрѣля 1897 г. къ приставу 2 стана Кирсановскаго уѣзда явилась въ сопровожденіи вѣры Филатовой крестьянская дѣвочка Наталія Кутукова 12—13 лѣтъ и заявила, что проживающіе въ селѣ Инжавинѣ крестьяне Антипъ и Петръ Колесниковы пытались склонить ее въ хлыстовскую секту, къ которой принадлежать они сами, на что однако она не согласилась и убѣжала отъ нихъ тайкомъ. На возникшемъ по этому заявленію дознаніи, а затѣмъ и предварительномъ слѣдствіи, Кутукова дала нижеслѣдующія объясненія. Будучи круглой сиротой она поступила къ Колесниковымъ въ услуженіе въ 1896 г. и прожила у нихъ всего около полутора лѣтъ; вскорѣ же послѣ поступленія Колесниковы начали убѣждать ее перейти въ ихъ вѣру, которая по ихъ словамъ святая, хорошая, и обѣщали за это передать ей впоследствии свою мельницу, домъ, деньги и другое имущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ запретили ей ходить въ церковь и къ своимъ родственникамъ, заставляли класть поклоны по особой хлыстовской формѣ, падая на землю всѣмъ тѣломъ (пластомъ), заставляли поститься, не давая пищи по нѣскольку дней сряду, висѣвшій на шеѣ Кутуковой крестъ Колесниковы сняли и бросили, и дали ей другой, который она должна была надѣвать въ тѣхъ случаяхъ, когда ожидали прихода православнаго священника; молиться ее заставляли не иконамъ, а висѣвшему на стѣнѣ фотографическому портрету, на которомъ имѣлись изображенія крестьянки Анисіи Копыловой, умершей нѣсколько лѣтъ тому

назадъ и признававшейся хлыстами за богородицу, а также нѣсколькихъ хлыстовскихъ пророковъ, при этомъ приказывали ей читать разные хлыстовскіе стихи; стихи эти Колесниковы заставляли ее заучивать наизусть; нѣкоторые изъ нихъ Кутукова запомнила и по требованію судебного слѣдователя во время допроса прочитала на память. Молитвы православной церкви „Отче нашъ“ и „Богородицу“ читать не позволяли и причащали ее по особому хлыстовскому обряду. У Колесниковыхъ, по словамъ Кутуковой, по временамъ происходили ночью собранія хлыстовъ, на которыя сектанты привозили много фотографическихъ портретовъ, развѣшивали ихъ по стѣнамъ и молились имъ, пѣли стихи, ходили, хлопали въ ладоши, топали ногами, пролѣзали черезъ колоду, черезъ ремень и проч., при этомъ какъ мужчины, такъ и женщины надевали короткія сорочки, прикрывавшія ихъ только до пояса, а нижнюю часть тѣла оставляли совершенно обнаженной. На одномъ изъ такихъ собраній были приготовлены на полу постели, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ подушки, затѣмъ потушены огни, мужчины и женщины кучей начали бросаться на постели, кувыркались, обнимались, цѣловались, стонали, кричѣли и безчинствовали, мужчины лежали на женщинахъ, „ползали на нихъ“, по выраженію Кутуковой, „и какъ бы шатались“. Самой Кутуковой Колесниковы приказывали ложиться вмѣстѣ съ жившими у нихъ парнями Спиркой (Спиридонъ Колесниковъ) и Илюшкой и любить ихъ; съ первымъ изъ нихъ она, вслѣдствіе такого приказанія, ложилась вмѣстѣ нѣсколько разъ, цѣловалась и безчинствовала. Наконецъ Колесниковы рѣшили везти Кутукову въ село Березовку и посвятить ее окончательно въ свою секту, но она убѣжала къ упомянутой выше крестьянкѣ Вѣрѣ Филатовой. Изложенныя объясненія Кутуковой нашли себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей Позднякова и Митяева, которые удостовѣрили—первый на слѣдствіи и второй на дознаніи, что, проживая въ рабочихъ у Колесниковыхъ, они видѣли происходившія у нихъ по ночамъ собранія хлыстовъ, на которыхъ пѣлись какіе-то стихи; Митяевъ однажды утромъ послѣ собранія засталъ въ избѣ Колесниковыхъ мужчинъ и женщинъ, спавшихъ вмѣстѣ въ большомъ безпорядкѣ, при чемъ нѣкоторые были раздѣты. Свидѣтелю Позднякову жена Петра Колесникова нѣсколько разъ высказывала, что по хлыстовскому вѣрованію съ своимъ мужемъ жить не слѣдуетъ, а нужно жить съ чужими мужчинами, что называется у нихъ жить по духу. Обоихъ свидѣтелей Колесниковы убѣждали

перейти въ ихъ секту, за что Митяеву обѣщали передать все свое имущество. Кромѣ того принадлежность Колесниковыхъ къ сектѣ хлыстовъ отчасти удостовѣрили свидѣтели Добровъ, Филатова и друг. По обыску, произведенному становымъ приставомъ Добровымъ, въ домѣ Колесниковыхъ въ числѣ другихъ вещей была найдена фотографическая карточка, на которую, по словамъ Кутуковой, ее заставляли молиться и на которой въ числѣ другихъ лицъ изображена признаваемая хлыстами за богородицу Анисья Копылова. Допрошенный въ качествѣ эксперта профессоръ Казанской духовной академіи, докторъ богословія Ивановскій, на основаніи данныхъ дѣла, пришелъ къ выводу, что Колесниковы принадлежатъ къ сектѣ хлыстовъ, соединенной въ отправленіи своихъ обрядовъ съ гнусными противонаравственными дѣйствіями. Привлеченные къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ Антипъ и Петръ Колесниковы виновными себя не признали. На основаніи изложеннаго крестьяне Антипъ, 65 лѣтъ, и Петръ, 60 лѣтъ, Федуловы Колесниковы, обвинялись въ томъ, что принадлежатъ къ сектѣ хлыстовъ, соединенной съ гнусными противонаравственными дѣйствіями, выразившимися въ томъ, что при отправленіи обрядовъ ея послѣдователи мужчины вмѣстѣ съ женщинами оставались полунагими, надѣвая только короткія до пояса сорочки, спали также вмѣстѣ, безчинствовали и предавались разврату, приучали къ разврату малолѣтнихъ и проч., они, Колесниковы, въ 1896 и 1897 годахъ склоняли въ означенную секту проживавшую у нихъ въ услуженіи крестьянскую дѣвочку Наталію Кутукову, обѣщая ей матеріальныя выгоды, принуждая ее исполнять разные хлыстовскіе обряды, какъ то: пѣть хлыстовскіе стихи, класть по особой формѣ поклоны, молиться на портреты съ изображеніемъ лицъ, признаваемыхъ хлыстами за богородицу и пророковъ, заставляя ее безчинствовать съ парнями и проч., каковыя мѣры не имѣли однако послѣдствіемъ отпаденія Кутуковой отъ православія, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 203 и 3 ч. 196 ст. улож. наказ. Вслѣдствіе сего и на основаніи 201 ст. уст. угол. суд. означенные Колесниковы преданы были суду Тамбовскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

При производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, въ періодѣ приготовительныхъ къ суду распоряженій, содержавшіеся подъ стражею Колесниковы подали прошеніе слѣдующаго содержанія:

На основаніи ¹⁾ ст. уст. угол. суд. имѣемъ честь покорнѣйше

¹⁾ Статья не обозначена.

просить окружный судъ, кромѣ лицъ, указанныхъ въ спискѣ при обвинительномъ актѣ, вызвать въ засѣданіе суда нижеслѣдующихъ свидѣтелей, проживающихъ въ Кирсановскомъ уѣздѣ. А. Въ опроверженіе показаній Наталіи Кутуковой и Василя Позднякова относительно тайныхъ собраній, бывшихъ будто бы у насъ, и попытокъ совращеній просимъ вызвать служившихъ у насъ работниковъ: 1) Алексѣя Назарова Кочеткова, 2) Василя Афонасьева Скобцева, 3) Алексѣя Дмитріева Коренюсина, 4) Ивана Афонасьева Юмашева, 5) Петра Степанова Попова, 6) Илью Петрова Елагина, 7) Илью Матвѣева Гущина, 8) Гордѣя Игнаткина, 9) Анисима Петрова Савостьянова, 10) вр. Василису Спиридонову Артюхину и 11) Ефимью Астафьеву Кочетовникову (спрошена при слѣдствіи), она же Сѣдова, которые всѣ служили у насъ въ работникахъ въ періодъ времени до 20 лѣтъ, нѣкоторые при Поздняковѣ, а послѣдніе пять при Наталіи Кутуковой, и удостовѣрятъ, что никогда никакихъ собраній у насъ не бывало, да и быть не могло по условіямъ нашей жизни и обстановки, что никого изъ нихъ никогда не совращали, которые знаютъ, какъ мы относились къ церкви, ея посѣщенію и къ обрядамъ, которые вмѣстѣ съ нами ходили въ церковь и, при совмѣстной жизни, не могли не замѣтить тѣхъ сборищъ, о которыхъ рассказываютъ Кутукова и Поздняковъ. Б. Въ отношеніи того, какъ относились мы къ храму Божию, къ Святымъ Таинствамъ, исполненію обрядовъ, просимъ допросить нашихъ священниковъ села Инжавины о. Василя Ивановича (12) Богоявленскаго и о. Михаила Александровича (13) Оводовскаго, изъ коихъ послѣдній былъ нашимъ духовникомъ около 20 лѣтъ. В. Въ отношеніи показаній Доброва, Кутуковой и Позднякова, 14) Федора Васильева Смолина (караульный при волостномъ правленіи села Инжавины) и 15) Павла Ипполитова Гостева (сельскій староста села Инжавины), которые удостовѣрятъ, въ качествѣ ближайшихъ сосѣдей, что имъ и днемъ и ночью постоянно приходилось бывать около нашего дома и заходить въ домъ, что никакихъ собакъ у насъ не было, никогда мы отъ людей не прятались и никакихъ собраній у насъ не было, что и запирались мы не могли, что домъ нашъ стоитъ безъ всякой огорожи, двора нѣтъ, всякій свободно можетъ обойти кругомъ, заглянуть въ любое окно, что у оконъ даже нѣтъ ставень и что, наконецъ, около самаго дома стоитъ колодезь, изъ котораго полсела беретъ воду, и народъ идетъ за водой и днемъ и ночью мимо дома, что въ то же время около самаго дома, въ 2 саженьяхъ, идетъ дорога изъ села

Терновога въ волостное правленіе. Г. Въ опроверженіе показаній Кутуковой относительно того, будто бы ее не пускали въ церковь, прошу допросить 16) Федора Игнатьева Попова и 17) Агима Степанова Гостева (оба въ с. Инжавины), которые удостовѣрятъ, что не разъ видѣли именно меня, Петра Колесникова, въ церкви вмѣстѣ съ Кутуковой. Д. 18) кр. Александръ Степановъ Ряновскій, 19) Василий Алексѣевъ Твиленевъ, 20) Михаилъ Леонтьевъ Резановъ (всѣ трое въ с. Перевозѣ) и 21) Павелъ Макаровъ Дяковъ (с. Перевоза) удостовѣрятъ, что Наталія Кутукова сама имъ признавалась, что все, что она взвела на насъ, неправда и ничего этого не было. 22) кр. Тихонъ Александровъ Стрижковъ (дер. Грушевка, Трескинской волости) удостовѣритъ, что Наталія Кутукова ему извѣстна давно, что это дѣвочка лживая и не разъ взводила небылицы на тѣхъ, у кого жила. А такъ какъ это единственная обвинительница насъ, то характеристика ея чрезвычайно важна для дѣла. Точно также важна для суда и характеристика обвиняемыхъ. Къ сожалѣнію я, Петръ Колесниковъ, вслѣдствіе своей болѣзненности мало гдѣ бывалъ, но меня, Антипа многіе хорошо знаютъ и какъ человѣка, и какъ работника, а потому могутъ сдѣлать мнѣ правильную оцѣнку. Я прошу вызвать въ судъ и допросить землевладѣльца Бориса Николаевича Чичерина (села Караулъ, Кирсановскаго уѣзда), у котораго я снимаю лѣсъ вотъ уже въ теченіе шести лѣтъ, который можетъ охарактеризовать меня и какъ непосредственно знающій меня, и какъ мѣстный помѣщикъ.

4 декабря окружный судъ заслушалъ означенное прошеніе крестьянъ Колесниковыхъ, коимъ они ходатайствовали о вызовѣ къ судебному по сему дѣлу слѣдствію одиннадцать лицъ, ими поименованныхъ, которые, какъ работники, служившіе у просителей въ періодъ времени до 20 лѣтъ, могутъ, по мнѣнію ихъ, удостовѣрить, что вопреки показанію Кутуковой и Позднякова, въ домѣ Колесниковыхъ никогда никакихъ сборищъ, описанныхъ ими, не бывало, что Колесниковы не только никого не совращали въ какую-то секту, но сами постоянно посѣщали церковь, исполняя всѣ обряды, православною церковью предписанные. Въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства просители ходатайствовали также о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей мѣстныхъ священниковъ: Богоявленскаго и Овадовскаго, изъ коихъ послѣдній былъ ихъ духовникомъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ; свидѣтелей Федора Смолина и сельскаго старосту Павла Гостева, которые, какъ ближайшіе сосѣди могутъ удостовѣрить, что никакихъ собраній въ ихъ,

Колесниковыхъ, домѣ, они не видѣли, несмотря на то, что домъ ихъ не имѣетъ ставень и никакой огородки, слѣдовательно доступенъ для наблюденія; свидѣтелей: Федора Попова и Акима Гостева, имѣющихъ удостовѣрить, что, вопреки показаній Кутуковой, онъ, Петръ Колесниковъ, часто съ ней бывалъ въ церкви; свидѣтелей: Александра Ряховскаго, Василя Твиленева, Михаила Резанова и Павла Дьякова, могущихъ удостовѣрить, что сама Наталья Кутукова сознавалась имъ, что все взведенное ею на нихъ, просителей,—неправда и что ничего подобнаго не было, и свидѣтеля Тихона Стрижкова, имѣющаго удостовѣрить, что Наталья Кутукова ему извѣстна давно и что она дѣвочка живая и не разъ ввела небылицы на тѣхъ, у кого она жила. Разсмотрѣвъ изложенное и имѣя въ виду, что всѣ перечисленные свидѣтели имѣютъ удостовѣрить обстоятельства, служащія опроверженіемъ показаній Кутуковой и Позднякова, уличающихъ просителей въ допущенныхъ въ ихъ домѣ противузаконныхъ сборищахъ и принадлежности ихъ къ хлыстовской сектѣ, почему свидѣтели эти, показанія коихъ имѣютъ прямое отношеніе къ обвиненію, предъявленному къ просителямъ, подлежатъ вызову къ судебному по сему дѣлу слѣдствію. Точно также подлежатъ вызову и свидѣтель Стрижковъ, имѣющій удостовѣрить склонность свидѣтельницы по дѣлу 12-лѣтней Кутуковой къ лживому обвиненію своихъ хозяевъ, ибо показаніе этого свидѣтеля можетъ имѣть существенное значеніе при оцѣнкѣ показаній Кутуковой. Что же касается ходатайства просителей о вызовѣ къ судебному слѣдствію по дѣлу землевладѣльца Чичерина, который, по словамъ просителей, собравъ свѣдѣнія объ обвиняемомъ Антипѣ Колесниковѣ и зная его, можетъ его охарактеризовать, какъ лицо его непосредственно знающее и какъ мѣстный землевладѣлецъ,—то въ виду того, что одна лишь исходящая отъ свидѣтеля характеристика обвиняемаго и при томъ безотносительно къ предмету обвиненія, не можетъ признаваться имѣющею какое-либо значеніе по отношенію къ предъявленному обвиненію, судъ находитъ, что эта часть ходатайства обвиняемыхъ удовлетворенію не подлежитъ. На основаніи изложенныхъ соображеній и согласно заключенія товарища прокурора суда, окружный судъ опредѣлилъ: въ удовлетвореніе ходатайства просителей вызвать къ судебному слѣдствію, въ качествѣ свидѣтелей, указанныхъ въ прошеніи свидѣтелей, о чемъ увѣдомить прокурора суда, ходатайство же просителей о вызовѣ землевладѣльца Чичерина оставить безъ послѣдствій, о чемъ ихъ и увѣдомить.

Въ виду состоявшагося постановленія объ отказѣ подсудимому въ вызовѣ свидѣтеля Б. Чичерина и краткости времени, остающагося до дня засѣданія, защитникъ Антипа Колесникова прошеніемъ отъ 7 декабря ходатайствовалъ предъ судомъ о вызовѣ свидѣтеля этого на счетъ подсудимаго, или предоставленія пригласить его. Допросъ этого свидѣтеля представлялся важнымъ по мнѣнію защиты въ томъ отношеніи, что онъ можетъ опровергнуть показаніе Кутуковой о томъ, что будто бы въ его лѣсу у Колесникова происходили собранія хлыстовъ.

Тамбовскій окружный судъ въ распорядительномъ засѣданіи отъ 8 декабря принявъ во вниманіе, что по опредѣленію суда отъ 4 сего декабря въ вызовѣ свидѣтеля Чичерина было отказано на томъ основаніи, что показаніе его признано не имѣющимъ никакого значенія по отношенію къ предъявленному къ подсудимымъ обвиненію, почему вызовъ сего свидѣтеля на судъ не можетъ быть допущенъ и на основаніи 576 ст. уст. угол. суд.; что нынѣ указываемое обстоятельство, которое можетъ будто бы удостовѣрить Чичеринъ, заявляется по пропускѣ установленнаго 557 ст. уст. угол. суд. срока, а между тѣмъ оно не выставляется такимъ вновь открывшимся, которое стало извѣстно подсудимому послѣ врученія ему копии съ обвинительнаго акта, и что посему ходатайство это уважено быть не можетъ—опредѣлилъ: прошеніе это оставить безъ послѣдствій, о чемъ ему, просителю, и объявить.

Затѣмъ 9 декабря Антипъ Колесниковъ новымъ прошеніемъ заявилъ суду, что на основаніи ст. 576 уст. угол. суд. онъ принимаетъ вызовъ свидѣтеля Чичерина на свой счетъ, почему и проситъ сдѣлать распоряженіе о вызовѣ его на его счетъ или о предоставленіи ему пригласить этого свидѣтеля.

Заслушавъ настоящее дѣло въ публичномъ судебномъ засѣданіи 11/12 декабря 1898 года при участіи присяжныхъ засѣдателей, Тамбовскій окружный судъ постановилъ приговоръ, коимъ нашелъ, что вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей признанъ доказаннымъ фактъ существованія въ е. Ипжавинѣ Кирсановскаго уѣзда и окрестныхъ селенійхъ въ 1896 и 1897 г. секты хлыстовъ, соединенной съ гнусными противонравственными дѣйствіями, выразившимися въ томъ, что, при отправленіи обрядовъ ея, мужчины и женщины оставались полунагими, надѣвая только короткія до пояса сорочки, а нижнюю часть тѣла оставляя обнаженной, при чемъ въ поставленный посрединѣ комнаты чанъ сажали нагую

старую женщину, которая какъ-бы выплескивала руками воздухъ изъ чана, приговаривая: „птички-синички“, а окружающіе ловили его; затѣмъ, потушивъ огни, мужчины и женщины кучей бросались на приготовленные заранѣе на полу постели, обнимались, цѣловались, стонали, кричѣли и предавались разврату, и независимо отъ сего малолѣтнія были причаемы къ разврату. А затѣмъ оба подсудимые Колесниковы признаны виновными въ принадлежности къ этой сектѣ и независимо отъ сего они же, Колесниковы, признаны виновными въ томъ, что принадлежа къ описанной выше сектѣ, въ 1896 и 1897 годахъ, склоняли къ переходу въ означенную секту проживавшую у нихъ въ услуженіи крестьянскую дѣвочку Наталію Кутукову, обѣщая ей матеріальныя выгоды, принуждая ее исполнять разные хлыстовскіе обряды, какъ то: пѣть хлыстовскіе стихи, молиться на портреты съ изображеніемъ лицъ, признаваемыхъ хлыстами за богородицу и пророковъ и проч., каковыя мѣры не имѣли однако послѣдствіемъ отпаденія Кутуковой отъ православія. Судъ нашель: принадлежность къ сектѣ съ противоправственными и гнусными дѣйствіями предусмотрѣна 203 ст. улож. наказ., согласно коей Петръ и Антипъ Колесниковы должны быть по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сосланы въ Закавказье съ послѣдствіями по 26 ст. улож. наказ. Второе преступное дѣяніе ихъ, Колесниковыхъ, есть совращеніе въ секту православнаго, не имѣвшее однако своимъ послѣдствіемъ отпаденія совращаемаго отъ православія, что предусмотрѣно 3 п. 196 ст. улож. наказ. и влечетъ за собою наказаніе, опредѣленное 189 ст. по 2 степ. 36 ст. улож. наказ., каковое наказаніе и слѣдовало бы назначить Колесниковымъ въ высшей мѣрѣ. Опредѣляя же подсудимымъ одно общее наказаніе за оба совершенныя ими преступныя дѣянія, окружный судъ, руководствуясь 152 ст. улож., назначилъ Колесниковымъ наказаніе, опредѣленное 203 ст. улож. наказ. какъ строжайшее. Вещественныя доказательства: различнаго рода письменные документы, прядь волосъ, фотографическая карточка и поминанье оставлены при дѣлѣ, а судебныя издержки возложены на подсудимыхъ, согласно 976—999 ст. уст. угол. суд. На основаніи изложеннаго окружный судъ опредѣлилъ: крестьянъ Антипа Федулова Колесникова 65 лѣтъ и Петра Федулова Колесникова 60 лѣтъ, на основаніи 3 ч. 196, 189, 2 степ. 36, 152 и 203 ст. улож. наказ., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Закавказье съ послѣдствіями по 26 ст. улож. наказ., возложивъ на нихъ и судебныя по дѣлу издержки. Вещественныя доказательства: раз-

личнаго рода письменные документы, прядь волосъ, фотографическую карточку и поминанье оставить при дѣлѣ.

На приговоръ этотъ защитникомъ Колесниковыхъ принесена кассационная жалоба слѣдующаго содержания.

Приговоромъ Тамбовскаго окружнаго суда ¹¹/₁₂ декабря 1898 года крестьяне Антипъ и Петръ Колесниковы, вслѣдствіе обвинительнаго вердикта присяжныхъ засѣдателей, присуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Закавказье. Приговоръ этотъ защита находитъ неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ. Въ установленный закономъ срокъ ходатайствовали о вызовѣ, между прочими лицами, мѣстнаго землевладѣльца Чичерина. Опредѣленіемъ суда отъ 4 декабря въ вызовѣ этого свидѣтеля было отказано. На основаніи 576 ст. уст. угол. суд., въ надлежащій срокъ защитникъ ходатайствовалъ (а подсудимый Антипъ Колесниковъ подтвердилъ это ходатайство) о вызовѣ этого свидѣтеля, или о предоставленіи пригласить его за счетъ подсудимаго, при чемъ заявлено было, что означенный свидѣтель, кромѣ обстоятельствъ, изложенныхъ въ первомъ ходатайствѣ, имѣетъ показать, въ опроверженіе показанія свидѣтельницы обвиненія Кутуковой, будто у Колесниковыхъ въ лѣсу (лѣсъ Чичерина) происходятъ собранія хлыстовъ. Окружный судъ въ этомъ ходатайствѣ отказалъ по тѣмъ же соображеніямъ, которыя уже имѣлъ въ виду раньше, а отъ обсужденія новаго довода уклонился на томъ основаніи, будто бы этотъ доводъ представленъ по пропускѣ срока, указаннаго въ 557 ст. Такое толкованіе 576 ст., совершенно уничтожающее ея значеніе, не оправдывается какимъ-либо закономъ. Ходатайство по 576 ст. о вызовѣ уже указанныхъ свидѣтелей не представляется новымъ, въ смыслѣ вызова новыхъ лицъ, но оно должно быть поддержано такими доводами, которые бы указывали суду, почему подсудимый считаетъ для себя необходимымъ вызовъ даннаго лица. И всякій доводъ, приведенный въ этомъ ходатайствѣ, подлежитъ обсужденію, ибо онъ приведенъ въ срокъ, указанный закономъ. Законъ не могъ установить такого положенія, чтобы мотивы ходатайства по 576 ст. доставлялись суду въ срокъ, указанный 557 ст., а затѣмъ, если бы даже и указывалось въ этомъ ходатайствѣ на новое обстоятельство, то во всякомъ случаѣ оно подлежало бы разсмотрѣнію суда, ибо касалось лица, о вызовѣ коего ходатайство заявлено въ срокъ. Отказъ суда, объявленный въ день засѣданія, лишилъ подсудимыхъ одного изъ существенныхъ средствъ защиты, и такъ какъ осно-

ванъ на неправильномъ толкованіи закона, то представляетъ существенное нарушение 576 ст. уст. угол. суд. Въ нарушение 626 ст. уст. угол. суд. на судѣ прочитано было показаніе неявившейся свидѣтельницы Шатиловой, за неврученіемъ ей повѣстки, вслѣдствіе ея временной отлучки изъ мѣста жительства. Окружный судъ призналъ ее неразысканной, вопреки заключенія прокурора, признававшего, что не было принято мѣръ къ ея розыску. И дѣйствительно, въ виду суда не имѣлось никакихъ данныхъ къ тому, чтобы признать, будто полиціей принимались какія-либо мѣры къ розыску, ибо отсылка повѣстки почему-то въ другой округъ не можетъ быть признана розыскомъ. На основаніи изложеннаго, вслѣдствіе нарушения 576 и 626 ст. уст. угол. суд., защитникъ ходатайствовалъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ приговора Тамбовскаго окружнаго суда по дѣлу Колесниковыхъ и о передачѣ его къ новому разсмотрѣнію.

Настоящее дѣло перенесено на уваженіе присутствія Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената по вопросу о толкованіи 575 и 576 ст. уст. угол. суд., въ виду закона 18 марта 1896 г., и слушалось въ засѣданіи 6 апрѣля с. г.; докладывалъ дѣло сенаторъ С. О. Платоновъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ названнаго департамента—В. К. Случевскій.

Изъ представленія Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ съ проектомъ закона объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о вызовѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ въ общія судебныя установленія, по просьбамъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (принятаго въ основаніе закона 18 марта 1896 года), видно, что представленіе это вызвано слѣдующими соображеніями. Въ ряду средствъ къ обнаруженію истины на судѣ уголовномъ, первое и, безспорно, преобладающее мѣсто принадлежитъ показаніямъ свидѣтелей. Отсюда ясно, какую важность для успѣшнаго отправленія правосудія по уголовнымъ дѣламъ имѣетъ правильная постановка въ законѣ вопроса о вызовѣ свидѣтелей на судѣ. Дѣйствующія по этому предмету постановленія Судебныхъ Уставовъ, представляясь вообще весьма цѣлесообразными, не свободны, однако, отъ частныхъ недостатковъ, исправленіе коихъ по указаніямъ опыта является необходимымъ и желательнымъ. Недостатки эти обнаружены практикою, именно въ установленномъ порядкѣ вызова свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ въ засѣданія общихъ судебныхъ мѣстъ по ходатайствамъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Сущность сего порядка заключается въ слѣдующемъ. На основа-

ни статей 521, 526 и 538 уст. угол. суд. къ обвинительному акту или замѣняющимъ его жалобѣ частнаго обвинителя, либо опредѣленію судебной палаты прилагается списокъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, вызываемыхъ къ судебному слѣдствію. Участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ (подсудимому, частному обвинителю и гражданскому истцу) не возбраняется, однако, ходатайствовать о вызовѣ не включенныхъ въ этотъ списокъ свидѣтелей, при чемъ просьба о семъ должна быть заявлена: подсудимымъ—въ семидневный срокъ со дня врученія копии обвинительнаго акта, а гражданскимъ истцомъ—въ такой же срокъ отъ полученія извѣщенія о вступленіи обвинительнаго акта въ судъ (уст. угол. суд. ст. 574, 575, 557 и 560). Для разрѣшенія сихъ ходатайствъ установлены въ законѣ различныя основанія, въ зависимости отъ того, были ли свидѣтели, о вызовѣ коихъ заявлена просьба, спрошены на предварительномъ слѣдствіи или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, согласно ст. 574 уст. угол. суд., участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ не можетъ быть отказано предсѣдателемъ въ ихъ просьбѣ, а во второмъ—домогательства о вызовѣ новыхъ свидѣтелей удовлетворяются лишь съ разрѣшенія суда, который принимаетъ при этомъ въ соображеніе основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію (ст. 575). При установленіи изъясненнаго различія въ основаніяхъ и порядкѣ удовлетворенія ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей, допрошенныхъ и недопрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, законодательство исходило, повидимому, изъ предположенія, что показанія первыхъ имѣютъ всегда существенное для дѣла значеніе и что поэтому не слѣдуетъ стѣснять участвующихъ въ дѣлѣ лицъ въ вызовѣ такихъ свидѣтелей. Предположеніе это, однако, совершенно не оправдывается на практикѣ. Напротивъ, по условіямъ нашего предварительнаго слѣдствія оказывается, что допросъ судебнымъ слѣдователемъ того или другаго лица, въ качествѣ свидѣтеля, отнюдь не служитъ ручательствомъ важности показанія сего лица. Нужно замѣтить, что законъ, обязывая полицію сообщать судебному слѣдователю и прокурорскому надзору о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, возлагаетъ на нее производство дознанія по дѣлу лишь въ томъ случаѣ, когда ни слѣдователя, ни прокурора или его товарища нѣтъ на мѣстѣ (уст. угол. суд. ст. 252). Вслѣдствіе этого, а также по причинѣ нерѣдко обнаруживающейся неполноты произведенныхъ полицією дознаній, слѣдственная дѣя-

тельность обнимает собою не только повѣрку доказательствъ, выясненныхъ розыскомъ, но нерѣдко и производство самаго розыска. При такой постановкѣ дѣла изслѣдованія преступленій, судебный слѣдователь, вызывая свидѣтелей, не всегда можетъ знать, будутъ ли показанія вызываемыхъ лицъ имѣть значеніе для разъясненія дѣла. Нерѣдко онъ бываетъ вынужденъ допрашивать массу свидѣтелей ненужныхъ или явно не достовѣрныхъ—по настояніямъ обвиняемаго. Встрѣчаются въ слѣдственной практикѣ и такіе случаи, когда подозрѣніе, павшее первоначально на одно лицо, опровергнуто затѣмъ слѣдственными дѣйствіями, на основаніи коихъ суду подлежитъ совершенно другое лицо. Естественнo, что при такихъ условіяхъ въ числѣ допрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ всегда могутъ быть лица, показанія коихъ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію суда. Несмотря на это, всѣ означенные свидѣтели, въ виду ст. 574 уст. угол. суд., обязательно вызываются въ судъ, коль-скоро о семъ заявлено ходатайство кѣмъ-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Порядокъ этотъ, какъ видно изъ имѣющихся въ Министерствѣ Юстиціи свѣдѣній, создаетъ почву для злоупотребленій. Исходя изъ побужденій, совершенно чуждыхъ интересамъ правосудія, подсудимые и защитники ихъ заявляютъ иногда ходатайства о вызовѣ такихъ свидѣтелей, которые при допросѣ на предварительномъ слѣдствіи показали, что они по дѣлу ничего не знаютъ, при чемъ правдивость этого показанія представляется по обстоятельствамъ дѣла несомнѣнною. Невыгоды такой постановки права вызова свидѣтелей на судъ очевидны. Съ одной стороны, загроможденіе судебного слѣдствія допросомъ массы лишнихъ лицъ, удлинняя продолжительность судебныхъ засѣданій и усложняя работу суда безъ всякой въ томъ надобности, препятствуетъ въ то же время присяжнымъ засѣдателямъ сосредоточить свое вниманіе всецѣло на существенныхъ сторонахъ дѣла и тѣмъ самымъ невыгодно отражается на правильности ихъ сужденія. Съ другой стороны, уплата вознагражденія подобнымъ свидѣтелямъ за отвлеченіе отъ занятій и путевые расходы ложится напраснымъ бременемъ на казну, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ присуждаемыя къ возмѣщенію судебныхъ издержекъ лица оказываются несостоятельными. Изложенныя соображенія убѣждаютъ, казалось бы, въ томъ, что вызовъ свидѣтелей въ судебное засѣданіе, по ходатайству участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, долженъ быть поставленъ въ зависимость исключительно отъ важ-

ности для дѣла обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію чрезъ ихъ допросъ. Въ предложенномъ смыслѣ вопросъ этотъ рѣшается и нѣкоторыми иностранными законодательствами. Такъ, въ германскомъ уставѣ уголовного судопроизводства (ст. 218 и 219) не дѣлается никакого различія между свидѣтелями, допрошенными и недопрошенными на предварительномъ слѣдствіи, а лишь предписывается, чтобы обвиняемый, ходатайствуя о вызовѣ свидѣтелей или экспертовъ, излагалъ тѣ обстоятельства, которыя онъ желаетъ доказать допросомъ этихъ лицъ; удовлетвореніе же или отклоненіе подобнаго ходатайства предоставлено власти предсѣдателя суда. Въ австрійскомъ уставѣ уголовного судопроизводства (ст. 222 и 225) изложены однородныя постановленія, съ тою лишь разницею, что право отказа въ вызовѣ свидѣтелей принадлежитъ не предсѣдателю, а отдѣленію окружнаго суда. Этотъ послѣдній порядокъ, принятый и у насъ (уст. угол. суд. ст. 575), заслуживаетъ предпочтенія въ виду важности интересовъ, затрогиваемыхъ нерѣдко ходатайствами участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о вызовѣ свидѣтелей. Поэтому домогательства сихъ лицъ о дополненіи списка свидѣтелей, независимо отъ того, были ли послѣдніе допрошены на предварительномъ слѣдствіи или нѣтъ, надлежало бы подчинить разрѣшенію суда. Сообразно съ симъ представлялось бы наиболѣе удобнымъ, отмѣнивъ ст. 574 уст. угол. суд., изложить общее правило о вызовѣ свидѣтелей въ ст. 575 того же устава. Обращаясь вслѣдствіе сего къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя должны быть сдѣланы въ ст. 575, Министръ Юстиціи считаетъ долгомъ замѣтить, что независимо отъ дополненія сей статьи, вызываемаго предполагаемою отмѣною ст. 574, нынѣшнее ея изложеніе требовало бы также исправленія. По тексту ея, судъ, разрѣшая домогательство о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, обязывается принимать при этомъ въ соображеніе „основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію“. Недостаточная опредѣлительность перваго изъ этихъ двухъ условий, а также возможность противопоставить ихъ одно другому породили недоразумѣнія на практикѣ. Послѣднія не были устранены и Правительствующимъ Сенатомъ, разъясненія котораго, напротивъ, приводятъ къ заключенію, что судъ, не отрицая важности для дѣла обстоятельствъ, въ подтвержденіе коихъ выставляются свидѣтели, тѣмъ не менѣе въ правѣ, на основаніи ст. 575, отказать въ вызовѣ ихъ, если считаетъ неосновательными причины, по которымъ проситель не указалъ прежде на этихъ свидѣтелей. Такое

положеніе едва ли можетъ быть признано соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости. Коль- скоро обстоятельства, которыя имѣетъ удостовѣрить свидѣтель, дѣйствительно представляютъ важность для правильнаго рѣшенія дѣла, едва ли возможно отказывать въ его вызовѣ на томъ только основаніи, что ходатайство о семъ могло быть заявлено во время предварительнаго слѣдствія, какъ бы ни были мало основательны причины, по которымъ ссылка на свидѣтеля не сдѣлана заблаговременно. Правда, отказъ суда въ подобной просьбѣ даетъ просителю право ходатайствовать о вызовѣ свидѣтеля на его счетъ (ст. 576 уст. угол. суд.), но въ разрѣшеніе сего ходатайства судъ можетъ или вызвать свидѣтеля на счетъ просителя или предоставить послѣднему пригласить его въ засѣданіе отъ себя, по добровольному соглашенію, которое, конечно, можетъ и не быть достигнуто. Помимо стѣснительности разсматриваемаго правила ст. 575, нельзя не указать также на то противорѣчіе, въ которомъ оно стоитъ со ст. 557 уст. угол. суд. Статья эта, предоставляя подсудимому просить въ семидневный срокъ о дополненіи списка свидѣтелей, обязываетъ его указать суду лишь на тѣ обстоятельства, по которымъ свидѣтели должны быть допрошены, и вовсе не требуетъ объясненія причины несвоевременной на нихъ ссылки. Ради выхода изъ этого противорѣчія суды въ большинствѣ случаевъ совершенно игнорируютъ первое изъ условій, предусмотрѣнныхъ 575 ст. уст. угол. суд., и, обсуждая заявляемыя на основаніи сей статьи, домогательства, принимаютъ во вниманіе только значеніе для дѣла обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію показаніемъ свидѣтеля. Въ виду сего и для согласованія обсуждаемаго правила со статьею 557, казалось бы возможнымъ слова „основательность представляемыхъ къ тому причинъ“ вовсе исключить изъ ст. 575. Остановившаяся на такомъ заключеніи, тайный совѣтникъ Муравьевъ считалъ долгомъ высказать убѣжденіе, что предположенныя измѣненія правилъ о вызовѣ въ общія судебныя мѣста свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, устраняя лишь недостатки существующаго порядка и проистекающія отсюда злоупотребленія, не могутъ стѣснить участвующихъ въ дѣлѣ лицъ въ справедливыхъ ходатайствахъ ихъ о допросѣ на судѣ свидѣтелей. Выше было уже указано, что и до настоящаго времени наши суды, будучи облечены, по ст. 575 уст. угол. суд., весьма широкимъ правомъ отклоненія ходатайствъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, крайне осмотрительно пользовались этими своими полномочіями и примѣняли ихъ на практикѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоя-

тельства, для установленія коихъ выставлялся свидѣтель, не могли имѣть вліянія на рѣшеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ предположеннымъ измѣненіемъ 575 ст. уст. угол. суд. практика эта не только не измѣнится, но въ новомъ законѣ найдетъ себѣ еще болѣе твердую почву. Съ указанной точки зрѣнія нѣтъ, конечно, основаній опасаться, что отмѣна обязательнаго вызова допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей лишитъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ возможности достигъ вызова на судъ такихъ свидѣтелей, которые по ихъ убѣжденію дали при слѣдствіи ложныя показанія и могутъ измѣнить таковыя, будучи приведены къ присягѣ на судѣ. Коль-скоро въ просьбѣ о вызовѣ подобныхъ свидѣтелей выяснено будетъ существенное для рѣшенія дѣла значеніе показанія, ожидаемаго отъ нихъ на судебномъ слѣдствіи, и указаніе это не будетъ опровергнуто другими данными дѣла, судъ, очевидно, не въ правѣ будетъ отказать въ вызовѣ. Само собою разумѣется, что всестороннее, продуманное и чуждое всякой поспѣшности обсужденіе ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей явится важнѣйшимъ условіемъ справедливаго ихъ разрѣшенія. Для вѣщаго обезпеченія этого условія и во избѣжаніе нежелательныхъ по свойству предмета, но тѣмъ не менѣе встрѣчавшихся въ практикѣ, случаевъ отказа въ вызовѣ свидѣтелей безъ означенія причинъ, надлежало бы дополнить разсматриваемую 575 статью положительнымъ указаніемъ на то, что объ отказѣ въ ходатайствѣ должно быть составлено судомъ мотивированное опредѣленіе. Наконецъ, при разрѣшеніи разсматриваемаго вопроса слѣдуетъ остановиться на томъ, что упраздненіе неограниченнаго права вызова свидѣтелей, спрошенныхъ при слѣдствіи, увеличить разницу въ положеніи участвующихъ въ дѣлѣ лицъ сравнительно съ прокуроромъ, которому согласно ст. 573 уст. угол. суд., вообще не можетъ быть отказано въ вызовѣ свидѣтелей. Въ семъ отношеніи необходимо, однако, имѣть въ виду, что такое различіе въ правахъ, уже допущенное и нынѣ Судебными Уставами, находитъ себѣ оправданіе въ самой организаціи прокурорскаго надзора и его задачахъ. Цѣлью дѣятельности прокурора не можетъ и не должно быть обвиненіе во что бы то ни стало, а лишь раскрытіе истины, такъ какъ онъ является не только обвинителемъ, но и блюстителемъ закона и общественныхъ интересовъ. Поэтому требованіе прокурорскаго надзора о вызовѣ свидѣтелей не нуждается въ провѣркѣ значенія ихъ для дѣла, такъ какъ нельзя предположить, что прокуроръ будетъ обременять кого-либо вызовомъ въ судъ безъ дѣйствительной въ

томъ нужды. Проектируемыя измѣненія въ постановленіяхъ устава уголовного судопроизводства о вызовѣ свидѣтелей въ засѣданія общихъ судебныхъ мѣстъ направлены къ устраненію такихъ недостатковъ дѣйствующаго по сему предмету порядка, которые съ полною очевидностью выяснены судебною практикою. Поэтому и въ виду несложности означеннаго частнаго исправленія правилъ устава уголовного судопроизводства, нѣтъ надобности связывать осуществленіе этой мѣры съ общимъ пересмотромъ Судебныхъ Уставовъ, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя задача можетъ быть приведена къ окончанію лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, не встрѣчая препятствій къ отмѣнѣ 574 статьи, въ отношеніи предполагаемой редакціи 575 статьи, остановились на слѣдующихъ замѣчаніяхъ. Законъ возлагаетъ на судъ обязанность оцѣнивать значеніе для дѣла свидѣтельскихъ показаній, какъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, при разсмотрѣніи ходатайствъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о вызовѣ свидѣтелей (статьи 575, 557 и 560 уст. угол. суд.), такъ и по открытіи судебного засѣданія, при разрѣшеніи вопроса о томъ, возможно ли производить судебное слѣдствіе въ отсутствіе неявившихся свидѣтелей или нѣтъ (ст. 640 и 641 уст. угол. суд.). Очевидно, что приемы оцѣнки свидѣтельскихъ показаній въ томъ и другомъ случаѣ не могутъ быть одинаковы. Отсрочка засѣданія нерѣдко бываетъ сопряжена съ тягостными послѣдствіями и для подсудимаго и для свидѣтелей. Поэтому законъ требуетъ, чтобы судъ обсудилъ степень важности для дѣла показаній неявившихся свидѣтелей, и допускаетъ отсрочку засѣданія въ томъ только случаѣ, когда показанія этихъ свидѣтелей столь существенны, что при отсутствіи ихъ нельзя производить судебного слѣдствія. Съ иной точки зрѣнія надлежитъ оцѣнивать значеніе свидѣтельскихъ показаній при разрѣшеніи ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Въ семъ случаѣ важность для дѣла ихъ показаній не можетъ имѣть такого же, какъ на судѣ, рѣшающаго значенія. Для правильнаго отправленія правосудія необходимо, чтобы участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ были предоставлены всѣ законныя средства къ ихъ защитѣ. Поэтому отказъ въ вызовѣ свидѣтелей, показанія которыхъ хотя и могли бы имѣть значеніе для разъясненія дѣла, но представляются, по мнѣнію суда, несущественными, въ значительной мѣрѣ и безъ дѣйствительной въ томъ надобности стѣснилъ бы эту защиту. Вслѣдствіе сего департаменты, оза-

бочиваясь огражденіемъ интересовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, признають соотвѣтственнымъ, въ измѣненіе предположенной Министерствомъ Юстиціи редакціи 575 ст. уст. угол. суд., постановить, что судъ, при разрѣшеніи ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей, принимаетъ въ соображеніе, могутъ ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежащія разъясненію.

Оберъ-Прокуроръ *В. К. Случевскій* въ заключеніи своемъ высказалъ, что въ настоящей кассационной жалобѣ Колесниковыхъ приводится два кассационныхъ повода къ отмѣнѣ состоявшаго о нихъ обвинительнаго приговора. Во-первыхъ, указывается на то, что было прочитано показаніе неявившейся свидѣтельницы Шатиловой въ нарушеніе ст. 626 уст. угол. суд. и, во-вторыхъ, въ противность ст. 576 того же устава отклонено ходатайство въ вызовѣ на судъ мѣстнаго землевладѣльца Чичерина.

Первое указаніе не имѣетъ значенія кассационнаго повода потому, что судъ, какъ видно изъ протокола судебного засѣданія, признавъ, что повѣстка свидѣтельницѣ вручена, что не явилась она по болѣзни, что неявка ея на судъ поэтому представляется законною, а показаніе ея для дѣла существеннымъ, имѣлъ право по точному смыслу ст. 626 уст. угол. суд. читать ея показаніе. Къ тому же защита не можетъ жаловаться на это дѣйствіе суда еще и потому, что показаніе Шатиловой, какъ видно и изъ протокола суда и изъ данныхъ судомъ объясненій, было прочитано съ согласія защиты.

Затѣмъ вторымъ и главнымъ кассационнымъ поводомъ, послужившимъ основаніемъ къ переносу настоящаго дѣла на обсужденіе департамента и имѣющимъ высокое практическое для нашихъ общихъ судебныхъ установленій значеніе, представляется, по заявленію защиты, нарушеніе ст. 576 уст. угол. суд., выразившееся въ отклоненіи ходатайства защиты о вызовѣ г. Чичерина. По этому предмету состоялись два опредѣленія окружнаго суда, отъ 4 и отъ 8 декабря прошлаго года. Въ первомъ опредѣленіи судъ отказалъ защитѣ въ вызовѣ этого свидѣтеля для характеристики подсудимаго Антипа Колесникова по тому соображенію, что характеристика обвиняемаго безотносительно къ предмету обвиненія не можетъ быть признана имѣющею какое-либо значеніе къ предъявленному обвиненію. Второе опредѣленіе состоялось по поводу ходатайства защиты о вызовѣ этого свидѣтеля по ст. 576 уст. угол. суд., въ виду предшествовавшаго отказа въ вызовѣ его, по тому соображенію, что свидѣтель Чичеринъ можетъ опровергнуть показаніе потерпѣвшей Кутуковой о томъ, что будто бы въ его лѣсу у Ко-

лесникова происходили собранія хлыстовъ. Этимъ вторымъ опредѣленіемъ судъ вновь не удовлетворилъ ходатайства защиты, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что показаніе Чичерина признано уже не имѣющимъ никакого значенія по отношенію къ предъявленному обвиненію, что впервые указываемое обстоятельство (о лѣсѣ), о которомъ можетъ будто бы удостовѣрить Чичеринъ, заявляется по пропуску установленнаго ст. 557 уст. угол. суд. срока и не указывается въ качествѣ вновь открывшагося для подсудимаго обстоятельства.

Первый подлежащій такимъ образомъ отсюда разрѣшенію Сената вопросъ представляется вопросъ о томъ, правильно ли окружный судъ призналъ, что по приведеннымъ защитой основаніямъ показаніе Чичерина не имѣетъ къ предмету предъявленнаго къ подсудимымъ обвиненія никакого значенія?

Вопросъ объ относимости даннаго доказательства къ дѣлу есть вопросъ прежде всего существа дѣла, за силою ст. 5 учр. суд. уст. не подлежащій разсмотрѣнію Сената въ порядкѣ кассационномъ. Въ этомъ послѣднемъ порядкѣ онъ можетъ быть разсмотрѣнъ только съ точки зрѣнія того законнаго состава преступленія, по которому обвиняемые преданы суду. Глядя на вопросъ съ этой стороны надо, признать дѣйствія окружнаго суда правильными. Сенатъ установилъ уже (^{95/17} Ольги Палемъ), что свойство личности преступника, его характеръ, его родъ занятій и т. п., подлежатъ изслѣдованію лишь настолько, насколько личные элементы эти вложились въ преступное дѣяніе, опредѣляютъ его составъ, условія и степень отвѣтственности подсудимаго. Религіозный фанатизмъ и изувѣрство не требуютъ съ неизбѣжностію порочной жизни для своего развитія и проявленія. Явленія эти не сливаются роковымъ образомъ во едино и между ними нѣтъ такой органической связи, которая давала бы надежныя основанія для заключенія, что добродѣтельный въ практической дѣловой жизни человекъ не можетъ исповѣдывать опасныя для соціальной жизни религіозныя заблужденія.

Не заслуживаетъ также уваженія жалоба защиты на стѣсненіе ея правъ невызовомъ Чичерина въ опроверженіе показанія потерпѣвшей Кутуковой о томъ, будто въ его лѣсу происходили собранія хлыстовъ. Опредѣляется относимость къ дѣлу доказательствъ предъявленнымъ къ подсудимымъ обвиненіемъ. Изъ дѣла видно, что обвинительная власть, а затѣмъ и обвинительный приговоръ суда установили виновность подсудимыхъ въ принадлеж-

ности къ сектѣ хлыстовъ и въ склоненіи Кутуковой къ переходу въ ихъ секту, признавъ, что собранія хлыстовъ происходили въ жилищѣ обвиняемыхъ. Они не обвинялись въ томъ, что собирались въ лѣсу Чичерина, а поэтому и опроверженіе неприписывавшагося имъ факта не могло найти мѣсто. Къ тому же отрицательныя положенія, въ родѣ выставленнаго защитою, не могутъ служить предметомъ доказыванія на судѣ и по самой своей природѣ. Для суда важно знать не то, гдѣ не имѣли мѣсто собранія подозрѣнныхъ по дѣлу хлыстовъ,—такихъ мѣстъ можно выставить неисчерпаемое количество—а важно знать, собирались ли они въ тѣхъ мѣстахъ, которыя указаны были обвиненіемъ.

Но главный юридическій интересъ, представляемый настоящею кассационною жалобою, сосредоточивается на процессуальномъ вопросѣ о томъ, обязанъ ли былъ окружный судъ вызывать всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, о вызовѣ которыхъ ходатайствуетъ защита въ порядкѣ ст. 576 уст. угол. суд., принимая вызовъ ихъ на свой счетъ? Принадлежитъ ли въ этомъ отношеніи суду право контроля надъ защитою, или же онъ обязанъ ограничиваться исполнительными дѣйствіями по вызову, совершенно независимо отъ того, имѣетъ ли по мнѣнію суда указанный свидѣтель какое-либо касательство къ интересамъ уголовнаго правосудія по настоящему дѣлу?

Повидимому буква статьи 576 устава за отрицательное разрѣшеніе этого вопроса. Статья говоритъ, что если будетъ заявлено о вызовѣ стороною свидѣтелей на ея счетъ „то дѣлается немедленно распоряженіе о вызовѣ“. Внимательное чтеніе этой статьи приводитъ однако къ другому заключенію. Если окружный судъ только исполнительъ при осуществленіи правъ защиты по вызову, то какъ объяснить, что та-же статья предоставляетъ суду или вызвать указанныхъ свидѣтелей на счетъ просителя, или предоставить послѣднему „пригласить ихъ въ судъ отъ себя по добровольному съ ними соглашенію“? Разъ право вызова свидѣтеля на свой счетъ предоставлено сторонѣ закономъ, то не должно быть повидимому мѣста для предоставленія сторонѣ судомъ права приглашенія по добровольному со свидѣтелемъ соглашенію, а между тѣмъ законъ предоставляетъ суду признать или не признать въ каждомъ случаѣ за защитою право входить съ свидѣтелемъ въ соглашеніе по приглашенію его въ судъ.

Но въ дѣлѣ изъясненія смысла закона одно буквальное толкованіе его не можетъ имѣть еще рѣшающаго значенія. Сенатъ уже въ началѣ своей практики (⁶⁸/₁₄₅ Маурина) разъяснилъ, что тол-

кованіе закона, приводящее къ противорѣчію или къ несогласію съ общою системою законодательныхъ положеній по данному вопросу, не должно быть допускаемо. Между тѣмъ въ 78 году Сенатъ (№ 34 д. Засуличъ) разъяснилъ, что признавать по статьѣ 576 уст. угол. суд. безусловное право защиты на приглашеніе свидѣтелей, въ вызовѣ которыхъ судомъ было отказано на томъ основаніи, что показаніе ихъ къ дѣлу совсѣмъ не относится, значило бы если не упразднить статью 611 уст. угол. суд., обязывающую председателя суда устранять во время судебного слѣдствія все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать для председателя суда исполненіе такой обязанности почти несуществимымъ. Со времени этого разъясненія Сенатомъ статьи 576 уст. угол. суд., статья эта по настоящее время не измѣнилась. Законъ 18 марта 1896 года, отмѣнившій статью 574 этого устава (о правѣ защиты вызывать помимо разрѣшенія суда свидѣтелей, допрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ), а также измѣнившій редакцію статьи 575 устава (о вызовѣ судомъ свидѣтелей защиты на счетъ казны) въ направленіи, о которомъ рѣчь впереди, оставилъ неизмѣненною статью 576 устава, почему и состоявшееся по ней разъясненіе Сената должно быть признано сохранившимъ по настоящее время свое значеніе и силу.

Но при судебномъ толкованіи закона важенъ пріемъ раскрытія въ законѣ мысли и воли законодателя при помощи тѣхъ мотивовъ, которыми руководился законодатель при созданіи закона. Спрашивается, въ чемъ заключались эти мотивы изданія закона 18 марта 1896 года, значительно видоизмѣниваго условія и порядка вызова свидѣтелей защиты въ окружномъ судѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ представленіе Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ, а также журналъ соединенныхъ департаментовъ Государственного Совѣта по изданію этого закона. Критическая оцѣнка Министра Юстиціи ст. 574 уст. угол. суд., отмѣненной этимъ закономъ и возлагавшей на председателя обязанность вызова указанныхъ защитою свидѣтелей, спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, привела Министра Юстиціи къ заключенію, что этотъ обязательный для председателя суда вызовъ свидѣтелей защиты, спрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ, создавалъ почву для злоупотребленій. Исходя изъ побужденій, совершенно чуждыхъ интересамъ правосудія, подсудимые и защитники ихъ заявляли иногда ходатайства о вызовѣ такихъ свидѣтелей, которые при допросѣ показывали,

что они по дѣлу ничего не знаютъ. Отсюда происходило загроможденіе судебного слѣдствія допросомъ массы лишнихъ лицъ, удлиненіе продолжительности судебныхъ засѣданій, усложненіе работы суда безъ всякой въ томъ необходимости и увеличеніе путевыхъ расходовъ вызываемыхъ лицъ, ложившихся тяжкимъ бременемъ на казну. Правда, въ журналѣ Государственнаго Совѣта мы встрѣчаемся съ указаніемъ на происшедшее редакціонное измѣненіе проектированныхъ Министерствомъ статей подъ вліяніемъ мотивовъ, очевидно продиктованныхъ Государственному Совѣту желаніемъ обезопасить интересы защиты по вызову свидѣтелей. Въ журналѣ значится, что для правильнаго отправленія правосудія необходимо, чтобы участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ предоставлены были всѣ законныя средства къ ихъ защитѣ. Поэтому, разсуждалъ Государственный Совѣтъ, отказъ въ вызовѣ свидѣтелей, показанія которыхъ хотя и могли бы имѣть значеніе для разъясненія дѣла, но представляются, по мнѣнію суда, несущественными, въ значительной мѣрѣ и безъ дѣйствительной въ томъ надобности стѣснилъ бы защиту. Поэтому департаменты, „озабочиваясь огражденіемъ интересовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ“, и сдѣлали соотвѣтствующія въ проектѣ Министра Юстиціи редакціонныя измѣненія ст. 575 уст. угол. суд.

Для того, чтобы вѣрно понять смыслъ этихъ послѣднихъ соображеній и связать ихъ съ соображеніями, подкрѣпившими министерскій проектъ, принятый въ существѣ своемъ Государственнымъ Совѣтомъ, необходимо посмотрѣть, въ чемъ заключаются тѣ измѣненія, которыя внесены новымъ закономъ въ дѣйствующій процессъ, и тѣ измѣненія, которыя предлагалъ внести въ него Министръ Юстиціи.

Три статьи, органически между собою связанныя, опредѣляли существовавшій до изданія новаго закона порядокъ вызова свидѣтелей защиты: 1) ст. 574—обязывавшая предсѣдателя вызывать указанныхъ защитой свидѣтелей, если они были спрошены на предварительномъ слѣдствіи; 2) ст. 575—ставившая дѣятельность уголовного суда по разрѣшенію ходатайствъ защиты о вызовѣ всѣхъ остальныхъ свидѣтелей въ зависимости отъ: а) „основательности представляемыхъ къ тому причинъ“ и б) отъ „важности обстоятельствъ подлежащихъ разъясненію“, и 3) ст. 576—постановлявшая, и постановляющая понынѣ, что судомъ „дѣлается немедленно распоряженіе о вызовѣ“ тѣхъ свидѣтелей за-

щиты, о вызовѣ которыхъ послѣдовалъ отказъ со стороны суда, если защита заявитъ, что принимаетъ вызовъ ихъ на свой счетъ. Въ отношеніи первой и послѣдней статей между Министромъ Юстиціи и Государственнымъ Совѣтомъ никакого разногласія не происходило; ст. 574 устава была отмѣнена новымъ закономъ, а статья 576 устава, составляющая нынѣ предметъ спора, не только не подверглась никакимъ измѣненіямъ, но даже можно сказать и не служила предметомъ обсужденія, ни представленія Министра Юстиціи, ни Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ разность мнѣній обнаружилась только по поводу ст. 575 устава. Министръ Юстиціи, ссылаясь на судебную практику, находилъ, что изъ двухъ основаній, преподанныхъ этою статьею въ руководство суда при обсужденіи ходатайствъ защиты о вызовѣ свидѣтелей, первое основаніе— „основательность представленныхъ къ тому (т. е. къ вызову) причинъ“ надлежитъ исключить и оставить въ этой статьѣ только второе основаніе— „важность обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію“. Государственный же Совѣтъ, соглашаясь на исключеніе перваго основанія, съ своей стороны призналъ однако нужнымъ, дѣйствительно въ интересахъ защиты, замѣнить и второе основаніе, обусловливающее дѣятельность суда по разрѣшенію ходатайствъ защиты о вызовѣ, другимъ основаніемъ, вошедшимъ затѣмъ въ текстъ новаго закона и заключающимся въ томъ, что судъ, обсуждая вопросъ о вызовѣ, долженъ принимать въ соображеніе только то, могутъ ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежащія разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей. Это измѣненіе несомнѣнно, согласно мысли Государственнаго Совѣта, поставило защиту въ болѣе льготныя условія по вызову свидѣтелей чѣмъ какое создалось бы для нея, если бы этого измѣненія Государственный Совѣтъ въ проектъ Министра Юстиціи не ввелъ. Послѣдній полагалъ обязать окружный судъ вызывать только тѣхъ относящихся къ дѣлу свидѣтелей, показанія которыхъ будутъ признаны судомъ существенными, вызовъ же тѣхъ относящихся къ дѣлу свидѣтелей, показанія которыхъ судъ признаетъ несущественными, могъ бы быть допущенъ только въ томъ случаѣ, если бы защита ходатайствовала въ порядкѣ ст. 576 о вызовѣ ихъ на собственный ея счетъ. Между тѣмъ нынѣ, благодаря измѣненію, внесенному Государственнымъ Совѣтомъ, по новому закону, судъ обязанъ вызвать всѣхъ тѣхъ свидѣтелей защиты, показанія которыхъ онъ признаетъ относящимися къ дѣлу, совершенно независимо отъ степени ихъ существенности. Такимъ образомъ ока-

зывается, что Государственный Совѣтъ озаботился огражденіемъ интересовъ защиты по отношенію къ группѣ свидѣтелей, показаніе которыхъ признается судомъ относимымъ къ дѣлу, но Государственный Совѣтъ никогда не задавался мыслью предоставить защитѣ какія-либо льготы по вызову и допросу свидѣтелей, не имѣющихъ отношенія къ дѣлу.

Если мотивы закона 18 марта 1896 года не даютъ такимъ образомъ никакихъ основаній къ заключенію о правѣ защиты вызывать свидѣтелей, не относящихся къ дѣлу, то къ тому же приводятъ и соображенія, вытекающія изъ той несоотвѣтствующей достоинству суда роли, въ которую поставленъ былъ бы судъ при осуществленіи защитой этого, признаваемаго за нею кассационною жалобою права. Принципъ состязательности, проявляющійся въ дѣятельности самостоятельно дѣйствующихъ сторонъ, представляется дорогимъ процессуальнымъ наслѣдіемъ прошлаго. Безспорно, что только при условіи широкаго развитія этого принципа въ судебной практикѣ стороны въ состояніи путемъ всесторонней оцѣнки обстоятельствъ дѣла помочь суду въ обнаруженіи матеріальной истины. Но это состязательное начало отнюдь не предполагаетъ безучастнаго и пассивнаго отношенія къ нему суда. Изъ взаимодѣйствія суда и представителей сторонъ слагается весь строй современнаго, уголовного процесса, и если въ началѣ введенія нынѣ существующей слѣдственно-обвинительной формы уголовного процесса могъ еще найти мѣсто взглядъ на состязательный принципъ, какъ на условіе примѣненія къ дѣятельности суда *Passivität'smaxim'ы*, то въ настоящее время такой взглядъ совершенно не соответствовалъ бы постановленіямъ нынѣ дѣйствующихъ уголовно-процессуальныхъ кодексовъ. Подъ влияніемъ тѣхъ злоупотребленій, которые происходили въ судебной практикѣ при старой слѣдственной формѣ уголовного процесса, сосредоточивавшей въ лицѣ суда функціи обвиненія и защиты, естественно сложилось возрѣніе, что только самостоятельно дѣйствующія по вызову свидѣтелей стороны могутъ обезопасить правосудіе отъ прежнихъ судебныхъ ошибокъ. Соответственно этому старѣйшій изъ нынѣ дѣйствующихъ уголовно-процессуальныхъ кодексовъ—кодексъ французскій—предоставляетъ защитѣ эту неограничиваемую судомъ свободу вызова свидѣтелей ея на судъ, но новѣйшіе кодексы, какъ, напр., кодексъ австрійскій 1873 года и кодексъ венгерскій 1896 года, отнесли къ этому праву вызова свидѣтелей нѣсколько иначе. По австрійскому уставу ходатайство о вызовѣ свидѣтелей

обращается къ предсѣдателю суда, съ указаніемъ обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію чрезъ этихъ лицъ, а еслибы предсѣдатель на вызовъ не согласился, то (по § 225) передаетъ тѣ ходатайства на разрѣшеніе суда, на постановленіе котораго по этому предмету не допускается жалобъ, а дозволяется лишь повтореніе просьбъ о вызовѣ на судебномъ слѣдствіи. Точно также и венгерскій уставъ сосредоточиваетъ просьбы стороны о вызовѣ свидѣтелей въ рукахъ предсѣдателя, при чемъ (по § 288) законъ постановляетъ, что указанные лица вызываются кромѣ тѣхъ случаевъ, когда обстоятельства, подлежація разъясненію ихъ, совершенно несущественны, или когда вполне очевидно, что сторона ссылается на нихъ для того, чтобы затянуть разрѣшеніе дѣла. Правда, германскій уставъ уголовного судопроизводства 1877 года относится къ этому вопросу нѣсколько иначе (§§ 213, 218, 219, 221, 243, 245), такъ какъ, въ случаѣ отказа предсѣдателя вызвать указанного свидѣтеля, подсудимый можетъ пригласить его на свой счетъ, но при этомъ оказывается, что этотъ порядокъ создаетъ въ Германіи весьма нежелательныя явленія. Проектомъ закона 1894 года предполагалось измѣнить этотъ порядокъ въ смыслѣ расширенія правъ суда по разрѣшенію ходатайствъ сторонъ о вызовѣ свидѣтелей по дѣламъ подсуднымъ уголовнымъ отдѣленіямъ Landgericht'a, при чемъ указывалось, что правомъ безконтрольнаго вызова свидѣтелей въ судъ подсудимые часто злоупотребляли и въ результатѣ оказывалось, что судъ долженъ былъ тратить время на обсужденіе несущественныхъ данныхъ, что дѣла запутывались и что пользовались гласностью судебного засѣданія для нарушенія законныхъ интересовъ и чувствъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Но и для оцѣнки дѣйствующаго французскаго кодекса по настоящему вопросу не слѣдуетъ терять изъ виду, что опасная сторона вызова свидѣтелей помимо согласія суда въ значительной степени ограничивается тамъ въ своемъ значеніи благодаря тому обстоятельству, что по этому кодексу подсудимый и его защитникъ могутъ предлагать свидѣтелю вопросы не иначе какъ чрезъ уста президента суда и что послѣдній обязывается отстранять все то, что содѣйствуетъ продолженію судебныхъ преній безъ всякой надежды на достиженіе болѣе точныхъ результатовъ (§§ 319, 270, 315, 324). Для оцѣнки разсматриваемыхъ постановленій французскаго кодекса важно также установить, что французскій кассационный судъ расширилъ полномочія суда по этому предмету, разъяснивъ, что судъ можетъ оставить вовсе безъ допроса приведеннаго стороною сви-

дѣтеля, если признаетъ, что допросъ затянетъ пренія безъ пользы для обнаруженія истины (Рѣш. касс. суда 21, 47 и 86 годовъ).

Приведенная справка о настоящемъ положеніи вопроса о вызовѣ защитой свидѣтелей по иностраннымъ дѣйствующимъ уголовно-процессуальнымъ кодексамъ даетъ основаніе къ заключенію, что поддерживаемое кассационною жалобою воззрѣніе не находитъ оправданія не только въ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ, но и въ свойствахъ состязательнаго принципа, какъ онъ понимается современными уголовно-процессуальными кодексами. Попытка обосновать право защиты на неконтрольный, со стороны суда, вызовъ свидѣтелей не только въ уголовно-процессуальномъ, но и въ гражданскомъ процессуальномъ строѣ, введенномъ нашими Судебными Уставами, не можетъ найти себѣ оправданія. Гражданскій Кассационный Департаментъ Правительствующаго Сената въ многократныхъ рѣшеніяхъ своихъ (между прочимъ въ рѣшеніяхъ 1872 г. № 896, 1884 г. № 3 и др.) признавалъ, что судъ не обязанъ не только спрашивать, но и вызывать свидѣтелей по всякой ссылкѣ тяжущихся, когда обстоятельство, въ подтвержденіе котораго дѣлается ссылка, не можетъ имѣть для дѣла существеннаго значенія. Если, такимъ образомъ, состязательный принципъ въ гражданскомъ процессѣ не осуждаетъ судъ на бездѣтельность по вызову свидѣтелей стороны, то можно ли допустить эту бездѣтельность суда въ уголовномъ процессѣ? Въдѣ предметомъ гражданскаго процесса является частное право, находящееся въ распоряженіи сторонъ, между тѣмъ какъ предметомъ уголовного процесса, въ значительно большей мѣрѣ проникнутаго элементомъ публичнаго интереса, является требованіе закона о примѣненіи наказанія къ виновнику преступнаго посягательства въ видахъ государственныхъ.

Въ силу изложенныхъ соображеній, приходится прійти къ заключенію, что отстраненіе суда отъ контроля надъ дѣйствіями защиты по вызову свидѣтелей на судъ не соответствовало бы принципу состязательности и не согласовалось бы съ положеніемъ суда, какъ органа судебной власти. Немыслимо также допустить, чтобы новый законъ, уничтоживъ статью 574 устава ради уничтоженія злоупотребленій защитой правомъ ея вызывать свидѣтелей, спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, пожелалъ открыть еще болѣе широкій просторъ для подобныхъ злоупотребленій по примѣненію статьи 576 уст. угол. суд. предоставленіемъ защитѣ права вызова на ея счетъ такихъ свидѣтелей, ко-

торыхъ судъ призналъ уже не относящимся къ дѣлу. Если къ тому же принять во вниманіе, что новый законъ ни въ чемъ не измѣнилъ указанную 576 ст. устава, то сдѣлается повидимому безспорнымъ, что та практика Правительствующаго Сената, которая съ 78 года установилась въ отношеніи толкованія этой статьи, имѣетъ полное право и на дальнѣйшее свое существованіе.

Не ограничиваясь изложеніемъ соображеній, подтверждающихъ правильность дѣйствій Тамбовскаго окружнаго суда въ отношеніи опредѣленій его отъ 4 и 8 декабря 1898 года, представляется не безынтереснымъ посмотрѣть, какия послѣдствія должно повлечь за собою принятіе Сенатомъ, въ уклоненіе отъ предъшествовавшей практикѣ его, предлагаемаго кассационною жалобой толкованія ст. 576 уст. угол. суд.?

Посмотримъ теперь, къ чему привелъ бы противоположный взглядъ, заключающійся въ отрицаніи права суда контролировать основательность ходатайства защиты о вызовѣ указанныхъ ею свидѣтелей на ея счетъ въ порядкѣ ст. 576 уст. угол. суд.? Онъ привелъ бы къ цѣлому ряду серьезныхъ фактическихъ и юридическихъ препятствій для своего осуществленія.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что препятствіе къ тому заключается въ представителяхъ интересовъ защиты на уголовномъ судѣ. Интересы эти представляются или самимъ подсудимымъ, или его защитникомъ. Подсудимый самъ по себѣ едва-ли часто въ состояніи быть достаточно безпристрастнымъ судьей въ собственномъ дѣлѣ и въ желаемой мѣрѣ служить гарантіею основательности ходатайства своего въ отношеніи пригодности выставляемыхъ имъ свидѣтелей для цѣлей уголовного правосудія, такъ какъ вопросъ объ относимости свидѣтельскихъ показаній къ дѣлу требуетъ знанія, въ чемъ заключается законный составъ даннаго преступленія и въ какихъ предѣлахъ должно быть соотвѣтственно ему производимо судебное слѣдствіе. Самый фактъ допущенія законодателемъ формальной защиты свидѣтельствуешь о томъ, что законодатель признаетъ необходимымъ восполнить личность подсудимаго его защитникомъ. Но и послѣдній едва-ли въ состояніи всегда съ надлежащимъ знаніемъ и безпристрастіемъ разрѣшить этотъ вопросъ. Если бы у насъ существовала сосредоточивающаяся въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ монополія защиты на уголовномъ судѣ, то можетъ быть еще можно было бы утверждать, что защитникъ можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ

судомъ въ дѣлѣ разрѣшенія вопроса о допустимости свидѣтелей на уголовный судъ; образовательный цензъ этихъ лицъ въ связи съ установленнымъ надъ ихъ дѣятельностію сословнымъ контролемъ могъ бы до нѣкоторой степени служить тому гарантією. Но въѣдъ у насъ, на основаніи ст. 565 уст. угол. суд., защитниками по уголовнымъ дѣламъ могутъ быть всѣ, кому не запрещено ходатайство, дѣйствительность же показываетъ, что присяжные повѣренные далеко не въ большинствѣ случаевъ являются защитниками по уголовнымъ дѣламъ, и что по значительной части дѣлъ подсудимые или вовсе не имѣютъ защитниковъ или имѣютъ ихъ не изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Въ виду этого, казалось бы; нельзя не признать, что превращеніе суда въ безучастнаго исполнителя требованій защиты по вызову указанныхъ ею свидѣтелей на ея счетъ—создало бы чрезвычайную опасность.

Несомнѣнно, что защита введена въ дѣйствующій слѣдственно-обвинительный уголовный процессъ въ интересахъ публичныхъ, и съ точки зрѣнія идеальной можно даже сказать, что у нея одна общая цѣль съ обвиненіемъ—содѣйствовать уголовному суду въ обнаруженіи матеріальной истины. Но достигается эта цѣль только путемъ служенія сторонами частнымъ цѣлямъ, заключающимся въ обвиненіи и защитѣ подсудимаго, вѣлѣдствіе чего съ точки зрѣнія житейской, опытной, эти частныя цѣли интересуютъ представителей интересовъ сторонъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ цѣль конечная, выставляемая интересами публичными и заключающаяся въ постановкѣ соответствующаго обстоятельству дѣла приговора. По крайней мѣрѣ судебная практика свидѣтельствуетъ о томъ, что сердцу защитника всегда ближе личные интересы довѣрившагося ему подсудимаго, нежели отвлеченные интересы правосудія. Вотъ почему, вполне раздѣляя мнѣніе нашего извѣстнаго процессуалиста о томъ, что судъ, дѣйствующій безъ содѣйствія свободной защиты, превращается въ травлю, а не въ органъ правосудія, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что эта свобода защиты не должна быть отождествляема съ произволомъ и что контроль суда надъ вызовомъ его свидѣтелей на судъ представляется необходимымъ. Если по удостовѣренію представленія Министра Юстиціи осуществленіе безконтрольнаго права защиты по вызову свидѣтелей, спрошенныхъ судебными слѣдователями, на уголовный судъ, при существованіи отмѣненной нынѣ ст. 574 уст. угол. суд., судебное слѣдствіе загромождалось ненужнымъ матеріаломъ, удлинилось и осложнялось, создавая неоправдываемые нуждами правосудія рас-

сходы казны, то почему же возможно предполагать, что съ отмѣною сложившейся практики Сената по примѣненію ст. 576 уст. угол. суд. и съ допущеніемъ полной свободы защиты по вызову, помимо суда, всѣхъ тѣхъ свидѣтелей на ея счетъ, въ вызовѣ которой от-казано судомъ, не повторяются тѣ же явленія? Обязательный при существованіи ст. 574 уст. угол. суд. вызовъ свидѣтелей, до-прошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, по требованію защиты, предъявляемому предсѣдателю суда, представлялъ гораздо меньше опасности чѣмъ предлагаемый нынѣ обязательный вызовъ судомъ свидѣтелей защиты на счетъ подсудимаго. Въ отношеніи первыхъ свидѣтелей служило хотя нѣкоторую гарантію то обстоятельство, что былъ моментъ въ процессѣ, въ которомъ слѣдователь признавалъ даннаго свидѣтеля относящимся къ дѣлу, въ отношеніи же свидѣтелей защиты, вызываемыхъ по ст. 576 уст. угол. суд., нѣтъ и такой гарантіи, такъ какъ предполагается обусловить обязательность для суда вызова этихъ свидѣтелей только наличностью денежныхъ средствъ подсудимаго. Можно поѣтому и теперь, какъ то было и до даннаго Сенатомъ въ 1878 году разъясненія, сказать, что принятіе оспариваемаго взгляда на ст. 576 устава сдѣлаетъ невозможнымъ исполненіе требованія ст. 611 уст. угол. суд., обязывающей предсѣдателя суда устранять все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу. Независимо отъ этого признаніе, что судъ по ст. 576 уст. угол. суд. обязанъ вызывать всѣхъ свидѣтелей, о вызовѣ которыхъ ходатайствуетъ защита на свой счетъ, выдвигаетъ вопросы о томъ, какъ долженъ поступить судъ, если ходатайство это относится до вызова свидѣтелей, признаваемыхъ нашимъ закономъ абсолютно непригодными свидѣтелями (ст. 704 уст. угол. суд.), или свидѣтелей, выставляемыхъ съ цѣлью доказать, что имѣющаяся въ дѣлѣ судимость представляется продуктомъ подкупа судьи? Попытка низвести судъ въ положеніе исполнительнаго органа власти, несоотвѣтствуя достоинству суда, приведетъ къ невозможнымъ послѣдствіямъ. Невозможность такого толкованія правъ защиты и обязанностей суда подмѣчена была уже Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Жилы (⁹³/22), въ которомъ Сенатъ высказалъ, что окружный судъ, допустивъ на судъ такихъ свидѣтелей, показанія которыхъ по его же мнѣнію не могутъ служить по дѣлу открытію истины, тѣмъ самымъ обнаружилъ въ своихъ дѣйствіяхъ внутреннее противорѣчіе. Это противорѣчіе, нужно полагать, неизбѣжно выразится и на отношеніяхъ суда къ такимъ свидѣтелямъ на судебномъ слѣдствіи, вызвавъ къ

нимъ естественное со стороны суда предубѣжденіе или недовѣріе, такъ какъ судъ уже призналъ ихъ показанія не относящимися къ дѣлу.

Сила означенныхъ доводовъ едва-ли можетъ быть ослаблена соображеніемъ, что защита во многихъ моментахъ процесса при осуществленіи своихъ правъ ставитъ судъ въ пассивное положеніе, какъ-бы вынуждая его на безучастное отношеніе къ интересамъ правосудія. Защита, напр., вполне самостоятельно и независимо отъ суда рѣшаетъ вопросъ о томъ, ходатайствовать ли предъ судомъ о вызовѣ свидѣтелей, не вызываемыхъ прокуроромъ; она точно также помимо суда рѣшаетъ, приносить ли жалобу на состоявшійся по дѣлу приговоръ и т. п. Такого рода проявленіе дѣятельности защиты не можетъ быть однако ни въ какомъ случаѣ обобщаемо и сводимо къ общему правилу о томъ, что судъ всегда долженъ быть пассивенъ при осуществленіи защитою правъ, предоставленныхъ ей закономъ и въ частности при предъявленіи суду ходатайствъ въ порядкѣ ст. 576 устава. Законъ цѣлесообразности процессуальныхъ дѣйствій главенствуетъ въ уголовномъ процессѣ и съ нимъ неизбѣжно считается, какъ законодатель при созданіи своихъ постановленій, такъ и судъ при примѣненіи ихъ къ дѣйствительности. Служа этимъ интересамъ цѣлесообразности, законодатель вынуждается нерѣдко отказываться отъ логическаго развитія устанавливаемыхъ имъ процессуальныхъ принциповъ, и едва-ли можно въ дѣйствующемъ нашемъ уставѣ указать хотя-бы на одинъ такой принципъ, который бы не встрѣчалъ въ постановленіяхъ закона своего ограниченія и уклоненій. Принципы устности, непосредственности оцѣнки уголовныхъ доказательствъ, гласности и др. могутъ служить тому нагляднымъ подтвержденіемъ. Разъ уголовный процессъ является не чѣмъ инымъ какъ совокупностью способовъ и средствъ примѣненія постановленій уголовного, карательнаго закона въ конечныхъ цѣляхъ уголовного правосудія, то естественно, что постановленія процессуальнаго закона должны служить этой цѣли, неустанно примѣняясь и приспособляясь къ ней. Вотъ почему выдвигаемая состязательнымъ принципомъ свобода и самостоятельность дѣйствій защиты не можетъ быть доводима до крайняго развитія и должна мириться съ ограничивающимъ ее вмѣшательствомъ суда, устанавливаемымъ закономъ въ видахъ охраненія высшихъ интересовъ правосудія, не всегда совпадающихъ съ интересами защиты. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что, кромѣ интересовъ общихъ правосудія и частныхъ

интересовъ сторонъ, вопросами о вызовѣ свидѣтелей защиты на судъ затрогиваются еще и другіе интересы, нуждающіеся въ охранительной дѣятельности суда. Вызовомъ свидѣтелей на судъ осуществляется тяжелая, возложенная на всѣхъ, государственная повинность по защитѣ соціальной жизни отъ внутренняго врага ея—преступности. Эта повинность сопряжена съ тяжелымъ для свидѣтелей отвлеченіемъ ихъ отъ заработка и другихъ нуждъ личной жизни, отвлеченіемъ, вознаграждаемымъ получаемыми и то не всегда судебными издержками. Повинность эта требуетъ также обыкновенно принятія свидѣтельской присяги, въ видахъ обезпеченія правдивости показаній; создается также для государственной казны тяжелое бремя восполненія расходовъ по вызову свидѣтелей. Возможно ли утверждать, что эти разнообразныя послѣдствія вызова и допроса свидѣтелей настолько ничтожны, что не дѣлаютъ необходимымъ контроль со стороны суда надъ дѣйствіями по этому предмету защиты? Желательно ли допустить возможность привлеченія на судъ свидѣтелей подъ страхомъ денежной отвѣтственности за неявку по пригласительнымъ повѣсткамъ суда для того только, чтобы свидѣтели эти, принявъ присягу и получивъ впоследствии деньги на покрытіе обыкновенно только части путевыхъ своихъ расходовъ заявили суду, что они по дѣлу ничего не знаютъ? Что эти свидѣтели будутъ отпускаемы отъ суда безъ выслушанія ихъ показаній, то въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе, въ виду послѣдовавшаго уже со стороны суда въ порядкѣ ст. 575 уст. угол. суд. признанія, что обстоятельства, по повѣду которыхъ защита ходатайствовала о вызовѣ ихъ на казенный счетъ, не относятся къ дѣлу.

Трудно предположить, чтобы защита, заинтересованная въ вызовѣ своихъ свидѣтелей, при мотивировкѣ первоначальнаго своего ходатайства о вызовѣ, не сдѣлала указаній на обстоятельства, относящіеся къ дѣлу, если у нея таковыя имѣются. Вызванный защитой на судъ въ порядкѣ ст. 576 устава свидѣтель, на общій вопросъ о томъ, что можетъ онъ показать по дѣлу, отвѣтитъ чаще всего заявленіемъ, что онъ по дѣлу ничего не знаетъ; предложеніе же свидѣтелю вопросовъ со стороны защиты по обстоятельствамъ, указаннымъ въ первоначальномъ прошеніи защиты и признаннымъ судомъ не относящимися къ дѣлу, не можетъ быть допущено въ силу ст. 611 уст. угол. суд., возлагающей на предсѣдателя обязанность устранять все не имѣющее прямого отношенія къ дѣлу.

Но, если остаться при прежнемъ установленномъ Сенатомъ толкованіи ст. 576 уст. угол. суд., то спрашивается, въ виду произведеннаго закономъ 1896 года измѣненія редакціи ст. 575 того же устава, не превратится ли статья эта въ мертвую букву и не придется ли признать, что защита никогда не въ состояніи будетъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ей означенною 576 статьею?

Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что законъ 1896 года, ни въ чемъ не измѣнивъ ст. 576 уст. угол. суд., а слѣдовательно оставивъ нетронутымъ и установленное Сенатомъ толкованіе ея, значительно фактически сѣзидилъ возможность ея практическаго примѣненія. До изданія новаго закона подъ дѣйствія статьи 576 устава попадали главнымъ образомъ тѣ случаи вызова защитою свидѣтелей на ея счетъ, въ отношеніи показанія которыхъ судъ призналъ, что они хотя и относятся къ дѣлу, но не имѣютъ существеннаго значенія. Нынѣ же новый законъ запрещаетъ суду отказывать защитѣ въ вызовѣ такихъ свидѣтелей на счетъ казны, а поэтому понятно, что права защиты по вызову ихъ, какъ охраняемая новою редакціею ст. 575 устава, не могутъ осуществляться порядкомъ, установленнымъ ст. 576 того же устава.

Въ виду этого необходимо признать, что сохраненіе установленнаго Сенатомъ толкованія ст. 576 устава, ни въ чемъ не ограничиваетъ сравнительно съ прежнимъ права защиты по вызову указанныхъ свидѣтелей на ея счетъ, такъ какъ нынѣ свидѣтели эти вызываются по ст. 575 на счетъ казны. Идти же далѣе этого и признавать, что, въ силу указанныхъ измѣненій, внесенныхъ въ интересахъ защиты въ редакцію ст. 575 устава, ей будто-бы предоставлено право вызывать къ суду свидѣтелей на ея счетъ для разъясненія обстоятельствъ, признанныхъ судомъ не относящимися къ дѣлу,—значить вводить въ уголовный процессъ измѣненія, не имѣвшіяся въ виду законодателемъ. Вопросъ о томъ, къ какимъ ходатайствамъ защиты о вызовѣ свидѣтелей можетъ быть примѣняема ст. 576 устава, есть вопросъ будущаго, который придется разрѣшать Сенату въ предѣлахъ тѣхъ частныхъ случаевъ, которые путемъ кассационныхъ протестовъ и жалобъ будутъ доходить до разсмотрѣнія Сената по отдѣльнымъ дѣламъ. Настоящая кассационная жалоба возбуждаетъ въ сущности не вопросъ объ объемѣ примѣненія ст. 576 устава, а только вопросъ о томъ, обязанъ ли судъ вызывать, на основаніи этой статьи, тѣхъ свидѣтелей, которые выставляются для выясненія обстоятельствъ, признанныхъ су-

домъ не относящимся къ дѣлу? Оставаясь въ предѣлахъ кассационной жалобы, вопросъ этотъ, по изложеннымъ соображеніямъ, можетъ быть разрѣшенъ только въ смыслѣ отрицательномъ.

Въ виду изложенныхъ соображеній и за силою ст. 912 уст. угол. суд., оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій полагалъ кассационную жалобу оставить безъ послѣдствій.

Рѣшеніе Сената по этому дѣлу состоялось слѣдующее:

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ: жалобу защитника крестьянъ Антипа и Петра Колесниковыхъ, присяжнаго повѣреннаго Шатова, на приговоръ Тамбовскаго окружнаго суда, по обвиненію Колесниковыхъ по 196 и 203 ст. улож. наказ.

Ходатайствуя объ отмѣнѣ состоявшагося ¹¹/₁₂ декабря 1898 г. въ Тамбовскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ заседателей, обвинительнаго приговора о названныхъ подсудимыхъ, защитникъ ихъ, въ основаніе сего ходатайства, указываетъ на допущенное будто бы окружнымъ судомъ нарушеніе 576 и 626 ст. уст. угол. суд., отказомъ въ вызовѣ на счетъ подсудимыхъ свидѣтеля Чичерина и прочтеніемъ на судѣ показанія неявившейся свидѣтельницы Шатиловой. По первому изъ сихъ предметовъ жалобы изъ дѣла видно, что въ установленный 557 ст. уст. срокъ подсудимые заявили суду ходатайство о вызовѣ къ судебному слѣдствію 14-ти свидѣтелей, не внесенныхъ въ списокъ, приложенный къ обвинительному акту, и въ числѣ ихъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Чичерина, который, какъ собственникъ арендуемаго подсудимымъ Антипомъ Колесниковымъ лѣса и мѣстный помѣщикъ, собиралъ о немъ свѣдѣнія и можетъ охарактеризовать его, Антипа. Окружной судъ, привявъ, между прочимъ, во вниманіе, что одна лишь исходящая отъ свидѣтеля характеристика обвиняемаго, притомъ безотносительно къ предмету обвиненія, не можетъ признаваться имѣющею какое-либо значеніе по отношенію къ предъявленному обвиненію, и, удовлетворивъ ходатайство подсудимыхъ о вызовѣ 13-ти изъ указанныхъ ими въ прошеніи дополнительныхъ свидѣтелей, въ просьбѣ о вызовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Чичерина, по опредѣленію отъ 4 декабря 1898 г., отказалъ. Засимъ, въ прошеніи, поступившемъ въ судъ 7 декабря, уже по истеченіи срока, установленнаго 557 ст. уст., защитникъ обвиняемыхъ заявилъ суду ходатайство о вызовѣ этого свидѣтеля на счетъ подсудимыхъ или о предоставленіи имъ права

пригласить его, при чемъ объяснили, что „допросъ этого свидѣтеля представляется важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ можетъ опровергнуть (будто бы данное, но въ обвинительный актъ не внесенное и дѣйствительно несуществующее) показаніе свидѣтельницы Кулаковой о томъ, что въ его, Чичерина, лѣсу у Колесниковыхъ происходили собранія хлыстовъ“. Рассмотрѣвъ это прошеніе въ распорядительномъ засѣданіи 8 того же декабря, окружный судъ оставилъ оное безъ послѣдствій, принявъ во вниманіе: что „по опредѣленію 4 декабря въ вызовѣ свидѣтеля Чичерина было отказано на томъ основаніи, что показаніе его признано неимѣющимъ никакого значенія по отношенію къ предъявленному къ подсудимымъ обвиненію, почему вызовъ сего свидѣтеля на судъ не можетъ быть допущенъ и на основаніи 576 ст. уст. угол. суд., и что нынѣ указываемое обстоятельство, которое можетъ будто бы удостовѣрить Чичеринъ, заявляется по пропускѣ установленнаго 557 ст. того же устава срока, а между тѣмъ оно не является такимъ вновь открывшимся, которое стало извѣстно подсудимому послѣ врученія ему копіи съ обвинительнаго акта“. Что же касается втораго изъ приведенныхъ просителемъ поводовъ къ отмѣнѣ приговора суда, то изъ подлиннаго производства суда и протокола его засѣданія усматривается, что свидѣтельница Шатилова не прибыла въ судъ по глубокой старости (80 лѣтъ) и что, согласно ходатайству между прочимъ и самого защитника подсудимыхъ, причина неявки ея признана судомъ уважительною, а показаніе ея, данное на предварительномъ слѣдствіи, существеннымъ и подлежащимъ прочтенію.

Выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что жалоба защитника обвиняемыхъ на допущенное будто бы судомъ нарушеніе 576 ст. уст. угол. суд. не заслуживаетъ уваженія. Признавъ, по опредѣленію 4 декабря 1898 г., что показаніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Чичерина по обстоятельствамъ, указаннымъ въ прошеніи подсудимыхъ отъ 1 того же декабря (общая характеристика обвиняемаго Антипа Колесникова), не можетъ имѣть никакого значенія для разясненія истины по дѣлу, окружный судъ не только не былъ обязанъ, но даже не имѣлъ права удовлетворить затѣмъ ходатайство защитника подсудимыхъ о предоставленіи имъ пригласить того же свидѣтеля въ судъ на собственный ихъ счетъ. Опредѣленіе суда по сему предмету отъ 8 декабря вполне согласно съ разясненіями ст. 576 уст. угол. суд., преподанными въ рѣшеніяхъ 1878 г.

№ 34 по д. Засуличъ, 1893 г. № 22 по д. Жилы и др. Правда, всѣ эти рѣшенія Правительствующаго Сената послѣдовали до изданія закона 18 марта 1896 г. объ измѣненіи постановленій о вызовѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ. Но они не утратили и не могли утратить своего значенія и съ изданіемъ этого закона, такъ какъ симъ послѣднимъ отмѣнена лишь ст. 574 уст. угол. суд., да измѣнена редакція ст. 575 того же устава, статья же 576 онаго, истолкованная Сенатомъ въ означенномъ выше смыслѣ, осталась неизмѣненною. Изъ представленія Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ отъ 28 декабря 1895 г. „объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о вызовѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ въ общія судебныя мѣста, по просьбѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ“ и послѣдовавшихъ въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ разсужденій по сему предмету (журн. соед. д.—товъ 5 февраля 1896 г. № 33) видно, что вопросъ объ основаніяхъ и порядкѣ вызова свидѣтелей на счетъ подсудимаго, — вызова, установленнаго 576 ст. уст. угол. суд., на разсмотрѣніе Государственного Совѣта вовсе не восходилъ и въ Совѣтѣ обсужденію не подвергался, а слѣдовательно, изданіе закона 18 марта 1896 г., само по себѣ, не составляетъ повода къ пересмотру твердо установившейся практики Правительствующаго Сената по сему вопросу. Не составляетъ такого повода и послѣдовавшее, въ силу означеннаго закона, измѣненіе редакціи ст. 575 устава, такъ какъ измѣненіе это касается исключительно основаній для вызова, по ходатайству участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, новыхъ свидѣтелей распоряженіемъ суда, съ отнесеніемъ издержекъ по такому вызову (по крайней мѣрѣ до окончательнаго рѣшенія дѣла) на счетъ казны. Согласно сему надлежитъ признать, что судъ и нынѣ, какъ до изданія означеннаго выше закона, имѣетъ право и даже обязанъ отклонять— конечно мотивированными опредѣленіями—просьбы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, заявленныя на основаніи 576 ст. уст., если признаетъ, что указанные въ тѣхъ просьбахъ свидѣтели не подлежатъ допросу въ силу самаго закона (ст. 704 уст. угол. суд.), или что обстоятельства, подлежація разъясненію чрезъ тѣхъ свидѣтелей, не только не могутъ имѣть для дѣла полезнаго значенія, но вовсе къ дѣлу не относятся (рѣш. 1893 г. № 22) и являются излишнимъ загроможденіемъ судебного слѣдствія побочными данными, способными повредить ясности дѣла (рѣш. 1878 г. № 34), или даже прямо несоотвѣтствующими основной цѣли правосудія (рѣш. 1895 г. № 17 по общему вопросу о предѣлахъ судебного

ислѣдованія дѣла). Вслѣдствіе вышеизложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что, по точному смыслу 557 ст. уст. угол. суд., подсудимый обязанъ въ семидневный срокъ отъ врученія обвинительнаго акта не только назвать суду лицъ, о вызовѣ коихъ къ судебному слѣдствію ходатайствуетъ, но и довести до свѣдѣнія суда о томъ, по какимъ именно обстоятельствамъ означенныя лица должны быть допрошены; 2) что въ виду сего послѣдняго требованія закона, отказъ окружнаго суда въ просьбѣ защитника Колесниковыхъ о разрѣшеніи пригласить Чичерина для свидѣтельства на судебномъ слѣдствіи объ обстоятельстве, которое, съ одной стороны, не было указано суду въ установленный закономъ срокъ, а съ другой—не представлялось по заключенію суда и по-вымъ въ смыслѣ 577 ст. того же устава, долженъ быть признанъ правильнымъ и согласнымъ съ точнымъ смысломъ сихъ законовъ (рѣш. 1874 г. № 464 по д. Шевякова и 1876 г. № 239 по д. Сорокина), и 3) что указаніе кассационной жалобы на допущенное будто бы судомъ нарушеніе 626 ст. уст. угол. суд., прочтеніемъ показанія свидѣтельницы Шатиловой, также не заслуживаетъ уваженія, ибо изъ протокола засѣданія суда, какъ изложено выше, видно, что неявка названной свидѣтельницы въ судъ признана сторонами и самимъ судомъ законною, а показаніе ея существеннымъ (рѣш. 1871 г. № 1762 и др.), Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассационную жалобу защитника подсудимыхъ Антипа и Петра Колесниковыхъ за силою 912 ст. уст. угол. суд. оставить безъ послѣдствій.

VI.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

31 марта въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія Юридическаго Общества Н. А. Полетаевъ сдѣлалъ докладъ на тему: „Дареніе“. Сущность доклада сводится къ слѣдующему. Господствующее мнѣніе объ осуществленіи даренія *dando, obligando* и *liberando* должно быть, по мнѣнію докладчика, почитаемо правильнымъ, но уступка лицу права требованія не можетъ считаться дареніемъ въ формѣ *obligando*. Намѣреніе одарить, такъ называемое *animus donandi* должно быть принимаемо въ ограничительномъ смыслѣ,

т. е. лишь въ желаніи безвозмезднаго предоставленія имущества, но не должно при этомъ требовать желанія именно обогатить одаряемаго или улучшить его имущественное положеніе. По отношенію осуществленія даренія можно пожелать прежде всего, чтобы оно не было стѣснено очень строгими формальностями, встрѣчаемыми въ иностранныхъ законодательствахъ, особенно во французскомъ. Такъ, принятіе дара должно быть обсуждаемо весьма свободно; оно можетъ выражаться и въ конклюдентныхъ дѣйствіяхъ, можетъ даже предполагаться, ибо отъ подарковъ обыкновенно не отказываются. Съ этой стороны не могутъ заслужить одобренія строгія правила французскаго *code civile*, требующія формальнаго, въ опредѣленныхъ словахъ выраженнаго, согласія на принятіе. Правило о возможности предполагать принятіе дара подтверждается ученіемъ о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ.—По вопросу о томъ, что должно быть признано дареніемъ и что возмездными сдѣлками—докладчикъ полагаетъ, что къ послѣднимъ должны быть отнесены *donationes remuneratoriae* и исполненіе естественныхъ обязательствъ. Къ дареніямъ же должно быть причислено: отреченіе отъ наслѣдства, отказъ отъ права требованія, умысленный пропускъ исковой давности. Но смѣшанныя сдѣлки—*negotia mixta*, заключающія въ себѣ повидимому элементы даренія и возмездности, не должны почитаться дареніями. Что касается до поворота даренія, то, по мнѣнію докладчика, востребованіе дара въ случаѣ неблагоустроенности должно быть очень ограничено, а возвращеніе подареннаго, если не было недобросовѣстности со стороны одареннаго, должно происходить по началамъ обогащенія. Перейдя затѣмъ къ нашему законодательству о дареніи, докладчикъ указалъ, что наши законы о родовыхъ имуществахъ, какъ законы исключительные, не должны быть толкуемы распространительно. Поэтому оспариваніе дарственной записи на родовое имущество можетъ имѣть мѣсто лишь послѣ смерти дарителя, а заемныя обязательства, выданныя наслѣдодателемъ въ даръ, должны быть исполняемы наслѣдовавшими родовыя имущества; нотаріальныя же учрежденія не имѣютъ права останавливать совершеніе въ пользу чужеродцевъ дарственныхъ записей на родовыя имущества. Осуществленіе дара, какъ это и подтверждается смысломъ 991 ст. т. X, ч. 1, можетъ быть отсрочено до смерти дарителя. (*С.-Петербургскія Вѣдомости*).

Въ засѣданіи административнаго отдѣленія Юридическаго Общества, происходившемъ 3 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ К.

К. Арсеньева, Л. П. Дымша сдѣлалъ докладъ: „Казенная продажа питей и ея значеніе въ борьбѣ съ пьянствомъ“. Вредъ акцизной системы вызвалъ многочисленныя заявленія, указанія на ненормальность постановки дѣла продажи питей. Нѣтъ сомнѣнія, что это не въ малой степени способствовало скорѣйшему примѣненію закона 1894 года. Предположенія Министерства Финансовъ при введеніи казенной продажи были прежде всего гуманнаго свойства. Стоитъ вспомнить, что акцизный доходъ составлялъ одну треть всего государственнаго бюджета, чтобы убѣдиться, сколь важно цѣнило министерство дѣло поднятія народной нравственности. Но при осуществленіи проекта пришлось сразу наткнуться на важныя препятствія. Заботясь о народной нравственности, нельзя было забывать и нужды государства, покрытіе которыхъ по необходимости должно быть отнесено на доходы съ винной монополіи. Это отразилось невыгодно на нѣкоторыхъ сторонахъ монополіи, создало дорогую, сравнительно, водку и дало неопредѣленную постановку многимъ важнымъ вопросамъ. Но уже и теперь нельзя отрицать важнаго значенія монополіи для народнаго здоровья и нравственности. Казенная монополія дала намъ водку несравненно гигиеничѣе прежней. Поставивъ крестьянина, по малочисленности лавокъ и по условіямъ продажи водки, въ невозможность удовлетворять свое желаніе выпить во всякое время, монополія не могла не отразиться на его благосостояніи. Кабальная зависимость крестьянъ отъ кабатчика уничтожилась. Сократилось число часовъ праздности, проводимыхъ раньше въ питейномъ заведеніи. Желательнымъ является, по мнѣнію докладчика, дополнить положеніе по отношенію къ деревнѣ опредѣленіемъ времени дѣйствія лавокъ отъ 7 час. утра до 7 часовъ вечера, вмѣсто 10; возможно увеличить разстояніе между отдѣльными мѣстами продажи литей. По отношенію къ городу можетъ быть рекомендована та же мѣра—это постепенно сократить уличный разгулъ. Указавъ при помощи статистическихъ данныхъ на уменьшеніе потребленія вина и вмѣстѣ съ тѣмъ на уменьшеніе пьянства въ монопольныхъ губерніяхъ (что особенно замѣчено въ 9 юго-западныхъ губерніяхъ), докладчикъ перешелъ къ попечительствамъ о народной трезвости. Попечительства содержать въ себѣ элементъ несомнѣнной жизненности, ихъ польза безспорна. Имъ можно поставить лишь одинъ упрекъ—односторонность направленія дѣятельности: преподаваніе цѣли образовательной, игнорирующей надзоръ за операціями монополіи. Желательнымъ яви-

Жур. Мин. Юст. Май 1899.

лась бы также и большая близость комитетовъ къ деревнѣ, каждый приходъ долженъ имѣть свой комитетъ. Во всякомъ случаѣ—винная монополія въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ—громадный шагъ впередъ. (*Юридическая Газета*).

Въ засѣданіи уголовного отдѣленія Юридическаго Общества 6 апрѣля былъ прочитанъ докладъ находящагося въ настоящее время въ С.-Петербургѣ профессора харьковскаго университета И. Г. Оршанскаго на тему: „Преступники и преступленіе передъ судомъ науки“. Указавъ на измѣнчивость самаго понятія о преступности, на односторонность ученія антропологической школы криминалистовъ, сводящихъ изслѣдованіе преступленія единственно къ изученію личности преступника, безотносительно къ связи между дѣйствіями человѣка и социальными условіями, управляющими названными дѣйствіями, докладчикъ перешелъ къ вопросу о вѣняемости и отвѣтственности. Уже 30 лѣтъ тому назадъ установлено, что вѣняемость (и наказуемость)—вопросъ юридическій. Психіатръ долженъ сказать, былъ ли данный человѣкъ душевно-больной, или нѣтъ, а юристъ признаетъ его отвѣтственнымъ, или нѣтъ, въ зависимости отъ той связи, которая можетъ быть между его болѣзнью и проступкомъ. При опредѣленіи душевной болѣзни необходимо держаться того же метода, котораго придерживаются при опредѣленіи физической болѣзни (неправильность отправленій, недостаточная приспособляемость къ новымъ условіямъ); затѣмъ существуютъ два основныхъ типа поступковъ: активныхъ (импульсорныхъ) и пассивныхъ (рефлекторныхъ), а отсюда два основныхъ класса преступленій. При опредѣленіи вѣняемости должна приниматься во вниманіе степень активности и пассивности. Иногда преступленія совершаются нѣсколькими лицами, толпою—тутъ сопротивленіе, страхъ отдѣльныхъ лицъ уменьшается обратно пропорціонально числу участниковъ, а энергія ихъ возрастаетъ. Всякое преступленіе вызываетъ въ душѣ преступника реакцію: послѣдняя выражается или положительнымъ отношеніемъ къ самому факту преступленія—цинизмомъ, самохвалствомъ, рецидивомъ, или отрицательнымъ—запирательствомъ, отреченіемъ отъ своего имени, бродяжничествомъ. Докладчикъ разсматриваетъ эту реакцію, какъ стремленіе къ нравственному возстановленію личности, и полагаетъ возможнымъ практическое примѣненіе этого

стремленія, какъ основы особаго способа исправленія преступниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. (*Правительственный Вѣстникъ*).

---

1 мая состоялось, подъ предсѣдательствомъ Э. Я. Фукса, общее собраніе Юридическаго Общества. М. М. Винаверомъ сдѣлано обширное сообщеніе „Объ адвокатурѣ“. Докладъ вызванъ проектомъ новаго положенія о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ и замѣчаніями на него комисіи Юридическаго Общества, разсматривавшей проектъ по порученію составителей гражданскаго уложенія. Докладчикомъ затронуто нѣсколько важныхъ сторонъ проекта. Установленіе дисциплинарной отвѣтственности членовъ совѣта передъ особымъ присутствіемъ судебной палаты, съ предоставленіемъ присутствію даже права отрѣшенія членовъ совѣта отъ должности, представляется докладчику большимъ ограниченіемъ правъ самоуправляющагося сословія повѣренныхъ. Такое же значеніе имѣеть и предоставленіе прокуратурѣ болѣе широкаго участія въ рѣшеніи вопроса о допущеніи тѣхъ или иныхъ лицъ въ сословіе. Важно въ особенности то обстоятельство, что прокурору предоставлено право протестовать противъ постановленія о принятіи вообще, по всякимъ соображеніямъ, не только формальнымъ. Подрывомъ независимости грозитъ институту присяжныхъ повѣренныхъ и проектируемая мѣра допущенія въ сословіе дѣлой категоріи лицъ, которые до сихъ поръ въ сословіе не принимались. Это—чины администраціи, обязанности которыхъ состоятъ въ веденіи и защитѣ въ судахъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ. Нельзя признать удачной и попытку проекта установить норму достаточности числа присяжныхъ повѣренныхъ. Болѣе правильнымъ должно быть признано мнѣніе комисіи, пришедшей къ заключенію, что одинаго мѣрила этой достаточности для всѣхъ округовъ Имперіи изобрѣсти невозможно, что во всякомъ случаѣ этимъ мѣриломъ не можетъ быть удвоенное число судей, какъ то предполагаетъ сдѣлать проектъ. Число присяжныхъ повѣренныхъ должно быть сообразовано съ мѣстными условіями: численностью населенія, его состоятельностью, привычками, разстояніями. Въ разрѣшеніи вопроса о профессиональной подготовкѣ проекту принадлежитъ большая заслуга: имъ выдвинуть вопросъ объ адвокатской школѣ, выдвинуть впервые. Въ связи съ характеристикой и критикой статей проекта и заключеній комисіи докладчикъ представилъ собранію также и свои воззрѣнія на роль адвокатуры,

характеръ ея дѣятельности, опредѣливъ адвокатуру, какъ сословіе. (С.-Петербургскія Вѣдомости).

Въ засѣданіи 4 мая дѣйствительный членъ общества М. А. Лозина-Лозинскій прочелъ докладъ на тему „Крестьянскій дворъ“.

Понятіе крестьянскаго двора выросло на почвѣ дореформеннаго крѣпостного строя, когда дворъ былъ оброчно-податной единицею, тяглою, съ которымъ имѣли дѣло и помѣщикъ, и администрація; имущество двора принадлежало помѣщику на правѣ собственности, находилось въ пользованіи двора подъ управленіемъ домохозяина. Послѣ паденія крѣпостного права юридическія условія жизни существеннымъ образомъ измѣнились. При этомъ необходимо различать два момента: переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ состояніе временно-обязанныхъ, когда надѣлъ каждаго крестьянскаго двора поступилъ въ потомственное пользованіе проживающаго въ дворѣ семейства; и, во-вторыхъ, переходъ на выкупъ, когда надѣлъ, состоявшій въ пользованіи двора, сдѣлался собственностью домохозяина. Такимъ образомъ, „по закону выкупленные крестьянами подворные участки, а также усадьбы при общинномъ владѣніи, составляютъ собственность домохозяина, а не семьи“.

Права членовъ двора по отношенію къ домохозяину-собственнику остались не урегулированными въ законѣ отчасти потому, что отношенія эти не регулируются и въ другихъ сословіяхъ, отчасти изъ уваженія къ обычному праву. Извѣстныя особенности крестьянской семьи были подмѣчены изслѣдователями обычнаго права и по освобожденіи: семьи обыкновенно не дѣлятся и по смерти общаго родоначальника, сознаніе индивидуальной собственности развито весьма слабо, при раздѣлахъ придается особое значеніе трудовому началу. Но всѣ эти особенности крестьянской семьи отнюдь не приводятъ къ „крестьянскому двору, какъ собственнику надѣла,—онъ вполне мирятся и съ личною собственностью домохозяина. Обычное право крестьянъ нигдѣ не установило начала принадлежности земли и имущества особому коллективному субъекту—крестьянскому двору; этотъ послѣдній всецѣло созданіе сенатской практики. Но рѣшенія Сената, установившія, путемъ толкованія закона, принципъ принадлежности подворнаго участка крестьянскому двору, противорѣчатъ закону и между собою. Дѣйствительно, по смыслу этихъ рѣшеній, то „дворъ“ яв-

ляется юридическимъ лицомъ, то члены его являются совладѣльцами общаго имущества, то наконецъ вся полнота правъ собственности на дѣль предоставляется лично домохозяину, а за „крестьянскимъ дворомъ“ остается голое названіе собственнаго. Затѣмъ докладчикъ, указавъ на то, что администрація тоже стремится провести начало коллективной собственности крестьянскаго двора, подробно остановился на тѣхъ отвѣтахъ, которые дали губернскія совѣщанія на предложенный комиссіей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ вопросъ: „желательно ли ввести въ законъ установленное уже толкованіями его правило о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору?“ Въ виду того, что отвѣты совѣщаній собственно на этотъ вопросъ недостаточно его освѣщаютъ, докладчикъ, коснувшись вопроса о замѣчаемомъ, въ особенности въ южныхъ губерніяхъ, увеличивающемся сознаніи личной собственности, перешелъ къ вопросу о семейныхъ раздѣлахъ, и о причинахъ ихъ вызывающихъ, при чемъ изложилъ собранію весь тотъ матеріалъ, который содержится въ отвѣтахъ губернскихъ совѣщаній и который краснорѣчиво объясняетъ неизбежность разложенія большихъ семей, въ особенности семей сводныхъ, гдѣ уже нѣтъ въ живыхъ общаго родителя.

Нѣсколько разъ указавъ на то, какъ нуждаются крестьяне въ прочныхъ основахъ ихъ гражданскихъ правоотношеній, въ частности на необходимость такого разрѣшенія вопроса о крестьянскомъ дворѣ, которое исходило бы исключительно изъ строгой правовой точки зрѣнія, докладчикъ замѣтилъ, что и тѣ соображенія политическаго характера, изъ какихъ обыкновенно исходятъ сторонники „большихъ семей“, отнюдь не говорятъ въ пользу собственности „крестьянскаго двора“. Прежде всего семейные раздѣлы этою конструкціею не устраняются, ибо происходятъ въ силу вещей. Съ точки же зрѣнія тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приводятъ раздѣлы при томъ или другомъ взглядѣ на то, кто собственникъ имущества, нельзя не отдать предпочтенія личной собственности домохозяина. Во-вторыхъ, эта послѣдняя конструкція является болѣе благоприятною и съ точки зрѣнія обезпеченія всѣхъ членовъ семьи землею. Всѣ культурные народы, всѣ культурные слои и русскаго государства пришли къ сознанію того, что интересы всѣхъ членовъ семьи лучше всего обезпечиваются при личной собственности отца семьи. Въ томъ, что интересы малолѣтнихъ членовъ двора будутъ лучше обезпечены при признаніи права собственности за ихъ отцомъ, чѣмъ при дядѣ домохозяинѣ въ

дворѣ-собственникѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ-третьихъ, нельзя говорить, чтобы признаніе двора коллективнымъ собственникомъ мѣшало бы отчужденію крестьянскихъ земель. Запретить отчуждать землю не то же самое, что обезпечить фактическое пользованіе ею. вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что единоличный собственникъ сумѣетъ лучше распорядиться своею землею, чѣмъ многоголовый дворъ. Создавать же теорію „крестьянскаго двора“, имѣя въ виду специально отцовъ-расточителей, значить ради единицъ ставить подъ общую опеку цѣлое сословіе.

Но несостоятельность всѣхъ этихъ политическихъ соображеній имѣетъ для настоящаго вопроса несравненно меньшее значеніе, сравнительно съ тѣми соображеніями, которыя довазываютъ юридическую, частно-правовую несостоятельность теоріи крестьянскаго двора. Прежде всего эта теорія лишена юридической сущности. Крестьянскій дворъ, какъ собственникъ надѣльнаго имущества, не можетъ быть подведенъ подъ какую-либо юридическую категорію.

Юридическая конструкція крестьянскаго двора невозможна ни на принципѣ общей собственности его членовъ, ни на принципѣ владѣнія ихъ въ качествѣ юридического лица.

Правда, Сенатъ въ концѣ концовъ былъ приведенъ къ тому, что призналъ „дворъ“ юридическимъ лицомъ. Но какое же это юридическое лицо—корпорация или учрежденіе? Это не корпорация, потому что ни условія приема новыхъ членовъ, ни порядокъ постановленія рѣшеній, ни наличность въ дворѣ несовершеннолѣтнихъ несогласуемы съ основными началами устройства корпорации. Точно также дворъ не можетъ быть признанъ и учрежденіемъ, съ домохозяиномъ въ качествѣ представителя: кто назначаетъ его? Чтобы послѣдовательно провести эту теорію пришлось бы земскимъ начальникамъ предоставить право выбора домохозяина въ каждомъ дворѣ.

Конструкція крестьянскаго двора невозможна и по принципу: *gesamte Hand*, предлагаемому г. Гуляевымъ. Познакомивъ слушателей весьма подробно съ существомъ самаго принципа и съ тѣми выводами изъ него, какіе, примѣнительно къ нашему „двору“, дѣлаетъ изъ него г. Гуляевъ, М. А. Лозина-Лозинскій находилъ, что эта теорія, являясь сплетеніемъ юридического лица, общей собственности и договора товарищества, неприложима къ крестьянскому двору, который не есть юридическое лицо, въ которомъ нѣтъ общей собственности его сочленовъ, и родственная связь членовъ котораго исключаетъ возможность договорнаго происхож-

денія существующихъ въ немъ правоотношеній. Теорія г. Гуляева не даетъ отвѣта на вопросъ, кто является домохозяиномъ. По-видимому тотъ, кто платитъ повинности. Самое же слабое мѣсто теоріи то, что она не даетъ никакихъ правъ членамъ двора. Во всемъ рѣшающимъ является усмотрѣніе домохозяина, его отношенія къ членамъ не носятъ правового характера.

Теорія „крестьянскаго двора“ есть неудачная гипотеза, къ которой прибѣгли изслѣдователи обычнаго права для объясненія такихъ явленій, которыя вполне объяснимы и при теоріи личной собственности.

М. А. Лыкошинъ указалъ, что хотя, дѣйствительно, семейная общность имущества и совмѣстная жизнь большой семьей, послѣ упраздненія крѣпостнаго права, переживаетъ серьезный кризисъ, и хотя теперь наблюдается стремленіе къ индивидуальной собственности, съ выводами докладчика тѣмъ не менѣе согласиться нельзя.

Прежде всего невѣрно то положеніе, будто по закону выкупленные участки составляютъ собственность домохозяина, а не всей семьи. Несомнѣнно, что составители общаго и мѣстныхъ положеній о крестьянахъ и положенія о выкупѣ, стояли на разныхъ точкахъ зрѣнія. Положеніе о выкупѣ наиболѣе индивидуалистично. Въ виду этого нельзя упрекать рѣшенія Сената, установившія принципъ „крестьянскаго двора“, въ противорѣчіи закону. Статей закона, говорящихъ о семейной собственности, во всякомъ случаѣ не меньше тѣхъ, которыя говорятъ о собственности личной. Что законодатель и теперь стоитъ на точкѣ зрѣнія семейной собственности, видно хотя-бы изъ закона о семейныхъ раздѣлахъ, представляющаго явное отрицаніе личной собственности. Въ виду сбивчивости и противорѣчій закона можно только удивляться послѣдовательности сенатской практики, никогда не уклонявшейся отъ принятой ею точки зрѣнія. Что въ теоріи „крестьянскаго двора“ существуютъ нѣкоторые пробѣлы и неясности (права домохозяина), то это неизбежно по самому характеру правотворческой дѣятельности Сената. Разъ что законъ не давалъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, кто собственникъ надѣла, Сенату пришлось искать отвѣта въ обычномъ правѣ. Нельзя согласиться съ докладчикомъ, чтобы обычное право крестьянъ нигдѣ не установило начала принадлежности земли двору. Нельзя не признать того, что все изслѣдователи обычнаго права, кромѣ одного С. В. Пахмана,

который въ этомъ вопросѣ стоитъ особнякомъ, подмѣтили, разное его толкуя, начало семейной собственности.

Положеніе докладчика, что собственность домохозяина лучше обезпечиваетъ семью, чѣмъ семейная, опровергается фактами. Оппонентъ сослался тутъ на Новороссійскій край, въ частности на колонистовъ, у которыхъ при юридически личной собственности преобладаютъ большія недѣлящіяся семьи съ фактически установившеюся семейною собственностью.

На почвѣ справедливости защищать у крестьянъ такую же личную собственность главы семьи, какая существуетъ у культурныхъ классовъ, нельзя: въ послѣднемъ женщины и, по крайней мѣрѣ въ теченіе значительнаго времени, дѣти ничего не вносятъ въ семью и даже требуютъ отъ нея весьма значительныхъ издержекъ. Между тѣмъ въ крестьянскомъ быту уже 13—15-лѣтніе подростки, не говоря уже о женщинахъ, принимаютъ участіе въ созданіи имущества семьи. Поэтому, въ противоположность къ культурнымъ классамъ, бытовыя условія крестьянской жизни требуютъ признанія за всѣми членами семьи вѣстныхъ правъ на принадлежащее ей имущество.

По мнѣнію оппонента, тѣ выводы, къ которымъ пришелъ докладчикъ, существенно измѣнились бы, если бы онъ исходилъ не изъ понятія „двора“, а изъ „семейной собственности“. Она бы не привела къ альтернативѣ: юридическое лицо—общая собственность. Семейная собственность и по происхожденію своему, и по существу есть совершенно своеобразный юридическій институтъ, встрѣчающійся и въ Индіи, и у германцевъ, и у южныхъ славянъ. Того, чтобы ея не было въ Россіи, докладчикъ не установилъ. Губернскія совѣщанія всѣ, или во всякомъ случаѣ значительнымъ большинствомъ, высказались въ пользу семейной собственности.

Г. В. Сліозбергъ, по поводу ссылки А. И. Лыкошина на семейную собственность у колонистовъ Новороссійскаго края, замѣтилъ, что вѣдь ихъ земли не надѣльныя, а купленные, и слѣдовательно несомнѣнно составляющія ихъ личную собственность. Если и тутъ видѣть собственность семейную, то ее надо видѣть всюду, гдѣ есть рабочая семья. Затѣмъ, если считать, что и движимое имущество является тоже семейною собственностью, то получается, что и объектъ и субъектъ этого права коллективны. Наконецъ семейная собственность есть экономическій, а не юридическій фактъ: это ни корпорація, ни учрежденіе, ни общая собственность. Да и

Сенатъ не знаетъ этой семейной собственности и прямо называетъ крестьянскій дворъ юридическимъ лицомъ.

На это М. А. Лыкошинъ замѣтилъ, что земли колонистовъ являются въ сущности надѣльными, ибо покупаются „кадетамъ“ колонистовъ на ихъ общественные (овчарные) капиталы. Но нѣкоторые изслѣдователи наблюдали такой же видъ собственности и относительно купленныхъ земель.

Послѣ нѣсколькихъ словъ докладчика, указавшаго на неопредѣленность самого понятія семейной собственности, засѣданіе было закрыто.

Въ засѣданіи отдѣленія обычнаго права Юридическаго Общества, 6 мая, предсѣдательствующимъ въ редакціонномъ комитетѣ А. Х. Гольмстеномъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности комитета за истекшій годъ. Редакціонный комитетъ отдѣленія имѣетъ, кромѣ обыкновенной, еще особую задачу—собираніе и разработку юридическихъ обычаевъ. Первый опытъ въ этомъ направленіи сдѣланъ въ серединѣ прошлаго года по отношенію къ четыремъ уѣздамъ Ярославской губерніи; собранныя провинціальными учрежденіями рѣшенія волостныхъ судовъ препровождались земскимъ отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ юридическій кабинетъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ для разработки этого матеріала было организовано 4 отдѣла; первый долженъ былъ заняться разборомъ всего матеріала, второй—извлеченіемъ тезисовъ, третій—группировкой тезисовъ и четвертый—сводкой ихъ. Во главѣ отдѣловъ были поставлены члены редакціоннаго комитета; въ составъ ихъ входятъ магистранты и занимающіеся подъ ихъ руководствомъ студенты. Работы идутъ настолько успѣшно, что къ будущему году уже предположено печатать сводъ обычаевъ Ярославской губерніи и разработать обычное право Нижегородской губерніи. Кромѣ того, С.-Петербургское Юридическое Общество вошло въ сношенія съ нѣкоторыми провинціальными юридическими обществами (ярославскимъ, курскимъ, харьковскимъ), и послѣднія выразили готовность содѣйствовать въ дѣлѣ собиранія обычаевъ, съ каковою цѣлью, ради достиженія единообразія, редакціоннымъ комитетомъ была разслана выработанная имъ программа собиранія. Наконецъ, дѣятельность комитета выразилась въ собираніи всей имѣющейся въ Россіи литературы по обычному праву. Однимъ изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи, членомъ Кіевскаго Юридическаго Общества, было выражено пожеланіе, чтобы комитетъ вошелъ также въ сношеніе съ

Кіевскимъ Обществомъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ имѣется особое отдѣленіе обычнаго права. Въ заключеніе А. А. Башмаковымъ сдѣлано сообщеніе „О родовыхъ имуществвахъ въ болгарскомъ обычномъ правѣ“ на основаніи румелійской судебной практики. (*Правительственный Вѣстникъ*).

Московское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи статистическаго отдѣленія Юридическаго Общества 7 апрѣля А. М. Беркенгеймъ прочелъ рефератъ на тему: „Переселенческое дѣло въ Сибири“. Не касаясь ни исторіи, ни причинъ, ни желательности или нежелательности переселенія, референтъ взялъ его какъ фактъ и, на основаніи личныхъ впечатлѣній изъ поѣздки въ Сибирь, далъ картину тѣхъ условий, въ которыхъ происходитъ у насъ переселенческое движеніе. До начала 80-хъ годовъ переселенія у насъ не были регламентированы закономъ. Лишь съ этого времени начинается длинный рядъ законодательныхъ мѣръ къ урегулированію переселенческаго дѣла. Обиліе и разнообразіе этихъ мѣропріятій указываютъ не только на то вниманіе и заботы, которыя привлекло къ себѣ переселеніе со стороны правительства, но и на нѣкоторую неустойчивость взглядовъ его на переселенческое движеніе. Въ общемъ у насъ переселеніе скорѣе только допускается, а не поощряется. Съ проведеніемъ Сибирской жел. дороги былъ выдвинутъ вопросъ о заселеніи Сибири, и взгляды правительства нѣсколько измѣнились. Учреждено было переселенческое управленіе, стали требовать предварительной посылки ходочковъ, на которыхъ прежде смотрѣли какъ на вредный элементъ; рассмотрѣніе прошеній о разрѣшеніи переселяться перешло фактически въ руки земскихъ начальниковъ, на которыхъ возложена обязанность сообщать въ губернскія присутствія не только данныя о семейномъ и хозяйственномъ положеніи желающихъ переселиться, но и свое мнѣніе о допустимости этого переселенія. Въ началѣ 90-хъ годовъ переселенческое движеніе возросло сразу и застало врасплохъ наши пути сообщенія; отсюда—рядъ тѣхъ мытарствъ, которыя приходилось претерпѣвать нашимъ переселенцамъ по пути въ Сибирь. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано еще мало улучшеній. Далекое не всѣ переселенцы пользуются правомъ проѣзда по удешевленному тарифу, а получить

какія бы то ни было справки на переселенческихъ пунктахъ затруднительно. Неблагопріятныя измѣненія произошли съ 1897 г. и въ регистраціи переселенцевъ на переселенческихъ пунктахъ. Программа опроса слишкомъ сокращена, а составъ регистраторовъ не отвѣчаетъ своему назначенію. Главными причинами затрудненій, переживаемыхъ переселенцами на новыхъ мѣстахъ, докладчикъ считаетъ маломощность переселенческихъ семей и недостатокъ приносимыхъ съ собою средствъ. Указавъ на трудность и медленность полученія казенной ссуды и на эксплуатацію переселенцевъ старожилами, докладчикъ призналъ, что положеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ едва-ли лучше, чѣмъ на родинѣ. Резюмируя свои выводы, докладчикъ указалъ на необходимость организациі широкаго кредита, который слѣдуетъ открыть не бѣднѣйшимъ, а кредитоспособнѣйшимъ. Желательно было бы устройство спеціальнаго переселенческаго банка. Къ переселенію должны быть допускаемы преимущественно семьи многомощныя. Совершенно невѣрно, по убѣжденію докладчика, мнѣніе объ истощеніи земельныхъ запасовъ Сибири. Въ преніяхъ по поводу доклада приняли участіе А. И. Чупровъ и В. А. Косинскій. (*Русскія Вѣдомости*).

Кіевское Юридическое Общество.

27 марта состоялось очередное засѣданіе Юридическаго Общества, въ которомъ проф. Ясинскій прочелъ вторую часть своего доклада: „Объ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича“. Отмѣтивъ въ краткихъ словахъ важность вопроса объ источникахъ Уложенія, какъ безспорныхъ данныхъ къ рѣшенію вопроса о національномъ происхожденіи означеннаго памятника, проф. Ясинскій признаетъ таковыми: Московскіе судебники, царскіе приказы и боярскіе приговоры, византійскія духовныя и свѣтскія постановленія, нормы Литовскаго статута, заимствованныя соборной комиссіей по особому разрѣшенію Царя, нормы, созданныя соборной комиссіей по правовымъ вопросамъ, не регламентированнымъ ни въ одномъ изъ указанныхъ выше источниковъ, и нормы, заимствованныя изъ кодекса Юстиніана. Изученіе источниковъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича даетъ, по мнѣнію проф. Ясинскаго, полное основаніе признать Уложеніе законодательнымъ памятникомъ чисто русскаго національнаго творчества. Даже и

займствованныя статьи внесены въ Уложеніе въ переработанномъ видѣ, примѣнительно къ запросамъ русской правовой жизни. (*Жизнь и Искусство*).

Въ засѣданіи Юридическаго Общества, состоявшемся 9 апрѣля сего года, дѣйствительнымъ членомъ общества Масловымъ былъ прочитанъ докладъ: „О правѣ крестьянъ на древесныя произрастанія на надѣльныхъ земляхъ; споры между крестьянами и помѣщиками по этому вопросу“. Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 30 іюня 1863 года, о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ въ Юго-Западномъ краѣ и обращеніи уставныхъ грамотъ въ выкупные акты, временно-обязанные крестьяне были превращены въ крестьянъ-собственниковъ, получившихъ на выкупныя земли (надѣльныя) актъ укрѣпленія—данную. Акты эти, говоритъ докладчикъ, далеко неполно опредѣляютъ характеръ и размѣръ имущественныхъ правъ крестьянъ-собственниковъ. Съ одной стороны, въ этихъ актахъ ничего не говорится о такихъ имущественныхъ правахъ крестьянъ, какъ, напр., различные виды угодій крестьянъ въ чужомъ имуществѣ, а съ другой—въ этихъ же актахъ не указаны топографическія и юридическія границы выкупныхъ земель. Понятно, что для разрѣшенія споровъ, возникающихъ между крестьянами и помѣщиками изъ соприкосновенія ихъ владѣній, упомянутые выкупные акты недостаточны. Практика Сената, на разрѣшеніе котораго обыкновенно идутъ такого рода спорныя дѣла, считаетъ выкупные акты достаточными для опредѣленія границъ права собственности крестьянъ только при наличности точно указанныхъ границъ угодій и неограниченности правъ пользованія послѣдними. Въ противномъ случаѣ предлагаетъ обращаться къ ст. 17 и 18-ой мѣстнаго положенія. Ст. 17 говоритъ: „лѣсные участки, состоящіе въ постоянномъ пользованіи крестьянскихъ дворовъ и вошедшіе въ составъ мірской земли, остаются за крестьянами на положительно прежнемъ основаніи“. На основаніи этой статьи, а также ст. 5, 11 и 19, можно сказать, что лѣсные участки на такъ называемыхъ „отобранныхъ земляхъ“, т. е. на земляхъ, входившихъ, согласно инвентарнымъ правиламъ 47 и 48 г., въ составъ *мірской земли*, но въ періодъ времени между введеніемъ въ дѣйствіе инвентарныхъ правилъ и изданіемъ положенія 19 февраля 63 года перешедшихъ въ фактическое пользованіе помѣ-

щиковъ, должны быть въ постоянномъ пользованіи крестьянъ. Это участки мірской земли, которая по закону (3 ст. мѣстнаго положенія) признана неизмѣнной и неприкосновенной. Ст. 18-я: „Господскіе лѣса, хотя-бы крестьянамъ отведены были въ оныхъ покосы, остаются въ исключительномъ распоряженіи помѣщика, но крестьяне впредь до разграниченія или разверстанія къ однимъ мѣстамъ угодій сохраняютъ право производить въ оныхъ покосы“. Статья эта, устанавливающая сервитутное право крестьянъ на помѣщичьей землѣ, по мнѣнію Сената, предусматриваетъ общее пользованіе помѣщиковъ и крестьянъ въ лѣсныхъ угодьяхъ, при чемъ лѣсъ признаетъ за помѣщикомъ, а за крестьянами право покоса въ лѣсу. Какъ видно, Сенатъ, опредѣляя субъектъ *juris ad rem* (отдѣльныя деревья), а также *juris in re* (право покоса), совершенно не выясняетъ вопроса, кому же должно принадлежать самое „*dominium rei*“ вообще, а также на землю подлѣсную и подъ покосъ, какъ относящагся къ фактической сторонѣ дѣла. Неясность этой статьи и была причиной того (мнѣніе докладчика), что практика судебной палаты по разсматриваемому нами вопросу пришла къ слѣдующимъ выводамъ: 1) дѣйствіе 18 ст. распространяется и на земли инвентарныя; 2) а *contrario*—участки, подлежащіе дѣйствію ст. 18-й, подлежали выкупу, при чемъ земля становилась собственностью крестьянъ, но не вся, а за отчисленіемъ той площади, которая получается отъ собранія въ одну сплошную массу всѣхъ деревьевъ; 3) что касается продолжительности права помѣщика на лѣсъ, растущій на крестьянской инвентарной землѣ, то судебная палата считаетъ это право до разверстанія угодій, т. е. на срокъ неопредѣленный. Разсматривая эти выводы, докладчикъ ставитъ слѣдующіе вопросы: 1) если 18 ст. примѣняется и къ землѣ инвентарной, то къ какой же землѣ можетъ быть примѣнена 17 ст.; 2) право помѣщика на лѣсъ неопредѣленно-продолжительно, а потому впредь до разверстаній никто не въ правѣ заставить его срубить лѣсъ. Лѣсъ же растетъ. Является особаго рода сервитутъ помѣщичій на крестьянской землѣ, которая постепенно уменьшается вслѣдствіе естественнаго роста деревьевъ, для которыхъ она служитъ питомникомъ. Наконецъ—выраженіе ст. 18-й „господскіе лѣса, въ которыхъ отведены покосы“, означая, очевидно, такія урочища, которыя съ точки зрѣнія хозяйственной и топографической составляютъ лѣсъ, пусть онъ будетъ рѣдкій, съ прогалинами, тѣмъ не менѣе даетъ полную возможность при рѣшеніи дѣлъ производить искусственную подтасовку

одного понятія подъ другое (лугъ, покрытый деревьями, подъ понятіе лѣсъ съ прогалинами). Отсюда крестьяне весьма часто теряютъ то, что имъ принадлежитъ по праву.

По поводу вышеозначенныхъ замѣчаній докладчикъ говоритъ слѣдующее: „общее пользованіе помѣщиковъ и крестьянъ въ лѣсныхъ угодьяхъ впервые введено 18 ст. мѣстнаго положенія. Лѣсъ, въ которомъ крестьянамъ были отведены покосы, являлся въ исключительномъ распоряженіи помѣщика, а крестьянамъ впредь до разверстанія принадлежало право покоса“.

Послѣ 19 февраля 1863 г. общее пользованіе (ст. 18 и прим. 44) не имѣетъ уже примѣненія къ крестьянамъ-собственникамъ, кромѣ случая, когда еще не окончена вырубка лѣса. Но какъ крестьяне, такъ и помѣщики впредь до разграниченій обезлѣсенныхъ угодій являются участниками общаго имущества. Слѣдовательно, послѣ вырубки лѣса права крестьянъ и помѣщиковъ должны опредѣляться законами объ общей собственности. Что же касается продолжительности права помѣщиковъ на лѣсъ, растущій на выкупленныхъ крестьянами земляхъ, то по закону 1867 г. срокъ этотъ опредѣленъ въ 12 лѣтъ со дня выкупа. Слѣдовательно, говоритъ докладчикъ, уже въ 1875 году земля подъ господскими лѣсами, о которыхъ говоритъ 18-я ст., юридически уже является собственностью крестьянъ, вырубленъ ли на ней лѣсъ или нѣтъ. Поэтому чеправъ Боровиковскій, утверждая, что крестьянамъ принадлежитъ лишь право на землю какъ сѣнокосную, такъ и подлѣсную; право же на самый лѣсъ принадлежитъ помѣщику. Положеніе это противорѣчитъ неоднократнымъ разъясненіямъ Сената, говорящимъ, что право помѣщика на лѣсъ есть право обязательственное, но не вещное, хотя-бы дѣло шло объ угодьяхъ, подхлотившихъ при дѣйствіи уставныхъ грамотъ подъ дѣйствіе 18-й ст. И разъ помѣщикъ не исполнилъ своего обязательства (вырубки лѣса) по отношенію къ крестьянамъ-собственникамъ въ теченіе 12-лѣтъ, какъ этого требуетъ законъ 1867 года, несомнѣнно, что онъ уже теряетъ это право навсегда въ пользу крестьянъ.

Докладъ Г. Маслова вызвалъ пренія, въ которыхъ приняли участіе В. Г. Демченко, Ананьевъ и пом. прис. пов. Вржзовскій. (*Жизнь и Искусство*).

Казанское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи 27 марта происходили пренія по доложенному въ предыдущемъ засѣданіи реферату Н. В. Рейнгардта „О присвоеніи и растратѣ“. Въ нихъ приняли участіе: А. И. Елистратовъ, М. Л. Мандельштамъ, Г. Ф. Шершеневичъ, Н. К. Моисеенко, В. В. Сергіевскій, В. Р. Завадскій, Н. А. Макаровъ. Большинство не соглашалось съ положеніемъ референта, что существеннымъ отличіемъ присвоенія и растраты отъ гражданскаго правонарушенія должно служить отсутствіе права эксплуатаціи у держателя вещи, ввѣренной ему для опредѣленной цѣли. Г. Ф. Шершеневичъ указалъ на то, что, съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, ст. 177 уст. о нак., налаг. мир. суд., не даетъ основанія согласиться съ толкованіемъ, которое предлагаетъ референтъ. За словами „ввѣренной для сохраненія, переноски, перевозки“ слѣдуетъ выраженіе „или же опредѣленнаго употребленія“. Въ этомъ нельзя не видѣть противоположенія, и слѣдовательно вещь, данная по договору ссуды или найма, можетъ быть также присвоена, какъ и вещь, данная для переноски. Поэтому, по мнѣнію оппонента, ст. 177 примѣнима и къ случаямъ передачи вещи съ правомъ эксплуатаціи. Противъ этого Н. В. Рейнгардтъ возразилъ, что заключительныя слова ст. 177 слѣдуетъ понимать въ смыслѣ обобщенія перечисленныхъ ранѣе примѣровъ, какъ будто бы стояло: „или же для иного подобнаго употребленія“. Это обычная неточность нашего законодательства. На это В. Р. Завадскій замѣтилъ, что сослаться на неточность такого источника, какъ уставъ о наказаніяхъ, признаваемый образцовымъ и недавно сравнительно изданный, нѣтъ никакого основанія. Далѣе вопросъ уклонился въ сторону политики права, и пренія сосредоточились на желательности или нежелательности уголовной наказуемости за присвоеніе вещи, предоставленной въ пользованіе. При этомъ М. Л. Мандельштамъ выразилъ пожеланіе, чтобы по вопросу о присвоенія уголовный судъ всякій разъ приступалъ къ дѣлу послѣ рѣшенія гражданскаго суда о невозможности возвращенія вещи. Съ этимъ: члены общества не согласились.

Послѣ того прочитанъ былъ рефератъ В. В. Сергіевскаго „Душевная болѣзнь одного изъ супруговъ, какъ поводъ къ расторженію брака“. По установленіи основной идеи брака, свободнаго и сознательнаго общенія, референтъ пришелъ къ заключенію, что душевная болѣзнь, признанная неизлѣчимою, про-

тиворѣчить этой идеѣ, а потому должна служить поводомъ къ расторженію брака. (Право).

Въ засѣданіи 3 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ проф. Г. Ф. Шершеневича, состоялись пренія по доложенному въ прошлый разъ В. В. Сергіевскимъ реферату на тему: „Душевная болѣзнь одного изъ супруговъ, какъ поводъ къ расторженію брака“. Въ преніяхъ принимали участіе какъ юристы, такъ и врачи, приглашенные въ засѣданіе предсѣдателемъ.

Проф. психіатріи Н. М. Поповъ высказался по поставленному вопросу въ положительномъ смыслѣ. При вторичномъ помѣшательствѣ, хотя человекъ физически и продолжаетъ жить, но психически онъ мертвъ, и вотъ почему такая форма, по аналогіи со смертію, а не безвѣстнымъ отсутствіемъ, какъ думаетъ референтъ, можетъ служить поводомъ къ разводу. Устанавливаемый референтомъ 5-лѣтній срокъ, для установленія неизлечимости болѣзни, не имѣетъ значенія, потому что чаще всего характеръ болѣзни опредѣляется въ первое же время. Относительно 60% больныхъ можно сказать, что выздоровленіе, если не обнаружится въ первые 6 мѣсяцевъ, не наступитъ вовсе. Чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе шансовъ на благопріятный исходъ. Изъ 12,000 больныхъ, прошедшихъ черезъ его руки, только одинъ выздоровѣлъ черезъ 7 лѣтъ.

Напротивъ, директоръ окружной лечебницы В. И. Левчаткинъ высказался противъ расторгимости брака по поводу душевной болѣзни. Онъ не понимаетъ, почему душевная, а не всякая иная болѣзнь возбуждаетъ этотъ вопросъ,—напр., чахотка, сифилисъ. При душевной болѣзни не утрачивается вполнѣ воспоминаніе о женѣ и дѣтяхъ. Каково же и безъ того несчастному человеку перенести разводъ. Проф. судебной медицины К. М. Леонтьевъ указалъ на практическую трудность постановки этого вопроса съ точки зрѣнія экспертизы.

Противъ положеній реферата выступилъ прокуроръ судебной палаты В. Р. Завадскій. Русскій бракъ построенъ на началахъ религіозныхъ. Исходя изъ того, что бракъ есть таинство, расторженіе его можетъ быть допущено только въ случаѣ нарушенія святости брака. И допускаемые нашимъ законодательствомъ поводы вытекаютъ все изъ этой идеи. Душевная болѣзнь есть несчастіе, а не нарушеніе святости брака. Кромѣ того, жизнь вы-

двигаетъ болѣе существенные поводы, чѣмъ душевная болѣзнь, а именно жестокое обращеніе, непробудное пьянство, зараженіе сифилисомъ. Хорошо говорить объ экспертизѣ въ университетскихъ городахъ, а какъ быть въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ трудно положиться на точность экспертизы.

Присяжный повѣренный А. Н. Богровскій указалъ на усложненіе вопроса при наличности дѣтей. Допустить разводъ, значить дать здоровому супругу право вступить въ новый бракъ, а извѣстно, что перенесеніе дѣтей въ новую среду всегда вредно отражается на нихъ. На это референтъ возразилъ, что, исходя изъ такой точки зрѣнія, слѣдовало бы запретить и вдовому супругу вступать во второй бракъ.

Присяжный повѣренный М. Л. Мандельштамъ высказалъ, что практическія затрудненія экспертизы еще недостаточное основаніе отвергать новый поводъ къ разводу. Экспертиза не лучше поставлена и во всѣхъ другихъ случаяхъ, но ни у кого не возникаетъ мысль закрыть дѣятельность суда потому только, что остается сомнительнымъ, вѣрно ли сдѣлана экспертиза по вопросу о вѣ�роятности преступника или здоровомъ умѣ завѣщателя.

Членъ окружнаго суда Б. С. Валевскій находитъ, что ст. 45 т. X ч. 1 или слѣдуетъ дополнить всѣми поводами, извѣстными западнымъ законодательствамъ, или же, что еще лучше, оставить безъ измѣненія.

Предсѣдатель департамента Томской судебной палаты А. И. Маттель замѣтилъ, что референтъ самъ затруднилъ рѣшеніе вопроса, не установивъ твердаго принципа, который долженъ лежать въ основаніи всякаго развода. Исходя изъ этого общаго принципа, мы могли бы разрѣшить и частный случай развода по душевной болѣзни. Если референтъ полагаетъ, что такой принципъ содержится въ недостаткѣ согласія на продолженіе брака, то онъ ошибается: согласіе нужно для установленія брака, а не для его продолженія, иначе у насъ допущенъ былъ бы разводъ по обоюдному соглашенію.

Противъ дѣлаемыхъ ему замѣчаній референтъ выставилъ обширныя возраженія. (*Право*).

Екатеринославское Юридическое Общество.

Предметомъ происходившаго 27 марта засѣданія, которое слу-жило продолженіемъ засѣданія 31 января, былъ докладъ покойнаго нотариуса Ф. Е. Валенкампа: „По вопросу о порядкѣ совершенія актовъ на переходъ отъ одного лица къ другому строеній, возведенныхъ на чужой землѣ“. Докладчикъ выставляетъ то положеніе, что всѣ акты о продажѣ строеній должны быть совершаемы въ порядкѣ, установленномъ для недвижности имѣній, т. е. крѣпостнымъ порядкомъ, при условіи представленія продавцомъ удостовѣренія отъ владѣльца земли о принадлежности строеній продавцу. Положеніе это основывается на томъ, что, по силѣ 384 ст. 1 ч. X т. Свод. зак. и сенатской практикѣ, строенія, возведенныя на чужой землѣ, суть недвижимыя имущества, а потому и по 157 ст. полож. о нотар. части о продажѣ такихъ имуществъ должны быть совершаемы крѣпостные акты. При совершеніи послѣднихъ должно требовать отъ продавца письменнаго удостовѣренія собственника земли о принадлежности строеній продавцу, что и составить тотъ документъ, который удовлетворитъ требованію 167 ст. полож. о нотар. части. Ни законы гражданскіе; ни нотаріальное положеніе не содержатъ прямого запрещенія продавать такое имущество, на которое у продавца нѣтъ крѣпостнаго акта. Достаточно, чтобы владѣлецъ имущества могъ имъ распоряжаться по праву собственности (1384 ст. 1 ч. X т. Свод. зак.). Въ нотаріальномъ положеніи также говорится не о собственности, а о принадлежности имущества сторонѣ, отчуждающей его (167 и 168 ст.). При изложеніи акта на такую продажу необходимо соблюденіе 1426 ст. 1 ч. X т. Свод. зак., т. е. необходимо подробное описаніе продаваемыхъ строеній, съ указаніемъ, на чьей землѣ постройки возведены. По мнѣнію докладчика, всѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ такого порядка совершенія актовъ на переходъ строеній, сводятся къ указанію на затрудненія, возникающія при регистраціи такихъ имуществъ въ книгахъ старшаго нотариуса, при взиманіи пошлинъ и проч., но всѣ эти затрудненія не измѣняютъ вопроса о порядкѣ совершенія актовъ на строенія по существу.

На докладъ Валенкампа представилъ возраженіе С. Н. Майборода, который рядомъ ссылокъ на наше законодательство и рѣшенія Сената подкрѣпляетъ слѣдующее положеніе: при отчужденіи наемщикомъ возведенныхъ строеній, онъ передаетъ арендное

право на землю, а не право собственности на недвижимое имущество (по окончании арендного срока, постройки, по договору, или сносятся наемщиком или остаются въ пользу собственника земли), изъ чего слѣдуетъ, что такая передача пользованія землею, какъ не составляющая перемѣны крѣпостнаго владѣнія, не требуетъ, по закону, ни совершенія крѣпостнаго акта, ни платежа крѣпостныхъ пошлинъ. Эти положенія цѣликомъ относятся и къ строеніямъ на землѣ, состоящей въ пожизненномъ владѣннн собственника строеній. Строенія на чужой землѣ, доколѣ не отдѣлены отъ нея, не могутъ быть отчуждаемы крѣпостнымъ порядкомъ, и право на такое недвижимое имущество должно быть укрѣпляемое на основаннн 1 п. 707 ст. 1 ч. X т. Свод. зак. другими, кромѣ крѣпостныхъ, актами.

Въ засѣданнн 27 марта участіе въ преніяхъ приняли, между прочимъ: старшій нотаріусъ окружнаго суда Ю. А. Соколовскій, нотаріусъ Мордовскій, членъ окружнаго суда С. Н. Майборода и присяжные повѣренные Я. С. Гуровичъ, С. А. Гальперинъ и А. М. Александровъ, при чемъ послѣдніе двое коснулись попутно вопроса о методахъ изученія права и о способѣ дѣятельности суда. Дебаты привели къ заключенію, что акты о продажѣ строеній, возведенныхъ на чужой землѣ, должны быть совершаемы въ порядкѣ, установленномъ для недвижимыхъ имуществъ, т. е. порядкомъ крѣпостнымъ. (*Приднѣпровскій Край*).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СОЕДИНЕННАГО ПРИСУТСТВІЯ 1-ГО И КАССАЦІОН-
НЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ЗА
1898 ГОДЪ.

ПО НАДЗОРУ ЗА СУДЕБНЫМИ УСТАНОВЛЕНІЯМИ ¹⁾.

I. Учрежденіе судебныхъ установленій.

Ст. 56¹ и 234.

Не обезпечивъ предварительно законнаго состава присутствія для разрѣшенія дѣлъ въ предстоящемъ засѣданіи, мировой съѣздъ не можетъ освободить очереднаго почетнаго мирового судью отъ обязательнаго участія въ ономъ лишь только потому, что этотъ судья уволенъ въ отпускъ по другой занимаемой имъ должности.

1898 г. октября 29, Правительствующій Сенатъ по дѣлу о несостоявшемся засѣданіи одного съѣзда, нашелъ, что закономъ (прим. къ ст. 41 Учр. суд. уст.) воспрещается всякое уклоненіе почетныхъ мировыхъ судей отъ исполненія обязанностей этой должности; въ отношеніи же неприбытія въ засѣданіе мирового съѣзда очередныхъ почетныхъ мировыхъ судей съѣздъ обязанъ наблюдать, чтобы причины неявки были законныя и, въ противномъ случаѣ, возбуждать преслѣдованіе противъ уклонившагося, независимо отъ своевременнаго принятія предсѣдателемъ съѣзда должныхъ мѣръ къ приглашенію другаго судьи на мѣсто неявившагося, дабы отправленіе правосудія не терпѣло задержки отъ недостатка состава присутствія (цирк. ук. Соед. Присут. 1-го и

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. 1898 г. №№ 2, 3 и 10.

Кассац. Департ. 14 июня 1880 г.; сб. № 83). Если же состоящий на очереди почетный мировой судья встрѣчаетъ надобность въ отпускѣ, то за силою 2 п. 234 ст. Учр. суд. уст., таковой не можетъ быть ему разрѣшено, буде встрѣчается недостатокъ въ необходимыхъ членахъ присутствія. Въ данномъ дѣлѣ сѣздъ не соблюлъ установленнаго порядка, освободивъ почетнаго судью А. отъ обязательнаго участія въ засѣданіяхъ очередной для него сессіи сѣзда. Съ одной стороны, причина, по которой испрашивалось А. и было разрѣшено сѣздомъ такое увольненіе отъ участія въ засѣданіяхъ сѣзда, а именно только то, что А. былъ уже разрѣшенъ, по должности судебного слѣдователя, двухмѣсячный отпускъ, представляется неуважительною, а съ другой стороны—въ виду усматриваемыхъ, изъ многократныхъ донесеній сѣзда, случаевъ частыхъ отсрочекъ его засѣданій, единственно за недостаткомъ состава присутствія, сѣздъ не въ правѣ былъ освобождать А. отъ обязанности засѣдать въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не обезпечивъ себѣ замѣны его другимъ членомъ присутствія. Отъ А. зависѣло, если онъ домогался такого разрѣшенія, войти предварительно въ соглашеніе съ другимъ почетнымъ мировымъ судьей, который могъ бы замѣстить его въ засѣданіяхъ сѣзда, или же самому предсѣдателю сѣзда надлежало озаботиться приглашеніемъ подобнаго замѣстителя изъ лицъ, явка коихъ могла бы считаться обезпеченною; въ противномъ случаѣ сѣздъ долженъ былъ отказать А. въ просимомъ имъ разрѣшеніи не присутствовать въ сѣздѣ (1898 г. № 509).

Ст. 246.

1898 г. марта 26, Правительствующій Сенатъ призналъ, что избраніе предсѣдателемъ сѣзда почетнаго мирового судьи, занимающаго въ то же время должность писмоводителя дворянства, не можетъ быть признано правильнымъ и, какъ противорѣчащее разъясненію Общ. Собр. 1-го и Кассац. Департ. 1884 г. № 36, подлежитъ отмѣнѣ въ порядкѣ надзора (1898 г. № 178).

Ст. 249.

Проситель, подавшій жалобу въ порядкѣ надзора на дѣйствія должностнаго лица, не имѣетъ права обозрѣвать возникшую по этой жалобѣ переписку.

1897 г. декабря 11, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что законъ точно указываетъ тѣ случаи, когда частныя лица допу-

скаются къ обзорѣнію подлинныхъ дѣлъ, находящихся въ производствѣ судебныхъ установленій (Уст. угол. суд. ст. 155, 476 и 570; Уст. гражд. суд. ст. 271 и 715), и что ни въ учрежденіяхъ судебныхъ установленій, ни въ Уставахъ гражданского и уголовного судопроизводства не содержится указанія на то, чтобы частныя лица, по жалобѣ коихъ обсуждаются дѣйствія должностныхъ лицъ судебного вѣдомства въ порядкѣ надзора, имѣли право обзрѣвать возникшія по ихъ жалобамъ производства. Вслѣдствіе сего и признавая, что просителю А. не можетъ быть предъявлено производство Правительствующаго Сената по жалобѣ его на дѣйствія мирового судьи, Правительствующій Сенатъ, руководствуясь приведенными узаконеніями, опредѣлили: прошеніе А. оставить безъ послѣдствій ($\frac{1897 \text{ г. } \text{№} 153}{1898 \text{ г. } \text{№} 25}$).

Ст. 331.

Срокъ на удержаніе залога при увольненіи отъ должности судебного пристава, указанный въ особомъ наказѣ судебного мѣста, или опредѣляемый симъ послѣднимъ въ каждомъ данномъ случаѣ, если по сему предмету не содержатся правила въ наказѣ, не можетъ быть затѣмъ удлиняемъ, и засимъ залогъ, подлежащій возвращенію уволенному лицу, можетъ быть удержанъ лишь по судебному опредѣленію.

1898 г. октября 29, Правительствующій Сенатъ нашель: на основ. 331 ст. Учр. суд. уст., имѣющей силу въ виду 462 ст. того же учр. въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, вознагражденіе за убытки, причиненные неправильными или противозаконными дѣйствіями судебного пристава, производится по судебному рѣшенію изъ представленнаго залога. Изъ буквального смысла этой статьи слѣдуетъ заключить, что, какъ это уже и было неоднократно разъясняемо Правительствующимъ Сенатомъ, для удержанія залога или части онаго необходима наличность судебного рѣшенія, коимъ устанавливалась бы имущественная отвѣтственность судебного пристава за причиненные его неправильными дѣйствіями убытки. Въ данномъ случаѣ распоряженіе съѣзда объ удержаніи залога судебного пристава А. послѣдовало вслѣдствіе отношенія начальника уѣзда о задержаніи залога впредь до окончанія дѣла о наслѣдствѣ послѣ смерти Б., по которому судебный приставъ А. допустилъ неправильныя дѣйствія. Въ виду того, что искъ къ су-

дебному приставу, какъ удостовѣряетъ сѣздъ, до настоящаго времени еще не предъявленъ, уѣздный же начальникъ считаетъ искомъ свою жалобу на дѣйствія судебного пристава, уже сѣздомъ разрѣшенную, слѣдуетъ заключить, что не только не существуетъ того судебного рѣшенія, о коемъ говорится въ ст. 331 Учр. суд. уст., но что даже и самый искъ по настоящее время еще не предъявленъ, а потому къ удержанію залога судебного пристава никакого законнаго основанія не представляется. Что же касается до соображенія о томъ, что по обстоятельствамъ настоящаго дѣла представляется справедливымъ продлить срокъ для выдачи залога до 2-хъ лѣтъ, согласно 2276 ст. гражд. код., то и это соображеніе не можетъ быть правильнымъ: законъ самъ по себѣ не устанавливаетъ того срока, за истеченіемъ коего залогъ можетъ быть возвращенъ уволенному отъ должности судебному приставу и очевидно представляетъ каждому судебному мѣсту опредѣлить оный сообразно мѣстнымъ и другимъ условіямъ въ особомъ своемъ наказѣ; мировой сѣздъ по настоящее время не имѣетъ своего особаго наказа и потому долженъ опредѣлять этотъ срокъ особо на каждый данный случай; по настоящему дѣлу предсѣдатель сѣзда, уволивъ судебного пристава А. отъ занимаемой имъ должности, назначилъ срокомъ для возвращенія ему залога 6 мѣсяцевъ и объ этомъ припечаталъ публикацію въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ виду сего сѣзду уже не представлялось основаній къ назначенію новаго срока, а тѣмъ болѣе къ удлинненію онаго по примѣненію онаго къ 2276 гражд. код. Эта послѣдняя статья устанавливаетъ двухлѣтнюю давность для возбужденія ответственности противъ судебныхъ приставовъ за ихъ неправильныя дѣйствія, и очевидно не имѣетъ никакого соотношенія къ вопросу о срокѣ для возвращенія залога, подобно тому какъ по 1331 ст. Уст. гражд. суд. предъявленіе исковъ къ лицамъ судебного вѣдомства не ограничено никакимъ спеціальнымъ срокомъ, тогда какъ въ большей части особыхъ наказовъ судебныхъ мѣстъ срокъ на возвращеніе залоговъ судебнымъ приставамъ ограниченъ шестью мѣсяцами. По этимъ основаніямъ Соединенное Присутствіе 1-го и Кассац. Департ. приходитъ къ заключенію, что опредѣленіе сѣзда отъ 15 сентября 1897 г. объ оставленіи жалобы просителя безъ послѣдствій представляется неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ (1898 г. № 111).

II. Уставъ гражданскаго судопроизводства.

Ст. 159 и 1216.

1898 г. марта 26, Правительствующій Сенатъ нашелъ объясненіе мирового судьи относительно причинъ несвоевременнаго распредѣленія имъ между кредиторами перечисленныхъ въ его депозитъ взысканныхъ съ А. 189 р. 80 к. неправильнымъ въ виду того, что послѣ несостоявшагося въ 6-ти недѣльный срокъ (1216 ст. Уст. гражд. суд.) между кредиторами А. соглашенія о распредѣленіи между собою означенныхъ денегъ, мировой судья обязанъ былъ истребовать отъ судебного пристава исполнительные листы на А. и немедленно произвести распредѣленіе указанной суммы и сдѣлать соотвѣтствующія отмѣтки на исполнительныхъ листахъ, а отнюдь не выжидать дальнѣйшихъ вычетовъ изъ жалованья должника (1898 г. № 70).

Ст. 168.

1898 г. марта 26, Правительствующій Сенатъ призналъ неправильнымъ непредставленіе мировымъ судьей въ сѣздъ жалобы на медленность его, какъ поданной не непосредственно въ сѣздъ мировыхъ судей, въ виду того, что ст. 168 Уст. гражд. суд., предоставляя лишь просителю право на подачу подобныхъ жалобъ непосредственно въ сѣздъ, не исключаетъ вовсе возможности соблюденія общаго порядка представленія жалобъ чрезъ то учрежденіе, на дѣйствія котораго таковыя приносятся (1898 г. № 70 и 306).

Ст. 181¹ и Уст. угол. суд. ст. 170.

Законъ не дозволяетъ устанавливать такой порядокъ, въ силу коего изготовленіе рѣшеній и приговоровъ мировыхъ сѣздовъ отнесено къ обязанности канцеляріи, дѣятельность которой должна ограничиваться однимъ письмоводствомъ.

1898 г. февраля 19, Правительствующій Сенатъ нашелъ: въ разсужденіи, которое приведено подъ 11 ст. Учр. суд. уст. изд. Государственной Канцеляріи въ п. 1, относящемся до устройства канцелярій судебныхъ мѣстъ, вообще сказано, что „при возложеніи доклада дѣлъ на обязанность членовъ судовъ, дѣятельность канцелярій судебныхъ мѣстъ должна ограничиваться исключительно однимъ письмоводствомъ“. Если положеніе это и не про-

ведено въ болѣе или менѣе положительномъ видѣ въ какой-либо статьѣ уставовъ судопроизводства для мировыхъ судебныхъ установленій подобно тому, какъ это сдѣлано для общихъ судебныхъ мѣстъ въ 710 ст. Уст. гражд. суд. и 793 ст. Уст. угол. суд., то тѣмъ не менѣе оно въ одинаковой мѣрѣ безусловно должно дѣйствовать и въ мировыхъ учрежденіяхъ. Поэтому объясненіе одного сѣзда о томъ, что по установившемуся въ немъ порядку въ изготовленіи рѣшеній въ окончательной формѣ обязательно принимаетъ участіе канцелярія сѣзда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято въ уваженіе, и потому не только не можетъ служить какимъ-либо оправданіемъ, но и прямо указываетъ на существенное отступленіе сѣзда отъ основныхъ положеній Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. (1898 г. № 57).

Ст. 195 и 199.

Предъявленный стороною отводъ противъ судьи не только по указаннымъ въ 195 ст. Уст. гражд. суд. основаніямъ, но и по другимъ какимъ бы то ни было поводамъ долженъ быть разрешаемъ судомъ безъ участія отводимого судьи и по выслушаніи заключенія лица прокурорскаго надзора.

1898 г. января 29, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что если въ 195 ст. Уст. гражд. суд. и перечислены случаи, въ коихъ мировой судья обязанъ устранить себя и можетъ быть отводимъ тяжущимися, то это не обозначаетъ еще того, что только въ этихъ случаяхъ прошеніе объ отводѣ должно быть, согласно 199 ст. того же устава, рассмотрѣно сѣздомъ безъ участія отводимого судьи и по выслушаніи заключенія товарища прокурора. Заключающееся въ 199 ст. правило представляется правиломъ общимъ, распространяющимся на всѣ вообще случаи предъявленія отводовъ противъ судей, а не только на тѣ, кои основаны на перечисленныхъ въ 195 ст. поводахъ. Въ виду этого сѣздъ не былъ въ правѣ приступить къ обсужденію существа просьбы А въ томъ составѣ присутствія, въ коемъ находился и отводимый судья, и безъ бытности налицо товарища прокурора, хотя-бы лишь для того, чтобы убѣдиться, на законныхъ ли поводахъ основанъ предъявленный отводъ, а предсѣдательствовавшій въ томъ засѣданіи мировой судья обязанъ былъ приостановить дальнѣйшее рассмотрѣніе дѣла и передать заявленный противъ него отводъ на обсужденіе другаго состава присутствія (1898 г. № 98).

Ст. 1331.

1898 г. марта 19, Правительствующій Сенатъ нашель: ст. 1331 помѣщена въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства, устанавливающаго правила производства дѣлъ въ порядкѣ суда гражданскаго, а потому и прошенія, подаваемыя по силѣ этой статьи въ судебныя палаты, подлежатъ разсмотрѣнію въ гражданскихъ департаментахъ судебныхъ палатъ, а не въ уголовныхъ, и судебная палата, согласно 1332 ст., обязана предварительно разсмотрѣть такое прошеніе для разрѣшенія вопроса о томъ, можетъ ли оно подлежать удовлетворенію, а не оставлять безъ разсмотрѣнія (1898 г. № 160).

Ст. 1333.

При предварительномъ разсмотрѣніи судебною палатою просьбы о разрѣшеніи отыскивать убытки съ чиновъ судебного вѣдомства выслушанія заключеній прокурорскаго надзора закономъ не требуется.

1898 г. октября 29, Правительствующій Сенатъ, при обсужденіи указанія на разсмотрѣніе судебною палатою просьбы о разрѣшеніи отыскивать убытки съ одного члена суда безъ выслушанія заключенія лица прокурорскаго надзора, нашель, что по первоначальной (1864 г.) редакціи 343 ст. Уст. гражд. суд., перечисляющей случаи, когда „прокуроры даютъ свои заключенія“, статья эта содержала въ себѣ только 8 пунктовъ, и лишь въ 1883 г., при новомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ, введенъ былъ въ нее пунктъ 9 „по дѣламъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства“. При этомъ подобное дополненіе, какъ это видно изъ журнала 26 октября 1882 г. Высочайше утвержденной 17 іюня 1881 г. комисіи для изготовленія новаго изданія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра Николаевича особою книгою, введено было, „въ видахъ достиженія полноты перечня, содержащагося въ 343 статьѣ“, подобно тому, какъ „въ засѣданіи той же комисіи отъ 27 ноября 1881 г. признано было необходимымъ дополнить въ ст. 160 Учр. суд. уст. перечень предметовъ вѣдомства общаго собранія департаментовъ и отдѣленій судебныхъ мѣстъ“. Оставаясь въ этихъ границахъ, означенная комиссія постановила..... п. 2 „цитаты ст. 343 дополнить указаніемъ на узаконеніе 1864 г. ноября 20 (41477) ст. 1325, 1334“. Такимъ образомъ введеніе въ изданіе Судебныхъ Уставовъ 1883 г., а затѣмъ и 1892 г. 9 пункта

343 ст. имѣть характеръ чисто кодификаціонный, а ссылка при этомъ на одну только статью гл. II, разд. II Уст. гражд. суд., и именно 1334, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что выслушаніе заключенія лица прокурорскаго надзора по дѣламъ „о взысканіи убытковъ съ судей, прокуроровъ и другихъ чиновъ судебного вѣдомства“ установлено лишь въ такомъ положеніи этихъ дѣлъ, когда судебная палата разсматриваетъ объясненіе должностнаго лица, затребованное отъ него по силѣ 1333 ст. того же устава, но вовсе не обязательно при предварительномъ разсмотрѣніи просьбъ о разрѣшеніи отыскивать убытки согласно этой послѣдней статьѣ (1898 г. № 98).

III. Уставъ уголовного судопроизводства.

Ст. 590.

1898 г. марта 26, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что на основаніи ст. 590 Уст. угол. суд. отсрочка засѣданія единоличною властью предсѣдателя суда, а слѣдовательно и исправляющаго на законномъ основаніи его должность (Учр. суд. уст. ст. 78 и 78^б), можетъ имѣть мѣсто не въ самый день засѣданія, а лишь въ такое время, когда представляется возможность сдѣлать своевременное распоряженіе объ отпущеніи напрасной явки вызываемыхъ въ судъ лицъ; въ самый же день засѣданія обстоятельства, препятствующія его открытію по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію, должны быть обязательно предметомъ обсужденія всего состава суда, согласно точному смыслу ст. 591, 594, 634 и 640 Уст. угол. суд. и прим. къ ст. 590, требующихъ, при наличности вызванныхъ уже въ засѣданіе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и свидѣтелей, коллегіальнаго обсужденія судебнымъ присутствіемъ, по выслушаніи заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ, обстоятельствъ, могущихъ служить препятствіемъ къ слушанію дѣла, развѣ бы самое засѣданіе не могло быть открыто за отсутствіемъ законнаго состава такого судебного присутствія (1898 г. № 98).

Ст. 1077 и 1079.

1898 г. октября 29, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что усмотрѣнное губернскимъ присутствіемъ по праву надзора (113 ст. пол. зем. нач.) въ дѣйствіяхъ уѣзднаго съѣзда (въ составѣ уѣзднаго члена окружнаго суда, городского судьи и земскихъ началь-

никовъ) по судебному дѣлу крестьянина А. нарушение, предусмотрѣнное ст. 370 Улож. наказ., должно было быть представлено, по силѣ 1077 и 1079 ст. уст. угол. суд., обязательно на усмотрѣніе Соединеннаго Присутствія 1 и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената (рѣш. Общ. Собр. 1892 г. № 46), независимо отъ примѣнимости или непримѣнимости къ данному случаю Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г., такъ какъ вопросъ о примѣненіи Манифеста могъ возникнуть лишь послѣ того, какъ самое обвиненіе членовъ судебного присутствія уѣзднаго сѣзда въ неправосудіи было бы признано Соединеннымъ Присутствіемъ 1 и Кассационныхъ Департаментовъ дѣйствительно вытекающимъ изъ сообщенныхъ Правительствующему Сенату обстоятельствъ (1898 г. № 456).

Ст. 1110.

Уголовные суды, разрѣшая дѣло о лицахъ судебного вѣдомства, преданныхъ суду за преступленія должности съ устраненіемъ отъ оной, въ своемъ приговорѣ, на основаніи ст. 604 и прим. т. III уст. о служб., помѣщаютъ постановленія лишь относительно подсуднаго содержанія, слѣдующаго этимъ лицамъ до рѣшенія дѣла, а засимъ всѣ просьбы о выдачѣ содержанія за послѣдующее послѣ суда время разсматриваются ближайшимъ въ порядкѣ надзора установленіемъ.

1898 г. февраля 19, Правительствующій Сенатъ нашель, что окружный судъ не имѣлъ правильнаго основанія признать, съ примѣненіемъ ст. 604 т. III уст. о сл. прав. и примѣчанія къ ней, подлежащимъ его вѣдѣнію и оставлять безъ разсмотрѣнія прошенія А, ходатайствовавшего не о возвратѣ удержанной до суда надъ нимъ половины содержанія, а о выдачѣ ему, А, того содержанія, которое, по его мнѣнію, причиталось послѣ суда, за время отъ 11 іюня (время вступленія въ законную силу приговора судебной палаты объ А) до 1 октября 1894 г. (оставленія А. за штатомъ), когда А надлежало допустить къ занятію этой должности. Хотя въ ст. 604 т. III уст. служб. прав. и значитса, что уголовные суды, разсматривающіе дѣйствія подсудимыхъ, должны помѣщать въ окончательныхъ своихъ приговорахъ какъ о возвратѣ содержанія (удержанной до рѣшенія дѣла половины), такъ и о производствѣ его впредь, сообщая о семъ мѣстнымъ казеннымъ палатамъ для зависящаго отъ нихъ распоряженія, но въ примѣчаніи къ

ст. 604 пояснено, что уголовные суды должны требовать от казенных палат только удовлетворения содержанием *оправданных* по суду чиновников, что соответствует и постановлению ст. 1110 Уст. угол. суд. Что касается *неоправданных* по суду должностных лиц, то распоряжения уголовных судов ограничиваются обязательным уведомлением казенных палат о таких приговорах, в тех единственно видах, чтобы эти подсудимые, которым не присуждается возврата удержанной половины содержания, не могли получать отпускаемой им, до решения дѣла, половинной доли далее положенного срока. Вслѣдствие сего приняты окружным судом постановленія ст. 604 и прим. къ ней не могли вовсе служить препятствием къ разсмотрѣнію домогательства А. объ удовлетвореніи его содержанием за время, когда онъ, послѣ суда, могъ, по его мнѣнію, быть вновь допущенъ къ исполненію должности, а потому Правительствующій Сенатъ опредѣлил: отмѣнивъ опредѣленіе общаго собранія отдѣлений окружного суда, предписать суду войти въ разсмотрѣніе по существу прошенія А о выдачѣ ему содержания по должности за время отъ 11 іюня по 1 октября 1894 г. (1898 г. № 125).

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ ¹⁾.

XIV.

Пятая сессія четырнадцатаго парламентскаго періода царствованія королевы Викторіи началась 7 февраля. Наканунѣ этого дня состоялось общее собраніе радикальной партіи съ цѣлью избранія новаго лидера взаменъ сэра Вилльама Гаркорта, оставшаго мѣсто вождя оппозиціи въ палатѣ общинъ. Выборъ, какъ уже извѣстно, палъ на сэра Генри Кэмпбелль-Баннермана.

Въ тронной рѣчи, читанной при открытіи парламента, возвѣщено, что въ теченіе предстоящей сессіи будутъ между прочимъ внесены билли, имѣющіе цѣлью: организовать на болѣе рациональныхъ условіяхъ мѣстное управленіе Лондона; учредить министерство, которое вѣдало бы элементарное, среднее и техническое образованіе въ Англій; упростить процессъ изданія законовъ, касающихся Шотландіи; оказать содѣйствіе распространенію сельско-хозяйственнаго и техническаго образованія въ Ирландіи; принять мѣры къ борьбѣ съ фальсификаціею съѣстныхъ продуктовъ; регулировать дѣятельность акціонерныхъ компаній; ввести контроль надъ лицами, занимающимися въ видѣ профессіи отдачею денегъ въ ростъ; измѣнить законы о фабрикахъ и заводахъ и законы объ арендахъ и т. д.

Въ теченіе февраля и марта парламентомъ сдѣлано въ общемъ очень немного въ сферѣ законодательства; при преніяхъ по поводу отвѣтнаго адреса королевѣ на ея тронную рѣчь не мало времени

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. 1899 г., Мартъ, стр. 298.

было потрачено попусту членами оппозиціи на разныя неосновательныя и бесполезныя поправки и оговорки.

Предложенный Бальфуромъ, лидеромъ консервативной партіи въ палатѣ общинъ, билль о мѣстномъ управленіи Лондона подвергся сильнымъ нападкамъ со стороны оппозиціи; однако, въ концѣ концовъ, второе чтеніе билля принято 24 марта большинствомъ 245 голосовъ противъ 118. Билль дѣлитъ Лондонъ на нѣсколько округовъ; система мѣстнаго управленія этихъ округовъ соотвѣтствуетъ муниципальному управленію городовъ.

20 февраля лордъ Джемсъ-офъ-Гирфордъ внесъ билль о профессиональныхъ заимодавцахъ. Рѣчь свою онъ началъ съ указанія на докладъ специальной комиссіи, учрежденной при палатѣ общинъ, въ которомъ сообщалось, что ссуда денегъ профессиональными заимодавцами подъ высокіе проценты часто ведетъ къ преступленіямъ, вымогательству, несостоятельности и т. д. Билль устанавливаетъ слѣдующія правила: всякій профессиональный заимодавецъ подлежитъ соотвѣтствующей регистраціи; онъ можетъ совершать сдѣлки лишь отъ своего имени и по адресу, указанному при регистраціи; въ случаѣ несоблюденія этихъ правилъ, договоры о возвратѣ ссуды и платежѣ процентовъ считаются недѣйствительными. Если заимодавецъ предъявитъ въ судѣ искъ объ уплатѣ заемщикомъ ссуды и при разборѣ дѣла выяснится, что размѣръ процентовъ на капиталъ превышаетъ 10 годовыхъ или что на заемщика были вообще возложены какія-либо другія непомѣрно тяжкія обязанности, судъ въ правѣ признать договоръ недѣйствительнымъ. 16 марта, предлагая второе чтеніе билля, лордъ Джемсъ возражалъ противъ появившихся въ газетахъ, въ видѣ писемъ въ редакцію, критическихъ замѣчаній по поводу этого билля. При этомъ онъ замѣтилъ, что герцогъ Аргайльскій высказался противъ вводимаго биллемъ постановленія, въ силу котораго суду представляется признавать недѣйствительными обременительныя и несправедливыя сдѣлки; но вѣдь именно это постановленіе и составляетъ, какъ объяснилъ лордъ, всю суть билля, ибо если исключить оное, то профессиональные заимодавцы очутятся въ еще болѣе благоприятномъ положеніи, чѣмъ прежде. Онъ отрицалъ, что принципъ вмѣшательства суда въ подобныя сдѣлки составляетъ нововведеніе въ процессъ, такъ какъ судъ и прежде нерѣдко выступалъ въ защиту интересовъ заемщика, напр., по сдѣлкамъ, заключеннымъ ожидающимъ наслѣдства наслѣдникомъ съ ростов-

щикомъ, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда деньги ссужались лицу неимущему, въ надеждѣ вытянуть деньги отъ его семьи.

Съ другой стороны, въ видахъ содѣйствія развитію добросовѣстныхъ денежныхъ сдѣлокъ, помянутымъ биллемъ установлены спеціальныя исключенія въ пользу лицъ, ссужающихъ деньгами подъ залогъ, банкировъ и т. д.

Послѣ этихъ объясненій произошло второе чтеніе билля.

22 февраля Гёттонъ предложилъ въ палатѣ общинъ второе чтеніе билля, имѣющаго цѣлью уполномочить мѣстныя власти устраивать и содержать коттеджи, въ которыхъ могли бы жить бѣдные, достигшіе 65 лѣтъ и оказавшіеся достойными поддержки (Cottage Homes Bill). Билль возлагаетъ расходы по устройству этихъ коттеджей на совѣты графства (County Councils), которые согласно биллю обязаны также возмѣщать $\frac{3}{4}$ всего количества издержекъ по содержанію домовъ въ порядкѣ, между тѣмъ какъ остальная $\frac{1}{4}$ этихъ издержекъ должна быть покрываема правительствомъ. Билль не касается Шотландіи, Ирландіи и Лондона. Чэплинь, министръ мѣстнаго управленія, замѣтилъ, что онъ вполне сочувствуетъ мотивамъ, положеннымъ въ основу билля, т. е. желанію оказать помощь престарѣлымъ бѣднякамъ, но что онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы билль достигъ цѣли. Бѣдные несомнѣнно предпочтутъ поддержку другаго рода поддержки, связанной съ необходимостью жить въ помянутыхъ коттеджахъ, да кромѣ того проектируемый биллемъ способъ оказанія помощи обойдется дороже плательщикамъ налоговъ, нежели помощь иного вида.

Во всякомъ случаѣ—добавилъ Чэплинь—онъ не будетъ возражать противъ втораго чтенія билля, если только билль этотъ подвергнется разсмотрѣнію въ спеціальной комисіи.

Послѣ втораго чтенія билль былъ переданъ въ помянутую комисію.

27 февраля Ритчи, министръ торговли, внесъ въ палату общинъ билль, касающійся законоположеній о желѣзныхъ дорогахъ. Задача этого билля—организовать болѣе цѣлесообразную охрану стрѣлочниковъ на желѣзныхъ дорогахъ. Имѣется въ виду представить министерству торговли, по истеченіи 5 лѣтъ, право требовать, чтобы желѣзнодорожныя общества снабдили весь свой подвижной составъ автоматическими сдѣвленіями, подобно употребляемымъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ биллѣ упоминается также о паровыхъ и ручныхъ тормозахъ по обѣ стороны платформъ.

27 марта Ритчи заявилъ, что онъ не имѣетъ въ виду настаивать въ настоящее время на этомъ биллѣ, ибо враждебно настроенная критика и неотложныя дѣла лишаютъ его возможности добиться того, чтобы билль прошелъ въ текущую сессію. Во всякомъ случаѣ онъ снова коснется этого вопроса въ недалекомъ будущемъ.

Въ палатѣ лордовъ 27 февраля принятъ билль, измѣняющій одно изъ постановленій закона о солициторахъ 1843 г. Согласно этому постановленію солициторъ, который далъ разрѣшеніе заниматься отъ своего имени солициторской практикой лицу, не имѣющему на то права, или который самъ дѣйствовалъ въ качествѣ агента отъ имени такого лица, исключается изъ списка солициторовъ и лишается навсегда права практиковать въ качествѣ солицитора. Новый билль предоставляетъ предсѣдателю апелляціоннаго суда возстановить такого солицитора въ его правахъ.

28 февраля Монкъ внесъ въ палату общинъ предложеніе расширить подсудность судовъ графства въ томъ смыслѣ, чтобы судамъ этимъ были подвѣдомственны все иски до 1000 фун. Министръ юстиціи, сэръ Ричардъ Вебстеръ, замѣтилъ, что предлагаемая мѣра поведетъ на практикѣ къ упраздненію высшаго суда (High Court), такъ какъ изъ числа всѣхъ дѣлъ, нынѣ разбирающихся въ этомъ судѣ, отъ 80 до 90% цѣною ниже 1000 фун. Предложеніе Монка отвергнуто 98 голосами противъ 69. Я, съ своей стороны, выражаю надежду, что правительство не забудетъ этого вопроса. Мнѣ кажется, что если увеличить предѣльный размѣръ исковъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ судахъ графствъ, съ 50 фун. до 100 фун., то высшій судъ освободится отчасти отъ той непосильной работы, которая въ настоящее время лежитъ на немъ.

1 марта Робсонъ предложилъ въ палатѣ общинъ второе чтеніе билля объ обученіи дѣтей (The Education of Children Bill). Цѣль этого билля—увеличить возрастъ, начиная съ котораго дѣти могутъ и не посѣщать школы, съ 11 до 12 лѣтъ. Робсонъ замѣтилъ, что англійское правительство какъ-бы приняло на себя обязательство ввести подобное измѣненіе, такъ какъ оно участвовало въ Берлинской конференціи 1890 г., на которой послѣдовало соглашеніе, что низшій рабочій возрастъ дѣтей—12 лѣтъ. Въ настоящее время дѣти, достигшія 11 лѣтъ и сдавшія установленные экзамены, или совершенно освобождаются отъ занятій въ школѣ, или имъ разрѣшается заниматься въ школѣ только въ теченіе половины школьнаго дня. Вайтли возражалъ противъ

билля въ интересахъ Ланкаширскаго бумагопрядильнаго производства, при чемъ сказали, что для большинства ткачей существующіе порядки благоприятны, что заработки дѣтей весьма существенны для семьи, и что было бы болѣе цѣлесообразно расширить систему вечернихъ школьныхъ занятій, чѣмъ увеличивать школьный возрастъ. Маіоръ Рэпъ поддерживалъ возраженія противъ билля въ виду того, что онъ нарушаетъ интересы земледѣльческаго населенія. Сэръ Джонъ Горстъ поддерживалъ билль. Онъ осуждалъ систему занятій въ школѣ въ теченіе половины дня, такъ какъ 5 или 6 часовъ работы на фабрикѣ, разумѣется, не служатъ хорошею подготовкою для послѣдующихъ занятій въ школѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ согласился, однако, что въ земледѣльческихъ округахъ вопросъ обстоитъ иначе, такъ какъ полевая работа, легкая сама по себѣ, дѣйствуютъ благотворно на здоровье дѣтей; лучше всего сдѣлать посѣщеніе школы обязательнымъ до болѣе поздняго возраста, при чемъ закрывать школы на лѣтнее время, чтобы дѣти могли помогать при земледѣльческихъ работахъ. Второе чтеніе билля принято 317 голосами противъ 59.

Другой билль, касающійся обученія, внесенъ въ палату лордовъ 14 марта герцогомъ Девонширскимъ. Этимъ биллемъ затрогивался уже однажды возбужденный въ концѣ прошлой сессіи вопросъ объ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія. Министерство это должно быть организовано на тѣхъ же началахъ, какъ и министерство торговли и министерство земледѣлія, и должно сосредоточить въ рукахъ одного лица все то, что въ настоящее время вѣдаютъ департаментъ обученія и департаментъ наукъ и искусствъ.

Лонгъ, министръ земледѣлія, предложилъ 6 марта въ палатѣ общинъ второе чтеніе билля о съѣстныхъ продуктахъ и аптекарскихъ товарахъ, основаннаго на докладѣ коммисіи, которой было поручено рассмотреть этотъ вопросъ въ 1896 г. Билль требуетъ, чтобы въ портахъ и гаваняхъ, чрезъ которые ввозятся молочные скопы, происходила выемка пробныхъ порцій съ цѣлью оградить населеніе отъ фальсификаціи, и предоставляетъ министерству земледѣлія всѣ средства для того, чтобы слѣдить за фальсификаціею продуктовъ. Имѣются также спеціальныя постановленія съ цѣлью предупредить продажу маргарина вмѣсто масла. Послѣ преній, неважныхъ по существу, второе чтеніе билля принято 212 голосами противъ 55. 27 марта Лонгъ предложилъ передать билль въ постоянный парламентскій комитетъ по торговымъ дѣламъ, но

встрѣтилъ возраженіе со стороны сэра Вальтера Фостера и другихъ въ виду того, что билль затрогиваетъ интересы болѣе важные, чѣмъ простыя торговыя интересы. Лонгъ отвѣтилъ, что его предложеніе дастъ правительству возможность воспользоваться въ этомъ дѣлѣ мнѣніемъ свѣдущихъ людей. Предложеніе Лонга принято.

Чэмберленъ, статсъ-секретарь колоній, внесъ 14 марта въ палату общинъ билль, предоставляющій мѣстнымъ властямъ право ссужать деньгами нанимателей маленькихъ домовъ для того, чтобы они могли пріобрѣтать эти дома въ собственность. Билль не дѣлаетъ продажу этихъ домовъ обязательною и не обязываетъ мѣстныя власти давать деньги взаймы. Стоимость пріобрѣтаемыхъ на изложенныхъ основаніяхъ домовъ не должна превышать 300 фун., а ссуда 240 фун. Вводятся также правила продажи подобныхъ домовъ на тѣ случаи, когда ежегодные взносы въ уплату долга не производятся аккуратно или домъ не содержится въ порядкѣ, и кромѣ того правила о передачѣ права собственности, если занятія собственника требуютъ его переселенія въ другое мѣсто.

Произошло первое чтеніе билля.

Въ палатѣ общинъ Рэккитъ предложилъ 15 марта второе чтеніе билля, воспреещающаго продажу керосина, коего точка воспламененія ниже 100 градусовъ. Онъ утверждалъ, что въ одномъ только Лондонѣ въ теченіе 7 лѣтъ былъ 191 смертный случай отъ несчастій съ керосиновыми лампами, между тѣмъ какъ въ Шотландіи, гдѣ обыкновенно употребляется керосинъ, точка воспламененія котораго выше 100 градусовъ, несчастій съ лампами было немного. Коллингсъ, парламентскій секретарь по внутреннимъ дѣламъ, замѣтилъ, что правительство уже занято разработкою билля, въ которомъ этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ всесторонне. Онъ предлагалъ палатѣ отвергнуть билль Рэккита, ибо онъ трактуетъ лишь о точкѣ воспламененія, а между тѣмъ вводимыя имъ мѣры увеличатъ цѣну на керосинъ, что будетъ обременительно для бѣдныхъ. Въдѣ комисія, добавилъ Коллингсъ, учрежденная съ цѣлью разсмотрѣнія этого вопроса, нашла, что почти всѣ несчастія съ лампами являлись результатомъ плохаго ихъ устройства, а, онъ, Коллингсъ, лично, путемъ разслѣдованія, убѣдился, что изъ 60 смертныхъ случаевъ, происшедшихъ отъ керосиновыхъ лампъ, ни одинъ не можетъ быть приписанъ плохому качеству керосина.

Послѣ этихъ объясненій билль отвергнутъ 244 голосами противъ 159.

Въ палатѣ лордовъ лордъ-канцлеръ лордъ Голсбюри предложилъ 21 марта второе чтеніе билля, относящагося до организаціи верховнаго (апелляціоннаго) суда (the Supreme Court (Appeals) Bill). Въ настоящее время дѣла разсматриваются въ этомъ судѣ въ присутствіи трехъ судей. Билль постановляетъ, что дѣло можетъ слушаться и двумя судьями, если стороны согласны на это. Право апелляціи на рѣшенія помянутаго суда въ палату лордовъ остается въ этомъ случаѣ безъ измѣненія. Билль, если онъ станетъ закономъ, ускоритъ процессъ апелляціи.

Въ палатѣ общинъ Голландъ предложилъ 22 марта второе чтеніе билля о пенсіи престарѣлымъ (the Old Age Pensions Bill). Билль устанавливаетъ, что лицо, застраховавшее себя съ 25 лѣтъ на случай болѣзни и на похороны, достигнувъ 65 лѣтъ, получаетъ пенсію въ размѣрѣ 5 шиллинговъ въ недѣлю отъ совѣта подлежащаго графства. Чэмберленъ, статсъ-секретарь колоній, объяснилъ, что правительство окажетъ поддержку биллю подъ условіемъ, что онъ будетъ переданъ на обсужденіе специальной коммисіи, которая имѣетъ быть учреждена послѣ праздниковъ Св. Пасхи. Въ дальнѣйшемъ Чэмберленъ высказалъ мнѣніе, что затрудненія, связанныя съ разрѣшеніемъ великой задачи призрѣнія престарѣлыхъ неимущихъ, возможно преодолѣть лишь постепенно, шагъ за шагомъ; если же въ настоящее время установить, что помощь имѣетъ быть оказываема всѣмъ помянутымъ неимущимъ, независимо отъ того, каковъ вообще ихъ образъ жизни—бережливы ли они, или расточительны и безпечны, то подобная всеобъемлющая мѣра, будучи введена сразу, ляжетъ на государство тяжелымъ бременемъ.

Въ заключеніе отъ имени правительства было заявлено, что затронутый биллемъ вопросъ о пенсіяхъ бѣднымъ вообще не можетъ быть обсуждаемъ въ качествѣ самостоятельнаго, отдѣльно стоящаго вопроса, а потребуетъ пересмотра общихъ постановленій закона о бѣдныхъ. Съ этимъ согласился и лидеръ оппозиціи Баннерманъ.

Пренія по сему предмету отложены.

28 марта палата общинъ въ виду наступающихъ праздниковъ Св. Пасхи прекратила занятія до 10 апрѣля.

За послѣдніе два мѣсяца судебный міръ понесъ двѣ тяжкихъ утраты. 15 февраля скончался лордъ-судья Читти послѣ весьма непродолжительной болѣзни, а 1 марта скоропостижно умеръ въ Вашингтонѣ лордъ Гершель.

Сэръ Джозефъ Читти, сынъ извѣстнаго адвоката, родился въ 1828 г.; блистательно окончивъ курсъ Оксфордскаго университета, онъ вступилъ въ 1856 г. въ сословіе барристеровъ, среди которыхъ вскорѣ приобрѣлъ громкую извѣстность. Въ 1874 г. назначенъ короннымъ адвокатомъ (Queen's Counsel), затѣмъ короткое время состоялъ членомъ парламента, въ 1881 г. занялъ должность судьи канцлерскаго отдѣленія, а въ 1897 г. должность лорда-судьи апелляціоннаго суда. Читти обладалъ обширѣйшими познаніями въ области юриспруденціи. Вѣсть о смерти его встрѣчена съ глубокимъ сожалѣніемъ какъ судьями, такъ и адвокатскимъ сословіемъ.

Внезапная смерть лорда Гершеля—выходя изъ кареты, онъ оступился и упалъ—особенно печальна потому, что онъ былъ представителемъ Англіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ, въ англо-американской комисіи, засѣдавшей въ Вашингтонѣ для разрѣшенія нѣкоторыхъ торгово-политическихъ вопросовъ. Лордъ Гершель отличался большой энергіей, владѣлъ обширными познаніями въ вопросахъ коммерческаго дѣла и обладалъ необыкновеннымъ даромъ ясно и точно излагать юридическіе вопросы, что дѣлало его рѣшенія особенно цѣнными. Родился Гершель въ 1837 г. и воспитывался въ Лондонскомъ университетѣ. Въ 1860 г. поступилъ въ барристеры; въ 1872 г. назначенъ короннымъ адвокатомъ; затѣмъ онъ сталъ членомъ парламента, назначенъ генеральнымъ-солициторомъ (Solicitor-General) и въ 1886 г. лордомъ-канцлеромъ.

Вакансія, освободившаяся въ апелляціонномъ судѣ за смертью лорда-судьи Читти, замѣщена судьей Ромеромъ, однимъ изъ судей канцлерскаго отдѣленія, а мѣсто Ромера занялъ Козенсъ-Гарди, выдающійся коронный адвокатъ (Queen's Counsel).

Оба назначенія одобрены въ подлежащихъ сферахъ.

Въ началѣ марта лордъ Пензенсъ покинулъ должность члена церковнаго суда.

Лордъ Пензенсъ, которому теперь 83 годъ, занималъ эту должность съ 1875 года. Его замѣстилъ сэръ Артуръ Чарльсъ; послѣдній былъ назначенъ въ 1887 г. судьей отдѣленія королевской скамьи, но въ 1897 году вышелъ по болѣзни въ отставку. Обязанности члена церковнаго суда не обременительны.

Объявлено, что лордъ-главный судья, лордъ Руссель-офъ-Килловенъ, займетъ мѣсто покойнаго лорда Гершеля въ вышепомянутой комисіи. Итакъ, отдѣленіе королевской скамьи будетъ еще болѣе прежняго нуждаться въ добавочномъ судѣ. Въ отвѣтъ на

запросъ, сдѣланный по сему поводу въ палатѣ общинъ 27 марта, министр юстиціи, сэръ Ричардъ Вебстеръ, сказалъ, что вопросъ этотъ уже обсуждается правительствомъ.

Излагая въ предыдущемъ письмѣ дѣло лейтенанта Варка, я упомянулъ, что въ обществѣ требуютъ измѣненія того закона, согласно которому лицо, совершившее (или намѣревавшееся совершить) тяжкое преступленіе (felony), повлекшее за собою смерть, признается виновнымъ въ умышенномъ убійствѣ, хотя - бы преступникъ и не имѣлъ намѣренія причинить смерть. 21 февраля Эмбросъ внесъ въ палату общинъ билль, направленный къ пересмотру этого закона. Между тѣмъ (билль еще не былъ читанъ во второй разъ) въ мартѣ мѣсяцѣ разбиралось дѣло подобное дѣлу Варка: подсудимый обвинялся въ умышенномъ убійствѣ (murder) женщины, т. е. собственно въ совершеніи запрещенной закономъ операціи, предпринятой съ цѣлью произвести выкидышъ, послѣдствіемъ чего была смерть женщины. Судья Дарлингъ замѣтилъ, что недостойно судьи приговаривать преступника къ смерти при увѣренности, что наказаніе не будетъ приведено въ исполненіе; поэтому онъ предложилъ присяжнымъ квалифицировать преступленіе какъ умышенное убійство развѣ только въ томъ случаѣ, если они убѣждены, что у преступника существовало намѣреніе причинить смерть.

Невольно, конечно, симпатизируешь взглядамъ судьи Дарлинга, однако тяжкое положеніе, въ которомъ онъ очутился при рѣшеніи этого дѣла, не можетъ служить оправданіемъ несоблюденія постановленій закона, не допускающихъ сомнѣній, ибо право измѣнять законы принадлежитъ единственно законодательной власти.

Интересный вопросъ, возникшій въ связи съ помянутымъ дѣломъ Варка, рѣшенъ вице-канцлеромъ Голломъ въ Ланкаширскомъ канцлерскомъ судѣ 22 марта по дѣлу Етсъ съ Киффинъ-Тайлоръ и Варкомъ. Ближайшій родственникъ покойной Етсъ, въ убійствѣ которой обвинялся Варкъ, требовалъ постановленія судебного опредѣленія о томъ, что Варкъ, будучи признанъ виновнымъ въ совершеніи убійства, тѣмъ самымъ лишился права на наслѣдство, оставленное ему по завѣщанію умершей. Истецъ основывалъ свое требованіе на томъ соображеніи, что, согласно духу закона, вообще воспрещается преступнику пользоваться выгодами, которыя являются результатами совершеннаго имъ преступнаго дѣянія. Повѣренный отвѣтника возражалъ, что осужденіе судомъ

уголовнымъ не можетъ служить доказательствомъ въ судѣ гражданскомъ. Судья согласился съ этимъ доводомъ и призналъ, что фактъ совершенія умышленнаго убійства Варкомъ долженъ быть доказанъ именно при разбирательствѣ настоящаго гражданского дѣла.

25 и 26 января разбиралось въ канцлерскомъ отдѣленіи судьей Беквичемъ дѣло Робертса съ совѣтомъ Гвайрфайскаго округа. Истець требовалъ судебного постановленія о запрещеніи отвѣтчикамъ возводить сооруженія, препятствующія обычному теченію рѣки. Истцу принадлежала мельница на берегу рѣки, которая приводила въ движеніе эту мельницу. Отвѣтчики—владѣльцы земли на берегу озера, изъ котораго вытекаетъ рѣка—задумали соорудить плотину поперекъ озера. На судѣ они доказывали, что отъ этого интересы истца не пострадаютъ, такъ какъ чрезъ плотину ими будетъ пропускаться струя воды, достаточная для того, чтобы приводить въ движеніе мельницу. Судья призналъ, что истецъ имѣетъ право на обычное количество воды, при чемъ безразлично, будутъ ли интересы его нарушены предполагаемымъ сооруженіемъ или нѣтъ, и, рѣшивъ дѣло противъ отвѣтчиковъ, запретилъ имъ возводить плотину.

Другое интересное дѣло, именно дѣло Ондервуда съ Баркеромъ, разсматривалось 31 января въ апелляціонномъ судѣ въ присутствіи предсѣдателя и лордовъ-судей Ригби и Вилльямса. Въ октябрѣ 1897 г. отвѣтчикъ поступилъ къ истцамъ на службу въ качествѣ главнаго клерка, при чемъ онъ обязался, въ случаѣ если онъ оставитъ эту должность, не заниматься въ Великобританіи, Ирландіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи и Канадѣ въ теченіе 12 мѣсяцевъ дѣлами съ сѣномъ и соломой. Въ ноябрѣ 1898 г. отвѣтчикъ ушелъ съ этого мѣста и нанялся къ другому торговцу сѣномъ и соломой—конкуренту истцовъ. Тогда истцы потребовали судебнымъ порядкомъ опредѣленія о воспрещеніи отвѣтчику дѣйствовать вопреки заключенному съ ними договору.

Въ прежнее время постановленія закона по сему предмету толковались въ томъ смыслѣ, что договоры, согласно которымъ одна изъ сторонъ обязывалась воздерживаться отъ *всякихъ* торговыхъ занятій (covenants in general restraint of trade), не имѣютъ силы, а дѣйствительными считаются лишь договоры объ отказѣ заниматься *какимъ-либо однимъ видомъ* торговли (covenants in partial restraint of trade) и то лишь подъ условіемъ, что они имѣютъ разумное основаніе. Позднѣе палата лордовъ, въ рѣшеніи по дѣлу Норден-

фельта, отмѣнила установленное этимъ толкованіемъ закона различіе и признала, что и тѣ, и другія категоріи договоровъ имѣютъ силу, если требованія ихъ не идутъ далѣе того, что нужно для охраны интересовъ стороны, въ пользу которой договоры эти заключаются, и если они вообще не нарушаютъ интересовъ публики.

Въ дѣлѣ Ондервуда апелляціонный судъ опредѣлялъ, что истцы имѣютъ право настаивать на исполненіи договора, ибо съ точки зрѣнія интересовъ ихъ дѣла предъявляемые ими требованія разумны. Лордъ-судья Вилльямсъ остался при особомъ мнѣніи, при чемъ утверждалъ, что не можетъ быть признано соответствующимъ общественной пользѣ воспрещеніе кому-либо заниматься своей профессіей.

Апелляціонный судъ постановилъ 16 февраля рѣшеніе по дѣлу Пембертонъ и Гогсъ. Обсужденію подлежалъ вопросъ означеніи для Англіи рѣшенія, постановленнаго иностраннымъ судомъ.

Истица предъявила въ качествѣ вдовы А. нѣкоторыя претензіи, кои она основывала на дѣйствительности ея брака съ А. До брака съ А. она была замужемъ за В. и жила во Флоридѣ; здѣсь же, согласна рѣшенію подлежащаго мѣстнаго суда, она получила разводъ. Отвѣтчики доказывали, что бракъ съ А. былъ недействителенъ, потому что при разводѣ якобы допущены были ошибки, вслѣдствіе которыхъ разводъ по законамъ Флориды не имѣетъ силы. Апелляціонный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу истицы, при чемъ призналъ, что если даже разводъ и не имѣетъ силы во Флоридѣ, онъ при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ тѣмъ не менѣе считаться дѣйствительнымъ въ Англіи. Вообще англійскій судъ не касается вопроса о томъ, правильно или нѣтъ, съ ошибками или безъ оныхъ, ведется процессъ въ иностранныхъ судахъ, развѣ участвующія въ дѣлѣ лица, либо самое дѣло, неподсудны этимъ судамъ или рѣшеніе ихъ противорѣчить по существу принципамъ справедливости, коими руководствуется англійскій судъ.

Дѣло Гринвуда съ обществомъ производства колесъ, обтянутыхъ кожей (The Leather-Shod Wheel Company), разбиравшееся 3, 4, 7, 8 и 23 февраля въ канцлерскомъ отдѣленіи судьей Кеквичемъ, касается вопроса объ отвѣтственности директоровъ и управляющихъ акціонерныхъ компаній за введеніе акціонеровъ въ заблужденіе сообщеніемъ ложныхъ фактовъ съ цѣлью понужденія къ покупкѣ акцій этихъ компаній. Объявленіе, выпущенное помянутою компанією, гласило, что ею получены многочисленные заказы на поставку шинъ отъ частныхъ лицъ, разныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ и

др. Истецъ, рассчитывая на доходность этихъ заказовъ, приобрѣлъ акціи. Впослѣдствіи выяснилось, что общество вообще получило всего лишь нѣсколько пробныхъ заказовъ. Истецъ требовалъ, чтобы договоръ, заключенный имъ о приобретеніи акцій, считался недѣйствительнымъ, и кромѣ того ходатайствовалъ о возмѣщеніи ему убытковъ. Судья рѣшилъ, что свѣдѣнія, опубликованныя въ объявленіи, не соответствовали истинѣ и вводили въ заблужденіе, и потому призналъ договоръ недѣйствительнымъ. По поводу возмѣщенія убытковъ слѣдуетъ замѣтить, что законъ 1890 г. объ отвѣтственности директоровъ акціонерныхъ обществъ (Directors' Liability Act) постановляетъ, что они обязаны возмѣщать убытки лицамъ, приобрѣвшимъ акціи, если покупка акцій состоялась въ расчетѣ на факты, сообщенные въ объявленіи компаніи, а затѣмъ выяснится, что объявленіе это содержитъ ложныя свѣдѣнія, развѣ будетъ доказано, что директора сами имѣли разумное основаніе считать свѣдѣнія эти истинными. Въ настоящемъ дѣлѣ судья Кеквичъ рѣшилъ, что директора вѣрили въ дѣйствительность оповѣщенныхъ въ объявленіи фактовъ, но что они не имѣли для сего достаточныхъ основаній. Въ виду сего истцу должны быть возмѣщены убытки.

1 марта слушалось на Лондонской сессіи уголовное дѣло Гирша, который обвинялся въ продажѣ порнографической книги, изданной на французскомъ языкѣ. На судѣ обвиняемый объяснилъ, что подобное обвиненіе не имѣетъ прецедента въ Англійи и что не можетъ быть доказано, что онъ желалъ развращать лицо, купившее книгу. Подсудимый признанъ виновнымъ.

14 марта палата лордовъ постановила рѣшеніе по дѣлу Поэля съ обществомъ, владеющимъ ипподромомъ въ Кемптонъ-паркѣ (The Kempton Park Racecourse Company). Дѣло это разбиралось въ іюль 1897 года апелляціоннымъ судомъ и о немъ я упоминалъ въ моихъ письмахъ. Вопросъ касается ст. 1 и 3 закона о пари 1853 г. (Betting Act), которыя воспрещаютъ, подъ угрозой наказанія, пользоваться или содержать съ цѣлью заключенія пари „домъ, контору, комнату или какое-либо иное помѣщеніе (no house, office, room or other place shall be opened, kept or used for the purpose of betting)“. Сущность настоящаго дѣла заключается въ томъ, что упомянутое общество отгородило барьерами пространство земли около четверти акра по близости скачекъ. Въ дни скачекъ туда впускались за плату отъ 500 до 2000 лицъ, среди которыхъ всегда находились люди, занимавшіеся въ видѣ профессіи заключеніемъ пари во время

скачекъ, при чемъ они, какъ и остальная публика, платили за входъ и вообще не пользовались особыми преимуществами. Они не занимали опредѣленнаго мѣста, по ходили среди публики, заключая пари съ каждымъ желающимъ. Апелляціонный судъ призналъ, что указанное отгороженное барьеромъ мѣсто, не имѣющее притомъ крыши, не подходитъ подъ слова: „домъ, контора, комната или другое помѣщеніе“, упоминаемая въ законѣ о пари 1853 года, при чемъ указалъ, что подъ „помѣщеніемъ“ (place), о которомъ говорится въ законѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду помѣщеніе, предназначенное исключительно для заключенія пари, при чемъ по смыслу слова, которое употребилъ законодатель, оно должно быть тождественно по своему характеру съ „домомъ, конторой или комнатой“. Палата лордовъ согласилась съ этими соображеніями апелляціонной инстанціи и утвердила ея рѣшеніе.

Въ отдѣленіи королевской скамьи слушалось 7 и 20 марта судьями Грантэмомъ и Кеннеди дѣло Бёрровса съ Родсомъ и др. Истецъ Бёрровсъ требовалъ возмѣщенія понесеннаго имъ ущерба, при чемъ основывалъ свои претензіи на томъ, что ложныя указанія и обѣщанія отвѣтчиковъ побудили его поступить на службу Британской южно-африканской компаніи и принять участіе въ экспедиціи противъ южно-африканской республики, во время которой онъ понесъ серьезныя потери. Кромѣ того его признали подлежащимъ отвѣтственности въ силу закона 1870 г., воспрепятствующаго нападенію на дружественную страну. Отвѣтчикъ Родсъ—одинъ изъ директоровъ помянутой компаніи, а другой отвѣтчикъ Джемсонъ состоялъ на службѣ этой компаніи въ качествѣ офицера и агента ея. Отвѣтчики эти, по объясненіямъ истца, увѣрили его, что экспедиція законна и что ей оказывается поддержка Британскимъ правительствомъ.

Рѣшенію суда подлежалъ вопросъ, можетъ ли участникъ противозаконной экспедиціи требовать отъ другихъ участниковъ такой экспедиціи возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе ея. Отвѣтчики утверждали, что лицо, признанное виновнымъ въ совершеніи преступленія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ требовать вознагражденія. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу истца, признавъ возраженія отвѣтчиковъ неосновательными.

Въ канцлерскомъ отдѣленіи судья Ромеръ постановилъ 27 марта важное рѣшеніе по дѣлу, въ которомъ участвовало попечительное общество о бѣдныхъ города Миртиръ Тидфиль. Дѣло было начато въ интересахъ плательщиковъ налоговъ съ цѣлью добиться опре-

дѣленія суда, что попечители о бѣдныхъ, дѣятельность коихъ нормируется закономъ о бѣдныхъ 1834 года (*Guardians of the Poor under the Poor Law Amendment Act*), не имѣютъ права оказывать помощь лицамъ, которые по состоянію здоровья могутъ содержать себя работою, но отказываются работать.

Съ цѣлю повышенія заработной платы произошла стачка рабочихъ и значительное количество рабочихъ лишено было средствъ къ существованію въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Они обратились за помощью къ означенному попечительству, каковая и была оказана имъ въ различныхъ видахъ на сумму 20,000 фун. Судья Ромеръ, сообразуясь съ постановленіями англійскихъ законовъ, пришелъ къ слѣдующему выводу: если лицо сильно нуждается, то попечители обязаны оказать ему поддержку, хотя-бы бѣдственное положеніе его возникло отъ отказа работать. Съ другой стороны, способный къ труду мужчина, которому представляется возможность свискивать себѣ пропитаніе трудомъ, но который тѣмъ не менѣе не желаетъ работать, а обращается за помощью къ органамъ попечительства о бѣдныхъ, можетъ быть признанъ лѣнтяемъ (*idle and disorderly person*) согласно ст. 3 закона о бродягахъ 1824 г. (*The Vagrancy Act*), и въ этомъ случаѣ не дѣлается различія между рабочимъ, участвующимъ въ стачкѣ, и кѣмъ-либо другимъ. Изложенныя постановленія закона весьма несправедливы по отношенію къ плательщикамъ налоговъ, ибо послѣдніе обязаны нести расходы по содержанию значительнаго числа рабочихъ и ихъ семей только потому, что рабочіе отказываются придти по какимъ-нибудь вопросамъ, — очень часто весьма несущественнымъ, — къ соглашенію съ предпринимателями и работодателями. Единственное средство противодѣйствовать такому положенію вещей — требовать судомъ признанія рабочаго, участвующаго въ стачкѣ и обратившагося за поддержкою, лѣнтяемъ по закону 1824 г., — неудовлетворительно, ибо и тутъ издержки процесса опять-таки падутъ на тѣхъ же плательщиковъ налоговъ; кромѣ того, если рабочій и будетъ признанъ виновнымъ въ нарушеніи указаннаго закона 1824 г., его, пожалуй, посадятъ на мѣсяць въ тюрьму, но это не избавитъ страну отъ дальнѣйшихъ расходовъ.

Апелляціонный судъ постановилъ 27 марта, при разборѣ дѣла Мэъ-Логлина съ Клейтономъ, рѣшеніе по вопросу, интересному для лицъ, участвующихъ въ тяжбахъ, основанныхъ на законѣ 1887 г. о вознагражденіи рабочихъ (*Workmens Compensation Act*) за увѣчья.

На рѣшеніе судьи графства, присудившаго вознагражденіе въ пользу мальчика, потерявшаго три пальца на службѣ у своего работодателя, мальчикъ принесъ апелляціонную жалобу, оставшись недоволенъ размѣромъ вознагражденія. Отвѣтчикъ требовалъ, раньше чѣмъ жалоба будетъ вообще рассмотрѣна, постановленія судомъ опредѣленія о томъ, чтобы мальчикъ внесъ залогъ въ обезпеченіе издержекъ по веденію дѣла; при этомъ выяснилось, что истецъ не имѣетъ собственныхъ средствъ и что въ первой инстанціи расходы по веденію дѣла принялъ на себя союзъ рабочихъ (Trade Union), къ которому мальчикъ принадлежалъ. Судъ постановилъ опредѣленіе о внесеніи 15 фун. залога.

Это весьма важное опредѣленіе. Апелляціи на рѣшенія, основанныя на законѣ о вознагражденіи рабочихъ, весьма многочисленны, и дѣло приняло бы серьезный оборотъ, если бы каждому рабочему, недовольному рѣшеніемъ низшаго суда, было предоставлено жаловаться апелляціонному суду безъ всякаго риска для себя.

Если возмѣщеніе издержекъ по веденію дѣла не будетъ обезпечено надлежащимъ залогомъ, работодатель можетъ понести большой ущербъ, даже если онъ выиграетъ процессъ, ибо онъ не получитъ израсходованныхъ на веденіе дѣла денегъ отъ неимущаго рабочаго, а требовать причитающіяся ему суммы отъ союза рабочихъ, который въ сущности и ведетъ дѣло, онъ не въ правѣ.

Въ заключеніе сообщу данныя по уголовной статистикѣ за 1897 г., о которыхъ я упоминалъ въ предыдущемъ письмѣ. Тяжкихъ преступленій совершено за этотъ годъ—50,736, что немногимъ превышаетъ число ихъ за 1896 г., но значительно ниже чѣмъ среднія за предшествующіе годы. Число менѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній—проступковъ, напротивъ того, указываетъ на постоянное повышеніе: въ 1897 г. ихъ совершено 698,980, т. е. на 30,000 болѣе, чѣмъ въ 1896 г. Такое увеличеніе отчасти можетъ быть приписано тому обстоятельству, что за послѣдніе годы въ уголовный кодексъ включены до сего времени непредусмотрѣнные виды нарушеній закона, а также болѣе энергичному преслѣдованію преступныхъ дѣяній.

Изъ всего числа обвиняемыхъ 9840 принадлежали къ привычнымъ преступникамъ. Изъ отчета, далѣе, усматривается, что сроки заключенія, на кои приговариваются виновные, въ общемъ уменьшаются. За 1897 г. состоялось между прочимъ 218 приговоровъ,

коиими обвиненные присуждены къ уголовному рабству (penal servitude), изъ нихъ 38 на срокъ свыше 6 лѣтъ.

20 марта парламентскій секретарь по внутреннимъ дѣламъ Коллингсъ сообщилъ въ палатѣ общинъ нѣсколько интересныхъ данныхъ по поводу запроса, сдѣланнаго относительно розысканія краденыхъ вещей въ районѣ дѣйствія Лондонской городской полиціи. Съ 1888 по 1897 г. похищено всего на сумму 168,270 фун., а удалось найти на сумму 33,155 фун. Въ 1898 г. украдено на 15,020 фун., найдено на 2,259 фун.

*Лондонъ,
Мартъ 1899 г.*

Бодень.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Видоизмѣненія ненаказуемости.—Судебное устройство во Франціи (The French Judicial System).

Видоизмѣненія ненаказуемости. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *la Grande Revue (Revue du Palais)* извѣстный социологъ Г. Тардъ въ статьѣ, озаглавленной „*Les transformations de l'impunité*“, касается мало изслѣдованнаго еще вопроса объ эволюціи уголовной ненаказуемости или, иными словами, о преступности, не понесшей должнаго наказанія, по праву или же вслѣдствіе фактическихъ отношеній, сложившихся въ данномъ обществѣ. Правовая ненаказуемость, т. е. изытіе извѣстныхъ категорій лицъ или же священныхъ мѣстъ (азилей) отъ судебной власти и преслѣдованія, относится почти всецѣло къ временамъ прошедшимъ. Правящіе классы по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, господа по отношенію къ рабамъ, римскій *paterfamilias* по отношенію къ своимъ дѣтямъ, негритянскій или даже меровингскій король по отношенію къ своимъ подданнымъ—пользовались почти неограниченною безнаказанностью, и самыя жестокіе ихъ поступки надъ безправными объектами ихъ гнѣва или мести не могли подлежать никакому судебному преслѣдованію. Впрочемъ не всегда безнаказанность была достояніемъ только сильныхъ міра сего—правлящихъ классовъ вообще. Подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній и отчасти зародышей нравственно-правоваго сознанія, и слабѣйшіе могли въ извѣстныхъ случаяхъ пользоваться ненаказуемостью, каково бы ни было совершенное ими преступленіе. Для этого достаточно было преступнику скрыться въ какое-либо изъ мѣстъ, считаемыхъ уголовнымъ убѣжищемъ (языческій храмъ, христіанская церковь, монастырь, замокъ). Такое средство борьбы съ насиліемъ, прису-

щимъ въ особенности средневѣковой аристократіи, было конечно очень рискованнымъ, но оно составляло своего рода религіозно-правственный протестъ противъ жестокости судебной репрессіи того времени, мало заботившейся о нелицепріятіи и правосудіи, а имѣвшей въ виду, главнымъ образомъ, устраниеніе. Ту же цѣль защиты слабѣйшихъ членовъ общества отъ произвола сильныхъ преслѣдовали и судебные иммунитеты—пожалованіе права собственнаго суда извѣстнымъ сословіямъ и корпораціямъ, въ особенности духовенству. Но иммунитеты создавали въ нѣкоторыхъ случаяхъ и своего рода привилегію для болѣе мелкихъ сеньеровъ, въ свою очередь широко пользовавшихся открывавшейся передъ ними ареной безнаказанности.

Вся эта пестрая ткань средневѣковыхъ привилегій, сословныхъ правъ, мѣстныхъ и сеньеріальныхъ судовъ, иммунитетовъ и правовой ненаказуемости (*impunité de droit*) въ настоящее время исчезла и замѣнена общимъ уголовно-правовымъ режимомъ, по которому всѣ граждане въ государствѣ почитаются равными передъ закономъ и подлежатъ одинаковой отвѣтственности за совершенное преступленіе. Но фактическая ненаказуемость (*impunité de fait*) осталась, и Тардъ сомнѣвается, чтобы предѣлы ея особенно сузились за послѣднее время. Правда, въ концѣ концовъ, сила права взяла верхъ надъ правомъ силы (*la force du droit finit par prévaloir sur le droit de la force*), и циничнаго признанія за тѣмъ или другимъ могущественнымъ лицомъ привилегіи безнаказанно попираеть обязательный для другихъ законъ—мы не увидимъ. Но не имѣютъ ли возможности вліятельные люди въ наше время косвенно оказывать давленіе на судъ, пользоваться слабостью или угодливостью судей? Тардъ спрашиваетъ, велики ли успѣхи, сдѣланные въ этомъ отношеніи во Франціи со временъ Людовика XIV, когда королевская юстиція замѣнила прежніе мелкіе вотчинные суды, и судья, опираясь на непреложный авторитетъ короля, могъ отправлять правосудіе, „не взирая ни на какое лицо“ и не поддаваясь ничьимъ внушеніямъ. Авторъ оставляетъ этотъ вопросъ безъ прямого отвѣта и даетъ понять, что правящіе классы современной Франціи, хотя и не феодальные сеньеры, а банкиры и вожди политическихъ партій хорошо умѣютъ создавать для себя извѣстный кругъ фактической ненаказуемости, въ предѣлахъ котораго судебная власть въ значительной мѣрѣ теряетъ свою силу. Вліяніе прессы также, по мнѣнію Тарда, при всемъ его могуществѣ въ настоящее время, вмѣстѣ съ хорошими сторонами имѣетъ

и дурныя, возбуждая страсти, создавая предвзятія мнѣнія, преслѣдуя партійныя цѣли.

На ряду съ такого рода умышленной фактической ненаказуемостью существуетъ и ненамѣренная (*impunité de fait involontaire*). Такъ называетъ Тардъ прекращеніе производства уголовныхъ дѣлъ (*classement sans suite*). Эта часть работы Тарда представляетъ, помимо теоретическаго, и нѣкоторый практическій интересъ, въ виду чего мы на ней остановимся нѣсколько подробнѣе, приведа въ сокращеніи основныя положенія Тарда.

Оставленіе дѣла безъ послѣдствій можетъ зависѣть отъ трехъ причинъ: 1) не было сдѣлано донесенія судебнымъ властямъ о преступленіи; 2) преступникъ успѣлъ скрыться и остаться неразсысканнымъ; 3) улики, собранныя противъ обвиняемаго, оказались недостаточными. Разрѣшеніе вопроса о томъ, увеличилась или уменьшилась ненаказуемость этого рода, зависить отъ отвѣта на вопросы: 1) увеличивается или уменьшается число уголовныхъ нарушеній, оставшихся неизвѣстными судебной власти; 2) благоприятствуютъ ли или затрудняютъ наступившія социальныя измѣненія бѣгство и укрывательство преступниковъ; 3) стало ли для судьи дѣло собиранія уликъ болѣе легкимъ или болѣе труднымъ.

Относительно перваго пункта не можетъ быть сомнѣнія. Развитіе путей сообщенія и вообще всякаго рода сношеній между людьми въ настоящее время дѣлаетъ почти невозможнымъ, по крайней мѣрѣ по дѣламъ болѣе важнымъ, совершенное сокрытіе отъ судебной власти совершеннаго преступленія, какъ то зачастую бывало въ эпохи раздробленія и разъединенія общества—время меровинговъ, напр., или феодальная эпоха послѣ паденія имперіи Карла Великаго. Но и не заходя въ столь отдаленную глубь вѣковъ, легко придти къ убѣжденію, что прокуратура (во Франціи) съ теченіемъ времени получаетъ все болѣе точныя и полныя свѣдѣнія о совершенныхъ преступленіяхъ и проступкахъ. Самое число протоколовъ, жалобъ и донесеній, направленныхъ прокурорскому надзору, съ 1830 г. къ настоящему времени увеличилось въ четыре раза.

Однакоже есть нѣкоторыя категоріи уголовныхъ нарушеній, по которымъ лишь небольшая сравнительно часть доходитъ до свѣдѣнія подлежащей власти. Таковы, напр., дѣтоубійства, извѣстное число которыхъ скрывается въ чрезмѣрно высокой смертности незаконнорожденныхъ. Въ равной мѣрѣ вытравленія плода, поджоги,

кражи, бродяжество—часто ускользають не только отъ всякаго судебного преслѣдованія, но и соотвѣтственной регистраціи.

По вопросу о томъ, насколько современныя общественныя условія, по сравненію со строемъ жизни предшествовавшихъ вѣковъ, предоставляютъ больше или меньше удобствъ для преступника остаться неизвѣстнымъ или скрыться отъ судебного преслѣдованія—Тардъ позволяетъ себѣ сомнѣваться. Съ одной стороны, увеличеніе территоріи государствъ по сравненію съ средними вѣками, болъшая степенъ ихъ централизаціи и развитіе международныхъ сношеній представляютъ серьезное и постепенно растущее препятствіе для бѣгства преступниковъ. Расчлененіе и раздробленіе судебной (и административной) власти на мелкія территоріальныя единицы способствовало въ средніе вѣка сильному развитію безнаказанности. Какъ легко было избѣгнуть наказанія, когда преступникъ былъ подсуденъ только частному землевладѣльцу, епископу, аббату, вообще какому-нибудь сеньеру, предѣлы владѣній котораго были такъ малы! Всякое вообще раздробленіе уголовной юстиціи должно, при равенствѣ другихъ условій, вести къ усиленію безнаказанности; всякое объединеніе и распространеніе однородности уголовного правосудія содѣйствуетъ уменьшенію числа преступленій, оставшихся ненаказанными. Такимъ образомъ, современная цивилизація въ ея цѣломъ оказала услугу и дѣлу правосудія. Но, съ другой стороны, тѣ же причины, которыя дали возможность судебной власти преслѣдовать преступника и внѣ предѣловъ даннаго государства, удлинити, такъ сказать, руки судебного слѣдователя,—эти же причины удлинити и ноги обвиняемаго, позволивъ ему бѣжать со скорымъ поѣздомъ, пользоваться телеграфомъ для переговоровъ съ сообщниками. Даже не прибѣгая къ бѣгству, обвиняемый легко можетъ скрыться въ суетливой толпѣ европейскихъ большихъ городовъ, постоянно растущихъ на счетъ сельскаго населенія. Необходимо было ввести антропометрическую систему для установленія тождества личности преступниковъ, легко мѣняющихъ имя и званіе въ городскихъ центрахъ.

Такимъ образомъ, остается неразрѣшеннымъ вопросъ: являются ли великія изобрѣтенія современной цивилизаціи въ ихъ цѣломъ болѣе полезными для цѣлей правосудія или же для лицъ, укрывающихся отъ судебного преслѣдованія? Для освѣщенія этого вопроса необходимы статистическія данныя, апріорныя разсужденія мало помогутъ дѣлу. Отвѣтъ цифръ однако является неутѣшительнымъ. Съ 1831 до 1895 г. число преступленій и проступковъ, до-

веденныхъ до свѣдѣнія прокурорскаго надзора, увеличилось съ 114000 (приблизительно) до 509012, т. е. возрасло слишкомъ въ 4 раза. Но число дѣлъ, прекращенныхъ (*classées sans suite*) прокуратурой, увеличилось еще въ гораздо большей степени: съ 31563 въ 1831 г. до 267763 въ 1895 г., т. е. число прекращенныхъ дѣлъ стало въ 8 разъ больше. Число мошенничествъ, оставшихся безъ наказанія, увосьмерилось даже за болѣе короткій промежутокъ времени—съ 1861 по 1895 г. Даже число убійствъ (съ 1861 по 1895 г.), прекращенныхъ производствомъ у судебныхъ слѣдователей, значительно увеличилось (съ 194 до 471). Ошибочнымъ, по мнѣнiю нѣкоторыхъ специалистовъ, является довольно распространенное убѣжденiе, что отравленiе въ настоящее время рѣже встрѣчается влѣдствiе успѣховъ химической экспертизы: существуютъ новые виды ядовъ, умерщвляющихъ человѣка, не оставляя замѣтныхъ слѣдовъ въ его организмѣ. Современные взрывчатые вещества также являются могущественнымъ орудiемъ вооруженiя въ рукахъ преступниковъ, обезпечивающимъ притомъ виновникамъ значительные шансы остаться неизвѣстными.

Все это однако не даетъ еще права обвинять современную науку въ содѣйствiи преступленiю, тѣмъ болѣе, что указанное увеличенiе преступности, избѣгнувшей правосудiя, въ сущности является скорѣе результатомъ отсутствiя прогресса въ судебномъ устройствѣ, соотвѣтственнаго приспособленiя къ измѣнившимся условiямъ среды. Въ этомъ отношенiи въ особенности достойно сожалѣнiя стремленiе сократить бюджетъ министерства юстиции, уменьшенiе численнаго состава судовъ и палатъ, несмотря на постоянный ростъ числа дѣлъ. Также неудовлетворительно положенiе слѣдственной части во многихъ округахъ и слишкомъ обременена жандармерiя. Все это само по себѣ дѣло поправимое и, если бы правительство твердо этого пожелало,—число преступленiй, оставшихся безъ наказанiя, могло бы замѣтно уменьшиться.

Тѣмъ не менѣе, до настоящаго времени, число этихъ преступленiй продолжаетъ расти, и, по мнѣнiю Тарда, можно придти къ заключенiю, что если легальная ненаказуемость въ наши дни почти исчезла, умышленная фактическая ненаказуемость уменьшается, то невольная фактическая ненаказуемость увеличивается, по крайней мѣрѣ, въ теченiе настоящаго столѣтiя. Если сопоставить съ этимъ явленiемъ роста безнаказанности, постепенное и постоянное смягченiе формъ наказанiя, становящагося въ видѣ условнаго осужденiя лишь тѣнью наказанiя, или, какъ выражается Тардъ, его

„душой“, т. е. выраженіемъ общественнаго порицанія безъ причиненія страданія виновному,—то кажется, что слабѣющая репрессія должна быть поглощена растущею безнаказанностью. И если этого не происходитъ на самомъ дѣлѣ, то только благодаря развитію чувствъ взаимной симпатіи, поддерживаемой и оживляемой современной цивилизаціей. Хотя, на ряду съ общественными чувствами, въ центрахъ городской культуры продолжаетъ гнѣздиться эгоизмъ, но все-таки чувство общественной связи растетъ и развивается быстрѣе, такъ что оно, въ концѣ концовъ, можетъ сдерживать преступность въ извѣстныхъ предѣлахъ, помимо судьбы и палача. Бѣда только въ томъ, что это, такъ сказать, антисептическое свойство цивилизаціи растетъ нѣсколько медленнѣе, чѣмъ преступность, и поэтому необходимо задержать поступательное движеніе этой послѣдней, чтобы положить конецъ указанной печальной аномаліи.

Таковы, въ общихъ чертахъ, возрѣнія Тарда на видоизмѣненія ненаказуемости, въ особенности на ростъ ея въ послѣднее время. Намъ кажется, что мнѣнія Тарда по этому предмету нѣсколько окрашены въ пессимистическомъ тонѣ, навѣянномъ, быть можетъ, нѣкоторыми печальными процессами современной французской республики. Статистическія данныя, приводимыя авторомъ, не вполне достаточны для разрѣшенія вопроса о томъ, растетъ или убываетъ фактическая ненаказуемость хотя-бы въ предѣлахъ одной Франціи. Для этого необходимо различать мотивы, по которымъ были прекращены возникшія дѣла, а не брать только общее число прекращеній производства. По даннымъ же французской уголовной статистики оказывается, что больше всего возрасло число дѣлъ, прекращенныхъ прокуратурою, за отсутствіемъ состава преступленія (*les faits ne constituaient ni crime, ni délit*): число этого рода дѣлъ за 1831—1895 возрасло въ 12 разъ, притомъ это наиболѣе многочисленная группа дѣлъ, прекращенныхъ въ прокурорскомъ надзорѣ (до 47% прекращеній). Дѣла же, прекращенныя за неизвѣстностью или неразъясненіемъ виновныхъ, съ 1831 по 1895 увеличились сравнительно менѣе—въ 9 разъ¹⁾. Слѣдовательно, если число дѣлъ, прекращенныхъ производствомъ, увеличилось, то, главнымъ образомъ, потому, что стало появляться сравнительно больше неосновательныхъ жалобъ и доносовъ. Не столько безнаказанность возрасла,

¹⁾ Прекращенія за неизвѣстностью виновныхъ составляютъ около 32% всего числа прекращенныхъ дѣлъ.

сколько сутяжничество, желаніе повредить ближнему косвеннымъ путемъ, лишеніемъ его добраго имени или положенія въ обществѣ. Раньше, до французской революціи (1789), напр., это стремленіе къ возбужденію процессовъ изъ мести не могло быть особенно сильнымъ, ибо дворянство, правящіе классы вообще относились не безъ нѣкотораго предубѣжденія къ судейскому сословію и лишь въ крайнемъ случаѣ прибѣгали къ суду; для низшихъ сословій, для крестьянъ, было бы и небезопасно „безпокоить начальство“ не совѣсмъ основательными жалобами и прошеніями.

Нѣчто подобное происходитъ и у насъ въ Россіи: число дѣлъ, прекращенныхъ окружными судами по 277 ст. уст. угол. суд., прогрессивно увеличивается съ 1874 по 1895 г., однако же это происходитъ далеко не вслѣдствіе того, что виновные стали за послѣднее время особенно ловко и находчиво уклоняться отъ суда и преслѣдованія. Причина усиленнаго направленія дѣлъ по 277 ст. уст. угол. суд. заключается, главнымъ образомъ, въ увеличеніи частныхъ жалобъ по дѣламъ объ оскорбленіяхъ, нанесеніи побоевъ, лишеніи женской чести и по другимъ преступленіямъ противъ личности. Дѣла этого рода за 20 лѣтъ увеличились въ 3 и 4 раза, тогда какъ дѣла, преслѣдуемая только въ публичномъ порядкѣ—кража, убійство и др., возрасли лишь на 20 или 30%, въ соотвѣтствіи съ ростомъ населенія. Понятно, что по дѣламъ частнаго обвиненія оказывается не малая доля неосновательныхъ жалобъ, вызванныхъ единственно желаніемъ причинить непріятность противнику.

Съ другой стороны, въ Англіи, гдѣ, вмѣстѣ съ преступностью вообще, уменьшаются и дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ и обидахъ, не замѣтно увеличенія ненаказуемости, о которомъ говоритъ Тардъ, основываясь исключительно на данныхъ французской уголовной статистики. Число преступленій въ Англіи, доведенныхъ до свѣдѣнія полиціи, и число подсудимыхъ (persons for trial) съ теченіемъ времени обнаруживаетъ стремленіе къ сближенію, т. е., иначе говоря, безнаказанность совершенныхъ преступленій уменьшается, а не повышается.

Такимъ образомъ, признавая съ Тардомъ, что легальная ненаказуемость въ настоящее время не существуетъ, необходимо придти къ заключенію, что и фактическая ненаказуемость во всѣхъ ея видахъ не обнаруживаетъ дѣйствительнаго повышенія. Конечно, въ извѣтныя эпохи, при появленіи неустойчивости и распатанности нравственно-правоваго сознанія въ обществѣ, возможно и теперь

ослабленіе судебной репрессіи по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ преступленій и преступниковъ. Но такого рода критическіе моменты не могутъ быть продолжительными. При нормальномъ же, спокойномъ теченіи общественной жизни въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ безнаказанность дѣйствительныхъ преступниковъ (въ особенности по болѣе важнымъ преступленіямъ) не возрастаетъ и не можетъ возрасти, ибо такое явленіе угрожало бы, въ концѣ концовъ, разложеніемъ и паденіемъ всему обществу въ его цѣломъ. Самое смягченіе формъ наказанія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ болѣе широкое и спокойное примѣненіе карательныхъ мѣръ, согласныхъ съ требованіями общественной совѣсти, лишающихъ преступника того чувства состраданія, которое возбуждается и возбуждалось такъ сильно въ прошедшіе вѣка чрезмѣрною суровостью наказаній. Именно эта суровость во многихъ случаяхъ и служила причиной безнаказанности, какъ то указываетъ и Тардъ, ибо укрывательство преступника, которому иногда за маловажное преступленіе грозила смертная казнь, зачастую представлялось дѣломъ болѣе нравственнымъ, чѣмъ выдача бѣглеца судебной власти. Въ настоящее время такого рода случаи становятся рѣдкостью, происходитъ не только внѣшнее объединеніе общества, но и внутреннее проникновеніе его болѣе или менѣе однородными нравственными убѣжденіями. При такихъ условіяхъ преступникъ, какъ человѣкъ, вступившій въ борьбу не съ частными, классовыми или мѣстными интересами, какъ въ средніе вѣка, а съ обширнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ союзомъ людей, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи всѣ преимущества, даваемые наукой, специализаціей труда и единствомъ нравственныхъ началъ, — не можетъ рассчитывать на безнаказанность иначе какъ въ очень скромныхъ размѣрахъ ¹⁾. И эти размѣры, слѣдуетъ надѣяться, въ будущемъ подлежатъ постепенному сокращенію, а не расширенію.

Е. Т.

---

¹⁾ Самъ Тардъ указываетъ на совершенно мѣстныя, частнаго характера условія уголовнаго преслѣдованія во Франціи, которыя, въ значительной мѣрѣ, служатъ причиной подъема числа ненаказанныхъ преступленій. Отсюда слѣдовало бы заключить, что ростъ безнаказанности вовсе не можетъ служить какимъ-то необходимымъ признакомъ современной цивилизаціи, но Тардъ искусно обходитъ это противорѣчіе, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, указать на внутренній разладъ и нѣкоторую зыбкость, непрочность общественно-нравственнаго сознанія во Франціи.

Судебное устройство во Франціи (The French Judicial System). Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ мартовской книгѣ *Nineteenth Century* небольшая статья де-Калоннѣ (de Calonne), представляющая интересъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ въ общихъ чертахъ съ критическими воззрѣніями значительной части французскаго общества на современные судебныя порядки во Франціи. Авторъ статьи, самъ представитель извѣстной французской фамиліи, дѣлаетъ для читателей—англичанъ общій очеркъ организаціи судебного дѣла во Франціи и высказываетъ нѣкоторыя критическія соображенія, которыя въ значительной мѣрѣ совпадаютъ съ взглядами извѣстныхъ англійскихъ юристовъ, напр., Stephen'a, а также и знатока англійской юриспруденціи Франкевилля. Значеніе этого очерка тѣмъ существеннѣе, что въ настоящее время весь міръ болѣе или менѣе заинтересованъ положеніемъ судебного вѣдомства во Франціи, благодаря всѣмъ извѣстному процессу, и нельзя сказать, чтобы впечатлѣніе, получаемое изъ сообщений о ходѣ, какъ означеннаго процесса, такъ и связанныхъ съ нимъ судебныхъ дѣлъ и политическихъ агитацій, тѣсно переплетающихся между собою,—было особенно выгодно для французской судебной магистратуры.

Авторъ начинаетъ съ указанія на сложность и невыдержанность французской судебной системы. Во Франціи въ настоящее время существуютъ слѣдующія судебныя установленія: 1) кассационная палата; 2) апелляціонныя палаты; 3) ассизные суды по уголовнымъ дѣламъ; 4) суды первой инстанціи (по дѣламъ гражданскимъ и по дѣламъ исправительной полиціи); 5) коммерческіе суды; 6) суды морскаго вѣдомства, апелляціи на рѣшенія которыхъ разсматриваются въ общемъ порядкѣ апелляціонными палатами; 7) мировые суды; 8) совѣты экспертовъ (*conseils des prudhommes*), учрежденные во время второй имперіи для разсмотрѣнія споровъ о заработной платѣ между рабочими и хозяевами. Кромѣ того, во Франціи имѣется и „административная“ юстиція, именно—*conseils de préfecture*, въ качествѣ судовъ I инстанціи, и *conseils d'état*, въ качествѣ апелляціонной инстанціи. Эти суды заняты разборомъ тяжбныхъ дѣлъ между частными лицами и казной о неправильномъ обложеніи, о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ и т. п. Такимъ образомъ, по дѣламъ этого рода правительство оказывается въ одно и то же время и судьей, и участвующей въ дѣлѣ стороной. Нечего и говорить, что рѣшенія административныхъ судовъ во

Франціи не отличаются особымъ безпристрастіемъ и любовью къ истинѣ.

На ряду съ гражданскими и административными судами слѣдуетъ упомянуть и о военныхъ судахъ въ арміи и во флотѣ. О дѣятельности военныхъ судовъ Калоннѣ отзывается вообще одобрительно, несмотря на страстные нападки французской печати на армію и юстицію „генераловъ“. Въ особенности замѣчательно стремленіе со стороны военныхъ судей смягчить по возможности суровыя требованія военныхъ законовъ. Смертная казнь во французской арміи почти не примѣняется. За послѣднія десять лѣтъ не было ни одного случая смертной казни, смертные приговоры замѣнялись пожизненнымъ или долгосрочнымъ заключеніемъ. Между тѣмъ, по приговорамъ общихъ судовъ, во Франціи ежегодно подвергается смертной казни отъ 10 до 15 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе требуетъ ограниченія власти военныхъ судовъ и даже полной ихъ отмѣны въ мирное время. Въ этомъ случаѣ сказывается общее отвращеніе наиболѣе образованной части общества къ современному развитію милитаризма со всѣми его несимпатичными атрибутами: желѣзной дисциплиной, суровостью репрессіи и т. п., хотя, по сравненію съ прошлымъ, и въ этомъ отношеніи уже наступило извѣстное смягченіе военнаго режима.

Помимо сложности судебного устройства и недостаточнаго обособленія судебной власти отъ административной, во Франціи замѣчается другаго рода недостатокъ въ организаціи правосудія: чрезмѣрное обиліе судебного персонала и вслѣдствіе этого скудное матеріальное вознагражденіе и недостаточно независимое и почетное положеніе судебной магистратуры въ обществѣ. Во Франціи въ настоящее время съ мировыми судьями—3258 судебныхъ мѣстъ (по гражданскимъ дѣламъ). Даже помимо мировыхъ судей, кругъ подвѣдомственности которыхъ очень узокъ, во Франціи и въ Алжирѣ 403 суда первой инстанціи, соотвѣтствующіе, въ извѣстной мѣрѣ, нашимъ окружнымъ судамъ. Въ этихъ судахъ (помимо коммерческихъ и административныхъ судовъ) состоитъ 1538 членовъ и председателей (magistrature assise). Прокурорскій надзоръ при судахъ 1 инстанціи (magistrature debout) насчитываетъ 673 члена. Въ апелляціонныхъ судахъ и кассационной палатѣ число членовъ и прокурорскаго надзора доходитъ до 750 чел. Такимъ образомъ, во всѣхъ общихъ судахъ во Франціи около 3000 чиновъ судебного вѣдомства, не считая секретарей и другихъ лицъ, служащихъ въ канцеляріи. Съ мировыми судьями, число лицъ, облечен-

ныхъ судейской властью, достигаетъ до 5800. Число это является чрезмѣрно высокимъ не только по сравненію съ Англіей, гдѣ дѣло правосудія отправляется 80 или 85 судьями (безъ Ирландіи и Шотландіи), но даже и по сравненію съ Европейской Россіей, по крайней мѣрѣ по числу членовъ общихъ судовъ. Въ 3 судебныхъ округахъ Европейской Россіи, общее населеніе которыхъ приблизительно равно населенію Франціи или даже нѣсколько больше его, — Петербургскомъ, Московскомъ и Харьковскомъ, — число членовъ общихъ судебныхъ установленій (окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, кассационнаго Сената), включая и судебныхъ слѣдователей, не превышаетъ 1445 человекъ (за 1896 г.), т. е. вдвое меньше, чѣмъ во Франціи.

Многочисленность судейскихъ мѣстъ во Франціи обуславливаетъ собою чрезвычайно скудное, въ особенности для низшихъ инстанцій, жалованье, которое не можетъ, конечно, идти ни въ какое сравненіе съ жалованіемъ англійскихъ судей. Старшій предсѣдатель кассационной палаты, первое лицо въ судейскомъ мірѣ Франціи, получаетъ 30000 фр., тогда какъ въ Англіи судьи графства и лондонскихъ полицейскихъ судовъ получаютъ 37500 фр. Но этого мало: члены судовъ 1 инстанціи 3 разряда получаютъ всего 3000 фр., товарищи прокуроровъ — 2800 фр., мировые судьи въ большинствѣ случаевъ (2055 изъ 2872) довольствуются ничтожнымъ содержаніемъ въ 1800 фр. или около 600 рублей на наши деньги ¹⁾. Это слишкомъ мало даже по сравненію съ нашими русскими окладами, тогда какъ жизнь во Франціи въ общемъ дороже, чѣмъ въ Россіи. Не имѣя своихъ личныхъ средствъ, невозможно прожить сколько-нибудь сносно на жалованіе французскаго мирового судьи или товарища прокурора.

Но самымъ главнымъ недостаткомъ французской судебной системы является фактическая зависимость судей отъ политическихъ вѣяній и направленій. Легально французскіе судьи несмѣняемы, но законодательная власть можетъ во всякое время отмѣнить или приостановить дѣйствіе закона о несмѣняемости, на неопредѣленное время. Законъ 31 августа 1883 г. „приостановилъ“ (a suspendu) такимъ образомъ начало несмѣняемости, и сотни судей, державшихся независимаго образа мыслей по отношенію къ политическимъ стремленіямъ того времени, были удалены отъ своихъ долж-

---

¹⁾ Franqueville—Le système judiciaire de la Grande Bretagne, II, 659.

ностей ¹⁾). Понятно, какое деморализующее вліяніе должно оказывать на судейскую совѣсть такое вынужденное приспособленіе къ взглядамъ, требованіямъ, можно сказать, капризамъ политическаго настроенія тѣхъ или иныхъ смѣняющихся другъ друга партій. Въ особенности сказывается эта вредная сторона политической французской жизни въ Парижѣ, центрѣ всѣхъ интригъ и борьбы изъ-за преобладанія: даже высшее судебное мѣсто—кассационная палата—не оказалось недоступнымъ вліянію политическихъ страстей и предубѣжденій, и, въ свою очередь, было, въ извѣстной мѣрѣ, унижено въ своемъ достоинствѣ въ угоду политическимъ интересамъ и расчетамъ.

Невольно, при этомъ, вспоминаются краснорѣчивыя слова Франкевилля, съ горечью указывавшаго на громадное нравственное превосходство англійской магистратуры надъ французской, задолго до печальныхъ процессовъ Дрейфуса, Пикара и друг., и даже до панамскаго дѣла. Подавленный невыгодностью подобнаго рода сравненія для Франціи, Франкевилль даже отказывается проводить параллель во всѣхъ ея подробностяхъ: „было бы несправедливо и не великодушно“—говоритъ онъ ²⁾—„сопоставлять между собою, съ одной стороны, лица, совершенно независимыя отъ чьего бы то ни было давленія, которыхъ никто не можетъ коснуться безъ должнаго уваженія и почтительности,—съ другой стороны судей, на которыхъ постоянно устремлены глаза министерской канцеляріи и политическихъ дѣятелей, которые должны опасаться, что малѣйшій проблескъ независимости навсегда погубитъ ихъ карьеру, которые хорошо знаютъ малую по отношенію къ нимъ цѣну принципа несмѣняемости и помнятъ, какъ правительство можетъ легко удалить тѣхъ, кто оказался бы неспособнымъ оказать услугу вмѣсто постановленія приговора“. Возвращаясь однако, по необходимости, къ проведенію параллели между французской и англійской магистратурой, Франкевилль далѣе ³⁾ говоритъ: „Съ одной стороны (въ Англии) все ведетъ къ приданію судьямъ обаянія и дѣйствительной силы власти: порядокъ ихъ назначенія, ихъ малое число, высокое положеніе, независимость, отсутствіе административныхъ судовъ и прокурорскаго надзора, громадная власть, которою они пользуются, поддержка, которую имъ оказываетъ общественное

¹⁾ Franqueville, l. c., I, 14.

²⁾ Franqueville, l. c., II, 660.

³⁾ Franqueville, l. c., II, 710.

мнѣніе, взаимнѣя своего контроля надъ ихъ дѣйствіями. Съ другой стороны (во Франціи) все комбинируется для умаленія значенія судей: малая тщательность ихъ выбора, ихъ многочисленность, ничтожность ихъ содержанія, постоянный надзоръ надъ ними со стороны прокуратуры, возможность невыгодныхъ для нихъ пререканій съ административными судами, пользующимися особымъ покровительствомъ власти, организація прокурорскаго надзора, закрывающаго гражданамъ непосредственный доступъ съ жалобами въ судъ, наконецъ отсутствіе поддержки со стороны общественнаго мнѣнія. Съ одной стороны, система, выработавшаяся мало по малу, при постепенныхъ улучшеніяхъ и исправленіяхъ, возраставшая въ своей силѣ и значеніи по мѣрѣ ограниченія предѣловъ власти короны и аристократіи; съ другой стороны (во Франціи)—организація, придуманная деспотическимъ правительствомъ (революціоннымъ и наполеоновскимъ), удобное и послушное орудіе, бережно сохраняемое всѣми правительствами, смѣнявшимися въ теченіе кончающагося столѣтія“.

Въ этихъ немногихъ словахъ Франкевилль рельефно очерчиваетъ разницу въ положеніи и характерѣ англійскихъ и французскихъ судей, и статья де-Калонна является въ этомъ отношеніи только комментариемъ къ выводамъ Франкевилля. Слѣдуетъ однако отмѣтить еще то замѣчаніе Калонна, что въ рукахъ французскихъ судей, въ особенности слѣдственныхъ (*juges d'instruction*), столь мало независимыхъ по сравненію съ англійскими, находится однако значительная дискреціонная власть по отношенію къ лицамъ, обвиняемымъ или только подозрѣваемымъ въ совершеніи преступленія. Эти лица, однимъ почеркомъ пера слѣдственнаго судьи, могутъ подвергнуться предварительному заключенію, изъ котораго имъ не такъ легко освободиться, какъ англичанину, при всѣхъ случаяхъ недостаточно обоснованнаго арестованія, прибѣгающему къ защитѣ знаменитаго *Habeas Corpus Act*. Де-Калоннъ приводитъ по этому поводу разсказъ объ одномъ слѣдственномъ судѣѣ, который въ шутку увѣрялъ Наполеона III, что онъ, слѣдственный судья, имѣетъ боліше власти, чѣмъ самъ императоръ, такъ какъ послѣдній не можетъ непосредственнымъ своимъ приказомъ посадить кого-либо въ тюрьму,—слѣдственный же судья имѣетъ полную возможность это сдѣлать хотя-бы по отношенію къ совершенно невиновному и даже неучастному къ дѣлу лицу. Впрочемъ, надо помнить, что съ того времени положеніе слѣдственной части нѣсколько измѣнилось во Франціи, въ особенности

важную гарантію правъ обвиняемаго представляетъ введеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи по закону 8 декабря 1897 г. Вообще обвинительный характеръ французскаго уголовного процесса все болѣе уступаетъ мѣсто началу состязательному. Существенной побѣдой послѣдняго слѣдуетъ признать отмѣну предсѣдательскаго резюме по дѣламъ съ присяжными (въ 1892 году), въ виду того, что это резюме въ большинствѣ случаевъ представляло собою настоящую обвинительную рѣчь, производившую на присяжныхъ большее впечатлѣніе, чѣмъ рѣчь прокурора.

Въ заключеніе Калоннъ, принимая очевидно за образецъ англійское судебное устройство, рекомендуетъ, съ цѣлью улучшенія судебныхъ порядковъ во Франціи, уменьшить число судейскихъ мѣстъ, увеличить жалованье судей въ видахъ поднятія ихъ общественнаго положенія и независимости, объявить неприкосновеннымъ начало несмѣняемости судей и тѣмъ гарантировать свободу внутренняго убѣжденія судей, избавляя это должностующимъ быть почетнымъ во всякой странѣ сословіе отъ печальной необходимости сообразоваться не съ требованіями писанаго закона, а съ неопредѣленными вѣяніями и настроеніями политическихъ партій. Не послѣднее мѣсто въ ряду желательныхъ реформъ представляетъ и удешевленіе гражданскаго и уголовного процесса, веденіе которыхъ во Франціи влечетъ за собою часто весьма значительныя издержки на всякаго рода марки, судебныя и канцелярскія пошлины, сборы по регистраціи, приложенію печати и т. п.

Е. Т.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сочиненія Н. Д. Кавелина. Собраніе сочиненій Н. Д. Кавелина. Томъ первый—монографіи по русской исторіи съ біографическимъ очеркомъ проф. Д. А. Корсакова; томъ второй—публицистика съ вступительной статью В. Д. Спасовича; томъ третій—наука, философія и литература съ вступительной статью А. Ф. Кони. 1897—1898—1899.

Въ вышедшихъ трехъ томахъ ¹⁾ сочиненій Кавелина содержится богатый матеріалъ для характеристики многообразной и плодотворной дѣятельности. Матеріалъ этотъ однако далеко не представляетъ отраженія всей дѣятельности Кавелина; живымъ непечатаннымъ и даже незаписаннымъ словомъ Кавелинъ въ теченіе своей долгой жизни (1818—1885 г.г.) влиялъ еще въ большей степени, чѣмъ печатными произведеніями, не только на молодыхъ своихъ слушателей (студентовъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ и Военно-юридической академіи), но и на наиболѣе выдающихся своихъ современниковъ какъ въ области государственной дѣятельности, такъ и въ областяхъ науки и литературы.

„Сила притяженія, которою онъ располагалъ—говорить о Ка-

---

¹⁾ Въ четвертомъ, не вышедшемъ еще томѣ, будутъ помѣщены сочиненія по гражданскому праву (права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, очерки юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наследства, очеркъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза—первый трудъ только въ части—и др.) и этнографіи; эти работы, какое бы имъ значеніе ни придавать во всякомъ случаѣ по характеру своему не прибавятъ особенно много данныхъ для характеристики писателя.

велинѣ В. Д. Спасовичъ ¹⁾— „была громадная; ей подчинялись люди всевозможныхъ возрастовъ, національностей, занятій, классовъ.... Наибольшая часть его расходовалась на непосредственное его дѣйствование на живыхъ людей и только меньшая обращена была на литературные труды“.

Для того, чтобы ясно и точно опредѣлить громадное значеніе Кавелина въ исторіи русской культуры, необходимо при изученіи его произведеній и ознакомленіи съ его дѣятельностью имѣть въ виду то время, въ которое пришлось дѣйствовать Кавелину. Онъ вступилъ на общественную дѣятельность при неограниченномъ господствѣ крѣпостнаго права, при немъ подготовлялась и совершилась отмѣна этого права, а затѣмъ наступило время постепеннаго и до нашихъ дней устраненія послѣдствій существованія этого права въ различныхъ областяхъ государственной, общественной и частной жизни. Все это время легко можетъ быть названо эпохой раскрѣпощенія русскаго народа. И вотъ въ такое то время постепеннаго освобожденія сословій и лицъ отъ всякаго рода путъ, постепеннаго возрожденія личности на прежнемъ однообразномъ фонѣ, установленномъ общими распорядками, пришлось дѣйствовать человѣку, который положилъ въ основу всей своей жизни, всей своей дѣятельности одну идею—идею личности, ея значеніе для общества, народа и государства. „Такимъ образомъ“—говоритъ Кавелинъ (Задачи психологіи, собр. соч., т. III, стр. 630)— „все указываетъ на то, что личность, индивидуальность, есть первоначальная ячейка и міра мысли, и міра общественности. Изъ этого бы слѣдовало, что она должна стоять на первомъ планѣ, занимать самое видное мѣсто, быть главнымъ предметомъ нашей заботливости, вниманія и участія. То, изъ чего выходитъ міръ мысли, тѣ единицы, изъ которыхъ слагается общежитіе, на которыя оно опирается, для которыхъ существуетъ, должны бы быть и центромъ и ключемъ всего“.

Вотъ почему Кавелинъ находилъ, что все усилія должны быть направлены на освобожденіе личности отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій, на возвышеніе значенія ея въ глазахъ общества и самой себя, на возвышеніе ея нравственнаго уровня. Никакія общественныя и объективныя преобразованія и улучшенія, никакіе учрежденія и законы не помогутъ, не подымутъ общества, его матеріальнаго и духовнаго благосостоянія, если не будетъ

---

¹⁾ Соч. Кавелина, т. II, стр. IX.

процвѣтаетъ и матеріально, и духовно та личность, которая только въ дѣйствительности и существуетъ, ибо общества, народы и государства, не имѣя какого-либо самостоятельнаго, независимаго отъ личности существованія, являются лишь собраніемъ индивидуальностей; развитіе и усовершенствованіе личности есть прямое обогащеніе общества. „Глубокое различіе“—говоритъ Кавелинъ ¹⁾— „формулы историческаго развитія въ Европѣ и у насъ объясняется различною здѣсь и тамъ ролью лица... Въ западной Европѣ личность заняла такое положеніе, что ее пришлось ограничивать.... У насъ главныя направленія внутренней исторіи выражаютъ потребность вызвать къ дѣятельности и жизни личность, ввести ее тоже въ общую экономію развитія“. И вотъ на служеніе идеѣ личности, но притомъ личности русской,—Кавелинъ былъ горячимъ патриотомъ,—онъ и посвятилъ всю свою жизнь.

Самъ по себѣ, въ своей жизни частной и общественной, помимо своихъ трудовъ, Кавелинъ былъ замѣчательной, благороднѣйшей личностью.

„Человѣкъ цѣльный“—говоритъ про него А. О. Кони ²⁾—„въ полномъ смыслѣ слова, послѣдовательный и твердый—aus einem Guss—какъ говорятъ нѣмцы, Кавелинъ всею своею личностью являлъ настоящей *характеръ*, съ которымъ надо было считаться и по отношенію къ которому нельзя было рассчитывать на какія-либо уступки или уклоненія подъ вліяніемъ сентиментальнаго настроенія столь чуждаго дѣйствительной добротѣ“. Онъ, говоритъ г. Кони, всю жизнь шедшій *неуклонно* и любя, „куда звалъ голосъ сокровенный“, не понималъ, чтобы можно было *propter vitam—vivendi perdere causas* и рѣзко выражалъ свое отчужденіе отъ влачущихъ безславную, но черѣдко богатую земными благами жизнь ³⁾.

Обладая весьма скромными матеріальными средствами, Кавелинъ не понималъ современнаго оппортунизма, уступокъ и соглашенія для сохраненія матеріальнаго обезпеченія; на каждомъ общественномъ посту онъ оставался только до тѣхъ поръ, пока находилъ это согласнымъ со своими убѣжденіями и взглядами. Такъ, онъ дважды оставлялъ кѡедры въ университетѣ, когда университетскіе порядки и строй переставали отвѣчать его взглядамъ: первый разъ, въ 1848 году, разойдясь совершенно и принципиально

¹⁾ Собр. соч., т. III, стр. 282.

²⁾ Тамъ же, стр. XI.

³⁾ Тамъ же, стр. X.

со старой профессорской партіей, во главѣ которой стоялъ профессоръ Крыловъ, Кавелинъ оставилъ кафедру исторіи русскаго законодательства въ Московскомъ университетѣ, среди студентовъ котораго онъ пользовался громадными симпатіями и большимъ успѣхомъ, и второй разъ, въ 1861 году, уже въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ тоже увлекалъ слушателей своими лекціями по гражданскому праву и философіи права; въ этотъ разъ Кавелинъ оставилъ университетъ вмѣстѣ съ Стасюлевичемъ, Пыпинымъ, Спасовичемъ и Утинымъ, признававшими распоряженія попечителя и министерства идущими прямо въ разрѣзъ съ интересами студентовъ и университета.

Когда лица, недовольныя высказанными Кавелинымъ въ его запискѣ объ освобожденіи крестьянъ соображеніями о необходимости надѣлать освобождаемыхъ землю, оклеветали его передъ Императоромъ Александромъ II, и ему пришлось покинуть постъ преподавателя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, то, несмотря на стѣсненное матеріальное положеніе, онъ, считая себя обиженнымъ, отказался отъ какихъ бы то ни было наградъ и пенсіи.

Кавелинъ нѣкоторое время состоялъ на службѣ (въ промежуткѣ между занятіемъ кафедръ въ Московскомъ и Петербургскомъ университетахъ), но служба со всѣми отличительными особенностями бюрократическихъ отношеній настолько не согласовалась со взглядами Кавелина на необходимую независимость личности, что въ остальное время своей жизни (съ 1878—1885 г.г.), нуждаясь въ средствахъ, онъ работалъ по вольному найму въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ Министерства Финансовъ, рѣшительно отказавшись отъ занятія штатной должности.

Обойдясь безъ отличій и безъ того положенія, которое даетъ служба въ жизни, находя, что достоинство личности отъ этого не страдаетъ, что надо прежде всего и главнымъ образомъ быть личностью въ высшемъ смыслѣ этого слова, Кавелинъ и въ наукѣ остался прежде всего мыслителемъ, философомъ, объединяющимъ въ одномъ общемъ ученіи о личности разнообразныя познанія, не сдѣлавшись въ сущности специалистомъ ни въ одной отрасли наукъ.

Онъ работалъ и писалъ въ области русской исторіи вообще и исторіи русскаго законодательства, государствовѣдѣнія, философіи, психологіи, этики, гражданскаго права и этнографіи, проявляя при этомъ громадныя познанія, широкое пониманіе основаній каждой изъ этихъ наукъ. Но взгляды его всегда были настолько оригинальны,

настолько часто расходились съ общимъ направленіемъ, въ которомъ данная наука разрабатывалась, что значеніе его работъ собственно для спеціальныхъ наукъ трудно опредѣлить. Такое отношеніе Кавелина къ спеціальнымъ наукамъ понятно; высокое понятіе о личности, которое онъ себѣ составилъ, не удовлетворялось сосредоточеніемъ на одной, хотя-бы и сравнительно широкой, спеціальности: всякая новая отрасль науки являлась для Кавелина лишь новымъ полемъ для разработки и испытанія вѣрности той общей идеи о личности и ея значеніи въ міровой экономіи, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, всю свою дѣятельность.

Типъ личности Кавелина въ значительной степени и въ общихъ, разумѣется, чертахъ напоминаетъ знаменитаго англійскаго индивидуалиста мыслителя Дж. Ст. Милля. Я не берусь сравнивать силу талантовъ обоихъ мыслителей, условія для работы были въ слишкомъ большой степени неравномѣрны: благопріятнѣе для Милля—неблагопріятнѣе для Кавелина. Первый имѣлъ передъ собою высокую степень разработки англійской науки и полную свободу выбирать темы по душѣ, второй работалъ въ областяхъ науки, которыя только-что начинали разрабатывать русскіе ученые, а въ смыслѣ темъ въ силу своей горячей любви къ родинѣ долженъ былъ останавливаться на такихъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ было настоятельно необходимо для русскаго общества.

За этимъ исключеніемъ однако, и тотъ, и другой представляютъ собою мыслителей-философовъ, выше и прежде всего ставившихъ идею личности, ея развитіе и усовершенствованіе. Милль въ своемъ трудѣ о свободѣ (по русски: Утилитаріанизмъ. О свободѣ, стр. 260) восхищается словами Гумбольдта, сказавшаго, что „конечная цѣль человѣка состоитъ въ наивозможно гармоничномъ развитіи всѣхъ его способностей въ одно полное и самостоятельное цѣлое, и слѣдовательно предметъ, который люди постоянно должны имѣть въ виду,—есть могущественное развитіе индивидуальности“. И Милль, подобно Кавелину, занимался и логикой, и этикой (утилитаріанизмъ, о свободѣ и др.), и государственнымъ правомъ (о представительномъ правленіи), и политической экономіей, и наконецъ исторіей (статьи въ его „Разсужденіяхъ“, напр., о Гротовской исторіи Греціи и др.). Каждое изъ его произведеній несомнѣнно высокоталантливое выдающееся произведеніе, содержащее въ себѣ глубокія и вѣрныя мысли, но въ то же время каждое изъ этихъ сочиненій слишкомъ оригинально, слишкомъ проникнуто общимъ міровоззрѣніемъ автора, для того чтобы быть признано сочиненіемъ спеціальнымъ. Въ

каждой почти отрасли наука пошла не тѣми путями, которые избраны были авторомъ, и въ то же время отъ этого ничуть не умалилось общее значеніе произведеній Милля. Значеніе ихъ въ исторіи развитія европейской мысли громадное, и личность Милля принадлежитъ къ наиболѣе крупнымъ. И Милль выше всего цѣнилъ достоинство человѣческой личности, оригинальность ея взглядовъ и не считалъ возможнымъ и полезнымъ ни для себя, ни для общества поступаться этими взглядами и входить въ тѣ соглашенія, основанныя на взаимныхъ уступкахъ, которыя иногда практикуются и въ Англіи. Даже въ парламентской дѣятельности, основанной на борьбѣ строго дисциплинированныхъ партій, въ которыхъ отдѣльныя личности совершенно исчезаютъ, подчиняясь общему лозунгу, Милль шелъ совершенно самостоятельно, дѣлалъ предложенія, зная заранѣе, что ихъ поддержать три, четыре человѣка, и высказывалъ прямо, „что онъ не собирается быть орудіемъ какой-либо партіи“¹⁾.

Проводя въ своихъ разсужденіяхъ идею личности и ея совершенства прежде всего и главнымъ образомъ не только умственного, но и нравственного, Кавелинъ и самъ являлся типомъ такой высоконравственной и благородной личности, у которой и въ дѣйствительности слово, проповѣдуемое для другихъ, не расходилось съ дѣломъ, касавшимся личныхъ, его собственныхъ интересовъ. Для того чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно остановиться на трогательной исторіи соглашенія Кавелина съ его собственными крестьянами о надѣлѣ при освобожденіи, разсказанной имъ самимъ во всѣхъ подробностяхъ безъ всякихъ прикрасъ²⁾.

Наконецъ для характеристики Кавелина необходимо указать, что при всемъ громадномъ уваженіи, которое онъ питалъ къ европейской культурѣ, онъ никогда ни въ чемъ не проявлялъ стремленія отречься отъ своей національности; наоборотъ онъ не только былъ, но и желалъ быть не только личностью, но именно *русскою личностью*. „Русскій человѣкъ до мозга костей“—говоритъ о Кавелинѣ Кони—„знатокъ быта и глубокій изслѣдователь явленій исторіи своего народа, Кавелинъ нѣжно и беззавѣтно любилъ этотъ народъ“³⁾.

¹⁾ Подъ руками у меня въ настоящую минуту только французскій переводъ 1875 г. мемуаровъ Милля: „Mes mémoires“ par John Stuart Mill, p. 267 et suiv.

²⁾ Собр. соч. Кавелина, т. II, стр. 689—718 „Уставная грамота“ (1861).

³⁾ Т. III, стр. XIII.

Этою горячею любовью къ родинѣ объясняется и выборъ Кавелинымъ темъ для разработки; онъ выбиралъ ихъ всегда среди наболѣвшихъ вопросовъ родины и, проводя свою идею личности, въ то же время любовно, широко и основательно заботился о русскихъ интересахъ и дѣлалъ предположенія именно въ видахъ исключительно интересовъ и заботъ русскаго народа и русскаго общества.

Одною изъ первыхъ работъ Кавелина была написанная въ 1846 году и появившаяся въ 1847 г. въ „Современникѣ“ вполне оригинальная по замыслу и темѣ статья „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“. Здѣсь уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности Кавелинъ останавливается на идеѣ личности и замѣчаетъ слѣдующее ¹⁾. „Когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслить, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣйствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая сама по себѣ свое безконечное безусловное достоинство,—есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа“. Идея личности положена Кавелинымъ и въ основу всей разбираемой работы. Развитіе нашего внутренняго быта состояло въ постепенномъ образованіи и появленіи начала личности. Въ началѣ русской исторіи личность была подавлена кровными, родовыми и семейными узами. Съ образованіемъ и развитіемъ Московскаго княжества изъ прежней вотчинной системы зарождается государство, а на ряду съ государствомъ возникаетъ и идея личности; государство во имя своихъ общихъ цѣлей освобождаетъ личность отъ связывающихъ её узъ и призываетъ на служеніе себѣ; изъ Московскихъ государей особенно много въ этомъ направленіи сдѣлалъ Иоаннъ Грозный. Московское государство только освободило личность отъ узъ, призвало её на служеніе; но личность въ Московскій періодъ не начала еще дѣйствовать, она еще не сложилась, у нея не было еще содержанія, это содержаніе она получила уже извнѣ, при Петрѣ Великомъ, который считалъ себя вовсе не заимствователемъ иностраннаго, а продолжателемъ Иоанна IV, и взглядъ Петра былъ правиленъ: мы не заимствовали идеи личности изъ за-границы, нѣтъ; оттого мы и сблизились съ Европой въ XVIII вѣкѣ, что и въ Россіи, и въ Европѣ къ тому времени дошли до пониманія значенія человѣческой личности.

¹⁾ Т. I, стр. 18.

Та же мысль положена Кавелинымъ въ основу и позднѣйшаго его труда, вышедшаго 20 лѣтъ спустя,—„Мысли и замѣтки о русской исторіи“ (1866 г.), написаннаго по поводу трудовъ Соловьева (13, 14 и 15 томовъ его Исторіи) и Устрялова (Исторія Петра Великаго); и здѣсь авторъ говоритъ о постепенномъ разложеніи родоваго начала, о постепенномъ освобожденіи личности отъ закрѣпощенія.

Вполнѣ самостоятельной исторической работой Кавелина является чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ (1864), въ которомъ авторъ старался дать иностраннымъ слушателямъ краткій взглядъ на русскую исторію въ такомъ притомъ объемѣ, чтобы они могли уразумѣть смыслъ и условія совершившагося у насъ незадолго до того освобожденія крестьянъ.

Кромѣ того Кавелинъ далъ цѣлый рядъ талантливыхъ работъ по русской исторіи, написанныхъ по поводу выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ сочиненій или томовъ сочиненій Соловьева, Погодина, Чичерина и другихъ, и наконецъ рядъ рецензій на сочиненія по исторіи. Изъ выше перечисленныхъ историковъ Кавелинъ отдавалъ должное Погодину—въ особенности за цѣльность и послѣдовательность его ученія о норманно-германскомъ происхожденіи варяговъ. Въ Соловьевѣ онъ видѣлъ остроумнаго писателя и настоящаго историка, основывающаго свои выводы на точномъ сопоставленіи лѣтописныхъ и другихъ историческихъ данныхъ и не допускающаго при этомъ прикрасъ какъ Карамзинъ.

Второй томъ собранія сочиненій заключаетъ въ себѣ сочиненія публицистическаго характера; въ нихъ Кавелинъ не только проводилъ свою основную идею о значеніи личности и о необходимости освободить её отъ всякихъ излишнихъ стѣсненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не участвуя въ дѣйствительной политической и государственной жизни, высказывалъ ясно, категорично и талантливо свои взгляды на всѣ вопросы внутренняго управленія Россіи, проявляя при этомъ горячую любовь къ родинѣ и всестороннее и глубокое пониманіе истинныхъ нуждъ современной ему Россіи.

Общая тема этихъ разсужденій сводилась къ доводамъ въ пользу совершенной необходимости освобожденія личности отъ разныхъ стѣсненій, оставшихся въ наслѣдство отъ дореформенныхъ порядковъ, и сохраненія того, что создалось самою жизнью, что отвѣчаетъ ея потребностямъ, къ доводамъ въ пользу необходимости всѣ мѣры согласовать и принаравливать къ настоящей жизни съ ея живыми личностями, а не наоборотъ—ставить жизнь въ рамки

и условія, законность и правильность которыхъ оправдывается соображеніями, не имѣющими никакого отношенія къ жизни.

Значительная доля работъ этого отдѣла вполне естественно посвящена тому крестьянскому вопросу, широкое и правильное разрѣшеніе котораго опредѣлило направление всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ Императора Александра II, придавъ имъ одинъ общій типъ *раскрыпощенія* различныхъ отраслей общественной и народной жизни.

Въ крестьянскомъ вопросѣ Кавелинъ сразу, первой же своей работой—„Запиской объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи“, написанной въ 1855 г., доказалъ глубокое пониманіе и общихъ идей, и русской дѣйствительности, и ея особенностей, показалъ, что онъ не подражатель и слѣпой поклонникъ иноземныхъ образцовъ, а горячо любящій родину русскій человѣкъ съ государственнымъ умомъ, ясно и широко смотрящимъ на зло во всемъ его объемѣ и на тѣ реальныя средства, которыми оно дѣйствительно можетъ быть устранено.

„Крѣпостное право“—говорить въ этой статьѣ Кавелинъ¹⁾—„естъ неизсякаемый источникъ насилій, безнравственности, нечестивости, праздности, тунеядства и всѣхъ проистекающихъ отсюда пороковъ и даже преступленій. Всѣ общественныя и частныя отношенія заражены у насъ вліяніемъ крѣпостнаго права. . . . Всѣ сколько-нибудь значительныя внутреннія преобразованія въ Россіи, безъ изыятія, такъ неразрывно связаны съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, что одно невозможно безъ другаго; такъ, напр., преобразование рекрутскаго устава невозможно, потому что оно повело бы къ уничтоженію крѣпостнаго права; невозможно измѣнить теперешнюю податную систему, потому что корень ея въ томъ же правѣ; нельзя по той же самой причинѣ ввести другую, болѣе разумную, паспортную систему; невозможно распространеніе просвѣщенія на низшіе классы народа, преобразование судостроительства и судопроизводства, уголовного и гражданскаго, полиціи и вообще администраціи и теперешней цензуры, убійственной для науки и изящной литературы,—потому что всѣ эти преобразованія прямо или косвенно повели бы къ ослабленію крѣпостнаго права, а этого-то ни подъ какимъ видомъ и не хотятъ владѣльцы“.

Такъ широко и глубоко понималъ Кавелинъ значеніе крѣпостнаго права для русской жизни; въ приведенныхъ словахъ его,

¹⁾ Т. II, стр. 31, 34.

сказанныхъ въ 1855 году, заключается программа всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ черезъ большіе промежутки времени реформъ, и несомнѣнно, что большая, глубоко продуманная и обоснованная работа Кавелина не осталась безъ вліянія на осуществленіе этихъ реформъ.

Но Кавелинъ понималъ вѣрно не только, каковъ размѣръ зла, которое подъ именемъ крѣпостнаго права тяготѣло надъ Россією, но и каковы должны быть средства для дѣйствительнаго искорененія зла.

„Многіе думаютъ“ — говоритъ онъ ¹⁾ — „что должно освободить крѣпостныхъ вовсе безъ земли, или съ одною усадьбою, или съ одною десятиною пахатной земли.... Думаютъ, что если такъ было и есть въ большей части Европы, то почему же не быть тому точно такъ же и у насъ? Мы, съ своей стороны, совершенно не раздѣляемъ этого мнѣнія.... Теперешнее неудовольствіе между дворянствомъ и крѣпостными обратится въ явную и открытую вражду, которой, конечно, никто не пожелаетъ ни для Россіи, ни, въ особенности, для дворянства. Нашъ крестьянинъ — не латышь и не эстонецъ, не покоренное племя, а подданный великой державы, которую самъ создалъ и поддерживаетъ. И онъ это хорошо понимаетъ! Нѣтъ, для счастья Россіи во сто кратъ лучше предоставить вопросъ о крѣпостномъ правѣ судьбѣ, даже рѣшенію слѣднаго случая, чѣмъ рѣшить его такъ неосновательно, близоруко, неестественно, противно русской исторіи, русскому духу, будущности Россіи! Для нашего крестьянина прикрѣпленіе къ землѣ началось въ то самое время, когда Европа уже стояла на пути къ упраздненію крѣпостнаго права; мы знаемъ по примѣру Европы ближайшія и отдаленныя горестныя послѣдствія освобожденія крестьянъ безъ земли. Воспользуемся же этимъ опытомъ, чтобы рѣшить вопросъ объ аристократіи и демократіи иначе, правильнѣе, чѣмъ онъ рѣшенъ въ большей части европейскихъ государствъ. Горе намъ, если мы не воспользуемся ихъ уроками! Пусть высочайшая справедливость, безпристрастіе, общая государственная и народная польза руководятъ насъ при упраздненіи крѣпостныхъ отношеній; ибо только подъ однимъ этимъ условіемъ Россія получить несокрушимую прочность и то внутреннее единство, при которомъ невозможны будутъ междоусобія, терзающія Европу. Въмѣсто того, чтобъ исправлять старую ошибку, какъ она теперь дѣлаетъ, постараемся ее совсѣмъ не

¹⁾ Тамъ же, стр. 72 и 73.

дѣлать. *А коренная ошибка—есть освобожденіе крестьянъ безъ земли или не со всюю землею, ими владѣемою, какъ требуетъ справедливость (курсивъ подлинника)*“.

Взгляды Кавелина относительно необходимости надѣлить крестьянъ землею показываютъ, что онъ былъ не просто замѣчательною личностью, а русскою замѣчательною личностью, которая при всемъ искреннемъ и неподдѣльномъ уваженіи къ европейской культурѣ умѣла цѣнить свое, то, чѣмъ выгодно отличается русскій строй. Значеніе и вліяніе этихъ взглядовъ на современниковъ было вѣроятно очень велико, если враги Кавелина прибѣгли къ клеветѣ, чтобы устранить его изъ числа приближенныхъ къ Императору Александру II. Представляется несомнѣннымъ, что Россія между прочимъ въ значительной степени обязана и Кавелину за правильное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Но вопросъ этотъ великъ, а крестьяне—сословіе наиболѣе обездоленное, а потому и наиболѣе нуждающееся въ заботахъ, поэтому понятно, что Кавелинъ кромѣ этой первой работы посвятилъ еще много работъ крестьянскому вопросу и до освобожденія, и послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

До освобожденія работы Кавелина главнымъ образомъ были направлены на выясненіе вопроса о надѣленіи крестьянъ землею и возможной постановкѣ выеупа надѣловъ. Но и съ освобожденіемъ нельзя было считать устройство крестьянскаго сословія законченнымъ и упроченнымъ; наоборотъ, реформа не осуществила всѣхъ надеждъ, въ особенности благодаря нѣкоторымъ неблагоприятнымъ условіямъ, при которыхъ вслѣдъ за освобожденіемъ приходилось крестьянству начинать опытъ самостоятельной жизни. Реформа, далѣе, не могла предрѣшить всѣхъ вопросовъ и подробно установить весь бытъ крестьянъ, она только ввела крестьянъ въ новую жизнь, и теперь предстояло послѣднюю устроить во всѣхъ отношеніяхъ: матеріальномъ, образовательномъ и административномъ. Этимъ задачамъ Кавелинъ посвятилъ большой трудъ, вышедшій въ 1881 г., „Крестьянскій вопросъ“. При установленіи этого новаго устройства необходимо было также разрѣшить вопросъ о томъ, что слѣдуетъ сохранить въ крестьянскомъ быту изъ прошлаго, унаслѣдованнаго отъ времени до реформы, и что слѣдовало замѣнить новымъ. Въ этомъ отношеніи Кавелинъ, какъ я уже сказалъ выше, бывшій чисто русскою выдающеюся личностью и вѣрно цѣнившій все дѣйствительно хорошее въ нашемъ строѣ, сталъ горячо на защиту общин-

наго владѣнія землею, являющагося необходимымъ дополненіемъ къ другой особенности быта нашихъ крестьянъ—надѣленію ихъ всѣхъ землею, при чемъ обѣ особенности являются вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ развитія у насъ земельного пролетариата.

Вопросу объ общинѣ Кавелинъ посвятилъ нѣсколько работъ, вышедшихъ въ 1859, 1876, 1877 годахъ. Горячо защищая общину, съ одной стороны, отъ нападенія лицъ, видящихъ въ ней тормазъ для всякихъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, а съ другой—отъ увлеченій тѣхъ, которые думаютъ, что община можетъ разрѣшить социальный вопросъ, Кавелинъ находилъ, что общинное землевладѣніе ¹⁾, въ этомъ смыслѣ, есть, для массы сельскаго населенія, страховое учрежденіе отъ безземелья и бездомности, особенный видъ примѣненія въ ней законовъ противъ мотовства, безпутства и расточительности, приспособленный къ условіямъ быта низшаго сельскаго населенія... Безъ ограниченія, какое представляетъ въ этомъ отношеніи общинное владѣніе, экономическая борьба, въ силу своей природы, своихъ основныхъ свойствъ, своего разбѣдающаго и завоевательнаго характера, сломала бы мелкую поземельную собственность, обезземелила бы ея владѣльцевъ и сосредоточила бы её въ рукахъ болѣе крупныхъ капиталистовъ и собственниковъ въ ущербъ интересамъ низшаго сельскаго населенія. Общинное владѣніе обезпечиваетъ за низшимъ сельскимъ населеніемъ прочную осѣдность, даетъ возможность вырасти и окрѣпнуть сельскимъ подростяющимъ поколѣніямъ, не подвергаясь всѣмъ невыгодамъ, случайностямъ и опасностямъ бродячей жизни... Общинное владѣніе создаетъ для промышленной и предприимчивой части низшаго сельскаго населенія твердую точку опоры, возможность выступить на промышленное поприще, а вмѣстѣ представляетъ и центръ тяжести, къ которому огромное большинство безпрестанно тяготѣетъ и возвращается... Теперь мы видимъ у насъ разложеніе непосредственной крестьянской семьи на ея составныя единицы. Начало индивидуальности предъявляетъ свои права весьма замѣтно. Въ такую минуту особенно важно, чтобы это начало не разнесло и не разрушило того, что составляетъ прочное основаніе благосостоянія, осѣдности, обезпеченности и спокойствія многочисленнаго сельскаго населенія. Для сильныхъ, предприимчивыхъ, способныхъ, даровитыхъ людей общинное владѣніе слишкомъ тѣсно и узко, и они будутъ изъ него выходить; но для

¹⁾ Общинное владѣніе, т. II, стр. 278 и сл.

слабыхъ, посредственныхъ, непредпріимчивыхъ, довольствующихся немногимъ, и для неудачниковъ—а такихъ огромное большинство—общинное владѣніе есть якорь спасенія.

Останавливаясь въ трудѣ „Крестьянскій воцросъ“ на способахъ и ближайшихъ задачахъ устройства крестьянскаго быта послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, Кавелинъ находилъ, что освобожденіе еще не устроило этого быта, что нужно улучшить этотъ бытъ въ матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Нужно устранить обнаружившееся послѣ освобожденія мало-земелье тѣмъ же путемъ выкупа, какъ совершенно и первоначальное надѣленіе, оставляя при этомъ и вновь надѣляемыя земли въ общинномъ пользованіи. Далѣе нужно устранить и другую дѣйствительную причину обѣдненія крестьянъ и паденія сельскаго хозяйства, которую неправильно видѣли въ общинномъ владѣніи—чрезвычайное усиленіе, почти утроеніе налоговъ.

Въ административномъ отношеніи надо мечтать не о все-сословной волости, ибо желаніе учредить такую волость является плодомъ смѣшенія задачъ мѣстнаго управления и крестьянскаго самоуправленія; надо просто привлечь лицъ интеллигентныхъ на тѣ должности исправниковъ, становыхъ приставовъ, учителей и т. д., съ которыми крестьянству приходится входить въ непосредственное соприкосновеніе.

Надо, далѣе, поднять народное образованіе, улучшить персоналъ учителей и т. д. Съ любовью всесторонне изслѣдуетъ Кавелинъ крестьянскій бытъ, и причина такого особаго вниманія съ его стороны—та же основная мысль, положенная имъ въ основу всей его дѣятельности—идея личности, но на этотъ разъ личности не отдѣльнаго человѣка, а цѣлаго народа, цѣлаго государства. Какъ и относительно единичной личности, Кавелинъ считаетъ необходимымъ устранить всѣ стѣсненія и создать всѣ благопріятныя условія для развитія личности народа и всѣхъ ея дарованій и способностей, всего, что въ ней есть хорошаго; онъ не считаетъ эту личность пустой клѣточкой, которую онъ желалъ бы заполнить содержаніемъ по своему произволу; содержаніе есть, надо только ему дать возможность свободно развиться и при томъ въ хорошемъ, здоровомъ направленіи. Особое положеніе русскаго крестьянства есть типическая особенность нашего народа и государства. Кавелинъ желаетъ устроить крестьянство потому ¹⁾, „что въ крестьянствѣ—ключъ

¹⁾ Т. II, стр. 577.

нашего національнаго существованія, что въ немъ разгадка всѣхъ особенностей нашего политическаго, гражданскаго и экономическаго быта, что отъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія нашего крестьянства зависѣли и будутъ зависѣть успѣхи и развитіе всѣхъ сторонъ русской жизни“.

Кавелинъ не отрицалъ и существованіе нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ въ нашемъ сельскомъ быту, но находилъ, что это недостатки молодости; „сердцевина здорова и ея живительные соки залечать больныя мѣста въ корѣ; пусть только дадутъ имъ выходъ, не мудрствуя лукаво, не навязывая народу чуждыхъ ему учреждений и не заключая его въ бюрократическіе тиски“¹⁾.

„Бюрократическіе тиски“ много разъ и подолгу привлекали вниманіе Кавелина, онъ къ нимъ возвращается въ рядѣ работъ: „Чѣмъ намъ быть?“ (1875), „Политическіе призраки“ (1877), „Бюрократія и общество“ (1880), „Замѣтки“ (1880—1881 г.) и т. д. Его политическая программа была вполне умѣренная, онъ мечталъ о возвращеніи Сенату его значенія при Петрѣ съ подчиненіемъ этому высшему учрежденію министровъ, о присоединеніи къ Сенату нѣ котораго выборнаго элемента, о преобразованіи главнымъ образомъ провинціального управленія; но противъ чего Кавелинъ горячо ополчался—это противъ того значенія, которое во внутреннемъ управленіи приобрѣла бюрократія, и противъ приемовъ дѣятельности послѣдней.

Въ письмѣ къ А. Ф. Кони отъ 14 февраля 1878 г. онъ говоритъ²⁾: „болѣзненно гнететь и давить всѣхъ думающихъ и порядочныхъ людей въ Россіи и ярмо какихъ-то бумажныхъ, никакого отношенія къ русской жизни не имѣющихъ, выдуманныхъ путь, которыя сбиваютъ съ толку русскій умъ, русскій здравый смыслъ, убивая вѣру въ справедливость и правду. Какія-то обстоятельства, до сихъ поръ не вполне выясненныя и сознанныя, создали у насъ своего рода логику безсмыслицы,—цѣлый міръ болѣзненныхъ построеній, имѣющихъ своего рода логику и послѣдовательность. Въ Россіи сложились два міра—живой, дѣйствительный, и выдуманный, бумажный, которые стараются друга друга понять... и никакъ не могутъ. Если эти фикціи будутъ всегда тяготѣть надъ живою дѣйствительностью, трудно себѣ вообразить, сколько изъ-за этого можетъ обрушиться на насъ зло!“

Съ этой именно точки зрѣнія, какъ на стѣсненіе пра-

¹⁾ Т. III, стр. XIII.

²⁾ Т. III, стр. X.

вильнаго и свободнаго развитія личности единичной и коллективной, Кавелинъ и смотрѣлъ на бюрократическіе порядки; онъ находилъ, что они прямо и рѣзко противоположны тому основному принципу, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, всю свою дѣятельность—принципу и идеѣ личности, что эти порядки губятъ и стираютъ всякую оригинальность, всякіе способности и таланты, направляя ихъ на служеніе не интересамъ жизни и народнымъ, а интересамъ вѣдомствъ. „Вѣдомства у насъ,“—говоритъ Кавелинъ ¹⁾—„это державы, состоящія между собою въ дипломатическихъ отношеніяхъ (и какихъ еще тонкихъ!), ведущія другъ съ другомъ переговоры и войны, заключающія оборонительные и наступательные союзы, мирные и иные договоры, при чемъ общая польза, нужды государства, естественно забываются и отходятъ на второй планъ. Государство, общіе интересы и потребности—это нѣчто далекое, отвлеченное и проблематическое: близкое, доступное, осязаемое и весьма реальное—это интересы вѣдомства“.

И вотъ противъ поглощенія и подавленія этой русской живой личности вѣдомствомъ, противъ превращенія ея въ „чиновника“ Кавелинъ и боролся, и протестовалъ; онъ считалъ умѣреніе и возможное устраненіе бюрократическихъ путей дальнѣйшимъ и необходимымъ дополненіемъ освобожденія русской личности, начавшагося съ отмѣны крѣпостнаго права.

Горячо ратуя за освобожденіе русской личности отъ внѣшнихъ стѣсненій, мѣшавшихъ ея развитію, Кавелинъ, вполне послѣдовательно и горячо преданный основной своей идеѣ, посвятилъ много труда и вопросу о томъ „содержаніи“, которое слѣдуетъ дать этой освобожденной личности, и съ этою цѣлью часто и подолго подымался въ выси философіи, ища здѣсь необходимыхъ для этого указаній.

„Давно уже жалуются въ Европѣ“—говоритъ Кавелинъ ²⁾ въ статьѣ „Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ“—„что какая-то дряблость умовъ и сердець больше и больше вытѣсняетъ энергію стремленій, горячую вѣру хотя-бы въ софизмы, преслѣдованіе идеаловъ. Тускнѣютъ идеалы, меркнетъ вѣра, стремленіе и желаніе безраздѣльно обращены къ ближайшимъ, мелкимъ, житейскимъ, почти всегда матеріальнымъ, цѣлямъ.... Все сколько-нибудь похожее на идеализмъ традиціонный или философскій,

¹⁾ Т. II, стр. 1086.

²⁾ Т. III, стр. 240.

потрясено въ основаніи и не пользуется почти никакимъ довѣріемъ“. Сравнивая ¹⁾ далѣе въ трудѣ „Задачи психологіи“ богатство знаній и научныхъ средствъ нашего времени и предыдущаго, Кавелинъ находитъ, что тоскливое безплодное недовольство и упадокъ нравственности должны быть объяснены тѣмъ, что личная индивидуальная жизнь какъ-то поблекла, что лицо утратило свое нравственное достоинство и безотносительную цѣну, что оно стало безразличной единицей въ общемъ итогѣ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ, на которомъ теперь сосредоточено все вниманіе и весь интересъ.... Приниженіе, уменьшеніе нравственнаго характера лица, его возрастающее ничтожество идутъ рука объ руку съ современными воззрѣніями, и нѣтъ сомнѣнія, что между тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсная связь и взаимодѣйствіе—„нравственный характеръ и достоинство лица немислимы безъ твердыхъ непреложныхъ нравственныхъ правилъ и началъ, безъ нихъ человекъ дѣлается игрушкой обстоятельствъ и случайностей и перестаетъ что-нибудь значить въ смыслѣ нравственной личности. Но такія начала или правила даетъ, кромѣ религіи, только философія, каково бы ни было ея направленіе и ея выводы“.

И вотъ съ этой стороны Кавелинъ и подошелъ къ философіи; онъ занялся ею именно съ цѣлью добыть въ ней основаніе для этики, которой онъ и посвятилъ потомъ особое сочиненіе „Задачи этики“. Основаніе такое необходимо было найти, по мнѣнію Кавелина, въ виду упадка религіозныхъ вѣрованій и невозможности поэтому предъявлять требованія моральныя, основываясь на вѣрніяхъ религіи. Задача, поставленная себѣ Кавелинымъ при разработкѣ философіи, и объясняетъ характеръ трудовъ его въ этой области, они не представляютъ собою какого-либо полного трактата, цѣльной системы, въ родѣ системъ нѣмецкихъ философовъ, и два самыя крупныя сочиненія по этому предмету носятъ названіе „Задачи психологіи“, „Задачи этики“. Въ философіи Кавелинъ попытался установить или даже лучше сказать защитить то, что, по его мнѣнію, необходимо для возможности *установленія нравственнаго мнѣнія* и нравственной отвѣтственности человека—свободу его воли, существованіе, какъ онъ говоритъ, *привольныхъ психическихъ явленій*.

Въ виду успѣховъ позитивизма и естественныхъ наукъ, въ осо-

---

¹⁾ Т. III, стр. 379.

бенности физиологіи, Кавелинъ не призналъ возможнымъ стать на прежнюю метафизическую почву философскихъ теорій, но въ то же время онъ горячо протестовалъ противъ поглощенія психологіи физиологіей, противъ матеріализма, поэтому онъ попытался занять среднее положеніе между этими двумя направленіями.

„Невозможно“ — говоритъ Кавелинъ ¹⁾ — „остановиться на дуалистическихъ воззрѣніяхъ и признавать душу и тѣло за противоположности, исключаютія взаимно другъ друга. Невозможно также, вмѣстѣ съ идеалистами и реалистами, отрицать дѣйствительное существованіе матеріальнаго или психическаго міра, потому что оба оказываются источниками различныхъ явленій; итакъ необходимо предположить, что и тѣло, и душа представляютъ своего рода самостоятельные организмы, непосредственно соединенные между собою тѣснѣйшимъ образомъ и взаимно обуславливающіе другъ друга“.

Въ другомъ мѣстѣ Кавелинъ говоритъ, что человѣческая природа едина, но душа и психическія явленія не исчерпываются содержаніемъ, полученнымъ извнѣ, изъ впечатлѣній отъ внѣшняго міра, душа является источникомъ самопроизвольныхъ движеній; такихъ комбинацій, которыхъ во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ и которыя потомъ человѣческой геній проводитъ и осуществляетъ въ жизни. Душа, подобно другимъ организмамъ, развивается, мукаетъ и постепенно доходитъ до созданія, до творчества, поэтому психическое начало не требуетъ вовсе, для своей защиты, отрицанія фактовъ, доказанныхъ наукою, какъ это дѣлаютъ идеалисты; съ другой стороны, „реалисты“ ²⁾ теряютъ изъ виду, что психическая жизнь и дѣятельность не исчерпываются одними отношеніями души къ матеріальному міру. За тою ея стороною, которая обращена къ внѣшней природѣ, существуетъ другая, недоступная внѣшнимъ наблюденіямъ и опытамъ, не имѣющая прямого отношенія къ матеріальнымъ фактамъ. Эта сторона не можетъ быть предметомъ изслѣдованій по матеріальнымъ дѣламъ и открывается только *психическому зрѣнію*, котораго тоже нельзя объяснить никакими матеріальными фактами. Мало того: вся преобразовательная, творческая дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ представляется внѣшнимъ чувствамъ только въ своихъ результатахъ, психическіе процессы, подготавливающіе образцы новыхъ сочетаній условій и

¹⁾ Т. III, Задачи психологіи, стр. 475.

²⁾ Тамъ же, стр. 483.

фактовъ въ матеріальной средѣ, скрыты отъ внѣшнихъ чувствъ, источникъ и механизмъ самопроизвольныхъ движеній точно также недоступенъ внѣшнимъ наблюденіямъ... За предѣлами міра, подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ, психическому зрѣнію отрывается цѣлый міръ другого порядка. Здѣсь душа точно такъ же дѣйствуетъ на самое себя, какъ во внѣшнемъ мірѣ на матеріальную природу. Преобразуя внѣшнюю свою обстановку, человѣкъ передѣлываетъ и самого себя. *Такимъ образомъ въ душѣ заключаются источникъ ея самостоятельности и самодѣятельности, она даетъ человеку точку опоры, не только для борьбы съ окружающимъ, но и съ самимъ собой.* Надъ видимымъ матеріальнымъ міромъ, въ душѣ человѣка создается другой, невидимый, идеальный міръ—міръ представленій и мыслей, которому человѣкъ подчиняетъ свое личное, индивидуальное существованіе, по требованіямъ и законамъ котораго онъ воспитываетъ, перерабатываетъ, передѣлываетъ свою интимную, психическую жизнь. Въ взаимныхъ отношеніяхъ этого невидимаго міра и личныхъ, индивидуальныхъ наклонностей человѣка, въ ихъ столкновеніяхъ и борьбѣ, которая представляется намъ въ видѣ внутренней борьбы чувства съ разумомъ и его рѣшеніями, заключается весь смыслъ и высокій интересъ нравственной жизни человѣка¹⁾.

Такимъ образомъ вотъ для чего Кавелину нужно было такъ подробно останавливаться на соотношеніи души и тѣла и на защитѣ самостоятельнаго существованія души, какъ особаго самостоятельнаго организма:—это было необходимо, чтобы доказать, что человѣкъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ только импульсовъ, исходная точка которыхъ внѣшній міръ, что дѣйствія человѣка не подчиняются тому же роковому вліянію причинности, какъ явленія внѣшняго міра. Если бы это было такъ, то напрасно было бы взывать къ принципамъ, идеямъ и идеаламъ, человѣкъ дѣлалъ бы только то, что вызывалось бы побужденіями его матеріальной природы.

„Нравственный характеръ, нравственное развитіе лица невозможно, немислимы безъ свободы воли, т. е. безъ возможности, по усмотрѣнію и произволу, выбрать тотъ или другой путь, склониться на то или другое дѣйствіе, дать своей дѣятельности то или другое направленіе“¹⁾.

¹⁾ Т. III, стр. 383.

Къ свободѣ воли Кавелинъ возвращается неоднократно и въ мысляхъ о современныхъ научныхъ направленіяхъ, написанныхъ по поводу диссертациі Н. А. Неклюдова „Уголовно-статистическіе этюды“, при чемъ онъ хвалитъ Неклюдова за то, что тотъ не отрицаетъ свободы воли, и въ статьѣ „Апріорная философія или положительная наука“, и въ „Задачахъ психологіи“, и въ другихъ мѣстахъ.

Произвольными или свободными дѣйствіями Кавелинъ считаетъ такія ¹⁾, которыя совершаются не подъ вліяніемъ побужденія. „Произвольной дѣятельности приписываются лишь поступки, строго отличенные отъ побужденія, выполненные послѣ предварительнаго свободнаго контроля, разсмотрѣнія, критики, мотива“. Такая свобода выбора контроля и критики вырабатывается въ человѣкѣ постепенно въ силу необходимости выбирать между различными побужденіями. „Въ произвольныхъ поступкахъ побужденіе къ дѣйствію вызывается самимъ дѣйствующимъ лицомъ произвольно, тогда какъ въ непроизвольныхъ дѣйствіяхъ побужденіе является само собою, есть данное, независящее отъ дѣйствующаго лица“ ²⁾. „Вглядываясь глубже въ характеръ и свойство побужденій, произвольно вызываемыхъ свободнымъ починомъ души, мы найдемъ, что они непременно заключаются въ общихъ или отвлеченныхъ мысляхъ . . . ., мотивъ, нами самими произвольно вызванный изъ глубины души, уже поэтому не можетъ быть ни желаніемъ, ни стремленіемъ, ни страстью, такъ какъ онъ не имѣетъ принудительнаго характера. Но такимъ безстрастнымъ, холоднымъ, вполне намъ подвластнымъ мотивомъ можетъ быть только общая или отвлеченная мысль, не согрѣтая чувствомъ, не перешедшая въ желаніе,—иначе она выходила бы изъ нашей власти и вызывала бы или рефлексивное движеніе, или борьбу мотивовъ“.

Дойдя до этого момента разсужденій, мы легко уже понимаемъ все остальное въ ученіи Кавелина. Эти разсужденія даютъ возможность въ глазахъ Кавелина признать, что человѣкъ дѣйствуетъ не только въ силу роковой необходимости, а подъ вліяніемъ общихъ идей, идеаловъ, заложенныхъ въ его душѣ. Такимъ образомъ психологія даетъ возможность поднять нравственное значеніе личности, которая, дѣйствуя подъ вліяніемъ идеаловъ, можетъ стать исторической, влія на судьбу народа и всего міра. Выѣстѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 579 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 597.

съ тѣмъ психологія даетъ возможность построить и этическое ученіе, которому Кавелинъ посвятилъ особое сочиненіе „Задачи этики“.

Представленія о фактахъ подвергаются, по мнѣнію Кавелина, переработкѣ по законамъ мышленія, обобщаются, группируются, сравниваются и, какъ болѣе отвлеченныя, становятся идеалами. Идеаль есть то представленіе или понятіе, которое связываетъ разрозненные мотивы въ одно цѣлое и даетъ имъ одно общее направленіе.

Идеаль, какъ предметъ созерцанія ¹⁾, становится образцомъ, по которому данныя сочетанія явленій и фактовъ, психическихъ или матеріальныхъ, измѣняются въ другія; идеалы должно раздѣлять на объективные и субъективные, первые имѣютъ въ виду устройство внѣшняго быта, вторые мотивы личной дѣятельности человѣка.

„Человѣкъ“—говоритъ Кавелинъ ²⁾—„долженъ поддерживать и оберегать свою матеріальную и психическую способность къ сознательной психической дѣятельности; сама эта дѣятельность должна быть согласована съ условіями правильного сожителства не въ однихъ внѣшнихъ поступкахъ, но и въ мотивахъ дѣятельности. Вотъ немногія основныя начала, къ которымъ сводится этика“.

„Настоящая суть этики ³⁾—это субъективные идеалы, которые она ставитъ сознательной жизни и дѣятельности человѣка. Характеристическая особенность всѣхъ этихъ идеаловъ та, что они имѣютъ задачею и цѣлью вывести человѣка изъ узкаго тѣснаго круга обособленной индивидуальности и поднять его до идеальнаго типа человѣка—типа, сложившагося чрезъ отвлеченіе и обобщеніе качествъ и свойствъ человѣческой природы, признаваемыхъ въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, согласно съ господствующими понятіями и взглядами, за самыя совершенныя“....

„Этические ученія весьма подробно опредѣляютъ отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою и выясняютъ идеаль этихъ отношеній“ ⁴⁾.

Стремясь обосновать этику не на религіи, а на научныхъ основаніяхъ, Кавелинъ говоритъ ⁵⁾: „Если, какъ мы старались показать, внутренняя, психическая жизнь составляетъ такой же

1) Т. III стр. 954.

2) Тамъ же, стр. 959.

3) Тамъ же, стр. 961.

4) Тамъ же, стр. 972.

5) Тамъ же, стр. 973.

постоянный живой интересъ человѣческаго существованія, какъ и умѣнье и искусство найтись и устроиться въ данной вѣднней обстановкѣ и условіяхъ, то отсюда слѣдуетъ, что ни то, ни другое, отдѣльно взята, не могутъ дать человѣку полнаго удовлетворенія, оно достижимо только при ихъ соглашеніи“.

Вотъ въ общихъ чертахъ взгляды Кавелина на психологію и этику, изложенные собственными его выраженіями. Ученіе это встрѣтило въ свое время серьезныя возраженія со стороны такого компетентнаго критика, какъ И. М. Сѣченовъ; послѣдній находилъ, что психологія можетъ быть обоснована только на физиологическихъ изслѣдованіяхъ, что никакой произвольности нѣтъ, что движенія мозговья имѣютъ столько сходства съ рефлекторными, что искать этимъ движеніямъ кабія-либо другія основанія нѣтъ надобности. Далѣе проф. Сѣченовъ указывалъ, что относительная произвольность дѣйствія обуславливается и вызывается не какими-либо внутренними неуловимыми импульсами, а именно степенью *заученности* извѣстнаго первоначально произвольнаго, рефлекторнаго, движенія. Споръ былъ очень горячъ, и стороны обмѣнялись нѣсколькими возраженіями.

Кромѣ проф. Сѣченова Кавелину предъявилъ возраженія, но только съ совершенно противоположной точки зрѣнія, Ю. О. Самаринъ; онъ находилъ, что Кавелинъ пошелъ слишкомъ перѣшительно по пути самостоятельности психическаго міра, что онъ, такъ сказать, ограничилъ предѣлы его только душою человѣка, между тѣмъ, если признавать, какъ дѣлаетъ Кавелинъ, что мы реальнаго вѣдннаго міра не знаемъ и знаемъ лишь наше впечатлѣніе отъ этого міра, и тѣмъ не менѣе допускать дѣйствительное существованіе этого міра вѣ насъ, то почему не допускать и существованія вѣ насъ того психическаго міра и божества, которые мы однако „психическимъ зрѣніемъ“, по словамъ Кавелина, созерцаемъ.

Такимъ образомъ ученіе Кавелина, какъ всякое среднее ученіе, пытающееся идти между двумя главными общепринятыми направленіями и заимствующее нѣкоторыя положенія изъ обоихъ теченій, не удовлетворило представителей ни того, ни другаго направленія. Несомнѣнно, что вопросы, затронутые Кавелинымъ, очень спорные, и труды Кавелина не разрѣшили ихъ окончательно, какъ не разрѣшили ихъ и послѣдующіе труды другихъ ученыхъ до нашихъ дней. Но громадное значеніе этихъ трудовъ—въ дѣйствительномъ, моральномъ, культурномъ воздѣйствіи на русское общество; эти труды, являясь только звеномъ въ общей системѣ уче-

нія или „поученія“ Кавелина о значеніи личности, составляли логическое и необходимое дополненіе предыдущихъ трудовъ Кавелина; посвятивъ столько труда на то, чтобы доказать необходимость освобожденія русской личности отъ всякихъ стѣсненій, мѣшавшихъ свободному ея развитію, Кавелинъ постарался въ своихъ философскихъ трудахъ показать, чѣмъ эта освобожденная личность должна быть, откуда ей взять духовное содержаніе.

Если остановиться на всей совокупности дѣятельности и трудовъ Кавелина, не отвлекаясь разномысліемъ по отдѣльнымъ пунктамъ этого ученія, или лучше сказать по отдѣльнымъ предметамъ и примѣрамъ, на которыхъ Кавелинъ испытывалъ и доказывалъ правильность главныхъ основъ своего ученія, то нельзя не признать, что значеніе Кавелина для Россіи громадно. Ей, этой дорогой для него родиной, онъ посвятилъ всю свою дѣятельность, ее онъ имѣлъ въ виду даже и въ отвлеченныхъ абстрактныхъ философскихъ трудахъ. И дѣятельность его не прошла и не могла пройти для Россіи безслѣдно, и прежде всего потому, что онъ глубоко вѣрно, правильно понялъ дѣйствительныя нужды родины: въ возрожденіи или даже созданіи личности онъ правильно, на основаніи глубокаго знакомства со строемъ и исторіей западной Европы и Россіи, понялъ коренное различіе этихъ двухъ строевъ между собою. Вся европейская культура создана личностью, весь строй покоится на воспитаніи изъ дѣтей и юношей „личности“ съ выдержкой и характеромъ, въ основу широко распространеннаго образованія положена идея развитія индивидуальныхъ способностей, идея очень глубокая; въ основѣ ея лежитъ убѣжденіе, что каждая личность, если въ ней развить именно тѣ способности, какъ бы онѣ малы ни были, которыя ей дала природа, представляетъ большую цѣнность для общества, народа и государства. Общественный строй покоится на томъ же принципѣ свободнаго проявленія сложившихся личностей, изъ взаимодействія и даже столкновенія которыхъ слагается богатая силами экономическая, умственная и общественная жизнь.

Нашъ строй въ особенности въ то время, когда пришлось дѣйствовать Кавелину, еще слишкомъ мало цѣнилъ „личность“ и потому былъ крайне бѣденъ силами, мы больше склонялись къ нивелированію, къ подогнанію подъ общій шаблонъ, а между тѣмъ реформы слѣдовали одна за другой и въ „личности“ все больше и больше ощущалась необходимость.

Если въ настоящее время мы значительно ушли впередъ въ
Жур. Мин. Юст. Май 1899.

этомъ отношеніи противъ того времени, когда выступилъ на общественное поприще Кавелинъ, то этимъ мы въ значительной степени обязаны ему; вѣрно понявъ дѣйствительную нужду дорогаго ему народа, онъ беззавѣтно и въ то же время рѣдкою систематически, послѣдовательно, посвятилъ всѣ свои богатыя силы на служеніе этой нуждѣ, этой одной идеѣ, являясь и самъ въ своей личной жизни благороднѣйшимъ и глубоко искреннимъ представителемъ проповѣдуемой имъ идеи.

Онъ несомнѣнно много сдѣлалъ для русской культуры, и будущей историкъ этой культуры отведетъ ему особо почетное мѣсто. Прекрасное и полное изданіе сочиненій Кавелина представляетъ для нашего времени, не блещущаго талантами, далеко не историческій только интересъ; воскрешая въ памяти мощную, крупную фигуру человѣка идеи, принципа, благороднѣйшую русскую личность, оно освѣжаетъ и пробуждаетъ въ насъ благороднѣйшіе инстинкты, возстановляетъ во всей силѣ громадное духовное наследство Кавелина.

С. Гоголь.

Д. Дриля.—Ссылка во Франціи и Россіи. Спб. 1899.

Настоящая книга представляетъ собою соединеніе въ одно цѣлое отдѣльныхъ статей, напечатанныхъ ранѣе авторомъ въ 1896, 1897 и 1898 гг. преимущественно въ Журналѣ Министерства Юстиціи. Авторъ описываетъ, главнымъ образомъ, свои личныя наблюденія во время поѣздки въ Новую Каледонію, на Сахалинъ, въ Приамурскій край и Сибирь. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, по словамъ Д. А. Дриля, ссылка и поселеніе организованы неудовлетворительно и не приводятъ къ ожидаемымъ результатамъ — исправленію и нравственному возрожденію ссылныхъ въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ трудовой жизни. Въ большинствѣ случаевъ ссылные оказываются непригодными къ систематическому постоянному труду, а условія жизни въ новой и непривычной для нихъ странѣ оказываются обыкновенно тягостными и трудно выносимыми. Нельзя считать удавшейся ссылку даже въ Новую Каледонію, несмотря на весьма благопріятныя климатическія условія, роскошную растительность и проч. Правда, что, съ вѣншей стороны, какъ признаетъ самъ авторъ (стр. 59), ссылка въ Новую Каледонію представляется сравнительно упорядоченной. „Но дости-

гается это упорядоченіе почти исключительно путемъ примѣненія крайне суровыхъ мѣръ укрощенія и стѣсненія, а не тѣмъ исправленіемъ ссыльныхъ, на которое рассчитывали при введеніи ссылки и которое необходимо для сколько-нибудь правильной и прочной колонизаціи“. Въ особенности тяжело въ Каледоніи положеніе освобожденныхъ, не получившихъ концессій (на земельные участки), представляющихъ собою язву колоніи, и коллективно-релегированныхъ, которые въ сущности содержатся въ пожизненномъ заключеніи.

Если ссылка не привела къ благопріятнымъ результатамъ въ Новой Каледоніи, то положеніе дѣла представляется еще менѣе удовлетворительнымъ на о. Сахалинѣ, гдѣ климатъ довольно суровъ, и условія сельскаго хозяйства вообще нельзя назвать благопріятными. При маломъ трудолюбіи ссыльныхъ, при ихъ сравнительно пожиломъ (въ среднемъ) возрастѣ и достаточно истрепанной и истощенной физической организаціи—самостоятельное веденіе сельскаго хозяйства при неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ заключаетъ въ себѣ почти непреодолимые трудности, и, въ общемъ, сельско-хозяйственная колонизація о. Сахалина, по словамъ автора, должна быть признана неудачной.

Что касается Сибири, то организація въ ней поселенія, по наблюденіямъ автора, рѣшительно не имѣетъ значенія цѣлесообразной мѣры не только исправленія преступниковъ, но даже и предупрежденія преступленій. Почти всѣ поселенцы, чуть ли не съ перваго дня по прибытіи въ мѣста причисленій, разбредаются въ разныя стороны для добыванія себѣ легальныхъ или нелегальныхъ средствъ существованія и легко переходятъ въ разрядъ бродягъ и закоренѣлыхъ преступниковъ. Между кореннымъ населеніемъ Сибири и ссыльно-поселенцами, какъ извѣстно, существуетъ глубокая вражда, проявляющаяся нерѣдко въ обоюдныхъ убійствахъ и другихъ преступленіяхъ. При такихъ условіяхъ нечего, конечно, и говорить о возможности исправленія преступниковъ путемъ выселенія ихъ въ Сибирь.

Въ заключеніе авторъ высказывается противъ ссылки на поселеніе, какъ мѣры безразличной, заурядовой, не принимающей во вниманіе различія въ возрастѣ, степени здоровья и силъ, условіяхъ прошлой жизни, навыкахъ, способностяхъ и т. д. Не во всѣхъ случаяхъ, конечно, ссылка должна быть непременно неудачной: ссылка или правильнѣе переселеніе можетъ успѣшно существовать, но только въ качествѣ одного изъ способовъ устройства дальнѣй-

шей судьбы тѣхъ выпущенниковъ изъ долгосрочныхъ тюремъ, которые пожелають того, и которыхъ можно признать пригодными для правильной колонизаціи отдаленной окраины. Многіе недостатки въ современной ссылкѣ могутъ имѣть и временный характеръ, какъ слѣдствіе неудовлетворительной организаціи, но есть причины общія, которыя вытекають изъ самаго принципа ссылки. Это, во-первыхъ—несоотвѣтствіе большинства ссыльныхъ съ предъявляемыми къ нимъ ссылкой требованіями, и, во-вторыхъ—враждебность взаимныхъ отношеній между ссыльными и мѣстными жителями, которая неминуемо будетъ возникать при концентраціи всѣхъ общественныхъ отбросовъ въ одинъ общій отдаленный резервуаръ.

Въ книгѣ г. Дриля есть указаніе и на возможный выходъ изъ современнаго неудовлетворительнаго положенія дѣлъ: это примѣненіе правильной организаціи разнаго рода работъ при каторжныхъ тюрьмахъ или же и внѣ тюрьмы, подобно желѣзнодорожнымъ работамъ, производившимся каторжными Александровской (Иркутской) тюрьмы. Подвижная каторга съ правильной организаціей труда, отчасти обезпечивающей и будущее караемаго,— вотъ средство упорядочить жизнь нашей каторжной тюрьмы (стр. 148).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ темныя краски нашей ссылки, можетъ быть, наложены авторомъ нѣсколько густо, принципиальные недостатки ссылки, какъ мѣры наказанія, не всегда ясно выдѣлены отъ временныхъ или мѣстныхъ неблагоприятныхъ условий, которыя сами по себѣ не представляются еще неустрашимыми. Но, во всякомъ случаѣ, книга г. Дриля совершенно необходима для всякаго, кто желалъ бы познакомиться съ современнымъ состояніемъ ссылки у насъ и во Франціи: въ ней заключается много весьма интересныхъ фактовъ и наблюденій, почерпнутыхъ изъ непосредственной дѣйствительности. Получаемая, на основаніи этихъ данныхъ, мрачная картина нашей ссылки, въ общемъ, несомнѣнно отличается достаточной реальностью и невольно наводитъ на мысль о необходимости существенныхъ реформъ въ организаціи и въ самомъ примѣненіи ссылки, какъ карательной мѣры.

Е. М. Баранцевичъ.—Конокрадство и мѣры противу него въ Россіи. Судебно-бытовой и статистическій очеркъ.—Москва 1898 г. Изданіе журнала „Конская Охота“.

Сущность цитированной книги заключается въ составленномъ г. Баранцевичемъ проектѣ о мѣрахъ къ прекращенію конокрадства и къ успѣшному сыску краденыхъ лошадей; при чемъ самый проектъ состоитъ въ введеніи въ Россіи особой конской паспортной системы, образцы и формы которой приложены къ разсматриваемому очерку.

Нѣтъ сомнѣнія, что конокрадство одно изъ очень большихъ золъ, и это его значеніе обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что при похищеніи лошади, у громаднаго большинства нашего народа, похищается не только извѣстное цѣнное имущество, но похищается самая возможность трудиться и зарабатывать насущный хлѣбъ, такъ какъ безъ лошади нашъ крестьянинъ не можетъ исполнять своихъ основныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Г. Баранцевичъ, какъ намъ кажется, однако нѣсколько преувеличиваетъ это зло, такъ какъ придаетъ особое значеніе такимъ его послѣдствіямъ, которыя свойственны большинству преступленій противъ собственности. Такъ, г. Баранцевичъ находитъ, что масса дѣлъ о конокрадствѣ отвлекаетъ чиновъ полиціи и судебныхъ слѣдователей отъ преслѣдованія другихъ преступленій, что краденая лошадь зачастую отбирается отъ лица, пріобрѣтшаго ее добросовѣстно и невинно поэтому терпящаго ущербъ, что легкость наживы развиваетъ въ конокрадахъ тунеядство и лѣнь,—они бросаютъ семьи, проводятъ время въ питейныхъ домахъ,—что лицо, у котораго похищена лошадь, часто впадаетъ въ нужду, а изъ-за нужды само совершаетъ новое преступленіе и т. п.

Что же касается насимъ до тѣхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію г. Баранцевича, могутъ прекратить конокрадство, то и въ этомъ отношеніи значеніе ихъ нѣсколько преувеличено авторомъ какъ со стороны предполагаемой имъ легкости ихъ осуществленія, такъ и со стороны дѣйствительной ихъ полезности. Авторъ находитъ, что введеніе конской паспортной системы не можетъ быть затруднительно и не потребуетъ правительственныхъ расходовъ,—хотя и считаетъ свой проектъ могущимъ принести пользу лишь при повсемѣстномъ введеніи его во всей Россійской Имперіи безъ всякихъ ограниченій, при чемъ признаетъ на первый случай (?) достаточнымъ (?) произвести однодневную и повсемѣстную перепись

всѣмъ безъ исключенія лошадямъ Имперіи. Нельзя сказать, чтобы подобныя мѣры, если онѣ даже осуществимы, не встрѣтили бы весьма серьезныхъ затрудненій. Далѣе, въ перепись, согласно требованію автора, должны быть включены свѣдѣнія о полѣ, возрастѣ, примѣтахъ, цѣнѣ и происхожденіи (доморощенная или купленная) лошади. Послѣ переписи всѣ списки передаются въ полицію и затѣмъ послѣднія или волостное правленіе, или земская управа выдаютъ каждому лицу на каждую лошадь удостовѣреніе и составляютъ кромѣ того особые списки. При продажѣ лошади удостовѣреніе обмѣнивается на ярлыкъ съ тѣмъ же содержаніемъ, а лицо, купившее лошадь по ярлыку, для послѣдующей продажи обмѣниваетъ этотъ ярлыкъ на новый и т. д.

Подробное изложеніе и разборъ проекта г. Баранцевича потребовали бы много мѣста, но намъ кажется, что и тѣ немногія выдержки, которыя мы привели, достаточно передаютъ сущность этого проекта, который при примѣненіи его на практикѣ, въ виду почти поголовной безграмотности нашего крестьянства и чрезвычайнаго разнообразія мѣстныхъ условій въ нашемъ необъятномъ отечествѣ, едва-ли можетъ рассчитывать на дѣйствительное достиженіе намѣченныхъ авторомъ цѣлей.

С.

Памятная книжка Константиновскаго межеваго института за 1897—98 годъ.—Москва. 1898.

На страницахъ нашего журнала говорилось объ изданной по распоряженію Министра Юстиціи памятной книжкѣ—„Первыя 18 лѣтъ второго столѣтія Константиновскаго межеваго института“, обнимающей періодъ времени съ 1879—80 по 1896—97 учебные годы. Съ непосредственно слѣдующимъ за этимъ періодомъ учебнымъ 1897—98 годомъ знакомитъ вышедшая недавно въ Москвѣ новая памятная книжка института.

Изъ помѣщеннаго въ книжкѣ краткаго отчета о состояніи института за 1897—98 учебный годъ видно, что въ этомъ году институтъ раздѣлялся на три отдѣленія: *общеобразовательное*, учебный курсъ котораго почти соотвѣтствуетъ курсу III—VI классовъ реальныхъ училищъ, *землемѣрное* (I—III курсы), съ среднимъ и *инженерное* (младшій и старшій курсы), съ высшимъ межевымъ образованіемъ. Въ общеобразовательномъ отдѣленіи было 150 воспитанниковъ, въ землемѣрномъ—75 и въ инженерномъ—33. Всего

прошеній о приѣмѣ въ институтъ подано 64 (48 въ общеобразовательныя классы и 16 на I курсъ землемѣрнаго отдѣленія); принято же 39 человѣкъ, при чемъ большая часть безъ экзамена, по свидѣтельствамъ соотвѣствующихъ классовъ реальныхъ училищъ. Окончило курсъ съ званіемъ межевыхъ инженеровъ 9 и безъ этого званія 2.

Изъ принятыхъ за разсматриваемый годъ мѣръ по учебно-воспитательной части института заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія:

6 февраля 1898 года утверждены Министромъ Юстиціи новыя правила объ испытаніяхъ въ институтѣ, которыми введена пятибалльная система оцѣнки знаній воспитанниковъ вмѣсто прежней шестибалльной, съ устраненіемъ стѣснительныхъ формальныхъ условій вывода годовыхъ, экзаменныхъ и окончательныхъ балловъ и предоставленіемъ постановки этихъ балловъ собственному убѣжденію преподавателя, допущено освобожденіе лучшихъ воспитанниковъ общеобразовательныхъ классовъ отъ экзаменовъ, на два старшіе землемѣрные курсы распространена лекціонно-репетиціонная система преподаванія, бывшая прежде въ одномъ инженерномъ отдѣленіи, установлено награжденіе медалями отличнѣйшихъ изъ оканчивающихъ курсъ и педагогическому персоналу института предоставленъ значительный просторъ въ принятіи разныхъ текущихъ мѣръ по учебной части, зависѣвшихъ прежде отъ разрѣшенія Управленія Межевою Частью.

18 марта 1898 года Министромъ Юстиціи утверждены новыя правила оцѣнки поведенія воспитанниковъ баллами, которыми введена пятибалльная система вмѣсто прежней двѣнадцатibalльной, и подтверждено, что баллъ за поведеніе не долженъ быть мѣрой взыскапія и при постановкѣ его не слѣдуетъ обращать вниманіе на оказываемыя воспитанникомъ успѣхи въ наукахъ.

Съ лѣта 1898 года отмѣнены практическія работы для воспитанниковъ I землемѣрнаго курса; работы эти, заключааясь въ самыхъ элементарныхъ приѣмахъ съемки, повторяющихся въ теченіе всего послѣдующаго курса, не имѣли вовсе самостоятельнаго значенія, а отмѣна ихъ, давши институту лишнихъ руководителей, позволила организовать болѣе тщательное руководство работами на старшихъ курсахъ. По поводу послѣднихъ работъ попечителемъ института были преподаны нѣкоторыя указанія, въ которыхъ, между прочимъ, предлагалось исключить изъ работъ всѣ излишнія, вредныя въ учебномъ дѣлѣ подробности, сократить ко-

личество мензульных работъ въ пользу углоѣрныхъ и, для болѣе полного приведенія цѣлей обученія воспитанниковъ работамъ въ соотвѣтствіе съ задачами межеваго вѣдомства, отвести возможно широкое мѣсто практическому обученію процедуръ юридическаго межеванія. Лѣтомъ 1898 года послѣдняя мѣра была приведена въ исполненіе предоставленіемъ воспитанникамъ III землеѣрнаго курса возможности присутствовать при производившемся уѣзднымъ землеѣромъ Московской губерніи возобновленіи межевыхъ знаковъ.

Наконецъ, изъ книжки видно, что съ начала 1897—98 учебнаго года вошли въ силу новыя правила для пріема въ институтъ; про содержаніе этихъ правилъ, однако, ничего не говорится.

По хозяйственной части института слѣдуетъ отмѣтить окончаніе начатаго еще въ 1896 году устройства электрическаго освѣщенія. Въ настоящее время институтъ имѣетъ свою прекрасно устроенную фирмою Кеппена электрическую станцію и съ 11 августа 1898 года уже освѣщается электрическими лампочками. Если принять во вниманіе, что до сихъ поръ институтъ съ его классами, рекреационными залами и дортуарами освѣщали газомъ, быстро уничтожавшимъ кислородъ и дѣлавшимъ воздухъ интерната тяжелымъ и иногда прямо удушливымъ,—нельзя не привѣтствовать это во многихъ отношеніяхъ полезное нововведеніе.

Геодезическій музей, складъ инструментовъ для производства лѣтныхъ практическихъ работъ и учебная коллекція геодезическихъ инструментовъ содержали къ 1 сентября 1898 года 1442 предмета на сумму 50936 р. 79 к. Въ складъ пріобрѣтены, по распоряженію попечителя, поясы, служащіе для предохраненія отъ паденія воспитанниковъ, работающихъ, при геодезическихъ наблюденіяхъ, на высокихъ колокольняхъ.

Въ астрономической обсерваторіи къ тому же сроку состояло 86 инструментовъ на сумму 13406 р. 60 к. Состоящіе на дополнительныхъ курсахъ при институтѣ для усовершенствованія въ геодезии и астрономіи межевые инженеры, подъ руководствомъ астронома института, выполнили лѣтомъ 1898 года интересную въ научномъ отношеніи работу: опредѣленіе долготъ Звенигорода и Можайска, необходимое для изслѣдованія существующаго въ Московской губерніи уклоненія отвѣсныхъ линий; средства для работы составились частью изъ суммъ, ассигнованныхъ совѣтомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, частью изъ суммъ, назначенныхъ, по ходатайству директора, попечителемъ

института; кромѣ того, военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба предоставилъ въ распоряженіе работавшихъ нѣкоторые инструменты, а Главное Управленіе почтъ и телеграфовъ оказало содѣйствіе наблюдателямъ, разрѣшивъ имъ пользоваться необходимыми телеграфными линиями въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ, по часу въ каждую ночь.

Метеорологическая и магнитная обсерваторія института производила наблюденія надъ атмосфернымъ давленіемъ, температурою, влажностью и т. д., дѣлая ежедневно до 8 наблюденій; въ отчетномъ году она приняла участіе въ международныхъ психрометрическихъ наблюденіяхъ, предложенныхъ на Парижской международной конференціи 1896 года; о состояніи погоды въ Москвѣ обсерваторія увѣдомляла ежедневными телеграммами главную физическую обсерваторію въ С.-Петербургѣ и Парижскую обсерваторію.

Въ концѣ учебнаго года воспитанники удостоились чести, по особому распоряженію Августѣйшаго Московскаго генераль-губернатора, присутствовать на торжествѣ открытія памятника Императору Александру II. Во время празднествъ по поводу открытія памятника институтъ посѣтили ихъ высокопревосходительства, статсъ-секретари: Министръ Юстиціи Н. В. Муравьевъ и предсѣдатель Департамента Государственнаго Совѣта Э. В. Фришъ, а также и другія высокопоставленные лица.

Вторую, и даже нѣсколько бѣльшую по объему, чѣмъ первая часть памятной книжки составляютъ приложенія—статьи г.г. преподавателей института, имѣющія большой научный интересъ, а именно: *Г. Н. Шебуева—О вліяніи мѣстныхъ аномалій земной коры на результаты нивелированія; И. А. Иверонова—Триангуляція и съемка города Серпухова и его окрестностей; Н. Н. Веселовскаго—Сравненіе бронзоваго метра, принадлежащаго Константиновскому межевому институту, съ международнымъ метромъ № 28, произведенное въ С.-Петербургѣ въ главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ въ апрѣлѣ 1898 года, и врача института В. Е. Игнатъева—Школьные столы и скамьи.*

Книжкѣ предпослано небольшое *введеніе*, гдѣ кратко очерчивается тотъ путь, по которому шель институтъ, вырабатывая свой особый типъ спеціального заведенія, и проводится вѣрная, на нашъ взглядъ, мысль о необходимости отдѣленія его спеціальныхъ курсовъ отъ обширнаго приготовительнаго курса, который, создав-

пись подь вліаніемъ существовавшихъ въ свое время условій (изъ которыхъ главное—прежній недостатокъ у насъ среднихъ школь), теперь только обременяетъ бюджетъ института, предназначенный на высшее учебное заведеніе. Но намъ кажется нѣсколько односторонней точка зрѣнія, съ которой *введеніе* разсматриваетъ самое содержаніе спеціальнаго курса института. *Главными* предметами этого курса названы геодезія, картографія и практическая астрономія, *основными* предметами—тѣ, на которыхъ покоятся главные разные отдѣлы математики, *вспомогательными*—тѣ, которые уясняютъ тотъ или иной отдѣлъ главныхъ предметовъ: механика, теоретическая астрономія, метеорологія и земной магнетизмъ; и только потомъ уже говорится, что „для цѣлесообразнаго и сознательнаго приложенія геодезическихъ знаній необходимо . . . знать практическія условія ихъ приложенія въ разныхъ случаяхъ, а слѣдовательно надо знать и юридическія нормы укрѣпленія границъ земельной собственности“, что и относится *введеніемъ* къ числу также вспомогательныхъ курсовъ института. Едва-ли, однако, слѣдуетъ такъ умалять значеніе юридической стороны межеваго образованія. Константиновскій межевой институтъ есть прежде всего *межевое* учебное заведеніе, и поэтому юридическія нормы укрѣпленія границъ земельной собственности, т. е. межевыя законы, должны занять, вмѣстѣ съ геодезіей—наукой, дающей способы технического описанія этихъ границъ, господствующее мѣсто въ его курсѣ. Неудовлетворительная постановка у насъ межеванія, являясь слѣдствіемъ разнорѣчиваго, устарѣлаго и сложнаго межеваго законодательства, официально признана еще въ 1863 году, когда состоялось Высочайшее повелѣніе о преобразованіи межевой части, но только въ недавнее время работы по этому преобразованію достигли внесенія въ Государственный Совѣтъ проекта межеваго устава. Такой медленный ходъ дѣла объясняется отчасти недостаточно научной разработкой коренныхъ вопросовъ межеваго законодательства, которая, казалось бы, должна болѣе всего принадлежать Константиновскому межевому институту. При правильной постановкѣ въ немъ преподаванія межевыхъ законовъ, какъ главнаго и основнаго предмета его курса, не имѣли бы мѣста и многія изъ тѣхъ неурядицъ въ межевой практикѣ, которыя объясняются малымъ распространеніемъ среди межевыхъ чиновъ юридическихъ межевыхъ знаній. Ошибочно было бы поэтому институту, какъ единственному въ Россіи высшему межевому учебному заведенію, упускать изъ виду указанную сторо-

ну дѣла, увлекался одной лишь математической частью своего курса.

Вѣдомство учреждений Императрицы Маріи. Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ, за 1896 годъ. С.-ПБ. 1898 г.

Періодическая пресса рѣдко заглядываетъ въ отчеты нашихъ благотворительныхъ учреждений, добросовѣстно рассылаемые по всѣмъ редакціямъ въ видахъ привлеченія общества къ содѣйствію, сочувствію и пожертвованіямъ въ пользу наиболѣе слабыхъ его членовъ, еще не способныхъ къ самостоятельной борьбѣ за существованіе. А между тѣмъ въ отчетахъ этихъ всегда можно найти много интереснаго. Въ нѣдрахъ благотворительныхъ обществъ не все мертво и безгласно, тамъ кипитъ работа, таится внутренняя жизнь, вырабатываются новыя формы благотворительной дѣятельности. Напр., вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ преслѣдуетъ въ настоящее время очень широкія задачи. Оно 1) призрѣваетъ безпріютныхъ младенцевъ; 2) даетъ дневное призрѣніе дѣтямъ, остающимся, во время дневныхъ работъ ихъ родителей или родственниковъ безъ надзора, или лишеннымъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, возможности получить дома первоначальное образованіе и воспитаніе; 3) призрѣваетъ на постоянномъ и полномъ содержаніи круглыхъ сиротъ, полусиротъ и такихъ дѣтей, родители коихъ не имѣютъ средствъ для ихъ воспитанія и обученія, и 4) учреждаетъ и содержитъ ремесленные классы или училища и т. д.

О размѣрахъ благотворительной дѣятельности вѣдомства можно судить по слѣдующимъ даннымъ: къ 1 января 1896 г. подъ вѣдѣніемъ его состояло, кромѣ центральныхъ учреждений, „89 попечительствъ и два благотворительныхъ общества, а въ ихъ вѣдомствѣ находилось 177 учреждений, въ томъ числѣ: 146 дѣтскихъ пріютовъ, сиротскихъ заведеній и яслей, воспитательныхъ домовъ, ремесленныхъ пріютовъ и руководѣльныхъ школъ, 2 школы поварскаго ремесла, 1 школа для приготовленія помощницъ смотрительницъ, 2 больницы, 2 родильныхъ отдѣленія, 1 богадѣльня, 1 центральная бібліотека“ и т. д. Общее число всѣхъ учреждений вѣдомства доходило до 306, а въ теченіе года прибавилось еще 7 новыхъ.

Во всѣхъ заведеніяхъ пріютскаго вѣдомства призрѣвалось 1

января 1897 г. всего 13,117 дѣтей (7,090 приходящихъ и 6,027 пенсіонеровъ) и кромѣ того пользовалось леченіемъ въ Московской дѣтской лечебницѣ въ отчетномъ году 2,575 дѣтей, такъ что вообще попеченіемъ вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ пользовалось въ 1896 году всего 15,712 дѣтей, т. е. противъ 1895 года болѣе на 2,433 дѣтей.

На службѣ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ къ 1 января 1897 года состояло: 1,925 почетныхъ членовъ, 654 почетныхъ старшинъ, 159 попечителей и попечительницъ, 96 помощниковъ и помощницъ ихъ, 140 директоровъ, 27 сотрудниковъ ихъ, 17 чиновниковъ въ канцеляріи по управленію всѣми пріютами и въ канцеляріяхъ двухъ столичныхъ совѣтовъ, 82 дѣлопроизводителя въ попечительствахъ, 3 смотрителя, 132 смотрительницы и 206 помощницъ ихъ. Общее же число всѣхъ служащихъ увеличилось въ 1896 г. съ 3,298 до 3,441, т. е. на 143 лицъ. Если къ этому числу прибавить еще число дѣйствительныхъ членовъ попечительствъ пріютовъ, то общее число служащихъ составитъ около 4,200 лицъ.

Если сравнить общее количество служащихъ съ количествомъ дѣтей, содержащихся въ пріютахъ (6,027), то получится на каждого служащаго около полутора призрѣваемыхъ. Если же присоединить сюда также и 7,090 приходящихъ, то на служащаго придется около 3 дѣтей. Такое отношеніе вполне гарантируетъ неусынность надзора. Общій итогъ расходовъ по вѣдомству за 1896 годъ выразился въ солидной цифрѣ—2,942,586 р. Если разложить эту сумму на число призрѣваемыхъ, какъ пенсіонеровъ, такъ и приходящихъ (за исключеніемъ дѣтей, пользовавшихся только медицинскою помощію въ больницахъ вѣдомства, но не живущихъ въ пріютахъ и не учащихъ въ нихъ), то на каждого призрѣваемаго придется по 223 р. 70 к. съ лишнимъ. Но такъ какъ расходъ на приходящихъ не можетъ быть равнымъ расходу на пенсіонеровъ, то очевидно, что каждый изъ послѣднихъ обходится вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ въ еще болѣе значительную сумму, чѣмъ выведенная нами общая—средняя въ 223 р. Общій приходъ вѣдомства выразился въ суммѣ 3,318,399 р. и превысилъ годовыи расходъ на 372,813 р. Капиталы общества составляли къ концу отчетнаго года 13,310,434 р. Источниками поступленій служили: полученныя отъ государственнаго казначейства 53 т. р., лотереи, увеселенія, подписки пожертвованій взаимнѣ визитовъ, процентныя отчисленія отъ взносовъ за гильдейскія свидѣтельства, субсидіи городскихъ, земскихъ, дворянскихъ, купеческихъ, мѣщанскихъ и

другихъ сословныхъ учреждений, церковныя и кружечныя сборы, пожертвованія по подписнымъ листамъ и сборнымъ книжкамъ, процентныя отчисленія изъ доходовъ отъ производившейся попечительствами пріютовъ продажи игральныхъ картъ, доходы отъ продажи рукодѣлій призрѣваемыхъ дѣтей и т. д., а также ежегодныя взносы почетныхъ членовъ совѣтовъ и попечительствъ и почетныхъ старшинъ пріютовъ.

Изъ правительственныхъ распоряженій, сдѣланныхъ въ отчетномъ году относительно пріютовъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

О запрещеніи женскимъ заведеніямъ вѣдомства изготовлять рукодѣльныя работы для поднесенія Особамъ Императорской Фамиліи, безъ предварительнаго испрошенія на то каждый разъ установленнымъ порядкомъ чрезъ г. Главноуправляющаго Высочайшаго соизволенія Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Теодоровны (7 февраля 1896 года, № 2849), и о необходимости принять за правило при замѣщеніи, на будущее время, открывающихся вакансій административно-хозяйственныхъ должностей съ правами государственной службы и содержаніемъ—возможно обстоятельнѣе удостовѣряться въ томъ, что предназначаемое къ замѣщенію вакансіи лицо не находится въ родствѣ или свойствѣ съ состоящими при заведеніи въ высшихъ должностяхъ лицами (8 ноября 1896 г., № 21454).

Въ жизни вѣдомства отчетный 1896 годъ останется надолго памятнымъ, такъ какъ онъ ознаменовался крупнымъ преобразованиемъ внутренняго управленія вѣдомства—возстановленіемъ упраздненнаго въ 1864 году Комитета Главнаго Попечительства о дѣтскихъ пріютахъ. Въ особой главѣ отчета изложена и любопытная исторія этого учрежденія, съ которой не безынтересно ознакомиться читателямъ.

Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ, имѣющее счастье состоять подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Теодоровны, возникло на основаніи Высочайше утвержденаго Императоромъ Николаемъ I, въ 27 день декабря 1839 г., „Положенія о дѣтскихъ пріютахъ“, которымъ было положено начало правильному развитію въ Россіи учреждений для призрѣнія дѣтей бѣдныхъ родителей.

Благодаря Высочайшему покровительству, а равно сочувствію и содѣйствію, оказанному пріютамъ со стороны всего русскаго общества, дѣятельность этихъ заведеній развилась весьма быстро и успѣшно, и изъ этихъ скромныхъ учреждений скоро образовалось обширное благотворительное вѣдомство, распространившее свои дѣйствія на всю Имперію.

По Положенію 1839 г., для непосредственнаго завѣдванія пріютами были учреждены въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—совѣты, а въ губерніяхъ и уѣздахъ—попечительства; для высшаго же надзора за всѣми пріютами въ Имперіи былъ основанъ въ С.-Петербургѣ „Комитетъ Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ“.

Дѣятельность Комитета была въ высшей степени плодотворна. Въ теченіе 25 лѣтъ, съ 1839 по 1864 г., онъ открылъ 98 пріютовъ, въ коихъ призрѣвалось 10.000 дѣтей.

Между тѣмъ, въ 1864 году, когда, послѣ смерти большинства прежнихъ членовъ Комитета, скончался и послѣдній его предсѣдатель, графъ Блудовъ, выборъ новаго состава Комитета былъ приостановленъ, а затѣмъ, 1 марта 1864 г., состоялось, по всеподданнѣйшему докладу Главноуправляющаго IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, Высочайшее повелѣніе: 1) вакансіи предсѣдателя Комитета не замѣщать; 2) приступить къ составленію соображеній о будущемъ устройствѣ управленія пріютовъ, при чемъ пересмотрѣть дѣйствовавшій для нихъ уставъ, и 3) канцелярію Комитета преобразовать, съ присоединеніемъ къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, а о дѣлахъ Комитета представлять Главноуправляющему IV Отдѣленіемъ.

Засимъ, по Высочайшему повелѣнію 17 мая 1869 г., высшій надзоръ за всѣми пріютами былъ порученъ, вмѣсто прежняго Комитета, Главноуправляющему, при чемъ канцелярія Комитета переименована въ „канцелярію по управленію всѣми дѣтскими пріютами при главноуправляющемъ“.

Этимъ и ограничилось предполагавшееся преобразование Комитета.

Упраздненіе въ 1864 году Комитета Главнаго Попечительства не отразилось благопріятно на дальнѣйшемъ развитіи пріютовъ. Это видно, между прочимъ, изъ сопоставленія числа пріютовъ до 1864 года съ цифрою ихъ за время съ 1864 по 1891 годъ: въ первыя 25 лѣтъ, благодаря неустаннымъ стараніямъ Комитета, возникло 98 пріютовъ, а въ слѣдующее затѣмъ 25-лѣтіе, несмотря на то, что въ это время реформы Императора Александра II открыли широкіе пути къ народному просвѣщенію и распространенію образованія, число пріютовъ увеличилось лишь на 30 заведеній.

Возложеніе на Главноуправляющаго единолично всѣхъ функций и обязанностей цѣлаго коллегіальнаго учрежденія, при огромной массѣ лежащихъ на Главноуправляющемъ другихъ обязанностей, и полное упраздненіе прежняго Комитета, какъ высшаго совѣщательнаго учрежденія, объединявшаго дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ совѣтовъ, попечительствъ и комитетовъ пріютскаго вѣдомства (число коихъ доходитъ до 100), едва-ли было вполне целесообразно, и, какъ впоследствии оказалось, нарушило цѣльность организаци пріютскаго вѣдомства, основанную, главнымъ образомъ, на коллегіальныхъ началахъ. Пріютское вѣдомство есть учрежденіе благотворительное; поэтому и центральный органъ этого вѣдомства является не только административнымъ, но и благотворительнымъ органомъ, а во всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ существованіе коллегіальнаго органа, въ видѣ совѣта, комитета или попечительства, приноситъ несомнѣнно большую пользу, такъ какъ даетъ возможность установить постоянный обмѣнъ мнѣній, знаній и опытности и привлечь къ участию въ дѣятельности этихъ учреждений лицъ, наиболѣе интересующихся ихъ задачами и цѣлями, а равно и представителей не только отдѣльныхъ подвѣдомственныхъ органовъ, но и другихъ учреж-

деній и вѣдомствъ, преслѣдующихъ одинаковыя цѣли или заинтересованныхъ вообще въ развитіи общественной благотворительности.

Съ этой точки зрѣнія, отсутствіе центрального комитета въ такомъ обширномъ и постоянно расширяющемся учрежденіи, какъ вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ, составляло до сихъ поръ существенный пробѣлъ и поэтому возстановленіе Комитета Главнаго Попечительства, какъ высшаго совѣщательнаго учрежденія, хотя и нѣсколько измѣненномъ видѣ, представлялось несомнѣнно желательнымъ, особенно въ виду того, что должно было дать возможность привлечь къ участию въ занятіяхъ Комитета какъ представителей С.-Петербургскаго и Московскаго совѣтовъ дѣтскихъ пріютовъ, центрального и губернскихъ управленій пріютскаго вѣдомства, такъ и представителей другихъ Министерствъ и благотворительныхъ учрежденій.

Въ виду сего, съ предварительнаго соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, г. Главноуправляющій Собственною Ея Императорскаго Величества Канцеларією по учрежденіямъ Императрицы Маріи, въ началѣ 1896 года, входилъ въ сношеніе съ г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода и съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и Земледѣлія, которые уведомили г. Главноуправляющаго, что они вполне согласны на то, чтобы въ составъ Комитета входили представители названныхъ Министерствъ и вѣдомствъ, и чтобы соответственное о семъ постановленіе было включено въ Основныя Начала для дѣятельности Комитета.

Въ виду всего изложеннаго и съ цѣлью возможнаго объединенія интересовъ всѣхъ главнѣйшихъ учреждений, заботящихся о призрѣніи неимущихъ дѣтей и могущихъ содѣйствовать успѣшному развитію и обезпеченію дѣтскихъ пріютовъ, Главное Управленіе вѣдомства учреждений Императрицы Маріи признало желательнымъ возстановить Комитетъ Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ на такихъ основаніяхъ, при коихъ нынѣ дѣйствующее, Высочайше утвержденное 18 іюля 1891 г., Положеніе о пріютахъ остается совершенно безъ измѣненій: Главноуправляющій (согласно § 3 этого Положенія), попрежнему, сохраняетъ за собою вѣренный ему высшій надзоръ за всѣми дѣтскими пріютами и направленіе ихъ дѣятельности къ указанной Положеніемъ благотворительной цѣли, т. е. сохраняетъ всю административную власть, но при Главномъ Управленіи Вѣдомства, и подъ предсѣдательствомъ Главноуправляющаго, возстановляется Комитетъ, въ видѣ совѣщательнаго учрежденія, на нижеизложенныхъ основаніяхъ, согласно коимъ къ обязанностямъ Комитета принадлежитъ: а) разсмотрѣніе, обсужденіе и постановленіе заключеній по всѣмъ вопросамъ и предложеніямъ, вносимымъ на разсмотрѣніе Комитета Главноуправляющимъ, и б) изысканіе и обсужденіе мѣръ и средствъ, какъ для поддержанія, развитія и улучшенія существующихъ въ Россіи дѣтскихъ пріютовъ, такъ и вообще для организаци и обезпеченія возможно правильной и плодотворной постановки дѣла призрѣнія, воспитанія и обученія неимущихъ дѣтей въ Россіи.

Съ предварительнаго разрѣшенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, всѣ означенныя соображенія и проектъ Основныхъ Началъ для дѣятельности Комитета Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ были повергнуты г. Главноуправляющимъ, графомъ Н. А. Протасовымъ-Бахметевымъ, на Высочайшее благовоззрѣніе Ея Императорскаго Величества Государя Императора. Въ 28 день октября 1896 г. Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше со-

изволить на образованіе Комитета Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ и на открытіе его дѣйствій на основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайше утвержденныхъ, въ тотъ же 28 день октября 1896 г., Основныхъ Началахъ для дѣятельности Комитета.

Ознакомленіе съ разнообразною дѣятельностью вѣдомства, поддерживающаго дѣтскіе пріюты на пожертвованія частныхъ лицъ, земскихъ и городскихъ управленій и пр., заставляеть предугадывать дальнѣйшій путь въ развитіи благотворительныхъ учрежденій, ведущихъ свое дѣло на общественныя средства. Успѣхъ такой благотворительной дѣятельности всецѣло зависитъ отъ степени общественнаго сочувствія и участія, а это участіе для того, чтобы быть полнымъ, не должно ограничиваться одною матеріальною стороною. Опытъ Англій съ ея колоссальною благотворительностью показываетъ, что общество тѣмъ болѣе жертвуетъ, чѣмъ активнѣе его участіе въ распредѣленіи пожертвованій. На этой почвѣ стояло Главное Управленіе Вѣдомства Императрицы Маріи, ходатайствуя о возстановленіи коллегіальнаго совѣта при Главноуправляющемъ. Приложенный къ отчету обзоръ дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій вѣдомства показываетъ, что многія изъ нихъ касаются такихъ вопросовъ общественной жизни, которые не могутъ не затрагивать каждою гражданина и для правильнаго рѣшенія которыхъ необходимо участіе всѣхъ живыхъ мѣстныхъ общественныхъ силъ и цѣлыхъ организацій. Напр., Тамбовскій Маріинскій пріютъ поднялъ вопросъ о дальнѣйшей участи сиротъ, выпускаемыхъ изъ пріюта по достиженіи опредѣленнаго возраста. Въ Тулѣ Красноглазенскій пріютъ, расположенный вблизи патроннаго завода, превращенъ въ дневныя ясли, потому что масса женщинъ, работающихъ на заводѣ, оставляють въ пріютѣ на цѣлые дни своихъ дѣтей, которыя иначе оставались бы безъ всякаго призора. Воспитанницы нѣкоторыхъ пріютовъ выдержали экзамены на званіе сельской учительницы и поступили на мѣста въ селахъ. Огромный спросъ на учительницъ съ предстоящимъ введеніемъ всеобщаго образованія, дѣлаеть цѣлесообразнымъ такое преобразование программы, при которомъ пріютскія дѣвочки прямо могли бы подготавливаться къ педагогической дѣятельности въ деревнѣ. Образованіе мальчиковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подгоняется къ требованіямъ низшаго сельско-хозяйственнаго образованія, посредствомъ чего достигается большая обезпеченность воспитанниковъ и въ то же время удовлетворяется потребность страны въ сельско-хозяйственныхъ дѣятеляхъ. Многіе ремесленныя пріюты получили па-

тенты и награды на Нижегородской выставкѣ. Въ Екатеринодарскомъ пріютѣ воспитанницы изучали молочное хозяйство. Въ Одесскомъ преподавалось ткацкое ремесло, въ Томскомъ изготовлялись спичечныя коробки для фабрикъ и т. д. Уже изъ одного этого списка видно, что дѣятельность пріютовъ охватываетъ множество самыхъ широкихъ задачъ, въ разрѣшеніи которыхъ должно содѣйствовать обществу. Можно думать, что въ будущемъ внутренней строй учрежденія видоизмѣнится именно въ томъ направленіи, чтобы сдѣлать общественное участіе въ его дѣятельности болѣе активнымъ и болѣе широкимъ.

И. Гофштеттеръ.

Отчетъ Воронежскаго окружнаго суда за 1897 г. Воронежъ 1898 г. 85 стр.

Настоящій отчетъ по содержанію своему значительно уступаетъ тѣмъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи (см. № 8 за 1898 г. стр. 320). Въ отчетѣ этомъ рисуется картина почти исключительно внѣшней стороны дѣятельности, но каковъ былъ внутренний характеръ дѣятельности, объ этомъ ничего заключить невозможно. Изъ многочисленныхъ таблицъ и цифровыхъ сопоставленій мы узнаемъ лишь о количественномъ движеніи дѣлъ, о распредѣленіи ихъ по отдѣльнымъ видамъ, о соотношеніи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ и вердиктовъ, о числѣ удовлетворенныхъ исковъ и т. д. Несомнѣнно, однако, что и въ этихъ цифрахъ содержится много любопытнаго и цѣннаго матеріала. По уголовному отдѣленію состоялось въ теченіе отчетнаго года всего 307 засѣданій, изъ коихъ 168—судебныхъ. По отдѣльнымъ мѣсяцамъ засѣданія распредѣлялись крайне неравномѣрно: такъ въ апрѣлѣ было 3 засѣданія, въ маѣ—27, въ іюнѣ ни одного. Отсюда можно заключить, что засѣданія назначаются не по мѣрѣ того, какъ дѣла готовы къ слушанію, а въ зависимости и отъ иныхъ причинъ. Точно также и количество рѣшенныхъ дѣлъ не стоитъ въ прямой зависимости отъ числа поступившихъ. Не говоря о томъ, что бывали годы (1886, 1888—1890), когда число рѣшенныхъ превышаетъ число поступившихъ, отчетный годъ является исключительно неблагоприятнымъ по значительному остатку нерѣшенныхъ дѣлъ. Остатокъ этотъ составляетъ около 16% по отношенію къ числу по-

Жур. Мин. Юст. Май 1899.

ступившихъ, между тѣмъ какъ въ предыдущемъ году онъ равнялся 0,5%. Первое мѣсто по числу занимають преступныя посягательства на жизнь и здоровье частныхъ лицъ, второе—преступленія противъ собственности, послѣднее мѣсто—преступленія противъ вѣры. Къ сожалѣнію, указывая общій процентъ осужденныхъ (по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 64,4%, безъ участія—70,1% всего числа подсудимыхъ), отчетъ не расчленяетъ этой цифры по отдѣльнымъ видамъ преступленій. Весьма характерно, что % осужденныхъ присяжными засѣдателями сильно колеблется по отдѣльнымъ уѣздамъ, а именно: отъ 55%—въ Воронежскомъ до 78,3% въ Нижнедѣвицкомъ. Въ связи съ этимъ не лишено значенія то обстоятельство, что изъ числа приглашенныхъ присяжныхъ засѣдателей—по г. Воронежу и Воронежскому уѣзду получили образованіе высшее—9%, среднее 15,2% и низшее—75,8% (очевидно, въ послѣдній разрядъ неправильно включены и тѣ, которые не получили никакого образованія), а по Нижнедѣвицку и Нижнедѣвицкому уѣзду—получившихъ высшее образованіе было 4,5%, столько же со среднимъ образованіемъ и 91% лицъ, получившихъ низшее образованіе.

По рѣшеннымъ дѣламъ состояло подсудимыхъ 564 мужчины и 68 женщинъ; по возрасту осужденные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: до 17 л.—5; до 26—46; до 50 лѣтъ (эту группу слѣдовало бы расчленить) 280; до 70—33 и свыше этого возраста—3 человѣка. Число неграмотныхъ преступниковъ составляетъ 14% общаго числа осужденныхъ, при чемъ не безынтересно отмѣтить, что лишь одинъ изъ осужденныхъ воспитывался въ высшемъ учебномъ заведеніи. Чтобы покончить съ дѣятельностью уголовного отдѣленія, укажемъ еще на значительное количество дѣлъ (28), рѣшенныхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей при закрытыхъ дверяхъ: число это составляетъ около 10% общаго числа такихъ дѣлъ.

Переходя къ дѣятельности гражданскаго отдѣленія, мы и здѣсь, на ряду съ постоянно увеличивающимся количествомъ поступающихъ дѣлъ, должны отмѣтить постепенное за послѣдніе годы увеличеніе остатка неразрѣшенныхъ дѣлъ. Увеличеніе это относится преимущественно насчетъ дѣлъ общаго порядка; по дѣламъ охранительнаго и сокращеннаго порядка число рѣшенныхъ превышаетъ число поступившихъ. Особенно увеличилось производство дѣлъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки съ частныхъ лицъ, обществъ и установленій.

Какъ и во всѣхъ другихъ судахъ, упрощенный порядокъ остался мертворожденнымъ: процентъ поступленія этого рода дѣлъ составляетъ 0,07 по отношенію къ общему числу. Въ качествѣ апелляціонной инстанціи—судомъ утверждено 55% обжалованныхъ рѣшеній уѣздныхъ членовъ, отмѣнено—около 43%—процентъ ненормально высокій. Нельзя не пожалѣть еще о томъ, что отчетъ не приводитъ никакихъ свѣдѣній о числѣ рѣшеній суда, отмѣненныхъ судебной палатой. Распредѣленіе дѣлъ по числу между отдѣльными уѣздными членами отличается крайней неравномѣрностью. Такъ, по Воронежскому уѣзду къ уѣздному члену поступило въ отчетномъ году 307 уголовныхъ дѣлъ и 291 гражданское, по Задонскому—50 уголовныхъ и 53 гражданскихъ.

Отчетъ содержитъ также свѣдѣнія о дѣятельности судебныхъ приставовъ, кандидатовъ на должности по судебному вѣдомству и даже нотаріусовъ, но ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ адвокатурѣ. А между тѣмъ интересно было бы знать, часто ли приходится, вопреки 566 ст. уст. угол. суд., оставлять подсудимыхъ безъ защиты; часто ли обходятся стороны безъ представительства адвокатуры по гражданскимъ дѣламъ и, въ связи съ этимъ, часто ли истцы пользуются правиломъ 719¹ ст. уст. гражд. суд. о разрѣшеніи дѣла въ ихъ отсутствіи.

Но, несомнѣнно, гораздо важнѣе—это отсутствіе какихъ бы то ни было свѣдѣній о тѣхъ юридическихъ положеніяхъ, которыя высказаны судомъ по разсмотрѣннымъ имъ дѣламъ. По дѣламъ общаго собранія отчетъ указываетъ, напр., что „городскому судѣ предписано въ точности соблюдать 205 и 209 ст. пр. 29 дек. 1889 г. Но такъ какъ въ 205 ст. говорится и о порядкѣ объявленія рѣшенія и объ изготовленіи окончательнаго рѣшенія и о запрещеніи отмѣнять и измѣнять собственною властью приговоръ послѣ его объявленія, то не представляется возможности судить, въ чемъ состояло нарушеніе и правильно ли понимаетъ судъ предоставленныя ему функціи надзора надъ городскими судьями. Намъ извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ округахъ судовъ предписываютъ городскимъ судьямъ опредѣленное толкованіе той или другой статьи правилъ 1889 г., что несомнѣнно не входитъ въ компетенцію окружнаго суда. Слѣдуетъ еще упомянуть, что, несмотря на довольно значительное количество кандидатовъ (15) на должности по судебному вѣдомству, никакихъ занятій по составленію рефератовъ, обсужденію возникаю-

щихъ въ практикѣ суда вопросовъ не ведется, судя по отсутствію всякаго упоминанія объ этомъ въ отчетѣ.

Г.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Брандтъ, В. Ф.—Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны.—Ч. 2-я. Иностранные капиталы въ Россіи. Металлургическая и каменноугольная промышленность.—СПб. 99. (Стр. XVII+419).

Годовой отчетъ по русской публичной библіотекѣ въ г. Юрьевѣ.—Съ 1 января 1898 г. по 1 января 1899 г.—Юрьевъ. 99. (Стр. 21).

Комарскій, Ф. С.—Семейный университетъ.—Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый. Вып. II.—СПб. 99. (Стр. 65—96+33—48+1—64+33—80+49—96+1—32+33—64+33—48+33—48+17—48).

Левитовъ, И.—Ближайшія задачи русской промышленности на крайнемъ востокѣ.—СПб. 99. (Стр. 22).

Михневичъ, А. Ф. и Товстолѣсъ, Н. Н.—Практическое руководство къ составленію и совершенію договоровъ.—Вильна. 99. (Стр. IV+250). Ц. 1 р. 50 к.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.—Книга одиннадцатая.—М. 99. (Стр. XIII+509+55). Ц. 3 р.

Очеркъ о дѣятельности Кубанскаго областного тюремнаго комитета и правленія Кубанскаго исправительнаго пріюта и денежный отчетъ за 1898 годъ. Екатеринодаръ. 99. (Стр. 103).

Ильинкевичъ, Н.—О сберегательныхъ кассахъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ (преимущественно для простаго народа).—Замостье. 98. (Стр. 84). Ц. 40 к.

Растеряевъ, Н.—Таможенные законоположенія и правила по Европейской границѣ о привозѣ, отпускѣ, досмотрѣ, перевозѣ, складѣ, очисткѣ пошлиною и выпускѣ товаровъ, со включеніемъ карательныхъ статей за нарушеніе таможенныхъ постановленій.—СПб. 99. (Стр. VII+293). Ц. 2 р.

Рейнгардтъ, Н. В.—Необходимая оборона.—Казань. 98. (Стр. 83).

Урожай 1898 года. II. Яровые хлѣба, картофель, ленъ и конопля. Изд. Центрального Статистическаго Комитета М. В. Д. Статистика Россійской Имперіи. XLVI.—СПб. 99. (Стр. XLIII+413). Съ прил. 10 картограммъ.

**ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПРОЕКТУ СТАТЕЙ ОБЪ АВТОРСКОМЪ
ПРАВѢ НА ЛИТЕРАТУРНЫЯ, МУЗЫКАЛЬНЫЯ И ХУДОЖЕ-
СТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.**

Въ приложеніи къ № 4 „Журнала Министерства Юстиціи“ (Апрѣль 1899 г.) напечатанъ предварительный проектъ статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія съ объясненіями, изданный Редакціонной Коммисіей по составленію проекта Гражданскаго Уложенія. Окончательный проектъ объ авторскомъ правѣ, составленный упомянутой Коммисіей и подписанный ея Предсѣдателемъ Н. И. Стояновскимъ, членами А. А. Книримомъ, П. А. Юреневымъ, Н. А. Туромъ, Г. И. Карницкимъ, К. И. Малышевымъ, Э. Э. Пирвицомъ, А. Ф. Поворинскимъ и дѣлопроизводителемъ Ю. Р. Геитнеромъ, внесенъ Редакціонной Коммисіей 30 декабря 1898 г. въ Государственный Совѣтъ. Наиболѣе существенное отличіе проекта объ авторскомъ правѣ, внесеннаго Редакціонной Коммисіей въ Государственный Совѣтъ, отъ напечатаннаго въ приложеніи къ № 4 „Журнала Министерства Юстиціи“ (Апрѣль 1899 г.) заключается въ томъ:

I. Что въ окончательномъ проектѣ объ авторскомъ правѣ въ концѣ историческаго очерка (стр. 1—12) имѣется слѣдующее добавленіе:

„При составленіи и обсужденіи настоящаго проекта объ авторскомъ правѣ въ Редакціонной Коммисіи по составленію гражданскаго уложенія имѣлись въ виду: 1) проектъ положеній объ авторскомъ правѣ на литературныя произведенія, составленный В. Д. Спасовичемъ и рассмотрѣнный въ Русскомъ Литературномъ Обществѣ (Очеркъ дѣятельности сего общества за 1894—1896 г., изд. 1897 г., стр. 23); 2) проектъ законоположеній объ авторскихъ

правахъ на музыкальныя произведенія, обсужденный въ Главной Дирекціи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества (Жур. Мин. Юст., Октябрь 1898 г.); 3) критическій разборъ нынѣ дѣйствующихъ постановленій о правѣ на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ (прилож. къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. 1), предпринятый особою комиссіею основаннаго въ 1878 г. Викторомъ Гюго Международнаго Литературнаго и Артистическаго Общества—*Association littéraire et artistique internationale*, и 4) замѣчанія на проектъ Редакціонной Коммисіи объ авторскомъ правѣ: а) Императорской Академіи Художествъ и б) *Association littéraire et artistique internationale*, которымъ проектъ въ первоначальной его редакціи былъ препровожденъ на разсмотрѣніе“.

II. Затѣмъ въ окончательномъ проектѣ по вопросу о сущности авторскаго права ¹⁾ указано, что въ средѣ Редакціонной Коммисіи было заявлено (членомъ Коммисіи І. И. Карницкимъ), что лучше нигдѣ не называть авторское право—собственностью (литературною, музыкальною, художественною). Согласно мнѣнію юристовъ, писавшихъ по этому вопросу (стр. 13 и 14), и новѣйшимъ законодательствамъ (Германскіе законы 1870 г.—*Urheberrecht*), авторское право лишено свойствъ, присущихъ праву собственности: нѣтъ матеріальнаго предмета для непосредственнаго воздѣйствія собственника, продолжительность самого права ограничена различными сроками, авторъ не имѣетъ вещнаго иска (виндикаціи), такъ какъ нѣтъ предмета, который могъ бы быть возвращенъ истцу изъ чужаго, незаконнаго владѣнія, а имѣетъ лишь искъ объ убыткахъ за нарушеніе его права.

Съ редакціонной точки зрѣнія для будущаго Гражданскаго Уложенія желательно не давать повода къ смѣшенію юридическихъ понятій отъ употребленія однихъ и тѣхъ же выраженій для опредѣленія различныхъ по ихъ свойствамъ правовыхъ институтовъ. Въ самомъ проектѣ отличается авторское право, какъ таковое, въ смыслѣ исключительнаго права на изданіе, отъ его права собственности на матеріальное произведеніе его творчества (книгу, картину). Поэтому правильнѣе было бы вездѣ, гдѣ говорится о литературной, музыкальной и художественной собственности, замѣнить эти выраженія словами: авторское право на произведеніе литературы, на музыкальное произведеніе, на художественное произведеніе.

¹⁾ Въ объясненіяхъ къ ст. 1 проекта. Прил. къ № 4 Жур. Мин. Юст., стр. 13—18.

Но большинство членовъ Редакціонной Коммисіи высказалось въ пользу признанія авторскаго права, какъ это и выражено въ ст. 1 проекта, правомъ собственности.

III. Далѣе въ окончательномъ проектѣ по вопросу ¹⁾ о переводѣ сочиненій, изданныхъ за-границею, взамѣнъ доводовъ противниковъ свободы переводовъ, приведенныхъ въ предварительномъ проектѣ, напечатаны особыя мнѣнія двухъ членовъ коммисіи П. А. Юренева и I. И. Карницкаго, которые находили, „что устраненіе иностранцевъ отъ пользованія этимъ правомъ въ томъ же объемѣ, въ которомъ оно признается за русскими подданными, и, въ частности, лишеніе иностранцевъ исключительнаго права на переводъ ихъ сочиненій въ Россіи, не оправдываются юридическими началами, на которыхъ основанъ весь проектъ объ авторскомъ правѣ. Если бы въ основу проекта принята была преобладавшая прежде въ законодательствѣ система привилегій, даваемыхъ на печатаніе книгъ, то, конечно, вполне уместно было бы предоставить усмотрѣнію надлежащей власти давать или не давать эту привилегію со связаннымъ съ нею исключительнымъ правомъ на изданіе книги въ подлинникѣ или переводѣ, кому эта власть заблагоразсудить по соображеніямъ, чисто утилитарнымъ. Но разъ, согласно точкѣ зрѣнія, усвоенной всѣми новѣйшими законодательствами, въ томъ числѣ и русскимъ, проектъ стоитъ на почвѣ *права*, пріобрѣтеннаго авторомъ на осуществленіе въ той либо другой формѣ творенія его духовной дѣятельности, при чемъ авторское право признается *правомъ собственности* (стр. 15), то лишеніе этого права иностранцевъ въ Россіи юридически не можетъ быть оправдано. А такъ какъ и право автора дозволять или не дозволять переводъ его сочиненія проектъ считаетъ тѣсно связаннымъ съ авторскимъ правомъ, вытекающимъ изъ него, одною изъ его отраслей (стр. 24, 44, 45), то и это право на переводъ должно считаться входящимъ въ составъ этого особаго рода права собственности. По общему правилу иностранцы въ Россіи лично и по имуществу пользуются общею защитою и покровительствомъ законовъ (т. IX зак. о состоян., ст. 995). Слѣдовательно, иностранцы и относительно пріобрѣтеннаго ими авторскаго права должны пользоваться такою же защитою и покровительствомъ русскихъ законовъ, какъ и по всякимъ инымъ ихъ имущественнымъ правамъ. Этому положенію нисколько не противорѣчитъ несо-

¹⁾ Ibid., къ ст. 16, стр. 57—67.

мнѣнное право государства ограничивать права иностранцевъ на пріобрѣтеніе имущества на Россійской территоріи, ни облагать пошлиною ихъ товары при ввозѣ таковыхъ въ Россію, ни вообще воспрещать имъ въѣздъ въ предѣлы ея. Этимъ отъ иностранцевъ не отнимается уже пріобрѣтенное ими право. Другое дѣло, если, провозглашая принципъ авторскаго права, пріобрѣтеннаго у себя дома иностранцемъ съ момента изданія книги или художественнаго произведенія, законъ отказываетъ имъ въ защитѣ этого права противъ нарушеній. Это представляется вполне аналогичнымъ тому, какъ если бы на пріобрѣтенное за-границею всякое иное имущество законъ дозволялъ безнаказанно посягать и отказывалъ иностранцу въ судебной защитѣ въ предѣлахъ Россіи. Дозволеніе самовольнаго, дароваго пользованія произведеніями чужой умственной дѣятельности, нерѣдко являющейся связанною съ издержками и съ упорнымъ, продолжительнымъ трудомъ, является, очевидно, умаленіемъ не только отвлеченнаго, но и матеріальнаго права автора.

Признаніемъ, такимъ образомъ, что допущеніе самовольныхъ переводовъ иностранныхъ сочиненій въ Россіи и вообще какихъ либо ограниченій авторскаго права, въ обширномъ смыслѣ, принадлежащаго иностранцамъ, было бы нарушеніемъ пріобрѣтенныхъ ими правъ, тѣмъ самымъ устраняются утилитарныя соображенія, клонящіяся къ этимъ ограниченіямъ только потому, что они выгодны для частныхъ лицъ или для общества въ Россіи, ибо никакими соображеніями пользы и выгоды не можетъ быть оправдано нарушеніе чьего бы то ни было права. „Non est jus contra jus“.

Но такъ какъ по вопросу о переводахъ обыкновенно приводятся утилитарныя соображенія и они-то, главнымъ образомъ, вліяютъ на отрицаніе авторскаго права иностранцевъ, то необходимо коснуться и этихъ соображеній.

Далеко еще не доказано и не безспорно въ литературѣ этого вопроса въ послѣднее время (ср. между прочимъ: Ф. Мартенсъ, *Соврем. Междунар. Право* III, II, стр. 108, изд. 1896 г., Пиленко, *Междунар. Литер. Конвенціи*, стр. 511 и слѣд., газета „Новое Время“ 1898 г. № 8169) то положеніе, будто въ Россіи выгодно и полезно для всего общества не охранять авторское право иностранцевъ.

1) Уже одно сознаніе, что для пользы отдѣльныхъ группъ (издателей, переводчиковъ) допускается нарушеніе чужаго права, отразится вредно на общемъ правовомъ сознаніи и будетъ служить нежелательнымъ примѣромъ колебанія юридическихъ началъ.

2) Предоставленіе всякому безпрепятственно переводить сочиненія иностранныхъ авторовъ имѣть послѣдствіемъ появленіе спѣшныхъ, дешевыхъ переводовъ, тѣмъ самымъ исполненныхъ небрежно, искажающихъ литературный вкусъ и слогъ. Это отражается невыгодно и на переводахъ русскихъ авторовъ за-границею (примѣръ, переводы сочиненій гр. Льва Толстаго).

3) Заполненіе журналовъ и изданій переводами вообще невысокаго качества литературы послѣдняго времени никакой пользы обществу не приноситъ, а скорѣе вредно. Притомъ оно не даетъ мѣста въ журналахъ живымъ, творческимъ силамъ молодыхъ авторовъ и отвлекаетъ ихъ отъ самостоятельной литературной дѣятельности.

4) Желаящіе переводить серьезныя научныя сочиненія всегда найдутъ возможность снестись съ авторами, если даже имена ихъ не значатся на книгахъ, ибо въ каждомъ изданіи всегда обозначены названіе и адресъ издателя.

5) Наконецъ, даже матеріальные интересы журналовъ и переводчиковъ отъ признанія авторскаго права на переводы не могутъ чувствительно пострадать, ибо право автора на переводъ ограничивается непродолжительнымъ срокомъ и въ сочиненіяхъ прежняго, но еще недавняго времени найдется не мало неизвѣстнаго и хорошаго литературнаго матеріала, которымъ занимающіеся переводами журналы могутъ воспользоваться.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что вышеизложенныя начала признаются вездѣ, такъ какъ всѣ европейскія государства, кромѣ Россіи, приступили къ Бернской конвенціи, освящающей эти начала.

Признавая, по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, что авторское право иностранцевъ не должно подлежать никакимъ ограниченіямъ, кромѣ лишь тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ справедливаго въ международныхъ отношеніяхъ начала взаимности, и что всѣ вышеизложенныя основанія одинаково примѣнимы не только къ литературной, но равно и къ музыкальной, и художественной собственности, два члена Комисіи полагали: 1) помѣстить послѣ 1 статьи и передъ заглавіемъ—о литературной собственности—статью слѣдующаго содержанія:

Ст. 2. Иностранные подданные пользуются въ Россіи авторскимъ правомъ на основаніи правилъ настоящаго закона по началу взаимности, т. е. лишь поскольку въ той странѣ, подданными которой они состоятъ, русскіе авторы пользуются не меньшими правами, чѣмъ тѣ же иностранные авторы въ ихъ странѣ;

- 2) Въ ст. 2 проекта исключить слова: „въ Россіи“;
- 3) Исключить, какъ излишнюю и несогласную съ выраженнымъ выше началомъ, ст. 16;
- 4) Въ ст. 10 исключить слова: „изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, напечатавшій свое сочиненіе за-границею“, и вмѣсто: „пользуются“—сказать: „пользуется“.

IV. Наконецъ, въ отличіе отъ предварительнаго проекта, редакція статей 2, 6, 8, 22, 33, 34, 36, 40, 45, 47, 49, 51, 52, 57 и 62 измѣнена слѣдующимъ образомъ:

2. Каждый авторъ литературнаго произведенія, изданнаго въ Россіи или находящагося еще въ рукописи, имѣетъ въ продолженіе всей своей жизни исключительное право печатать и вообще размножать его всѣми возможными способами.

Русскіе подданные, напечатавшіе свои сочиненія за-границею, и ихъ правопреемники, хотя-бы они были иностранными подданными, пользуются въ Россіи авторскимъ правомъ на означенныя сочиненія.

Авторское право можетъ быть уступлено авторомъ вполнѣ или въ части по договору другому лицу, а послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ по завѣщанію или закону. Если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ по завѣщанію или закону, то всякій въ правѣ издавать его сочиненіе.

6. Составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, повѣстей и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся только въ изустномъ преданіи, пользуются авторскимъ на нихъ правомъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ со времени ихъ изданія. Въ теченіе этого же срока авторское право принадлежитъ первому издателю древнихъ рукописей; но право это не препятствуетъ другимъ издавать тѣ же рукописи со списка, отличающагося отъ ранѣе изданнаго.

8. Издатель сочиненія, выпущеннаго въ свѣтъ безъ означенія фамилии автора (анонимнаго) или подъ вымышленнымъ именемъ (псевдонимнаго), пользуется авторскимъ на него правомъ въ продолженіе тридцати лѣтъ со времени изданія, если кто-либо не докажетъ своего авторскаго права на это сочиненіе.

22. За отсутствіемъ соглашенія относительно срока изданія литературнаго произведенія, издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ и во всякомъ случаѣ не позднѣе пяти лѣтъ со дня заключенія договора или по-

лученія рукописи, если она передана позднѣе. Если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе пяти лѣтъ, то договоръ, по требованію автора, признается потерявшимъ силу.

33. Въ случаѣ противозаконнаго изданія литературнаго произведенія, самовольно изданные экземпляры сочиненія, а также орудія, изготовленныя исключительно для сего изданія, какъ то: стереотипные шрифты, клише и прочее, по требованію потерпѣвшей стороны подвергаются уничтоженію или передаются ей по оцѣнкѣ въ возмѣщеніе причиненныхъ убытковъ, или же приводятся въ состояніе, негодное къ употребленію, и оставляются у ихъ собственника.

Если изданіе признано противозаконнымъ лишь относительно извѣстной части литературнаго произведенія и эта часть можетъ быть безъ особаго затрудненія отдѣлена отъ остальной, то только указанная часть произведенія подвергается уничтоженію или передачѣ истцу.

Уничтоженію или передачѣ истцу подлежатъ всѣ самовольно изданные экземпляры и орудія, которые окажутся у самовольнаго издателя, книгопродавца, типографщика или иныхъ лицъ, распространявшихъ эти экземпляры, а также ихъ наслѣдниковъ.

34. Искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ правъ собственника литературнаго произведенія, а также требованія, указанныя въ предъидущей статьѣ, могутъ быть предъявлены по усмотрѣнію истца въ порядкѣ гражданскаго или уголовнаго судопроизводства.

36. Право на искъ о нарушеніи авторскаго права погашается за истеченіемъ пятилѣтняго срока давности со времени нарушенія права автора.

Но указанный срокъ давности не примѣняется къ возникающимъ изъ нарушенія авторскаго права искамъ объ отобраніи самовольно изданныхъ экземпляровъ и орудій незаконнаго производства. Подобные иски могутъ быть, въ предѣлахъ срока авторскаго права, предъявляемы, пока существуютъ самовольно изданные экземпляры и орудія, изготовленные для сего производства.

40. Въ полномъ собраніи музыкальныхъ произведеній композиторъ, за отсутствіемъ инаго соглашенія, можетъ помѣстить и такія произведенія, право на изданіе коихъ уступлено имъ другимъ лицамъ, если со времени этой уступки прошло болѣе десяти лѣтъ. Но композиторъ не въ правѣ продавать эти произведенія отдѣльно отъ полного собранія музыкальныхъ произведеній.

45. За отсутствіемъ соглашенія относительно числа изданій или количества экземпляровъ, издатель имѣеть право на изданіе музыкальнаго произведенія, въ теченіе установленнаго закономъ срока авторскаго права, въ неограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

47. Уступка права на изданіе драматическаго, музыкальнаго или музыкально-драматическаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права на публичное его исполненіе, если это не оговорено въ договорѣ.

49. При исполненіи драматическаго, музыкальнаго или музыкально-драматическаго произведенія не допускаются безъ согласія автора измѣненія и сокращенія этихъ произведеній.

51. Правила, изложенныя въ статьяхъ 2—5, 8, 9, 15, 31, 34, 36, 38, 39, 41, примѣняются къ публичному исполненію драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

52. Къ художественной собственности примѣняются статьи 2—5, 7—9, 15, 21, 22, 24—26, 28—36.

57. Собственникъ художественнаго произведенія не обязанъ по требованію художника допускать его къ пользованію этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его.

62. Каждый можетъ производить постройки и сооруженія по опубликованнымъ авторомъ архитектурнымъ, инженернымъ или другимъ техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, если авторъ при самомъ опубликованіи не оговорилъ, что такое право онъ сохраняетъ за собою.

Приобрѣвшій отъ автора техническіе планы, чертежи и рисунки имѣеть право, за отсутствіемъ инаго соглашенія, производить по нимъ постройки и сооруженія.

Во избѣжаніе недоразумѣнія, слѣдуетъ замѣтить, что въ предварительномъ проектѣ въ соображеніяхъ къ ст. 52 (стр. 148 послѣднія пять строкъ снизу) напечатано: „Но за отсутствіемъ особаго условія можетъ имѣть примѣненіе ст. 22 проекта. Ст. 23 проекта, предоставляющая автору, уступившему право на одно изданіе его сочиненія, вновь его издать, послѣ того какъ уступленное имъ изданіе распродано или по истеченіи пяти лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ изданія“, а надлежитъ читать: „Но за отсутствіемъ особаго условія могутъ имѣть примѣненіе ст. 22 и 24. Ст. 23, какъ относящаяся исключительно“.....

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ.

РУССКАЯ ГРУППА ¹⁾.

Протоколъ засѣданія комитета русской группы Международнаго союза криминалистовъ 7 мая 1899 г.

Засѣданіе открыто предѣвателемъ группы И. Я. Фойницкимъ въ 8 ч. вечера, въ составѣ членовъ комитета Д. А. Дриля и А. А. Левенстима.

І. Доложено письмо предѣвателя Курскаго Юридическаго Общества И. М. Тютрюмова отъ 21 апрѣля 1899 г., слѣдующаго содержанія: „М. Г. Иванъ Яковлевичъ,—Въ концѣ настоящаго года предположено созвать 2-й съѣздъ русской группы междуна-роднаго союза криминалистовъ, для котораго комитетомъ намѣчены три вопроса: объ условномъ досрочномъ освобожденіи, о ссылкѣ и о мѣрахъ борьбы съ случайною преступностью. Курское Юри-дическое Общество, выслушавъ въ засѣданіи 7 апрѣля с. г. докладъ мой о имѣющемъ быть въ концѣ года съѣздѣ криминалистовъ и вопросахъ, намѣченныхъ для него, согласно предложенію моему, признало крайне желательнымъ внесеніе на обсужденіе еще одного вопроса, имѣющаго важное прагматическое значеніе, а именно во-проса о необходимости изданія у насъ особыхъ законодательныхъ постановленій, въ видахъ огражденія интересовъ малолѣтнихъ.

---

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. 1899 г., Апрѣль, стр. 353; Февраль (приложеніе); 1898 г., Декабрь, стр. 435; Май, стр. 327; 1897 г., Декабрь, стр. 341.

Обсужденіе этого вопроса на сѣздѣ могло бы способствовать скорѣйшему изданію у насъ такихъ законодательныхъ постановленій, и хотя съ нѣкоторыхъ сторонъ вопросъ этотъ подлежитъ обсужденію имѣющаго быть въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Будапештѣ сѣзда, но постановленія послѣдняго могутъ служить только цѣннымъ матеріаломъ для изданія подобныхъ законодательныхъ постановленій въ нашемъ отечествѣ. Необходимость изданія у насъ этихъ постановленій, подобно законамъ бельгійскому или послѣднему французскому отъ 19 апрѣля 1898 г., является вполне очевидной, такъ какъ на практикѣ выяснилось, что, благодаря недостаточности нашего законодательства, существующія у насъ общества защиты дѣтей, несмотря на наличность нарушеній дѣтскихъ интересовъ, не могутъ всегда оказывать необходимую защиту малолѣтнимъ, страдающимъ отъ жестокости или развращенности. Курское Юридическое Общество взяло на себя инициативу учрежденія въ Курскѣ общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія и вреднаго нравственнаго вліянія. Составленный мною и одобренный обществомъ проектъ устава его находится уже на разсмотрѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Но Юридическое Общество сознаетъ, что дѣятельность общества защиты дѣтей будетъ въ значительной степени парализована недостаточностью и неудовлетворительностью дѣйствующаго законодательства о защитѣ интересовъ малолѣтнихъ. Поэтому, Юридическое Общество постановило: ходатайствовать предъ комитетомъ русской группы международного союза криминалистовъ о томъ, чтобы означенный вопросъ былъ внесенъ комитетомъ на разрѣшеніе имѣющаго быть въ концѣ года 2 сѣзда.—Исполняя это постановленіе Юридическаго Общества, я считаю долгомъ прибавить, что, въ случаѣ удовлетворенія комитетомъ этого ходатайства, я съ большою готовностью взялъ бы на себя трудъ представленія будущему сѣзду доклада по возбужденному Юридическимъ Обществомъ вопросу. Примите“ и пр..

Комитетъ, съ искреннимъ удовольствіемъ выслушавъ означенныя постановленія Курскаго Юридическаго Общества и предложеніе И. М. Тютрюмова, въ виду огромной общественной важности возбужденнаго вопроса, многочисленными сторонами своими соприкасающагося съ программю дѣятельности и задачами русской группы международного союза криминалистовъ, единогласно постановилъ:

- 1) дополнить программу предложеннаго въ концѣ текущаго

года 2-го съезда русской группы криминалистов вопросом „о необходимости изданія особыхъ законодательныхъ постановленій въ видахъ огражденія интересовъ малолѣтнихъ“;

2) возложить представленіе комитету къ 1 сего сентября доклада по означенному вопросу на И. М. Тютрюмова;

3) просить, пропечатаніемъ сего постановленія, С.-Петербургское и инья отечественныя общества защиты дѣтей, а равно отечественныя юридическія общества, примкнуть къ работамъ комитета по настоящему вопросу, какъ приготовленіемъ и представленіемъ комитету къ тому же сроку докладовъ по нему, такъ и участіемъ въ предполагаемомъ 2 съездѣ группы. Особыхъ извѣщеній о состоявшемся постановленіи, по принятому комитетомъ порядку, не будетъ.

II. Имѣя затѣмъ въ виду, что, за состоявшимся 6 мая Высочайшимъ повелѣніемъ о ссылкѣ, предложенной для 2-го съезда вопросъ о ссылкѣ долженъ отпасть, постановили: означенный вопросъ изъ программы 2-го съезда исключить.

III. Члены союза И. Я. Фойницкій и Д. А. Дриль предлагаютъ въ члены русской группы международнаго союза Валеріана Николаевича *Ширяева*, магистранта уголовного права, жительствующаго въ Ярославлѣ, и Льва Абрамовича *Куперника*, присяж. повѣр. въ г. Кіевѣ, по предложенію Тальберга и Дриля. Постановили: принять г. Ширяева и Куперника и представить ихъ центральному комитету.

Засѣданіе закрыто въ 10 час. вечера.

Предсѣдатель группы И. Фойницкій.

Члены комитета: Д. Дриль.

А. Левенстимъ.

Въ виду вышеизложеннаго постановленія комитета (п. I протокола), предсѣдатель группы, препровождая при семъ экземпляръ его, покорнѣйше просить отечественныя юридическія общества и общества защиты дѣтей, пожелающія откликнуться на призывъ

комитета, заявленія и труды свои присылать предѣдателю или одному изъ членовъ комитета, по слѣдующимъ адресамъ:

- И. Я. Фойницкій—Кабинетская, 2, Спб.
С. А. Муромцевъ—Москва, собственный д.
А. К. Вульфертъ—Кирочная, 48, Спб.
В. Ф. Дерюжинскій—Знаменская, 43, Спб.
Д. А. Дриль—Знаменская, 30, Спб.
А. А. Левенстимъ—Гагаринская, 12, Спб.
В. В. Миклашевскій—Варшава.
И. М. Тютрюмовъ—Курскъ.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Императорскаго Александровскаго Лицея.

Въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ въ Пушкинскомъ Музеѣ и библіотекѣ (сущ. съ 1879 г.) собраны нѣкоторые предметы, принадлежавшіе Александру Сергѣевичу Пушкину, его автографы, изданія его сочиненій и, вообще, различныя воспоминанія о Великомъ Русскомъ Національномъ Поэтѣ, а также и литература объ немъ и его произведеніяхъ, какъ русская, такъ и иностранная.

Приближающаяся годовщина дня рожденія Александра Сергѣевича вызвала и вызоветъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ статьи, посвященныя памяти Великаго Поэта и касающіяся какъ его жизни, такъ и литературной дѣятельности. Не только содержаніе этихъ статей, но и самый фактъ всеобщаго чествованія памяти Александра Сергѣевича имѣетъ значеніе для исторической оцѣнки его.

Императорскій Александровскій Лицей желалъ бы имѣть въ Пушкинскомъ Музеѣ по возможности все, относящееся до Великаго Поэта, и надѣется, что широкіе круги русскаго интеллигентнаго общества откликнутся на этотъ призывъ къ пополненію и къ поддержанію на должной высотѣ единственнаго въ Россіи Пушкинскаго Музея.

Собраніе всѣхъ періодическихъ изданій, всѣхъ номеровъ газетъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, издаваемыхъ не только на русскомъ, но и иностранныхъ языкахъ, гдѣ помѣщено что-либо о Пушкинѣ,—не по силамъ одному учрежденію, и осуществленіе этой мысли возможно только при содѣйствіи самихъ редакцій. Разсчитывая на благосклонное сочувствіе ихъ, Лицей обращается ко всѣмъ редакціямъ повременныхъ изданій съ просьбой о доставленіи въ Лицейскій Пушкинскій Музей и библіотеку (Пушкиниана) по возможности всѣхъ номеровъ газетъ и журналовъ,

гдѣ помѣщено что-либо, касающееся Александра Сергѣевича Пушкина.

Для руководства жертвователямъ позволяемъ себѣ помѣстить планъ устройства Пушкинскаго Музея и библиотеки (Пушкиниана):

Отдѣлъ I: Автографы и снимки съ нихъ, рисунки самого Пушкина, документальныя данныя частныя и официальныя, касающіяся жизни и литературной дѣятельности поэта—въ оригиналахъ или старинныхъ копіяхъ.—II. Предметы, принадлежавшіе А. С. Пушкину и посвященные его памяти.—III. Портреты А. С. Пушкина (оригиналы, копіи, гравюры и т. д.), сцены изъ его жизни, виды мѣстностей, связанныхъ съ именемъ Поэта, рисунки къ его сочиненіямъ и т. п.—IV. Полныя собранія сочиненій А. С. Пушкина, отдѣльно вышедшія сочиненія, изданія самого Пушкина.—V. Альманахи, сборники, повременныя и періодическія изданія (на русскомъ языкѣ), заключающіе въ себѣ сочиненія А. С. Пушкина, біографическія, критическія и бібліографическія статьи объ немъ, стихотворенія, посвященныя его памяти, статьи о торжествахъ въ честь Пушкина и о подготовкѣ къ таковымъ и т. д.—VI. Сочиненія на русскомъ языкѣ, вышедшія отдѣльно, цѣликомъ или частями, посвященныя Пушкину: біографія, критика, бібліографія, юбилейныя изданія и т. п.—VII. Отраженіе А. С. Пушкина въ музыкѣ и театральномъ искусствѣ: ноты, либретто оперъ, балетовъ, драмъ, комедій и т. п., передѣланныхъ изъ его произведеній.—VIII. Переводы и передѣлки сочиненій А. С. Пушкина и статьи о немъ всевозможнаго содержанія на иностранныхъ языкахъ.—IX. Сочиненія и статьи, касающіяся исторіи Императорскаго Александровскаго Лицея (бывш. Царскосельскаго) и Лицейстовъ 1-го выпуска (товарищей А. С. Пушкина).

Не только всякія пожертвованія, но и малѣйшія указанія, касающіяся жизни и дѣятельности Александра Сергѣевича Пушкина, будутъ приняты съ глубокой благодарностью.

Директоръ Императорскаго Александровскаго Лицея

Генераль-лейтенантъ *Фельдманъ*.

СП6ГД

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

въ 1899 году выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1899 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. За-границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложений по 1 рублю, съ приложениями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленные при Университетахъ для приготовления къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣднія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ.—при подпискѣ въ Главной конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

За перемѣну адреса уплачивается 1 рубль.

главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линия, д. 28.

Отдѣленія конторы въ книжныхъ магазинахъ:

Въ СПбургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. угол. Б. Садовой № 50—15. 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; 3) «Новое Время» А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преименіе А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазины Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ «Издатель» Невскій 68/40; 7) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: 1) И. П. Анисимова, Никольская улица, домъ Заиконоспасскаго монастыря; 2) Книжный магазинъ Русской Мысли, Б. Никитская.

Въ Кіевѣ: 1) Н. Я. Оглоблина, Брешативъ 33; 2) И. А. Розова, Крещативъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: 1) Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 67; 2) въ „С.-Петербургскомъ Книжномъ складѣ“, Новый Свѣтъ, 24.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Рослопова, Дерибасовская, домъ Ведде.

Въ Харьковѣ: Ф. А. Югансона, Московская, домъ Коптьева.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассаажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостиный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

СП6ГУ

С176ГУ

СПбГУ

00063825

ЮФ СПбГУ

